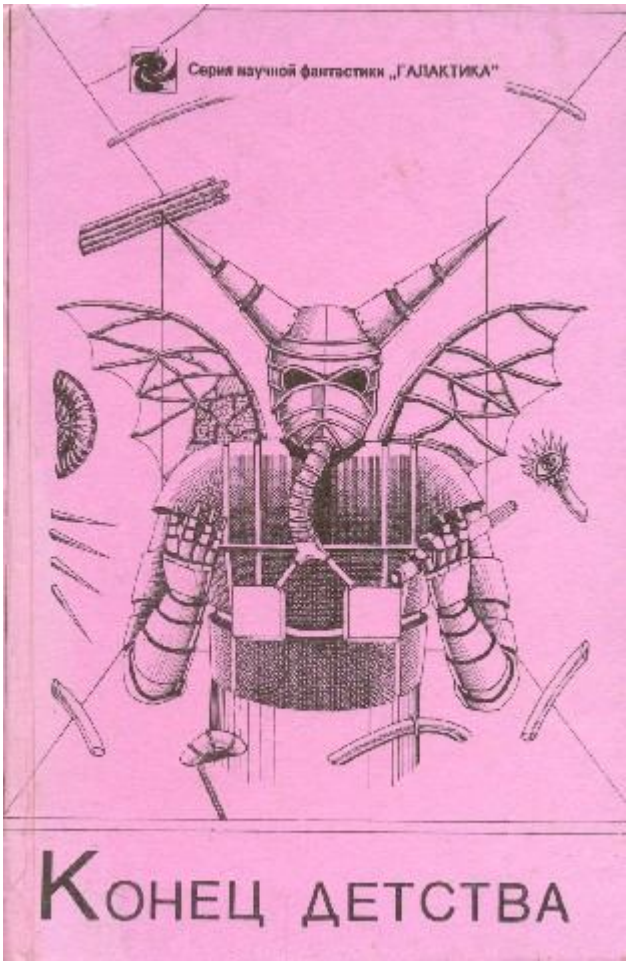
Антология
Конец детства



«Конец детства»: “Университетское” - “ЭРИДАН”; Минск; 1991
ISBN 5–7855–0458–8

Аннотация

В антологию включены произведения писателей фантастов разных стран - знаменитый роман А. Кларка “Конец детства” повести и рассказы К. Саймака, В. Головачева и др.

Антология
КОНЕЦ ДЕТСТВА

ЧЕЛОВЕК ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ

По ночам, когда в тумане
Звезды в небе время ткут,
Я ловлю разрывы ткани
В вечном кружеве минут.
М. Волошин

На протяжении всей своей тысячелетней истории человечество задумывалось над “проклятыми” вопросами. Среди них, как геркулесовы столпы, высятся два главных: КТО МЫ и ЗАЧЕМ ЖИВЕМ? И сегодня, как тысячи лет назад, мы бессильно опускаем руки перед неприступностью этих скал, а в душу закрадываются отчаяние и страх: неужели никогда не узнаем ответ?

Зачем так мрачно, скажут оптимисты. Разве наука, философия не приблизили нас к истине? Возможно. Но ведь все равно сегодня она так же далека от нас, как далека от быстроногого Ахилла уползающая черепаха Зенона Элейского.

Сегодня мы многое переосмысливаем. Происходит переоценка ценностей. Нам открывается весь трагизм происшедшей деформации нашего сознания, нашей морали. Приходит запоздавшее на многие годы прозрение: не бодрая поступь шагающих под барабанную дробь колонн должна была быть в центре внимания, а страдание и боль одинокого человека; не “советских собственную гордость” за гигантские “стройки века” должны были мы ощущать, а свою принадлежность к роду человеческому и вину за то, что сотворили с природой. Пусть это не покажется читателю отвлечением от предмета наших рассуждений, т. е. очередного сборника научной фантастики. Связь здесь — самая непосредственная.

Особенностью современной научной фантастики является не столько обращение к традиционным “проклятым” вопросам, которыми занималась и занимается реалистическая литература, сколько обнаружение и выявление, определение и описание новых, порожденных социальным прогрессом. Это вопросы экологические и демографические, политико-экономические, проблемы, связанные с НТР, выводящие на космос, создание искусственного интеллекта и т. д. и т. п. Значительная часть встающих перед человечеством проблем порождается развитием технологической цивилизации, с чем связано и немалое число отрицательных явлений.

Конечно, задача научной фантастики — не только предвидеть развитие общества, новое в человеческих отношениях. Она отражает действительность специфическими средствами, и в этом ее задачи не отличаются от задач других литературных жанров. Но все-таки главная ценность фантастики в том, что она анализирует общество с упреждением. Хрестоматийный пример. Р. Мерль в романе “Разумное животное” (1967 г.) создал узнаваемый портрет Рональда Рейгана и предсказал, что он будет президентом США. Курт Воннегут в романе “Бойня № 5” изобразил бомбардировку англо-американской авиацией Дрездена. Герой романа Билли Пилигрим, видевший это, через три года после войны сходит с ума. Как тут не вспомнить печально известного американского пилота Клода Изерли, также помешавшегося после бомбардировки Хиросимы.

А сколько проблем, забот нашей сегодняшней жизни предсказали фантасты! Вот лишь некоторые из них: потребительство, спекуляция на здоровье людей, появление небезопасных медицинских и химических препаратов, проблемы генной инженерии, непредсказуемых изменений человеческой личности, последствия непродуманного вторжения в природу и др.

Сама тенденция отхода фантастики от чисто научных проблем и смещение интереса в сторону человека усиливает ее эстетическую значимость. Со времен Жюля Верна фантастика изображала как подвиг покорение человеком природы (вспомним романы Г. Адамова “Победители недр”, “Изгнание владыки”). Сегодня фантастика предостерегает против бездумного пользования природой. Она не просто провозглашает мирное сосуществование, сохранение, но и помощь человека природе. И здесь литература имеет приоритет перед наукой.

Рассматривая взаимоотношения человека с человеком, человека с обществом, НФ предлагает различные модели урегулирования этих взаимоотношений. Иногда они предельно просты, как в рассказе Дж. Кристофера “Равносильно смерти”. Его действие происходит в XXII веке. Герой рассказа совершает преступление, типичное для Америки середины XX века, — убивает жену, ее любовника, а заодно еще 78 человек, находившихся вместе с ними в космическом корабле. Электронный судья и живые присяжные применяют к

нему самое суровое наказание (смертная казнь отменена) — отправляют в прошлое.

В сатирическом тоне автор утверждает: Америка эпохи маккартизма и “охоты на ведьм”- вот то место и время, которое подходит человеку, совершившему столь тяжкое преступление. Жизнь в подобном обществе равносильна смерти.

Иногда такие модели более “изощренны”, как в рассказе П. Проспери “Последнее желание”. Уничтожая неугодных людей “ради блага самого общества”, “правосудие” заключает приговоренного в тело другого человека, в котором ему суждено умереть. Но, будучи “гуманным”, оно дарует приговоренному последнее желание, и тот умирает в теле Великого человека. “Когда системе надо устранить человека, ей неважно, как он умрет. Главное, чтобы он исчез”. Зловещая аналогия!

Активно развиваемые в фантастике гипотезы существования иных форм жизни, разума оказывают воздействие и на развитие человеческой цивилизации, стимулируют ее духовный прогресс, осознание уникальности самого человека, ценности такого его качества, как гуманизм. На смену принципу антропоцентризма приходит антропокосмизм — понимание того, что человек есть составная — органичная и активная — часть Вселенной. А раз возможен различный разум, уже не кажется крамольной мысль о том, что возможен универсальный гуманизм (т. е. взгляд на самоценность разума с точки зрения различных форм разумной жизни). Как не кажется сегодня крамольной идея о приоритете общечеловеческих ценностей, интересов над интересами отдельных классов, слоев и групп или мысль о том, что на ядерный удар можно не ответить ядерным ударом.

Фантастика внушает уверенность в том, что необходима новая, “космическая” этика, главным принципом которой было бы благоговение перед жизнью и ее высшим проявлением — разумом; необходима новая, “космическая” эстетика, критически пересмотревшая некоторые свои традиционные категории — например, отношение к “уродливым” (с нашей теперешней точки зрения) формам жизни.

В романе У. Котцвинкла “Ип, инопланетянин, и его приключения на Земле” внешне уродливый инопланетянин является на редкость добрым существом, и первыми это поняли не взрослые, а дети. (Вообще интересна сама по себе разработка в фантастике проблемы взаимоотношений взрослых и детей: жестокие взрослые и добрые дети — например, роман Котцвинкла, добрые взрослые и жестокие дети — например, рассказы Р.Брэдбери “Вельд”, “Урочный час”.) Во включенном в сборник рассказе М. Кинга “На берегу” маленькое доброе существо Пэрни, обладающее удивительной способностью изменять время, гибнет по вине землян. Последнее, что видит Пэрни, — написанное на флаге колонистов имя дельца Форбса. Таким образом тот “застолбил” планету. “На каждом моем флаге написано слово “Форбс”, которое является символом прогресса”, — гордо заявляет землянин. Грустно, если такой “прогресс” станет предметом экспорта на другие планеты.

Проблема относительности человеческих понятий и представлений волнует писателей-фантастов давно — еще со времен Свифта, который в “Путешествии Гулливера” развивал эти идеи Локка. Относительны и “незыблемые” понятия красоты, силы, храбрости, доброты. Как человеку трудно свыкнуться с мыслью об относительности этих представлений, хорошо показано в романе С. Павлова “Лунная радуга”. Космонавты, которые в результате жизни и работы в космосе приобрели различные “экзотические” свойства, не характерные для обычных людей, никак не могут “вписаться” в людское сообщество, их даже преследуют. В сатирическом рассказе П. Лагерквиста “Лифт в преисподнюю” человеческие представления вообще “перевернуты”. Ведомство дьявола, модернизировавшись (или, как мы сейчас сказали бы, перестроившись), решило сделать более “человечным” отношение к своим “клиентам”: их теперь подвергают не физическим пыткам, а “только” душевным.

С древних времен человек привык одушевлять непонятные ему явления и предметы, наделять их привычными, знакомыми качествами, чертами. И сегодня в грозных силах природы, неизученных еще процессах, могучей, внушающей иногда даже первобытный страх технике он отыскивает близкое, понятное, то, от чего можно оттолкнуться при их осмыслении. Экспериментальные исследования показали, что программисты, те, кто имеет

дело с вычислительной техникой, так или иначе отождествляют ее с личностью человека, находя те или иные черты характера (мягкость, упрямство и т. д.), другие свойства живых существ. На этой особенности человеческой психологии построены многие НФ-произведения.

Ситуация, описанная в рассказе Ф. Брауна “Немного зелени”, не столь уж фантастична. Разбивается космический корабль, и космонавт, потеряв счет времени, проводит на чужой планете тридцать лет. И все это время на его плече сидит маленькое существо Дороти, помогая ему выжить. Но вот прилетает другой корабль, и его пилот сообщает Макгэрри правду: на его плече никого нет. Да, иногда воображаемое для человека более реально, чем действительность. И Макгэрри предпочитает убить своего спасителя и лишиться надежды вернуться на родину, но не потерять то, во что он верил долгие годы…

Множество НФ-сюжетов основаны на драматических ситуациях, возникающих в ходе научного эксперимента, особенно, если при этом происходит что-то непредвиденное. Яркий и страшный пример — Чернобыль. В.Головачев в своей повести “Над миром” отталкивается от идеи, которая занимает сейчас умы ученых, — о том, что на Земле сосуществует ряд (или даже множество) цивилизаций. И при проведении каких-то научных экспериментов может произойти вторжение одного мира в другой. Может быть, пресловутые полтергейст, НЛО и являются примером такого соприкосновения. В повести речь идет, судя по всему, о каком-то эксперименте со временем. Он выходит из-под контроля “у них”, и перед людьми встает масса проблем. В сущности, возникает угроза человечеству. Поведение людей в экстремальной ситуации и описывает В.Головачев, это является, безусловно, самым интересным и сильным в повести. И делает это автор в подчеркнуто реалистических тонах, явно имея в виду все тот же Чернобыль…

Центральное произведение сборника — ранний роман А. Кларка “Конец детства”. Пришельцы, могучие и добрые, имеют вид… традиционных христианских чертей (еще один хитроумно закрученный узел в сюжете), но они оказываются всего лишь слугами у Сверхразума. Утопия постепенно перерастает в антиутопию, в трагедию. Действие разворачивается с беспощадной логичностью: человеческий разум, переходя на более высокий уровень, полностью отрицает человека (конфликт “отцов и детей” доведен до предела), вплоть до уничтожения самой родительской планеты. Новая раса людей, став космическими существами в буквальном смысле слова, осваивает космос уже без помощи техники, только силой мысли. И хотя тут нам вспоминаются пророчества нашего великого соотечественника Циолковского о “кочующем” человечестве, о его превращении в лучистую энергию, утверждение о том, что новый человек порвет всякую связь с родной планетой, нами принимается с трудом. Ведь Сверхразум должен быть добр (хотя тут и возможен философский спор на тему “что есть добро?”, особенно в космическом понимании этого слова). Чем же тогда должен — или может — заниматься Сверхразум? Ведь добро — категория этическая, категория “живой этики”.

В конце концов, только безумец или, говоря без эмоций, нерачительный хозяин способен уничтожить инкубатор после выведения всего одного поколения цыплят (или орлят, если угодно). Впрочем, человечество пока так и поступает с природой. А.Кларк высказывает еретическую, без всякого сомнения, в настоящее время мысль о том, что “космос — не для человека”. Этим он как бы оправдывает трансформацию человечества во что-то неизвестное (“бесчувственное”?), хотя и невероятно могучее. Успокоим себя тем, что пока это только предположение…

Надо полагать, что человек все-таки выйдет к звездам в своем нынешнем облике, и научно-технический прогресс здесь сыграет решающую роль. Произойдет то, что уже отчасти начало происходить: с помощью новых приборов люди глубже познают себя, свои возможности — и физические, и духовные. Человек получит возможность путешествовать в космосе без космических кораблей, расселяться на других планетах, у других звезд — и останется человеком. Об этом и говорит К. Саймак в повести “Нет ничего проще времени”.

С помощью “звездной машины” люди, вернее, их разум, посещают планеты,

расположенные за тысячи световых лет от Земли. Но “звездная машина” может работать только при условии способности к телепатии, телекинезу… И посещение других миров, контакты с иными разумными существами (“Розовый” и то страшное, непонятное, что насмерть напугало Финна) дали людям возможность передвигаться в космосе без всякой техники. И снова возникает острый конфликт “отцов и детей”, старого и нового. Людей с экстрасенсорными способностями начинают преследовать, как преследовали и уничтожали в средние века. Особую роль в этом играет космическая монополия “Фишхук”. Она “делает деньги” на информации, добываемой с помощью “звездной машины”. Неплохими изобретениями в повести являются “мясные овощи”, или тот же картофель, в котором протеинов больше, чем в мясе, или лекарство “гобатиан”, способное заново слепить разодранное тело, способствуя полной регенерации тканей. В общенаучном отношении это прекрасные ориентиры для ученых, биологов и медиков. “Изобретательский опыт” Ж. Верна, Г. Уэллса и А. Беляева уже стал хрестоматийным.

Каким бы образом (или способом) ни вышел человек в космос, следом встанет вторая проблема, даже целый комплекс проблем: контакт с иными формами жизни, и в первую очередь иными разумными существами, цели посещения иных планет. У К.Саймака герои часто просто бегут с Земли на другие планеты, потому что Земля становится неуютной, неспособной справиться с социальными конфликтами (“Кольцо вокруг Солнца”, “Город”). Но в НФ космические экспедиции часто преследуют завоевательские, освоительно-колонизаторские цели. Откровенным аналогом таких произведений выступают старые “морские романы”, романы приключений и путешествий. К этому списку примыкают рассказ К.Саймака “Ветер чужого мира”, а также уже упоминавшийся нами рассказ М. Кинга “На берегу”.

У К. Саймака, быть может, срабатывает еще чисто “американское умение” легко сняться с места ради переселения в места с более выгодной работой, условиями жизни. Америка когда-то заселялась выходцами из Европы, людьми именно такой психологической хватки. Теперь “переселенческая психология” распространяется на космос, оживляя НФ динамичными и острыми сюжетами.

Писатели-фантасты составили уже богатейшую библиотеку-реестр того, что может встретиться людям на других планетах. Это — иные биологические и физико-химические системы, весьма своеобразные формы жизни. Такого рода литературу пора уже сводить в своеобразные учебные циклы для космонавтов, коль скоро речь зашла о подготовке первого полета человека на Марс.

Научная фантастика, утвердившись как особый жанр литературы, экстраполирует, заимствует понятия, характеристики, аналогии, присущие реалистической, научной литературе. Это дает ей возможность перебросить мосты через время и пространство, раздвинуть границы познания. Почему так впечатляет сюрреализм (фантастика) Босха, Брейгеля, Дали? Только потому, что она включает в себя реалии. Рассказ Дж. Болларда “Утонувший великан” напоминает сюрреалистические полотна реалистичностью деталей и ирреальностью картины в целом. Удивительное событие воспринимается людьми совершенно буднично и прозаично. Рассказ заставляет задуматься и ужаснуться: неужели мы и впрямь ленивы и нелюбопытны? Не хочется верить… В эпоху расцвета технической культуры фантастика стремится найти ответы на простые человеческие вопросы, разрешить возникающие затруднения. Давая возможность оценить альтернативы, варианты возможного и невозможного будущего, она помогает человеку принимать жизненно важные решения.

Отмечая достижения научной фантастики как полноправного жанра литературы, многие исследователи склонны считать, что, придавая художественную форму научным прогнозам, утопии, НФ все же не отражает жизнь во всех ее противоречиях, не дает столкновения характеров во всем их многообразии. Если говорить о фантастике в целом, видимо, это действительно так. Более того, определенная часть фантастической литературы, как и утопия, носит наркотический характер, пытаясь компенсировать столкновения с жестокой действительностью. Многие писатели не мирятся с этим и создают антиутопии (Е.

Замятин, О. Хаксли), “реалистическую фантастику”. Еще К. Маркс критиковал утопизм немецкой философской и художественной литературы. Социальная детерминированность духовных явлений не означает пассивности, а предполагает активность, действие.

Чем с более раннего возраста человек осваивает “вторичный” опыт, “вторую реальность”, содержащуюся в искусстве, тем раньше к нему придет социальная зрелость. И в этом отношении важна научная фантастика, поскольку к ней приобщаются с раннего возраста. Юный читатель заражается авторской любовью, ненавистью, его общественной позицией. Значение научной фантастики сегодня, в условиях перестройки, возрастает, она способна ставить и решать большие задачи. Необходимо менять отношение к ней как к чисто развлекательному, “несерьезному” жанру. Перестройка происходит не только в экономике, но и в общественных отношениях, сознании, и фантастика может эффективно способствовать этому процессу. Как сказал в одном из интервью Борис Стругацкий, “главный козырь фантастики тот же, что и у всей остальной литературы, — фантастика создает и поддерживает мировоззрение. Только фантастика “хватает за горло” с самых ранних лет, и поэтому ее влияние может быть особенно велико”.

Все большее число людей начинают осознавать воспитательный потенциал фантастики. Не случайно за рубежом (опять за рубежом!) фантастика входит в число преподаваемых в средних и высших учебных заведениях дисциплин. Но, кажется, и у нас начались отрадные перемены. Составители данной книги с удовлетворением узнали, что предыдущие сборники серии “Галактика” не просто читаются (интерес к научной фантастике в нашей стране известен), они используются студентами как своеобразные хрестоматии по современной зарубежной литературе. В самом деле, пройти мимо имен Г. Уэллса (а он есть в университетской программе), О. Хаксли, Д. Оруэлла, С. Лема, Р. Брэдбери, А. Азимова, А. Кларка, К. Чапека, Р. Мерля и многих других невозможно. Происходит практическое включение в учебный процесс произведений научной фантастики. Кстати, по курсу зарубежной литературы XIX в. в лекциях упоминаются М. Шелли (“Франкенштейн”), О. Бальзак и его философские романы, в частности “Шагреневая кожа”, Э. По, Ж. Верн. А произнеся эти имена, вспоминаешь, что в других курсах изучаются Т. Мор и Т. Кампанелла, Сирано де Бержерак и Ф. Бэкон.

Использование фантазии в учебном процессе закономерно и оправданно в той мере, в какой созданная ею художественная картина не деформирует, не искажает внутренний мир человека в его взаимоотношениях, взаимосвязях с миром внешним. Даже самая изощренная игра фантазии (то, что сейчас очень популярно на Западе — “фэнтези”) может и должна быть правдива в той мере, насколько в центре ее стоит человек. Ведь в любом случае в форме художественных образов трансформируются категории явления и сущности, объективного и субъективного, отдельного, особенного и общего и т. д., т. е. соблюдаются правила познания мира, аналогичные в общих чертах научному познанию.

И хотя научная фантастика не решает всех проблем, она указывает альтернативные пути их решения, стимулирует разум к поиску оптимального из них, являясь “полезным витамином для мозга” (Ф.Пол). И в этом — ее ценность.

Геннадий Ануфриев
Станислав Солодовников

Часть 1. ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ ПРОЩЕ ВРЕМЕНИ

Джон КРИСТОФЕР
РАВНОСИЛЬНО СМЕРТИ

Ожидая спасения, он коротал время в центральном салоне отдыха. Здесь плавало больше дюжины тел, но два из них особенно привлекли его внимание, пока он в космическом костюме с магнитными башмаками мерил каюту шагами. Он не мог не

смотреть на их лица, хотя они были раздутыми, перекошенными и безобразными. На этих лицах запечатлелись несомненные признаки удушья, а на женском лице, как показалось ему, можно было прочитать что-то еще. Нетрудно было сказать, что с ними произошло. Мужчина плавал лицом вниз, а женщина — на спине, ее руки в мольбе вскинуты к покатому потолку.

Как только случилась катастрофа, он разбил колпак радиоавтомата и послал сигнал бедствия: теперь, заслышав, как монотонно стучит якорь по обшивке корабля, — поднялся и пошел к входу. Он ждал до тех пор, пока дверь не распахнулась и группа спасателей не вошла внутрь. Слабо помахал им рукой. Несколькими минутами позже он сидел в патрульном корабле “Поллакет”, где ему помогли выбраться из скафандра. Сразу же потерял сознание. Его привели в чувство лишь с помощью бренди.

Капитан “Поллакета” Стюарт был хрупким светловолосым человеком с тонкими, неприятными чертами лица. Когда Логан окончательно пришел в себя, он обнаружил, что находится в капитанской каюте, не очень-то уютной даже для патрульного корабля второго класса. Стюарт расположился в кресле перед безобразным, но аккуратно прибранным столом. Лицом к нему, на повидавшем виды кресле с поролоновой прокладкой, сидел Логан. Стюарт извинился:

— Гости у нас бывают нечасто, и они никогда не остаются надолго. Должно быть, не слишком приятный для вас визит, а?

Логан кивнул:

— Да, не слишком.

— Мне не хотелось бы причинять вам неприятности, но боюсь, что придется задать вам несколько вопросов. Вы же знаете порядок — я должен составить официальное сообщение.

— Да, конечно. Теперь мне чуть-чуть получше.

— Мы держим отличное бренди, — сказал Стюарт. — Начнем сначала, мистер Логан. Вы путешествовали один?

Логан чуть помедлил с ответом.

— Нет, со своей женой.

— Извините меня. Не могли бы вы рассказать мне, что именно случилось?

— Ведь вам известны обычные правила безопасности? — спросил Логан. — После отлета с Земли для всех пассажиров в первую очередь проводят учения на случай аварии. Нужно было надеть скафандр, а я не мог сделать это со всеми вместе. У меня была мигрень. Она началась в момент старта и на пару дней выбила меня из колеи. Пришлось обучаться самому. Я взял скафандр и вернулся в свою кабину, чтобы надеть его. Знаете, находясь в таком костюме среди нормально одетых людей, чувствуешь себя дурак дураком.

Стюарт кивнул. Он то стискивал, то неторопливо потирал руки.

— Внезапно погас свет, но это не встревожило меня. Я уже бывал в космосе и догадался, что это падение мощности. Я знал, что через минуту — другую включат запасной генератор, и все-таки чувствовал, что заперт… заперт в темноте в своей кабине. Ощупью я выбрался в главный коридор. Я слышал человеческую речь, смех; где-то кричала женщина, но большая часть людей, казалось, понимала происходящее. Затем послышалось какое-то шипение, и голоса пропали. Просто будто кто-то повернул выключатель, и за одну секунду их не стало. Я пошел в центральный салон, где оставил жену, и при свете Земли, проникавшем сквозь прозрачные транспексовые окна, увидел плавающие тела. Все люди были мертвы.

Приглядевшись, я заметил, что транспекс разбит вдребезги. Я сразу же включил радиоавтомат тревоги и бросился посмотреть, не остался ли в живых хоть кто-нибудь хотя бы из членов экипажа… Но на всем корабле не было ни единой живой души. Я вернулся в центральный салон и там нашел метеорит. Он пробил один из поролоновых диванов. Повсюду валялись осколки транспекса.

Тогда я сел и стал ждать. Наверное, прошло много времени. Очень много.

— Да, — сказал Стюарт, — можно себе представить. Значит, по-вашему, картина ясна? Что-то вывело из строя главные генераторы и, конечно, противометеоритную защиту. И по

чистой случайности в ту минуту, когда запасные генераторы еще не включились, метеорит пробил транспексовое окно в центральном салоне. Воздух из салона мгновенно улетучился. Вы спаслись только потому, что на вас в это время был скафандр. Я правильно понял?

— Да, — сказал Логан. — Так все и было.

— Вы разбили колпак радиоавтомата сразу же, как только представили себе, что произошло?

— Конечно.

За спиной Стюарта виднелся плакат, извещающий о том, что курение от момента старта и до посадки строго воспрещается. Стюарт порылся в столе и извлек потрепанный ящик для сигар. Он предложил их Логану, но тот покачал головой:

— Я не курю.

Стюарт взял одну сигару, раскурил ее и откинулся назад.

— Чем вы занимаетесь, мистер Логан? — спросил он.

— Моя профессия? Инженер на одной из космических станций. Экватор Третий.

— А эта поездка? Отпуск?

— Да.

— На Марс? Я думал, что народ с космических станций проводит свой отпуск только на Земле.

— В общем, верно. Но на этот раз… моя жена захотела перемен.

— Вы давно женаты? Логан взглянул на капитана.

— Я полагал, что вы будете писать в своем донесении только о необходимом, капитан Стюарт. Вы не забыли, что тело моей жены все еще плавает там, на “Астарте”? Я охотно помогу всем, чем только можно, но мне бы хотелось рассчитывать на известную тактичность с вашей стороны.

— Когда мы окажемся в Детройте, вы сможете подать официальную жалобу, — сказал Стюарт. — А до тех пор я буду задавать вам необходимые вопросы. Как давно вы женаты?

Логан поджал губы:

— Пять лет.

— Работники космических станций каждый четвертый месяц — в отпуске. Верно?

— Да.

— Их жены три месяца из четырех предоставлены самим себе. Некоторые из них подчас пытаются воспользоваться этим. Такое случилось и с миссис Логан?

— Командир патрульного корабля имеет широкие права, и допрос входит в его обязанности, — ответил Логан. — Но вы уже переходите все границы. Не понимаю, зачем мне с вами канителиться. — Он поднялся с поролонового кресла. — Прошу прощения.

Стюарт выпустил дым.

— Не трогайтесь с места, Логан. Я собираюсь вас арестовать. Как только я вас арестую, мне больше не придется задавать вам вопросы. А я хочу найти оправдание тому, что вы сделали. На Земле вас, конечно, будут судить, но до нее еще пять дней пути. В эти пять дней я отвечаю за вас. В отношении заключенных мне предоставлена большая свобода действий. Вот почему я задаю на первый взгляд ненужные вопросы.

Логан заговорил холодным, ровным тоном:

— Вы собираетесь меня арестовать? В чем же меня обвиняют?

— Вам предъявляют много обвинений. Точнее, семьдесят восемь обвинений в убийстве.

— Вы сошли с ума.

— Замысел был хорош, Логан. По крайней мере, все было тщательно спланировано. На космической станции нетрудно достать метеорит подходящего размера. Он был спрятан в вашем чемодане вместе с мелкими осколками транспекса. Вы хитростью избежали космических учений, сославшись на мигрень, и под этим предлогом в нужное время взяли скафандр в свою кабину. Отослав жену в центральный салон, вы в это время подложили взрывчатку под транспексовое окно. Я пока еще не знаю, как вы это устроили. Возле

иллюминаторов на пассажирских ракетах всегда дьявольский беспорядок.

Затем вы вернулись в свою каюту и, надев скафандр, ждали до тех пор, пока не прогремел взрыв. Тогда вы прошли в энергетический отсек и выключили главные генераторы, чтобы создалось впечатление, будто защитный экран пробит метеоритом. Включив автоматический сигнал бедствия, вы разбросали осколки транспекса по салону и спрятали метеорит в диване. Для одного этого вы должны были сделать массу вычислений — траектории и прочее.

— Должно быть, ваша работа развивает воображение, капитан. Но не в очень приятном направлении, — холодно сказал Логан.

— Ваша беда в том, что вас слишком поглотила забота о собственной шкуре, — ответил Стюарт. — Чтобы застраховаться от всяких неожиданностей, вы влезли в свой скафандр задолго до взрыва, может быть, за десять минут. Перед тем как подать сигнал бедствия, вы занялись главными генераторами и потеряли много времени. Сигнал был подан в 5.07. Мы подобрали вас в 10.59 — я внес эти данные в бортовой журнал. Я и еще кое-что записал. Каждый кислородный баллон скафандра рассчитан ровно на один час. Если вы действительно надели костюм случайно и в это время произошел взрыв, вы должны были использовать около шести баллонов. Но вы использовали не шесть, а все семь!

Логан улыбнулся.

— И это все?! Верно — я ввел вас в заблуждение насчет того, сколько времени прошло от того момента, когда я надел костюм, и до того, когда метеорит попал в корабль. Может, это продолжалось около четверти часа. Я страшно люблю дышать кислородом: привык к этому на станции.

Стюарт взглянул на него.

— А вы быстро соображаете, правда? Но на этот раз попали впросак. Это только подтверждает мои подозрения; я предвидел такую ситуацию и запасся доказательствами. Перед тем как убрать “Астарту”, я попросил ребят осмотреть разбитое окно с внешней стороны. Большую часть осколков, конечно, выбило взрывом прочь, но все же кое-что они нашли. — Он выдвинул ящик стола и достал разбитые куски транспекса. — Этого достаточно для того, чтобы убедиться — это было не столкновение, а взрыв.

Логан взглянул на осколок транспекса.

— Она была потаскухой, — сказал он. — Хотела провести отпуск на Марсе, потому что он был там. Не могла прожить без него даже этот месяц. Мне удалось узнать, что он решил попутешествовать вместе с нами на “Астарте”. Жена не знала, что мне все известно. Это был единственный шанс отомстить им обоим вместе! И я отомстил.

Среди присяжных заседателей возвышался судья-робот. Сразу же после вердикта Логана отправили обратно в камеру, где он сидел, глядя на пустую стену, и выслушал приговор, — его произнес резкий механический голос, который исходил из небольшого черного ящика, установленного в центре потолка.

Голос сказал: “Эмиль Логан, вы признаны виновным в совершении преднамеренного убийства. Самая суровая мера наказания за подобное преступление может быть слишком мягкой. Из ревности вы решили убить свою жену и ее любовника и в погоне за этим не колеблясь уничтожили семьдесят восемь других жизней. Вы совершили эти убийства только для того, чтобы скрыть следы своего преступления.

Смертная казнь была отменена в двадцатом веке. Но убийства по-прежнему имели место, и убийц заключали на долгие сроки в тюрьму, где они в поте лица работали на благо общества. Такое положение вещей было неудовлетворительным, и люди искали возможности его исправить. В конце концов нашли выход из положения, открыв возможность путешествовать сквозь время”.

Слова безжалостно грохотали в его ушах. В них не было ничего нового для него, эта запись была стопятидесятилетней давности, и автоматы включали ее для каждого преступника, которому приговором предписывалась высылка в другое время.

“Послать человека можно только в прошлое, потому что возвращение из прошлого в

настоящее означает путешествие в будущее. Поэтому путешествие во времени представляет ценность для человечества только в одном аспекте. Оно дает возможность освободить человечество от тех, кто оказался недостойным называться его членом”.

Логан весь напрягся. Вступление должно скоро кончиться, а затем последует решение присяжных. Сейчас он узнает, что его ждет.

“Ясно, что эта форма наказания не является неизменной. В истории есть периоды, довольно благоприятные для высылаемых преступников. Такие мирные времена, как, например, Римская империя в эпоху господства Антонинов, создают современному человеку все возможности для процветания, как только он приспособится к окружающим условиям. В эти периоды отправляют отщепенцев, которые не очень провинились или у которых есть смягчающие вину обстоятельства…

Эпоха должна соответствовать совершенному преступлению. Это разумно, так и должно быть!”

Голос умолк. Терпение Логана уже истощилось. Что его ждет?

“Эмиль Логан, — продолжал голос, переключившись со стандартной записи на робота-судью, — ваше преступление так чудовищно, что подобных ему мы почти не находим в наших записях. Насколько мы можем судить, для вас выбрана соответствующая кара. Вам не собираются сообщить заранее о точке назначения во времени и пространстве, которая была выбрана для вас”.

Не в силах сдержать себя, Логан крикнул:

— Но почему? Почему вы мне ничего не говорите?..

“С этого момента, — продолжал робот, — вы изгоняетесь из нашего века. Вы больше не увидите своих современников. Вскоре камера, как обычно, наполнится особым газом, и вы уснете. Вам будет сделано специальное гипновнушение, чтобы вы никому не рассказали, откуда вы прибыли.

Вы будете одеты в соответствии с тамошней модой и получите некоторое количество мелочей, которые, по-видимому, вам пригодятся. В случае необходимости вам будет внушено посредством гипноза знание языка, которым вам придется пользоваться. Затем вас поместят в машину времени и отправят. Очнувшись, вы окажетесь в прошлом, но ваша нынешняя память сохранится. Когда вы поймете, в какое время и место попали, ваше знание истории подскажет, чего вам ожидать…

Эмиль Логан, вы изгнаны из двадцать второго века. Сейчас вы уснете”.

Все еще глядя вверх, он услышал слабое шипение — это газ проникал через входные клапаны камеры. Он уловил характерный резкий запах и — уснул.

Люди. Они окружали его, человеческую песчинку, сплошной единой массой, которая несла его вместе со всеми. Туннель. Лестницы, ведущие вверх. Ему в лицо пахнуло запахом разгоряченных, потных человеческих тел. Он был одет в странную одежду из грубой ткани, а вместо привычных контактных линз на носу были прилажены два стекла, вставленные в оправу.

Лестница привела его к чему-то вроде открытого зала. Улица, невероятно скученное движение. Слева он заметил киоск, торгующий газетами и журналами. Он пробился к нему сквозь толпу. Пошарив в кармане, обнаружил мелочь, протянул руку через прилавок и взял газету. Когда он взглянул на нее, руки у него задрожали.

Это была “Нью-Йорк геральд трибюн”. 1954 год.

Люди стали оглядываться на него, когда он начал вопить.

Маршалл КИНГ
НА БЕРЕГУ

Пэрни с гиканьем мчался по лесу. Вынырнув из чащобы на полянку, поросшую синим мхом, он заплясал от радости. Этот день принадлежит ему, и он сможет наконец увидеть океан.

Деревня осталась далеко позади. Он ускользнул от братьев и родителей, и теперь ничто не помешает ему уйти к океану. Однако пора остановить время, пока его не хватились дома.

— Ни с места! — крикнул он ручью и его оранжевым водоворотам. — Застыть! — приказал он пчелам с тонкими крылышками, летавшим над густой листвой. — Замри! — крикнул он густым лиловым тучам, вечно ползущим по верхушкам деревьев.

И вмиг все стало именно таким, как он хотел: неподвижен был молочно-оранжевый ручей, пчела повисла над кустом пака, и ее прозрачные крылышки застыли на полувзмахе, а густые лиловые тучи перестали закручиваться и вытягиваться.

Все вокруг замерло, послушное его воле, и Пэрни помчался дальше, к океану.

“Ах, если бы только дни не были такими короткими!”- подумал он. Увидеть нужно так много, а времени у него в обрез! Рассказы братьев о чудесах побережья дразнили его воображение с тех пор, как он себя помнил. Он столько раз слушал их захватывающие рассказы, что сейчас представлял себе эту страну чудес совершенно ясно, словно уже был там: завалы окаменелых деревьев, на которых интересно играть, океан с высокими, как дом, волнами, смешных трехногих триконов, никогда не перестающих жевать водоросли, и множество других удивительных созданий, какие живут только в океане.

Он бежал вприпрыжку. Этот день был словно создан только для него. “А почему бы и нет, — подумал он. — Разве не исполнилось мне сегодня целых пять лет?!” Он ощутил сострадание к четырехлетним и даже к тем, кому только четыре с половиной года, — они были малышами и не посмели бы ускользнуть к океану в одиночку. Но пять лет!..

— Я освобожу тебя, шмель, только ты подожди. — Пробегая мимо собиравших пыльцу насекомых, он старался не задевать их. Когда Пэрни остановил время, шмели — как и все живое — застыли на месте, и он знал, что стоит ему снова пустить время, как все они возобновят свои занятия.

Пэрни вдохнул резкую сладость близкого уже океана, и сердце его забилось быстрее. Чтобы не испортить этот день, суливший столько чудесного, он старался забыть, что ему запретили останавливать время, когда он уходит далеко от дома.

Он предпочел забыть то, о чем часто напоминали старшие: для остановки времени на один час нужно больше энергии, чем на целую неделю непрерывного бега. Он предпочел забыть правило, гласящее, что “маленькие дети, останавливающие время в отсутствие старших, могут погибнуть”.

Путь был долог, а время стояло. Почувствовав голод, Пэрни сорвал несколько плодов лонго на завтрак и побежал дальше. Но не успел он сделать и пяти прыжков, как вдруг и сам остановился, словно завороженный.

С вершины каменистого холма открылась такая величественная панорама, что вместо радостного вопля у Пэрни вырвался лишь слабый писк.

Океан был наготове, его застывшие волны только и ждали команды, чтобы возобновить свое наступление на берег. Их гребни картинно повисли вдоль берега. Одни уже рассыпались тучей взлетевшей пены, другие застыли, все в кружевных оранжевых завитках.

Над его головой повисла стая крылатых траконов, опускавшихся на берег. Пэрни много раз слышал об этих страшных на вид, но безобидных, как все живое на этой планете, существах. Вдали, на пляже, замерли на полушаге двое каких-то забавных двуногих в странных позах прерванного движения. А в воде стояли смешные триконы, трехногие морские шуты, только и умеющие, что пожирать морскую траву.

— Эй, вы! — крикнул Пэрни.

Не получив ответа, он вспомнил, что находится в зоне остановленного времени. Мир будет неподвижной декорацией, пока он не пустит время снова.

— Эй, вы! — окликнул он опять, но на этот раз мысленно приказал времени идти.

Тотчас все пришло в движение. Он услышал рокот разбивающихся оранжевых волн, ощутил вкус брызг, доносимых ветром.

Пэрни знал, что в этот момент снова заструился ручеек, лиловые тучи поползли над долиной, а пчелы начали собирать пыльцу. Ведь он останавливал время, а значит, и всякое

движение.

Он обогнул груду окаменелых деревьев и спустился по песчаному склону, чтобы познакомиться с триконами, на его глазах только что ожившими.

“Я умею стоять на голове!” Положив лонго на песок, он сделал стойку, едва сохранив равновесие. Видно, манипуляции со временем не прошли для него бесследно.

Трикону проделка Пэрни показалась великолепной. Он даже прервал трапезу ровно настолько, чтобы приветственно пошевелить хвостом, и снова вернулся к своему вечному пиршеству.

Пэрни направился было к стае крылатых траконов, но те вдруг взмыли в небо, напуганные приближением двуногих пришельцев. Он хотел окликнуть тех своим обычным “Эй вы!”, когда услышал, что двуногие сами издают какие-то гортанные звуки.

— …Не ставлю себе предела, Бенсон. Эта планета — семнадцатая. Семнадцать планет, моих собственных!

— Вот как, семнадцать планет! А скажите, Форбс, что вы намерены с ними делать? Развесить по стенам своего логова в Сан-Диего?

— Эй вы, давайте поиграем! — крикнул Пэрни, протягивая двуногим налитые соком плоды лонго. — Вот мой завтрак, хотите попробовать?

Но на него никто не обращал внимания.

— Бенсон, вы бы лучше велели своим людям браться за работу. Хватит глазеть на пейзажи. Время — деньги. Я оплатил экспедицию не для того, чтобы устраивать вакации вашим бездельникам.

Двуногие остановились так внезапно, что Пэрни чуть было не налетел на одного из них.

— Погодите минутку, Форбс. Верно, мы летели сюда на ваши деньги, я подобрал для вас самую лучшую на Земле команду. И я отвечаю за безопасность людей, пока мы здесь, и за благополучный перелет обратно.

— Вот именно. А так как вы за них в ответе, велите им начинать работу. Пусть принесут флаг. Полюбуйтесь только на этих кретинов — они в море играют с трехногим страусом!

— Господи помилуй, да вы что, не человек? Мы высадились на этой планете двадцать минут назад! Естественно, людям хочется осмотреть ее. Они боялись, что на них нападут дикие звери, а нас встречают эти чудаковатые твари, словно родственников, возвратившихся после долгой разлуки. Пусть люди осмотрятся, а потом “застолбят” вам эту планету.

Пэрни ковылял за ними шаг в шаг, но Форбс вдруг злобно пнул его ногой.

— Бенсон, уберите этого пучеглазого кенгуренка!

Пэрни взвизгнул от радости, подумав, что с ним играют, и живо сделал стойку. Стоя на голове, он смотрел, как они уходят, ногами кверху. И зачем они так спешат?

Он сел и начал завтракать, и тут появилось еще трое двуногих. Они возбужденно переговаривались и, видимо, пытались нагнать ушедших. Пэрни и им предложил попробовать лонго. Но не получил ответа.

Возможно, игра заинтересует их больше. И он, оставив, в который уже раз, свой завтрак, поплелся за ними.

— Капитан Бенсон, Майлс обнаружил мощное излучение. Сейчас он пытается найти источник.

— Удача, Форбс! Вы здесь так обогатитесь, что следующую планету сможете купить за наличные. Тогда их будет, кажется, восемнадцать?

— Подумаешь, излучение! Руду низкого качества можно найти на любой планете. Ну так что там с флагом? Велите поднять его, Бенсон. И позаботьтесь высечь на скале памятную надпись.

— Ладно, ребята. Чем скорее мы поднимем флаг мистера Форбса и “застолбим” его планету, тем скорее освободимся.

— Взгляните, Бенсон, на ту кучу бревен. Славное основание для флагштока!

— Это окаменелые стволы. Верхние слишком высоко, чтобы стащить их оттуда, а если мы вытащим нижние, вся груда обрушится на нас. Мы найдем бугорок понадежнее.

— Пусть будет по-вашему. Помните только, я хочу, чтобы флаг стоял прочно.

— Не волнуйтесь, Форбс, парни что-нибудь придумают. Но зачем вам флаг? “Застолбить” планету гораздо важнее…

— Конечно, конечно. Гораздо важнее. Я принял во внимание все требования закона, когда делал заявку. А флаг… Что ж, можно сказать, Бенсон, что он символ империи. Империи Форбса. На каждом из моих флагов стоит имя ФОРБС, символ развития и прогресса. Назовите это сантиментами, если хотите…

— Не назову Я видывал частновладельческие флаги и раньше.

— Черт побери, почему вы все время называете это частным владением? Дело, которое я делаю, — большое дело. Я прокладываю новые пути!

— Конечно. И если я не ошибаюсь, вы пошли на маленькое крючкотворство, которое делает вас не только хозяином планет, но и закабалит тех дураков, которые будут покупать у вас участки.

— Я могу спустить с вас шкуру за эти разговорчики. Черт побери, Бенсон! Именно такие, как я, и дают вам возможность летать в космос. Именно такие, как я, вкладывают хорошие деньги в такое неверное дело, как это, чтобы такие, как вы, смогли уйти из многоэтажных домов-муравейников. Вы об этом подумали?

— Я думаю, что за полгода вы утроите свой капитал.

Они резко остановились, Пэрни тоже. Оглянувшись, Пэрни увидел, что отставшие догоняют их.

— Капитан Бенсон! Вот флаг, сэр. А вон и Майлс со своими приборами. Он говорит, что источник излучения где-то поблизости.

— В чем дело, Майлс?

— Стрелка ошалела, сэр. Она выскакивает из шкалы!

Пэрни увидел, что один из двуногих направился к нему с каким-то ларчиком. Обрадовавшись вниманию, он немедленно встал на голову. — “А вы так умеете?” Их реакция привела его в восторг. Все они залопотали по-своему, и он остался очень доволен.

— Отойдите, капитан! Вот он, источник! Этот малыш горячее плутониевой батареи!

Они обступили Пэрни широким кругом, и он решил, что должен сделать что-нибудь на “бис”. Он придумал совершенно новый фокус: что, если постоять на одной ноге?

— Бенсон, этот зверь мне нужен. Суньте его в ящик!

— Погодите, Форбс. Космический закон запрещает…

— Это моя планета, и закон здесь — я. Суньте его в ящик.

— Я заявляю протест…

— Господи, вот так образец! Радиоактивное животное! Они же и размножаются, конечно. Здесь где-нибудь поблизости их тысячи! И подумать только — эти дураки на Земле, с их плутониевыми котлами… Ха! Теперь покупатели будут ломиться ко мне толпой. Вот что значит, Бенсон, быть первооткрывателем!

— Не торопитесь. Если этот наш приятель действительно радиоактивен, то для команды он очень опасен.

— Но ведь у вас есть специальные ящики для минералов. Вот и суньте его туда!

— Он умрет.

— У нас с вами контракт, Бенсон. Вы обязаны подчиниться мне. Суньте зверя в ящик!

Пэрни устал. Хотя день оказался интереснее и восхитительнее, чем он ожидал, напряжение уже начинало сказываться. Он лежал в центре круга, обессиленный и счастливый, надеясь, что новые друзья покажут ему что-нибудь из своих фокусов.

Ему не пришлось долго ждать. Стоявшие вокруг расступились и пропустили двоих, принесших какой-то ящик. Пэрни сел, чтобы видеть лучше.

— Капитан, а почему бы попросту не схватить его? Удирать он, кажется, не намерен.

— Лучше не надо, Кэбот. Хотя ты и в спецодежде, неизвестно, на что этот малыш

способен. Безопаснее воспользоваться веревкой.

— Клянусь, он понимает, о чем речь! Взгляните, какие у него смышленые глаза!

— Ладно, осторожнее с веревкой.

— Ступай сюда, малыш. Вот сюда. Будь паинькой.

Пэрни тревожно прислушивался к звукам. Он чувствовал, что его просят о чем-то, но не понимал, что должен делать. Он склонил голову набок и заерзал в нерешительности.

Увидев петлю, взвившуюся у него над головой, Пэрни, сам не зная почему, выскочил из круга и помчался по песчаному берегу. Он удивился своему неожиданному бегству. Зачем он это сделал? Никогда он не испытывал этого странного чувства, которое заставило его удирать.

Двуногие существа столпились вокруг ящика: их внимание, по-видимому, было чем-то отвлечено. Теперь Пэрни жалел, что убежал; он понял, что упускает случай поиграть с ними.

Его друзья побежали за ним, и Пэрни понял, что они хотят посадить его в ящик. Он решил подразнить их и нарочно пробежал в двух футах от свинцового ящика, ловко ускользнув в последний момент. И тут он услышал оглушительный грохот и ощутил боль в ноге.

— Форбс, вы с ума сошли! Бросьте револьвер!

— Я подшиб его, и только. Подберите его теперь.

Боль в ноге была пустяком. Пэрни мучило другое: что плохого он сделал? Увидев петлю, снова взвившуюся над ним, он невольно остановил время.

Снова все вокруг замерло. Петля повисла у него над головой, а веревка шла, извиваясь, к одному из двуногих. Тихонько всхлипывая, Пэрни выбрался из окружения.

Он не мог смотреть им в глаза, так как был уверен, что поступил плохо. Потом он решил, что сможет по каким-либо приметам догадаться об их намерениях. Он проковылял мимо Форбса, в руке у которого был маленький блестящий предмет, дымящийся на одном конце недвижными завитками; обошел вокруг Майлса, державшего маленький ящичек, шипевший всякий раз, когда Пэрни оказывался близко. Но так ничего и не понял. У самой подошвы холма он миновал трикона, который был смешон даже в страхе. Испугавшись выстрела, он подскочил на четыре фута в воздух как раз в тот момент, когда Пэрни остановил время. Теперь он повис, поджав все три лапы, и из клюва у него торчала морская трава.

Пэрни ковылял вверх по склону, мучительно соображая, уйти ему или остаться. Какое странное место — этот океанский берег! И почему никто не рассказывал ему о двуногих существах?

Добравшись до вершины, он взглянул вниз, на замерших двуногих, и ему стало грустно. Как хотелось бы ему спуститься и поиграть с ними! Но теперь он уже знал, что их игры для него опасны. Пора возвращаться домой: он ужасно устал, злоупотребив способностью останавливать время.

Когда Пэрни снова пустил время, Кэбот, забавно приоткрыв рот, смотрел на петлю.

— Боже мой, оно… оно исчезло.

— Он стал невидимкой, капитан? Где он?

— Вон там, наверху, капитан! На камнях.

— Бенсон, раз уж вы упустили этого пучеглазого, я с ним справлюсь по-своему, — заорал Форбс, прицеливаясь.

— Минутку, Форбс, дайте подумать. В этом пушистом чертенке есть что-то такое, чего мы… Форбс! Не смейте стрелять, черт вас побери!

Пэрни забрался на груду окаменелых деревьев, чтобы взглянуть на двуногих в последний раз. И тут под его тяжестью бревна начали двигаться сначала медленно, потом обрушились на людей сплошной лавиной. В ужасе Пэрни отпрянул назад. Пронзительные вопли двуногих потрясли его.

— Я нечаянно! — вскричал Пэрни. — Простите меня! Вы слышите? Встаньте! Пожалуйста, встаньте!

Начавшийся прилив грозил погубить тех, кто лежал у воды, придавленный бревнами.

Пэрни спустился на берег. В их возгласах он различил новый оттенок, словно предчувствие надвигающейся смерти.

— Родс! Кэбот! Вы меня слышите?

— Я… Я не могу двинуться, капитан. Нога… Боже мой, мы утонем!

— Посмотрите, Кэбот. Жив ли кто-нибудь?

— Люди на берегу засыпаны обвалом, капитан. А остальные в воде и тоже обречены.

— Форбс… Вы видите Форбса? Может быть, он… — Голос сорвался, когда волна с головой накрыла кричавшего.

Пэрни не мог больше ждать. Не задумываясь о последствиях, он приказал времени остановиться.

Войдя в неглубокую воду, он начал с трудом отодвигать бревна, потом вытаскивал пострадавших на песок. Слезы ослепляли его. Он действовал медленно и тщательно, экономя силы. Он знал, что не уйдет, пока в опасности его друзья. Живы они в этот момент или нет, они останутся в этом состоянии, пока он не пустит время снова. Он зашел поглубже, где из оранжевой воды торчала рука. Рука сжимала белый флаг, застрявший между стволами, в другой руке был блестящий, извергавший дым предмет.

Высвободив Форбса, Пэрни окончательно выбился из сил.

Пока он еще не потерял сознание, он должен успеть пустить время.

Шаг за шагом поднимался он на холм, то и дело останавливаясь — не опоздает ли он пустить время?

Наконец он приказал времени двинуться — оно стояло!

Сердце у него сжалось. Он не боялся смерти и знал, что, когда умрет, время двинется снова, и друзья его оживут. Но ему хотелось убедиться, что они спасены.

Он сделал над собой последнее усилие. Время нельзя подтолкнуть, чтобы оно пошло. Нельзя его заставить двигаться постепенно, сначала медленно, потом полным ходом. Время или идет, или не идет. Потом — он сам не знал, как это случилось! — ему удалось приказать…

Его друзья ожили. Один из них, лежавший ничком, шевельнулся и ударил кулаком по песку. Пэрни ощутил огромное облегчение, услышав, что они снова перекликаются.

— Что со мной случилось? Скажите кто-нибудь! Или я свихнулся? Майлс! Шикк! Что это значит?

— Я здесь, Роде! Помоги нам бог, дружище. Или мы сошли с ума, или эти бревна живые!

— Кто нас вытащил из воды? Майлс, мы оба рехнулись!

— Говорю тебе, дружище, это бревна, или камни, или что там еще. Я смотрел прямо на них. Сначала они скатились на меня, а потом почему-то очутились вон там!

— Да ведь не бревна же вытащили нас из моря, верно? Капитан Бенсон!

— Как, ребята, живы?

— Да, сэр, но…

— Кто-нибудь из вас видел, как это все случилось?

— Боюсь, что мы видели не все, капитан. Эти бревна…

— Знаю, знаю. Ну, поднимайтесь. Мы должны собрать всех и уйти отсюда, пока не поздно.

— Но что произошло, капитан?

— Черт возьми, Роде, я сам хотел бы знать. Эти бревна — такие древние, что окаменели. Все вместе мы не смогли бы приподнять ни одно из них. Чтобы сдвинуть такое, нужна сверхчеловеческая сила.

— Я что-то не приметил здесь великана. Эти страусы, вон там, только и делают, что жрут траву…

— Хорошо, давайте поможем пострадавшим. А где же Форбс?

— Сидит в воде, капитан, и плачет, как ребенок. Или смеется, трудно сказать.

— Тащите его сюда!.. Форбс! Вы целы?

— Хо-хо-хо! Семнадцать! Семнадцать планет, Бенсон, послушны мне во всем! А эта — капризная. Вы видели этот фокус с камнями? Хо-хо-хо!

— Заберите у него револьвер, Шикк; он может продырявить кого-нибудь из нас. Свяжите и отнесите на корабль.

— Ха-ха-ха! Семнадцать планет! Бенсон, вы лично ответите за это! Хи-хи-хи!

Пэрни открыл глаза; сознание вернулось к нему.

Он осторожно подполз к просвету между скальными глыбами. При свете двух лун он видел, как люди уходят небольшими группами, поддерживая слабых. Сквозь шум прилива до него отчетливо донеслись голоса.

— Может, мы все сошли с ума, капитан?

— Не думаю…

— Хотел бы я поверить этому!

— Вы видели Форбса? Что вы о нем скажете?

— Он спятил, капитан.

— Верно. А если бы это случилось с вами, вы никогда не заметили бы его состояния. Он считает, что весь мир сошел с рельсов; вы — что с рельсов сошли вы сами. Все в порядке, Кэбот, не тревожьтесь.

— Я все-таки не могу поверить…

— Скажите, Кэбот, что показалось вам самым необычным?

— Вся эта история с бревнами, сэр.

— Да, конечно. Но я хотел сказать — кроме этого.

— Ну, я, наверно, не заметил. Знаете, испугался, и все такое прочее…

— А вы не подумали о нашем маленьком пучеглазом друге?

— Ах, о нем! Боюсь, что нет, капитан. Я — Я, кажется, думал больше о себе.

— Гм. Если бы только быть уверенным, что я его видел. Если бы еще кто-нибудь видел его.

— Кажется, я не понимаю вас, капитан.

— Но, черт возьми, вы же знаете, Форбс выстрелил в него. Попал ему в ногу. А если это так, то почему этот пушистый чертенок вернулся к своим мучителям, к нам, когда нас придавило бревнами?

— Ну, наверно, пока мы были придавлены, он считал, что мы для него не опасны… Простите, я, кажется, ответил глупо. Кажется, я еще немного не в себе.

— Идите на корабль, Кэбот, и готовьтесь к отлету. Я приду через несколько минут. Хочу проверить, не остался ли кто-нибудь на берегу.

— Не стоит, все уже давно ушли. Я проверял.

— За это, Кэбот, отвечаю я. Ступайте.

Пэрни лежал чуть живой и помутневшими глазами еле различил человека, что-то искавшего на берегу.

— Где ты? — кричал пришелец.

Но Пэрни теперь уже боялся показываться на глаза этому чудаку. Он не понимал его. Он вдруг подумал о том, что скажут дома, когда он вернется.

— Мы виноваты. Простите нас… — Голос слышался то яснее, то глуше. И Пэрни видел, что человек подошел к рассыпавшейся груде стволов.

— Если ты ранен, я помогу тебе.

Обе луны стояли теперь высоко в небе. Когда они проглядывали сквозь крутящиеся тучи, Пэрни видел отбрасываемую человеком двойную тень. Человек удрученно покачал головой и медленно удалился туда же, куда ушли все двуногие.

В последний раз Пэрни смотрел на океан, на волны, на берег… Берег опустел, и взгляд его наткнулся на мерцающе-белую тряпку, полоскавшуюся в прибое. И самое последнее, что Пэрни успел увидеть, было вытканное на этой тряпке слово “ФОРБС”.

Клиффорд САЙМАК
ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ ПРОЩЕ ВРЕМЕНИ

Глава первая

И вот настал день, когда Человек был готов отказаться от мысли проникнуть в космос. Первые сомнения возникли еще тогда, когда Ван Аллен открыл вокруг Земли пояса радиации. Но Человек слишком долго мечтал о космосе, чтобы сдаться, не сделав еще одну попытку.

И делались одна попытка за другой, а астронавты гибли, доказывая, что Человек слишком слаб для космоса. Слишком непрочно держится в его теле жизнь. Он умирает или от первичной, солнечной радиации, или от вторичного излучения, возникающего в металле самого корабля.

И в конце концов Человек понял несбыточность своей мечты и стал глядеть на звезды, которые теперь были от него дальше, чем когда-либо, с горечью и разочарованием.

После долгих лет борьбы за космос, пережив сотни миллионов неудач, Человек отступил.

И правильно сделал.

Существовал другой путь.

Глава вторая

Шепард Блэйн чувствовал, что находится в доме, а если не в доме, то, во всяком случае, в месте, где кто-то живет. Тут присутствовали порядок и пропорции, которые не могли быть созданы природой, пусть даже это чужая природа, природа планеты, вращающейся вокруг неизвестной звезды за тысячи световых лет от Земли.

В отличие от песчаных дюн, по которым до этого двигался Блэйн, на полу странного жилища не оставалось следов. По сравнению с ревом урагана, столько часов оглушавшим Блэйна, пока он пробирался через пустыню, шум ветра здесь казался слабым шорохом.

Пол был сделан из голубого твердого и гладкого материала, и катиться по нему было очень легко. Вокруг стояли предметы, тоже голубого цвета, похожие на мебель или какие-то приспособления. Во всяком случае, их форма не была случайной, естественной, какую могли бы создать ветер и солнце, а свидетельствовала о том, что эти предметы имеют какое-то предназначение.

Крыши у сооружения не было. В небе светили звезды, а вдалеке мерцало тусклое солнце.

Включив все датчики на полную мощность, Блэйн медленно двинулся вперед. Ощущение, что он находится в доме, усиливалось, а вскоре к нему добавилось ощущение того, что в доме есть жизнь.

Блэйн почувствовал, что начинает волноваться. Жизнь даже в простейших формах удавалось обнаружить крайне редко, а случаи, когда на планетах открывали разумную жизнь, вообще считались исключительным событием.

Блэйн пошел совсем медленно. Датчики работали бесшумно, и тишину нарушали лишь шорох колес и слабое жужжание прибора, фиксирующего информацию о форме, цвете, запахе, размерах, записывающего температуру, время, силу магнитных полей и регистрирующего все, что только можно зарегистрировать на этой планете.

Он издалека заметил живое существо — нечто, развалившееся на полу, как лентяй, которому нечего делать, кроме как просто лежать вот так.

Не прибавляя скорости, Блэйн направился к нему, а датчики тем временем скармливали записывающему устройству информацию о распластавшемся на полу существе.

Оно было розовым; не того омерзительного розового цвета, что так часто встречается, — линялого, наводящего на мысли об анатомическом театре. Это был

жизнерадостно розовый. Платьице такого цвета надела бы семилетняя соседская девочка на свой день рождения.

Оно смотрело на Блэйна. Может, не глазами, но смотрело. Оно знало, что он здесь, и не боялось.

Блэйн приблизился к нему почти вплотную и остановился.

Оно было довольно массивным: высота достигала 12 футов, а диаметр был не менее 20 футов. Рядом с небольшим механизмом, которым был сейчас Блэйн, существо выглядело гигантом, однако в нем не было ничего угрожающего. Хотя и дружественного тоже. И никаких других эмоций. Просто сгусток живой материи.

Блэйн напомнил себе, что теперь предстоит самое трудное. Теперь надо выбирать: действовать или отступить. От его следующего шага может зависеть, как сложатся дальнейшие взаимоотношения с этим существом.

Он стоял, ничего не предпринимая. Датчики втянулись и почти не работали, катушки записывающего устройства едва вращались.

Но ждать дальше было нельзя, потому что время подходило к концу. В его распоряжении оставалось совсем немного.

В этот момент сложнейшие приборы механизма, который сейчас заменял Блэйну тело, отметили, что по розовой массе пробежала легкая дрожь. Дрожь полусформированной мысли, начало контакта, первый шаг.

Блэйн напрягся, стараясь погасить поднимающуюся радость. Глупо радоваться, еще неизвестно, может, это и не телепатия. Хотя эта вибрация, определенные ощущения…

Ну пробуй же, сказал он себе, пробуй!

Время уходит!

Осталось всего полминуты!

Дрожь снова повторилась, на этот раз отчетливее, как будто существо, лежащее перед Блэйном, мысленно откашливалось, перед тем как начать говорить.

И существо заговорило.

— *Здорово, приятель!* — сказало оно. — *Меняюсь с тобой разумами.*

Разум Блэйна совершенно неожиданно раздвоился. Блэйн был одновременно и собой и Розовым. На какой-то ужасный миг он ощутил себя им целиком: он так же, как Розовый, видел и чувствовал, знал то же, что знал он. И в то же время оставался Шепардом Блэйном, исследователем из “Фишхука”, чей разум теперь находился так далеко от дома, вне Земли.

В этот момент раздался щелчок — время истекло.

Казалось, вся Вселенная вздрогнула и понеслась куда-то с немыслимой скоростью. Шепард Блэйн возвращался через пространство в пять тысяч световых лет в один весьма своеобразный уголок на севере Мексики и был бессилен помешать этому.

Глава третья

Он медленно выбирался из черной пропасти пространства, в которую был погружен, прокладывая себе путь со слепым упорством, ведомый каким-то древним, врожденным инстинктом.

Он знал, где находится, был уверен, что знает, хотя не смог бы сказать, где. В эту пропасть он падал уже много раз и столько же раз выбирался из нее, но сейчас происходило нечто особенное, чего никогда прежде не случалось.

Что-то необычное коснулось его самого, он перестал быть самим собой, вернее, остался собой только наполовину, во второй же половине поселилось неведомое Нечто, то самое, что лежало у стены, ничего не боялось и изнывало от скуки.

Он выкарабкивался из пропасти, а мозг продолжал с бездумным упорством бороться с тем странным существом. Бороться, осознавая, что борьба бесполезна, что это неведомое Нечто навсегда поселилось в нем и будет отныне неотъемлемой частью его “я”.

На минуту он прекратил карабкаться и попытался разобраться в себе. Он был

одновременно слишком многим и слишком во многих местах, и это сбивало с толку. Он был и человеком (что бы это ни означало), и мчащейся сквозь космос машиной, и непонятным Розовым, распластавшимся на голубом полу, и безумцем, падающим через полную ревущего времени вечность, которая математически не превышала доли секунды.

Он выполз из пропасти, и тьму сменил мягкий свет. Блэйн неподвижно лежал на спине. Его тело снова принадлежало ему, и он испытал давнее-давнее чувство благодарности за то, что опять удалось вернуться.

Наконец он все вспомнил.

Я, Шепард Блэйн, разведчик из “Фишхука”, летаю в космос, исследую неизвестные миры. Бывал на планетах за много световых лет от Земли. Иногда открывал что-то интересное, иногда — нет. Но в этот раз обнаружил Нечто, ставшее частью меня самого и вернувшееся вместе со мной на Землю.

Он поискал это Нечто и обнаружил в уголке своего мозга, куда оно в ужасе забилось. Блэйну тоже было страшно, однако он попытался успокоить Его. Он понимал, каково Ему быть в плену у чужого разума. Хотя, с другой стороны, он и сам с радостью избавился бы от этого “пленника”, поселившегося в мозгу.

— *Невеселая ситуация для нас обоих,* — мысленно произнес Блэйн, беседуя одновременно с собой и с этим существом.

Чужой выполз из своего уголка, где все это время прятался, и Блэйн ощутил его прикосновение, заглянул на миг в его чувства, понятия, знания. Блэйну показалось, что кровь чужого существа ледяным потоком вливается в его вены, что он ощущает его затхлый запах и слизистое прикосновение его лап — он хотел закричать и с трудом сдержал безумный вопль. Он заставил себя лежать неподвижно, и Розовый опять забился в свое убежище и улегся, свернувшись в клубок.

Блэйн открыл глаза и увидел, как крышка кабины, в которой он лежал, откинулась. В лицо ударил яркий свет лампы.

Блэйн мысленно ощупал тело, проверяя, в целости ли оно и сохранности. Все было в порядке. Да иначе и быть не могло: все эти тридцать часов тело лежало здесь в полном покое. Он пошевелился, приказал себе подняться и сел. Со всех сторон смотрели расплывающиеся в потоках света лица.

— Ну как, трудно было в этот раз? — спросил кто-то.

— Не легче, чем обычно, — ответил Блэйн.

Он вылез из похожей на гроб кабины и зябко передернул плечами. Вдруг стало холодно.

— Ваш пиджак, сэр, — приблизилось чье-то лицо над белым халатом.

Девушка помогла ему надеть пиджак.

Потом подала стакан.

Блэйн попробовал: молоко. Можно было догадаться. Здесь всем принято по возвращении давать стакан молока. Может, в него что-нибудь кладут? Он никогда не интересовался. Для него и других разведчиков это была одна из многих мелочей, составляющих особую прелесть “Фишхука”. Через сто с небольшим лет существования “Фишхук” сумел пронести великое множество полузабытых, в разной степени старомодных традиций.

Он уже стоял, потягивая молоко, и к нему возвращалась большая пусковая комната, в которой блестели ряды звездных машин. Некоторые были открыты, а в закрытых лежали тела товарищей Блэйна, и их разум путешествовал сейчас где-то в космосе.

— Который час? — спросил Блэйн.

— Девять вечера, — ответил человек, державший в руке журнал регистрации.

Существо опять шевельнулось в мозгу, и вновь зазвучали слова:

— *Здорово, приятель. Меняюсь с тобой разумами!*

Пожалуй, по человеческим понятиям, ничего более нелепого быть не могло. Это было приветствие. Что-то вроде рукопожатия. Мозгопожатие! Впрочем, если вдуматься, в нем

куда больше смысла, чем в обычном рукопожатии.

Девушка тронула его за руку:

— Ваше молоко, сэр!

Если это расстройство мозговой деятельности, значит, оно еще не прошло. Блэйн снова ощутил Его — этот чуждый, темный сгусток, спрятавшийся где-то в подсознании.

— Машина в порядке? — спросил Блэйн.

Человек с журналом кивнул:

— Все в полном порядке. Записи с информацией уже отправили.

Полчаса, спокойно подумал Блэйн и удивился собственному спокойствию. У меня осталось всего полчаса, потому что именно столько потребуется, чтобы обработать информацию. Записи всегда просматриваются сразу после возвращения исследователя. Приборы, конечно, зафиксировали, что произошло. И вскоре здесь все станет известно. Надо выбраться отсюда прежде, чем прочтут записи.

Он оглядел комнату и вновь почувствовал удовлетворение, восторг, гордость — то, что испытал, попав сюда впервые много лет назад. Этот зал — сердце “Фишхука”, отсюда отправляются исследователи на далекие планеты.

Блэйн представлял, как тяжело будет расстаться со всем этим, как трудно будет уйти насовсем, — слишком большую часть самого себя он сюда вложил.

Но выбора нет, надо уходить.

Он допил молоко, отдал девушке стакан. Затем пошел к двери.

— Одну минуту, сэр, — мужчина протянул ему журнал. — Вы забыли расписаться.

Проклиная формальности, Блэйн вынул из журнала карандаш и расписался. Столько глупостей, но таков ритуал. Расписывайся, когда приходишь, отмечайся, когда уходишь, а главное, держи язык за зубами. Такое впечатление, что одно лишнее слово — и “Фишхук” рассыплется в прах.

Он вернул журнал.

— Простите, мистер Блэйн, но вы не указали, когда придете на чтение записей.

— Напишите, завтра в девять, — бросил он.

Пусть пишут все, что вздумается, я не собираюсь возвращаться. У меня осталось лишь тридцать минут, даже меньше, и нельзя терять ни мгновенья.

С каждой убегающей секундой в памяти все ярче вставал тот вечер три года назад. Он отчетливо помнил не только слова, но и тон, которым они были произнесены. В тот вечер позвонил Годфри Стоун, и в его голосе, прерывистом, словно после очень быстрого бега, звучал панический страх…

— Счастливо! — Блэйн вышел в коридор и захлопнул за собой дверь. В коридоре никого не было. По обеим сторонам пустынного коридора двери были закрыты, из-за некоторых сквозь щели просачивался свет, стояла полная тишина. Но в этой безлюдности и тишине слышался пульс гигантского организма “Фишхука”. Казалось, этот огромный комплекс никогда не спит: круглые сутки работают лаборатории и испытательные станции, заводы и университеты, обширнейшие библиотеки и склады…

Блэйн на мгновение остановился, прикидывая. Все, кажется, достаточно просто. Выйти из здания ничего не мешает. Остается только сесть в машину, которая на стоянке, в пяти кварталах отсюда, и поскорей добраться до северной границы. Нет, остановил Блэйн себя, не годится, чересчур уж просто и прямолинейно. И слишком очевидно. В “Фишхуке” наверняка решат, что именно так я и поступлю.

Но сомнение не покидало Блэйна, голову сверлила чудовищная мысль: а надо ли вообще бежать?!

А те пятеро, после Годфри Стоуна, — что, разве еще недостаточно?

Блэйн быстро зашагал вниз по коридору, стараясь разобраться в своих сомнениях и вместе с тем чувствуя, что сомнениям сейчас не место. Какие бы колебания ни возникали, он знал, что действует правильно. Но правильность сознавал рассудком, а сомнения шли от сердца.

Он понимал, что причина тут одна: он не хочет бежать из “Фишхука”. Ему тут нравится, ему интересно работать в “Фишхуке” и не хочется бежать.

Но эту борьбу с самим собой он выиграл много месяцев назад. Уже тогда пришло решение: когда придет время, он уйдет, все бросит и убежит, как бы ни хотелось остаться.

Потому что Годфри Стоун уже прошел через это и, спасаясь бегством, выбрал момент и позвонил — не для того, чтобы просить о помощи, а чтобы предупредить.

— Шеп! — он выдыхал слова, словно говорил на бегу. — Шеп, слушай и не перебивай. Если когда-нибудь вернешься не таким, каким улетал, уноси ноги. Не жди ни минуты. Сразу же уноси ноги.

Затем в трубке щелкнуло, и все стихло.

Блэйн помнил, как стоял, продолжая сжимать в руке трубку. “Да, Годфри, — сказал он в молчащий телефон. — Да, я запомню. Спасибо. Удачи тебе”.

И все. Больше он Годфри Стоуна никогда не видел и не слышал.

“Если ты вернешься не таким”, — сказал Годфри. И вот теперь я “не такой”. Я ощущаю в себе чужой разум, второе “я”, прячущееся в мозгу. Вот что, значит, делает человека “не таким”. А как же другие? Не может быть, чтобы все повстречали того самого Розового, обитающего в пяти тысячах световых лет от Земли. Сколько же еще способов стать “не таким”?

Скоро в “Фишхуке” узнают, что я прилетел “не таким”. Этому невозможно помешать. Узнают, лишь только закончат обрабатывать информацию. Тогда меня запрут в лаборатории ч приставят “слухача”- человека, ковыряющегося в чужих мыслях. Слухач будет разговаривать дружелюбно и даже с сочувствием, а сам в это время будет извлекать из моего мозга Чужой Разум — выковыривать из убежища и исследовать.

Он подошел к лифту и уже собирался нажать кнопку, но тут распахнулась одна из выходящих в холл дверей.

— А, Шеп, это ты, — произнес человек, появившийся в двери. — Слышу, кто-то вышел из пусковой, думаю, кто бы это мог быть.

— Я только что вернулся, — ответил Блэйн.

— Не хочешь зайти ко мне на минутку? — пригласил Кирби Рэнд. — Я как раз собрался открыть бутылочку.

Блэйн знал, что раздумывать некогда. Надо или зайти и выпить пару рюмок, или сразу отказаться. Но отказ вызовет у Рэнда подозрение. Потому что работа Рэнда — подозревать. Не зря он начальник отдела безопасности “Фишхука”.

— Ладно, — согласился Блэйн, стараясь говорить как можно спокойнее. — Только ненадолго. Свидание. Нехорошо заставлять девочку ждать.

Это должно избавить от всяких дальнейших предложений, подумал Блэйн. А то этот тип от избытка чувств может пригласить пообедать или что-нибудь посмотреть.

Кабина уже почти подошла к их этажу, но Блэйн заставил себя отойти от лифта. Идиотская задержка, но ничего теперь не поделаешь.

Когда он вошел к Рэнду, тот дружески похлопал его по плечу.

— Ну, как путешествие? — спросил Рэнд.

— Все отлично.

— Далеко летал?

— Около пяти тысяч световых.

Рэнд кивнул:

— Этого я мог и не спрашивать. Теперь все летают далеко. Поблизости мы уже почти все закончили. Еще сотня лет — и начнем летать за десять тысяч.

— Разницы большой нет, — сказал Блэйн. — Стоит только вылететь, как ты уже там. Расстояние не имеет значения. Может, когда станем летать еще дальше, до середины Галактики, тогда появятся помехи. И то вряд ли.

— Ученые тоже так считают.

Рэнд пересек кабинет, подошел к массивному столу и взял бутылку. Отбил сургуч и

вытащил пробку.

— Знаешь, Шеп, — сказал он, — мы занимаемся фантастическим делом. И, хотя иногда надоедает, в нем есть своя романтика.

— Просто мы дошли до этого очень поздно, — ответил Блэйн. — Умение было в нас всегда, а им не пользовались. Потому что не могли найти ему практического применения. Потому что все это казалось слишком немыслимым. Потому что отказывались верить. Древние догадывались об этом умении, но не понимали его и считали колдовством.

— Простые люди и сегодня так думают. — Рэнд достал лед из встроенного в стену холодильника, положил в бокалы и наполнил их почти до краев. — Садись. — Он протянул Блэйну бокал и сел за стол. — Напрасно не присаживаешься. Ты же не особенно спешишь, а сидя пить гораздо приятнее.

Блэйн сел. Рэнд положил ноги на стол, устраиваясь поудобнее.

Осталось не более двадцати минут!

А он сидит здесь, сжимая в руке бокал, и ждет, когда Рэнд снова заговорит. И в эту секунду, когда оба молчали, Блэйну послышалось дыхание “Фишхука”. “Фишхук” представился ему огромным живым существом, которое лежит здесь, в Северной Мексике, прильнув к закутавшейся в ночь матери-Земле. У этого существа есть сердце, легкие, пульсирующие вены, и он, Блэйн, чувствует этот пульс.

— У вас, исследователей, не жизнь, а одно удовольствие. — Сидящий за противоположным концом стола Рэнд изобразил на лице добродушие. — Я иногда вам завидую.

— Для нас это работа, — небрежно заметил Блэйн.

— Вот сегодня ты побывал за пять тысяч световых лет. Наверняка это тебе что-то дало.

— Да, пожалуй, — согласился Блэйн. — Испытываешь какое-то высшее духовное удовлетворение, когда подумаешь, куда летал. А сегодня к тому же было интересней, чем обычно. Кажется, я нашел жизнь.

— Расскажи, — попросил Рэнд.

— Тут нечего рассказывать. Я натолкнулся на это существо, когда время уже кончалось. И не успел ничего сделать, как меня потащило назад. Ты должен что-то придумать, Кирби. Это чертовски мешает.

— Вряд ли это возможно. — Рэнд покачал головой.

— Вы должны позволить нам хоть иногда действовать по собственному усмотрению, — настаивал Блэйн. — Лимит времени не должен быть таким строгим. А то приходится торчать все тридцать часов на планете, где нечего делать, а когда, кажется, что-то находишь, тебя возвращают на Землю.

Рэнд усмехнулся.

— И не пытайся утверждать, что вам это не по силам, — продолжал Блэйн. — Я знаю, что это возможно. В распоряжении “Фишхука” столько ученых…

— Да нет, я не спорю, — ответил Рэнд, — это возможно, конечно. Просто мы не хотим выпускать контроль из своих рук.

— Боитесь, кто-нибудь останется?

— Не исключено.

— Зачем? — удивился Блэйн. — Ведь там ты уже не человек. Только человеческий разум, запрятанный в хитроумную машину.

— Нас устраивает все как есть. И потом, мы очень ценим вас, исследователей. Меры безопасности необходимы. Вдруг за пять тысяч световых лет случится авария? Вдруг что-то произойдет и разведчик не сможет управлять машиной? В этом случае он для нас потерян. А так все делается автоматически. Отправляя вас, мы знаем наверняка, что вы вернетесь.

— Вы слишком высоко нас цените, — сухо заметил Блэйн.

— Вовсе не слишком, — возразил Рэнд. — Ты имеешь представление, сколько денег мы в вас вкладываем? Ты даешь себе отчет, сколько человек приходится отсеять, прежде чем найдешь подходящего? Он должен быть и телепатом, и иметь способности к телепортации, и

обладать психикой, способной выдержать все, что бы ни встретилось в космосе. И наконец, он должен быть предан “Фишхуку”.

— Ну, преданность-то вы покупаете. Тут еще никто не жаловался на слишком маленькую зарплату.

— Я говорю о другом, — остановил его Рэнд, — ты знаешь о чем.

А каков ты сам, подумал Блэйн, какими человеческими качествами надо обладать, чтобы работать в системе безопасности? Может, надо уметь подслушивать чужие мысли, подглядывать в чужой разум? Но я знаю Рэнда много лет и не замечал за ним таких способностей. Если б Рэнд был слухачом, зачем бы ему держать людей, единственная задача которых — подслушивать чужие мысли?

— И все-таки, — сказал Блэйн, — я не вижу необходимости держать нас под контролем постоянно. Мы могли бы…

— Не пойму, чего ты так беспокоишься. Полетишь еще на свою планету и продолжишь, что начал.

— Конечно, полечу. Я ведь ее нашел, так что она в какой-то степени моя.

Он допил виски и поставил бокал.

— Все. Спасибо. Я пошел.

— Ладно, — ответил Рэнд. — Не буду тебя задерживать. Ты завтра работаешь?

— С девяти.

Глава четвертая

Блэйн открыл массивную, роскошно украшенную дверь и вышел на площадь. Он всегда стоял здесь минуту — другую, наслаждаясь городом, который в этот час особенно хорош. На площади, залитой мягким светом уличных фонарей, прохожие казались бесплотными тенями. Легкий вечерний ветерок шелестел листвой. Молча, почти бесшумно проносились вечно спешащие автомобили. И все это было слегка подернуто таинственной тонкой дымкой осеннего вечера.

Но сегодня он не стал любоваться городом. Не было времени. В его распоряжении оставалось всего восемь минут. Каких-то жалких восемь минут.

Его машина на стоянке всего в пяти кварталах отсюда, но до нее не успеть дойти. Рисковать нельзя. Машину придется оставить.

И еще этот Кирби Рэнд. Зачем ему вдруг понадобилось выходить из кабинета и звать меня выпить именно в этот вечер?

Вроде бы все выглядело вполне естественно, но от разговора с Рэндом у Блэйна остался осадок легкого беспокойства, ощущение, будто Рэнд знал, что крадет у него время, будто он о чем-то подозревал.

Но все это позади, успокаивал себя Блэйн. Конечно, мне не слишком повезло, но ничего страшного пока не случилось. Может быть, так даже лучше. Если б я взял машину, “Фишхук” знал бы наверняка, где меня искать. Но если уж меня вынудили остаться в городе, то я исчезну за десять минут.

Блэйн зашагал вниз по аллее и свернул в направлении, противоположном стоянке.

Еще бы десять минут, повторял он про себя, как молитву. За эти десять минут я найду дюжину мест, где можно спрятаться, — спрятаться, чтобы прийти в себя, подумать и решить, что делать дальше. Потому что сейчас, без машины, я просто не знаю, что предпринять.

У него будут эти десять минут, он не сомневался в этом, только бы ему повезло, только бы не встретить кого-нибудь из знакомых.

Блэйн шел и чувствовал, как в голове, подобно пене, вскипает страх. Не его страх. Страх нечеловеческий. Бездонный, черный, визжащий, цепляющийся страх, рожденный в разуме, который не может больше выносить ужасов чужой планеты, не может прятаться в чужом мозгу, не в силах приспособиться к угрожающей ситуации, невыносимой оттого, что все в ней непонятно.

Стиснув зубы, Блэйн боролся с этим страхом, сознавая краешком ума, не поддавшимся панике, что страшно не ему, а тому, другому, кто прячется у него в мозгу.

Блэйн почувствовал, что сейчас не выдержит и побежит. Но напряг остатки воли и сдержался. Ему нельзя бежать: он ни в коем случае не должен привлекать к себе внимание.

Шатаясь от напряжения, Блэйн свернул с аллеи, натолкнулся на толстое дерево и, вытянув руки, обхватил ствол, как будто надеясь, что прикосновение к чему-то земному прибавит ему сил.

Он обнял ствол дерева и замер, приникнув к нему. Страх начал медленно стекать обратно, в глубины мозга. Чужой разум уползал назад в свою нору, жалко отступая и прячась.

— *Все в порядке,* — пытался успокоить его Блэйн. — *Оставайся там, где есть, и не беспокойся. Предоставь все мне. Я все сделаю сам.*

Существо пыталось освободиться. Оно сделало отчаянную попытку вырваться из плена и, потерпев неудачу, вернулось обратно в самый безопасный уголок загона, в котором вдруг оказалось.

Только бы это не повторилось, подумал Блэйн. Больше не выдержу. Случись это еще раз — побегу, не в силах противиться страху. Побегу — с пеной у рта, испуская вопли ужаса. И тогда мне крышка.

Он разжал руки, отпустил дерево и теперь стоял рядом с ним, выпрямившись, оцепенев, с трудом заставляя себя стоять прямо, не поддаваться слабости. Он чувствовал, что его тело покрыто испариной, дыхание — как у бегуна, только что прошедшего дистанцию. Неужели сумею убежать, скрыться? Неужели смогу спастись с этой обузой за пазухой? Даже одному было бы нелегко скрываться от преследования, а если тащить с собой этот скулящий от страха разум…

Но от него не избавиться. По крайней мере, сейчас неизвестно, как это сделать, и придется терпеть его в себе и бороться вместе с ним, как бы трудно ни было.

Он отошел от дерева, но теперь шаг его замедлился, стал менее уверенным. Стараясь унять охватившую его дрожь, придать твердость походке, Блэйн двинулся дальше, вниз по аллее. И вдруг почувствовал, что страшно голоден. Удивительно, подумал он, что голод только сейчас дает о себе знать. Ведь, кроме стакана молока, за последние тридцать часов во рту не было ни крошки. Только полный покой для тела, похожий на глубокий, крепкий сон, — и ни крошки еды за все это время.

Глухо бормоча атомными двигателями, мимо проносились реактивные автомобили.

Один из них подлетел к тротуару, остановился рядом с Блэйном, и чье-то лицо показалось в окошке.

— Шеп! Вот это здорово! Я так и знал, что встречу тебя.

Блэйн испуганно остановился и взглянул на водителя, чувствуя, как чужой страх вновь закипает в нем. Усилием воли Блэйн загнал этот страх обратно и произнес как можно спокойнее:

— Привет, Фредди! Давненько мы с тобой не виделись.

Это был Фредди Бейтс. Никто не знал, чем он занимается, но ходили смутные слухи, что он чей-то представитель в этом городе, где каждый второй или какой-нибудь уполномоченный, или секретный агент.

Фредди открыл дверцу:

— Прыгай. Поедем на вечеринку.

Кажется, это то, что надо, подумал Блэйн. Конечно, лучше и не придумаешь: “Фишхуку” в голову не придет искать меня в веселящейся компании. И потом, в случае чего оттуда всегда легко улизнуть. Там столько народа, что исчезновения одного человека никто не заметит. И наверняка найдется машина, в которой какой-нибудь рассеянный владелец забудет ключи. Кроме всего, там можно будет поесть — а это необходимо.

— Прыгай, — повторил Фредди. — Сегодня пьянка у Шарлин.

Блэйн быстро сел на мягкое сиденье. Дверца тихо захлопнулась, и машина Фредди

влилась в мчащийся поток.

— Я говорю Шарлин, — начал Фредди, — что это за вечер, если нет ни одной души из “Фишхука”. И вызвался заманить какую-нибудь важную птицу оттуда.

— Ты промахнулся. Никакая я не важная птица.

— Зато исследователь, разведчик. А разведчикам есть о чем порассказать.

— Ты же знаешь, мы на эти темы не распространяемся.

Фредди прищелкнул языком:

— Всё тайны!

— Нет, просто правила и инструкции.

— Да, конечно. Потому-то слухи здесь разносятся со скоростью света. Стоит днем случиться чему-нибудь на одном конце города, как вечером в кабаках на другом конце уже обсасываются все подробности.

— И обычно перевираются.

— Может, кое-что и приукрашивается для интереса, но суть дела остается.

Блэйн промолчал. Откинувшись на спинку сиденья, смотрел через окно на мелькающие огни улиц, на кварталы массивных домов с плоскими крышами. Все это “Фишхук”. Удивительно, уже столько лет здесь езжу и не перестаю каждый раз восхищаться этим видом. Впрочем, подумал он, самый вид тут ни при чем, бывают виды куда красивее и величественнее. Все дело в невероятной, фантастической сути “Фишхука”, отблеском ложащейся на весь город.

Если судить не по названию, а по значению, то именно здесь расположена настоящая столица Земли, подумал Блэйн. Сюда устремлены надежды миллионов людей, здесь заключено величие будущего. Тут находится звено, связующее человечество с другими мирами, затерянными в глубинах космоса.

А я ухожу отсюда.

До сих пор трудно поверить, что мне, который так любил свое дело, так верил в него, отдавал ему всю свою жизнь, приходится теперь удирать, словно вспугнутому зайцу.

— Что вы собираетесь со всем этим делать? — спросил Фредди.

— С чем “этим”?

— Со всеми вашими знаниями, секретами, идеями.

— Не знаю.

— Сотни ученых, не помня себя от счастья, раскручивают колесо науки. У тысяч инженеров и специалистов кругом идет голова от их невероятных открытий. Как далеко вы ушли от остальных людей? На миллион лет или больше?

— Поговори с кем-нибудь другим. Я не в курсе. Я только выполняю свою работу. Если ты пытаешься выудить из меня что-то, то напрасно. Меня на эти приманки не поймать.

— Извини. Я просто одержим этой мыслью.

— Не ты один. На Земле нет, наверно, такого места, где бы не ругали “Фишхук”. Для миллионов людей сегодня это любимое занятие.

— Попробуй взглянуть на это с моей точки зрения. — Голос Фредди звучал серьезно. — Сижу я в стороне и понятия не имею, что делается в каком-то “Фишхуке”. И вдруг появляешься ты: сверхчеловек со своими сверхчеловеческими планами. Конечно, я завидую тем, кто в этом участвует, я ощущаю свою неполноценность и второсортность. А ты удивляешься, что люди ненавидят “Фишхук” и все, что с ним связано.

— А они и в самом деле ненавидят?

— Шеп, — мрачно произнес Фредди. — Тебе надо самому съездить и посмотреть.

— Не вижу особой надобности. И так достаточно наслышан. Я хочу знать: то, что они испытывают к “Фишхуку”, в самом деле ненависть?

— Думаю, да. Может быть, не здесь именно. То, что болтают в нашем городке, просто дань моде. Но поезжай в провинцию и поймешь, что “Фишхук” там действительно ненавидят.

Они въехали в район жилых кварталов. Вдоль широких, плохо освещенных улиц

нескончаемой нитью потянулись серые ряды домов. Машин стало меньше.

— Кто будет у Шарлин? — спросил Блэйн.

— А, все тот же зверинец. Шарлин любит устраивать такие дикие сборища, где все дозволено и где всем друг на друга наплевать. И где можно переспать почти с любой женщиной.

— Да, я знаю.

Существо слабо, будто во сне, шевельнулось у него в мозгу.

— Все в порядке, — сказал ему Блэйн — *Успокойся и не двигайся. Нам повезло. Мы выбираемся.*

Фредди свернул с шоссе на дорогу, которая стремительной спиралью поднималась вверх по каньону. Воздух похолодал. В темноте, раскачиваясь, шелестели деревья. Пахло хвоей.

За крутым поворотом показались огни дома. Он стоял на уступе скалы — современное здание, прилепившееся, как ласточкино гнездо, к почти отвесной стене каньона.

— Ну вот и прибыли, — весело произнес Фредди.

Глава пятая

Вечеринка становилась шумной, не буйной пока, но шумной, как бывает в конце концов со всеми вечеринками, и здесь уже воцарилась атмосфера пустоты и бесцельности. Густой табачный дым, прохладный ветерок, залетающий из каньона в распахнутые окна, нескончаемая, никчемная болтовня, доносящаяся отовсюду, — все, казалось, говорило о том, что уже поздно к гости вот-вот начнут расходиться. Но на самом деле еще не было и двенадцати.

Герман Дальтон тяжело опустился в кресло, вытянул длинные ноги и, заправив в угол рта сигару, несколько раз провел пятерней по волосам, отчего его голова стала похожа на только что купленную щетку.

— Послушайте, Блэйн, — пробасил он. — С этим надо что-то делать. Если все оставить как есть, то скоро наступит время, когда понятие “бизнес” исчезнет. “Фишхук” прижал нас к стене.

— Мистер Дальтон, — устало произнес Блэйн, — если вам надо обсудить с кем-то этот вопрос, то я не подхожу для этой цели. В бизнесе я не разбираюсь, а о “Фишхуке” просто ничего не знаю, хотя и работаю там.

— “Фишхук” поглощает нас, — сердито продолжал Дальтон. — Лишает нас средств к существованию. Он разрушает стройную систему писаных и неписаных законов, которые на протяжении веков вырабатывались умными людьми, глубоко преданными интересам общества. “Фишхук” разваливает торговлю. Медленно, но неуклонно разоряет нас одного за другим. Взять хотя бы эти “мясные овощи”! Надо же такое выдумать. Сажаешь в грядку семена, а потом идешь и выкапываешь эдакий картофель, в котором протеинов больше, чем в мясе.

— И теперь миллионы людей едят мясо, чего раньше не могли себе позволить, получая, благодаря вашей замечательной “системе писаных и неписаных законов”, гроши.

— А фермеры! Подумайте о тех, кто вложил капиталы в торговлю мясом. Я уже не говорю о компаниях по производству тары.

— Конечно, по всем правилам следовало бы поставлять семена только фермерам или владельцам универсамов либо продавать их не по десять центов за штуку, а по доллару или полтора. Тогда, конечно, натуральное мясо смогло бы конкурировать с семенами, а экономика не испытала бы никаких потрясений. Но в таком случае, естественно, эти миллионы людей никогда…

— Простите, — запротестовал Дальтон, — но вы не понимаете, что экономика — движущая сила нашего общества. Уничтожьте экономику, и вы уничтожите человека.

— Очень и очень сомневаюсь.

— Но правоту моих взглядов подтверждает история. Торговля создала мир, который нас сегодня окружает. Торговля открывала новые земли, отправляла корабли в далекие моря, строила заводы и…

— Я вижу, мистер Дальтон, вы хорошо знаете историю.

— Да, мистер Блэйн, неплохо. И особенно меня интересует…

— Тогда вы должны были заметить, что мысли, обычаи и убеждения со временем устаревают. Это можно прочитать на каждой странице вашей истории. Меняется мир, и меняются люди и их взгляды. Вам никогда не приходило в голову, что экономика, о которой вы так тревожитесь, устарела и… больше не приносит пользы? Что она сыграла свою роль в развитии человечества, и мир пошел дальше, и теперь экономика — понятие историческое, нечто вроде бронтозавра?

Дальтон даже подскочил в кресле, волосы его встали дыбом, сигара чуть не выпала изо рта.

— Боже мой! — воскликнул он. — Это ужасно. Неужели “Фишхук” в самом деле так думает?

Блэйн сухо усмехнулся:

— Нет, так думаю я, и у меня нет ни малейшего представления о позиции “Фишхука”. Я ведь не член Правления.

Вот так всегда, подумал Блэйн. Куда ни пойдешь, всюду одно и то же. Вечно кто-то пытается выудить хоть какой-нибудь намек или крошечный секретик, касающийся “Фишхука”. Эта стая стервятников, это сборище соглядатаев, которые жаждут знать, что же происходит, и воображают гораздо больше того, что есть на самом деле.

Дальтон снова откинулся на спинку кресла. Огромная сигара опять надежно держалась у него во рту, а волосы улеглись назад ровными рядами, словно их пригладили расческой.

— Вы утверждаете, что не состоите в Правлении. Значит, вы разведчик?

Блэйн кивнул.

— И вы летаете в космос и посещаете другие звезды и планеты?

— Да, именно.

— Но, в таком случае, вы — парапсих!

— Да, нас так называют. Хотя, простите за прямоту, в приличном обществе это слово стараются не употреблять.

Смутить Дальтона было невозможно.

— Интересно, что вы там видите?

— К сожалению, мистер Дальтон, я не могу ответить вам на этот вопрос.

— Вы летаете один?

— Нет, беру с собой тайпер.

— Тайпер?

— Такой механизм, набитый всякими приборами, которые записывают все, что происходит вокруг.

— Так эта штука летает вместе с вами?

— Да нет же, повторяю вам, я беру ее с собой. Когда я вылетаю, то прихватываю ее с собой, как портфель.

— Значит, только ваш разум и этот механизм?

— Да, мой разум и этот механизм.

— Но это невероятно!

Блэйн промолчал.

Дальтон извлек сигару изо рта и внимательно осмотрел ее. Конец сигары был так изгрызен, что изжеванные листья мокрыми прядями свисали вниз. Сосредоточенно сопя, Дальтон покрутил сигару, чтобы завернуть размокшие листья, и отправил ее обратно в рот.

— Давайте вернемся к тому, с чего мы начали, — изрек он с величественным видом. — У “Фишхука” имеются всякие там дьявольские штуки. Ладно. Бог с ним. Думаю, перед поступлением в продажу все тщательно проверяется. И никто не был бы в обиде — да, сэр,

никто, — если б “Фишхук” торговал через различные официальные организации. Но “Фишхук” не желает, чтобы эти штуки продавал кто-либо другой. Он открыл собственные лавки. Мало того, для вящей обиды назвал эти лавки “факториями”[1]. Можно подумать, что “Фишхук” имеет дело с толпой дикарей.

Блэйн рассмеялся:

— По всей видимости, когда-то в “Фишхуке” работал человек, наделенный чувством юмора. Уверяю вас, мистер Дальтон, в это очень трудно поверить.

Дальтон распалялся все больше.

— Изобретаются все новые и новые способы, чтобы разорить нас. С каждым годом “Фишхук” все больше прибирает к рукам производство товаров, пользующихся спросом. А то и просто уничтожает спрос. Это не угроза несчастья, которое вот-вот может разразиться, а ржавчина, разъедающая нас уже давно. Недавно я узнал, что “Фишхук” собирается ввести свою систему телепортации, доступную для всех желающих. Вы представляете, какой это будет удар для торговли?

— Видимо, придет конец всем автомобильным фирмам и некоторым авиационным.

— “Видимо”! Вы прекрасно знаете, что так и будет. Ни один способ транспортировки не сможет конкурировать с телепортацией.

— Тогда единственный выход для вас — разработать систему телепортации самим. И за пределами “Фишхука” есть люди, которые могут показать, как это делается.

— Ненормальные! — злобно произнес Дальтон.

— Нет, Дальтон. Это обычные люди с паранормальными способностями. Благодаря им “Фишхук” стал сегодня тем, что он есть. То, что восхищает вас в “Фишхуке”, почему-то вызывает отвращение за его пределами.

— Мы не можем пойти на это. Существуют же народные традиции.

— А, народные традиции… Что, улюлюкающие толпы по-прежнему продолжают распинать пара-психов?

— Общественное мнение иногда возмущается, — неохотно согласился Дальтон.

— Можно представить, каким образом.

Дальтон вынул изо рта сигару, брезгливо посмотрел на нее: один конец потух, другой — весь изжеван. Немного подумав, он швырнул ее в цветочный горшок. Сигара зацепилась за нижние листья растения и закачалась грязным пятном на фоне зелени.

Сложив руки на животе, Дальтон уставился в потолок.

— Мистер Блэйн, — сказал он.

— Да!

— Вы очень проницательный человек. И цельный. Вы терпеть не можете консервативность в мышлении и несколько раз здорово поддели меня. Мне нравится, как вы это сделали.

— К вашим услугам, — холодно отозвался Блэйн.

— Сколько вам платят?

— Достаточно.

— Такого не бывает. Я никогда еще не встречал человека…

— Если вы пытаетесь купить меня, то просто спятили.

— Не купить, а нанять. Вы прекрасно знаете “Фишхук”, знакомы со многими людьми. В качестве консультанта вы были бы просто незаменимы. Нам очень хотелось бы обсудить…

— Простите, сэр, но я ничего не смогу для вас сделать. При теперешних обстоятельствах я не смогу быть чем-либо для вас полезным.

Все, здесь я уже провел целый час, это более чем достаточно. Поел, выпил, поговорил с Дальтоном — просадил на него уйму времени. Пора двигаться дальше. Когда до “Фишхука” дойдет слух, что я здесь, надо быть подальше отсюда.

---

[1] * Фактория — торговая контора или поселение европейских купцов в колониальных странах.

Сзади зашелестело платье, и чья-то рука легла ему на плечо.

— Я рада, что ты пришел, Шеп, — сказала Шарлин Витьер.

Он встал и повернулся к ней.

— Это я рад, что ты пригласила меня. Ее глаза кокетливо блеснули.

— Я тебя пригласила?

— Нет, по правде, меня притащил Фредди Бейтс. Надеюсь, ты не возражаешь?

— Ты же знаешь, я тебе всегда рада, — она слегка сжала ему руку. — Пойдем, я познакомлю тебя с одним человеком. Извините нас, мистер Дальтон.

— Пожалуйста.

— Вышло довольно невежливо, — заметил Блэйн, когда они отошли.

— Надо было тебя спасать. Это на редкость скучный тип. Понятия не имею, откуда он здесь взялся. Уверена, что я его не приглашала.

— А кто он такой? Я так и не понял.

Она пожала красивыми обнаженными плечами.

— Глава какой-то торговой делегации. Они приехали поплакаться о несчастьях, которые на них обрушил “Фишхук”.

— Я так и подумал. Он очень расстроен и, по его словам, очень несчастен.

— Ты почему не пьешь?

— Только что выпил.

— А ты поел? Тебе весело? У меня есть дименсино, последняя модель…

— Я посмотрю, только попозже.

— Пойди выпей еще. Я поздороваюсь еще кое с кем из гостей. Ты не останешься потом? Ты так давно у меня не был.

Блэйн покачал головой.

— Ужасно жаль, но не смогу. Спасибо.

— Тогда в другой раз, — сказала она и собралась идти, но Блэйн шагнул вперед и остановил ее.

— Шарлин, — спросил он, — тебе когда-нибудь говорили, что ты чертовски славное создание?

— Нет. Никогда и никто.

Она приподнялась на цыпочки и поцеловала его в щеку.

— А теперь иди развлекайся.

Блэйн стоял и смотрел, как она движется среди гостей.

Розовый вопросительно шевельнулся в нем.

— *Подожди,* — сказал ему Блэйн, глядя в толпу. — *Положись на меня и потерпи еще немного. Потом мы вместе все обсудим.*

Он почувствовал, что Розовый благодарен за то, что он помнит о нем, что откликнулся.

— *Мы поладим,* — сказал он. — *Должны поладить. Ведь мы с тобой единое целое.*

Розовый успокоился. Блэйн чувствовал, как он спокойно улегся, предоставив ему действовать. В самом начале он уже испытал страх, и страх снова мог родиться в нем. Пока он сдерживался, хотя ситуация, Блэйн знал, должна была казаться ему ужасающей: чудовищно, невообразимо велика была разница между этим местом и уединенной безмятежностью голубой комнаты на той далекой планете.

Блэйн как бы бесцельно пересек комнату, прошел вдоль бара, заглянул на минуту в зал с новым дименсино и вышел в прихожую. Надо ехать. До рассвета надо или как следует спрятаться, или быть за много миль отсюда.

Он побродил среди оживленно болтающих компаний, здороваясь со знакомыми.

Мне потребуется время, чтобы найти машину, в которой кто-то по забывчивости оставил ключ. А вдруг, пришла ему в голову страшная мысль, такой машины не окажется? Что тогда? Спрятаться в горах дня на два, пока не прояснится ситуация? Шарлин не откажется помочь, но она слишком болтлива, будет спокойнее, если она ничего не узнает. К кому еще можно обратиться за помощью? Ребята из “Фишхука”, конечно, помогли бы, но

это их скомпрометирует. Нет, до такой крайности я еще не дошел. Многие другие тоже согласились бы оказать помощь, но каждому из них и без того непросто в безумном сплетении интриг и доносов, которым окружен “Фишхук”. И потом, никогда не знаешь, кому можно доверять. Некоторые, несомненно, тут же выдали бы меня в расчете получить повышение по службе.

Наконец он подошел к двери. Казалось, он вышел из густого леса на открытое поле: здесь нескончаемая болтовня едва слышалась, воздух казался прозрачнее и как-то чище. Исчезло чувство подавленности, скученности тел и умов, биения чужого пульса, наплыва пустой болтовни и злобных сплетен.

Дверь открылась, и в прихожую вошла женщина.

— Гарриет! — удивился Блэйн. — Как я не сообразил, что ты здесь. Ты ведь не пропускаешь ни одной вечеринки у Шарлин. Собираешь всякие интересные истории для текущей хроники…

Ее телепатический шепот обжег ему мозг:

— Шеп, ты полный, ты законченный кретин! Что ты здесь делаешь? (Изображение кривляющейся обезьяны в бумажном колпаке, лошадиный зад с задранным хвостом.)

— Разве ты…

— Конечно. Почему бы нет (ряд вопросительных знаков)? Думаешь, только в “Фишхуке”? Только ты один? Да, я держу это в тайне. Но я имею право на тайны. Разве хороший газетчик может обойтись без этого (кипы пыльных бумаг; бесконечный поток цифр; губы, нашептывающие что-то в огромное ухо)?

Вслух Гарриет Квимби произнесла приятным, певучим голосом:

— О, я никогда не пропускаю вечеринки у Шарлин. Здесь можно встретить таких интересных людей.

— Дурные манеры, — упрекнул Блэйн. Телепатией вообще пользоваться считалось дурной манерой, а в обществе и подавно.

— К черту манеры! Я тут перед ним душу наизнанку выворачиваю, а он… (Лицо, очень похожее на него, перед которым элегантно скрестились в виде решетки красивые тонкие пальцы.) Тебя ищут. Они уже знают, что ты тут. Скоро они будут здесь — если еще не пришли. Я приехала, как только узнала. Да не молчи же ты, как дурак… На нас обратят внимание, если мы будем так стоять.

— На этот раз ты напрасно потеряла время, — выговорил Блэйн. — Сегодня здесь нет интересных людей. Сегодня собралась на редкость неинтересная публика. *Слухачи!!*

— Пусть. Надо попробовать. Ты в опасности. Как Стоун. Как другие после него. Я приехала помочь тебе.

— Я тут беседовал с одним бизнесменом-лоббистом, — произнес он. — Жуткая скука. Вот, вышел сюда глотнуть свежего воздуха. *Стоун! Что тебе о нем известно?*

— Сейчас это неважно. Тогда я еду обратно, не стану терять время попусту. Моя машина стоит на обочине, но тебе со мной идти нельзя. Я пойду заведу мотор и выведу машину на дорогу, ты поброди еще немного здесь, а потом пробирайся на кухню. (План дома с красной линией, ведущей в кухню.)

— Я знаю, где кухня.

— Только спокойнее. Не делай резких движений, держись естественней. Веди себя как все и делай вид, что умираешь от скуки. (Карикатурный человечек с опущенными ресницами. Плечи его согнулись под тяжестью бокала, который он вяло держит в руке. У человечка распухшие от шума уши, а на рожице застывшая улыбка). Сначала пойдешь на кухню, оттуда — через черный ход на улицу.

— Неужели ты поедешь вот так, сразу? — спросил вслух Блэйн. — Вдруг я ошибся. *Но зачем? Зачем ты это делаешь? Какой тебе смысл? (Человек с недоумением и злостью глядящий в пустой мешок.)*

— Люблю тебя. (Деревянный забор, на котором вырезано сердце, пронзенное стрелой.)

— Не лги. (Кусок мыла, энергично моющий рот.)

— Не говори им, Шеп, — попросила Гарриет, — а то Шарлин до смерти обидится. *Я ведь журналистка, из твоих приключений выйдет неплохой рассказ.*

— Но ты забыла, что "Фишхук" может караулить на дороге у выхода из ущелья.

— Не беспокойся, Шеп, я разузнала их планы. Мы их одурачим.

— Хорошо, буду нем как рыба. До встречи. *И спасибо.*

Она вышла, и каблучки ее застучали вниз по лестнице.

Блэйн медленно повернулся и направился обратно, в переполненные комнаты. Не успел он перешагнуть порог, как в лицо ему ударил жаркий ком разговоров — гул десятков голосов людей, которым все равно, что говорить и с кем, лишь бы говорить, лишь бы отыскать в этом шуме суррогат самоутверждения.

Значит, Гарриет — телепат. Вот чего бы никогда не подумал. Хотя, если ты журналист и обладаешь способностью к телепатии, самое разумное — никому об этом не говорить.

В болтливости ее не упрекнешь, подумал Блэйн и удивился, как эта женщина смогла так долго хранить свою тайну. Впрочем, напомнил он себе, Гарриет сначала журналист, а потом уже женщина. Пишет она лучше, чем многие известные писаки.

У бара он остановился, взял виски со льдом и несколько минут со скучающим видом потягивал напиток. Нельзя показать, что он спешит или куда-то направляется, но и нельзя допустить, чтобы его втянули в какой-нибудь разговор, — на это нет времени.

Можно было бы зайти на пару минут в дименсино, но опасно. Слишком быстро там включаешься в сюжет, теряешь чувство времени, растворяешься в происходящем. Потом, включаясь в середине программы, часто рискуешь оказаться в весьма неловком положении.

Лучше не стоит, решил он.

Блэйн обменялся приветствиями с несколькими знакомыми; его покровительственно похлопал по спине один подвыпивший джентльмен, с которым он познакомился дней десять назад; ему пришлось выслушать пару непристойных анекдотов; он даже слегка пофлиртовал с престарелой вдовушкой, которая с глупой улыбкой набросилась вдруг на него.

И все это время он двигался к двери в кухню.

Наконец добрался до нее.

Перешагнул через порог и с праздным видом пошел вниз по ступенькам.

В кухне никого не было. Холодной голубой эмалью сверкала посуда. Гулко тикали настенные часы с длинной секундной стрелкой.

Блэйн поставил еще наполовину полный бокал с виски на ближайший столик. От наружной двери его отделяли лишь шесть шагов по тускло мерцающему полу.

Он сделал два шага и собрался делать третий, как в мозгу у него раздался тихий возглас предупреждения. Блэйн оглянулся.

За большим холодильником, сжимая что-то в кармане пиджака, стоял Фредди Бейтс.

— Брось, Шеп, — сказал он, — не советую сопротивляться. Все вокруг оцеплено. У тебя нет шансов.

Глава шестая

Блэйн на секунду замер от удивления, он был буквально ошеломлен. Именно ошеломлен, а не испуган и не разгневан. Ошеломлен тем, что это оказался именно Фредди Бейтс. Итак, Фредди уже не бездельник, которого мало кто знает и который мало кого интересует, бесцельно прожигающий жизнь в городе, полном таких, как он, а агент "Фишхука", и, по-видимому, весьма способный.

И еще — Кирби Рэнд все знал и все же позволил ему выйти из кабинета и спуститься на лифте. Но он еще не вышел на улицу, а Рэнд уже, сжимая трубку телефона, давал задание Фредди.

Все было обставлено умно, вынужден был признать Блэйн, — куда умней, чем мое собственное поведение. Ни на секунду я не заподозрил, что Рэнд о чем-то догадывается. И Фредди, приглашая меня в машину, выглядел таким же, как всегда, неудачником.

Ошеломление медленно проходило, уступая место злости. Злости за то, что он попался, что его провело такое ничтожество, как Фредди.

— Мы сейчас спокойно, как подобает друзьям, выйдем отсюда, — сказал Фредди, — и я отвезу тебя обратно побеседовать с Рэндом. Тихо, мирно, без суеты. Мы ведь не захотим — ни ты, ни я — причинять Шарлин беспокойство.

— Нет, — ответил Блэйн. — Нет, конечно, не захотим.

Его мозг лихорадочно работал, отыскивая лазейку, пытаясь найти какой-нибудь выход, что угодно, лишь бы выпутаться из положения. Потому что он не собирался ехать обратно. Что бы ни случилось, он не вернется с Фредди.

Он почувствовал, что Розовый зашевелился в нем, как будто выбираясь из своего уголка.

— *Нет!* — закричал Блэйн. — *Нет!*

Но было уже слишком поздно. Розовый выбрался и заполнил весь его мозг. И хотя он продолжал оставаться собой, он был и еще кем-то. Он стал сразу двумя существами — и это было очень странное ощущение, — и вдруг произошло что-то непонятное.

Комната застыла как мертвая, только на стене стонали часы. И это было тоже непонятно, потому что прежде с часами ничего подобного не случалось, они жужжали, но никогда не издавали ничего похожего на стон.

Блэйн быстро шагнул вперед, но Фредди не двинулся с места. Стоял, держа руку в кармане, и не шевелился.

Еще один шаг, и Фредди едва шелохнулся. Его глаза, не мигая, уставились в одну точку. Но выражение лица стало медленно и необычным образом меняться, и рука пошла вверх из кармана, но настолько медленно, что движение лишь угадывалось, как будто и рука, и пальцы, и то, что пальцы сжимают в кармане, пробуждались от глубокого сна.

И вот еще один шаг, и Блэйн подошел к нему почти вплотную. Его кулак, как поршень, рванулся вперед. У Фредди медленно, как на проржавевших шарнирах, отвисла челюсть, и веки, видимо моргая, поползли вниз.

Кулак обрушился на челюсть. Блэйн попал точно, куда целился, и вложил в удар всю силу, всю тяжесть своего тела. Но даже когда боль от удара обожгла ему костяшки пальцев и отдалась в запястье, он знал, что это ни к чему. Потому что Фредди практически не шевельнулся, не сделал ни малейшей попытки защититься.

Фредди падал, но падал как-то странно. Он падал медленно и плавно — так падает дерево после смертельного удара топора. Тело медленно кренилось к полу, и только теперь, в падении, рука с зажатым в ней револьвером выплыла из кармана. Выскользнув из ослабевших пальцев, револьвер со стуком опустился на пол.

Блэйн нагнулся и, прежде чем Фредди ударился об пол, поднял револьвер, и стоял так, сжимая его в руке, и глядел, как Фредди наконец упал — вернее, не упал, а, скорее, улегся на пол и, как бы расслабившись, замер на его поверхности.

Часы по-прежнему стонали на стене, и Блэйн, обернувшись, посмотрел на них, увидел, что секундная стрелка едва ползет по циферблату. Ползет, вместо того, чтобы бежать… И этот стон вместо жужжанья: часы, наверно, тоже рехнулись, подумал Блэйн.

Что-то произошло со временем. Об этом говорили и едва ползущая секундная стрелка, и почти пропавшая реакция у Фредди.

Ход времени замедлился.

И это было невозможно.

Ход времени не замедлился; время — величина постоянная. Но если это каким-то образом и произошло, то почему время не замедлилось для него?

Если только…

Ну, конечно, если только не время замедлилось, а он сам стал двигаться быстрее, настолько быстро, что Фредди не успел ничего сделать, не сумел защититься и ни при каких обстоятельствах не смог бы достать из кармана револьвер.

Блэйн вытянул руку и взглянул на револьвер. От этой тупорылой уродливой вещицы

веяло смертью.

Да, Фредди не шутил. И “Фишхук” тоже. Тот, кто собирается лишь немного поиграть, отделываясь шуточками и улыбками, не станет брать с собой оружие. А если взял, значит, готов был пустить его в ход. Фредди, несомненно, был готов к этому.

Блэйн повернулся и посмотрел на Фредди. Тот по-прежнему безмятежно лежал на полу. Пожалуй, он еще немного тут полежит, прежде чем придет в себя.

Блэйн сунул револьвер в карман и направился к выходу, мимоходом взглянув на часы. За все это время секундная стрелка едва сдвинулась с места.

Открыв дверь, он обернулся и еще раз окинул взглядом кухню. Идеально стерильная кухня по-прежнему безжизненно сияла посудой, единственное, что теперь нарушало порядок, было тело Фредди, распластавшееся на полу.

Блэйн вышел и зашагал по выложенной плитами дорожке к длинной каменной лестнице, перечеркнувшей склон огромной скалы.

Человек, который, развалившись, сидел на ступени, начал медленно подниматься, увидев, как Блэйн бежит ему навстречу.

Свет одного из окон верхнего этажа падал человеку на лицо, и Блэйн заметил, что оно выражает крайнее недоумение. Казалось, застывшие черты лица высечены на каменной маске.

— Извини, приятель, — Блэйн уперся раскрытой ладонью в эту маску и с силой толкнул ее.

Человек стал медленно отступать осторожными шажками, с каждым шагом наклоняясь назад все больше и больше. Прошло еще несколько времени, и он упал на спину.

Но Блэйн не стал ждать. Он продолжал бежать, перескакивая через ступени. В стороне от темных рядов автомобилей, припаркованных на стоянке, тихо урчала мотором машина с включенными подфарниками.

Это ждет Гарриет, понял Блэйн. Но она повернула машину не в ту сторону — не вниз по дороге, к выходу из каньона, а в самую глубь его. И он знал, что это ошибка, потому что вверх дорога сужается, и через милю-две проехать уже невозможно.

Блэйн перескочил через последнюю ступеньку и, осторожно пробираясь между автомобилей, вышел на дорогу.

Гарриет сидела в машине. Блэйн обошел вокруг, открыл дверцу с другой стороны и скользнул на сиденье.

На него вдруг обрушилась страшная, до ломоты в костях, усталость, как после бега. Казалось, он пробежал слишком длинную дистанцию. Откинувшись на спинку сиденья, он посмотрел на лежащие на коленях ладони и увидел, что руки дрожат.

— Как ты быстро, — обернулась к нему Гарриет.

— Представилась возможность, — ответил Блэйн. — И я не стал ждать.

Она включила скорость, и машина двинулась вверх по дороге. Эхо подхватило гул реактивного двигателя, разнося его по всему ущелью.

— Надеюсь, — заметил Блэйн, — ты знаешь, куда едешь. Дорога скоро кончится.

— Не бойся, Шеп, я знаю.

У него не было сил спорить. Он чувствовал полное изнеможение.

И я имею на это право, сказал он себе, потому что двигался в десять (или в сто?) раз быстрее, чем обычно. Человеческий организм просто не рассчитан на такие перегрузки. Я расходовал энергию со страшной скоростью: сердце колотилось, как сумасшедшее, легкие готовы были разорваться от напряжения, мышцы сокращались в невероятном темпе.

Он сидел и молчал, размышляя и удивляясь, как могло это произойти. Но удивление было формальным, он удивлялся, потому что должен был удивляться; на самом же деле он знал объяснение происшедшему.

Розовый больше не давал о себе знать. Он поискал его и нашел все в том же убежище.

— *Спасибо,* — поблагодарил он.

Это было несколько забавно — благодарить существо, ставшее частью его самого, ведь

оно пряталось у него в голове, в его мозгу. И все-таки оно не стало частью его самого, пока еще нет. Хотя уже и не было просто беглецом, укрывшимся в чужом разуме.

Машина неслась вверх по каньону. Свежий, прохладный ветер, казалось, был напоен брызгами прозрачного горного ручья, и от стен ущелья доносился тонкий и нежный аромат сосен.

— Что-нибудь случилось? — спросила Гарриет.

— Я встретил Фредди.

— Ты имеешь в виду Фредди Бейтса?

— Существует один-единственный Фредди.

— Безобидный дурачок.

— Когда мы встретились, у твоего безобидного дурачка глаза налились кровью и он вынул револьвер.

— Неужели он…

— Гарриет, — сказал Блэйн, — становится слишком жарко. Лучше высади меня.

— И не надейся, — ответила Гарриет. — Я еще никогда не участвовала в столь забавной игре.

— Мы вряд ли куда-нибудь приедем. Дорога скоро кончается.

— Шеп, может, глядя на меня, в это трудно поверить, но голова у меня работает неплохо. Я много читаю, и больше всего мне нравятся книги по истории. Проклятой истории войн. Особенно я люблю изучать карты боевых действий.

— Ну, и что из этого?

— А то, что я сделала одно наблюдение. Я пришла к выводу, что всегда, во всех случаях, необходимо заранее подготовить путь к отступлению.

— Только не по этой дороге.

— По этой, — сказала Гарриет.

Блэйн повернул голову и вгляделся в ее профиль. Нет, она не похожа на хладнокровную, практичную журналистку, хотя такая она на самом деле. И пишет не сентиментальные статейки, не заметки в колонку светских сплетен, а вместе с дюжиной других репортеров, составляющих элиту своей профессии, дает гигантскую панораму “Фишхука” для одной из крупнейших газет Северной Америки.

И несмотря на это, шикарна, словно сошла с обложки модного журнала. Шикарна, но без вычурности, и полна спокойной уверенности в себе, которая в любой другой женщине выглядела бы высокомерием.

Он был уверен, что все, что только можно знать о “Фишхуке”, она знает. Ее статьи отличались странной объективностью, можно сказать, даже беспристрастностью, однако и этот необычный для журналиста суховатый стиль она ухитрялась смягчить, добавить в него человеческой теплоты.

Но что из всего этого следует? Зачем она вмешалась в эту историю?

В том, что Гарриет друг, он не сомневался. Он познакомился с ней давно, вскоре после ее приезда в “Фишхук”. В маленьком ресторанчике, куда они в тот день пошли обедать, слепая старушка продавала розы. Блэйн вспомнил, как купил ей розу, и Гарриет, вдруг почувствовав себя одинокой и оторванной от родного дома, слегка всплакнула.

Странно. Хотя что теперь не странно, продолжал размышлять Блэйн. Взять тот же “Фишхук”, кошмар современности, за сто лет так и не принятый до конца остальным человечеством.

Он попытался представить, как все происходило тогда, эти сто лет назад, когда ученые в конце концов признали, что космос Человеку не под силу, и сдались. Кучка самых упрямых, самых упорных в своей мечте пошла другой дорогой — дорогой, которой Человек отказался идти или, что одно и А же, с которой свернул много лет назад и с тех пор неустанно глумился над ней, заклеймив ее словом “колдовство”.

Ведь что такое колдовство — чепуха из книжек для детей, бабушкины сказки.

Но всегда были упрямцы, которые верили, по крайней мере, в основной принцип того,

что люди называли колдовством, поскольку это не было колдовством в том смысле, который за долгие века приобрело это слово. Скорее, это был закон, такой же непреложный, как и законы, лежащие в основе всех естественных наук. Но, в отличие от них, это была наука, которая изучала возможности человеческого разума и стремилась достичь далеких планет не физически, а лишь силой разума.

Из этой веры, надежды и упорства и родился "Фишхук"[2], названный так потому, что это был рыболовный крючок, заброшенный в космос, давший возможность разуму совершать путешествия туда, куда никогда не попасть телу.

Дорога впереди делала крутой поворот направо, затем сворачивала влево, возвращаясь обратно и замыкая круг.

— Держись, — бросила Гарриет.

Она резко свернула с дороги и направила машину вверх по пересохшему руслу ручья на одной из стен каньона. Из реактивных сопел с ревом било пламя, надсадно визжал мотор, по колпаку крыши скрежетали ветви деревьев. Неожиданно машина сильно накренилась, затем выровнялась.

— Это еще ничего, — сообщила Гарриет. — Дальше будет пара местечек похуже.

— Это и есть тот самый путь к отступлению?

— Совершенно верно.

А зачем, подумал он, мог Гарриет Квимби понадобиться путь к отступлению?

Она осторожно вела машину по пересохшему руслу, прижимаясь к скале, которая каменной стеной уходила ввысь, в темноту. Из кустов испуганно разлетались птицы, трещали ветви, царапая автомобиль.

Фары осветили крутой поворот, как бы зажатый с одной стороны каменной стеной, а с другой — огромным, размером с сарай, валуном. Машина втиснула капот в пространство между скалой и валуном, развернула задние колеса и медленно, почти ползком, преодолела проход.

Гарриет убрала реактивную тягу, и машина со скрежетом опустилась на гравий. Двигатель замолчал, и над ними сомкнулась тишина.

— Отсюда пойдем пешком? — спросил Блэйн.

— Нет, немного переждем. Они ведь начнут охоту за нами и подъедут сюда. И по шуму двигателя поймут, в какой стороне мы скрылись.

— Мы поедем прямо на вершину?

— Прямо на вершину, — подтвердила она.

— Ты уже здесь ездила? — поинтересовался Блэйн.

— Много раз. Я знала, что если когда-нибудь понадобится воспользоваться этой дорогой, то делать это придется быстро. Не останется времени раздумывать или возвращаться назад.

— Но объясни мне, ради бога…

— Послушай, Шеп. Ты попал в переплет. Я тебе помогаю выпутаться. Может быть, этого достаточно?

— Конечно, если ты так хочешь. Но ты рискуешь собственной головой. А это не обязательно.

— Мне уже приходилось рисковать ею. Хороший журналист должен быть готов рискнуть головой, когда надо.

Может быть, подумал он, но не до такой степени. В "Фишхуке" полно газетчиков, и почти с каждым из них мне доводилось выпивать. Очень немногих я мог бы считать своими приятелями. И никто… никто, кроме Гарриет, не стал бы делать для меня того, что делает она.

Чисто журналистским интересом это не объяснишь. И одной дружбой тоже. Тут что-то

---

[2] * Fish-hook (англ.) — рыболовный крючок.

большее, чем и то и другое вместе.

А если Гарриет не только журналистка? Она не может быть только репортером. Ее поступками движет что-то другое. Очень любопытно, что?

— В прошлый раз, когда ты рисковала головой, ты рисковала ею для Стоуна?

— Нет, — ответила она. — О нем я знаю только понаслышке.

Далеко, на дне каньона, послышался слабый гул двигателей. Они сели в машину и прислушались. Гул быстро приближался, и Блэйн попытался сосчитать по звуку мчащиеся по дороге автомобили. Ему показалось, что их было три, хотя он не был уверен полностью.

Машины подъехали к повороту и остановились. Послышались треск кустов, мужские голоса.

Гарриет взяла Блэйна за руку и крепко сжала ее.

— Шеп, что ты сделал с Фредди? (Изображение ухмыляющегося черепа).

— Нет, всего лишь нокаут.

— У него был револьвер?

— Теперь револьвер у меня.

(Фредди в гробу, на нарумяненном лице застывшая улыбка, в сложенных на груди руках — громадная лилия.)

— Нет, не так. (Фредди с разбитым носом и крестами пластыря на самодовольном прыщавом лице).

Они тихо сидели, прислушиваясь к каждому звуку. Смолкли голоса, и машины двинулись обратно, вниз по дороге.

— Все?

— Погоди, — остановила его Гарриет. *— Они приехали на трех машинах. Уехали только две. Одна еще ждет. (Множество вытянувшихся от напряжения подслушивающих ушей.) Они знают, что мы поднялись по дороге. Они не знают, где мы спрятались. (Ямаловушка, усеянная рядами острых зубов.) Они ждут, когда мы поверим, что они уехали, и обнаружим себя.*

Они подождали еще. Где-то в лесу закричал енот, разбуженная каким-то лесным бродягой, сонно запротестовала птица.

— Есть одно место, — сказала Гарриет. *— Там ты будешь в безопасности. Если захочешь туда поехать.*

— Куда угодно. У меня нет выбора.

— А ты представляешь, что там делается?

— Слышал.

— В некоторых городах вывешивают предупредительные знаки (дорожный столб, на нем доска с надписью "Тут солнце светит не для парапсихов"). Они полны предвзятости и нетерпимости, среди них есть старинного обличья бородатые проповедники, яростно барабанящие кулаком по кафедре; люди в ночных рубашках и колпаках с кнутами и веревками; испуганные, растерянные люди, пытающиеся укрыться в редких зарослях ежевики.

— До отвратительного грязно и стыдно, — уже не мысленно, а голосом прошептала она.

С шоссе тронулась оставшаяся машина. Они выждали, пока она отъедет.

— Уехали наконец, — сказала Гарриет. Они, правда, могли на всякий случай кого-нибудь высадить, но придется рискнуть.

Она включила мотор, повернула реактивные сопла, и с зажженными фарами автомобиль рванулся вверх по сужающемуся руслу.

Дорога становилась все круче.

Лавируя между кустов, они продолжали взбираться по лезвию хребта. Гора белой стеной уходила вверх, а внизу зияла черная пустота. Потом целую вечность они снова карабкались по круче, подстегиваемые ветром, который становился все более холодным и пронизывающим, и наконец оказались на ровной площадке, залитой светом склонившейся к

западу луны.

Гарриет остановила машину, откинулась на спинку сиденья.

— Дальше граница, — сказала она. — Садись за руль. Осталось миль пятьдесят.

Глава седьмая

Толпа собралась на улице напротив ресторана и, обступив машину Гарриет, пристально наблюдала за ними со зловещим молчанием. Толпа зловещая, но не шумная. Злобная и, быть может, чуть-чуть испуганная. Или, скорей, злобная, потому что испуганная.

Блэйн прислонился спиной к стене, за которой они только что завтракали. Ничего особенного за едой не заметили. Все шло нормально. Никто им ничего не говорил. Никто на них не глазел. Все шло самым обыкновенным и повседневным образом.

— Как они догадались? — спросил Блэйн.

— Не знаю, — ответила Гарриет.

— Они сняли вывеску.

— А может, она сама упала. Или ее вообще никогда не вешали. Такое бывает. Объявления вывешивают только самые воинственные.

— У этих ребят вид вполне воинственный.

— Может быть, это к нам не относится?

— Может, и нет, — согласился он. Но поблизости, кроме них, не было никого и ничего, что могло бы собрать эту толпу.

— Слушай внимательно, Шеп. Если что-то случится, если мы потеряемся. Отправляйся в Южную Дакоту. Пьер в Южной Дакоте *(карта Соединенных Штатов, где Пьер обозначен звездочкой, под которой большими красными буквами подписано его название, а пурпурная дорога ведет от этого крохотного пограничного городка к большому городу на Миссури).*

— Я знаю, где это, — сказал Блэйн.

— Где меня найти, тебе скажут в этом ресторанчике *(каменный фасад здания; большие зеркальные окна, в одном из окон висит красивое, отделанное серебром седло; над дверью — роскошные лосиные рога).* Он стоит над рекой на холме. Там меня почти все знают. Они тебе подскажут, где я.

— Мы не потеряемся.

— На всякий случай имей это все-таки в виду.

— Обязательно, — ответил Блэйн. — Ты меня вытащила достаточно далеко, чтобы доверять тебе и дальше.

Толпа начинала закипать — не кипеть еще, а шевелиться, становиться все более неспокойной, как будто потихоньку вспениваясь. Из толпы донесся ропот — глухое, бессловесное ворчание.

Протиснувшись сквозь толпу, на улицу, еле ковыляя, выбралась древняя старуха. Вся она — лицо, руки, грязные босые ноги, — казалось, была сделана из морщин. Растрепанные волосы свисали с головы грязными седыми космами.

Она с трудом подняла руку в отвратительных складках дряблой плоти и прицелилась скрюченным, костлявым, трясущимся пальцем прямо в Блэйна.

— Вот он, — завизжала она. — Тот, кого я засекла. Он какой-то не такой. Я не могу попасть к нему в мозг. Там как будто сверкающее зеркало. Там…

Ее слова потонули в криках толпы, которая двинулась вперед, медленно, шаг за шагом приближаясь к мужчине и женщине у стены. Казалось, толпа движется как бы нехотя и со страхом, превозмогая свой ужас только сознанием важности гражданского долга, который им предстоит исполнить.

Блэйн опустил руку в карман пиджака, и его пальцы сомкнулись вокруг рукоятки револьвера, добытого в кухне Шарлин. Нет, револьвер не поможет, решил он, а только все усложнит. Он вынул руку из кармана и расслабленно опустил ее вдоль тела.

На лицах этой человеческой массы, которая переползала улицу, были написаны ярость

и отвращение. Толпа не травила жертву под покровом ночи, а, как стая волков, окружала ее неторопливо при свете дня. Впереди, на гребне волны человеческой ненависти, шла сморщенная ведьма, спустившая стаю движением пальца.

— Стой спокойно, — сказал Блэйн Гарриет. — Это наш единственный шанс.

Он понимал, что в любой момент ситуация может достичь критической точки. Толпа или не выдержит и отступит, или какое-то ничтожное происшествие, малейшее движение, слово, произнесенное вслух, заставят ее хлынуть вперед.

А если это случится, он будет стрелять. Не потому что хочет, а потому что у него не будет выбора.

А пока, перед тем как начать расправу, городок замер — сонный маленький городок с давно не крашенными, облупленными зданиями на залитой солнцем улице, где как попало росли чахлые деревья. В окнах верхних этажей виднелись лица, с удивлением глазеющие на дичь, забредшую к ним на улицу.

Толпа подошла еще ближе и окружила их, по-прежнему без слов и сохраняя осторожность; гул голосов стих, лица были неподвижны, как маски ненависти в древнем театре.

По тротуару звонко ударил чей-то каблук, потом еще и еще — ровный бесстрастный звук уверенных шагов.

Шаги приблизились, и Блэйн краем глаза заметил высокого, костлявого, как скелет, мужчину, который вышагивал с таким видом, будто был на утренней прогулке.

Мужчина подошел к Блэйну, встал рядом с ним и повернулся лицом к толпе. Он не произнес ни слова, но толпа остановилась, замерев посреди улицы в жуткой тишине.

Из толпы вышел человек:

— Доброе утро, шериф.

Шериф не шевельнулся, не произнес ни слова в ответ.

— Они парапсихи, — сказал человек.

— Откуда известно? — спросил шериф.

— Старая Сара сказала.

Шериф посмотрел на каргу.

— Это так, Сара?

— Том сказал правду, — проскрипела старуха. — Вон тот парень, у него странный мозг. Он отражает.

— А женщина? — спросил шериф.

— А разве она не с ним?

— Мне стыдно за вас, — сказал шериф, как будто читая нотацию напроказившим детям. — Придется вас посадить, всех до одного.

— Но это же парапсихи! — раздался возмущенный крик. — Мы не пускаем сюда парапсихов, ты ведь знаешь.

— А теперь послушайте меня, — объявил шериф. — Расходитесь и займитесь каждый своим делом. А ими займусь я.

— Обоими? — спросил кто-то.

— Даже не знаю, — ответил шериф. — Похоже, что леди здесь ни при чем. Думаю, мы отправим ее из города, и этого будет достаточно.

— Вы вместе с этим парнем? — спросил он Гарриет.

— И я останусь с ним!

— *Нет,* — сказал Блэйн. *(Знак молчания — палец, прижатый к губам.)* Сказал быстро, надеясь, что никто не подслушает, потому что в этом городе даже простому телепату не дали бы пощады. Но предупредить надо.

— Это ваша машина на той стороне? — спросил шериф.

Гарриет вопросительно взглянула на Блэйна.

— Да, моя, — ответила она.

— Тогда послушайте меня, мисс. Идите к своей машине и выбирайтесь из этой

заварухи. Ребята вас пропустят.

— Но я не собираюсь…

— Лучше не спорь, Гарриет, — сказал Блэйн.

Гарриет стояла в нерешительности, не зная, что делать.

— Езжай, — повторил Блэйн.

Она медленно сошла с тротуара, затем обернулась.

— До встречи, — сказала она Блэйну.

Она с презрением оглядела шерифа. “Казак!” — бросила она.

Шериф не возражал. Слово это ему было незнакомо.

— Давайте, леди, езжайте, — сказал он, и в голосе его звучала чуть ли не доброта.

Толпа яростно загудела, но все же расступилась, чтобы пропустить ее. Дойдя до машины, она повернулась и помахала Блэйну рукой. Затем села за руль, включила зажигание. Заревев двигателем, автомобиль рванулся сквозь толпу. Ничего не видя от пыли, поднятой выхлопом сопел, спотыкаясь друг о друга, люди с воплями бросились в разные стороны, спеша освободить дорогу.

С невозмутимым спокойствием шериф наблюдал, как машина помчалась вниз по улице.

— Ты видел, шериф? — в ярости заорал один из пострадавших. — Почему ты ее не арестуешь?

— Это вам по заслугам, — сообщил шериф. — Сами все заварили. Только собрался провести день спокойно, как вы заставляете меня волноваться.

Незаметно было, что он волнуется.

Возбужденно споря и протестуя, толпа придвинулась к тротуару.

Как будто отгоняя цыплят, шериф замахал руками.

— Давайте, давайте отсюда. Порезвились, и хватит. А мне теперь пора работать. Пойду посажу этого парня за решетку.

Он повернулся к Блэйну:

— Идем со мной.

Они пошли вместе вниз по улице к зданию суда.

— Ты что, не знал, куда едешь? — спросил шериф. — Этот город — сущий ад для парапсихов.

— Откуда я мог знать? — ответил Блэйн. — Объявления не было.

— Его сдуло года два назад, — пояснил шериф. — И ни у кого не хватило ума повесить обратно. Или сделать новое. Старое совсем обветшало. Буквы едва можно разобрать. Песчаные бури обивают краску.

— Что ты собираешься со мной делать?

— Думаю, ничего особенного, — ответил шериф. — Подержу немного, пока народ не поостынет. Для твоего же блага. А станет безопасней, выпущу.

Он минуту помолчал, обдумывая сложившуюся ситуацию.

— Нет, сейчас отпустить не могу, — объявил он. — Ребята пока еще начеку.

Подошли к зданию суда и поднялись по лестнице. Шериф отворил дверь.

— Вперед, — сказал он.

Они вошли в кабинет, и шериф закрыл дверь.

— А знаешь, — сказал Блэйн, — я не верю, что есть основания меня задерживать. Что, если я возьму и попробую просто выйти отсюда?

— Ничего не произойдет. Сразу, по крайней мере. Останавливать тебя я, конечно, не буду, хотя, может, и поспорю немного. Но из города ты не выйдешь. Не пройдет и пяти минут, как сцапают.

— Но я мог уехать на машине.

Шериф покачал головой:

— Я знаю этих людей, сынок. Я с ними вырос. Сам один из них. И знаю, как далеко могу с ними зайти и когда пора остановиться. Я мог отправить леди, но не обоих.

Приходилось когда-нибудь видеть толпу в действии?

Блэйн отрицательно покачал головой.

— Это не самое приятное зрелище.

— А как же Сара? Она ведь тоже парапсих.

— Это другое дело, приятель. Она из хорошего рода. Сейчас плохие времена, но ее семейство живет здесь больше сотни лет. Город с ней просто смирился.

— И потом, удобно иметь собственного наводчика.

Шериф добродушно хмыкнул.

— От нашей Сары, — с провинциальной гордостью сообщил он, — мало что может укрыться. И дел у нее хватает: ей приходится следить за всеми, кто заезжает к нам в городок.

— И много вам попадается парапсихов?

— Средне, — ответил шериф. — Время от времени. Да, пожалуй, средне.

Шериф указал на письменный стол.

— Пойди выверни свои карманы. Так положено по закону. Я тебе напишу расписку.

Блэйн начал рыться в карманах. Бумажник, колода карт, платок, связка ключей, спички и, наконец, револьвер.

Он осторожно вынул его и положил вместе с остальными вещами.

— Он у тебя все время был с собой? — поинтересовался шериф.

Блэйн кивнул.

— И ты ни разу не потянулся за ним?

— Я был слишком напуган, чтоб за ним тянуться. Это было пострашнее, чем путешествовать к звездам…

Он понял, что проговорился.

— Почему ты не сказал мне, что ты из “Фишхука”?

— А какая разница? — Блэйн пожал плечами.

Шериф слегка присвистнул сквозь зубы.

Взяв револьвер, он переломил ствол. Медным блеском засверкали головки гильз.

Шериф открыл ящик стола и бросил туда оружие.

— Теперь, — с видимым облегчением произнес он, — у меня есть законный повод задержать тебя.

Он взял спичечный коробок и передал Блэйну.

— Если нужны сигареты, я принесу, — предложил шериф.

— Не стоит, — отказался Блэйн. — Иногда я ношу их с собой, но обычно не курю. Они у меня кончаются раньше, чем сам соберусь закурить.

Шериф снял с гвоздя кольцо с ключами.

— Пошли, — сказал он.

Блэйн вышел за ним в коридор, который тянулся вдоль ряда тюремных камер.

Шериф открыл крайнюю, возле самого входа.

— Тебе на одного, — сказал он. — Последнего выпустил вчера вечером. Черномазый перешел границу и угодил за решетку. Вообразил, что он не хуже белых.

Блэйн вошел в камеру, шериф захлопнул дверь и запер на ключ.

— Если что-нибудь понадобится, — сказал шериф, демонстрируя искреннее гостеприимство, — крикни меня. Я тебе это достану.

Глава восьмая

Он встал с узкой койки, прикрытой грязным одеялом, и подошел к окну. Улица была залита солнцем, на бульваре покачивались чахлые деревья. У тротуара рядом с убогими, жалкого вида конторами стояли полуразвалившиеся машины, некоторые настолько древние, что были оборудованы колесами, вращаемыми двигателем внутреннего сгорания. Сидящие на ступеньках магазинов мужчины жевали табак и сплевывали на асфальт, образуя липкие янтарные лужицы, похожие на старые пятна крови. Казалось, они просто бездельничают,

лениво пожевывая и переговариваясь друг с другом, и не обращают внимания ни на здание суда, ни на что-либо другое.

Но Блэйн знал, что они следят за зданием. Они караулят его — человека с зеркалом в мозгу. Мозг, который, как сказала старая Сара шерифу, отражает.

Вот что заметил Кирби Рэнд, вот что выдало меня и заставило “Фишхук” броситься в погоню. А Рэнд, в таком случае, если не слухач, то, по крайней мере, наводчик. Хотя какая разница, подумал Блэйн. Будь он даже и слухач, все равно он не смог бы заглянуть в мозг, который отражает.

А это значит, понял Блэйн, что в мозгу у меня что-то вроде маячка-мигалки, бросающейся в глаза каждому, кто может видеть. Я нигде теперь не буду в безопасности, нигде не смогу укрыться. Я таскаю за собой колокол громкого боя, и его легко обнаружит любой слухач или наводчик, оказавшийся поблизости.

Но раньше я таким не был. В этом нет сомнения. Иначе кто-нибудь сказал бы об этом или это было бы в моей психической карте.

— *Эй ты,* — позвал он спрятавшегося у него в мозгу, — *вылезай!*

Тот завилял хвостом. Он заюлил, как довольный пес. Но остался на месте.

Блэйн отошел от окна и сел на край кровати.

Гарриет должна помочь мне. А может, шериф отпустит меня раньше, как только все успокоится. Хотя шериф и не обязан меня отпускать, ношение оружия — вполне достаточный повод для задержания.

— *Дружище,* — обратился он к своему жизнерадостному спутнику, — *похоже, тебе придется опять поработать. Нам снова может понадобиться какой-нибудь финт.*

Ведь существо в моем разуме уже продемонстрировало один финт — финт со временем. Или обменом веществ? Неизвестно, то ли я двигался тогда быстрее, чем все остальные, то ли время замедлилось для всего остального, кроме меня.

По улице, кашляя, протарахтел допотопный автомобиль. Где-то щебетали птицы. Да, попал в историю, признался себе Блэйн, серьезную историю.

Сидящие на ступеньках мужчины продолжали ждать, изо всех сил стараясь показать, что здание суда их нисколько не интересует. Все это начинало Блэйну нравиться все меньше и меньше.

Дверь в кабинете шерифа открылась и снова захлопнулась, послышались шаги. Голоса звучали неразборчиво, и Блэйн не стал прислушиваться. Чем может помочь, если я что-то подслушаю? И вообще, может ли мне что-то помочь?

Неторопливой поступью, чеканя шаг, шериф пересек кабинет и вышел в коридор.

Блэйн поднял глаза и увидел его, стоящего перед камерой.

— Блэйн, — сказал шериф, — пришел отец, чтоб поговорить с тобой.

— Какой отец?

— Святой отец, язычник. Пастырь нашего прихода.

Глава девятая

Войдя в камеру, священник замигал, стараясь привыкнуть к полумраку.

Блэйн встал.

— Я рад, что вы пришли, — сказал он. — К сожалению, самое большее, что я могу предложить, это присесть здесь, на нарах.

— Ничего, — ответил священник. — Меня зовут отец Фланаган. Надеюсь, я не помешал?

— Ни в коей мере. Рад вас видеть.

Покряхтывая от натуги, отец Фланаган опустился на край койки. Это был пожилой тучный человек с добрым лицом и морщинистыми, скрюченными артритом руками.

— Садись, сын мой. Надеюсь, что не отвлек тебя. Сразу хочу предупредить, что я постоянно влезаю в чужие дела. Видимо, причиной тому — моя паства, большинство из

которой, независимо от возраста, большие дети. О чем бы ты хотел побеседовать со мной?

— О чем угодно, — ответил Блэйн, — кроме разве религии.

— Ты не веришь в бога, сын мой?

— Не особенно, — ответил Блэйн. — Обычно размышления на эту тему приводят меня в замешательство.

Старик покачал головой.

— Наступили безбожные дни. Теперь стало много таких, как ты. Меня это беспокоит. И святую Церковь-мать тоже. Мы живем в тяжелые для духа времена. Люди больше предаются боязни зла, чем созерцанию добра. Ходят разговоры об оборотнях, злых духах и чертях, хотя все это еще сто лет назад казалось вздором.

Тяжеловесно развернувшись, он уселся боком, чтобы лучше видеть Блэйна.

— Шериф сказал мне, что ты из “Фишхука”.

— Думаю, отрицать это бесполезно, — ответил Блэйн.

— Мне никогда еще не приходилось говорить с людьми из “Фишхука”, — слегка запинаясь, как будто беседовал скорее с собой, чем с Блэйном, произнес старый священник. — До меня доходили только слухи, а истории о “Фишхуке”, которые я слышал, поразительны и невероятны. Одно время тут жил торговец, его факторию потом сожгли, но я так и не побывал у него. Люди бы меня не поняли.

— Судя по тому, что произошло сегодня утром, я тоже думаю, что не поняли бы, — согласился Блэйн.

— Говорят, что у тебя паранормальные…

— Это называется “парапсих”, — поправил его Блэйн. — Будем называть вещи своими именами.

— Ты и правда таков?

— Не понимаю, чем вызван ваш интерес, святой отец.

— Только познавательными соображениями, — ответил отец Фланаган, — уверяю, чисто познавательными. Кое-что из этого интересует лично меня. Ты можешь говорить со мной так же свободно, как на исповеди.

— Когда-то, — сказал Блэйн, — науку подозревали в том, что она скрытый враг всех религиозных догм. Сейчас повторяется то же самое.

— Потому что люди снова боятся, — произнес священник. — Они запирают двери на все запоры. Они не выходят по ночам. На воротах и крышах своих домов рисуют кабалистические знаки — заметь, вместо святого креста — кабалистические знаки. Они шепотом говорят о таких вещах, о которых никто не вспоминал со времен средневековья. В глубине своих невежественных душ они трясутся от страха. От их древней веры мало что осталось. Конечно, они исполняют обряды, но по выражению лиц, по разговорам я вижу, что делается у них в душе. Они потеряли простое искусство верить.

— Нет, святой отец, просто они очень растерянные люди.

— Весь мир растерян, — сказал отец Фланаган.

И он прав, подумал Блэйн: весь мир в растерянности. Потому что лишился кумира и, несмотря на все старания, никак не может найти другого. Мир лишился якоря, на котором он держался против бурь необъяснимого и непонятного, и теперь его несет по океану, не описанному ни в одной лоции.

Одно время кумиром была наука. Она обладала логикой, смыслом, абсолютной точностью и охватывала все — от элементарных частиц до окраин Вселенной. Науке можно было доверять, потому что она прежде всего была обобщенной мудростью человечества.

А потом настал день, когда Человек со всей его пресловутой техникой и всемогущими машинами был вышвырнут с небес назад на Землю. В тот день божество науки утратило часть своего ослепительного блеска, и чуть ослабла вера в него.

Когда же Человек сумел достичь звезд без помощи каких-либо машин, культ механизмов окончательно рассыпался в прах. Наука, техника, машины все еще существовали, играли важную роль в повседневной жизни, однако им больше не

поклонялись.

Человек лишился своего бога. Но Человек не может жить без идеалов и целей, ему надо поклоняться какому-то абстрактному герою. А тут образовался вакуум, невыносимая пустота.

В эту пустоту, несмотря на всю свою необычность, идеально вписалась паранормальная кинетика. Наконец-то появилось объяснение и оправдание всем полубезумным культам; наконец пришла надежда на конечное исполнение всех чаяний; наконец родилось нечто достаточно экзотичное, или что можно было сделать достаточно экзотичным, чтобы удовлетворить человеческие эмоции во всей их глубине, — что никогда не было под силу простой машине.

Наконец-то человечество — слава тебе, господи! — овладело магией.

Мир охватил колдовской бум.

Как обычно, маятник качнулся слишком далеко и теперь несся в обратную сторону, распространяя по земле ужас и панику.

И опять Человек потерял кумира, а взамен приобрел обновленные суеверия, которые, подобно вздымающейся волне, понесли его во мрак второго средневековья.

— Я много размышлял по этому поводу, — сказал отец Фланаган. — Мимо подобной темы не может пройти даже такой недостойный слуга церкви, как я. Все, что касается души человеческой, интересует церковь и папу.

Как бы в признательность за искренность Блэйн слегка поклонился, однако с долей обиды заметил:

— Так, значит, вы пришли меня изучать. Вы пришли меня допрашивать.

— Я молил бога, чтоб ты так не подумал, — печально произнес старый священник. — Видимо, у меня ничего не вышло. Я шел к тебе, надеясь, что ты сможешь помочь мне, а через меня — церкви. Ведь церкви, сын мой, тоже иногда нужна помощь. А ты — человек, умный человек — часть загадки, которую мы не можем разрешить. Я думал, ты мне в этом деле поможешь.

— Ну что ж, я согласен, — помолчав, ответил Блэйн. — Хотя и не думаю, что от этого будет какая-то польза. Вы заодно со всем городом.

— Не совсем так, сын мой. Мы ни благословляем, ни осуждаем. Мы пока слишком мало знаем об этом.

— Я расскажу о себе, — сказал Блэйн, — если это вас интересует. Я путешественник. Путешествовать по звездам — моя работа. Я забираюсь в машину, собственно, даже не в машину, а в своеобразное символическое приспособление, которое позволяет мне высвободить разум, а может, даже подталкивает мой разум в нужном направлении. Она помогает ориентироваться… Нет, святой отец, обычными, простыми словами этого не объяснить, получается бессмыслица.

— Я без усилий слежу за твоим рассказом.

— Так насчет ориентации. Описать это языком слов невозможно. В науке принято объяснять языком математики, но это и не математика. Суть в том, что ты знаешь, куда тебе надо попасть, и там и оказываешься.

— Колдовство?

— Да нет же, черт побери, — простите, святой отец. Нет, это не колдовство. Стоит только раз понять это, ощутить, и оно становится частью тебя, все оказывается легко и просто. Делать это так же естественно, как дышать, и так же просто, как падать со скользкого бревна. Представьте…

— Мне кажется, — перебил отец Фланаган, — не стоит останавливаться на технических деталях. Лучше скажи мне, каково это: быть на другой планете?

— Ничего особенного, — ответил Блэйн. — Обычно я чувствую себя так же, как, скажем, сейчас, когда я сижу и беседую с вами. Только поначалу — самые первые несколько раз — ты ощущаешь себя до непристойности обнаженным: один разум без тела…

— И разум твой бродит повсюду?

— Нет. Хоть это и возможно, конечно, но не бродит. Обычно стараешься не вылезать из механизма, который берешь с собой.

— Механизма?

— Записывающая аппаратура. Этот механизм собирает все данные и записывает их на пленку. Становится ясна вся картина полностью. Не только то, что видишь сам, — хотя ты, в принципе, скорее не видишь, а ощущаешь, — а все, абсолютно все, что только можно уловить. Теоретически, да и на практике тоже, машина собирает информацию, а разум служит только для ее интерпретации.

— И что же ты там видел?

— На это потребовалось бы больше времени, чем есть в моем или вашем распоряжении, святой отец, — рассмеялся Блэйн.

— Но ничего такого, что есть на Земле?

— Редко, потому что планет типа Земли не так уж много. Среди общего числа, естественно. Но планеты земного типа вовсе не единственная наша цель. Мы можем бывать везде, где сможет функционировать машина, а она сконструирована так, что работает практически всюду…

— И даже в ядре какого-нибудь солнца?

— Нет, машина бы там не выдержала. А разум, я думаю, смог бы. Но таких попыток еще не делалось. Конечно, насколько знаю я.

— А что ты ощущаешь? О чем думаешь?

— Я наблюдаю, — ответил Блэйн. — Для этого я и путешествую.

— А не кажешься ты себе господином всего мира? Не приходила ли тебе когда-нибудь мысль, что Человек держит всю Вселенную в ладонях рук своих?

— Если вы говорите о грехе гордыни и тщеславия, то нет, никогда. Иногда чувствуешь восторг при мысли о том, куда забрался. Часто тебя охватывает удивление, но чаще всего ты в растерянности. Все вновь и вновь напоминает о том, сколь ты незначителен. А иногда даже забываешь, что ты — человек. Просто комок жизни — в братстве со всем, что когда-то существовало и когда-либо будет существовать.

— А думаешь ли ты о боге?

— Нет, — ответил Блэйн. — Такого не было.

— Плохо, — произнес отец Фланаган. — И это меня пугает. Быть где-то в полном одиночестве…

— Святой отец, я ведь с самого начала объяснил, что не склонен исповедовать какую-либо религию. Я сказал об этом откровенно.

Некоторое время они сидели, глядя друг на друга, разделенные пропастью непонимания. Как будто мы из разных миров, подумал Блэйн. Со взглядами, лежащими друг от друга на миллионы километров, и все же оба — люди.

— А ты не колдун?

Блэйн хотел засмеяться — смех уже стоял у него в горле, — но сдержался. Слишком много страха было в заданном вопросе.

— Нет, святой отец, клянусь вам. Я не колдун. И не оборотень. И не…

Поднятием руки старик остановил его.

— Теперь мы квиты, — объявил он. — Я тоже сказал то, что тебе неприятно слышать.

Он с усилием встал с койки и протянул руку со скрюченными артритом или какой-то другой болезнью пальцами.

— Благодарю тебя, — сказал он. — Да поможет тебе господь.

— А вы будете сегодня вечером?

— Сегодня вечером?

— Ну да, когда здешние горожане потащат меня вешать. Или тут принято сжигать у столба?

Лицо старика скривилось, как от удара.

— Ты не должен так думать. Не может…

— Но ведь они сожгли факторию. И хотели убить торговца, да не успели.

— Они не должны были этого делать, — сказал отец Фланаган. — Я говорил им об этом. Мне известно, что в этом принимали участие и люди из моей паствы. Правда, кроме них там были еще и многие другие. Но от моей паствы я этого не ожидал. Многие годы я читал им проповеди, чтобы отвратить их именно от такого шага.

Блэйн взял руку священника. Искалеченные пальцы ответили теплым, крепким рукопожатием.

— Наш шериф славный человек, — сказал отец Фланаган. — Он сделает все, что от него зависит. А я поговорю с людьми.

— Спасибо, святой отец.

— Ты боишься смерти, сын мой?

— Не знаю. Я всегда думал, что мне не будет страшно. Поживем — увидим.

— Ты должен обрести веру.

— Может быть. Если я когда-нибудь ее найду. Помолитесь за меня.

— Бог с тобой. Я буду молиться весь день.

Глава десятая

Блэйн стоял у окна и наблюдал, как в сумраке снова собиралась толпа — люди подходили не спеша, без шума, спокойно, почти с безразличием, как будто шли на школьный концерт, собрание фермеров или другое привычное, вполне безобидное мероприятие.

Из кабинета через коридор до него доносились шаги шерифа, и он подумал, знает ли шериф — хотя наверняка знает, он достаточно долго прожил в этом городе, чтобы знать, — чего можно ожидать.

Блэйн стоял у окна, взявшись руками за металлические прутья решетки. Где-то в неухоженных деревьях на тюремном дворе, перед тем как заснуть, устроившись поудобней на своей ветке, пела последнюю вечернюю песню птица.

Он стоял и смотрел, а в это время из своего убежища выполз Розовый и стал расти и расширяться, пока не заполнил его мозг.

— *Я пришел к тебе, чтобы остаться,* — сказал он. — *Мне надоело прятаться. Теперь я знаю тебя. Я исследовал все углы и закоулки тебя и теперь знаю, что ты такое есть. А через тебя — мир, в котором ты живешь, мир, в котором живу я, поскольку это теперь и мой мир.*

— *Теперь без глупостей?* — спросила та половина этого странного дуэта, которая продолжала оставаться Блэйном.

— *Теперь без глупостей,* — ответила другая половина. — *Без воплей, без паники, без попыток выбраться или скрыться. Мне только непонятно, что такое смерть. Я не нашел объяснения понятию смерти, потому что прекращение жизни необъяснимо. Такое просто невозможно, хотя где-то в глубине моей памяти есть смутные воспоминания о тех, с кем это, кажется, произошло.*

Блэйн отошел от окна и, сев на койку, погрузился в воспоминания Розового. Однако воспоминания приходили издалека и из глубокого прошлого и были такими размытыми, нечеткими, что трудно было сказать, настоящие ли это воспоминания или просто игра воображения. А

Потому что он видел несметное количество планет, и сонмы различных народов, и множество незнакомых понятий, и беспорядочные обрывки знаний о Вселенной, сваленные в кучу из десяти миллиардов соломинок, из которых, как в той игре, практически невозможно вытащить одну соломинку, не потревожив остальные.

— Ну, как ты там? — спросил незаметно подошедший шериф.

Блэйн поднял голову:

— Да вроде бы ничего. Вот только что глядел на твоих приятелей на той стороне улицы.

— Не бойся, — хмыкнул шериф. — Их не хватит, чтобы даже перейти улицу. А если что, я выйду и поговорю с ними.

— А если они узнают, что я из “Фишхука”?

— Ну, этого-то они не узнают.

— Священнику ты сказал.

— Это другое дело, — сказал шериф, — я должен был сказать священнику.

— А он никому не скажет?

— А зачем? — спросил шериф.

Блэйн промолчал, на такой вопрос обычно трудно ответить.

— Ты послал сообщение?

— Но не в “Фишхук”. Одному приятелю, а он уже сообщит в “Фишхук”.

— Не стоило тратить время, — сообщил Блэйн. — “Фишхук” знает, где я.

Они уже наверняка пустили своих ищеек, и те взяли след много часов тому назад. У него был всего один шанс скрыться от них — двигаться как можно быстрее и никому не попадаться на глаза.

Вполне вероятно, что они сегодня вечером уже будут в городе, подумал он. И в этом моя надежда, потому что “Фишхук” вряд ли допустит, чтобы здешняя банда со мной разделалась.

Блэйн поднялся с койки и подошел к окну.

— Вы можете уже выходить, — объявил он шерифу. — Они перешли улицу.

Да, конечно, им надо торопиться. Они должны успеть сделать свое дело, пока не стало совсем темно. Потому что, когда придет настоящая, черная ночь, нужно быть в своем уютном домике с закрытыми на все замки и засовы дверями, запертыми окнами и опущенными шторами. И кабалистическими знаками, охраняющими все входы-выходы. Потому что тогда, и только тогда, можно чувствовать себя в безопасности от жутких сил, притаившихся в темноте, от оборотней, вампиров, гоблинов, эльфов.

Шериф повернулся, прошел по коридору к себе в кабинет. Звякнул металл вынимаемого из пирамиды ружья. Глухо лязгнул затвор: шериф дослал в ствол патрон.

Толпа наплывала, как темная, колышащаяся волна, и, кроме шарканья ног, не издавала ни единого звука.

Блэйн завороженно наблюдал за ней, как будто все это происходило не с ним, как будто это не имело к нему ни малейшего отношения. Как странно, подумал он, ведь я же знаю, что толпа идет за мной.

Но это неважно, смерти же нет. Смерть бессмысленна, и о ней не стоит думать. Это вопиющая расточительность, с которой нельзя мириться.

А кто же это говорил?

— *Эй,* — позвал он существо, которое было уже не существом, а частью его самого, — *это твоя идея. Это ты не можешь поверить в смерть.*

А это истина, в которую не верить нельзя. Смерть — это реальность, она присутствует постоянно, и под ее присмотром проходит короткое существование всего живого.

Смерть есть, и она близко — слишком близко, чтоб позволить себе роскошь отрицать ее. Она притаилась в ропоте толпы перед зданием, толпы, которая уже перестала шаркать ногами и, собравшись перед входом, спорила с шерифом. Толпы не было видно, но гулко разносился голос шерифа, призывающего всех разойтись и отправляться по домам.

— Все, что вы здесь можете получить, — кричал шериф, — это полное брюхо свинца!

Толпа кричала ему в ответ, снова шумел шериф, и так продолжалось довольно долго. А Блэйн стоял у решетки, и страх постепенно охватывал его, сначала медленно, потом все быстрее и быстрее, подобно приливу, поднимаясь по жилам.

Наконец шериф вошел в здание. И за ним трое — злые и испуганные, однако их страх был надежно спрятан за целеустремленным и угрюмым выражением лиц.

Пройдя через кабинет в коридор, шериф остановился у камеры. Ружье безвольно болталось у него в руке. Трое мужчин стояли рядом с ним.

Стараясь не показать свою растерянность, он посмотрел на Блэйна.

— Мне очень жаль, Блэйн, — сказал он, — но я не могу. Эти люди — мои друзья. Я с ними вырос. Я не могу в них стрелять.

— Конечно, не можешь, — ответил Блэйн, — трус, жалкий трус.

— А ну давай ключи! — рявкнул один из тройки. — Пора его выводить.

— Ключи на гвозде за дверью, — сказал шериф.

Он поглядел на Блэйна.

— Я ничего не могу поделать, — сказал он.

— Можешь пойти и застрелиться, — посоветовал Блэйн. — Усиленно рекомендую.

Вернулся человек с ключом, и шериф отошел в сторону.

— У меня есть одно условие, — обратился Блэйн к отпирающему дверь. — Я выйду отсюда сам.

— Ха! — усмехнулся тот.

— Я сказал, что выйду сам. Я не дам себя тащить.

— Ты выйдешь так, как нам будет удобно, — прорычал человек.

— Это же мелочь, — вмешался шериф. — Какая вам разница?

Мужчина распахнул дверь камеры:

— Ну ладно, выходи.

Блэйн вышел в коридор. Двое мужчин встали по бокам, один сзади. Никто к нему не прикоснулся. Тот, у кого были ключи, швырнул их на пол. Звук их падения наполнил коридор неприятным звоном.

Вот оно, подумал Блэйн. Невероятно, но это все происходит со мной.

— Пошел вперед, парапсих проклятый! — идущий сзади пихнул его в спину.

— Ты хотел идти сам, — сказал другой. — Покажи, как ты умеешь ходить.

Блэйн пошел твердо и уверенно, сосредоточиваясь на каждом шаге, чтоб не споткнуться. Он не должен споткнуться, он не должен допустить ничего, что бы могло его унизить.

Еще жива надежда, сказал он себе. Еще есть шанс, что прибыл кто-нибудь из “Фишхука” и ждет, чтоб похитить меня. Или Гарриет нашла помощь и возвращается, или уже вернулась. Хотя маловероятно, подумал он. Прошло не так много времени, и она не знает, насколько опасно положение.

Блэйн твердо прошагал через кабинет шерифа и спустился к выходу, неотступно сопровождаемый тремя горожанами.

Кто-то с насмешливой вежливостью распахнул перед ним дверь на улицу.

Охваченный ужасом, Блэйн на секунду замешкался. Как только он выйдет за дверь и окажется перед ожидающей толпой, надежд уже не останется.

— Вперед, грязный ублюдок! — рявкнул идущий сзади. — Там тебя ждут.

Упершись рукой Блэйну между лопаток, он толкнул его. Чуть не упав, Блэйн перескочил через несколько ступенек, затем выровнялся и снова пошел спокойным шагом.

И вот он уже переходит порог, и вот он перед толпой!

Животный крик вырвался из толпы — крик, в котором смешались ненависть и ужас, крик, подобный вою стаи волков, взявших кровавый след, похожий на рев тигра, уставшего поджидать добычу, было в этом звуке и что-то от стона загнанного в угол, затравленного охотниками зверя.

А ведь они, со странной беспристрастностью подумал Блэйн, и есть загнанные звери — люди, убегающие от погони. В них и ужас, и ненависть, и зависть непосвященных, в них обида оставшихся за бортом, в них нетерпимость и ограниченность отказывающихся понять — арьергард старого порядка, удерживающий узкий проход от наступающих из будущего.

Сзади кто-то толкнул его, и он полетел вниз по скользким каменным ступенькам. Поскользнувшись, он упал и покатился, и толпа набросилась на него. Множество рук схватило его, раздирая пальцами мышцы, множество ртов дышало ему в лицо, обдавая горячим зловонным дыханием.

Затем те же руки поставили его на ноги и стали пихать в разные стороны. Кто-то ударил в живот, еще кто-то — по лицу. Сквозь рев толпы прорезался вопль: “А ну-ка, парапсих вонючий, телепортируй себя! Всего-то-навсего! Просто телепортируй себя!”

И это была самая уместная шутка, потому что никто не умел себя телепортировать. Были левитаторы, которые могли летать подобно птицам; другие, как Блэйн, могли телепортировать небольшие предметы; третьи, и Блэйн тоже, умели телепортировать свой разум за тысячи световых лет, но только с помощью хитроумных машин. А настоящая самотелепортация, мгновенный перенос тела из одного места в другое, встречалась исключительно редко.

Толпа, подхватив шутку, скандировала: “Телепортируй, телепортируй, телепортируй себя, грязный, вонючий парапсих!” Толпа смеялась, радуясь собственному остроумию, самодовольно веселилась, осыпая свою жертву градом насмешек. И ни на минуту не переставала перемежать шутки с пинками и ударами.

Теплая струйка бежала у Блэйна по подбородку, губа отекла и распухла, а во рту чувствовался солоноватый привкус. Болел живот, и саднили ребра, а десятки рук и ног продолжали наносить удар за ударом.

Снова чей-то раскатистый голос прорвался через шум: “А ну, хватит! Отойдите от него!”

Толпа отхлынула, но не расступилась, и Блэйн, стоя в центре человеческого кольца, повсюду видел горящие в последних слабых лучах заходящего солнца рысиные глаза, выступившую на губах пену; ненависть, поднимаясь со всех сторон, катилась на него, как запах потных тел.

Кольцо разорвалось, и в середину вышли двое мужчин — один маленький и суетливый, скорее всего счетовод или приказчик, другой — детина с физиономией, на которой будто черти горох молотили. На плече у здоровяка висела свернутая в кольцо веревка, а в руке он держал ее конец, искусно завязанный в аккуратную удавку.

Оба остановились перед Блэйном, и маленький повернулся лицом к толпе.

— Джентльмены, — произнес он голосом, которому позавидовал бы любой распорядитель похорон, — мы должны вести себя достойно и соблюдать приличия. Ничего против этого человека мы не имеем, мы протестуем против той мерзкой системы, которую он представляет.

— Всыпь им, приятель! — с энтузиазмом выкрикнул кто-то из задних рядов толпы.

Человек с голосом распорядителя похорон поднял вверх руку, призывая к тишине.

— То, что мы должны сделать, — елейным тоном продолжал он, — наш горький и печальный долг. Но это долг, поэтому исполним его в подобающей манере.

— Верно, — снова заорал энтузиаст, — пора кончать с этим! Вздернем проклятого ублюдка!

Здоровяк подошел к Блэйну вплотную и медленно, почти бережно надел на него петлю так, что она легла Блэйну на плечи. Затем осторожно затянул узел на шее.

Веревка была совсем новая и колючая и жгла, как раскаленное докрасна железо. Оцепенение, в котором находился Блэйн, прошло и схлынуло, оставив его стоять холодным, опустошенным и обнаженным на пороге вечности.

Пока все это происходило, он не переставал подсознательно цепляться за уверенность, что такое невозможно, что он так умереть не может; с другими такое могло случаться и случалось, но не с Шепардом Блэйном.

А сейчас его от смерти отделяли считанные минуты; орудие смерти уже на месте. Эти люди — люди, которых он не знает, которых он никогда не знал, хотят забрать у него жизнь.

Он попробовал поднять руки, чтобы сорвать с себя веревку, но не смог ими даже пошевелить. Он сглотнул — появилось чувство медленного и болезненного удушья.

А его еще не начали вешать!

Холод его опустошенного “я” становился все сильнее, его бил озноб всепоглощающего страха — страха, который охватил его и держал, не давая пошевелиться и замораживая тем

временем заживо. Казалось, кровь перестала течь по жилам, тело исчезло, а в мозгу громоздятся друг на друга глыбы льда, и череп вот-вот не выдержит и лопнет.

Откуда-то из глубины сознания всплыла мысль о том, что он уже не человек, а просто испуганное животное. Окоченевшее, слишком гордое, чтобы ронять слезы, скованное ужасом, удерживающееся от крика только потому, что отказали язык и горло.

Но если он не мог крикнуть вслух, он закричал внутри себя. Этот крик рос и рос, тщетно пытаясь найти выход. Еще мгновенье, понял Блэйн, и, если выход не будет найден, этот страшный, безмолвный крик разорвет его на части.

На какую-то долю секунды все померкло, растворилось, и Блэйн вдруг оказался один, и ему больше не было холодно.

Он стоял на посыпанной кирпичной крошкой старой аллее, ведущей к зданию суда, веревка все еще висела у него на шее, но на площади перед судом не было ни одного человека.

Кроме него, в городе вообще никого не было!

Глава одиннадцатая

Сумерки немного рассеялись, стало светлей. Стояла невообразимая тишина.

Не было травы.

Не было деревьев.

Не было людей и даже намека на их присутствие.

Газон, или то, что раньше было газоном, обнаженной полосой тянулся к асфальтовой улице. На газоне не было ни одной травинки, только земля и галька. Ни мертвой, ни сухой, вообще никакой травы. Как будто травы вообще никогда не было. Как будто даже понятия такого, как трава, никогда не существовало.

С веревкой, все еще свисающей с шеи, Блэйн огляделся вокруг. И всюду была та же картина. В последних отблесках дня застыло здание суда. Вдоль тротуара на пустынной и спокойной улице стояли автомобили. Ряды магазинов слепо глядели прозрачными витринами.

На углу за парикмахерской, одинокое и мертвое, торчало единственное дерево.

И ни одного человека. Ни птиц, ни щебета. Ни собак. Ни кошек. Ни даже жужжания насекомых. Может быть, подумал Блэйн, не осталось ни единой бактерии или микроба.

Осторожно, как будто боясь разрушить заклинание, Блэйн поднес руки к горлу и ослабил узел. Стащив петлю с головы, Блэйн швырнул веревку на землю и стал осторожно массировать шею. Кожу еще покалывало — в ней застряли оторвавшиеся волокна.

Блэйн попробовал сделать шаг и обнаружил, что в состоянии ходить, хотя тело и саднило от побоев. Выйдя на середину улицы, Блэйн посмотрел вперед и назад. Нигде никого не было видно.

Солнце только-только село, еще не наступила темнота, а это значит, сказал он себе, что я вернулся немного назад во времени.

Блэйн замер посреди улицы, ошеломленный пришедшей мыслью. Как же я сразу не догадался? Ведь все ясно. Нет никаких сомнений в том, что именно я совершил. Хотя, видимо, подумал Блэйн, я сделал это не сознательным усилием, а скорее инстинктивно, как будто в минуту опасности сработал условный рефлекс.

Произошло нечто невероятное, чего он сам никогда не смог бы сделать, а минуту назад мог поклясться, что такое невозможно. Подобного никогда еще не совершал ни один человек, и ни один человек даже не помышлял бы об этом.

Он совершил путешествие во времени. Он ушел в прошлое на полчаса назад.

Несомненно, это было выше его человеческих возможностей, но не выше возможностей инопланетного существа. Как человек он не мог обладать подобным инстинктом. Такая способность выходила за пределы даже паранормальных возможностей. Да, сомнений не было: ему удалось пройти сквозь это время только посредством, или с

помощью, иного, инопланетного разума.

Но этот разум, похоже, оставил его; с ним его больше не было. Блэйн поискал его, попробовал позвать — никто не ответил.

Блэйн повернулся и пошел на север, стараясь держаться середины улицы, пересекающей этот город-призрак из прошлого.

Кладбище прошлого, подумал он. Все только мертвое: голые камни, кирпичи, безжизненные глина и доски.

А куда подевалась жизнь?

Почему прошлое должно быть мертвым?

И что стало с тем разумом, который он получил в обмен от существа на другой планете?

Он снова поискал его, но не нашел, однако обнаружил его следы: крохотные, грязные отпечатки ног, протянувшиеся через мозг; он нашел обрывки и мусор, оставшиеся за ним, — непонятные, хаотичные воспоминания, клочки бессвязных, ни на что не похожих знаний, плавающих подобно обломкам в пене прибоя.

Блэйн не нашел существо, но понял, куда оно делось, — ответ пришел сам собой. Разум существа не исчезал, не уходил. Напротив, он стал его частью. В горниле страха и ужаса, в химической реакции опасности родился тот психологический фактор, который спаял два разума воедино.

Деловая часть улицы перешла в кварталы ветхих жилых домов, и впереди уже виднелась окраина городка — того самого городка, который всего полчаса назад (или полчаса вперед?) так страстно хотел убить его.

Блэйн на минуту остановился, оглянулся и, увидев куполообразную крышу здания суда, вспомнил, что все его имущество осталось там, под замком, в столе у шерифа. Некоторое время Блэйн размышлял, не вернуться ли ему. Остаться без цента, с совсем пустыми карманами было ужасно.

А потом, если вернуться, можно угнать машину. Если не будет ключей в замке зажигания, сумею замкнуть провода. Надо было раньше сообразить, упрекнул он себя. Машины там стояли, как будто ожидая, чтоб их угнали.

Блэйн двинулся в обратную сторону, но, сделав два шага, остановился и пошел назад.

Он не смел вернуться. Он бежал оттуда, и ни машины, ни деньги — ничто не могло теперь заставить его вернуться в город.

Становилось все темнее. Он шел на север, решив пройти какое-то расстояние — не бегом, а быстрым, широким, свободным шагом, который незаметно съедает дорогу.

Блэйн миновал окраины и оказался среди полей, и здесь чувство одиночества и безжизненности стало еще сильнее. Среди мертвых тополей бежал ручей, неровными рядами выстроились колья призрачных оград — но земля была абсолютно обнаженной, без единого листа или травинки. А в шуме ветра, проносящегося над пустырем, слышались рыдания.

Темнота сгустилась. Пятнистое лицо луны — зеркало с растрескавшимся и почерневшим зеркальным слоем — отбрасывало бледный свет на пустынную землю.

Он подошел к дощатому мостку, переброшенному через небольшой ручеек, и остановился, чтобы передохнуть и оглядеться. Ничто не двигалось, никто не шел за ним следом. Городок остался в нескольких милях позади, а на пригорке за ручьем стояла полуразвалившаяся заброшенная ферма — амбар, больше похожий на курятник, несколько перекосившихся пристроек и сам дом.

Блэйн глубоко вздохнул, и даже воздух показался ему мертвым. У этого воздуха не было ни запаха, ни вкуса.

Блэйн вытянул руку, чтобы взяться за перила моста, и рука, дойдя до деревянного поручня, вошла в него и прошла насквозь, как будто там ничего не было. Не было перил. Не было самого моста.

Блэйн попробовал еще раз. Ведь я мог ошибиться, сказал он себе, мог не довести руку до перил или вообразить, что рука прошла сквозь дерево. Лунный свет обманчив.

На этот раз он действовал крайне внимательно.

Его рука вновь прошла сквозь перила.

Он отступил несколько шагов от моста, который если и не был опасен, то все же требовал особой осторожности. Мост не был реальностью, это был или плод воображения, или галлюцинация; призрак, вставший поперек дороги. Если бы я ступил на него, подумал Блэйн, или решил пройти по нему, то упал бы в воду.

А мертвые деревья, колья заборов — тоже галлюцинация?

Вдруг он замер как вкопанный, пораженный неожиданно пришедшей мыслью: а что если все — галлюцинация? Какое-то время Блэйн стоял, не шевелясь и едва дыша, в страхе, что от малейшего движения может рассыпаться в прах этот хрупкий и нереальный мир, превратиться в бесконечное ничто.

Однако земля под ногами была или по крайней мере казалась вполне твердой. Блэйн топнул ногой, и земля не провалилась под ним. Он осторожно опустился на колени и, широко разведя руки, стал ощупывать землю, чтобы убедиться в ее прочности.

Какой идиотизм, рассердился сам на себя Блэйн, ведь я уже прошел по этой дороге, и она выдержала мои шаги, я не провалился.

И все равно здесь ни в чем нельзя быть уверенным; похоже, в этом месте не существует никаких правил. Или существуют, но такие, до которых надо доходить самому, типа: “Дороги реальны, а мосты — нет”.

Хотя, нет, совсем не то. Все должно как-то объясняться. И объяснение должно быть связано с тем фактом, что в этом мире нет жизни.

Это был мир прошлого, мертвого прошлого; в нем существовали только трупы — и даже не сами трупы, а только их тени. И мертвые деревья, и колья оград, и мосты, и дома на пригорке — все это всего лишь тени. Тут не найти жизни; жизнь ушла вперед. Жизнь расположена в одной-единственной точке времени и движется по мере того, как идет время, вместе с ним. А значит, подумал Блэйн, человечество может распрощаться с мечтой попасть в прошлое и жить, думать, видеть, разговаривать вместе с теми, кто давно уже обратился в пыль. Не существует живого прошлого, а человечество прошлого может жить лишь в записях и памяти. Единственная реальность, в которой возможна жизнь, — это настоящее, и жизнь идет рядом с ним, не отставая, а там, где она уже прошла, все ее следы тщательно уничтожаются.

Вероятно, что-то — скажем, Земля — может существовать во всех точках времени сразу, практически вечно сохраняя свою материальность. И умершее — умершее и сделанное искусственно — остается в прошлом подобно призракам. Заборы с натянутой на них проволокой, сухие деревья, строения фермы и мост — все это лишь тени настоящего, удержавшиеся в прошлом. Удержавшиеся, скорей всего, не по своей воле: просто они не могут двигаться, поскольку лишены жизни. Это длинные, длинные тени, вытянутые сквозь время и прикованные к времени.

Вдруг Блэйн осознал, что в этот момент на всем земном шаре единственное живое существо — это он. Он, и больше никого.

Блэйн встал с колен и отряхнул пыль с ладоней. Впереди в ярком лунном свете виднелся мост — обычный, нормальный мост. И в то же время он знал, что моста нет.

В западне, подумал Блэйн. Я в настоящей западне, если не узнаю, как отсюда выбраться. А я не знаю.

Даже если б к его услугам была память всего человечества, такого знания в этой памяти бы не нашлось.

Блэйн молча стоял на дороге и размышлял, человек ли он, сколько в нем осталось от человека. Но если он не только человек, если в нем есть еще разум инопланетного существа, у него остается надежда.

Я ощущаю себя человеком, сказал он себе, однако что из этого следует? Даже если я полностью превратился бы в другое существо, все равно я ощущал бы себя самим собой. Человек, получеловек, совсем нечеловек — в любом случае я — это я. И вряд ли б я заметил

разницу. Нельзя посмотреть на себя со стороны, оценить себя с хоть какой-то долей объективности.

Я (кем бы я ни был) в минуту паники и ужаса знал, как ускользнуть в прошлое, и логично предположить, что мне известно, как возвращаться в настоящее или туда, что было настоящим для меня, в ту точку времени, как бы она ни называлась, где существовала жизнь.

Однако следует признать холодный, жестокий факт: о том, как вернуться, у меня нет ни малейшего представления.

Блэйн огляделся: вокруг лежала залитая лунным светом стерильно-холодная земля. Он почувствовал, как где-то в глубине его зародилась дрожь. Он попытался унять ее, поняв, что это лишь прелюдия к необузданному ужасу, но дрожь не проходила.

Он мысленно напрягся, борясь со все нарастающей дрожью, и вдруг вспомнил, зацепил знание краешком разума.

В следующий момент он услышал шум ветра в тополиных кронах — но ведь только что тополей здесь не было. Куда-то исчезла дрожь. Он снова был самим собой.

Из травы и кустов доносилось стрекотание насекомых, огненными капельками мелькали в ночи светлячки. А сквозь ставни дома на холме пробивались тонкие, почти задушенные полоски света.

Блэйн свернул с дороги прямо в ручей, по колено в воде перебрел на тот берег и вошел в тополиную рощу.

Он вернулся. Вернулся обратно, из прошлого в настоящее, и сделал это сам. На какую-то долю секунды он было ухватил способ такого перехода, но тот снова ускользнул от него, и теперь он опять не знал.

Но это было уже неважно. Блэйн был снова в своем мире.

Глава двенадцатая

Когда он проснулся, было еще темно и только первые трели птиц говорили о приближении утра. Он взобрался на холм и на огороде неподалеку от дома сорвал три початка кукурузы, взял из кучи несколько картофелин. Затем выкопал стебель мясник-травы и с радостью отметил, что на нем росло целых четыре бифштекса.

Вернувшись в тополиную рощу, Блэйн отыскал в карманах коробку спичек — единственное, что ему разрешил оставить шериф. В коробке было только три спички.

Угрюмо глядя на три спички, он вспомнил тот далекий день, когда, сдавая экзамен на юного следопыта, надо было разжечь костер одной спичкой. Забавно, сдаст ли он этот экзамен сейчас?

Он нашел сухой ствол и из сердцевины достал несколько горстей сухой, как порох, трухи. Затем наломал сухих мертвых веток и собрал несколько более толстых сучьев, внимательно следя, чтобы среди них не оказалось ни одного сырого — костер должен быть по возможности бездымным. Рекламировать собственное присутствие явно не было никакого смысла.

По дороге наверху проехала первая машина. Где-то в отдалении мычала корова.

Огонь занялся со второй спички. С тоненьких прутиков, бережно подкладываемых Блэйном, пламя перешло на толстые ветки, и костер загорелся ясным, бездымным пламенем. Поджидая, пока появятся угли, Блэйн присел у огня.

Солнце еще не взошло, но проблески света на востоке становились все ярче, а от земли веяло прохладой. Внизу, журча по камням и гальке, бежал ручей. Блэйн с удовольствием набрал полную грудь утреннего воздуха, наслаждаясь его вкусом. Он был еще жив, снова был не один на Земле, имел еду — но что дальше? У него не было денег — у него не было ничего, кроме единственной спички и одежды, что на нем. Да еще мозг, который его может выдать, который, по словам старой ведьмы, “как сверкающее зеркало”. Для первого же встречного слухача или наводчика он будет легкой добычей.

Правда, можно днем прятаться, а идти ночью — ночью сравнительно безопасно,

потому что все прячутся по домам. Еду можно брать в садах и огородах. Можно остаться в живых и каждую ночь проходить по нескольку миль, но это слишком медленно.

Должен быть другой выход.

Он подбросил дров в огонь. Костер по-прежнему горел ярко и без дыма. Блэйн спустился к ручью и, улегшись на живот, напился прямо из поющего потока.

А может, не надо было бежать из “Фишхука”? Что бы меня там ни ждало, теперешнее положение вряд ли лучше. Потому что теперь надо скрываться ото всех; доверять нельзя никому.

Лежа на животе, Блэйн глядел на устланное галькой дно. Взгляд его остановился на одной гальке рубинового цвета. Мысленно взяв этот камень, он видел, из чего тот состоит, как расположены его кристаллы, он знал, откуда этот камень появился и где он перебывал за долгие тысячелетия.

Затем он также мысленно отбросил его и взял другой камень, сверкающий кусочек кварца…

Это что-то новенькое!

Такого я раньше никогда не делал!

Однако я сделал это так, словно всегда этим занимался, словно это привычное дело.

Блэйн заставил себя подняться и сесть на корточки у ручья. То, что он сделал, для человека было поразительным, однако он чувствовал себя не таким уж ошеломленным — кем бы он ни был, он был самим собой.

Он снова попробовал отыскать в себе разум Розового, но не нашел; несмотря на это, Блэйн знал, что он в нем. В нем, со всеми своими бессмысленными воспоминаниями, невозможными способностями, дурацкой логикой и поставленными с ног на голову ценностями.

В мозгу вдруг возникла странная картина: процессия пурпурных геометрических фигур, нетвердой походкой бредущих через пустыню цвета червонного золота; в ядовито-желтом небе висит кроваво-багровое солнце, и больше нет ничего… И в тот же ускользающий момент Блэйн вдруг понял, где находится это место, он знал его координаты в незнакомой ему космографической сети и представлял, как туда попасть. Потом все так же неожиданно прошло — исчезли и цифры и информация.

Блэйн медленно встал на ноги и вернулся к костру. Углей уже было достаточно. Палочкой он выкопал в углях ямку, заложил туда картофелины и не очищенный от листьев початок кукурузы и вновь засыпал углями. Насадив мясо на раздвоенный конец ветки, зажарил бифштекс.

С теплом костра, приятно греющим руки и ноги, к Блэйну пришла расслабляющая, неуместная умиротворенность — умиротворенность человека, готового ограничиться самым малым. Вместе с умиротворенностью пришла еще более неуместная уверенность. У него было такое ощущение, будто он заглянул в будущее и убедился, что все будет хорошо. Но это не было ясновидением. Существовали предсказатели, обладающие даром ясновидения или чем-то похожим, но у него такой способности никогда не было. Он скорее ощущал благополучность будущего, не представляя ни каких-то конкретных деталей, ни как там все будет, ни того, чем все кончится. Только уверенность в том, что все будет хорошо, простое старомодное предчувствие — и не больше.

Бифштекс уже шипел, а из костра доносился аромат картофеля. Блэйн усмехнулся: хорошенькое меню на завтрак — бифштекс с печеным картофелем. Хотя и не так уж плохо. Пожалуй, все пока не так уж плохо.

Ему вспомнился Дальтон с сигарой в зубах, с прической ежиком, который, развалясь в кресле, проклинал мясник-траву как очередное посягательство на бизнесменов со стороны злокозненного “Фишхука”.

А кроме мясник-травы, подумал он, сколько еще? Интересно бы подсчитать все, что появилось благодаря “Фишхуку”.

Прежде всего, с далеких звезд на Землю были привезены новые лекарства —

совершенно другая фармакопея, способная облегчить страдания Человека и вылечить его от болезней.

Появились новые ткани, новые металлы, множество новых продуктов. Родились новые архитектурные стили и материалы; люди получили новый тип литературы, узнали новые запахи, постигли новые принципы искусства. И еще к людям пришло дименсино — развлечение, которое вытеснило обычное телевидение, радио и кино.

В дименсино зритель не просто видит и слышит — он участвует. Он становится частью изображаемой ситуации. Зритель отождествляет себя с одним из героев или сразу с несколькими персонажами и живет их чувствами, действиями. На время он перестает быть самим собой, а выбирает себе личность из действующих в дименсино-постановке лиц.

И все это — и продукты, и материалы, и дименсино — монополия “Фишхука”.

И потому, подумал Блэйн, все и ненавидят “Фиш-хук” ненавистью непонимающих, ненавистью оставшихся за чертой, ненавидят за помощь, равной которой человечество еще не знало.

Бифштекс поджарился. Положив самодельный вертел из зеленой ветки на куст, Блэйн стал отрывать в углях картофель и кукурузу.

Сидя у костра, Блэйн принялся за еду.

Взошло солнце, замер ветерок, и, казалось, весь мир затаил дыхание, стоя на пороге нового дня. На кроны тополей упали первые солнечные лучи, превратив листья в золотые монеты; затих ручей, уступая дневным звукам — мычанию стада на холме, рокоту машин на дороге, отдаленному гулу самолета высоко в небе.

На шоссе ниже моста остановился автофургон. Из кабины вышел водитель, поднял капот и наполовину скрылся под ним. Затем вылез, вернулся в кабину, поискал что-то и, найдя, что искал, снова вышел. До холма отчетливо донеслось звяканье инструментов о бампер.

Грузовик был настоящей древностью — с бензиновым двигателем и колесами, но с дополнительной реактивной тягой Такую колымагу редко где теперь встретишь, разве что только на свалке.

Частный владелец, решил Блэйн. Перебивается как может, стараясь выдержать конкуренцию крупных фирм по автоперевозкам за счет заниженных цен и до предела срезанных накладных расходов.

Краска на фургоне выцвела и местами облупилась, но поверх ее тянулись свеженамалеванные замысловатые кабалистические знаки, которые, несомненно, должны были отвести прочь все зло мира.

По номеру Блэйн определил, что машина из Иллинойса.

Разложив инструменты, шофер снова полез под капот. На холм обрушился шум ударов молотка и ржавый скрип отворачиваемых болтов.

Блэйн закончил завтрак. У него осталось еще два бифштекса и две картофелины. Он перемешал уже начавшие остывать угли, наколол оба бифштекса на палочку и аккуратно обжарил.

Из-под капота по-прежнему доносились удары и скрип. Пару раз водитель выбирался, чтобы передохнуть, и опять принимался за работу.

Когда бифштексы как следует прожарились, Блэйн положил картофелины в карман и, держа бифштексы на палочке перед собой, как боевое знамя, стал спускаться к дороге

Заслышав звук шагов, водитель вылез из-под капота и обернулся.

— Доброе утро, — как можно радушнее поздоровался Блэйн. — Завтракаю и вдруг вижу: кто-то подъехал.

Шофер глядел на него с откровенной подозрительностью.

— У меня осталась еда, — сказал Блэйн, — и я ее для вас приготовил. Хотя, может быть, вы уже поели.

— Нет, еще не успел, — оживившись, произнес водитель. — Собирался перекусить в городке, там, внизу, но все еще было закрыто.

— Тогда прошу, — и Блэйн протянул ему палочку с нанизанными бифштексами.

Водитель взял палочку, держа ее так, будто она может ужалить его в любую секунду. Порывшись в карманах, Блэйн извлек две картофелины.

— Была еще кукуруза, три початка, — сообщил он, — но я все съел.

— Ты что, это мне даешь?

— Конечно, — подтвердил Блэйн. — Впрочем, можешь швырнуть их мне в физиономию, если тебя это больше прельщает.

Водитель нерешительно улыбнулся.

— Пожалуй, я поел бы. До следующего городка еще миль тридцать, а на нем, — он ткнул пальцем в фургон, — неизвестно, когда я туда доберусь.

— Нет соли, — сказал Блэйн, — но и так неплохо.

— Спасибо. Я не знаю, чем…

— Садись и ешь, — прервал его Блэйн. — Что там с двигателем?

— Не знаю, кажется, карбюратор.

Блэйн снял пиджак, аккуратно положил его на бампер и закатал рукава.

Усевшись на камень на обочине, водитель принялся за еду.

Блэйн взял гаечный ключ и полез на радиатор.

— А где ты достал бифштексы? — поинтересовался водитель.

— Да там, на холме. У фермера их целое поле.

— То есть ты их украл?

— А что делать, если нет ни работы, ни денег и надо пробираться в родные места?

— Куда это?

— Туда, в Южную Дакоту.

Водитель, набив полный рот едой, замолчал.

Блэйн заглянул под капот и увидел, что водитель уже ослабил все болты крепления карбюратора, кроме одного. Блэйн наложил на этот болт ключ и потянул. Болт протестующе заскрежетал.

— Черт побрал бы эту ржавчину, — выговорил водитель, не спуская глаз с Блэйна.

Справившись наконец с болтом, Блэйн снял карбюратор и сел рядом с жующим шофером.

— Скоро эта колымага вообще развалится, — заметил тот. — Впрочем, и с самого начала это был не подарочек, мучаюсь с ней всю дорогу. Сроки летят к чертям.

Блэйн подобрал ключ к болтам карбюратора и начал борьбу с проржавевшей резьбой.

— Пробовал вести машину по ночам, — сообщил водитель, — но после того раза — хватит. Такой риск не для меня.

— Что-нибудь привиделось?

— Если б не знаки на кузове, мне бы крышка. Правда, у меня есть ружье, но от него мало толку. Я не могу одновременно стрелять и крутить баранку.

— Даже если б и мог, вряд ли это помогло.

— Ну нет, приятель, — процедил водитель, — я бы им показал У меня полный карман патронов с серебряной дробью.

— А не дорого?

— Еще как дорого. Но ничего не поделаешь.

— Наверное, — согласился Блэйн.

— И что ни год, то становится все хуже. Но там, на севере, появился наконец этот проповедник.

— Проповедников везде хватает.

— Точно, хватает. И все они только и могут разводить болтовню. А этот призывает заняться делом.

— Ну вот, — Блэйн отвернул последний болт, вскрыл карбюратор и заглянул внутрь. — Нашел. Видишь, в чем дело?

Водитель наклонился и посмотрел, куда показывал Блэйн.

— Будь я проклят, если это не так!

— Все, через пятнадцать минут будет готово. У тебя есть чем смазать резьбу?

Водитель встал, вытер руки о штаны:

— Пойду посмотрю.

Он направился к машине, но вдруг вернулся:

— Меня зовут Бак, — он протянул руку, — Бак Райли.

— Блэйн. Можешь называть меня Шеп.

Они обменялись рукопожатием

Райли постоял, переминаясь с ноги на ногу, потом решился.

— Ты, кажется, двигаешься в Дакоту?

Блэйн кивнул.

— Я скоро рехнусь, если и дальше все буду делать один.

— Я как-то могу помочь?

— Согласен вести ночью?

— Черт побери! — сказал Блэйн. — Конечно.

— Ты за рулем, а я буду держать ружье наготове.

— Тебе не мешало бы выспаться.

— В общем, вдвоем как-нибудь справимся. Лишь бы колеса крутились не останавливаясь. Я и так потерял уже слишком много времени.

— А ты едешь в сторону Южной Дакоты?

Райли кивнул.

— Ну что, присоединяешься?

— С удовольствием. В любом случае лучше, чем идти пешком.

— Кстати, подзаработаешь. Немного…

— Забудь о деньгах. Главное, что ты меня подвезешь.

Глава тринадцатая

Они ехали с юго-запада на северо-восток, ведя машину и днем и ночью, но тем не менее половину времени стояли. Грузовик и вправду оказался чуть лучше ржавой консервной банки. Им приходилось воевать с громоздким двигателем, сражаться со старыми, лысыми шинами, ухаживать за рахитичным шасси, чтобы продвинуться еще на несколько миль.

Дороги были плохими, как и все дороги теперь. Эра гладких, твердых, чуть ли не с зеркальным покрытием шоссе давно кончилась, пришло время нового транспорта: полуавтомобилей-полусамолетов; хорошие дороги не нужны машинам, которые вовсе не касаются земли.

Чуть живые шины со стоном прыгали по неровному, выщербленному асфальту. С новыми шинами было бы легче, подумал Блэйн, но даже если б Райли мог позволить себе заплатить за них, он вряд ли бы их достал. Спрос на шины обычного типа упал почти до нуля, и увидеть их где-то в продаже было почти невозможно.

И еще одна постоянная проблема — бензин. Заправочных станций не было; последние заправочные станции закрылись лет пятьдесят назад. Транспорту, работающему на атомной энергии, заправляться не надо. Поэтому в каждом городке приходилось искать магазин сельскохозяйственных товаров или кооперативную фермерскую лавку и покупать горючее там, поскольку большинство сельскохозяйственных машин по-прежнему работало на бензине.

Они спали урывками, используя для сна каждый удобный момент; они ели на ходу, запивая бутерброды и пирожки кофе из старой жестяной фляги.

Так они пробирались древними дорогами, по которым современный транспорт ходил лишь по той причине, что в старину умели строить и знали, что прямая — кратчайшее расстояние между двумя точками.

— В жизни б не взялся за эту работу, — сказал Райли, — но мне обещали хорошо заплатить. А деньги, сам понимаешь, не помешают.

— Ничего, все будет нормально, — успокоил его Блэйн. — Может, опоздаешь на день-другой, но доехать мы доедем.

Райли вытер лицо вылинявшим, когда-то красным платком.

— Тут не только грузовик угробишь, — сказал он. — Тут и сам рехнешься от страха.

Это верно, подумал Блэйн, Райли весь пропитан страхом, страх проник ему в кровь и плоть.

И притом он не производит впечатления человека, который просто с детства запуган зверинцем ужасов и кошмаров и продолжает и в зрелом возрасте с легкостью вызывать в своем воображении все эти древние ужасы. Нет, тут что-то более реальное, чем отзвуки детских ночных кошмаров.

Блэйну его попутчик казался причудливым экспонатом из средневекового паноптикума. Человек, который боится темноты и существ, по его представлению, обитающих в ней! Человек, который верит, что его защитят намалеванные кабалистические знаки и дробовик, заряженный серебряной картечью! Блэйну приходилось слышать о подобных людях, но воочию до сих пор он их не видел. А если таковые и были среди его знакомых по “Фишхуку”, то они искусно и тщательно скрывали свои взгляды.

Но как Блэйн поражался Райли, так и Райли не переставал удивляться Блэйну.

— Тебе не страшно? — допытывался он.

Блэйн качал головой.

— Ты что, не веришь в нечистую силу?

— Всегда считал это детскими сказками, — отвечал Блэйн.

Тогда Райли начинал убеждать его:

— Это не сказки, приятель, можешь мне поверить. Я встречал столько людей и слышал столько историй, что знаю наверняка. Когда я был еще мальчишкой, у нас в Индиане жил один старик. Однажды его нашли висящим на заборе, у него было перерезано горло, а вокруг тела были следы копыт и стоял запах серы…

Если не поверишь в эту сказку, найдется другая, не менее жуткая, загадочная, окутанная мраком древности.

— Тебе хорошо, — сказал Блэйну Райли. — Ты их не боишься, и, может быть, они тебя не тронут. Собака кусает бегущего, но лижет руку тому, кто ее не боится.

— Тогда все просто, — заметил Блэйн. — Перестань бояться.

Но давать такой совет человеку вроде Райли было бесполезно.

Каждую ночь, когда Блэйн вел машину, Райли, дрожа от страха и судорожно сжимая ружье с серебряной картечью, вглядывался в темноту.

Все, что им встречалось по пути, — перебегающая дорогу лиса, сова, пролетевшая рядом, любая мелькнувшая у обочины тень, — все превращалось в ночные призраки, а вой койотов становился завываниями нечисти, вышедшей на поиски жертвы.

Но не все было только плодом больной фантазии Райли. Однажды им встретилась тень в форме человека, но уже не человек, — она вращалась и изгибалась в ленивом танце на высокой ветке над лесной порослью; они проехали обугленные развалины фермы, черный дымоход которой, как вытянутый обвиняющий палец, указывал в небо. Как-то раз, когда Райли возился с поржавевшими свечами, Блэйн отправился вверх по ручью, чтоб найти родник, и заметил вдали дымок небольшого костра. Они слишком поздно услышали его шаги, и Блэйн успел заметить их тени, взмывшие вверх по заросшему лесом откосу скалы.

На вытоптанной лужайке рядом с костром лежала опрокинутая сковорода, четыре наполовину поджаренных форели валялись на примятой траве рядом со стеганными ватными одеялами.

На случай дождя стоял грубо сложенный шалаш.

Блэйн опустился на колени рядом с костром и поправил сковороду. Затем положил на сковороду рыбу, предварительно очистив ее от приставших веточек и травинок.

Сначала он думал позвать беглецов, сказать, что не надо прятаться, потом понял, что это бесполезно, — доверия от них ждать уже поздно.

Потому что они — дичь. Загнанная дичь в тех самых Соединенных Штатах, где когда-то так ценили свободу, где в свое время столько говорилось о правах человека!

Он стоял на коленях, разрываясь от гнева и жалости, чувствуя, как начинает щипать в глазах. Он потер глаза кулаками, и мокрые костяшки оставили на лице грязные полосы.

Он постоял так еще немного, затем поднялся и пошел обратно, вниз по ручью, позабыв, что искал родник, который был наверняка уже совсем рядом.

Райли о тех, кого он встретил, Блэйн не стал говорить.

Они пересекали пустыни, пробирались через горы и наконец выехали на бескрайние просторы плоскогорья, где носился только ветер, не встречая на пути своем ни деревца, ни холма.

Блэйн, расслабившись, отдыхал на сиденье рядом с Райли. Солнце разогревало сухой ветер, и к северу, над пересохшим руслом реки, песчаные духи кружили смерчи.

Крепко вцепившись в руль, ссутулившись, Райли вел фургон. На лице у него было написано напряжение, временами его щеку подергивал нервный тик.

Этот человек, подумал Блэйн, боится даже днем, даже при свете он не прекращает свою схватку с темнотой.

А не связано ли это с грузом, который мы везем? — предположил Блэйн. Ни разу за весь путь Райли не обмолвился о своем грузе, ни разу не проверил его. На задней двери фургона висел тяжелый амбарный замок, издающий угрюмое бряцанье каждый раз, когда машина подпрыгивала на ухабах.

Раз или два Блэйн уже собирался спросить Райли, но что-то останавливало его. О том, что этой темы лучше не касаться, говорили ему не поступки или слова Райли, а какая-то его подчеркнутая небрежность.

А потом, решил Блэйн, меня это не касается. Какое мне дело, что там, в фургоне. Для меня главное — сам грузовик, каждый поворот колеса которого приближает к цели.

— Если сегодня ночью мы поднажмем, к утру будем на реке, — сказал Райли.

— На Миссури?

Райли кивнул:

— Если не сломаемся. И если сможем держать скорость.

Но в эту ночь они повстречали ведьм.

Глава четырнадцатая

Сперва они заметили что-то темное, мелькнувшее над дорогой в пучке света фар, потом увидели их, летящих в лунном свете. Собственно, они не летели, поскольку у них не было крыльев, а двигались по воздуху, как рыба плывет в воде, с грациозностью, свойственной только летающим существам.

В первый момент это можно было принять за мельтешение бабочек в луче света или бесшумный бросок на добычу ночного крылатого хищника, но только в первый момент, когда разум не мог преодолеть убеждения, что этого не может быть; но тут же не осталось никаких сомнений в том, что они увидели.

Они увидели летающих людей. Левитаторы, подумал один. Ведьмы, летящие на шабаш, решил другой.

Увидев, что Райли высунул ствол ружья в открытое окно, Блэйн ударил по тормозам.

Райли спустил курок, и звук выстрела в кабине прозвучал оглушительней грома.

Машину занесло, и она остановилась поперек дороги. Дернув Райли за плечо, Блэйн другой рукой вырвал у него ружье.

Он взглянул на Райли: на лице у того был написан смертельный ужас. Его челюсть ходила беззвучно вверх-вниз, как у марионетки, в углах рта выступила пена. Глаза его бешено вращались, а лицо превратилось в уродливую маску от сведенных судорогой мышц.

Скрюченные пальцы тянулись к ружью.

— Прекрати! — заорал Блэйн. — Это всего лишь левитаторы.

Слово ничего не значило для Райли. Страх грохотал у него в мозгу, заглушая разум и логику.

Уже обращаясь к Райли, Блэйн понял, что слышит голоса, беззвучный хор голосов, обращающихся к нему из ночи.

Друг, один из нас ранен (алая струйка по мускулистому плечу) — не сильно. А где ружье? (Ружье с печально обвислым стволом.) Все в порядке — ружье у нашего друга. Теперь займемся этим (загнанная в угол, рычащая собака; скунс с поднятым хвостом; готовая к броску, свернувшаяся в кольцо, гремучая змея).

— Стойте! — закричал Блэйн. — *Подождите! Опасности больше нет. Он не будет стрелять.*

Нажав локтем на ручку замка, он распахнул дверь и, оттолкнув Райли, вывалился из кабины, держа в руках ружье. Блэйн переломил дробовик, и патроны выпали; отбросив ружье на дорогу, он облокотился на автомобиль.

Ночь вдруг стала абсолютно беззвучной, не считая стонов и воя Райли, доносящихся из кабины.

— Все, — сказал Блэйн, — *больше нечего бояться.*

Они нырнули с неба, как будто стояли там на невидимой платформе, и мягко приземлились на ноги.

Медленно и бесшумно они приблизились к нему и остановились, ничего не произнося.

— По-идиотски ведете себя, — сказал им Блэйн. — *В следующий раз кому-нибудь из вас отстрелят голову (безголовое тело, прогуливающееся небрежной походкой, клубы пены, вскипающей из обрубка шеи).*

Блэйн заметил, что все они были молоды, не старше восемнадцати, а одеты в подобие купальных костюмов. Блэйн уловил исходящее от них чувство веселья и озорства.

Они подошли еще ближе. Блэйн попытался прочесть еще что-либо по их виду, но больше ничего не увидел.

— Ты кто? — спросил один из них.

— Шепард Блэйн, из "Фишхука".

— Куда ты едешь?

— В сторону Южной Дакоты.

— На этом грузовике?

— И с этим человеком, — добавил Блэйн. — *Не трогайте его.*

— Он стрелял в нас. Он ранил Мари.

— Пустяки, — сказала Мари, — *царапина.*

— Он боится, — сказал Блэйн. — У *него патроны с серебряной картечью.*

Блэйн почувствовал, что мысль о серебряной картечи их развеселила.

И ощутил необычность сложившейся ситуации: лунная ночь, заброшенная дорога, машина поперек шоссе, заунывный вой ветра над прерией и они двое, он и Райли, окруженные не индейцами из племени сиу, или команчей, или черноногих, а группой паранормальных подростков, вышедших ночью повеселиться.

И кто вправе осудить их, спросил он себя, или мешать им? Если эти небольшие акции протеста помогают им самоутвердиться в их полной унижений жизни, если этим путем они отстаивают какую-то долю своего человеческого достоинства, тогда их поступки — вполне нормальное человеческое поведение, за которое их нельзя винить.

Он всматривался в лица, которые мог разглядеть в расплывчатом свете луны и фар, и видел, что идет борьба между вспыльчивостью и нерешительностью. Из машины по-прежнему доносились стоны водителя, бьющегося в истерике.

— "Фишхук"? (Башни зданий на холме, квадратные километры зданий, массивные, величественные, вдохновляющие…)

— Верно, — подтвердил Блэйн.

От группы отделилась девушка, подошла к Блэйну и протянула ему свою ладонь.

— Друг, — сказала она, *— мы не ждали встретить здесь друга. Нам всем очень жаль, что мы причинили тебе неприятности.*

Блэйн взял ее руку и ощутил пожатие сильных, молодых пальцев.

— На дорогах редко кого встретишь ночью, — сказал один из ребят.

— Мы просто веселились, — сказал другой, *— в жизни так мало веселого.*

— Мало, — согласился Блэйн. *— Я сам знаю, как мало.*

— Мы ряженые, — ведь скоро канун Дня святых, — добавил еще один.

— Ряженые? День святых? А, ну тогда все понял. (Рука, стучащая в закрытые ставни, повешанная на дерево калитка, перевернутая вверх ногами табличка с заклинанием.)

— Им это полезно. Сами напрашиваются.

— Пусть так, — сказал Блэйн. *— Но ведь это опасно.*

— Не очень. Они слишком боятся.

— Но этим положению не поможешь.

— Мистер, положению ничем не поможешь.

— А "Фишхук"? — спросила стоящая перед Блэйном девушка.

Блэйн внимательно посмотрел на нее и вдруг понял, как она красива: голубые глаза, золотистые волосы и фигура, которая в древние времена сделала бы ее победительницей всех конкурсов красоты, — идол, благополучно позабытый человечеством, увлекшимся парапсихологией.

— Не знаю, — сказал Блэйн. *— Прости, но я не знаю.*

— Что-то случилось? Тебе грозит опасность?

— Пока нет.

— Тебе нужна помощь?

— Ни к чему, — как можно беззаботнее произнес Блэйн.

— Мы можем полететь с тобой куда скажешь.

— Я не умею летать.

— И не надо. Мы сами (он в воздухе, поддерживаемый за руки двумя левитаторами).

Блэйн передернул плечами:

— Нет уж, благодарю, лучше не надо.

Кто-то открыл дверцу машины, кто-то вышвырнул Райли на землю.

Рыдая, водитель пополз на четвереньках.

— Оставьте его, — закричал Блэйн.

Девушка обернулась. Мысли ее прозвучали резко и властно:

— Отойдите! Не трогайте его! Чтоб никто пальцем его не тронул!

— Но, Анита…

— Даже пальцем, — повторила она.

— Это же подонок. Стреляет серебряной картечью.

— Нет!

Они отошли.

— Нам пора, — сказала Анита Блэйну. *— Думаешь, все будет нормально?*

— С этим?

Она кивнула.

— Ничего, с ним я справлюсь, — успокоил ее Блэйн.

— Меня зовут Анита Эндрюс. Я живу в Гамильтоне, мой телефон — 276. Запиши в память.

— Записано. — Блэйн тут же показал ей слова и цифры.

— Если понадобится помощь…

— Я позвоню..

— Обещаешь?

— Клянусь! (Крест на бьющемся сердце). Неожиданно прыгнув, Райли схватил ружье

и теперь, пошатываясь, стоял и шарил в кармане в поисках патрона.

Блэйн бросился ему в ноги, ударив его плечом со всего размаха чуть выше колен; одной рукой он обхватил Райли за пояс, другой попытался поймать ствол ружья, но промахнулся.

Падая, он крикнул:

— *Быстрей! Быстрей все убирайтесь!*

Затрещала одежда; Блэйн почувствовал, как шершавый асфальт обдирает ему кожу, но Райли не выпустил, увлекая его за собой.

Когда скольжение по асфальту прекратилось, Блэйн снова попытался нащупать ружье. Ствол блеснул в темноте и опустился ему на ребра. Блэйн охнул, попробовал ухватиться за него, но Райли еще раз взмахнул ружьем, как дубинкой. В отчаянии Блэйн наугад нанес удар и почувствовал, как его кулак погрузился в живот водителя. Раздался возглас боли, и тяжелый ствол прошел в дюйме от лица Блэйна.

Его рука рванулась вперед, поймала ствол и дернула на себя, одновременно выкручивая.

Завладев ружьем, Блэйн откатился в сторону и вскочил.

Райли, как носорог, склонив голову, расставив руки, несся на него. На лице его жутко застыл ревущий оскал.

Блэйн едва успел отбросить ружье. Он попытался увернуться от приближающегося Райли, но Райли сумел ухватить его своей окорокообразной лапой за бедро. Не давая ему убрать руку, Блэйн резко повернулся. Райли попробовал затормозить, но было поздно С оглушительным грохотом его тело по инерции врезалось в грузовик.

Райли обмяк и свалился. Блэйн, выжидая, смотрел на него: тот не двигался.

Из ночи не доносилось ни звука. Все исчезли, кроме них, вокруг никого не было. Только он, и Райли, и потрепанный фургон.

Блэйн отвернулся, поглядел на небо, но там тоже ничего не было, кроме луны, звезд и одинокого степного ветра. Он опять посмотрел на Райли и увидел, что тот жив. Райли уже сидел, держась за передний борт. Удар о кузов рассек ему лоб, и больше драться он явно не собирался. Он тяжело пыхтел, стараясь отдышаться, и в глазах у него стоял дикий блеск.

Блэйн сделал шаг в его сторону.

— Дурак проклятый, — сказал он. — Если б ты еще раз выстрелил, нам бы конец. Они нас на куски бы разорвали.

Райли глядел на него вытаращенными глазами, силясь что-то сказать, но из его рта раздавалось только: “Ты-ты-ты”.

Блэйн шагнул к нему и протянул руку, чтобы помочь встать, но Райли отпрянул от него, прижавшись изо всех сил к кузову, как бы пытаясь раствориться в металле.

— Ты один из них! — взвизгнул он. — Я давно понял…

— С ума сошел!

— Я тебя раскусил! Ты не хочешь, чтоб тебя видели. Не отходишь от машины. За едой и кофе всегда хожу я. Ты не ходишь. И насчет бензина договариваюсь я. А не ты.

— Машина твоя, а не моя, — ответил Блэйн. — И деньги у тебя. А у меня, ты знаешь, ни гроша.

— А как ты появился, — скулил Райли. — Вышел прямо из лесу. Ты, наверное, всю ночь там с ними провел. И ты не как все, ты ни во что не веришь.

— Потому, что я не дурак, — сказал Блэйн. — Вот и все. Я не больший парапсих, чем ты. Думаешь, если б я был колдуном, стал бы я трястись с тобою на этой жестянке?

Он подошел к Райли, схватил его и рывком поднял на ноги. И встряхнул так, что у него закачалась голова.

— Хватит! — заорал на него Блэйн. — Нам ничто не грозит. Поехали отсюда.

— Ружье! Ты выбросил ружье!

— К чертям ружье. Пошли в машину.

— Но ты с ними разговаривал! Я сам слышал!

— Ни слова не сказал.

— Ты не ртом разговаривал, — сказал Райли. — Не языком. Но я слышал. Не все. Только отрывки. Но ты разговаривал.

Прижимая его одной рукой к грузовику, Блэйн открыл дверцу.

— А ну, заткнись и забирайся, — процедил Блэйн. — Подумаешь, ружье у него есть! Серебряная картечь! Он слышал, надо же!

Поздно, решил он. Объяснять бессмысленно. И показывать ему или пытаться помочь тоже бессмысленно. Скорей всего, если ему рассказать правду, он утратит последние остатки логики и совсем сойдет с ума.

Блэйн обошел фургон с другой стороны, сел, завел мотор и развернул машину вдоль дороги.

Целый час они ехали молча. Скрючившись в углу, Райли не спускал с Блэйна испытующих глаз.

— Извини, Блэйн, — наконец произнес он. — Наверное, я был не прав.

— Конечно, не прав. Если бы ты открыл стрельбу…

— Я не об этом, — перебил его Райли. — Если б ты был одним из них, ты бы не остался. Они могли бы тебя домчать куда надо в сто раз быстрее.

Блэйн рассмеялся:

— Чтоб тебя совсем успокоить, завтра за кофе и продуктами пойду я. Конечно, если ты мне доверишь деньги.

Глава пятнадцатая

Блэйн сидел на стуле в закусочной и ждал, пока ему завернут сэндвичи и нальют во флягу кофе. В зале кроме него было еще два посетителя, и на Блэйна они никакого внимания не обращали. Один только что закончил трапезу и теперь читал газету. Другой, склонившись над тарелкой, метал в рот густую массу, которая раньше была яичницей с жареным картофелем, а сейчас, от тщательного перемешивания, видом напоминала собачий корм.

Блэйн повернулся лицом к мощной стеклянной стене здания.

На улице было по-утреннему тихо, брел один-единственный пешеход, и мимо него время от времени проносились автомобили.

Наверное, было глупо, подумал Блэйн, вот так рисковать лишь для того, чтобы попытаться развеять сомнения Райли, успокоить его. Хотя ясно: что бы водитель ни говорил, подозрения у него остались.

Правда, осталось немного, скоро должна быть река, а в нескольких милях к северу — Пьер. Кстати, любопытно: за всю дорогу Райли ни разу не обмолвился, куда он едет. Впрочем, ничего странного: Райли явно боится и не касается тем, связанных с его грузом.

Блэйн отвернулся от окна, получил сверток с сэндвичами и кофе, отдал бармену пятидолларовую купюру, а сдачу положил в карман.

Выйдя, Блэйн направился к заправочной станции, где его ждал Райли со своим фургоном. Было слишком рано, и заправщики на станцию еще не пришли. Блэйн и Райли договорились перекусить, потом, когда станция откроется, заправиться и двинуться дальше. Возможно, рассчитывал Блэйн, это будет последний день их совместного пути.

Стоит им доехать до реки, и он пойдет сам, на север, в Пьер.

Утро было свежим, почти холодным, и воздух обжигал ему ноздри. Начался еще один хороший день — еще один миг октября, когда небо затянуло дымкой, а воздух пьянит, как вино.

Блэйн вышел к бензоколонке. Грузовика там не было.

А может, подумал Блэйн, он отъехал за угол. Но еще предполагая это, Блэйн уже знал, что не прав. Он понял, что его провели.

Для того чтобы избавиться от Блэйна, Райли пришлось пожертвовать пятью долларами и поискать другое место для заправки.

Блэйна это особенно не поразило, он понимал, что втайне был готов к этому. Так или иначе, с точки зрения Райли это было простейшее разрешение сомнений предыдущей ночи.

На всякий случай Блэйн обошел квартал.

Машины он не нашел. Приходилось рассчитывать на себя.

Еще немного, и городок начнет просыпаться. Надо успеть уйти до этого. Найти какое-нибудь место, где переждать день.

Минуту он стоял, ориентируясь.

Ближняя окраина лежит к востоку, решил он, так как мы въехали с юга и проделали милю-две по городу.

Блэйн тронулся в путь, стараясь двигаться как можно быстрей и в то же время не привлекать внимания. Проехало несколько машин, кто-то вышел на порог за газетой, прошел человек — в руке корзинка с завтраком. На Блэйна никто не обращал внимания.

Дома стали реже, началась последняя улица города. Здесь плоскогорье кончалось, и рельеф пошел под уклон — поросшие лесом бугры и холмы, каждый чуть ниже, чем предыдущий. Впереди Миссури, понял Блэйн. Где-то впереди, за последним холмом, шумит могучая река с ее песчаными отмелями и ивняковыми островами.

Он пересек поле, перелез через ограду и спустился в крутой овраг, где меж кустов бежал крохотный ручеек.

Опустившись на четвереньки, Блэйн заполз в кустарник. Он нашел идеальное укрытие. За пределами города, и ничего такого, что могло бы привлечь людей: рыбу ловить слишком мелко, а купаться слишком холодно. Здесь его не найдут.

Здесь никто не учует сверкающее зеркало у него в мозгу, никто не крикнет: “Парапсих!”

А ночью он двинется дальше.

Он съел три сэндвича, запил кофе.

Взошло солнце. Просачиваясь сквозь кусты, его лучи разбивались на мозаику света и тени.

Из городка слабо доносились звуки — рычание грузовика, лай собак, голос женщины, скликающей детей.

Как я уже далеко забрался после той ночи в “Фишхуке”, думал Блэйн, сидя под ивами и ковыряя веточкой в песке. Далеко от виллы Шарлин, от Фредди Бейтса. А до сих пор у меня не было времени поразмыслить об этом. То, что было неясно тогда, неясно и сейчас: правильно ли я поступил, убежав из “Фиш-хука”; не лучше ли было, несмотря на слова Годфри Стоуна, остаться и испытать все, что ни уготовил бы ему “Фишхук”.

Мысли вернули его к залитой светом голубой комнате, откуда все началось. Он видел ее, как будто был в ней только вчера — лучше, чем если бы был вчера. Чужие звезды мерцали над этой комнатой без крыши, колеса легко катились по гладкому голубому полу, а вокруг стояли странные предметы, которые могли быть и мебелью, и произведениями искусства, и всем, чем угодно.

Все предстало перед ним как реальное — неправдоподобно реальное, без резких контрастов и без расплывчатости, со всеми без исключения деталями и подробностями.

— *Вот ты и вернулся!* — приветствовал его, приподнявшись, лениво распластавшийся Розовый.

Он действительно был там.

Без машины или тела, без каких-либо приспособлений, только силой разума Шепард Блэйн вернулся к Розовому, в его голубую комнату за пять тысяч световых лет от Земли.

Глава шестнадцатая

Разум увидеть нельзя.

И все же Розовый видел его или чувствовал — во всяком случае, о присутствии разума Блэйна он знал.

А Блэйна это не удивляло и не пугало. Он чувствовал себя так, как будто вернулся домой, и голубая комната казалась ему более знакомой и близкой, чем в первое посещение.

— *Н-да,* — удовлетворенно хмыкнул Розовый, оглядывая его разум. — *Неплохая получилась парочка.*

Ну конечно, подумала та часть разума, которая еще оставалась Шепардом Блэйном, ведь я, или, по крайней мере, часть меня, или даже половина и в самом деле вернулась домой. Потому что на сколько-то процентов (возможно, мне никогда не узнать, насколько) я и есть сидящее перед ним существо. Я одновременно и Шепард Блэйн, путешественник с Земли, и дубликат обитателя этой голубой комнаты.

— *Ну, и как дела?* — любезно осведомилось существо. Как будто не знает само!

— *Есть одна просьба!* — торопливо сказал Блэйн, спеша объяснить все до того, как ему придется покинуть эту планету. — *Одна-единственная. Ты сделал нас, как зеркало. Мы отражаем чужие мысли.*

— *А как же иначе?* — удивился Розовый. — *Разве можно по-другому? На чужой планете приходится экранироваться от чересчур любопытных разумов. Конечно, здесь, дома, нет нужды…*

— *Ты не понял,* — запротестовал Блэйн. — *Твой экран нас не защищает. Он только привлекает к нам внимание. Из-за него мы чуть не погибли.*

— *Этого не может быть,* — сердито оборвало его существо. — *Погибнуть невозможно. Нет такого понятия, как смерть. Смерть бессмысленна. Хотя, может, я и ошибаюсь. Кажется, очень давно была планета…*

Стало почти слышно, как существо перебирает пыльные архивные папки в заваленной знаниями памяти.

— *Да,* — подтвердило оно. — *Было несколько таких планет. Это позор. Для меня это непонятно. Непостижимо.*

— *На моей планете,* — сказал Блэйн, — *умирает все, поверь мне. Абсолютно все.*

— *Неужели все?*

— *Ну, точно не скажу. Возможно…*

— *Вот видишь. Даже у тебя на планете смерть не обязательна.*

— *Не знаю,* — сказал Блэйн, — *кажется, существуют и бессмертные вещи.*

— *То есть нормальные.*

— *Смерть не бессмысленна,* — настаивал Блэйн. — *Смерть — процесс, благодаря которому на моей планете стали возможными развитие и дифференциация видов. Она не дает зайти в тупик. Это ластик, который стирает ошибки и открывает путь новым началам.*

Розовый уселся поудобнее. Чувствовалось, как он устраивается, собираясь с мыслями, подтягиваясь, готовясь к долгому и плодотворному обсуждению и, может быть, спору.

— *Может, ты и прав,* — сказал он, — *но такой путь слишком примитивен. Это кончится первоначальным хаосом. Есть лучшие решения. Существует даже этап, когда совершенствование, о котором ты говоришь, перестает быть нужным. Но прежде всего скажи, ты доволен?*

— *Доволен?*

— *Ты ведь стал более совершенен. Ты больше, чем обычный разум. Ты — это частично ты, частично я.*

— *Ты ведь тоже частично я.*

Существо удовлетворенно хмыкнуло:

— *Видишь ли, тебя сейчас двое — ты и я; а я — даже трудно сказать, сколько всего одновременно. Я так много путешествовал и нахватался всякого — и разумов в том числе. Кстати, многое из них, откровенно говоря, можно было и не брать. Но, знаешь, хотя я сам странствую очень много, у меня в гостях почти никто не был. Ты не представляешь, как я признателен тебе за твой визит. Когда-то у меня был знакомый, который частенько меня навещал, но это было так давно, что и не вспомнишь. Кстати, ведь у вас измеряют время,*

то есть поверхностное время?

Блэйн объяснил, как люди измеряют время.

— М-м, сейчас прикинем, — существо начало быстро подсчитывать что-то в уме. *— По вашему счету выходит приблизительно десять тысяч лет назад.*

— Когда у тебя был твой приятель?

— Да, — подтвердил Розовый. *— С тех пор ты мой первый гость. И ты сам пришел ко мне. Не дожидаясь, пока к тебе приду я. Ты был в машине…*

— А почему, — поинтересовался Блэйн, *— ты спросил меня про наш счет времени? Ведь у тебя есть мой разум. Ты знаешь все, что знаю я.*

— Естественно, — пробормотал Розовый. *— Все твои знания во мне. Но я еще не разбирался в них. Ты не представляешь, что у меня там творится!*

Еще бы, подумал Блэйн. Тут с одним-то лишним разумом не знаешь, как разобраться. Интересно…

— Ничего, — успокоил его Розовый. *— Со временем все образуется. Потерпи немного и вы станете единым разумом. Вы поладите, как ты считаешь?*

— Но с отражателем ты и устроил нам…

— Я вовсе не хочу вам неприятностей. Я стараюсь как лучше. И делаю ошибки. И исправляю их. Снимать экран?

— Снимай, — поспешил согласиться Блэйн.

— Я путешествую, — рассказывало существо, *— не сходя с этого места. Сидя здесь, я бываю где захочу, и ты не поверишь, как мало встречается разумов, стоящих обмена.*

— Ну, за десять тысяч лет ты их, думаю, набрал немало.

— За десять тысяч лет? — озадаченно спросило существо. *— Мой друг, десять тысяч лет — это только вчера.*

Существо покопалось в памяти, но, опускаясь в глубины воспоминаний все глубже и глубже, так и не дошло до начала.

— Иди сюда, — пригласил Розовый, *— садись рядом со мной.*

— Вряд ли в таком виде, — объяснил Блэйн, *— я могу сидеть.*

— Конечно, как я не сообразил. Тогда придвинься поближе. Ты ведь пришел ко мне в гости?

— Само собой, — пробормотал Блэйн, не понимая, о чем идет речь.

— Тогда, — произнесло существо, *— давай поболтаем о путешествиях!*

— Давай, — Блэйн пододвинулся к нему.

Они сидели в голубой комнате, залитой светом неизвестных звезд, и под отдаленный рокот бушующей пустыни Розовый рассказывал. Не только о цивилизации машин. О племени насекомых, которые тысячелетиями накапливали неисчерпаемые запасы пищи, им не нужной, и стали рабами собственной слепой жадности. О расе, сделавшей искусство объектом религиозного поклонения. О станциях подслушивания, обслуживаемых гарнизонами одной галактической империи, о которой давно забыли все, кроме самих гарнизонов. О фантастически сложных сексуальных традициях одной расы, которая практически все усилия направляла на разрешение воспроизводства. О бесплодных, голых планетах, никогда не знающих жизни. И о других планетах, где, как в колбах и ретортах алхимика, шли такие химические реакции, какие разум не в состоянии не то что понять, но даже представить, и где в результате этих химических реакций зарождалась шаткая, эфемерная жизнь, чтобы через доли секунды опять уйти в небытие.

Об этом и о бесконечно многом еще.

Слушая, Блэйн в полной мере осознал, насколько фантастичен случайно повстречавшийся ему Розовый, который не может вспомнить начала и не представляет конца; существо со странствующим разумом, за миллионы лет посетившее миллионы звезд и планет на расстоянии миллионов световых лет в этой и соседних галактиках. Перед ним было существо, которое принесло бы человеческому племени неисчерпаемую пользу. То, что говорилось сейчас, стоило всех усилий, затраченных когда-либо человечеством.

Человечество встретилось с расой, у которой, похоже, не было других эмоций, кроме дружелюбия; если у нее и существовали когда-то эмоции, то за бесконечные годы мысленных путешествий они износились в прах. Потому что, наблюдая, подглядывая в окна соседей по галактике, эта раса научилась терпимости и пониманию не только по отношению к себе подобным или человечеству, но и ко всем созданиям, пониманию жизни во всем разнообразии ее проявлений. Научилась принятию любой мотивации, любой этики, любой культуры, какой чужеродной она ни казалась бы.

Вдруг до Блэйна дошло, что все знания, о которых он думает, находятся в равной степени и в мозгу одного человеческого существа — некоего Шепарда Блэйна; если тот только сможет разобрать знания, систематизировать их и аккуратно сложить, то ими можно будет пользоваться.

В беседе Блэйн потерял чувство времени, утратил ощущение того, кто он, где находится и зачем; он позабыл обо всем на свете, как мальчик, самозабвенно слушающий невероятные истории старого матроса, вернувшегося из дальних, неведомых стран.

Комната стала родной, Розовый уже был другом, а далекие звезды не казались чужими; завывания пустынного ветра звучали как с детства знакомая колыбельная.

Он не сразу понял, что рассказы о далеком и давнем уже прекратились, и он слушает только ветер.

Он потянулся, как после сна, и существо сказало:

— Мы отлично провели время. Не помню, чтоб я когда-либо получал столько удовольствия.

— Подожди, — попросил Блэйн. *— Еще один вопрос…*

— Насчет экрана не беспокойся. Я его убрал. Теперь тебя никто не выдаст.

— Я не о том. Я про время. Я — то есть мы — каким-то образом управляем временем. Дважды это спасло мне жизнь…

— Знание у тебя. В твоем разуме. Надо только найти его.

— Но ведь время…

— Время, — сказал Розовый. *— Что может быть проще времени!*

Глава семнадцатая

Блэйн долго лежал, наслаждаясь чувством тела, — у него опять было тело. Он ощущал прикосновение воздуха к коже, теплую влагу, выступившую на руках, лице и груди.

Он уже не был в голубой комнате, потому что у него не было тела, и потом исчез шелест пустынного ветра. Вместо этого он слышал равномерное хриплое всхлипывание. Густой, резкий запах антисептики наполнял ноздри, горло, легкие.

Медленно, готовый тут же закрыть глаза при первой необходимости, Блэйн поднял веки. И не увидел ничего, кроме безразличной белизны потолка.

Голова его лежала на подушке, под ним была простыня, а сам он был одет в накрахмаленную рубашку.

Он повернул голову и увидел рядом другую кровать, на которой лежала мумия.

“Что может быть проще времени”, — сказало существо из другого мира. Оно собиралось рассказать ему о времени, но он не смог остаться еще, чтобы дослушать.

Мумия в соседней кровати была полностью замотана бинтами, и только на месте ноздрей и рта оставались отверстия. Мумия дышала, и каждый вдох сопровождался всхлипыванием.

Белые, как потолок, стены, кафельный пол, стерильность обстановки не оставляли сомнений относительно того, куда он попал.

Блэйн лежал в больничной палате рядом с хрипящей мумией.

Страх волной накатил на него, но Блэйн не шевелился, давая страху перекатиться и схлынуть. Потому что, даже испытывая страх, он чувствовал себя в безопасности. По какой-то причине — он не мог вспомнить по какой — Блэйн был уверен, что ему ничего не грозит.

Где же он был, подумал Блэйн, до голубой комнаты? Он мысленно вернулся в прошлое: овраг за городом, ручей, ивняк…

В коридоре послышались шаги, и в палату вошел человек в белом халате.

Он остановился в дверях и поглядел на Блэйна.

— Пришел в себя наконец, — сказал доктор. — Как себя чувствуешь?

— Неплохо, — ответил Блэйн. Он и в самом деле чувствовал себя отменно. Что же он здесь тогда делает? — А где меня подобрали?

— А раньше с тобой это случалось? — вместо ответа задал вопрос доктор.

— Что “это”?

— Потеря сознания. Кома.

— Что-то не припомню, — покачал головой Блэйн.

— Можно подумать, что ты стал жертвой заклинания.

— Колдовство, доктор? — засмеялся Блэйн.

— Ну, я в это не верю, — скривился кисло врач. — Хотя кто знает. Больные иногда думают так.

Он подошел к Блэйну и сел на край кровати.

— Меня зовут доктор Уитмор, — сказал он. — Ты здесь уже два дня. Мальчишки охотились на кроликов, залезли в кусты и там нашли тебя. Они решили, что ты мертв.

— А что со мной?

— Не знаю, — покачал головой Уитмор.

— У меня нет денег, доктор. Я не смогу заплатить.

— Это не самое главное, — успокоил его доктор. — Правда, я хотел спросить. При тебе не нашли никаких документов. Ты помнишь, как тебя зовут?

— Конечно. Шепард Блэйн.

— А где ты живешь?

— Нигде. Болтаюсь где придется.

— А как ты попал в этот город?

— Не помню.

Блэйн сел на кровати:

— Доктор, я зря занимаю койку.

— Лучше бы ты полежал еще. Надо сделать несколько анализов…

— Не хочу причинять вам беспокойства.

— Дело в том, — признался Уитмор, — что я никогда не сталкивался с подобным случаем. Я был бы признателен, если б ты задержался. Мы не нашли никаких отклонений, когда тебя привезли. Чуть замедленный пульс. Несколько поверхностное дыхание. Температура на пару градусов ниже обычного. И все. Остальное в норме. Кроме того, что ты был без сознания. Пробудить тебя ничем не удалось.

— Вот кому не повезло, — Блэйн кивнул в сторону мумии.

— Дорожное происшествие.

— В наше время это редкость.

— Да и обстоятельства необычные, — пояснил доктор. — Он вел старый фургон. На полном ходу лопнула шина. И прямо на повороте над рекой.

Блэйн внимательно посмотрел на забинтованного шофера, но под повязкой узнать его было невозможно.

— Я могу перевести тебя в другую палату, — предложил доктор.

— Не стоит. Я долго тут не задержусь.

— Лучше полежи. А то снова отключишься. И на этот раз тебя не найдут.

— Ладно, я подумаю, — пообещал Блэйн.

Доктор поднялся, подошел к соседней койке, и, наклонившись над больным, прислушался к его дыханию. Ватным тампоном вытер ему губы, пошептал что-то на ухо, затем выпрямился.

— У тебя есть какие-нибудь просьбы? — спросил он Блэйна. — Ты, наверное,

проголодался.

Блэйн кивнул. Вспомнив о еде, он действительно почувствовал голод.

— Хотя, я могу подождать, — сказал он.

— Я распоряжусь на кухне, тебя покормят.

Доктор повернулся и быстро вышел из комнаты, Блэйн лежал, вслушиваясь в его удаляющиеся шаги.

И он вдруг понял — он вспомнил, — почему так спокоен. Существо с далекой планеты сняло экран, освободило его от сверкающего зеркала в мозгу, теперь нечего бояться, ни к чему прятаться.

Рядом с ним мумия издавала стоны, хрипы и всхлипывания.

— Райли, — шепотом позвал Блэйн.

Дыхание не изменилось.

Блэйн сел на кровати, свесив ноги, потом встал. Стоять босиком на узорчатом кафеле было холодно. Ежась в жесткой больничной рубахе, он подошел к напоминающему белый кокон существу.

— Райли! Это ты? Райли, ты слышишь меня?

Мумия шевельнулась.

Она попыталась повернуть голову к нему, но не смогла. С трудом задвигались губы. Язык силился произнести что-то.

— Передай… — выговорил шофер, от усилия растягивая слово.

Напрягшись, он попробовал еще раз.

— Передай Финну…

Блэйн понял, что это не все, он хочет еще что-то добавить. Губы мучительно шевельнулись. В хлюпающем отверстии тяжело поворачивался язык. Беззвучно.

— Райли! — позвал Блэйн, но ответа не получил.

Блэйн стал пятиться назад, пока край кровати не уперся ему под колени. Тогда он сел.

Ну вот, подумал он, страх и догнал этого парня, страх, от которого Райли пытался убежать, прячась от которого он пересек полконтинента. Хотя, возможно, не тот, от которого он убегал, а другой страх и другая опасность.

Райли с шумом, судорожно вздохнул.

Вот лежит человек, думал Блэйн, которому надо что-то передать некоему Финну. Кто такой этот Финн, откуда? Как он связан с Райли?

Финн?

Он знал одного Финна.

Когда-то, очень давно, имя Финн было ему знакомо.

Блэйн напрягся, пытаясь вспомнить все, что ему известно о Финне.

Не исключено, что это не тот Финн.

Потому что он слышал о Ламберте Финне, который тоже был исследователем в “Фишхуке”, и он тоже бесследно исчез, но задолго до исчезновения Годфри Стоуна, задолго до того дня, как сам Блэйн пришел работать в “Фишхук”.

Он превратился в призрак, чье имя произносят шепотом, в легенду, в жуткий персонаж жуткой истории, в одну из немногих фишхуковских сказок ужасов.

Потому что, говорилось в этой сказке, однажды Ламберт Финн вернулся со звезд визжащим от ужаса маньяком!

Глава восемнадцатая

Уставившись в потолок, Блэйн лежал на кровати. За окошком шуршал ветерок; на стене напротив весело играли тени листьев одинокого дерева. Упрямое дерево, подумал Блэйн, уже кончается октябрь, а оно никак не хочет расставаться с листьями.

Из коридора доносились все те же приглушенные шаги, а в воздухе по-прежнему едко пахло антисептиком.

Надо выбираться отсюда, решил Блэйн, пора двигаться. Но куда? В Пьер, конечно, в Пьер к Гарриет, если Гарриет там. Сам по себе Пьер не больше чем тупик, и делать мне там нечего. Но пока моя задача — добраться туда.

Ведь я все еще беглец, совершивший отчаянный, неподготовленный побег. Я бегу с того момента, как вернулся из последнего путешествия на звезды. И, что хуже всего, бегу бесцельно, лишь для того, чтобы укрыться, обрести безопасность.

Из-за отсутствия цели становилось не по себе. Как будто он пустышка. Перекати-поле, которое катится туда, куда подует ветер.

Он лежал, давая боли впитаться, впуская горечь и сомнение: а надо ли было бежать из “Фишхука”, имело ли это смысл? Затем ему вспомнился Фредди Бейтс, его натянутая улыбка, и блестки в глазах, и револьвер в его кармане. И сомнения рассеялись сами собой: он поступил правильно.

Райли всхлипнул, захрипел и затих.

Нет, сказал себе Блэйн, хоть доктор и просит, оставаться не следует. Все равно врач ничего не обнаружит, а Блэйн ничего ему не расскажет, так что для них обоих это будет только потеря времени.

Он встал с постели, пересек комнату и подошел к двери, ведущей, по всей видимости, в гардеробную.

Он открыл дверь — его одежда действительно была там. Правда, он не видел нижнего белья, но его рубашка и брюки висели на вешалке, а под ними стояли его туфли. Пиджак, свалившись с вешалки, лежал на полу.

Скинув больничную рубаху, он сунул ноги в штанины, натянул брюки и туго затянул их на поясе.

Он потянулся за рубашкой, как вдруг остановился, пораженный тишиной — мирным, тихим спокойствием осеннего полдня. Покой желтого листка, свежесть дымки на далеких холмах, винный аромат осени.

Но в этом спокойствии что-то было не так.

Исчезли стоны и всхлипывания с соседней койки.

Пригнувшись, как в ожидании удара, Блэйн прислушался, но ничего не услышал.

Он повернулся, сделал шаг в сторону кровати, но остановился. К Райли подходить уже поздно. Его забинтованное тело лежало неподвижно, а на губах застыла пузырем пена.

— Доктор! — закричал Блэйн. — Доктор!

Сознавая, что поступает глупо и нерационально, он бросился к двери.

У порога он остановился. Упершись в косяки, он высунул голову в коридор.

Доктор шел по коридору быстрыми шагами, но не бегом.

— Доктор, — прошептал Блэйн.

Подойдя к двери, тот впихнул Блэйна в комнату и направился к кровати Райли.

Доктор достал стетоскоп, наклонившись, приложил к мумии, затем выпрямился.

— А ты куда собрался? — спросил он.

— Он умер, — сказал Блэйн. — У него остановилось дыхание. Прошло уже…

— Да, он мертв. Он был безнадежен. Даже с гобатианом не было никакой надежды.

— Гобатиан? Вам пришлось применять даже гобатиан? Вот почему его так забинтовали…

— В нем не осталось ни одной целой кости, — сказал доктор. — Как кто-то бросил игрушку на пол и прыгнул на нее двумя ногами. У него…

Доктор замолчал и пристально посмотрел на Блэйна.

— А что ты знаешь о гобатиане? — осведомился он.

— Так, слышал, — ответил Блэйн.

Еще бы мне об этом не слышать, подумал он.

— Это инопланетное лекарство, — сообщил доктор. — Им пользуется одна насекомовидная раса. Раса воинствующих насекомых. Оно творит чудеса. Оно может слепить обратно разодранное по частям тело. Сращивает кости и органы. Регенерирует

ткани,

Он поглядел на забинтованный труп, потом опять на Блэйна.

— Читал где-нибудь?

— Да, в научно-популярном журнале, — солгал Блэйн.

В его памяти всплыло зеленое безумие планеты джунглей, где он наткнулся на лекарство, которым пользовались насекомые, хотя на самом деле они вовсе не были насекомыми, а лекарство было вовсе не лекарство.

Впрочем, сказал он себе, к чему играть словами. Терминология всегда вызывала трудности, а со звездными путешествиями стала и вовсе невозможной. Берешь то, что хоть немного подходит по смыслу. И то хорошо.

— Тебя переведут в другую палату, — сказал доктор.

— Не стоит, — сказал Блэйн. — Я как раз собрался уходить.

— Нет, — ровным голосом возразил доктор. — Я не позволю. Не собираюсь брать что-то на свою совесть. Ты чем-то болен, и очень серьезно. А за тобой некому ухаживать — у тебя нет ни друзей, ни родственников.

— Ничего, обойдусь. Как обходился до сих пор.

— Мне кажется, — придвинулся к нему доктор, — ты чего-то не договариваешь.

Блэйн повернулся к нему спиной и молча направился к гардеробной. Надел рубашку, натянул туфли. Поднял с пола пиджак, прикрыл дверцу и только тогда обернулся к доктору:

— А теперь, если вы посторонитесь, я выйду.

По коридору кто-то шел. Наверное, доктор успел распорядиться, и это несут еду, подумал Блэйн. Может, мне следует сперва подкрепиться, мне это нужно.

Но он слышал шаги по крайней мере двух пар ног. А может, услышали, как он звал врача, и решили посмотреть, не нужна ли помощь?

— Было бы лучше, — сказал доктор, — если б ты передумал. Кроме того, что ты нуждаешься в лечении, есть еще некоторые формальности…

Дальше Блэйн его уже не слышал, потому что те, кто шагал по коридору, уже стояли в дверях, заглядывая в комнату.

— Как ты сюда попал, Шеп? Мы тебя повсюду ищем, — ледяным голосом произнесла Гарриет Квимби.

Одновременно, как удар бича, его стегнуло телепатическим шепотом: *“Ну, быстро! Что говорить?”*

— Просто забирай меня, и все (разъяренная женщина, волочащая за собой заблудшего шалопая). Тогда меня выпустят. Меня нашли под ивняком…

(Пьяница, каким-то образом залезший в урну для мусора и не знающий, как ему оттуда выбраться. Цилиндр у него сполз на ухо, нос, пощелкивая, вспыхивает, как неоновая реклама, а в окосевшем взгляде — мягкое недоумение).

— Нет, не то, — остановил ее Блэйн. *— Просто лежал под ивой, отключившись от мира. Он считает, что я болен…*

— А не…

— Не то, что он дума…

— Опять с тобой старая беда, — с улыбкой, в которой было и беспокойство и облегчение, дружеским тоном произнес Годфри Стоун. — Перебрал, наверно. Забыл, что советовал тебе доктор…

— Ну, о чем ты, — запротестовал Блэйн. — Каких-то пара глотков…

— Тетя Эдна с ума сходит, — сказала Гарриет. — Чего она только не воображала. Ты же знаешь, какие у нее нервы. Она уже решила, что никогда тебя больше не увидит.

— Годфри, Годфри! О господи, целых три года…

— Спокойно, Шеп. Сейчас не время. Сначала надо тебя вытащить.

— Вы что, знаете этого человека, — спросил доктор Уитмор, — он ваш родственник?

— Не родственник, а друг, — пояснил Стоун. — Его тетка Эдна…

— Ладно, пошли отсюда, — прервал его Блэйн.

Стоун вопросительно посмотрел на доктора, тот кивнул головой:

— Только задержитесь у дежурной и возьмите выписку. Я им сейчас позвоню. Вам придется сообщить ваши имена.

— Конечно, — заверил его Стоун. — Мы вам так признательны.

— Не стоит благодарности.

У порога Блэйн остановился и повернулся к доктору.

— Извините, — сказал он. — Я скрыл правду. Мне было стыдно.

— У всех бывают моменты, когда нам стыдно. Ты не исключение.

— Прощайте, доктор.

— Всего хорошего. Впредь будь осторожнее.

И вот уже они шли рядом — втроем — по коридору.

— А кто лежал в соседней кровати? — спросил Стоун.

— Некий Райли.

— Райли!

— Водитель фургона.

— Райли! Его-то мы и искали. На тебя мы натолкнулись совсем случайно.

Стоун собрался вернуться в палату, но Блэйн его остановил:

— Поздно, он мертв.

— А его фургон?

— Разбился. Упал с откоса.

— О Годфри, — вырвалось с ужасом у Гарриет.

Стоун покачал головой, глядя на нее.

— Не вышло, — сказал он. *— Не вышло.*

— Эй, в чем дело?

— Подожди, все узнаешь. Сначала давай выйдем отсюда.

Стоун взял его под локоть и потащил рядом с собой.

— Хотя бы скажите, при чем здесь Ламберт Финн?

— Ламберт Финн, — вслух произнес Стоун, — сегодня самый опасный человек в мире.

Глава девятнадцатая

— А может, нам отъехать подальше? — спросила Гарриет. — Если доктор что-нибудь заподозрит…

Но Стоун уже свернул с шоссе к мотелю.

— Почему он должен что-то заподозрить?

— Задумается. Он озадачен случаем с Шепом и наверняка начнет размышлять. А в нашей легенде полно слабых мест.

— Для импровизации все было разыграно не так уж плохо.

— Но мы и десяти миль не отъехали от города.

— Мне ночью надо будет вернуться. Хочу посмотреть, во что превратился фургон Райли.

Перед домиком с вывеской “Управляющий” он затормозил.

— Сам хочешь засунуть голову в петлю, — сказала Гарриет.

Человек, подметавший ступени, подошел к ним.

— Добро пожаловать в “Равнины”! — сердечно приветствовал он их. — Могу быть чем-нибудь вам полезен?

— У вас найдутся два смежных номера?

— У нас как раз освободились два смежных. Какая чудесная стоит погода!

— Да, отличная погода.

— Но со дня на день может похолодать. Все-таки поздняя осень. Помню, однажды снег выпал на…

— В этом году так не будет, — перебил его Стоун.

— Да, вряд ли. Кажется, вы сказали, что желаете два смежных?

— Если вы не возражаете.

— Езжайте прямо вперед. Номера десять и одиннадцать. А я сейчас возьму ключи и приду.

Приподняв машину на малой тяге, Стоун соскользнул в проезд. Около номеров стояли уютно припаркованные автомобили. Люди выгружали вещи из багажников. Некоторые отдыхали в креслах в маленьких внутренних двориках. В самом конце стоянки четверо чудаковатых стариков с громкими криками метали подкову[3].

Перед номером десять их машина плавно опустилась на землю.

Блэйн вышел, открыл дверцу Гарриет.

Как хорошо, подумал он. Он чувствовал себя так, как будто попал домой, встретив двух друзей — потерянных и вновь обретенных. Что бы теперь ни случилось, он со своими.

Мотель располагался на обрывистом берегу реки; на север и восток тянулись бескрайние равнины — голые, бурые холмы, поросшие лесом трещины оврагов; толпясь все плотнее, чтобы уместиться вдоль речной долины, леса выстраивались неровным гребнем у мутно-шоколадного потока, который, как бы не зная, куда направить течение, задумчиво извивался, оставляя следы своего непостоянства — лужи, болота, старицы еще более прихотливой формы, чем русло самой реки.

Позвякивая связкой ключей, пришел управляющий. Он отпер и широко распахнул двери.

— Здесь все в полном порядке, — сообщил он. — Мы ничего не упускаем. На всех окнах — ставни, а замки самые лучшие из имеющихся. В шкафу вы найдете подборку кабалистических знаков и заклинаний. Раньше мы их вывешивали сами, но оказалось, что некоторые клиенты предпочитают их располагать по собственной системе.

— Очень предусмотрительно с вашей стороны, — похвалил Стоун.

— Клиентам приятно чувствовать себя в тепле и заботе, — похвастался управляющий.

— Ну, все, теперь ты нам все рассказал, — остановил его Стоун.

— А в первом корпусе у нас ресторан…

— Обязательно там побываем, — заверила его Гарриет, — я умираю с голоду.

— Зарегистрироваться вы можете у дежурного по пути в ресторан.

— Непременно, — пообещала Гарриет.

Управляющий передал ей ключи и веселой подпрыгивающей походкой пошел обратно, с любезной оживленностью кланяясь гостям из других номеров.

— Зайдем, — предложил Стоун.

Пропустив Гарриет и Блэйна вперед, он вошел сам и плотно закрыл за собой дверь. Гарриет бросила ключи на туалетный столик, оглядела комнату.

— Рассказывай, — повернулась она к Блэйну. — Что было с тобой? Когда я возвратилась в тот пограничный городок, он весь кипел. Там произошло что-то жуткое, не знаю только что. Мне пришлось так быстро убраться оттуда, что некогда было расспрашивать.

— Мне удалось бежать, — сказал ей Блэйн.

Стоун протянул ему руку:

— Тебе это удалось лучше, чем мне. Ты от них оторвался сразу.

Рука Блэйна утонула в громадной ладони Стоуна.

— Я рад тебя видеть, — сказал Стоун.

— Если б не твой звонок тогда, меня бы наверняка поймали. Я запомнил твои слова и не стал дожидаться.

Стоун выпустил его руку, и они стояли, глядя друг на друга. Блэйн видел, как изменился Стоун: он и раньше был крупным, сильным мужчиной, но теперь сила

---

[3] * Метание подковы — народная игра, немного напоминающая городки.

чувствовалась не только в его внешности — в нем ощущалась сила духа, целеустремленность. И еще жесткость, которой Блэйн раньше в нем не знал.

— Боюсь, что мое неожиданное появление еще доставит тебе хлопот, — сказал Блэйн. — Я удирал слишком медленно и не без приключений. Наверняка “Фишхук” уже напал на мой след.

Как бы отбрасывая опасения, Стоун махнул рукой, причем сделал это так небрежно, как будто “Фишхук” здесь ничего не значит, как будто “Фишхук” больше вообще нигде ничего не значит.

— А что с тобой произошло, Шеп? — спросил Сго-ун, усаживаясь в кресло.

— Я заразился.

— Я тоже, — кивнул Стоун.

Он минуту помолчал, как бы уходя мыслями во времена своего побега из “Фишхука”.

— Когда я вышел из телефонной будки, меня уже ждали. Мне не оставалось ничего другого, как пойти с ними. Меня отвезли… *(Огромный пансионат на берегу моря: над ним — до боли в глазах голубое небо, настолько голубое, что слепит глаза, и в то же время в эту голубизну можно глядеть и глядеть, утопая в бесконечности. Вокруг гигантского здания — домики пониже, поменьше главного корпуса, но тоже не маленькие. Зеленый ковер газона, настолько пышный, что тут же становится ясно: его постоянно поливают. За зеленью травы — ярко-белая полоса песчаного пляжа и зеленовато-синий океан, с пенными брызгами разбивающийся о рифы за пределами лагуны. А на пляже — калейдоскоп зонтиков…)*

— Как я узнал позже, это место расположено в Южной Калифорнии. Идеально изолированное место, потрясающий курорт посреди глуши… *(Развеваемые океанским бризом флажки площадок для гольфа, ровные прямоугольники теннисных кортов, сад, где гости в безупречных вечерних туалетах, лениво переговариваясь, поджидают тележки с напитками и сэндвичами.)* Там такая рыбалка, что тебе и не снилось, в горах — охота, а купаться можно круглый год…

— Ах, как там тяжело! — улыбнулась Гарриет.

— Нет, — возразил Стоун, — вовсе не тяжело. Первые шесть недель. Или даже шесть месяцев. Там есть все, что нужно мужчине. Отличная еда, выпивка и женщины. Любое желание тут же исполняется. Богат ты или беден — это неважно. Все бесплатно.

— Я представляю, — произнес Блэйн, — что там начинаешь вскоре ощущать…

— Ну, конечно! Абсолютная бесцельность. Будто кто-то взял и тебя, взрослого мужчину, превратил в маленького мальчика, которому остается только забавляться разными играми. Но все же “Фишхук” поступает с нами щедро и великодушно. Даже презирая, ненавидя “Фишхук”, надо отдать им должное. Лично против нас они ничего не имеют. Ведь мы не совершили преступление, не нарушили долг — по крайней мере, не все. Они не могут рисковать, оставляя нас работать; они не могут отпустить нас, поскольку, как ты понимаешь, репутация “Фишхука” должна быть безупречной. Нельзя допустить, чтобы их обвинили в том, что они пустили в мир человека, у которого в мозгу появилось какое-то инопланетное качество или который хоть на волос отклоняется от общепринятого человеческого стандарта. Так что они отправляют нас в отпуск — бессрочный отпуск — в заведение для миллионеров.

Это гениальное решение. Человек ненавидит этот вечный праздник и все же не может уехать, поскольку здравый смысл ему шепчет, что надо быть круглым дураком, чтобы бросить все это. Здесь безопасно и весело. Здесь не о чем тревожиться. Тебе ни в чем нет отказа. Трудно серьезно думать о побеге — какой может быть побег, если тебя никто не держит. Правда, стоит попробовать, и вдруг узнаешь, что все вокруг патрулируется, стоят сторожевые вышки. Потом выясняется, что контролируется каждая дорога, каждая тропа. Да и пытаться уйти пешком через пустыню равносильно самоубийству. Постепенно замечаешь, что за тобой постоянно ведется наблюдение; агенты “Фишхука”, замаскированные под гостей, не спускают с тебя глаз, чтоб не упустить, когда ты решишься на побег или хотя бы только подумаешь об этом.

Но настоящие цепи, которые удерживают тебя, — роскошь и беззаботность. От такого

трудно отказаться. И в “Фишхуке” это понимают. Поверь мне, Шеп, это самая крепкая тюрьма, когда-либо построенная человеком.

Но, как любая тюрьма, она ожесточает и закаляет. Узнав о шпионах и охране, становишься хитрым и изворотливым. Собственно, сами шпионы и охранники придают смысл твоему существованию. Ошибка “Фишхука” в том, что он перестарался: не нужно было вообще никакой системы безопасности. Предоставленный самому себе, любой мог бы совершать “побег” каждый месяц. И приплетаться восвояси, почувствовав, каково за пределами этого рая. Но когда ты узнаешь о патрулях, винтовках, собаках, ты принимаешь это как вызов и вступаешь в игру, где ставка — собственная жизнь…

— Наверняка, — заметил Блэйн, — побегов было немного. Даже попыток. Иначе бы “Фишхук” придумал что-нибудь новое.

— Ты прав, — хищно ухмыльнулся Стоун. — Побег мало кому удался. И мало кто пытался бежать.

— Только ты и Ламберт Финн.

— Ламберт, — сухо ответил Стоун, — все это время был мне примером. Его успех вдохновил меня. Он бежал за несколько лет до моего появления. Кроме того, задолго до Ламберта был еще один побег. Что стало с тем человеком, до сих пор никому не известно.

— Ну, хорошо, — спросил Блэйн, — а что будет с тем, кто убежал, кто скрывается от “Фишхука”? Что его ждет? Вот у меня в кармане пара долларов, принадлежащих даже не мне, а Райли, у меня нет ни документов, ни специальности, ни работы. Что будет…

— Ты как будто жалеешь, что убежал.

— Бывают моменты, что и жалею. Если б начать сначала, то я бы не дал застать себя врасплох. Я бы перевел деньги в какую-нибудь соседнюю страну. Подготовил бы новые документы. Зазубрил бы пару учебников, чтобы работать кем-то вроде счетовода и ждать.

— Мы не можем ждать! — выкрикнул Стоун.

— Вспомни старые религиозные распри, — предложил Блэйн — Войны между протестантами и католиками, между христианством и исламом. Где они теперь?

— Они прекратились благодаря “Фишхуку”.

— Все всегда прекращается благодаря чему-то. Иначе не было бы надежды. Ситуации и события упорядочиваются, и вчерашние бури становятся чисто академическими вопросами для историков.

— Неужели ты будешь ждать, — спросил Стоун, — ждать сотню лет?

— Ждать незачем, — сказала Гарриет, — все уже началось. А Шеп подключится.

— Я?

— Да, ты.

— Шеп, выслушай меня, — попросил Стоун.

— Я слушаю, — ответил Блэйн, и, чувствуя опасность, в нем колыхнулось что-то чужое, и дрожь прокатилась по телу.

— Я создал организацию — можно назвать ее подпольем. У меня есть группа паракинетиков, или штат, или комитет, который разрабатывает первоначальные планы и тактику некоторых экспериментов и исследований. С их помощью мы продемонстрируем, что паранормальные люди могут быть полезными человечеству и без “Фишхука”.

— Пьер! — воскликнул Блэйн, глядя на Гарриет. Она кивнула.

— Так вот что ты имела в виду с самого начала. А тогда, на вечеринке у Шарли, ты мне говорила: “Старый приятель, старый друг”…

— Ты считаешь, что я поступила неверно?

— Да нет, почему же.

— Скажи, ты бы согласился, если б я тебе тогда все рассказала?

— Не знаю, Гарриет, честное слово, не знаю.

Стоун поднялся из кресла и сделал несколько шагов в сторону Блэйна. Вытянув руки, он положил их на плечи Блэйну. Его пальцы напряглись.

— Шеп, — твердо произнес он. — Шеп, это очень серьезно и важно. Нельзя, чтобы вся

связь человека со звездами шла только через “Фишхук”. Человечество не может быть наполовину приковано к Земле, наполовину свободно.

В тусклом комнатном освещении его взгляд не казался жестким. Он казался вдохновенным, а в глазах поблескивали непролитые слезы.

Когда он снова заговорил, голос его уже звучал мягко.

— Есть звезды, — почти шепотом, будто разговаривая с самим собой, сказал он, — где люди должны побывать. Чтобы увидеть, каких высот способна достичь человеческая раса. Чтобы спасти свои души.

Гарриет с деловым видом взяла сумочку, перчатки.

— Вы как хотите, а я с голоду умирать не собираюсь. Идете со мной или нет?

— Я иду, — объявил Блэйн.

И вдруг вспомнил.

Она перехватила мысль и рассмеялась.

— За наш счет. За это пригласишь нас как-нибудь двоих.

— А зачем? — вмешался Стоун. — Он уже в штате и получает жалованье. У него есть работа. Не так ли, Шеп?

Блэйн промолчал.

— Шеп, ты ведь со мной? Ты мне нужен. Без тебя мне не справиться. Мне не хватало как раз тебя.

— Хорошо, я с тобой, — просто ответил Блэйн.

— Ну, раз с этим наконец разобрались, — сказала Гарриет, — пошли обедать.

— Вы идите, — сказал Стоун, — а я буду стоять на страже.

— Но, Годфри…

— Мне надо кое о чем поразмыслить. Есть пара вопросов.

— Пошли, — Гарриет повернулась к Блэйну — Пусть сидит и думает.

Блэйн последовал за ней, несколько озадаченный.

Глава двадцатая

— Теперь рассказывай, — потребовала Гарриет. Они сделали заказ, и Гарриет, устроившись поудобнее за столом, приготовилась слушать. — Что произошло в том городке? Что было после? Как ты попал в больницу?

— Об этом позже, — отказался Блэйн. — Еще будет время обо всем тебе рассказать. Прежде ответь, что с Годфри?

— Ты имеешь в виду, что он остался в номере подумать?

— Да. Но не только. Выражение его глаз. Эта навязчивая идея. Как он говорит, что спасение людей — побывать на звездах, словно старый отшельник, которому явилось знамение.

— Ты прав, — сказала Гарриет, — все именно так.

Блэйн ошеломленно уставился на нее.

— Это произошло во время того последнего путешествия, — продолжала Гарриет. — Он там тронулся. Что-то он там увидел, что потрясло его.

— Я знаю, — сказал Блэйн. — Иногда в путешествиях встречаешь такое…

— Жуткое?

— Да, конечно, жуткое. Но это не все. Скорее, непостижимое. Процессы, причинно-следственные связи, совершенно невероятные с позиций человеческой логики и этики. Явления, в которых не видно смысла, которые не укладываются в голове. Рассудок человека оказывается бессильным. И это страшно. Нет точки опоры, ориентира. Ты один, абсолютно один, и вокруг — ничего из знакомого тебе мира.

— У Годфри было другое. Нечто, что он понял и постиг. Может, даже слишком хорошо постиг. Это было совершенство.

— Совершенство?!

— Я знаю, фальшивое слово. Выспренное. Надуманное. И все же единственно подходящее.

— Совершенство, — повторил Блэйн, как будто бы пробуя слово на вкус.

— На той планете не было ни злобы, ни алчности, ни извращенного честолюбия, которое кует злобу и алчность. Совершенная планета, планета для совершенного народа. Социальный рай.

— Не вижу…

— Задумайся на минуту. Приходилось ли тебе когда-нибудь видеть предмет, картину, скульптуру, пейзаж, настолько прекрасный и совершенный, что ты испытываешь физическую боль?

— Приходилось, раз или два.

— Разумеется. Но картина или скульптура — это предмет вне жизни человека, твоей жизни. Это всего лишь эмоциональное переживание. Практического значения оно не имеет. Ты можешь прожить прекрасно всю остальную жизнь, так и не увидев эту вещь снова, ты только изредка будешь вспоминать ее и, вспоминая, снова чувствовать боль. А теперь представь этику, культуру, образ жизни, который мог быть твоим. И это настолько прекрасно, что испытываешь боль, как от гениального полотна, только в тысячу раз сильнее. Вот что увидел Годфри. Вот почему он вернулся “тронутым”. Он чувствует себя оборванным мальчишкой из трущоб, из-за ограды увидевшим сказочную страну — настоящую, живую сказку, до которой можно дотянуться, потрогать, но в которую он никогда не попадет.

Блэйн глубоко вздохнул и медленно выдохнул.

— Вот оно что. Вот чего он хочет.

— А ты бы на его месте?

— Наверное. Если б я это увидел.

— А ты спроси Годфри. Он тебе расскажет. Или, лучше, не спрашивай. Пускай он сам.

— Тебе он рассказал?

— Да.

— На тебя это произвело впечатление?

— Я же здесь, — ответила она.

Официантка принесла заказ: огромные сочные бифштексы с картофелем и салатом. На середину стола она поставила кофейник.

— Выглядит аппетитно, — сказала Гарриет. — Всегда хочу есть. Помнишь, Шеп, как ты впервые пригласил меня пообедать?

Блэйн улыбнулся.

— Конечно, помню. Ты тогда тоже была страшно голодна.

— И ты купил мне розу.

— Кажется.

— Ты такой милый, Шеп.

— Если я не ошибаюсь, ты журналистка. Как же…

— А я и занимаюсь одной историей.

— И эта история — “Фишхук”.

— В какой-то мере, — пробормотала она, принимаясь за бифштекс

Некоторое время они ели почти молча.

— Послушай, — прервал молчание Блэйн. — При чем здесь Финн? Годфри считает его опасным.

— А что ты знаешь о Финне?

— Немного. Из “Фишхука” он исчез до того, как я там появился. Но слухи остались. Когда он вернулся, он начал визжать. Что-то с ним случилось.

— Случилось, — подтвердила Гарриет. — И теперь он ходит повсюду со своими проповедями.

— Проповедями?

— Изгнатель дьявола, экзорсист, потрясающий Библией. Только без Библии.

Доказывает, что звезды — зло, что человеку место на Земле. Здесь он в безопасности, а там его поджидает зло. И что ворота исчадию зла открыли парапсихи.

— И его проповеди слушают?

— Слушают, — подтвердила Гарриет. — Люди в восторге от них. Они в них купаются. Ведь для них-то звезды недосягаемы. Поэтому анафема звездам им по вкусу.

— В таком случае анафема и парапсихам. Ведь это они — призраки и оборотни…

— И гоблины. И колдуны. И злые духи. И все прочее.

— Он просто шарлатан.

Гарриет покачала головой:

— Он не шарлатан. Он так же искренен, как Годфри. Он верит в зло. Потому что он видел Зло.

— А Годфри видел Совершенство.

— Именно. Ни больше ни меньше. Финн убежден, что человеку в космосе делать нечего, равно как Стоун убежден, что спасение человечества — звезды.

— И оба борются против “Фишхука”.

— Годфри хочет положить конец монополии, но сохранить основу. Финн идет дальше. “Фишхук” для него — не главное. Его цель — паракинетика, ее он собирается уничтожить.

— Финн считает Стоуна врагом?

— Он стоит у него на пути. А поделать Финн ничего не может: Годфри старается не подставлять себя. Однако Финн знает его планы и считает его основной фигурой, способной объединить паракинетиков. Естественно, при первой возможности он попытается от него избавиться.

— Похоже, тебя это не слишком страшит.

— Годфри не боится. Для него Финн лишь еще одна проблема, еще одно препятствие.

Они вышли из ресторана и двинулись вниз по асфальтированной дорожке, тянущейся вдоль фасадов номеров.

В свете умирающего дня долина переливалась черными и пурпурными бликами, отражаясь в мрачной бронзе реки. Последние солнечные лучи освещали верх обрыва на противоположном берегу; серебристой молнией по синеве в небе все еще носился ястреб… Они дошли до своего блока, Блэйн толкнул дверь, пропуская Гарриет вперед, затем вошел сам. Не успел он пересечь порог, как столкнулся с Гарриет.

Гарриет коротко вскрикнула, и он почувствовал, как она напряглась, прижавшись к нему.

Он поглядел через плечо. Вытянувшись, лицом вниз на полу лежал Годфри Стоун.

Глава двадцать первая

Уже наклоняясь над ним, Блэйн знал, что Стоун мертв. Он как будто сжался, стал меньше, утратив наполнявшую раньше большое тело жизнь. А теперь он превратился просто в обернутое мятыми тряпками тело, и в его неподвижности было что-то страшное.

Гарриет закрыла наружную дверь. И в клацанье задвижки Блэйну послышалось рыдание.

Наклонившись ниже, Блэйн заметил под головой Стоуна лужицу крови.

Нажав рычаг, Гарриет опустила жалюзи на окнах.

— Может, зажжем свет? — предложил Блэйн.

— Погоди, Шеп, сейчас.

Щелкнул выключатель, с потолка брызнул свет, и они увидели, что у Стоуна размозжен череп. Щупать пульс не имело смысла — после такого удара по голове выжить невозможно.

Покачиваясь на корточках, Блэйн пораженно думал, какой надо обладать свирепостью и, возможно, отчаянием, чтобы нанести подобный удар.

Он поглядел на Гарриет и покачал головой, удивляясь ее хладнокровию, затем вспомнил, что в репортерской практике насильственная смерть не такая уж редкость.

— Это Финн, — произнесла она тихим ровным голосом, настолько ровным, что почувствовалось, с каким трудом она сдерживается. — Не сам Финн, конечно. Кто-то из его подручных. Или доброволец. Один из его фанатиков-последователей. Многие готовы выполнить любое его приказание.

Она подошла и присела рядом с трупом напротив Блэйна. Рот ее был сжат в прямую, суровую линию. Лицо натянуто и жестко. И только маленький потек там, где сбежала единственная слеза.

— Что будем делать? — спросил Блэйн. — Наверное, надо вызвать полицию.

Она сделала предостерегающий жест.

— Только не полицию. Мы не должны оказаться замешанными. Финн и его банда только этого и ждут. Держу пари, в полицию уже сообщили.

— Думаешь, убийца?

— А почему нет? Звонок, неизвестный голос сообщает, что в “Равнинах”, в номере 10, убит человек. Затем быстро вешается трубка

— Чтобы подставить нас?

— Чтобы подставить того, кто был с Годфри. Они могут не знать, кто мы такие. А тот врач не мог…

— Не знаю. Наверное, мог.

— Слушай, Шеп, по тому, что произошло, я уверена: Финн в Бельмонте.

— В Бельмонте?

— Так называется городок, где мы тебя нашли.

— Буду знать.

— Что-то происходит, — сказала она. — Что-то важное. И не где-нибудь, а здесь. Здесь и Райли, и его грузовик, и…

— Что надо делать?

— Нельзя допустить, чтобы полиция обнаружила Годфри.

— Мы можем вытащить его через заднюю дверь и отнести в машину.

— Не исключено, что за нами следят. Тогда нам не выкрутиться.

Она в отчаянии всплеснула руками.

— Если у Финна теперь будут развязаны руки, он сможет добиться всего, что задумал. Мы не можем дать вывести себя из игры. Мы обязаны остановить его.

— Мы?

— Ты и я. Теперь тебе тянуть лямку Годфри. Тебе решать.

— Но я…

Ее глаза вдруг яростно вспыхнули:

— Ты был его другом. Он тебе все рассказал. Ты обещал быть с ним.

— Конечно, я обещал. Но я начинаю с нуля. Я ничего не знаю.

— Останови Финна, — сказала она. — Выясни, что он затеял, и помешай ему. Найди сковывающий маневр…

— Ох, это твое военное мышление. Сковывающие маневры и линии отступления. *(Пышная дама в генеральском мундире, огромных сапогах и с гроздьями медалей на высокой груди.)*

— *Прекрати!*

— *Журналистка! Трезво мыслящая!*

— Замолчи, Шеп, — сказала Гарриет. — Как я могу сейчас трезво мыслить? Я верила в Годфри Стоуна. Верила в его дело.

— Мне кажется, я тоже верю. Но все так необычно, так быстро…

— Может, нам лучше всего убежать, скрыться.

— Нет! Подожди. Если мы убежим, мы выбываем из игры, как если бы нас поймали.

— Но у нас нет выхода, Шеп.

— А вдруг есть, — задумчиво произнес он. — Здесь есть поблизости городок с названием Гамильтон?

— Есть, пару миль отсюда. Вниз по реке.

Блэйн вскочил на ноги и огляделся вокруг.

Телефон стоял на ночном столике между кроватями.

— Кому?..

— Другу. Человеку, который нам может помочь. Говоришь, мили две отсюда?

— Если Гамильтон, то да. Ты не ошибаешься?

— Не ошибаюсь.

Блэйн подошел к аппарату, снял трубку и вызвал коммутатор.

— Я могу заказать Гамильтон?

— Номер в Гамильтоне, пожалуйста.

— 276.

— Сейчас соединю.

Блэйн повернулся к Гарриет:

— На улице темнеет?

— Когда я закрывала ставни, уже темнело. Он слышал в трубке гудки вызова.

— Темнота — это хорошо. Днем они бы не смогли.

— Не пойму, что ты задумал, — недоумевающе сказала Гарриет.

— Алло, — произнес голос в трубке.

— Попросите, пожалуйста, Аниту.

— Одну мчнутку, — ответил голос — *Анита, тебя. Какой-то мужчина.*

Это невозможно, ошеломленно подумал Блэйн. Так просто не может быть. Наверное, мне показалось.

— Алло, — сказала Анита Эндрюс. — Кто это?

— Блэйн. Шепард Блэйн. Я ехал с человеком, у которого было ружье с серебряными зарядами.

— Да, я помню тебя.

Значит, все верно. Мне не показалось. Телепатия возможна по телефону!

— Ты сказала, я могу обратиться за помощью.

— Да, я сказала это.

— Помощь мне нужна сейчас. (Тело на полу; полицейская машина со включенной сиреной и красной мигалкой; спидометр и часы на длинных ногах, несущиеся по беговой дорожке; вывеска "Равнины", цифры на двери номера). Клянусь, Анита, я не пытаюсь скрыть преступление. Поверь мне. Сейчас я не могу все тебе объяснить. Так надо. Полиция не должна его здесь найти.

— Мы заберем его.

— Вы доверяете мне?

— Доверяем. В ту ночь ты помог нам.

— Тогда спешите.

— Сейчас. Я только соберу еще несколько человек.

— Спасибо, Анита.

Но она уже повесила трубку.

Некоторое время он продолжал стоять, уставившись на зажатую в руке трубку, затем опустил ее на рычаги.

— Я уловила кое-что, — сказала Гарриет. — Невозможно.

— Конечно, нет, — подтвердил Блэйи. — Телепатическая связь по проводу. Попробуй расскажи кому-нибудь!

Он поглядел на распростертое на полу тело.

— Так вот что он имел в виду, говоря о "возможностях, которые "Фишхуку" и не снились".

Гарриет промолчала.

— Хотел бы я знать, что они еще умеют, — пробормотал Блэйн.

— Она сказала, что придут за Годфри. Каким образом? Когда?

В ее голосе звучали истерические нотки.

— Они прилетят, — пояснил Блэйн. — Это левита-торы. Ведьмы.

И он горько рассмеялся.

— Но ты…

— Откуда я их знаю? Они напали на нас как-то ночью. Просто дурачились. У Райли был дробовик…

— Райли!

— Тот, кто лежал в моей палате в больнице. Он умер. Разбился в катастрофе.

— Но как ты оказался с Райли, Шеп?

— Я попросил его подвезти меня. А он боялся ехать по ночам в одиночку. Мы вместе латали его развалину-фургон…

Они пристально и озадаченно смотрели друг на друга.

— Постой. Что ты сказала в больнице? Что вы его…

— Искали. Его нанял Годфри, он задерживался и…

— Но…

— Что такое, Шеп?

— Я разговаривал с ним за минуту до его смерти. Он пытался что-то передать, но не смог. Но передать это "что-то" он просил Финну. Тогда я впервые и услышал о Финне.

— Все пошло не так, как надо, — с отчаянием произнесла Гарриет. — Абсолютно все. Райли вез звездную машину. Годфри каким-то образом добыл ее, и надо было доставить машину в Пьер. И он нанял Райли…

— "Левая" звездная машина! — потрясенно воскликнул Блэйн. — А ты знаешь, что в каждой стране мира есть закон, запрещающий владение ими. Их разрешается иметь только "Фишхуку".

— Все это Годфри было известно. Но машина была ему необходима. Он пытался собрать ее, но безуспешно. У него не было чертежей.

— Еще бы, откуда им взяться!

— Что с тобой, Шел?

— Не знаю. Наверное, все нормально. Просто растерян немного. Как я незаметно оказался втянутым…

— Ты в любой момент можешь бежать.

— Нет, Гарриет. Сколько можно бегать. Мне бежать некуда.

— Ты мог бы поступить на работу в какую-нибудь фирму. Тебя с удовольствием взяли бы и хорошо платили бы за информацию о "Фишхуке".

— Это не для меня. И потом, я же дал слово. Я обещал Годфри помощь. К тому же меня не устраивает то, что творится вокруг. Меня не устраивает, чтобы меня хватали и тащили вешать за то, что я "пара-псих". Меня не устраивает многое из того, что я видел по пути и…

— Ты озлоблен, — сказала Гарриет. — И ты имеешь на это право.

— А ты?

— Я не озлоблена. Я просто напугана. До мозга костей.

— Ты, журналистка со стальными нервами, напугана…

Он повернулся к ней, и в памяти всплыла слепая старушка, торгующая розами. В тот вечер впервые маска упала с лица Гарриет Квимби. Сегодня маска упала во второй раз.

Ее лицо больше не скрывало, что и бесстрашная журналистка временами бывает просто испуганной женщиной.

— *Все будет хорошо,* — успокаивающе прошептал он. — *Все будет хорошо.*

Вдалеке послышался голос сирены, похожий на вой ветра в прериях. Гарриет резко отодвинулась от него.

— Они едут, Шеп!

— К задней двери, быстро, — приказал Блэйн. — Беги к реке. Спрячемся в оврагах.

Он подскочил к двери и взялся за засов. В это время в дверь легонько постучали

несколько раз.

Блэйн откинул засов, распахнул дверь и в потоке света, льющемся из комнаты, возникла Анита Эндрюс, а за ней стояли ее юные приятели.

— Как раз вовремя, — приветствовал их Блэйн.

— Где тело?

— Вот оно.

Они вбежали в комнату. Сирена приближалась.

— Он был нашим другом, — нетвердо сказала Гарриет. — Это так ужасно…

— Не беспокойтесь, мисс, — заверила ее Анита. — Мы похороним его как положено.

Сирена выла уже совсем близко, наполняя комнату ровным гулом.

— *Быстро,* — скомандовала Анита, — *летим низко, чтобы на фоне неба не было видно силуэтов.*

Она еще не договорила, а в комнате уже не было ни ее друзей, ни тела.

Анита посмотрела на Блэйна и, секунду поколебавшись, спросила:

— *Когда-нибудь расскажешь мне, что все это значило?*

— *Когда-нибудь расскажу,* — пообещал Блэйн. — *Спасибо тебе.*

— *Всегда рада помочь. Нам надо держаться вместе. Иначе нас, паракинетиков, сотрут с лица земли.*

Она мысленно обняла Блэйна, и он почувствовал прикосновение ее разума к его разуму, и как будто увидел светлячков, мерцающих в сумерках," и ощутил аромат сирени, плавающий в мягком речном тумане.

Потом Анита улетела, и тут же в дверь номера забарабанили.

— *Сядь,* — велел Блэйн Гарриет, — *старайся держаться естественно. Спокойно. Беззаботно. Мы с тобой просто сидим и болтаем. Годфри был с нами, потом уехал в город. За ним кто-то зашел, и они поехали вдвоем. Кто это был, мы не знаем. Годфри обещал вернуться через час-два.*

— *Ясно,* — ответила Гарриет.

Она уселась в кресло, расслабленно сложила руки на коленях.

Блэйн пошел открывать блюстителям закона.

Глава двадцать вторая

Бельмонт начинал готовиться ко сну. В домах, мимо которых они проезжали, окна и двери были уже наглухо закрыты; они въехали в деловой район, и там тоже уже один за другим гасли огни в витринах.

Впереди в двух кварталах все еще ярко светились вывески на отеле, и реклама сообщала, что бар "Дикий Запад" открыт для посетителей.

— Вряд ли полицейские поверили в наше вранье, — заметила Гарриет.

— Может, и не поверили, — согласился Блэйн. — Но они ничего не могут поделать. Им не к чему прицепиться.

— В какой-то момент мне показалось, что нас арестуют.

— Мне тоже. Но ты так тонко издевалась над ними. Они, должно быть, чувствовали себя такими идиотами, что рады были поскорее убраться.

Он показал на мигающую рекламу бара:

— Может, начнем отсюда?

— А почему бы нет? Тем более что выбирать тут не из чего.

В баре было совсем пусто. Облокотившись на стойку, бармен лениво оттирал несуществующее пятно.

Блэйн и Гарриет уселись напротив него.

— Что будете пить?

Они объяснили.

Он поставил бокалы, потянулся за бутылками.

— Не слишком оживленный вечерок, — начал разговор Блэйн.

— Скоро закрываем. Народ здесь ночью не разгуливает. В этом городе все, как стемнеет, прячутся.

— Скверный городишко?

— Не особенно. Это все комендантский час. Повсюду патрули, полицейские хватают, не разговаривая. Пропади они пропадом.

— А как же вы? — спросила Гарриет.

— О, со мной все в порядке, мисс. Меня тут знают. И понимают, что ко мне может зайти поздний клиент вроде вас. А потом надо еще прибраться, выключить свет. Мне разрешают чуть-чуть задержаться.

— Вес равно не сладко, — посочувствовал Блэйн.

— Для нашего же собственного блага, мистер, — покачал головой бармен — Люди ничего не соображают. Если б не комендантский час, они бы и ночью ходили, а ночью, сами знаете, что может случиться.

— В городе немало народа, — начал наобум Блэйн. — Наверное, бывают всякие происшествия.

Бармен устроился поудобней, готовясь к долгому разговору.

— А вы разве ничего не слыхали? — доверительно зашептал он.

— Нет, ничего. Мы лишь два часа как приехали.

— Тогда… Хотите верьте, мистер, хотите нет, у нас в городе обнаружили звездную машину.

— Что?

— Звездную машину. Такая штуковина, в которой парапсихи летают на другие планеты.

— В первый раз слышу.

— Ничего удивительного. Ими разрешается пользоваться только в “Фишхуке”.

— Выходит, машина, которую нашли, противозаконна?

— Противозаконней не бывает. Полицейские наткнулись на нее в старом гараже у дороги. На западной окраине. Вы, наверное, проезжали это место по дороге в город.

— Не заметил.

— Неважно, в любом случае, ее там нашли. И знаете еще, кто приехал в наш городок? Ламберт Финн!

— Неужели тот самый Ламберт Финн?

— Собственной персоной! Он сейчас в гостинице. Собирает завтра большой митинг у того гаража. Говорят, полиция согласилась выставить звездную машину, чтобы он прочитал о ней проповедь на виду у всех. Советую завтра послушать его, мистер. Завтра он даст жару! Он покажет этим парапсихам! Под орех их разделает. После этого они и носу высунуть не посмеют.

— Вряд ли в таком городке много парапсихов.

— Ну, в самом городе немного, — неохотно согласился бармен. — Зато неподалеку отсюда есть город Гамильтон. Вот там сплошные парапсихи. Они сами его построили. Собрались отовсюду и построили. Есть какое-то слово для этого — только не помню. Так называли место, куда в свое время в Европе сгоняли евреев.

— Гетто.

Бармен расстроенно хлопнул ладонью по стойке:

— Как я мог забыть? Ну конечно, гетто. Только то гетто делали в худшей части города, а это — в самой дрянной дыре, что есть в штате. Земля у реки никуда не годится. Разве там построишь настоящий город! Но парапсихам там нравится. Ладно. Пока они никого не трогают, и их не тронут. Ведут себя тихо, и мы их не беспокоим. Они знают, что мы за ними приглядываем. И если где что, нам известно, в какой стороне искать.

Он взглянул на часы:

— Можете пропустить еще по стаканчику, время есть.

— Спасибо, нам хватит, — отозвался Блэйн. И положил на стойку две купюры. — Сдачи не надо.

— О, спасибо, мистер, большое спасибо.

Они поднялись, и бармен вышел из-за стойки:

— Советую вам вернуться к себе как можно быстрей. Если полиция вас поймает, вам не поздоровится.

— Да, надо спешить, — кивнула Гарриет. — Спасибо за беседу.

— Всегда к вашим услугам.

Выйдя из бара, Блэйн открыл дверцу автомобиля Гарриет, потом обошел машину и сел с другой стороны.

— Ну что, в гараж у дороги? — спросил он.

— Зачем тебе это надо, Шеп? Попадем только в неприятность.

— Мы не можем допустить, чтобы Финн прочел у машины проповедь.

— Ты что, собираешься ее куда-нибудь оттащить?

— Пожалуй, нет. Она слишком тяжелая и громоздкая. Но выход должен быть. Мы обязаны помешать Финну. Обязаны. Хотя бы ради Годфри…

— Машину, наверное, охраняют.

— Вряд ли. Заперли на дюжину замков, но не охраняют. В этом городишке едва ли найдется храбрец, чтобы ночью стоять в карауле.

— Вы с Годфри как две капли воды, — сказала Гарриет. — Так и мечтаете остаться без головы.

— А ты чуть-чуть заглядывалась на Годфри, а?

— Чуть-чуть, — сказала Гарриет.

Блэйн завел мотор и выехал на улицу.

Из черного старого гаража у шоссе не доносилось ни звука Похоже, ни в нем, ни поблизости не было ни души. Они дважды медленно проехали мимо, присматриваясь, но каждый раз видели одно и то же: обыкновенный большой гараж для дорожной техники — память о тех днях, когда автомобили катились по шоссе и приходилось следить за дорожным покрытием с помощью специальных машин.

Блэйн свернул с дороги, легко проскользнул в заросли кустарника, опустил машину на землю и погасил огни.

Тишина опустилась на них; было что-то тревожное **в** молчании темноты.

— Гарриет, — позвал Блэйн.

— Да, Шеп.

— Оставайся тут. Не выходи из машины. Я схожу один.

— Ты недолго? Все равно ты ничего не сделаешь.

— Я скоро вернусь. У тебя есть фонарик?

— Где-то был.

Она подняла дверцу отделения для перчаток и в свете крохотной лампочки среди дорожных карт, бумаг, солнцезащитных очков и прочего хлама нашла фонарик.

Блэйн проверил его, и, убедившись, что фонарь в исправности, погасил его и вышел из машины.

— Сиди тихо! — еще раз предупредил он.

— А ты будь поосторожнее, прошу тебя, — шепнула Гарриет.

Глава двадцать третья

Гараж был больше, чем казался с шоссе. Вокруг от малейшего дуновения ветра шелестела высокая сухая трава. Гараж был сделан из гофрированных металлических листов, которые лет шестьдесят назад, до того, как с Альдебарана-VII завезли суперпласт, часто использовались для такого рода сооружений. Монотонность гладкой поверхности металла нарушали грязные пятна немытых, затянутых паутиной окон. Почти во весь фасад

растянулись огромные, открывающиеся вверх ворота.

На востоке темный силуэт спящего города виднелся на фоне неба, освещенного белесым светом восходящей луны.

Блэйн осторожно обошел здание, пытаясь найти способ проникнуть внутрь. Но подъемные ворота были на замке. Снизу, правда, отошло несколько листов, но металл был слишком прочен, чтобы Блэйн мог его отогнуть вверх и пролезть снизу.

Есть только один способ, понял он.

Он зашел за ближний к дороге угол, прислушался. Кроме шелеста травы, он ничего не услышал. По шоссе никто не ехал и вряд ли поедет. Нигде не светилось ни единого огонька — казалось, что в мире нет вообще никого, кроме него и этого гаража.

Еще некоторое время Блэйн смотрел на шоссе, но ничего подозрительного не заметил.

Тогда он быстро подошел к ближайшему окну и, сняв свой рваный пиджак, обмотал его вокруг руки.

Затем резким ударом выбил стекло, выбрал из рамы осколки, сбросил их с подоконника.

Вернулся к углу, подождал. Ночь по-прежнему была тихой и безжизненной.

Блэйн осторожно влез в окно. Ощутив под ногами пол, он достал фонарик и осветил зал гаража.

У самых ворот, рядом с нашедшим наконец покой фургоном, сверкала полированной поверхностью звездная машина.

Стараясь ступать как можно мягче, Блэйн пересек зал и подошел к машине. Это была та самая машина, которую он досконально изучил в “Фишхуке”. В ней есть какая-то загадочная красота, подумал Блэйн, глядя на ее поверхность и видя в ней отражение далеких миров, куда она помогает попасть человеку.

Блэйн почувствовал возрастающее уважение к Стоуну, представляя, чего стоило добыть звездную машину. Для этого потребовались и деньги, и надежные агенты, и безукоризненно отработанный план действий.

Интересно, какое участие принимала в этом Гарриет, подумал он. По крайней мере, когда она помогала мне скрыться от “Фишхука”, она действовала решительно. У нее есть спокойствие, самообладание, она прекрасно знает все внутренние механизмы “Фишхука”. И мозг у нее работает с точностью лучших швейцарских часов.

Да, решил Блэйн, такая женщина могла организовать похищение машины.

Стоун возлагал на эту машину большие надежды, и теперь они развеяны. Стоун погиб, машина лежит в заброшенном гараже, и ею собирается воспользоваться человек, в котором столько ненависти, что он готов любыми средствами искоренить паранормальную кинетику. Ну что ж, подумал Блэйн, раз исчезла надежда, машина должна тоже исчезнуть. Это самое меньшее, что я обязан сделать для Стоуна. Я в долгу перед Стоуном хотя бы за то ночное предупреждение.

Он знал, что это возможно, возможно, если он сумеет выудить необходимое знание из пенящегося океана чужого разума.

Он поискал и нашел нужную информацию, а заодно убедился, что все остальные знания аккуратно уложены и рассортированы в мысленных архивах, как будто там поработал старательный клерк.

Открытие потрясло Блэйна, потому что все это время он даже не догадывался, что в нем происходит. Типичный человеческий подход, подумал он, — бунт его человеческой сути против беспорядочного, обрывочного знания, выплеснутого в его разум существом с далекой планеты.

Он протянул руку, машинально ища опору, и оперся на угол звездной машины.

Итак, выход есть, я теперь знаю, что можно сделать Осталось выяснить, как. Время, сказал тогда Розовый, — что может быть проще времени. Но я, сказал себе Блэйн, еще не научился так легко манипулировать временем.

Сомнений в том, что надо делать, не оставалось.

Идти в прошлое не имело смысла — машина уже была в прошлом. И оставила в нем длинный глубокий след.

Другое дело — будущее

Если ее удастся перенести в будущее, то настоящий момент и все последующие моменты превратятся для машины в прошлое, и от нее останется только призрак, над которым будут смеяться, которого будут пугаться, но который человек по имени Ламберт Финн не сможет использовать для разжигания истеричной толпы.

Более того, пришло на ум Блэйну, скорее всего, Финн сам перепугается до смерти.

Он мысленно обволок машину разумом, но ничего не получилось. Разум никак не мог вместить всю машину, сомкнуться вокруг нее. Блэйн передохнул и попробовал еще раз…

Незаметно для себя он оказался в огромном и напряженном пространстве. Опасность чувствовалась и в шуршании за разбитым окном, и в непривычном холоде воздуха, и в острых запахах — казалось, что земля, на которой он стоит, воздух, которым он дышит, и тело, в котором он, Розовый, находится, абсолютно незнакомы ему. И это ощущение при перемещении из известного, которое он не помнил, в неизвестное, местоположение которого он не знал, пугало. Но все будет нормально, все образуется, только ради этого он оставил темноту, и тепло, и безопасность, и когда он сделает что задумал, то вернется обратно, к своим воспоминаниям, к постепенному накапливанию новых знаний; он, как скупец, будет подсчитывать каждую новую крупицу знания и аккуратно складывать все в ровные стопки.

Поднять это искусственное тело, несмотря на его необычность, оказалось нетрудно. Корни его не уходили слишком глубоко, а координаты оказались очень удобными. И он готов был все сделать. Но торопиться было нельзя, несмотря на отчаянное желание закончить все как можно скорее. И он набрался терпения и подождал, пока координаты не окажутся четко заданными, и тогда не спеша и точно подсчитал необходимую темпоральную нагрузку, и точно, на сколько требуется, крутнув предмет, отправил его туда, куда хотел.

А затем Розовый нырнул обратно, где его ждала темнота и тепло, а на его месте в туманной пустоте оказался Блэйн — отрезанный от своего мира, но вновь в своем человечьем обличье…

Вокруг не было ничего, только он сам и звездная машина. Он протянул руку и убедился, что машина по-прежнему реальна. И, насколько он видел, она была единственной реальной вещью там, где он очутился.

Потому что даже туман казался каким-то ненастоящим, он словно старался скрыть сам факт своего существования.

Блэйн замер, боясь пошевелиться, боясь, что при малейшем движении он может свалиться в какой-нибудь бесконечный черный колодец, из которого возврата не будет.

Вот оно, будущее, понял Блэйн. Место, не обладающее ни одной из черт того пространства-времени, которое он знал. Место, где еще ничего не произошло, — полная пустота. Где нет ни света, ни темноты, одна лишь пустота. Где никогда ничего не было и не должно было быть до того, как здесь оказались он и машина — незваные гости, переступившие через время.

Он медленно сделал выдох и хотел вдохнуть, но не смог — дышать было нечем!

В глазах у него потемнело, а в висках застучало. Он инстинктивно попытался схватиться за что-либо — что-либо в мире, где ничего нет.

И тут снова вернулся Розовый — напуганный и растерянный пришелец в странном узоре цифр и символов. Даже в агонии Блэйн осознал, что его мозг затопило потоком неземной математики.

И вдруг снова стало чем дышать, а под ногами был твердый пол, и запахло плесенью заброшенного дорожного гаража.

Он снова был дома. И чужой разум тоже, поскольку он больше не ощущался. Дома, в тепле и уюте, — у меня в мозгу, подумал Блэйн.

Блэйн выпрямился и мысленно ощупал себя. Все было в порядке. Он медленно открыл глаза, которые почему-то были закрыты. Было темно, и он вспомнил, что в руке у него все

еще зажат фонарик. Хотя стало несколько светлее — в разбитое окно лилось сияние взошедшей луны.

Блэйн включил фонарь, и луч осветил стоящую машину, теперь странную и нереальную — не машину, а призрак машины, ушедшей в будущее, ее след.

Подняв свободную руку, он вытер со лба пот. Все. Он сделал, что хотел. Он нанес удар вместо Стоуна. Он помешал Финну.

Наглядного пособия для проповеди больше не было. Вместо него — с насмешкой высунуло язык самое колдовство, против которого так много лет воюет Финн.

Позади что-то шевельнулось, и Блэйн так резко повернулся, что от неожиданности выпустил фонарь, и тот с шумом покатился по полу.

— Шеп, — с глубокой сердечностью произнес голос из темноты. — Как ловко у тебя все получилось!

Блэйн замер, охваченный чувством безнадежности.

Он понял, что это конец. Он сделал все, что мог. Дистанция пройдена, финиш.

Он узнал проникновенный голос. Он не мог его забыть.

В темноте гаража стоял его давний приятель — Кирби Рэнд!

Глава двадцать четвертая

В темноте Рэнд казался черным пятном.

Он шагнул к фонарику, поднял его, включил и направил свет на звездную машину. Луч света насквозь пронзил машину, и в нем заплясали пылинки.

— Да, — повторил Рэнд, — чистая работа. Не знаю, как ты это сделал, и не знаю зачем, но сработано чисто.

Он погасил фонарик, и с минуту они молча стояли в темноте, видя лишь силуэты друг друга.

— Я, видимо, должен тебя поблагодарить от имени “Фишхука”.

— Перестань, — оборвал его резко Блэйн. — Ты прекрасно знаешь, я сделал это не для “Фишхука”.

— Тем не менее в данном конкретном случае наши интересы совпали. Мы не можем терять машины. Они не должны попадать в чужие руки. Сам понимаешь.

— Отлично понимаю, — подтвердил Блэйн.

Рэнд вздохнул:

— Я ожидал скандала, а скандалы меньше всего нужны “Фишхуку”. Особенно скандалы на периферии.

— Пока не произошло ничего такого, о чем “Фишхуку” стоило бы волноваться, — сообщил Блэйн.

— Рад слышать это. Ну, а как ты, Шеп? Как живешь?

— Неплохо, Кирби.

— Очень приятно. Ты успокоил меня. А теперь, я думаю, нам пора уходить отсюда.

Он подошел к окну с выбитым стеклом и сделал шаг в сторону.

— Давай вперед, — сказал он Блэйну. — Я следом. И прошу тебя по-дружески, не пытайся убежать.

— Не бойся, — сухо ответил Блэйн и быстро вылез в окно.

Можно побежать, но, сказал он себе, это будет глупостью, поскольку у Рэнда, несомненно, есть пистолет, и он сумеет им воспользоваться и в лунном свете. Потом, если начнется стрельба, Гарриет может броситься ко мне на помощь, а если возьмут и ее, то у меня вообще не останется друзей. А так, размышлял он, Гарриет останется в зарослях, увидит, что случилось, и что-нибудь придумает. Теперь она — единственная надежда.

Выпрыгнул Рэнд и, приземлившись, тут же повернулся к нему. Может, даже слишком быстро, слишком по-охотничьи. Потом расслабился и ухмыльнулся.

— Потрясающий трюк, — сказал он. — Когда-нибудь расскажешь мне, как ты это

делаешь. Надо же, утащить звездную машину!

Блэйн даже поперхнулся от удивления, но понадеялся, что при лунном свете Рэнду не удалось разглядеть выражение его лица.

Рэнд дружелюбно взял его за локоть.

— Машина вот там, у дороги.

Они вместе зашагали по шуршащей траве, и вокруг все выглядело уже по-другому, не казалось больше мрачным и угрожающим; лунный свет как бы превратил все в расписанное волшебными красками полотно. Справа от них лежал город — массив темных зданий, больше похожих на курганы, чем жилища, среди которых едва просматривались обнаженные деревья, похожие на поставленные вертикально разлохмаченные кисти. К западу и северу серебрились прерии, размах которых подчеркивали их монотонность и безликость.

А у самой дороги были заросли кустарника. Блэйн бросил в ту сторону быстрый взгляд, но ничего — ни блика на металле, ни линии корпуса — не увидел Пройдя еще несколько шагов, он снова посмотрел туда. Ошибки быть не могло. Автомобиля в кустах не было. Гарриет уехала.

Молодец, подумал Блэйн. Разумное решение. Скорее всего, она уехала сразу, как появился Рэнд. Поняла, что правильнее будет скрыться и подумать, что делать, в спокойной обстановке.

— Вряд ли ты где-то остановился, — сказал Рэнд.

— Да, пока не успел.

— Неприятный городок, — пожаловался Рэнд. — Слишком серьезно относятся ко всякому колдовству-ведовству. Меня уже дважды останавливала полиция. Сделали мне предупреждение. Мол, чтоб я обязательно укрылся, это для моего же блага.

— Тут сейчас все бурлит. Приехал Ламберт Финн.

— А, Финн, — небрежно бросил Рэнд. — Наш старый друг.

— Но не мой. Я с ним не знаком.

— Милейший человек. Очаровательнейший.

— Очень мало о нем слышал. Только слухи.

Рэнд вздохнул.

— Знаешь, — предложил он, — давай-ка заночуй в фактории. Наш посредник найдет, где тебя положить. А может, он и бутылочку откопает. Что-то мне захотелось вмазать как следует.

— Я бы тоже не отказался, — поддержал его Блэйн.

Потому что бороться сейчас, равно как и бежать, было бессмысленно. Надо не спорить и ждать удобного случая. Они пытаются застать врасплох тебя, ты пытаешься застать врасплох их. И при этом и ты и они знают, что эта с виду беспечная игра пахнет смертью.

Рэнд сел за руль, Блэйн влез в машину следом…

Рэнд завел мотор, но фары не включил. Вырулив на дорогу, Рэнд тронулся в сторону города.

— Полиция ничего особенного сделать не может, разве что засадить на ночь в кутузку, — объяснил он, — но зачем с ними связываться, когда можно обойтись без этого?

— Совершенно незачем, — согласился Блэйн.

Через центр Рэнд не поехал, а обогнул его переулками, затем проскользнул в узкую улочку, опустился на стоянку и выключил мотор.

— Вот мы и приехали, — произнес он. — Пора и выпить.

На его стук им открыли дверь черного хода, и они вошли в заднюю комнату фактории. Большая часть комнаты, заметил Блэйн, использовалась как склад, и только один угол служил жильем. Там стояли кровать, плита и стол. В массивном камине пылал огонь, а перед ним стояли удобные кресла. Рядом с дверью, ведущей в переднюю часть фактории, высилась большая, похожая на холодильник коробка. И хотя Блэйн видел ее впервые, он тут же узнал трансо — машину для телепортации материи, благодаря которой “Фиш-хуку” стало экономически выгодно иметь фактории по всему земному шару. Любой товар, который мог

потребоваться посреднику, мгновенно оказывался в этом ящике, стоило лишь сделать заказ.

Об этой-то машине и говорил Дальтон на вечере у Шарлин. Он сказал, что если “Фишхук” надумает внедрять эту машину повсеместно, то все транспортные сети мира будут уничтожены.

Рэнд указал на кресло:

— Устраивайся. А Грант нам сейчас откроет бутылочку. Найдешь для нас бутылочку, Грант?

— Вы же знаете, что у меня всегда есть запас, — ухмыльнулся посредник. — Разве иначе продержишься в такой дыре?

Блэйн уселся ближе к огню, а Рэнд сел перед ним и оживленно потер руки.

— Когда мы расставались, мы тоже сидели за бутылочкой, — напомнил он Блэйну. — А теперь за бутылочкой возобновляем знакомство.

Блэйн ощутил в себе растущее напряжение, чувство, что он в ловушке, но усмехнулся в ответ.

— А знаешь, сколько тогда было в моем распоряжении времени? — спросил он. — Каких-то восемь паршивых минут. И все.

— Ты ошибаешься, Шеп. У тебя было целых двенадцать минут. Ребята немного замешкались, вынимая пленку с записью.

— А Фредди! Ну кто бы мог подумать, что Фредди работает на тебя?

— Ты бы не поверил, если б тебе назвали еще кое-кого, кто на меня работает, — мягко произнес Рэнд.

Они грелись у камина, где трещали яблоневые дрова, и изучали друг друга.

— Рассказал бы ты мне, Шеп, — сказал наконец Рэнд. — Я не все еще понял. Концы с концами не сходятся. Ты влип в районе Плеяд и как-то ухитрился запереть эту штуку…

— Запереть?

— Конечно. Ты ее запер. Причем первоклассно запер. Мы знали, ты что-то нашел, и послали туда других. Твоя тварь сидит и глазеет на них, и больше ничего. С ней пытались разговаривать, но она не реагирует. Делает вид, что ничего не слышит. Это совершенно непонятно…

— Братство, — сказал Блэйн. — Мы с ним побратались. Тебе не понять.

— Думаю, что пойму. Насколько ты не человек, Шеп?

— Проверь меня и увидишь.

Рэнд передернул плечами.

— Нет, спасибо. Знаешь, я ведь все время шел по твоему следу. А он начался с Фредди и становился чем дальше, тем запутанней.

— Ну, а что дальше?

— Черт меня побери, если я знаю.

Посредник вошел, неся бутылку и два бокала.

— А сам не выпьешь? — спросил Рэнд.

Грант покачал головой.

— Надо еще разобрать товар. Так что, если вы позволите…

— Хорошо, хорошо, — разрешил Рэнд. — Можешь идти работать. Только скажи…

— Да, сэр?

— Нельзя ли мистеру Блэйну переночевать здесь сегодня?

— Буду рад. Правда, тут не слишком уютно.

— Ничего, — заверил его Блэйн. — Меня это устроит.

— Я должен был бы предложить вам свою постель, но, откровенно говоря…

— Об этом не может быть и речи.

— Я принесу вам несколько одеял, и вы сможете постелить себе на полу. Получится не хуже, чем в кровати.

— Все, что угодно. Буду только признателен.

Рэнд откупорил бутылку. Грант вышел, мягко прикрыв за собой дверь. Рэнд налил в

бокалы.

— Да, — заметил он, — в принципе, если ты не хочешь, можешь здесь не оставаться.

— Неужели?

— Я возвращаюсь в “Фишхук”. Через трансо. Хочешь, присоединяйся.

Блэйн промолчал. Рэнд подал ему бокал.

— Ну, что скажешь? — спросил он.

Блэйн рассмеялся.

— Как у тебя все просто получается.

— А может, и в самом деле все просто, — ответил Рэнд.

Он осушил бокал и откинулся на спинку кресла.

— Ну, ладно, неземной разум — это я понимаю. Профессиональный риск любого исследователя. Но как ты впутался в дело со звездной машиной? Наверняка ты связался со Стоуном.

— Ты же знаешь, что Стоун мертв.

— Впервые слышу, — неубедительно удивился Рэнд.

И вдруг, по каким-то ноткам в голосе Рэнда, интуитивно Блэйн понял, что Рэнду все равно, умер ли Стоун и в городе ли Финн. Для него это не имело никакого значения. Или более того. Возможно, Рэнда устраивала смерть Стоуна, равно как и политика Финна. Потому что монополия “Фишхука” зиждется на “не-парапсихах”, на “нормальном” мире, вынужденном обращаться к нему за инопланетными товарами. Так что “Фишхук” и Рэнд, естественно, с горечью осознал Блэйн, могут даже быть заинтересованы в том, чтобы крестовый поход Финна состоялся и достиг поставленной цели.

А если так, то убийцей Стоуна вполне мог оказаться не Финн, а “Фишхук”.

Блэйн ужаснулся пришедшей мысли и попытался отбросить ее, но она не уходила — ситуация вырисовывалась куда сложней, чем просто борьба между Финном и Стоуном.

— А вы не так уж быстро меня нашли, — сказал Блэйн. — Теряешь хватку, Рэнд? Или играешь со мной в кошки-мышки?

— Мы почти потеряли твой след, — нахмурился Рэнд. — Ты оторвался от нас в том городке, где тебя чуть не повесили.

— Ты и там был в ту ночь?

— Не я. У меня там есть люди.

— И вы собирались позволить меня повесить?

— Честно говоря, мнения тогда разделились. Но ты избавил нас от необходимости принимать решение.

— А если бы…

— Думаю, скорей всего, мы дали бы тебя повесить. Конечно, был шанс взять тебя и попытаться с твоей помощью выйти на звездную машину. Но в тот момент мы не сомневались, что сами сумеем ее найти.

Он пристукнул бокалом по столу.

— С ума сойти! — заорал он. — Такую машину везти в такой ржавой мышеловке! Как только…

— Все очень просто, — за Стоуна ответил Блэйн. — Никому бы и в голову не пришло. Ведь все живут по принципу: украл что-то очень ценное — тащи как можно быстрей, как можно дальше…

— И дураку ясно, — сказал Рэнд.

Он взглянул на Блэйна, увидел ухмылку на его лице и улыбнулся в ответ.

— Давай начистоту, Шеп, — предложил он. — Когда-то мы были друзьями. Я не исключаю, что мы и сейчас — хорошие друзья.

— Что ты хочешь узнать?

— Только что ты перенес куда-то машину.

Блэйн кивнул.

— И ты можешь вернуть ее обратно?

— Нет. Уверен, что не смогу. Это — своего рода шутка.

— Не надо мной ли?

— Над Ламбертом Финном.

— Ты его недолюбливаешь, а?

— Я с ним даже не знаком.

Рэнд снова наполнил бокалы. Отпил из своего половину и поставил его на стол.

— Мне пора, — он посмотрел на часы. — Очередной вечер у Шарлин. Не хочется лишать себя удовольствия. Уверен, что не хочешь со мной? Шарлин будет тебе рада.

— Спасибо, я лучше останусь. Передай привет Фредди.

— Фредди у нас больше не работает.

Блэйн встал и подошел с Рэндом к трансо. Рэнд открыл дверцу. Изнутри трансо походило на грузовой лифт.

— Как жаль, — сказал Рэнд, что их пока нельзя использовать в космосе. Столько рук освободилось бы.

— Наверняка над этим уже работают, — заметил Блэйн.

— Конечно. Осталось только отработать систему управления.

Он протянул руку:

— Счастливо, Шеп. До встречи

— До свиданья, Кирби. Но я бы предпочел не встречаться.

Рэнд ухмыльнулся, вошел в аппарат и закрыл дверь. Не загорелись огни, ничто не загудело, машина будто бы не работала.

И в то же время Рэнд уже находился в “Фишхуке”.

Блэйн повернулся к трансо спиной и направился назад, к креслу у камина.

В комнату вошел Грант, держа под мышкой полосатую накидку.

— То, что надо, — объявил он. — Совсем забыл о ней.

Он приподнял накидку и встряхнул ее.

— Потрясающе, а? — восторженно спросил он.

Накидка действительно была потрясающая. Из какого-то необыкновенного меха, она переливалась в отблесках камина, будто осыпанная алмазной пылью. Золотисто-желтого цвета с черными полосами по диагонали, накидка казалась скорее не меховой, а шелковой.

— Уж сколько лет валяется без дела, — сообщил Грант. — Один турист, живший у реки, в свое время заказал ее. А “Фишхук” ее сразу не сумел найти, а когда доставил мне, было поздно. У них всегда так, сэр, вы, наверное, знаете.

— Знаю, — подтвердил Блэйн.

— Тот человек так и не появился. А у меня рука не поднялась отослать такой чудесный мех обратно. Он у меня проходит по накладной, я делаю вид, что смогу его продать. Хотя это, конечно, не так. Такому задрипанному городишке этот мех не по карману.

— А что это?

— Самый теплый, легкий и мягкий мех во Вселенной. Туристы берут его вместо спальных мешков.

— Меня устроило бы обычное одеяло, — запротестовал Блэйн. — Мне неудобно…

— Прошу вас, — настаивал Грант. — Сделайте мне одолжение, сэр. Мне так неловко, что я не могу устроить вас как следует. Но если я буду знать, что вы укрыты этим роскошным мехом…

Блэйн рассмеялся и взял накидку. Она почти ничего не весила.

— Мне еще надо поработать, — сказал посредник. — Так что, с вашего позволения, я пойду. А вы устраивайтесь, где удобно…

— Спасибо, — поблагодарил Блэйн. — Сейчас выпью еще и лягу. Не выпьете со мной?

— Попозже, — сказал посредник. — Я всегда пропускаю рюмочку перед сном.

— Тогда я оставлю бутылку.

— Спокойной ночи, сэр. Утром я зайду к вам.

Блэйн уселся обратно в кресло, положив накидку на колени. Он провел по меху рукой

— мех был такой нежный и теплый, что казался живым.

Потягивая виски, Блэйн пустился в размышления о Рэнде.

Рэнд, по всей видимости, был самым опасным человеком на всем земном шаре — хотя Стоун самым опасным человеком считал Финна. Рэнд был опасен как личность, гладкий бульдог с мертвой хваткой, человек-ищейка, претворяющий политику “Фишхука” как божественные предначертания. Каждому, кого “Фишхук” объявлял врагом, Рэнд становился смертельно опасен.

И все же он не стал заставлять Блэйна возвращаться с собой. Его приглашение было светским и мимолетным, а отказ Блэйна не вызвал у него ни раздражения, ни видимого неудовольствия. Он не попытался применить силу. Впрочем, решил Блэйн, причиной тому, скорей всего, что Рэнд просто не знал, с чем имеет дело. Идя по следу, он узнал достаточно для того, чтобы понять, что у того, кого он преследует, есть способности, “Фишхуку” совершенно неизвестные.

Поэтому каждый шаг он делал медленно и осторожно, стараясь изобразить незаинтересованность. Однако Блэйн знал, что Рэнд не такой человек, чтобы отступить.

Да, Рэнд припрятал какой-то козырь. Но какой?

В том, что ловушка уже готова, а приманка положена, сомнений не оставалось.

Тихо сидя в кресле, Блэйн допил бокал.

А не глупость ли — остаться на ночь в фактории? Может, лучше встать и уйти? Хотя Рэнд мог именно на такой шаг и рассчитывать, и ловушка поджидает меня не здесь, а на улице. Возможно, эта комната — самое безопасное для меня место сегодня ночью.

Мне нужен кров, но ведь спать необязательно. Что, если быть здесь, но не спать? Можно завернуться в накидку, лечь на пол и притвориться спящим. И в то же время следить за Грантом. Поскольку если западня именно в этой комнате, то захлопнуть ее должен только Грант.

Он опустил свой бокал на столик рядом с недопитым бокалом Рэнда. Затем пододвинул к ним бутылку — получился набор из двух бокалов и бутылки. Блэйн взял накидку под мышку, подошел к камину и кочергой пошевелил поленья, которые начали уже затухать.

Я лягу здесь, решил Блэйн, у огня, чтобы свет падал за меня, в комнату.

Он аккуратно расстелил накидку, сложил пиджак под голову и улегся, скинув туфли. Лежать на накидке было мягко и удобно, как на перине. Он завернул края на себя, и накидка плотно облегла его, как спальный мешок. Блэйн почувствовал себя так уютно, как в детстве, когда он нырял в теплую постель под одеяло, укрываясь в своей комнатке от ночного зимнего мороза.

Он лежал на полу, вглядываясь в темноту складского помещения, различая очертания бочек, мешков и коробок. И, лежа в тишине, нарушаемой лишь потрескиванием огня в камине, он вдруг уловил в воздухе какой-то слабый аромат — тот самый, неописуемый словами запах, свойственный неземным вещам. Не резкий и не экзотический, ничем вроде бы не выделяющийся, и все же запах, которого на Земле нет: сочетание пряности и ткани, дерева и пищи, всего того, что привозится со звезд. И только малая толика — тут, на маленьком складе небольшой фактории. Но за этой факторией — грандиозные склады “Фишхука”, откуда в считанные мгновенья, благодаря стоящему в углу трансо, может быть доставлен любой товар.

Но это лишь часть привозимого со звезд — незначительная часть, которую можно купить, которой можно владеть.

Основная же доля операций “Фишхука” — сбор и хранение идей и знаний из глубин космоса — проходила почти незаметно для большинства. А в фишхукских университетах ученые со всего света изучали эту информацию, пытаясь ее связать, обобщить и найти ей применение, с тем чтобы в будущем эти понятия и знания определили ход развития и даже судьбу всего человечества.

А кроме этой, предоставленной ученым, информации, существовали еще секретные архивы, скрытые за дверцами неприступных сейфов, доступ куда имели в лучшем случае

лишь самые доверенные группы людей и отдельные лица…

Позади, прогорев, с треском рассыпались обугленные поленья. Блэйн повернулся поглядеть на них…

Вернее, попытался повернуться.

И не смог.

Что-то было не так.

Каким-то образом он оказался закутанным в накидку слишком туго.

Он попробовал вытащить руки и ослабить ее, но не сумел сделать ни того, ни другого.

Накидка держала его мягкой, но неослабевающей хваткой.

Никакой веревкой нельзя было связать его более надежно. Совсем неожиданно для него накидка превратилась в смирительную рубашку и намертво спеленала его.

Блэйн замер на спине, холодея от страха и чувствуя, как пот скатывается по лбу ему на глаза.

Да, ловушка была расставлена.

Он ждал ее.

Он был настороже.

И все же, не подозревая, что делает, он сам, собственными руками обернул ловушку вокруг себя!

Глава двадцать пятая

Перед тем как войти в трансо, Рэнд сказал: “До встречи”. Сказал весело и с уверенностью. У него были на то основания, с горечью подумал Блэйн, он все рассчитал. Рэнд предусмотрел каждый шаг и спланировал все до мельчайших деталей. Нашел идеальный способ арестовать человека, которого немного побаиваешься и от которого не знаешь, чего ожидать.

Вытянувшись, Блэйн лежал на полу без движения — лишенный возможности пошевелиться в сковавшей его накидке. Вернее, не накидке — это было одно из тех открытий, которые “Фишхук” придерживает для особых случаев. Не сомневаясь, что такие случаи представятся.

Блэйн порылся в памяти, но ничего хотя бы отдаленно связанного с подобным созданием не нашел — а это, конечно, было какое-то существо-паразит, способное бесконечно долго лежать тихо и расслабленно, как накидка, и пробуждаться, ощутив под собой что-либо живое и теплое.

В данном случае добычей стал он, и, возможно, скоро этот мех начнет пожирать его или усваивать его любым другим образом. Что пытаться освободиться силой бесполезно, было ясно — при каждом его движении хватка становилась еще крепче.

Он снова заглянул в память и вдруг нашел — увидел: мрачная, хаотичная планета, переплетающаяся растительность, непонятные, колышущиеся, ползающие, вьющиеся обитатели. Жуткое место, смутно просматривающееся сквозь туман памяти. Но самое поразительное заключалось в другом: даже извлекая информацию из памяти, Блэйн точно знал, что эти воспоминания не его. Он никогда не был на той планете и никогда ни с кем о ней не разговаривал. Правда, он мог видеть это когда-то по дименсино и теперь вспомнить давно забытое.

Картина перед его мысленным взором становилась все четче, будто некий киномеханик у него в мозгу регулировал резкость изображения, и теперь он с необычайной ясностью мог разглядеть каждую леденящую кровь подробность из жизни обитателей инопланетных джунглей. Эти ползущие, извивающиеся существа были ужасны и омерзительны, и от них веяло лютой, холодной яростью, жестокостью безразличия и непонимания, руководимой только первобытными чувствами голода и ненависти.

Блэйн замер, пораженный тем, что увидел. Ему казалось, что он действительно там, будто часть его лежит на полу у камина, а другая половина в самом деле находится в этих

жутких джунглях.

Ему послышался шорох, вернее, та половина в джунглях услышала шум, и та половина поглядела на дерево, слишком, впрочем, уродливое, колючее и гадкое, чтобы называться деревом. Над ним, приготовившись упасть на него с ветки, висел мерцающий алмазной крошкой мех.

Блэйн закричал, или ему показалось, что он закричал, и планета с ее обитателями тут же растаяла, будто чья-то рука у него в мозгу вывела объектив проектора из фокуса.

Он опять — весь, полностью — лежал в своем мире, где был и камин, и склад, и трансо в углу. Дверь из склада открылась, и в комнату вошел Грант.

Он аккуратно прикрыл за собой дверь и, повернув свое массивное, широкое тело, уставился на лежащего на полу человека.

— Мистер Блэйн, — тихо позвал он. — Мистер Блэйн, вы спите?

Блэйн промолчал.

— У вас открыты глаза, мистер Блэйн. Что-нибудь случилось?

— Ничего, — ответил Блэйн. — Просто лежу и думаю.

— И приятные мысли, мистер Блэйн?

— Великолепные.

Двигаясь по-кошачьи осторожно, Грант подошел к столу, взял со стола бутылку, вставил горлышко в рот и забулькал.

— Может, вы встанете, мистер Блэйн, — опустив бутылку, предложил он. — Посидим, поболтаем, выпьем. Мне не часто выпадает случай поговорить с кем-то. Конечно, сюда заходят покупатели, но со мной они разговаривают не больше, чем необходимо.

— Спасибо, я лучше полежу. Мне удобно.

Грант отошел от окна и сел в одно из кресел у камина.

— Как жаль, — сказал он, — что вы отказались вернуться в “Фишхук” вместе с мистером Рэндом. “Фишхук” — потрясающее место.

— Да-да, вы правы, — не слушая, автоматически ответил Блэйн.

Он понял — наконец понял, — откуда взялось воспоминание о планете. Он получил ее из систематизированного архива, подаренного ему Розовым. Конечно же, не он, а Розовый побывал на той планете.

В памяти были не только цветные картинки с видами планеты. Там также хранилась полная информация о ней и жизни на ее поверхности. Но данные эти не были еще разобраны и подобраться к ним никак не удавалось.

Самодовольно улыбаясь, Грант откинулся на спинку кресла.

Он протянул руку и постучал пальцами по накидке. Раздался приглушенный барабанный звук.

— Как вам это нравится, мистер Блэйн? — осведомился он.

— Я тебе расскажу, когда освобожу руки, — пообещал Блэйн.

Грант встал с кресла и направился к столу, делая вид, что старается обойти Блэйна подальше. Взяв бутылку, он сделал еще глоток.

— Вам не удастся освободить руки, — сообщил он, — потому что ровно через минуту я запихну вас в трансо, и вы окажетесь в “Фишхуке”.

Он хлебнул еще и опустил бутылку.

— Не знаю, что вы натворили. И не знаю, зачем вы им понадобились. Но у меня есть приказ.

Он опять приподнял бутылку, затем передумал и поставил ее на середину стола. Потом подошел к Блэйну.

Блэйн увидел новую картину: другая планета, дорога, по которой идет существо, непохожее ни на что, им когда-либо виденное. Нечто вроде ходящего кактуса, только не кактус, и вообще вряд ли растение. Но ни существо, ни дорога не имели значения. Значение имело то, что по пятам за существом неуклюже припрыгивало с полдюжины “накидок”.

Охотничьи собаки, подумал Блэйн. Кактус — охотник, а они — его охотничьи собаки.

Или ловец и ловушка. “Накидки”, вывезенные с планеты джунглей каким-то бродячим торговцем, выдержавшие космическую радиацию и нашедшие применение на этой планете.

В мозгу у него пульсировало еще что-то — какая-то фраза, фраза на неземном языке, возможно, на языке кактусовидного существа. Она казалась бессмысленной, можно было сломать язык, воспроизводя ее, однако, когда Грант склонился над ним и протянул к нему свои лапы, чтобы поднять его, Блэйн что было силы выкрикнул эту фразу.

И сразу же мех отпустил его. Освободившись, Блэйн рывком катнулся под ноги наклонившемуся над ним посреднику.

Взревев от ярости, Грант рухнул лицом об пол. Блэйн вскочил на ноги и забежал за стол.

Грант медленно встал с пола. Кровь капала из разбитого носа и сочилась с ободранных костяшек пальцев.

Он сделал быстрый шаг вперед, и лицо его исказила гримаса двойного страха — страха перед человеком, который сумел освободиться от мертвых объятий “накидки”, и страха за проваленное задание.

Наклонив голову, вытянув вперед руки с растопыренными пальцами, он бросился на Блэйна. Отчаяние удвоило его и без того достаточную силу и мощь, заставив его забыть о собственной безопасности.

Блэйн уклонился, но немного не рассчитал, и вытянутая рука Гранта скользнула по его плечу, и толстые пальцы судорожно вцепились в его рубашку. Рывок чуть было не вывел Блэйна из равновесия, но тут материал не выдержал и с громким треском разорвался.

Грант пролетел мимо, затем, хрипло рыча, снова бросился на Блэйна. Вкладывая в удар весь свой вес, Блэйн взмахнул кулаком и услышал хрустящий лязг челюсти. По крупному телу Гранта пробежала дрожь, и он пошатнулся.

Блэйн наносил удар за ударом, чувствуя, как немеют руки, как переставшие ощущать боль кулаки сотрясают Гранта, отбрасывая его все дальше и дальше.

Хотя в нем был и гнев, вовсе не гнев заставлял его безжалостно избивать Гранта, и не страх, и не самоуверенность. Им руководил простой и трезвый расчет: или он добьет стоящего перед ним человека, или ему конец.

От беспощадного удара в голову Грант дернулся назад. Тело обмякло, как будто из него враз исчезли все кости и мышцы. С глухим стуком Грант рухнул на пол и так и остался лежать тряпичной куклой, из которой вытряхнули опилки.

Блэйн позволил рукам расслабленно повиснуть и тут же ощутил саднящую боль в костяшках пальцев и перенапряженных мускулах.

Как же у меня получилось, недоуменно подумал Блэйн, голыми руками превратить такого громилу в окровавленное месиво? Просто повезло, и я нанес первый и точный удар. А то, что он нашел ключ, отпирающий “накидку”, — это тоже везение?

Нет, то была не удача, а нужная и своевременная информация из архива, вложенного в его мозг за пять тысяч световых лет отсюда существом, обменявшимся с ним разумами.

Блэйн взглянул на Гранта. Тот по-прежнему не шевелился.

А что делать теперь?

Конечно, надо как можно скорей уходить. Еще немного, и из трансо выйдет какой-нибудь сотрудник “Фишхука”, чтоб узнать, почему не приходит столь замечательно упакованная посылка.

Ничего, я снова убегу, с горечью подумал Блэйн. Что-что, а убегать научился. Уже почти месяц бегу, и конца этому не видно. Но однажды, он знал это, бег придется прекратить. Где-то надо будет остановиться, пусть хотя бы для того, чтобы не потерять самоуважения.

Это время еще не пришло. Сегодня я снова убегу, но это будет побег во имя цели. Сегодня побег ему кое-что принесет.

Он шагнул к столу, чтобы взять бутылку, и наткнулся на валяющуюся на полу “накидку”. Он со злостью пнул ее, и она, легко взмыв в воздух, упала бесформенным комом

прямо в камин.

Схватив бутылку, Блэйн направился к сложенным кипам товаров.

Он потрогал один из мешков и убедился, что в нем что-то сухое и мягкое. Затем он вылил на него содержимое бутылки и отбросил ее на середину комнаты.

Из камина Блэйн совком достал горящих углей и высыпал их на смоченный виски мешок.

Заплясали маленькие синеватые язычки пламени. С треском огонь начал расти и расползаться.

Теперь не погаснет, подумал Блэйн.

Еще пять минут, и загорится вся фактория. Склад превратится в ад, и пожар уже никакими силами нельзя будет остановить. Трансо оплавится и деформируется, и дорога в "Фишхук" будет закрыта.

Наклонившись, он ухватил Гранта за воротник, подтащил его к двери и выволок во двор, футов за тридцать от здания.

Грант застонал, попытался встать на четвереньки, но снова рухнул на землю. Блэйн оттащил его еще на десяток футов и бросил. Грант что-то пробормотал и зашевелился, но встать не смог.

Блэйн вышел на дорогу и минуту постоял, приглядываясь. Окна фактории все больше озарялись красными отблесками.

Блэйн отвернулся и зашагал вперед.

А сейчас, сказал он себе, самое время нанести визит Финну. Скоро в городке заметят горящую факторию, начнется паника, и полиции будет не до нарушителей комендантского часа.

Глава двадцать шестая

На ступеньках отеля, глядя на ревущее пламя пожара всего в двух кварталах от них, толпились люди. На Блэйна внимания никто не обратил. Полиции видно не было.

— Опять "гориллы" поработали, — обронил кто-то.

— Не понимаю их, — поддержал его другой. — Днем они идут туда и покупают что им надо, а ночью возвращаются и устраивают пожар.

— Ума не приложу, — продолжил первый, — как "Фишхук" мирится с этим. Нельзя же просто смотреть и ничего не делать.

— "Фишхуку" наплевать, — возразил ему его собеседник. — Я пять лет провел в "Фишхуке". Там вообще ничего нельзя понять.

Репортер, решил Блэйн. Завтра должна состояться проповедь Финна, и поэтому отель забит репортерами. Он поглядел на того, кто провел пять лет в Фишхуке, но не узнал его.

Блэйн поднялся по ступеням и вошел в пустое фойе. Чтобы никто не обратил внимания на его ободранные кулаки, он засунул руки в карманы пиджака.

Отель явно был не из новых, а мебель в фойе, по всей видимости, не менялась с незапамятных времен. И вообще отель производил впечатление увядающего, старомодного заведения, кисловато попахивающего сотнями людей, которые провели недолгие часы под его крышей.

Несколько человек сидели в креслах, читая газеты или просто со скучающим видом глядя в пустоту.

Блэйн взглянул на часы над окошком администратора. Было одиннадцать тридцать.

Блэйн прошел мимо, направляясь к лифту.

— Шеп!

Блэйн резко повернулся.

С трудом подняв из огромного кожаного кресла грузное тело, через фойе к нему направился человек.

Блэйн стоял на месте, ожидая, пока тот подойдет к нему, и все это время по спине у

него бегали мурашки.

Толстяк протянул ему руку.

Блэйн показал ему свою, вынув ее из кармана. “Споткнулся впотьмах”.

— Надо бы промыть ссадину, — посоветовал толстяк.

— Я как раз собирался этим заняться.

— Забыл меня, что ли? Боб Коллинз, — напомнил свое имя толстяк. — Мы несколько раз встречались в “Фишхуке”. В баре “Красный призрак”.

— Ну как же, — смущенно ответил Блэйн. — Вспомнил. А то смотрю — что-то знакомое. Как поживаешь?

— Нормально. Правда, злой как черт, что меня выдернули из “Фишхука” на эту ерунду, но — такое ремесло. Газетчик должен быть ко всему готов.

— Будешь писать про Финна?

Коллинз утвердительно кивнул.

— А ты?

— А я хочу поговорить с ним.

— Считай, что тебе дико повезло, если к нему прорвешься. Он в двести десятом. А у его дверей сидит здоровенный мордоворот.

— Думаю, он меня примет.

Коллинз наклонил голову набок:

— Я слышал, ты сбежал. Пустили такую утку.

— Все верно.

— Ты неважно выглядишь, — сказал Коллинз. — Не сочти за обиду, но если тебе нужно одолжить немного денег…

Блэйн рассмеялся.

— Ну, может, выпьем?

— Нет. Я спешу к Финну.

— Ты что, теперь с ним?

— Не совсем…

— Слушай, Шеп, в “Фишхуке” мы с тобой считались приятелями Скажи, что тебе известно. Хотя бы что-то. Хороший репортаж — и я опять в “Фишхуке”. А это для меня — все.

Блэйн отрицательно покачал головой.

— Шеп, я слышал много разных сплетен. Будто бы у реки под откос полетел фургон. Будто в этом фургоне везли нечто чрезвычайно для Финна важное. Он сам заявил, что сделает перед прессой сенсационное сообщение. И что-то продемонстрирует. Говорят, это будет звездная машина. Неужто звездная машина, Шеп? Никто не знает наверняка.

— Я тоже ничего не знаю.

Коллинз подошел к нему поближе и, снизив голос до хрипловатого шепота, сказал:

— Дело очень серьезное, Шеп. Если Финн получил то, что хотел. Он уверен, что теперь у него есть то, что поможет ему разгромить парапсихов, всех и каждого в отдельности, всю паракинетику вообще. Он ждал этого момента не один год. Не просто ждал, а делал свое дело. Подлое дело, конечно. Проповедуя повсюду ненависть. Это провокатор первого класса. Ему не хватало только этого “чего-то”. Дай ему это “что-то”, и он победит. А на то, как он это сделает, весь мир будет смотреть сквозь пальцы. Еще немного, и с парапсихов начнут живьем сдирать шкуры.

— Не забывай, что я тоже парапсих.

— И Ламберт Финн тоже. Был.

— Сколько же вокруг ненависти, — устало произнес Блэйн. — Сколько презрительных ярлыков и оскорблений. Реформисты называют паранормальных людей парапсихами, а те их в свою очередь зовут гориллами. А таким, как ты, плевать. Тебе все равно. Сам ты охотиться на людей не пойдешь. Но напишешь об этом. И размажешь человеческую кровь по газетной странице. И тебе не важно, чья это кровь, лишь бы кровь.

— Господь с тобой, Шеп…

— Хорошо, я скажу тебе кое-что. Можешь написать, что Финну нечего показывать и нечего сказать. Можешь написать, что он трясется от страха. Напиши, что его как следует щелкнули по носу…

— Шеп, ты меня разыгрываешь!

— Он не осмелится показать то, что у него есть.

— А что это?

— Нечто такое, что превратит Финна в круглого идиота. Он ни за что это не покажет. Завтра утром в мире не будет человека испуганней Ламберта Финна.

— Я не могу этого написать. Ты же знаешь, что не могу…

— Завтра в полдень, — сказал Блэйн, — об этом будут писать все. Если ты начнешь немедленно, то успеешь в последний утренний выпуск. Ты обскачешь всех — если у тебя хватит смелости.

— Ты абсолютно уверен? Ты не…

— Решайся. Я ручаюсь за каждое слово, которое сказал. Остальное — твое дело. А мне пора.

Но Коллинз еще колебался.

— Спасибо, Шеп, — поблагодарил он. — Огромное спасибо.

Блэйн обошел лифт и стал подниматься по лестнице пешком.

Выйдя на второй этаж, по левой стороне в конце коридора он увидел у двери номера сидящего в кресле человека.

Блэйн двинулся прямо к нему. Когда он приблизился, телохранитель встал.

— Минуточку, мистер, — преградил он рукой дорогу Блэйну.

— Мне срочно нужен Финн.

— Вам туда нельзя, мистер.

— Тогда передайте ему…

— Сейчас я ничего не передам.

— Скажите, что я от Стоуна.

— Но ведь Стоун…

— Просто скажите, от Стоуна.

Некоторое время телохранитель стоял в нерешительности, потом опустил руку.

— Ждите здесь, — сказал он. — Я пойду спрошу. И без фокусов.

— Не волнуйтесь. Я подожду.

Он остался один, размышляя, правильно ли поступил. В сумраке плохо освещенного коридора вновь всплыли старые сомнения. Не лучше ли, подумал он, дать задний ход, пока не поздно.

Появился телохранитель.

— Стойте спокойно, — приказал он. — Я должен вас обыскать.

Опытные руки быстро заскользили вдоль тела Блэйна в поисках ножа или пистолета.

Наконец охранник удовлетворенно кивнул:

— Все в порядке. Можете заходить. Я останусь за дверью.

Охранник открыл дверь, и Блэйн вошел.

Комната была обставлена как гостиная. Спальня располагалась за ней.

В углу комнаты стоял стол, за которым сидел высокий человек в одеждах траурно-черного цвета с белым шарфом на шее. Его по-лошадиному вытянутое, костлявое лицо могло бы показаться измученным, если б не пугающее выражение одержимости.

Блэйн твердой походкой шел вперед, пока не оказался у самого стола.

— Так ты Финн, — сказал он.

— Ламберт Финн, — поправил его тот низким голосом профессионального оратора, который, даже отдыхая, не может не быть оратором.

Блэйн достал руки из карманов и положил их на край стола. Он увидел, что Финн глядит на запекшуюся кровь и грязь.

— Тебя зовут, — произнес Финн, — Шепард Блэйн, и я знаю о тебе все.

— И даже то, что я собираюсь тебя убить?

— Даже и это, — подтвердил Финн. — По крайней мере, я это могу предположить.

— Но не сегодня, — сказал Блэйн, — потому что завтра я хочу посмотреть на твое лицо. Хочу увидеть, как ты все завтра проглотишь и переваришь.

— И это все, зачем ты пришел? Больше тебе нечего сказать?

— Странно, — признался Блэйн, — но в данный момент никакого другого повода мне на ум не приходит. Я даже не могу объяснить, зачем, собственно, я пришел.

— Может, предложить сделку?

— Это мне и в голову не приходило. У тебя нет ничего, что бы ты мог мне дать.

— Может, и так, мистер Блэйн, но зато у вас есть то, что нужно мне. За что я готов прилично заплатить.

Не отвечая, Блэйн смотрел на него.

— Ты участвовал в похищении звездной машины, — сказал Финн. — Я хочу знать цели и задачи. Мне нужно сложить куски воедино. Твой рассказ может стать отличным свидетельством.

— Однажды я уже был в твоих руках, — хмыкнул Блэйн, — но ты дал мне ускользнуть.

— Все этот трусливый доктор! — яростно воскликнул Финн. — Испугался шума, побоялся за репутацию своей больницы.

— Лучше надо подбирать людей, Финн.

— Ты мне не ответил, — нахмурился Финн.

— Это насчет сделки? Дорого обойдется. Слишком дорого.

— Я могу заплатить. А тебе деньги необходимы. У тебя нет ни гроша, а “Фишхук” висит на пятках.

— Всего час назад, — сказал Блэйн, — “Фишхук” меня связал и собирался убить.

— Но ты убежал, — произнес Финн, кивая. — И убежишь в следующий раз. И еще раз, может быть. Но “Фишхук” никогда не остановится. При теперешнем положении вещей у тебя нет никакой надежды.

— Разве только у меня? А у кого она есть? Может быть, у тебя?

— Я говорю только о тебе. Ты знаком с некой Гарриет Квимби?

— Очень близко.

— Так вот, — ровным голосом сказал Финн, — она агент “Фишхука”.

— Ты с ума сошел! — закричал Блэйн.

— Успокойся и обдумай это. Думаю, ты согласишься, что это правда.

Они стояли, глядя через стол друг на друга, и молчание стояло между ними словно живое существо.

Вдруг в мозгу Блэйна вспыхнула мысль: а не убить ли его сейчас?

Убить его будет совсем нетрудно. Такого убивать легко. Не только за его убеждения, но и его самого как личность.

Для этого надо только вспомнить о расползающейся по земле ненависти. Для этого надо только закрыть глаза и представить качающееся среди ветвей тело, покинутый лагерь, где вместо крова — растянутое на кольях одеяло и на обед — рыба на сковородке; указывающие в небо обгорелые пальцы печных труб.

Он поднял руки со стола, затем опустил их обратно.

И, не задумываясь, неожиданно для себя, совершенно непредвиденно он сделал то, что никогда не сделал бы. И, уже делая это, он знал, что это делает не он, а тот, другой, спрятавшийся у него в мозгу.

Потому что то, что он сделал, никогда не сделал бы ни один человек на свете.

Очень спокойно Блэйн произнес:

— Меняюсь с тобой разумами.

Глава двадцать седьмая

Высоко в небе луна плыла над обрывами, а в речной долине беспокойно ухала сова, временами перемежая уханье с самодовольным хихиканьем, и ее крики гулко разносил свежий от начинающегося морозца ночной воздух.

На краю кедровой рощи Блэйн остановился. Деревья, вцепившись корнями в землю, скрючились, изогнулись и были похожи на старых, горбатых гномов. Блэйн замер, прислушиваясь, но слышны были только уханье совы и слабый шелест упрямых листьев, никак не желающих облетать с ветвей стоящих под холмом тополей. И еще один звук, настолько слабый, что трудно было решить, действительно ли он слышится или нет, — далекий, едва различимый шепот эльфа, а на самом деле голос могучей реки, несущей свои воды вдоль подножий залитых лунным светом обрывов.

Блэйн присел на корточки, укрывшись под разлапистыми кедрами, и снова сказал сам себе, что погони за ним нет, что его никто не преследует. “Фишхук” временно выведен из строя, потому что сгорела фактория. А Ламберт Финн… В данный момент — кто угодно, только не Ламберт Финн.

Без малейшей жалости Блэйн вспомнил выражение глаз Финна, когда он обменялся с ним разумами: остекленевший, полный ужаса взгляд, ошеломленный этим непрошеным вторжением, этим сознательным осквернением могущественного жреца и великого пророка, рядящего свою ненависть в тогу религии или того, что Финн пытался выдать за религию.

— Что ты сделал! — закричал он тогда, охваченный страхом. — Что ты со мной сделал!

Потому что его коснулись и обжигающий холод чужого разума, и его абсолютная бесчеловечность, и ненависть, исходящая от самого Блэйна.

— Все! — объявил ему Блэйн. — Отныне ты уже не Финн. И человек ты тоже только отчасти. Теперь ты частично я, частично — существо, которое я нашел в пяти тысячах световых лет отсюда. И я очень надеюсь, что теперь придет конец тебе и твоим проповедям.

Финн открыл рот и снова закрыл его, не произнеся ни звука.

— А сейчас я уйду, — сказал ему Блэйн, — и ты, во избежание недоразумений, меня проводишь. Ты обнимешь меня, как вновь обретенного брата. И по дороге будешь говорить со мной, как с наилюбимейшим другом детства, а если это у тебя не получится, я сумею объяснить, во что ты превратился.

Финн стоял в нерешительности.

— Во что ты превратился, — повторил Блэйн. — И репортеры внизу запишут каждое слово.

Этого довода для Финна оказалось достаточно, более чем достаточно.

И они вместе прошли по коридору, спустились по лестнице, пересекли фойе, а репортеры ошарашенно глядели на нежно держащих друг друга под руки, оживленно беседующих друзей.

Они вышли на улицу, озаренную все еще полыхающей факторией, и двинулись, будто прогуливаясь и обмениваясь пожеланиями напоследок, по тротуару.

А затем Блэйн скользнул в переулок и побежал в сторону обрывистого берега реки.

И снова я бегу, подумал Блэйн, просто бегу, не имея никакого плана. Правда, были и передышки, и я все же нанес пару ударов по планам Финна. Лишил его наглядного пособия, с помощью которого он собирался доказать злонамеренность и вредносность паракинетиков; влил в его разум новые сознания; и теперь что бы Финн ни делал, он уже никогда не сможет быть узколобым эгоманьяком, как раньше.

Блэйн присел и прислушался, но, кроме голосов реки, совы и тополиных листьев, ничего не было слышно.

Он медленно встал на ноги и тут услыхал новый звук — вой хищника, голос клыков и когтей. Блэйн застыл, не в силах шевельнуться. Этот вой разбудил в нем страх, который люди пронесли через столетия — из пещер каменного века до дней нынешних.

Собака, наверное, попытался он успокоить сам себя, или койот. Не оборотень же.

Оборотней не бывает.

И все же инстинкт, которому он с трудом сопротивлялся, кричал ему: беги, не раздумывай, спрячься, спрячься где угодно, лишь бы укрыться от крадущейся сквозь лунную ночь опасности.

Он стоял напрягшись, в ожидании, что вой повторится, но больше тишину ничто не нарушало. Он расслабил окаменевшие мышцы и стянутые в узлы нервы и снова стал почти самим собой.

Если бы я верил, если хотя б наполовину верил, я бы побежал, подумал Блэйн. Что может быть проще — поверил и побежал. Это-то и делает людей наподобие Финна столь опасными. Они играют на инстинктах, которые лежат почти на поверхности, под самой кожей, — на страхе, следом за которым идет ненависть.

Выйдя из кедровой рощи, он осторожно пошел низом, вдоль обрыва. Идти здесь при свете луны, как он вскоре понял, оказалось непросто. Он то и дело натыкался на камни, попадал в ямы, где ничего не стоило сломать ногу.

Он снова подумал о том, что не давало покоя с тех пор, как он поговорил с Финном.

Финн сказал, что Гарриет Квимби — агент “Фишхука”.

Нет, этого не может быть — кто как не Гарриет помогла мне бежать из “Фишхука”.

И все же… Она была со мной в том городке, где меня чуть не повесили. Она была со мной, когда убили Стоуна. Она была, когда я залез в дорожный гараж, где меня поймал Рэнд.

Блэйн попытался загнать эти мысли в подсознание, но они продолжали выползать наружу, преследуя его.

Чепуха. Гарриет — и вдруг агент. Журналистка высшего класса; надежный товарищ; когда нужно, решительна и хладнокровна. Конечно, если б она захотела, из нее вышел бы отличный шпион — но ей это просто чуждо. Вероломство не в ее характере.

Берег пересекал глубокий овраг, уползающий вниз, к реке. На краю оврага росло несколько изогнутых деревьев.

Блэйн обогнул рощицу понизу и сел на землю.

Внизу под ним неслась река, и в ее черных водах поблескивали серебряные искры, а лес в долине казался еще чернее. По обоим берегам белесыми горбатыми призраками выстроились холмы.

Сова замолчала, но рокот стал громче, и, если прислушаться, можно было различить, как журчит вода, омывая песчаные отмели и прорываясь сквозь кроны рухнувших деревьев, чьи корни еще цеплялись за берег.

А здесь неплохо будет заночевать, подумал Блэйн. Правда, у меня нет ни одеяла, ни пледа, но деревья и согреют меня, и спрячут. И потом, за весь день я впервые оказался действительно в безопасном месте.

Забравшись в густую поросль, он стал устраиваться. Пришлось вывернуть несколько камней, убрать в сторону обломленный сук. Потом, орудуя на ощупь в темноте, он сгреб в кучу несколько охапок листьев и, только закончив все приготовления, подумал о гремучих змеях. Хотя, сказал он себе, для гремучих змей стало слишком прохладно.

Он сжался в комок на куче листьев. Оказалось совсем не так удобно, как он рассчитывал. Впрочем, ему не так долго здесь лежать. Скоро взойдет солнце.

Блэйн тихо лежал в темноте, а его сознание, как на экране, снова и снова прокручивало события прошедшего дня — мысленно подводило итоги, чему он тщетно пытался положить конец.

Отдельные кадры и сюжеты истекших, наполненных событиями суток беспрерывно сменяли друг друга, теряя реальность, превращаясь в видения.

Как же их остановить, мучился Блэйн, как заставить себя думать о чем-то другом?

Но помимо воспоминаний в нем было еще нечто — разум Ламберта Финна.

Он осторожно попытался заглянуть в него и тут же отпрянул, словно наткнувшись на тугой змеиный клубок ненависти, страха и коварства. А в самом центре этой массы — голый ужас, превративший наблюдателя с Земли в визжащего маньяка, который вышел из своей

звездной машины с пеной у рта, выпученными глазами и скрюченными пальцами, ужас другой планеты.

Планета была отвратительной и мерзкой. Он увидел нечто абсолютно враждебное чему-либо человеческому. Оно кричало, выло, визжало. Оно жадно тянулось к нему своей мертвой головой. Все было нерезко, расплывчато; нельзя было разобрать деталей, и лишь волной накатывалось чувство всепоглощающего, бездонного зла.

Блэйн отшатнулся, вскрикнув, и его крик оттолкнул, заслонил это средоточие ужаса.

Но он успел ухватить другую, какую-то неуместную, мимолетную мысль.

Мысль о Дне всех святых.

Блэйн взялся за нее покрепче, стараясь отделить бесконечную ленту воспоминаний от дорожки с инопланетным кошмаром.

День всех святых — мягкий октябрьский вечер; по улицам, освещенным уличными фонарями или необычно огромной полной луной, будто специально подплывшей к Земле поближе, чтоб ничего не пропустить, стелется дым сжигаемых листьев. Раздаются высокие, звонкие детские голоса и топот бегущих ног — будто веселые гоблины, пища и повизгивая от удовольствия, водят шумные хороводы. Огни над дверьми гостеприимно приглашают ряженых, и то заходят, то выходят закутанные в накидки фигуры, таща с собой все распухающие мешки с подношениями.

Все вспомнилось Блэйну до мельчайших деталей, будто это было только вчера, когда он, счастливый мальчишка, с криками носился по городу. И как же давно это было на самом деле, подумал он.

Это было еще до того, как страх загустел и разросся, когда к магии относились еще с улыбкой и находили ее забавной и когда еще умели веселиться в День всех святых. А родители не боялись вечером выпускать детей из дома.

Сегодня такое даже трудно себе представить. Теперь в День всех святых на двери ставят двойные запоры, закупоривают дымоход, а на окна вывешивают самые надежные заклинания против злых духов.

Жаль, подумал Блэйн. Сколько было радости. Однажды в канун Дня святых они с Чарли Джоунсом приделали постукалочку к окну старика Чендлера. Притворяясь донельзя разгневанным, старик выбежал с воплями на крыльцо и сделал вид, что заряжает свой дробовик. Они с такой скоростью помчались прочь, что свалились в канаву за домом Льюиса

А еще был случай — такой случай… Больше ни о чем Блэйн подумать не успел…

Глава двадцать восьмая

Блэйн проснулся от холода и судорог в затекших мышцах и растерялся, не понимая, где он. Глядел на переплетенные над собой ветви, которые никак не мог вспомнить. И лишь постепенно начал осознавать, кто он и где находится.

И почему.

И то, что скоро День всех святых.

Он резко выпрямился и ударился головой о ветки.

С Днем всех святых была связана не просто случайная мысль.

С Днем всех святых был связан целый заговор!

Он застыл, обуреваемый негодованием и ужасом.

Как просто и в то же время дьявольски хитро — именно такой гамбит и должен был разыграть человек, подобный Ламберту Финну.

Нет, этого допустить нельзя. В противном случае произойдет очередная вспышка гнева против паранормальных, а когда схлынет первая волна террора и реакции, будут приняты новые ограничительные законы. Хотя законы, не исключено, уже и не понадобятся — погром может принять такой размах, что будут уничтожены тысячи паракинетиков. Операция “День всех святых” вызовет невиданную до сих пор бурю ярости против них.

Есть только одна надежда, решил Блэйн. Надо попасть в Гамильтон — ближайшее

место, где можно рассчитывать на помощь. Там мне не могут не помочь, ведь в Гамильтоне живут только паракинетики, и никто из них не может быть уверен в завтрашнем дне. Если случится то, чего я боюсь, Гамильтон будет уничтожен в первую очередь.

И если я не запутался в днях, то День всех святых — послезавтра. Хотя нет, “завтра” уже наступило. Значит, у меня меньше двух дней, чтобы предотвратить несчастье.

Он выбрался из кустов и увидел, что солнце только-только показалось над холмами, просвечивая звонкий утренний воздух. Откос под ним, покрытый жухлой травой, плавно спускался к бурому речному потоку. Он поежился от холода и похлопал руками, чтобы согреться.

Он вышел на уходящую в реку песчаную косу. Коричневая от песка и глины стремнина с яростным бурлением перекатывалась через отмель. На краю косы Блэйн присел на корточки, зачерпнул в ладони воды и поднес к губам. Вода отдавала илом, глиной, гниющими водорослями. Когда он закрыл рот, на зубах у него захрустел песок.

Но все же это была вода. Он снова зачерпнул, но как крепко он ни прижимал края ладоней, вода убегала между пальцев, едва оставляя ему маленький глоток.

Вокруг было так покойно и мирно, и Блэйн подумал, что таким, наверное, был первый день после сотворения мира, когда Земля не была еще заражена алчностью, завистью и всем тем, что на протяжении стольких веков отравляет жизнь человечества.

Неожиданно тишину разорвал всплеск. Блэйн вскочил на ноги. Ни на берегу, ни в реке, ни на ивняковом островке за косой никого не было видно. Какой-нибудь зверек, решил Блэйн. Норка, или ондатра, или выдра, или бобр, а может, рыба.

Всплеск повторился, и из-за острова показалась лодка. На корме сидел закутанный в плащ человек, работая веслом так неуклюже, что на него было неловко смотреть. Нос лодки высоко торчал из воды, перевешенный тяжестью гребца и подвесного мотора на корме.

Когда лодка с трудом приблизилась к косе, Блэйн вдруг обнаружил, что фигура человека кажется ему удивительно знакомой. Где-то, когда-то их пути так или иначе пересекались.

Он прошел дальше на отмель, поймал лодку за борт и вытащил ее на песок.

— Благослови тебя господь, — изрек сидящий в лодке. — Какое сегодня чудесное утро.

— Отец Фланаган! — воскликнул Блэйн.

Старый священник улыбнулся очень доброй, даже светлой улыбкой.

— Вы далеко забрались от дома, — заметил Блэйн

— Я иду туда, куда ведет меня бог. — Отец Фла-наган похлопал ладонью по сиденью перед собой: — Хочешь, посиди со мной немного. Да простит меня господь, но я жутко устал.

Блэйн вытащил лодку еще дальше на берег, сел в нее и протянул священнику руку. Отец Фланаган взял ее в обе свои скрюченные артритом ладони и осторожно пожал ее.

— Рад видеть, вас, святой отец.

— А я, — ответил священник, — повергнут в смущение. И, должен признать, я искал тебя.

— Странно, — удивился Блэйн, отчасти озадаченный, отчасти напуганный этим признанием. — Такой человек, как вы, наверняка имеет более важные дела.

Священник выпустил его руку, не забыв успокаивающе погладить ее.

— Это не так, сын мой, — сказал он. — Для меня нет более важного, дела, чем идти следом за тобой.

— Простите, святой отец, но я не понимаю.

Отец Фланаган наклонился вперед, уперевшись искалеченными руками в колени.

— Ты обязательно должен понять. Слушай меня внимательно. И не впадай в гнев. И не торопи меня.

— Конечно, — согласился Блэйн.

— Ты, наверное, слышал, что говорят о Святой церкви. Что она косная и негибкая, что она придерживается старых правил и древнего образа мыслей, что она если и меняется, то

очень медленно. Что она сурова и догматична…

— Да, я слышал все это.

— Дело в том, что это не так. Церковь не отстает от времени, она меняется. Ибо, в противном случае, она не смогла бы существовать во всем своем блеске и величии. Ей не страшны ветры и сквозняки людской молвы, она не боится потрясений меняющихся нравов. Она приспосабливается, хотя и не слишком быстро. И эта медлительность вызвана тем, что церковь не должна ошибаться.

— Не хотите же вы сказать…

— Именно хочу. Если помнишь, я тебя спрашивал, оборотень ли ты, а тебе это показалось ужасно забавным.

— Но это действительно забавно.

— То был ключевой вопрос, — сказал священник, — упрощенный до предела, с тем чтобы на него можно было ответить простым “да” или “нет”.

— Тогда я отвечу еще раз. Я не оборотень.

Старик вздохнул.

— Ты хочешь, — с обидой произнес он, — затруднить мне мой рассказ.

— Продолжайте, — сказал Блэйн. — Я постараюсь сдерживаться.

— Церковь должна знать, что такое паракинетика: естественная человеческая способность или колдовство? Когда-нибудь, может через много лет, ей придется принимать решение. Ей, как и по всем проблемам человеческой этики, придется определить свою позицию. И я не раскрою секрет, если скажу, что учрежден специальный комитет теологов, изучающих этот вопрос.

— И вы? — спросил Блэйн.

— Я лишь один из многих, которым поручено расследование. Мы только собираем факты, которые в должный момент будут представлены на рассмотрение теологам.

— А я — один из собранных вами фактов?

Отец Фланаган утвердительно наклонил голову.

— Мне только одно неясно, — произнес Блэйн. — Почему у вашей веры вообще возникают сомнения? У вас же есть доказательства “святых чудес”. Ответьте мне, что такое любое ваше “чудо”, как не проявление паракинетики?

— Ты так считаешь?

— Да, я в этом не сомневаюсь.

— Мне трудно согласиться с тобой. Это слишком похоже на ересь. Но я хотел спросить тебя вот о чем: в тебе есть что-то необычное, чего я не видел в других?

— Я — наполовину нечеловек, — с горечью ответил Блэйн. — Вряд ли кто еще может сказать о себе то же самое. Сейчас вы беседуете не только со мной, но и с созданием, даже отдаленно не похожим на человека, — существом, которое сидит на планете за пять тысяч световых лет отсюда. И оно живет там уже миллион лет, а может, больше. И проживет еще не один миллион лет. Оно отправляет свой разум путешествовать по другим мирам, но, несмотря на все путешествия, ему очень одиноко. Тайны времени для него не существует. И не знаю, есть ли для него вообще тайны. И все, что знает оно, знаю я. Мне надо только, если у меня будет время, все разобрать, пронумеровать и разложить по полочкам. У себя в мозгу.

Священник медленно втянул в себя воздух:

— Нечто подобное я и предполагал.

— Так что можете приступать к работе, — сказал Блэйн. — Где у вас святая вода? Окропите меня, и я исчезну в облаке дыма.

— Ты неверно думаешь обо мне, — ответил отец Фланаган. — И о моей цели. И о моем отношении. Если не от дьявола сила, пославшая тебя к звездам, то не более чем несчастный случай то, что с тобой там стряслось.

Его скрюченная рука вдруг вцепилась в Блэйна с силой, которую в ней нельзя было предположить.

— Тебе дана великая сила, — сказал он, — и великое знание. Ты обязан применить их

во славу бога и на пользу человечеству. Не часто бремя столь огромной ответственности ложится на человека. Не утрать дарованное тебе. И не используй его во зло. Но и не дай ему пролежать бесплодно. То, что ты получил, пришло к тебе в силу божественного умысла, который мы не можем ни понять, ни оценить. Я уверен, что это не простая случайность.

— Перст божий, — вырвалось насмешливо у Блэйна.

— Да, перст божий обратился на тебя.

— Я не просил его. И если б меня спросили заранее, я бы отказался.

— Расскажи мне, — попросил священник. — С самого начала. Прошу тебя.

— Хорошо. Если и вы мне расскажете кое-что.

— Что ты хочешь знать? — спросил отец Фланаган.

— Вы сказали, что шли за мной следом. Откуда вам было известно, где проходит мой след?

— Как же так, сын мой, — изумился отец Фланаган. — Я думал, ты давно понял. Видишь ли, я один из вас. У меня отличное паракинетическое чутье.

Глава двадцать девятая

За рекой показался еще спящий Гамильтон. Несмотря на свой небольшой возраст, город в дымке легкого, мягкого тумана был похож на все соседние старые речные города. Над ним возвышались рыжевато-коричневые холмы, а под холмами, простираясь до самого города, тянулись шахматные клетки полей. Из дымоходов поднимался ленивый утренний дымок, и за каждой оградой обязательно рос розовый куст.

— Все выглядит очень мирно, — сказал отец Фланаган. — Ты уверен в том, что делаешь?

Блэйн кивнул:

— А вы, святой отец? Куда пойдете вы?

— Чуть дальше вниз по реке есть аббатство. Меня там примут.

— Я вас еще увижу?

— Может быть. Я должен вернуться в мой пограничный городок. На мой одинокий пост на границе с “Фишхуком”.

— Поджидать других беглецов?

Священник кивнул, включил мотор и направил лодку к берегу. Когда днище зашуршало по песку и гальке, Блэйн выпрыгнул.

Отец Фланаган, повернув голову в сторону запада, принюхался:

— Меняется погода, — сообщил он, — я перемены чую, как овчарка.

По щиколотку в воде Блэйн приблизился к нему и протянул руку.

— Спасибо, что подбросили меня, — поблагодарил он. — Пешком мне бы еще идти и идти.

— Всего доброго, сын мой. Господь с тобой.

Блэйн столкнул лодку с мели. Священник завел мотор, круто развернулся и помчался вниз по течению, махнув Блэйну рукой. Блэйн помахал в ответ.

Затем Блэйн вышел на берег и направился в сторону городка.

Вскоре он шагал по улице, чувствуя, что пришел домой.

Не к себе домой, не домой к друзьям и даже не в дом, о котором он всю жизнь мечтал, а просто в дом, подходящий для всех живущих на Земле. Тут было мирно и надежно, от городка веяло спокойствием и каким-то душевным уютом. В таком месте можно поселиться и жить, просто отсчитывая дни, принимая каждый новый день во всей его полноте и не думая о том, что будет завтра.

На улице, тянущейся меж аккуратных чистеньких домиков, никого не было, но Блэйн чувствовал, что на него устремлены взгляды из каждого окна и что в этих взглядах не настороженность или опаска, а обыкновенное любопытство.

Из одного из дворов выбежала собака — грустная, симпатичная гончая — и побежала

рядом с ним, как старый добрый товарищ.

Блэйн вышел на перекресток и слева увидел группу небольших торговых зданий. У порога одного из них сидело несколько человек.

Он и гончая свернули в их сторону. Когда они приблизились, сидящие молча подняли на него глаза.

— Доброе утро, господа, — поздоровался он. — Не подскажете ли, где я могу найти человека по имени Эндрюс?

— Я Эндрюс, — ответил один из них после секундного молчания.

— Я хотел бы поговорить с вами.

— Садись и разговаривай со всеми, — сказал Эндрюс.

— Меня зовут Шепард Блэйн.

— Кто ты, мы знаем, — остановил его Эндрюс. — Нам стало это известно, как только лодка причалила к берегу.

— Ну да, конечно, — согласился Блэйн, — я мог догадаться.

— Вон того зовут Томас Джексон, рядом с ним сидит Джонсон Картер, а вон тот — Эрни Эллис.

— Рад со всеми вами познакомиться, — сказал Блэйн.

— Присаживайся, — пригласил Томас Джексон. — Ты ведь пришел, чтобы нам что-то сказать.

— Наверное, мне следует начать с того, что я убежал из “Фишхука”.

— Мы немного знаем о тебе, — произнес Эндрюс. — Моя дочь познакомилась с тобой несколько дней назад. Ты был с человеком по имени Райли. А прошлой ночью сюда принесли тело твоего друга…

— Его похоронили на холме, — сказал Джексон. — С похоронами пришлось поторопиться, но все же это были похороны. Видишь ли, мы его тоже немного знали.

— Спасибо вам, — поблагодарил Блэйн.

— А еще прошлой ночью, — продолжил Эндрюс, — что-то произошло в Бельмонте…

— Нам не нравится такой ход дел, — перебил Картер. — Нас слишком легко втянуть в любые беспорядки.

— Очень жаль, если это так, — ответил Блэйн. — Но, боюсь, я несу вам еще беспокойства. Вам знакомо имя Финн?

Все кивнули.

— Я говорил с ним вчера ночью. И узнал от него нечто, что сам он, надо заметить, никогда в жизни бы мне не сообщил.

Все ждали, что он скажет дальше.

— Завтра ночью — канун Дня всех святых, — продолжил Блэйн. — Вот тогда-то все и должно начаться.

Он увидел, как люди напряглись, и быстро заговорил дальше:

— Не знаю, как ему это удалось, но тем или иным способом Финн создал среди паранормальных людей что-то вроде небольшого подполья. Те, конечно, не подозревают, кто за всем стоит. Для них это псевдопатриотическое движение, своеобразный протест. Не слишком большого размаха, без особенных успехов. Но успехи Финну и не нужны. Все, что ему нужно, — это создать еще парочку прецедентов, продемонстрировать еще несколько “ужасных” примеров. Это его метод: с помощью примеров будить ярость у толпы.

И это подполье, действуя через паранормальных подростков, готовит к этой ночи несколько паракине-тических демонстраций. Удобный случай, сказали им, показать, что такое паракинетика. Удобный случай свести кое-какие счеты. Могу себе представить, сколько накопилось неоплаченных счетов.

Он сделал паузу и взглянул на окаменевшие от страха лица.

— Вы должны представлять, как подействует дюжина — всего дюжина — подобных демонстраций на воображение обывателей всего земного шара, если Финн преподнесет их должным образом.

— Их будет не дюжина, — тихо произнес Эндрюс. — По всему миру их, может быть, сотни, а может, даже несколько тысяч. И на следующее утро нас сметут с лица земли.

— А как тебе стало это известно? — взволнованно наклонился к нему Картер. — Такое Финн мог рассказать только своему сообщнику.

— Я обменялся с ним разумами, — объяснил Блэйн. — Есть такой прием, я ему научился на другой планете. Я вложил в него матрицу моего разума, а взамен взял копию его. Вроде копировальной бумаги. Трудно себе представить, но это осуществимо.

— Вряд ли Финн тебе благодарен за это, — заметил Эндрюс. — Заполучить себе в мозг такой беспокойный разум, как твой!

— Да, Финн выглядел несколько огорченным, — согласился Блэйн.

— Подростки будут изображать из себя чертей, — произнес Картер. — Они будут распахивать двери. Переносить автомобили. Разломают какие-нибудь сараи. Ну, и всякие потусторонние вопли, разумеется.

— На этом и строится расчет, — подтвердил Блэйн. — Вроде бы обычные, традиционные шалости на День всех святых. Но для пострадавших это будет не просто озорство. Они решат, что все силы ада вышли из тьмы и обрушились на мир. Повсюду им будут видеться призраки, черти и оборотни. И так хорошего мало, а если учесть больное воображение напуганных обывателей… Наутро будут рассказывать о кишках, намотанных на забор, о перерезанных глотках, о похищенных девочках. И всякий раз это будет не там, где рассказывают, а где-то неподалеку. И люди будут верить. Верить в любую небылицу.

— Тем не менее, — заметил Джексон, — мы не можем слишком сурово осуждать наших детей, решившихся на это. Вы представить себе не можете, мистер, что им пришлось повидать. Их презирают и унижают. Едва вступив в жизнь, они уже знакомятся с сегрегацией и знают, что повсюду на них будут показывать пальцем…

— Я все понимаю, — прервал его Блэйн, — и тем не менее их необходимо остановить. Можно же им как-то помешать. Телепатически по телефону или еще как-нибудь… Вы же умеете.

— Телепатию по телефону открыли пару лет назад, — сказал Эндрюс. — Чрезвычайно просто и в то же время гениально.

— Так воспользуйтесь этим. Свяжитесь с кем только можно. Пусть они предупредят других, а те в свою очередь еще других. Пускай передают по цепочке…

Эндрюс покачал головой:

— Мы не сможем связаться со всеми.

— Но хоть попытайтесь! — закричал Блэйн.

— Естественно, попытаемся, — сказал Эндрюс. — Мы сделаем все от нас зависящее. Не сочти нас неблагодарными. Наоборот. Мы тебе очень признательны. Мы в неоплатном долгу перед тобой. Но…

— Что?

— Тебе нельзя здесь оставаться, — произнес Джексон. — За тобой гонится Финн. А может, и “Фишхук”. Нетрудно догадаться, где станешь искать убежища.

— О господи, — воскликнул Блэйн. — Я пришел к вам…

— Нам очень жаль, — сказал Эндрюс. — Мы понимаем, что ты испытываешь сейчас. Мы могли бы попробовать тебя спрятать, но если тебя найдут…

— Что ж, хорошо. Вы дадите мне машину?

Эндрюс отрицательно покачал головой:

— Тоже рискованно. Финн будет контролировать дороги. А по номеру они смогут узнать, откуда машина.

— Тогда что же? В горы?

Эндрюс кивнул.

— Найдете мне еды?

Джексон поднялся на ноги:

— Пойду соберу чего-нибудь.

— Когда все успокоится, можешь приходить, — сказал Эндрюс. — Мы будем тебе рады.

— Спасибо и на этом, — ответил Блэйн.

Глава тридцатая

Блэйн сидел под одиноким деревом на небольшом уступе одного из самых высоких холмов и смотрел на реку. По небу черным пунктиром черкнула стайка спускающихся в долину уток.

А когда-то, подумал он, в это время года небо чернело от стай, улетающих с севера, от первых неистовых вестников зимних метелей. Теперь их осталось совсем мало — часть перебита охотниками, а многие погибли от голода, из-за того, что места, где они обычно делали гнезда, пересохли и превратились в пустыню.

В свое время по этой земле ходили стада бизонов и в каждом ручье можно было поймать бобра. Сейчас же бобров почти нет, а бизоны исчезли вообще.

Вот так человек и истребляет жизнь, думал Блэйн, иногда делая это из ненависти и страха, иногда — просто ради забавы.

А если план Финна осуществится, все повторится, только истреблены будут не животные, а паранормальные люди. Конечно, в Гамильтоне приложат силы, чтобы сделать все от них зависящее, но много ли они успеют? У них есть тридцать шесть часов, чтобы передать предупреждение. Допустим, сократить число происшествий удастся, но предотвратить все случаи? Вряд ли.

Впрочем, мне какое дело, сказал себе Блэйн. Что о них беспокоиться, когда они меня просто выгнали. Люди, которых я считал своим народом, город, где почувствовал себя дома, — они от меня отказались.

Он наклонился и подтянул лямки у рюкзака, куда Джексон сложил еду и фляжку с водой.

Позади послышался шелест, и Блэйн, напружинившись, резко повернулся.

Над травой, приземляясь, зависла девушка, грациозная, как птица, и прекрасная, как утро.

Блэйн глядел на нее, захваченный ее красотой, потому что до этого он ее фактически не видел. Только однажды, в тусклом свете автомобильных фар, и еще раз, прошлой ночью, в полумраке гостиничного номера — не более минуты.

Вот ее ноги коснулись земли, и она подошла к нему.

— Я только что узнала, — произнесла она. — Мне так стыдно за них. Вы пришли к нам, чтобы помочь…

— Ничего, — сказал Блэйн. — Не стану спорить, это больно, но я могу их понять.

— Они всю жизнь старались, чтобы на нас не обращали внимания. Они мечтали жить по-человечески. Они не могут рисковать.

— Да, это так, — согласился Блэйн. — Но я видел и таких, кто не боится риска.

— Мы, молодежь, доставляем им столько беспокойства. Нам не следовало бы устраивать развлечения на День всех святых, но ничего нельзя поделать — мы и так почти не выходим из дома. А праздники бывают так редко.

— Я очень обязан тебе за ту ночь, — сказал Блэйн. — Если б не ты, мы с Гарриет оказались бы в ловушке…

— Мы сделали все, что могли, для мистера Стоуна. Надо было торопиться, и мы не смогли соблюсти все формальности. Но на похороны пришли все. Он похоронен на вершине холма.

— Твой отец рассказал мне.

— Мы не могли сделать надпись или поставить плиту. Мы просто срезали дерн, а потом положили его на место. Догадаться невозможно. Но у всех нас место записано в памяти.

— В свое время мы со Стоуном были друзьями.

— Когда работали в “Фишхуке”?

Блэйн кивнул.

— Расскажите мне о “Фишхуке”, мистер Блэйн.

— Меня зовут Шеп.

— Хорошо, Шеп. Расскажи.

— Это целый город, огромный и высокий. *(Башни на холме, площади и тротуары, деревья и мощные здания, магазины и лавки, и погребки, люди…)*

— Шеп, а почему нас туда не пускают?

— Не пускают?

— Некоторые из нас писали туда и в ответ получили бланки заявлений. Только бланки, и больше ничего. Мы их заполнили и отправили. На этом все кончилось.

— Тысячи людей хотят попасть в “Фишхук”.

— Ну и что? Почему не пустить нас всех? Пусть “Фишхук” будет нашей страной. Где все униженные наконец найдут покой.

Блэйн не ответил. Он закрыл от нее свой мозг.

— Шеп! Шеп, что случилось? Я что-то сказала не то?

— Послушай, Анита. Вы не нужны “Фишхуку”. “Фишхук” уже не тот, каким вы его считаете. Он изменился. Он превратился в корпорацию.

— Да, но мы же всегда…

— Знаю. Знаю. Знаю. Земля обетованная. Единственная надежда. Эльдорадо. Все совсем не так. “Фишхук” — это гигантская бухгалтерия. Там подсчитывают убытки и прибыли. О, он, несомненно, помогает человечеству: он дает ему прогресс. Теоретически и даже практически. “Фишхук” - самое грандиозное предприятие за всю историю. Но не надо искать там человечности. Или родственного чувства к остальным паранормальным. Если мы хотим обрести свою “землю обетованную”, нам ее надо строить собственными руками. Нам надо драться и драться, чтобы останавливать финнов и срывать операции типа “Дня всех святых”…

— Собственно, я ведь для этого и пришла. Чтобы сказать, что ничего не получается

— А *телефон…*

— Мы позвонили в два города — Детройт и Чикаго. Попробовали в Нью-Йорк, но нас не соединили. Можешь себе представить: не соединили с Нью-Йорком. Потом мы попытались связаться с Денвером, но нам сказали, что линия не работает. И мы испугались и прекратили попытки…

— Прекратили! Вы не можете прекращать!

— У нас есть несколько дальних телепатов, мы сейчас пытаемся наладить связь через них. Но у них пока не получается. В дальней телепатии нужда возникает редко, поэтому она не слишком отлажена.

Блэйн застыл, не веря собственным ушам.

Не могли дозвониться в Нью-Йорк! Нет связи с Денвером!

Неужели Финн держит все это в руках?

— Не держит в руках, — поправила его Анита, *— а только расставил своих людей в стратегических точках. Не исключено, что в его силах нарушить систему связи во всем мире. А поселения вроде нашего находятся под его постоянным наблюдением. В другие города мы звоним не чаще, чем раз в месяц. А тут три звонка за пятнадцать минут. Финн почувствовал неладное и блокировал нас.*

Блэйн снял со спины рюкзак и опустил его на землю.

— Я возвращаюсь, — сказал он.

— Нет смысла. Все, что можно, мы уже делаем.

— Да, конечно. Возможно, ты права. Хотя есть один шанс, надо только успеть в Пьер.

— Пьер — это город, где жил Стоун?

— Да, но… Ты что, знала Стоуна?

— Только слышала о нем. Для паранормальных людей он был вроде Робин Гуда. Он боролся за них.

— Если я сумею связаться с его организацией, а, мне кажется, это возможно…

— Та женщина тоже там живет?

— Гарриет? Только она может вывести меня на группу Стоуна. Но ее может там не оказаться. Я не знаю, где она.

— Если ты подождешь до вечера, мы сможем отвезти тебя по воздуху. Но днем это слишком опасно. Чересчур много глаз, даже в таком месте, как Гамильтон.

— Туда не больше тридцати миль. Дойду пешком.

— По реке было бы проще. Ты умеешь управлять каноэ?

— Когда-то умел. Надеюсь, еще не забыл.

— Так даже безопаснее, — сказала Анита. — Суда по реке сейчас почти не ходят. Выше по реке, недалеко от города, живет мой двоюродный брат. У него есть каноэ. Давай я тебе объясню.

Глава тридцать первая

Непогода пришла неожиданно. Ничто не предсказывало ее приближения, кроме постепенно сереющего неба. В полдень тучи лениво наползли на солнце, а к трем часам все небо от горизонта до горизонта было затянуто серыми барашками.

Блэйн изо всех сил налегал на весло, покрывая милю за милей. Много лет ему не приходилось грести, и много лет его тело не знало таких изнурительных нагрузок. Руки у него задеревенели и потеряли чувствительность, плечи ломило, а верх спины обхватило стальным обручем, который сжимался с каждым гребком. Ладони превратились в один большой волдырь.

Но он не снижал темп, зная, что дорога каждая минута. В Пьере ему еще предстоит найти группу па-ракинетиков, работавших со Стоуном, но, даже если он их найдет, те могут отказаться ему помочь. Они могут начать проверять его и его объяснения и вполне резонно станут подозревать в нем шпиона Финна. Если б Гарриет была там, она смогла бы поручиться за него, хотя он не знал, какое положение она занимает в организации и много ли весит ее слово. Да и там ли она?

Но это хоть и слабый, но единственный шанс. Последний, который нельзя упускать. Он должен приплыть в Пьер, он должен найти группу, он должен заставить их поверить себе.

А если он не сумеет, то это будет означать гибель Гамильтона и еще сотен таких гамильтонов по всему свету. И это будет означать гибель тех паранормальных, что живут не в гамильтонах, а обитают, боясь сделать лишний шаг, среди людей, считающих себя нормальными.

Обыкновенные люди называют их чокнутыми, колдунами, нечистой силой, и кто может на это возразить? У каждого народа для каждого поколения есть свои нормы, и эти нормы устанавливаются не законом и не по универсальному эталону. Они устанавливаются общественным мнением, которое, в свою очередь, складывается и из предубеждений, и из непонимания, и из извращенной логики, столь свойственных человеческому разуму.

А сам ты кто, спросил себя Блэйн. Уж если называть кого-то чокнутым, то в первую очередь тебя самого. Потому что ты даже не человек.

Он вспомнил Гамильтон и Аниту Эндрюс, и его больно кольнуло в сердце — имел ли он право требовать, чтобы кто-либо, неважно, город или женщина, принял его как своего?

Он навалился на весло, стараясь оборвать невыносимые раздумья, прекратить в изнемогающем мозгу бешеную пляску вопросов.

Вместо легкого ветерка задул резкий северо-западный ветер, и на закручивающейся волнами поверхности реки стали появляться белые пенистые гребешки.

Небо, тяжелое и серое, навалилось на землю и темной крышей повисло над рекой. В прибрежном ивняке суетливо защебетали птицы, обеспокоенные ранним приходом сумерек.

Блэйн вспомнил старого священника, принюхивающегося к небу. Погода портится, предупредил он тогда.

Нет, погода меня не остановит, стиснул зубы Блэйн, яростно работая веслом. Меня ничто не остановит. Никакая сила на земле.

Первые мокрые хлопья снега стегнули его по лицу, и всю реку ниже по течению накрыло приближающимся огромным серым занавесом. Все скрылось из виду, и только снег шелестел, падая на воду, и ветер, словно огромный хищник, от которого ускользает добыча, зло скулил за спиной.

Берег был не более чем в сотне ярдов, и Блэйн решил, что продолжать путешествие придется пешком. Как бы он ни спешил, выгадывая время, плыть дальше было невозможно.

Он сделал резкий гребок, чтобы направить каноэ к берегу, и тут на него обрушился новый порыв ветра. Дальше вытянутой руки ничего нельзя было разглядеть. Вокруг метались лишь снежные хлопья, и река, объединившись с ветром, ритмично подбрасывала каноэ. И берег, и холмы над ним исчезли. Остались лишь вода, ветер и снег.

Каноэ резко дернуло и закружило, и Блэйн на мгновение потерял всякое чувство направления. Всего несколько секунд — и он безнадежно заблудился на реке, не имея ни малейшего представления, в какой стороне лежит берег. Все, что ему оставалось, это стараться удерживать лодку от вращения.

Ветер стал еще резче и холодней и ледяным ножом вонзался в его вспотевшее тело. По его лицу бежали струйки воды от запорошившего волосы и брови снега.

Каноэ беспомощно приплясывало в волнах. Не зная, что делать дальше, подавленный этой пришедшей с реки атакой, Блэйн растерянно подгребал веслом.

Вдруг из серого тумана всего в нескольких метрах от него вынырнули заснеженные ивовые кусты; каноэ неслось прямо на них.

Блэйн только успел напрячься, ухватиться за борта и приготовиться к удару.

Каноэ со скрежетом, заглушаемым ветром, врезалось в кусты, приподнялось и опрокинулось.

Очутившись в воде, Блэйн ухватился за ветви, нащупал мягкое скользкое дно и, отфыркиваясь, выпрямился. На каноэ рассчитывать больше не приходилось: подводная коряга разодрала полотно вдоль всего борта, и теперь лодка медленно погружалась.

Спотыкаясь и падая, Блэйн выбрался сквозь заросли ивняка на твердую землю и только тут понял, что в воде было теплей. Пронизывая его мокрую одежду, ветер впился в него миллионом ледяных игл.

Весь дрожа, Блэйн уставился на сотрясаемые штормом кусты. Надо найти закрытое место. И там разжечь огонь. Иначе ночь не продержаться. Он поднес руку к самым глазам: часы показывали только четыре.

Светло будет еще не больше часа, прикинул он, и за это время надо успеть найти, где укрыться от бури и холода.

Он было двинулся вдоль берега и вдруг замер — он не сможет разжечь огонь. У него нет спичек. А может, есть? Все равно они мокрые. Впрочем, их можно бы высушить. Он лихорадочно обшарил промокшие карманы. Но спичек не нашел.

Блэйн зашагал дальше. Если он найдет хорошее укрытие, сумеет выжить и без костра. Какую-нибудь яму под корнями упавшего дерева или дупло, куда сможет втиснуться, — любое закрытое от ветра место, где тепло его тела хотя бы частично просушит одежду и не даст замерзнуть самому.

Деревьев не было. Одни только бесконечные ивы, хлюпающие, как бичи, в порывах ветра.

Он пошел дальше, скользя и спотыкаясь на обломках и топляках, выброшенных на берег в половодье. От частых падений его костюм покрылся грязью и замерз, превратившись в ледяной панцирь, и все же он шел. Останавливаться было нельзя; ему необходимо было укрытие; если он перестанет двигаться, не сможет двигаться, то погибнет.

Он снова споткнулся, упал на колени. Там, у самого берега, в воде, зажатое ивовыми

ветвями, плавало полузатопленное каноэ, тяжело покачиваясь в волнах наката.

— Каноэ!

Он провел по лицу грязной ладонью, чтобы взглянуть получше.

Это было то же самое каноэ, другого и быть не могло!

Именно от этого каноэ он отправился вдоль берега.

И снова к нему вернулся!

Он напряг уставший разум в поисках ответа — ответ мог быть только один, один-единственный.

Он в западне — на крохотном речном островке.

И вокруг ничего, кроме ивняка. Ни одного нормального дерева — вывернутого, с дуплом или еще какого-либо. У него нет спичек, а если б они и были, то костер все равно не из чего было бы сделать.

Штанины стали фанерными и похрустывали всякий раз, как он сгибал колени. Казалось, что с каждой минутой становится все холоднее, — хотя он слишком замерз, чтобы судить о температуре.

Он медленно поднялся на ноги, выпрямился и пошел прямо на обжигающий ветер. По кустам шелестел падающий снег, разгневанно гудела исхлестанная бурей река, и наступающая темнота несла ответ пока еще не заданному вопросу.

Ночь на острове он не выдержит, а покинуть его нет возможности. Он понимал, что до берега не может быть более полусотни метров, но что толку? Десять против одного, что на берегу будет не легче, чем здесь.

Я должен найти выход, приказал себе Блэйн. Я не умру на этом затхлом клочке недвижимого имущества, на этом идиотском островке. И не потому, что моя жизнь представляет великую ценность. Я единственный, кто может получить в Пьере помощь.

Какое издевательство! Ведь я никогда не попаду в Пьер. Я не выберусь с этого острова. Я так и останусь на этом месте, и, скорее всего, меня даже не найдут.

А когда начнется весеннее половодье, течение потащит меня вместе с прочим смытым с берегов мусором.

Он повернулся и отошел подальше от края воды. Нашел место, где ивы хоть немного защищали от ветра, и осторожно сел, вытянув ноги. Механическим жестом поднял воротник. Потом плотно сложил на груди руки, спрятал полузамерзшие пальцы в едва различимое тепло подмышек и уставился взглядом в призрачные сгущающиеся сумерки.

Но так нельзя, сказал он себе. В такой ситуации обязательно надо двигаться. Чтобы кровь не застыла в жилах. Надо отгонять сон. Махать руками. Топать ногами. Надо цепляться за жизнь.

Впрочем, зачем, подумал он. Можно пережить все унижения борьбы за жизнь и все же погибнуть в конце концов.

Нет, должен быть лучший путь.

Если у меня в голове мозги, а не солома, я обязан придумать что-то получше.

Главное, решил он, суметь отрешиться от ситуации, чтобы беспристрастно обдумать проблему: как перенести себя, свое тело, с этого острова, и не только с острова, но и в безопасное место.

Но разве есть для меня безопасное место?

И вдруг он понял, что есть.

Есть такое место. Я могу вернуться в голубую комнату, где живет Розовый.

Но нет! Это то же самое, что остаться на острове, потому что к Розовому может полететь лишь мой разум, а не тело. А когда я вернусь, тело, скорее всего, будет уже непригодно к употреблению.

Вот если б я мог взять с собой тело, то все было бы в порядке.

Но тело взять нельзя.

Он все же решил проверить это, но никак не находил нужных данных о той далекой планете. Когда же, наконец, нашел то, что искал, и заглянул в сведения, спрятанные в

дальнем углу его мозга, то ужаснулся.

Если бы он оказался там во плоти, он не прожил бы и минуты! Планета была абсолютно непригодна для человека.

Но должны же быть другие места. Конечно же, есть другие планеты, куда он мог бы отправиться и во плоти, если бы смог.

Он сидел, сгорбившись от холода и уже не ощущая ни стужи, ни сырости.

Он попробовал позвать Розового, но тот не откликался. Он звал его снова и снова, но безуспешно. Он пытался найти его в себе, нащупать, поймать, но не нашел и следа его. И тогда до него дошло — будто чей-то голос сказал ему, — что искать бесполезно. Он никогда не найдет его, потому что существо превратилось в часть его самого. Они слились воедино, и больше не существовало ни Розового, ни человека, а был странный сплав их обоих.

Отныне ему самому предстоит делать все, что потребуется, используя навыки того, кем он стал.

В нем были все исходные данные, в нем было знание, в нем были способы и методы, и еще в нем было грязноватое пятно — Ламберт Финн.

Он углубился в свой разум, заглядывая во все укромные уголки, просматривая каждую полочку, не пропуская ни одного ящика, или пакета, или коробки, где были распиханы невероятные по объему и все еще не разобранные сведения — биллионы обрывков информации, бестолково собранные безалаберным существом.

Он находил то, что озадачивало, и то, что вызывало в нем отвращение, и то, что восхищало, но ничто не могло быть применено в данном случае.

И все время под ногами у него назойливо путался разум Ламберта Финна, который еще не успел слиться и, возможно, никогда не сольется с его разумом, а будет постоянно бегать из угла в угол, мешая и отвлекая.

Блэйн оттолкнул его в сторону, сбросил с дороги, засунул под ковер и продолжил поиски, но грязные мысли, и планы, и представления Финна, порожденные средоточием ужаса, по-прежнему выскакивали на поверхность его сознания.

В сотый раз отбросив этот мусор прочь, он уловил что-то похожее на то, что ищет, и бросился за этим в погоню, продираясь через всю мерзость, гнездящуюся в разуме Финна. Потому что он нашел, что было нужно, не на свалке знаний, унаследованных от Розового, а в мусорной куче, доставшейся от Финна.

Это было неземное, извращенное, гнусное знание, и Блэйн понял, что Финн получил его на той самой планете, откуда вернулся умалишенным. Мысленно держа это знание в руках, Блэйн рассмотрел совсем простое устройство, усвоил логику понятий, разобрался, как им пользоваться, и отчасти понял чувство вины и страха, толкнувшее Финна на путь ненависти и преступлений.

Это знание раскрывало дорогу к звездам, физически открывало ее для всех жизненных форм во всей Вселенной. Но неустойчивая психика Финна сделала единственный вывод: Земля тоже досягаема. И прежде всего для планеты, которая владеет этим знанием. Он не подумал обо всех открывающихся возможностях, не понял, какую пользу это знание может принести человеческой расе, для него оно было лишь мостом между планетой, которую он открыл, и планетой, которую считал родной. Он начал беспощадную борьбу за то, чтобы родная планета вернулась к доброму старому прошлому, чтобы она порвала всякую связь с космосом; он поставил себе цель обескровить и задушить “Фишхук”, а для этого — уничтожить всех паранормальных людей, тем самым лишая “Фишхук” будущего пополнения.

По логике Финна, Вселенная не обратит внимания на Землю, если Земля останется маленькой тихой пла-неткой и не станет привлекать к себе внимания, и тогда за человечество можно не опасаться.

Но как бы там ни было, в его разуме лежали сведения о том, как путешествовать по космосу во плоти, и эти сведения могли сейчас спасти Блэйну жизнь.

Блэйн снова заглянул в свой разум, и там на полочках, где стояли уже извлеченные из

хаоса информации знания, нашел каталог тысяч планет, на которых побывал Розовый. Они были сотен различных типов и все — одинаково гибельны для незащищенного человеческого организма. Страх снова стал возвращаться к Блэйну: неужели теперь, зная, как перемещать не только разум, но и тело, он не найдет подходящей планеты?

Яростный вой ветра, прорываясь сквозь барьер его сконцентрированного на поиске сознания, сбивал с мысли и напоминал о холоде. Блэйн попробовал согнуть ногу, но едва сумел пошевелить ею. Буря злорадно хохотала над ним, кружась над рекой и барабаня сухими зернами снега по ивняку.

Он отрешился от ветра, и снега, и холода, и воя, и стука — и вдруг нашел, что искал.

Он дважды перепроверил данные и остался удов летворен. Он мысленно нарисовал сетку координат и расположил там найденную планету. Затем медленно, этап за этапом выполнил прием дальнего скачка. И стало тепло.

Он лежал лицом вниз, а под ним была трава, и пахло травой и землей. Исчезли завывания бури и всхлипы снегопада.

Он перевернулся на спину и сел.

И от того, что он увидел, у него перехватило дух.

Потому что, если и существовало во Вселенной райское место, то это было оно!

Глава тридцать вторая

Солнце уже перевалило через полуденную отметку и скатывалось на запад, когда Блэйн, хлюпая по раскисшей после первой осенней бури земле, спустился в городок Гамильтон.

Вот я снова здесь, подумал Блэйн, и опять почти поздно — надо было прийти раньше. Потому что, как только солнце скроется за горизонтом, наступит канун Дня всех святых.

Интересно, сколько паранормальных городов успели предупредить гамильтонцы, спросил себя Блэйн. Не исключено, что они успели куда больше, чем я даже могу предположить. Возможно, им повезло, возможно, и нет.

На ум ему вдруг пришел старик священник: “Перст божий обратился на тебя…”

Когда-нибудь мир оглянется назад, и ему станет стыдно за сегодняшнее сумасшествие — за слепоту, глупость, нетерпимость. Когда-нибудь мир станет честным и мудрым. Когда-нибудь паранормальных людей перестанут считать исчадием ада. Когда-нибудь исчезнет барьер, отделяющий их от “нормальных” людей, — если таковые к тому времени еще останутся. Когда-нибудь станет ненужным “Фишхук”. Может быть, даже Земля когда-нибудь станет ненужной.

Потому что он нашел выход. Он не дошел до Пьера, но нашел решение. Он был вынужден найти решение.

И его решение было лучше, чем решение Стоуна. Его метод путешествия превосходил что-либо известное в “Фишхуке”. Этот метод полностью исключал любые механизмы. Он превращал человека в полного хозяина своего разума и своего тела и открывал перед ним всю Вселенную.

По небу все еще плыли обрывки облаков — арьергард пронесшейся над долиной бури. По обочинам стояли натаявшие из снега лужи, а ветер, несмотря на яркое солнце, еще не утратил своей порывистой остроты.

Блэйн поднялся по улице, ведущей в центр города; в нескольких кварталах, на площади перед магазинами он увидел ожидающих его жителей — не группу людей, как в прошлый раз, а целую толпу народа. Наверное, большая часть Гамильтона, прикинул Блэйн.

Он пересек площадь и всмотрелся в молчащую толпу, стараясь найти Аниту, но ее там не было.

На ступеньках сидело четверо мужчин — все та же четверка. Блэйн остановился перед ними.

— Мы слышали, ты решил вернуться, — произнес Эндрюс.

— Я не добрался до Пьера, — сказал Блэйн. — Я хотел просить там помощи. Но на реке меня застигла буря.

— Они перекрыли телефонную связь, — сказал Джексон, — и мы использовали дальнюю телепатию. Нам удалось связаться с некоторыми группами, а те передадут дальше. Не знаю, далеко ли.

— Да и за четкость трудно ручаться, — добавил Эндрюс.

— Ваши телепаты все еще поддерживают связь? — спросил Блэйн. Эндрюс кивнул.

Снова заговорил Джексон:

— Людей Финна так и не было. И это настораживает. У Финна что-то случилось…

— Они должны были прийти искать тебя и перевернуть здесь все вверх дном, — подтвердил Эндрюс.

— А может, они не хотят меня искать?

— А может, — холодно заметил Джексон, — ты не тот, за кого себя выдаешь?

Блэйн не выдержал:

— Да пропадите вы пропадом, — выкрикнул он. — А я — то чуть не подох ради вас. Все. Сами себя спасайте.

Он круто повернулся и пошел прочь, задыхаясь от гнева.

Нет, это не его война. Она чужая ему, как и эти люди. Но все же он считал ее своей войной. Он вступил в нее из-за Стоуна, из-за Рэнда и Гарриет, из-за гонявшегося за ним по всей стране сыщика. И, может быть, еще из-за чего-то неопределенного, неясного в нем самом — какого-то дурацкого идеализма, жажды справедливости, желания бросить вызов всем негодяям, мошенникам и реформистам.

Он пришел в этот город не с пустыми руками, он спешил вручить им удивительный дар. А его стали допрашивать, словно шпиона и самозванца.

Ну и черт с ними, сказал он себе. Я достаточно сделал. С меня хватит.

Осталось единственное дело, которое мне предстоит закончить, а потом на все наплевать.

— Шеп!

Он продолжал идти.

— Шеп!

Блэйн остановился и посмотрел назад. К нему шла Анита.

— Нет, — сказал он.

— Но они — это же еще не все, — произнесла она. — Нас здесь много, и мы готовы слушать тебя.

И она, конечно, была права.

Их было много.

Анита и все остальные. Женщины, и дети, и мужчины, не наделенные властью. Ибо власть делает людей подозрительными и мрачными. Власть и ответственность мешают людям быть самими собой и из личностей превращают их в коллективный орган.

И в этом паранормальный человек или сообщество паранормальных людей не отличается от обыкновенного человека или сообщества обыкновенных людей. Собственно, паранормальность не меняет личность. Она только дает ей возможность стать полнее.

— У тебя ничего не получилось, — сказала Анита. — Трудно было рассчитывать на успех. Но ты старался, и этого достаточно.

Он сделал шаг в ее сторону.

— Ты не права. У меня все получилось.

Теперь они, вся толпа, медленно и безмолвно шли к нему.

А впереди всех шла Анита Эндрюс.

Она приблизилась к нему, остановилась и посмотрела ему в глаза.

— Где ты был? — тихо спросила она. — Мы искали тебя на реке и нашли каноэ.

Протянув руку, он поймал ее за локоть и крепко прижал к себе сбоку.

— Я расскажу тебе, — сказал он, — чуть позже. Чего хотят эти люди?

— Они напуганы. Они ухватятся за любую надежду.

В двух шагах от него толпа остановилась, и мужчина в переднем ряду спросил:

— Это ты человек из “Фишхука”?

Блэйн кивнул.

— Да. Раньше я служил в “Фишхуке”, но не теперь.

— Как Финн?

— Как Финн, — согласился Блэйн.

— И как Стоун, — вмешалась Анита. — Стоун тоже был из “Фишхука”.

— Вы боитесь, — сказал Блэйн. — Вы боитесь меня, и Финна, и всего света. Но я нашел место, где вы забудете, что такое страх. Я открыл для вас новый мир, и если он вам нужен, берите его.

— А что это за мир? Чужая планета?

— Эта планета не хуже, чем лучшие уголки Земли. Я только вернулся оттуда…

— Но ты же спустился с горы. Мы сами видели, как ты спускался…

— Да замолчите же вы, идиоты, — закричала Анита. — Дайте ему рассказать.

— Я нашел способ, — продолжал Блэйн, — или, скорее, украл способ путешествовать в космосе и разумом и телом. Сегодня ночью я был на одной из планет. А утром прилетел обратно. Безо всякой машины. Это нетрудно, стоит только понять.

— Но где гарантии…

— Их нет. Ваше дело — верить мне или нет.

— Но даже “Фишхук”…

— С этой ночи, — медленно произнес Блэйн, — “Фишхук”- это вчерашний день. “Фишхук” нам больше не нужен. Мы можем летать, куда нам вздумается. Без машин. Только силой разума. А это и есть цель всех паракинетических исследований. Машина всегда была только костылем, на который опирался прихрамывающий разум. Теперь этот костыль можно отбросить.

Сквозь толпу протиснулась женщина с изможденным лицом.

— Давайте кончать болтовню, — сказала она. — Ты говоришь, что нашел планету?

— Нашел.

— И можешь взять нас туда?

— Мне незачем брать вас. Вы сами можете полететь туда.

— Ты один из нас, сынок. У тебя честные глаза. Ты же не станешь нам лгать?

— Я не стану вам лгать, — улыбнулся Блэйн.

— Тогда рассказывай, что надо делать.

— А что можно взять с собой? — выкрикнул кто-то.

— Немного, — покачал головой Блэйн. — Мать может взять на руки ребенка. Можно надеть на плечи рюкзак. Перебросить через спину узел. Захватите с собой вилы, топор и еще какие-нибудь инструменты.

Из толпы вышел мужчина и произнес:

— Если уж лететь туда, то надо спешить. И нужно решить, что мы берем с собой. Нам понадобятся продукты, семена растений, одежда, инструменты…

— Вы в любой момент сможете вернуться, — сказал Блэйн. — В этом нет ничего сложного.

— Ладно, — остановила его женщина с измученным лицом. — Хватит терять время. Ближе к делу. Рассказывай, сынок.

— Погодите, еще момент. Есть среди вас дальние телепаты?

— Есть. Я, например, а вон Мертль, и Джим в том ряду, и…

— Вы должны все передавать. Всем, кому сможете. А те пусть передают другим и так далее. Пусть как можно больше людей узнает туда дорогу.

— Хорошо, — кивнула женщина, — можешь объяснять.

Шурша ногами по площади, люди плотным кольцом встали вокруг Блэйна и Аниты.

— Готовы? — спросил Блэйн. — Тогда смотрите.

И он почувствовал, как они смотрят, деликатно заглядывая в его разум и словно сливаясь с ним в одно целое.

И он тоже сливается с ними. Здесь, в этом кругу, десятки разумов объединились в один — один большой разум, полный теплоты, человечности и доброты. В нем был аромат весенней сирени и запах речного тумана, нависшего ночью над землей, и осенние краски багряных холмов. В нем было потрескиванье поленьев в очаге, рядом с которым дремлет старый пес, и пение ветра в карнизах. В нем было чувство дома и друзей, хорошего утра и добрых вечеров, соседа из дома напротив и перезвон колоколов маленькой церквушки.

Блэйн с сожалением отвернулся от этих ощущений, среди которых он мог жить бесконечно долго, и произнес:

— А теперь запомните координаты планеты, куда вы отправитесь.

Он передал им координаты, на всякий случай показав их им несколько раз.

— А делается это вот так.

И он извлек это омерзительное неземное знание и некоторое время держал перед ними, чтобы дать им привыкнуть, затем шаг за шагом объяснил им принцип и логику, хотя в этом практически не было нужды: раз увидев суть знания, они автоматически усвоили и принцип и логику.

Чтобы быть уверенным до конца, он еще раз все им повторил.

И их разумы отшатнулись от него, и только Анита осталась рядом.

— Что случилось? — спросил он Аниту, увидев, с каким выражением глаз они отступили от него.

Анита повела плечами.

— Это было ужасно.

— Естественно. Но я видел вещи и похуже.

Ну конечно, в этом-то и дело. Он видел, а они — нет. Эти люди всю жизнь прожили на Земле и ничего, кроме Земли, не знали. Им никогда не приходилось сталкиваться с неземными понятиями. Знание, которое он им показал, собственно, не было мерзким. Оно было неземным. В чужих мирах много вещей, от которых волосы встают дыбом, но которые для своего мира вполне естественны и нормальны.

— Они им воспользуются? — спросил он.

И услышал голос изможденной женщины:

— Я услыхала твой вопрос, сынок. То, что мы увидели, мерзко, но мы им воспользуемся. У нас нет выбора.

— Вы можете остаться здесь.

— Мы воспользуемся, — повторила женщина.

— И передадите информацию дальше?

— Сделаем все, что можем.

Люди начали расходиться. Они выглядели смущенными и растерянными, словно кто-то рассказал непристойный анекдот на церковном собрании.

— А ты что скажешь? — спросил он Аниту.

Она медленно повернулась, чтобы стать с ним лицом к лицу:

— Ты должен был сделать это, Шеп. Ты не мог поступить по-другому. Ты не знал, как они все воспримут.

— Да, я не знал. Я так долго общался с неземным. Я сам теперь отчасти неземной. Я не совсем человек…

— Тс-с, — остановила она его. *— Я знаю, кто ты.*

— Ты уверена, Анита?

— Еще как уверена, — ответила она.

Он привлек ее к себе и крепко обнял на минуту, затем отпустил и заглянул ей в лицо и за улыбкой в глазах увидел слезы.

— Я должен идти, — сказал он. — У меня осталось еще одно дело.

— Ламберт Финн?

Блэйн кивнул.

— Нет! — закричала она. — Ты не станешь!

— Не то, что ты подумала, — ответил Блэйн. — Хотя, бог свидетель, я бы сделал это с удовольствием. До этого момента я действительно хотел убить его.

— Но разве не опасно возвращаться туда?

— Не знаю. Посмотрим. Я попытаюсь выиграть время. Я единственный, кто может это. Финн меня боится.

— Возьмешь машину?

— Если можно.

— Мы начнем уходить, как только стемнеет. Успеешь вернуться?

— Не знаю, — ответил он.

— Ты ведь вернешься? Ты ведь поведешь нас?

— Я не могу обещать, Анита. Не заставляй меня обещать.

— Но если ты увидишь, что мы ушли, ты полетишь за нами?

Блэйн промолчал.

Он не знал, что ответить.

Глава тридцать третья

В фойе отеля было тихо и почти безлюдно. Один человек дремал в кресле. Другой читал газету. За окошечком клерк со скучающим видом глядел на улицу и рассеянно щелкал пальцами.

Блэйн пересек фойе и по короткому проходу направился к лестнице.

— Лифт, сэр? — услужливо предложил лифтер.

— Не стоит, — отказался Блэйн. — Мне всего один этаж.

Он обошел лифт и начал подниматься пешком, чувствуя, как на затылке дыбом встают волосы. Выйдет ли он отсюда живым, Блэйн не знал.

Но он вынужден был рискнуть.

Дорожка на каменных ступенях заглушала его шаги, и он поднимался в полной тишине, в которой слышен был только нервный присвист его дыхания.

На втором этаже все было по-прежнему. Так же, прислонив кресло к стене, сидел охранник. Увидев Блэйна, он наклонился, не вставая с кресла и широко раскинув ноги, и стал ждать, когда он подойдет поближе.

— К нему сейчас нельзя, — сообщил он Блэйну. — Он только что всех выгнал. Сказал, постарается заснуть.

Блэйн сочувственно кивнул:

— Да, несладко ему приходится.

— Никогда не видел, чтобы люди так расстраивались, — доверительно шепнул телохранитель. — Кто его так, по-вашему?

— Опять это проклятое колдовство.

Охранник глубокомысленно кивнул:

— Правда, он и до того, как это случилось, был не в себе. Когда вы в тот раз пришли к нему, с ним было все нормально, а после вас его словно подменили.

— Я в нем перемен не заметил.

— Я же говорю, при вас он был еще в порядке. И вернулся нормально. А где-то через час я заглянул, вижу: он сидит в кресле и на дверь уставился. Странный такой взгляд. Как будто внутри что-то болит. Он даже меня не заметил, когда я вошел. И так и не замечал, пока я с ним не заговорил.

— Может, он думал?

— Наверное. Но вчера было ужасно. Собрался народ, все приготовились его слушать, репортеров полно, а когда пошли в гараж за звездной машиной…

— Меня там не было, — прервал Блэйн, — но я слышал. Для него это, должно быть,

был удар.

— Я думал, он там на месте и кончится, — сказал охранник. — Он весь побагровел…

— А не заглянуть ли нам к нему, — предложил Блэйн. — Если он уже спит, я уйду. А если не спит, мне ему надо сказать пару слов. Крайне важных…

— Ну что ж, раз вы его друг… Давайте попробуем.

Вот как неожиданно оборачивается эта фантастическая игра, подумал Блэйн. Финн не осмелился сказать обо мне ни слова. Он сделал вид, что я его старый приятель, лишь бы самому отгородиться от подозрений. Поэтому меня и не преследовали. Потому молодчики Финна и не перевернули вверх дном Гамильтон, разыскивая меня.

Это хороший сюрприз — если не западня.

Он почувствовал, как невольно напрягаются мышцы, и заставил себя расслабиться.

Охранник уже стоял на ногах и перебирал ключи.

— Эй, погоди, — остановил его Блэйн. — Ты же меня не обыскал.

— Да ладно, — ухмыльнулся верзила. — Вы уже прошли проверку. Я видел, как вы выходили с Финном рука об руку. Он мне сказал, что вы его старый друг и вы не виделись много лет.

Он нашел нужный ключ и вставил его в замочную скважину.

— Я войду вперед, — предупредил он, — и погляжу, не спит ли он.

Охранник осторожно открыл дверь и тихо шагнул через порог. Блэйн вошел за ним.

И вдруг натолкнулся на спину неожиданно остановившегося охранника. Изо рта у того раздавались странные, булькающие звуки.

Блэйн протянул руку и оттолкнул его в сторону.

Финн лежал на полу.

В его позе было что-то неестественное.

Тело Финна было невероятно изогнуто, словно его скрутили руки великана. На лице, прижатом к полу, было написано выражение человека, заглянувшего в ад и почувствовавшего запах поджариваемых на вечном огне грешников. Его черное одеяние отливало неприятным блеском в свете настольной лампы, которая стояла недалеко от тела. А около груди и головы по ковру расползлось темное пятно. На горло, перерезанное от уха до уха, было жутко смотреть.

Охранник по-прежнему стоял, застыв у дверей, только издаваемое им бульканье перешло в хрипы.

Блэйн подошел ближе к Финну и рядом с отброшенной рукой увидел инструмент смерти: старинную опасную бритву, которая могла бы вполне спокойно лежать где-нибудь на музейной полке.

Все, понял Блэйн, ушла последняя надежда. Договариваться больше не с кем. Ламберт Финн предпочел уйти от всех переговоров.

Он до последней минуты играл свою роль — роль жестокого, непреклонного аскета. И для собственного самоубийства он выбрал самый тяжелый способ.

Но все-таки, с ужасом глядя на красную прорезь поперек горла, думал Блэйн, для чего он так старался, продолжая пилить себя бритвой, даже умирая?

На такое способен только человек, полный ненависти, больной ненавистью к себе — такому, каким он стал.

Блэйн повернулся и вышел из комнаты. В коридоре, в углу, стоял, перегнувшись пополам, охранник. Его рвало.

— Будь тут, — сказал Блэйн. — А я схожу за полицией.

Охранник вытер подбородок и широко раскрытыми глазами посмотрел на Блэйна.

— Господи, — выговорил он, — в жизни такого не видел…

— Сядь и успокойся, — велел Блэйн. — Я скоро вернусь.

Только не сюда, подумал он про себя. Довольно испытывать судьбу. Мне нужно несколько минут, чтобы скрыться, — я их имею. Охранник слишком потрясен, чтобы что-либо предпринимать какое-то время.

Но как только весть разойдется, начнется невообразимое.

Пощады парапсихам сегодня ночью не будет.

Он быстро пересек коридор и сбежал по ступеням. В фойе было по-прежнему пустынно, и он дошел до выхода незамеченным.

Но прежде чем он успел взяться за ручку двери, дверь распахнулась, и кто-то быстро шагнул ему навстречу.

Звякнув, на пол упала дамская сумочка. Блэйн, расставив руки, перегородил женщине дорогу.

— Гарриет! Быстрее уходи отсюда! Быстро!

— Моя сумочка!

Блэйн нагнулся, взял сумочку, но тут у нее расстегнулся замок, и что-то черное глухо стукнулось об пол. Блэйн быстро поднял тяжелый короткий предмет и спрятал его в ладони.

Гарриет уже повернулась и выходила. Блэйн поспешил за ней, взял за локоть и повел к своей машине.

Подойдя к машине, он открыл дверцу и втолкнул ее внутрь.

— Но, Шеп… Моя машина за углом.

— Некогда. Надо быстрей убираться.

Он обежал вокруг машины и сел за руль. Двигаясь куда медленнее, чем ему хотелось бы, Блэйн проехал квартал и свернул на перекрестке по направлению к шоссе.

Впереди стояло обгорелое здание фактории.

Сумочка все еще лежала у него на коленях.

— Зачем тебе пистолет? — спросил он, отдавая сумочку.

— Я хотела убить его, — выкрикнула она. — Пристрелить как собаку.

— Ты опоздала. Он мертв.

Она быстро повернулась к нему.

— Ты!

— Да, видимо, можно сказать, что я.

— Подожди, Шеп. Или ты убил его, или…

— Хорошо, — сказал он. — Я убил его.

И это было правдой. Чья бы рука ни убила Ламберта Финна, убийцей был он, Шепард Блэйн.

— У меня для этого был повод. А у тебя? — спросил он.

— Но он убил Годфри. Разве этого недостаточно?

— Ты любила Годфри.

— Я думаю, да. Ты знаешь, какой это был человек, Шеп.

— Знаю, В “Фишхуке” мы были с ним лучшими друзьями.

— Мне так больно, Шеп, так больно!

— Но в ту ночь…

— Тогда было не до слез. Вообще, мне всегда было не до них.

— Ты все знала…

— Давно. Это моя работа — знать все.

Блэйн выехал на шоссе и двинулся в сторону Гамильтона. Солнце уже село. Сочились сумерки, и на востоке, над прерией, зажглась первая вечерняя звезда.

— И что теперь? — спросил Блэйн.

— Теперь у меня собран материал. Весь, какой смогла.

— Ты хочешь написать об этом. Думаешь, твоя газета напечатает?

— Не знаю, — ответила она. — Но написать я должна. Ты сам понимаешь, что я не могу не написать. Я возвращаюсь в Нью-Йорк…

— Нет. Ты возвращаешься в “Фишхук”. И не машиной, а самолетом из ближайшего аэропорта.

— Но, Шеп…

— Здесь слишком опасно, — объяснил Блэйн. — Они будут срывать зло на всех, кто

хоть немного паранормален. Даже на обычных телепатах вроде тебя.

— Я не могу, Шеп. Я…

— Послушай меня, Гарриет. Финн подготовил провокацию — выступление части паранормальных на День всех святых. Это дело рук его контрразведки. Остальные паракинетики, узнав об этом, попытались помешать этому. Некоторых им удалось остановить, но не всех. И неизвестно, что будет сегодня ночью. Если б он был жив, он использовал бы волнения, чтобы подтолкнуть репрессии, затянуть гайки законодательства. Конечно, были бы и убийства, но не они были главной целью Финна. Но теперь, со смертью Финна…

— Они же теперь нас уничтожат, — охнула Гарриет.

— По крайней мере, постараются. Но есть выход…

— И, понимая все это, ты тем не менее убил Финна!

— Это не совсем убийство, Гарриет. Я пришел, чтобы договориться с ним. Я нашел способ увести паранормальных с Земли. Я собирался пообещать ему освободить всю Землю от паранормальных, если он еще неделю — другую продержит своих псов на цепи…

— Но ты сказал, что убил его.

— Наверное, будет лучше, если я тебе объясню все подробно. Чтобы, когда будешь писать, ты ничего не упустила.

Глава тридцать четвертая

В Гамильтоне было тихо. И пустынно — так пустынно, что пустота ощущалась физически.

Блэйн затормозил на площади и вышел из машины.

Не светило ни единого огонька, и мягкий шум реки монотонно отдавался у него в ушах.

— Они улетели, — сказал он.

Гарриет тоже вышла и подошла к нему.

— Все в порядке, дружище, — произнесла она, — забирайся на своего коня.

Он отрицательно покачал головой.

— Но ты должен. Ты обязан отправиться вслед за ними. Твое место — среди них.

— Не сейчас. Может, когда-нибудь, через несколько лет. А пока много дел на Земле. Есть еще много паранормальных, которые дрожат от страха и прячутся по своим норам. Я должен отыскать их. Я обязан спасти всех, кого смогу.

— Но тебя убьют раньше. Ты для них — главная мишень. Люди Финна не оставят тебя в покое…

— Если станет совсем туго, я полечу. Я не герой, Гарриет. Я, в принципе, трус.

Она уселась за руль и обернулась сказать ему “до свиданья”.

— Погоди, — остановил ее Блэйн. — А что произошло тогда с тобой, когда я был в гараже?

Она засмеялась слегка резким смехом:

— Когда появился Рэнд, я решила уехать. Чтобы вызвать подмогу.

— Но?

— Меня арестовала полиция. На следующее утро меня выпустили, и с тех пор я тебя повсюду разыскиваю.

— Храбрая девочка, — сказал Блэйн, и тут в воздухе раздался слабый пульсирующий звук, он доносился издалека.

Блэйн замер, прислушиваясь. Звук все усиливался, и Блэйн скоро узнал в нем шум приближающихся автомобилей.

— Быстро, — скомандовал он. — Свет не включай. Скатись под горку и выедешь на шоссе.

— А ты, Шеп?

— За меня не бойся. Поезжай.

Она включила зажигание.

— До встречи!

— Поезжай, Гарриет! И спасибо тебе. За все спасибо. Привет Шарлин!

— До свиданья, Шеп, — сказала она, и машина тронулась в сторону холмов.

Ничего, она доедет, сказал себе Блэйн. Тот, кто сумел перебраться через скалы вокруг “Фишхука”, здесь затруднений не встретит.

Оставшись один на площади, он слушал приближающийся рев двигателей. Вдалеке уже засветились точки фар. С реки прилетел прохладный ветерок и забился ему в штанины и рукава.

И так — повсюду, подумал он. Повсюду сегодня ночью гудят машины, ревет разъяренная толпа и бегут люди.

Он сунул руку в карман пиджака и ощутил тяжесть пистолета, выпавшего у Гарриет из сумочки. Он сжал рукоятку — понимая, что воевать с ними надо не оружием.

Против них нужна другая стратегия: изолировать их и дать им задохнуться от собственной посредственности. Пусть получают, что хотят, — планету, полную абсолютно нормальных людей. Пусть они разлагаются здесь, не зная космоса, не летая к другим мирам, вообще никуда не летая и ничего не делая. Как человек, всю жизнь просидевший в кресле-качалке на пороге своего дома в каком-нибудь старом, умирающем городке.

Без пополнения извне “Фишхук” разладится через какую-то сотню лет, а еще через сто рассыплется вообще. Наоборот, паралюди станут прилетать с других планет, чтобы забрать себе подобных из “Фишхука”.

Впрочем, через сто лет это будет уже не важно, потому что человеческая раса уже обоснуется на других планетах и станет строить такую жизнь и цивилизацию, которую ей помешали построить на Земле.

Но пора идти. Нужно покинуть город, пока не приехали машины.

И снова я в одиночестве, подумал Блэйн. Но уже не так одинок — у меня есть цель. Цель, с неожиданной гордостью повторил про себя Блэйн, которую я сам создал.

Он расправил плечи, не обращая внимания на холодный ветер, и зашагал быстрее. У него еще есть дела. Много дел.

Слева от него, в тени деревьев, что-то шевельнулось, и Блэйн, уловив движение, резко повернулся

— Это ты, Шеп? — раздался неуверенный голос.

— Анита! — воскликнул он. — Глупышка моя! Анита!

Она выбежала из темноты и бросилась к нему на грудь.

— Я не могла, не могла лететь без тебя. Я знала, что ты вернешься.

Он обнял ее изо всех сил и осыпал поцелуями, и не было силы в мире и во всей Вселенной, способной разъединить их. И не было ничего, только стремительный бег их крови, и сирень, и сверкающая звезда, и ветер с холмов, и они.

И еще — рев машин на шоссе.

Блэйн с трудом оторвал ее от себя.

— Бежим, — выкрикнул он. — Бежим, Анита!

— Как ветер! — отозвалась она.

И они побежали.

— Вверх, на гору, — сказала она. — Там машина. Я ее отогнала туда, как стемнело.

Поднявшись на холм до половины, они посмотрели назад.

Первые языки пламени лизнули густую черноту городка, и до них донеслись крики бессильной ярости. Глухо затрещали ружейные выстрелы.

— По теням стреляют, — сказала Анита. — Там никого не осталось, даже кошек и собак. Их взяли с собой дети.

Но в других городах, подумал Блэйн, остались не только тени. И там будут пожары, и дымящиеся стволы, и веревочные петли, и окровавленный нож. А может — и топот быстрых ног, и темный силуэт в небе, и жуткий вой в горах.

— Анита, — спросил он, — скажи, оборотни бывают?

— Да, — ответила она. — Оборотни сейчас там, внизу

И она права, подумал Блэйн. Темнота разума, расплывчатость мыслей, мелкость целей — вот они, настоящие оборотни этого мира.

Они повернулись спиной к поселку и пошли дальше вверх.

Позади все жарче и яростней разгоралось пламя ненависти. Но впереди, над вершиной холма, в блеске далеких звезд светилась надежда.

Пьеро ПРОСПЕРИ
ПОСЛЕДНЕЕ ЖЕЛАНИЕ

Отворилась дверь.

Те же ненавистные, хорошо знакомые лица.

— Пора, — с усмешкой сказал Корнивал.

Атан яростно плюнул в его мерзкую рожу.

Вот и пришел конец моим пыткам, успел подумать он, падая под ударом электробича. Конец агонии, конец мучительному ожиданию. Приказ об отмене приговора не прибыл и уже не прибудет. Он поднялся, облизывая кровь, сочившуюся из разбитой губы. “Итак, настал мой последний день”. На миг он даже испугался, что это может не произойти сегодня. Новые отсрочки, пересмотр дела способны лишь продлить страдания.

Он по горло сыт подлым, гнусным миром, который дрожит от страха и в ярости уничтожает тех, кто осмеливается поднять голос против этого общества насилия и наживы.

Уничтожают ради блага самого общества. Он посмотрел на лица тюремщиков, своих палачей, пытавших его целых три года. Но теперь довольно. Хватит с него допросов под ударом электробичей, хватит утонченных и потому еще более жестоких издевательств. Перед ним в полутьме змеится коридор, исчезая где-то в бездонных глубинах пропасти.

Он с вызовом посмотрел на тюремщиков и твердым шагом двинулся к выходу.

Свет, проникающий сквозь высокие решетчатые окна, был тусклым, безжизненным. Снаружи небо заволокли свинцовые облака. Он шел, глядя прямо перед собой в пустоту и стараясь ни о чем не думать.

Однако мысли вихрем проносились в голове, неотступные воспоминания сковывали его длинной цепью.

Даже серые, холодные стены темницы вызывали в нем тысячу противоречивых чувств, напоминая о бесконечных днях, всегда одинаковых и всегда таких различных, с переходами от надежды к отчаянью. И все-таки откуда-то снова выползала надежда, слабая и нелепая. А он опять безжалостно загонял ее в самый дальний угол. Он боялся дать ей хоть малейшую поблажку.

Дальше и дальше по полутемному коридору; он — впереди, наедине со своими мыслями, а сзади — ритмичные шаги стражников. И опять мысли. Замкнутый круг, из которого не отыскать выхода.

Суд. Речь казенного защитника. Взгляды людей в зале, колющие тебя, как острые иглы, тяжелые, как удары молота.

— Я требую для подсудимого смертной казни.

Дальше, все дальше по бесконечному коридору, в котором гулко отдается каждый шаг. Но вот впереди он увидел дверь. Его дверь. Коридор кончается, наступает конец всему.

До скорой встречи, Корнивал, Дженкинс, Скарон, сборище подлецов, палачи мои и правосудия. Еще немного, и я стану для вас недосягаем.

Они вошли. В центре крохотной комнаты мрачно чернела металлическая койка. Тусклый свет ламп, голые серые стены. Провода, подведенные к койке. Он спокойно лег на нее, позволил прикрепить к голове и к запястьям металлические зажимы. Скарон включил контрольный прибор, и комната наполнилась мерным гулом.

Он неподвижно смотрел в потолок, но отчетливо представлял себе каждое движение Скарона. Сейчас он опустит рычаг. Только бы в последний миг не оборвался контакт.

— Ну, что же ты медлишь, Скарон, тебе не надоело меня мучить? Нажми на рычаг, подонок.

Скарон медленно опустил рычаг.

Теперь все, подумал Атан.

Он бросил торжествующий взгляд на Корнивала, и в то же мгновение вокруг все померкло.

Могучая волна понесла его в океан небытия. Но еще успела мелькнуть мысль: “Вы мучили меня три года. Но придумать еще большую пытку уже не в вашей власти. Вам не удастся отравить мне не только жизнь, но и смерть. Последнее желание смертника — священно. И вам придется его выполнить”.

Наука способна творить чудеса. Она уже творит чудеса.

Когда системе надо устранить человека, ей неважно, как он умрет. Главное, чтобы он исчез. И вот он уже в безбрежной пустоте. Корнивал, тюрьма, судьи бесконечно далеки от него. На металлической койке лежала теперь бестелесная оболочка. Его мозг плыл в кромешной тьме, навстречу своему новому пристанищу. Кого волнует, как умрет Старрен Атан? Важно, что упорядоченный мир наживы наконец избавится от него.

Цель уже близка. Он почувствовал, что мозг его проникает в новое тело. В тело другого человека, в обличье которого ему суждено принять смерть.

Ему остается лишь умереть, как умирают Великие. Это последнее его желание палачи не могли не исполнить.

Трансфузия удалась, в этом он был уверен. И снова в мозгу вспыхнула неистребимая надежда, и он уже не в силах был ее подавить. Могли же его палачи ошибиться в расчетах. Они выполнили его последнее желание, перенесли его мозг в тело другого человека, зная, что этот человек обречен на смерть.

Но и они не застрахованы от ошибок. Тело человека, в которое проник его мозг, ослабело от долгих лет вынужденной бездеятельности и болезней… Этот человек видел, как одна за другой рушатся его мечты и надежды, и он не мог не желать смерти.

Но мозг Атана жаждал жизни. Быть может, неимоверным усилием воли он преодолеет непроницаемый барьер безнадежности, вдохнет энергию в усталое, измученное тело. И тогда он вернет к жизни этого человека, ставшего его вторым “я”. Но для этого ему придется изменить ход истории. Что ж, он готов к борьбе.

Едва он адаптировался в новом теле, как его пронзила адская боль. Тот человек угасал, он был в агонии. Атан напряг всю свою волю.

Нет, он бессилен. Ничто уже не вернет жизненную энергию этому потерявшему надежду, разочарованному человеку. Его палачи не ошиблись, их расчеты были точны. Они знали, что он, Атан, не в состоянии выиграть этот последний поединок с роком.

Снова на него “девятым валом” обрушилась боль. Он даже не вскрикнул, у него и на это не оставалось больше сил. И вместе с последними ускользающими силами медленно ускользала и надежда. И все-таки он может умереть Великим.

С неимоверным напряжением он открыл глаза. И хотя люди вокруг виделись ему словно в тумане, он их узнал.

У его изголовья стояли все, о ком упоминали исторические хроники.

Врач-корсиканец Антонмарки, генерал Бертран, камергер Маршан, аббат Виньяти. А чуть поодаль маленькая Бертран плакала, уткнувшись лицом в одеяло.

Теперь все, конец.

Он закрыл глаза, испытывая горчайшее чувство тоски. Антонмарки поднял голову.

— Наполеон умер, — сказал он.

Василий ГОЛОВАЧЕВ
НАД МИРОМ

1

Снегопад кончился, и притихший лес медленно обрел глубину и четкость, словно фотография в растворе проявителя. Тишина, завладевшая лесом, перестала быть глухой, неприветливой и настороженной, вернулось первозданное, торжественное, выразительное и чарующее безмолвие заснеженной тайги, не нарушаемое ни одним звуком. Белое и серо-коричневое с редкими пятнами седой зелени… Белое — снег и небо, серо-коричневое — сбросившие листву деревья, зеленое — сосны и ели. И еще машины передвижной радиостанции и домики оперативного поста управления комплексной научно-исследовательской экспедиции. И все же главным цветом был белый…

Ивашура оглянулся. Километрах в пятнадцати над лесом вставала угрюмая черно-голубая громада Башни диаметром около двенадцати километров, вершина которой тонула в облаках. Стены Башни были голубыми, а черными — ряды окон и пятен, ниш и разломов, провалов и трещин. Дикое, непонятное, неизвестно как возникшее на месте паучьего шатра колоссальное строение, непрерывно растущее вширь и не разрушающееся при этом…

В одной из темных брешей в стене Башни загорелся вдруг пронзительно-зеленый огонек, и тотчас же где-то взвыла сирена тревоги, разбив тишину на тысячи отголосков: огонек означал появление блуждающего источника радиации.

Ивашура вздохнул и зашагал по глубокому снегу мимо остывающего вездехода к одному из домиков-вагончиков, из трубы которого тянулась струйка дыма.

Раздевшись в крохотной прихожей, он вошел в центральную комнату домика. В комнате было тепло, пахло сосновыми поленьями, дымом и сбежавшим молоком. У стола, застеленного коричневой клеенкой, сидели несколько человек, среди них Михаил Рузаев, Сурен Гаспарян, директор Центра Богаев и только что прибывшие на вездеходе полковник государственной безопасности Одинцов Мартын Сергеевич, молодой, поджарый, с пристальным взглядом внимательных карих глаз, и заместитель председателя Верховного Совета Старостин Николай Николаевич, большой, рыхлый, страдающий одышкой.

В углу на столике стояла переносная полевая радиостанция, радист с наушниками на голове что-то записывал в журнал, подкручивая верньер. Рядом сидел телеграфист возле аппаратной стойки, отдельно стояли телефоны и плоский переносной телевизор.

— Что там? — спросил Богаев хрипловато.

— “Глаз дьявола”, — сказал Ивашура. — Высоко, метров четыреста, под облаками.

— Это и есть Игорь Васильевич Ивашура, — представил его Богаев. — Начальник экспертного отдела Центра и в данном случае руководитель экспедиции. Поскольку ситуация необычна, ему даны особые полномочия.

— Мы осведомлены, — кивнул Старостин. — Извините, что перебил.

Ивашура глянул на Гаспаряна, щелкнул ногтем по футляру проектора, стоящего на полке. Сурен понял и выскочил за слайдами в соседний домик, представлявший собой фотолабораторию. Рузаев молча принялся разворачивать проектор.

— Что вас интересует прежде всего? — Ивашура вопросительно посмотрел на Одинцова и Старостина. — Принимаемые меры, факты минувшей недели, научные гипотезы?

Старостин кашлянул, посмотрел на полковника и пророкотал:

— Через два дня мы с Мартыном Сергеевичем должны доложить правительству о фактическом положении дел, поэтому хотелось бы разобраться в обстановке с минимальной предубежденностью. О мерах мы наслышаны, научных гипотез, насколько я осведомлен, накопилось много, но все они субъективны и больше эмоциональны, чем научно обоснованы. Так?

Ивашура улыбнулся.

— Примерно так. Что ж, я вас понял. Давайте сначала восстановим хронологию основных событий, а потом перейдем к последним данным.

В комнату вошел Гаспарян и стал заряжать кассеты проектора слайдами. Рузаев задернул занавеску окна, выключил свет.

— Пауки появились в брянском лесу предположительно двадцать третьего сентября. Двадцать шестого над просекой с линией электропередачи потерпел аварию вертолет энергохозяйства района, и уже тогда просека была заткана паутиной. То есть пауки появились раньше, по нашим расчетам — именно двадцать третьего. Откуда они взялись — неизвестно, гипотез действительно несколько, но все они пока бездоказательны. Появившись, пауки начали строить нечто вроде паутинного шатра, достигшего к третьему октября высоты сорока двух метров. Кстати, материал паутины — сложное кремнийорганическое соединение, по прочности не уступает легированной стали, а по упругости превосходит каучук. Толщина нитей около шести микрон.

Гаспарян включил проектор, и на развернутом полимерном экране у дальней стенки комнаты возник пейзаж: хвойный лес, из которого вырос снежно-белый конус.

— Четвертого октября, ночью, произошел взрыв, — продолжал Ивашура, — уничтоживший паутинный шатер, и на его месте поднялась странная, колышущаяся, как студень, “опухоль”, которая потом выросла в Башню. Диаметр последней к сегодняшнему дню достиг двенадцати с половиной километров. При взрыве… — Ивашура нахмурился, помолчал, — пропали без вести двое: сотрудник Центра Иван Костров и журналистка Таисия Калашникова. Они вылетели к паутинному шатру на вертолете и… не вернулись. Найти их не удалось.

— А вертолет? — спросил Старостин. — Тоже пропал?

— И вертолет.

— Странно.

— Да, странно, хотя и без этого случая странностей хватает.

Гаспарян сменил кадр, и на месте паутинного конуса возникло изображение паука.

Помолчали, рассматривая.

— Хорош! — нарушил молчание Старостин. — Слабонервного вполне способен довести до инфаркта.

Изображение паука сменилось видом Башни.

— Эпицентр тайны, — сказал Богаев. — К сожалению, проникнуть внутрь практически невозможно. Она растет, и находиться возле ее стен опасно.

— И что же, так никто и не пытался проникнуть? — спросил Одинцов.

— Для этого нужна отчаянная храбрость или… — Ивашура усмехнулся, — или не менее отчаянная глупость. А вообще-то попытки попасть внутрь Башни были, но не увенчались успехом. Главная ее особенность в том, что растет она скачками. Каждый скачок прибавляет диаметр на один — полтора километра и порождает при этом колебания почвы силой четыре-пять баллов. По данным исследований, высота плотного ядра Башни достигает двух километров, выше она становится зыбкой, дымчатой, полупрозрачной и на высоте трех километров исчезает совсем. То же касается и ее фундамента: до глубины в четыреста метров он виден на экранах эхорадаров и магнитных сканеров отчетливо, а потом как бы растворяется в породах континентального щита.

Гаспарян показал виды Башни со всех сторон, в том числе и сверху, потом стал демонстрировать отдельные участки башенных стен. На одном из снимков была запечатлена длинная черная струя дыма, исторгнутая из провала в стене.

— “Мертвый выброс”, — сказал Ивашура. — Этот “дым” превращает все, чего ни коснется, в сверхстранный полиметаллический сплав, в котором соединены почти все металлы от железа до свинца.

На стене появилось изображение сверкающей металлическим блеском полосы на земле. Кое-где на полосе стояли такие же серо-свинцовые пни и поваленные деревья с отливающей металлом корой. На следующем снимке была запечатлена еще одна полоса, в конце которой стоял гусеничный вездеход “Малыш”- глыба серого металла.

Старостин переглянулся с Одинцовым, и Богаев поспешил вставить:

— Жертв не было, люди успели выскочить. С тех пор так близко никто к Башне не подходит.

— Рискуете, — пробормотал Старостин неодобрительно.

— К сожалению, риск необходим, — сказал Ивашура. — Мы стараемся свести его к минимуму, но избавиться полностью не в состоянии. Да и как обойтись без риска, если никто не может сказать, что это за Башня и чего от нее ожидать?

Гаспарян сменил кассету. На экране появился участок серо-голубой стены со зловещим светящимся глазом.

— Мы так и назвали это явление — “глаз дьявола”. По сути, это источник жесткого гамма-излучения, пожалуй, наиболее опасное “чудо” из всего арсенала чудес Башни. И, наконец, “призраки”.

Последние слайды запечатлели на фоне угрюмых фиолетово-синих стен и лесных зарослей светящиеся зеленые и желтые полосы, языки, жилы и ленты.

Рузаев выключил проектор, отдернул занавеску, впуская в дом сероватый свет пасмурного декабрьского дня.

Старостин покашлял, побарабанил пальцами по столу.

— Хорошо бы познакомиться с этой Башней поближе. Или нельзя?

Ивашура посмотрел на Богаева.

— Отчего же, можно. Перед вашим приездом мы планировали вылазку к подножию Башни, можем проводить.

— Километра на три, не ближе, — ворчливо добавил Богаев. — Все-таки опасно, ратуете за уменьшение риска и тут же сами подаете отрицательный пример.

— Как вы считаете, Мартын Сергеевич? — повернулся к полковнику Старостин. — Имеем мы право рисковать?

— Тут я — пас, — развел руками Одинцов; голос у него был низкий, приятный. — Боюсь, на товарища Ивашуру мои погоны не произведут впечатления.

— Правильно, — засмеялся Ивашура. — Ответственность за безопасность исследований лежит на мне, следовательно, я пока выше в звании. Но к Башне мы вас проведем, я сам пойду с отрядом.

Старостин встал.

— Ну и хорошо. Нас послали выяснить, чем грозит Башня району, области, а может быть, и всей стране. Вопрос серьезный и подойти к нему надо со всей ответственностью.

Пока готовилась экспедиция к Башне, Ивашура рассказал Одинцову о принимаемых мерах по предотвращению утечки информации, мерах безопасности и о координации научных исследований.

В исследовании феномена Башни участвовали почти все отделы Академии наук, Физический институт, Объединенный институт ядерных исследований и другие научно-исследовательские институты страны. Все группы и лаборатории этих научных организаций подчинялись Центру, а координатором комплексной экспедиции был назначен Игорь Ивашура. Его заместителями стали Богаев и академик Гришин.

Вокруг Башни в радиусе десяти километров располагались два кольца оцепления, у села Ивановского, в пятнадцати километрах от нее, были стянуты войска, в которые входили подразделения противохимической и противоатомной защиты, отделения дозиметристов и локаторщиков и вертолетно-десантный полк округа. Все эти воинские части подчинялись командиру Брянского гарнизона полковнику Михайлову, входящему в руководство экспедицией.

— С полковником я знаком, — сказал Одинцов, когда Ивашура закончил. — Как вы с ним взаимодействуете?

— В основном через связь. Иногда требуется техническая помощь, например, привлекали к работе радиолокационные станции, или нужна грубая физическая сила, а иногда приходится отыскивать увлекшихся работой ученых, забывающих о режимах безопасности.

Подошел Богаев, одетый в шубу.

— Тут у нас возник спор: не спешим ли мы с разрешением на допуск в зону зарубежных ученых? Башня явно создана искусственно, но кем и с какой целью? Конечно, американцы здесь ни при чем, но тогда мы выходим на контакт с другой цивилизацией, как бы сказочно ни звучали эти слова. Не слишком ли серьезна проблема, чтобы решать ее на… — Богаев замялся.

— На уровне полковника, — докончил Одинцов с тонкой иронией. — Вы правы, вопрос серьезный, но допуск зарубежных ученых уже решен в Москве. Через день — два сюда прибудут делегации ученых западных стран, в том числе и американцы.

— Это усложнит работу экспедиции.

— Знаю, но работать придется вместе. Феномен Башни перерос рамки национальных интересов, а если перед нами встала задача контакта с иным разумом, тем более понадобятся усилия ученых и государственных деятелей многих стран. Позиция правительства по этому вопросу диалектически и политически верна.

— Я не спорю, — Богаев нахлобучил шапку. — Однако имею право иметь свое мнение. Готовы? Пошли.

Отряд выступил в путь.

Впереди шагали Ивашура и Гаспарян, одетый в черный замшевый полушубок, потом Богаев, Старостин и Одинцов с биноклями, и замыкал отряд Рузаев с рацией на ремне, имевшей поэтическое название “Тюльпан”. Гаспарян и Рузаев захватили с собой также различные анализаторы и датчики, Ивашура нес универсальный дозиметр и поддерживал перекинутый через плечо ремень сумки с инструментами.

Снег был глубокий и идти было трудно, несмотря на протоптанную тропу, но Ивашура уверенно лавировал между деревьями, он ходил здесь не раз. Миновали просеку с поваленными опорами ЛЭП, вышли на край замерзшего и заснеженного болота с островками видневшейся из-под снега травы и камыша. Стена Башни придвинулась вплотную, нависла над головой ощутимой тысячетонной громадой, хотя до нее оставалось еще километров шесть.

Остановились, с немым восхищением взирая в бинокли на чудовищное здание, испещренное узором непрозрачных окон и дыр.

— Колоссально! — сказал Старостин, выдыхая облачка пара. — Фотографии и телепередачи не создают такого впечатления.

Пошли дальше и через километр встретили патруль оцепления первой линии, протоптавший вдоль проволочной ограды дорожку в снегу. У солдат на ремнях висели рации и дозиметры. Старший наряда козырнул Одинцову, попросил разрешения обратиться к Ивашуре и доложил:

— За время дежурства происшествий не случилось. Старший наряда сержант Гогиев. А вы снова туда, Игорь Васильевич? — не удержался он от вопроса. — Хоть бы раз взяли с собой.

— Еще доведется, Вахтанг, — ответил Ивашура. — Докладывайте обо всем, что покажется непонятным. Мы вернемся часа через два.

Через несколько минут Ивашура остановился и поднял руку.

— Извините, дальше мы пойдем одни.

Старостин, отдуваясь, вытер вспотевшее лицо платком и долго смотрел на Башню, водя окулярами по стенам. Наконец, опустил бинокль и ворчливо заметил:

— Я дальше и сам не хочу идти, отсюда и так все отлично видно.

Одинцов улыбнулся, но возражать не стал.

— Что ж, будем возвращаться. Однако, действительно впечатляет! Чувствуешь себя если не блохой, то, во всяком случае, не венцом природы.

— Идемте, идемте, — заторопился Богаев. — Экипированы мы не для рискованных походов, а неприятные сюрпризы могут появляться и здесь.

Делегация отправилась назад, часто оглядываясь то на стену Башни, то на оставшихся

экспертов.

— Вперед! — бросил остальным Ивашура. — Надо успеть вернуться засветло, не хочу я связываться с “зоной ужасов”.

— Может быть, попробуем проникнуть в Башню? — предложил Гаспарян. — На стыке двух точек выхода “призраков”.

— Не сегодня. Придем, обсудим. Неудача может плохо повлиять на приехавшее начальство.

Дальше шагали молча, настороженно присматриваясь к растущей стене Башни и прислушиваясь к нарастающему подземному гулу и клокотанию, — звуки эти обычно становились слышны только у самой стены, в пределах одного километра. Подрагивания почвы заметно усилились, тем более что болото в непосредственной близости от Башни оттаяло и слой торфа начал пружинить и прогибаться под ногами. Из часто встречающихся ям поднимались легкие струйки испарений.

— Граница, — сказал Гаспарян. На лбу его выступили бисеринки пота. Он оглянулся на Рузаева и растянул губы в неопределенной усмешке.

— Что-то сегодня не чувствуется влияния “зоны”. Не боишься, Михаил?

— Иногда то, чего мы боимся, менее опасно, чем то, чего мы желаем, — ответил изречением Коллинза Рузаев. — Не стучи зубами, Сурен, за версту слышно.

— Конечно, тебе нечего бояться, ты сам, как леший. А я человек интеллигентный, нервный, легко поддающийся соблазну…

— Тише ты, нервный! — сказал негромко Ивашура, останавливаясь. — Ох и надоела мне ваша фасон дэ парле[4]. Вот только теперь мы подошли к границе, чувствуете? Просто сегодня “зона ужасов” чуть уже, чем обычно.

То, что они называли “зоной ужасов”, было всего-навсего ощущением нависшей опасности, появлявшимся у человека вблизи Башни. У каждого это ощущение сопровождалось комплексами других негативных эмоций — сообразно типу нервной системы, характеру и восприимчивости. Рузаеву, например, казалось, что из-за слепых окон Башни следят за ними недобрые глаза. Гаспарян переставал узнавать товарищей, становился подозрительным и возбужденным. Ивашура “слышал” чьи-то голоса и ему очень хотелось проснуться, хотя он и сознавал, что все это с ним творится наяву.

— Да! — с чувством сказал Гаспарян и облизнул губы. — До сих пор не могу привыкнуть! Пошли, а то сбегу.

Они двинулись дальше.

Снега здесь, вблизи стены, не оказалось совсем, земля была голой, растрескавшейся, в жесткой шкуре высохшей осоки. Чем ближе они подходили к Башне, тем труднее становилось идти: земля была взломана, разорвана на глыбы, скручена пластами. И, наконец, перед людьми встал громадный стометровый вал полурасплавленной, спекшейся земли вперемешку с торфом и глиной, исполосованный многометровыми трещинами. Воняло здесь серой, дымом, угольной пылью и порохом. Ощущение опасности усилилось настолько, что каждый шорох отзывался болезненным ударом по нервам.

Они с трудом заставляли себя не бежать назад сломя голову и не звать на помощь.

— Я пошел вперед, а то закричу: караул! — быстро проговорил Гаспарян и полез на склон черного вала. Ивашура молча махнул рукой более сдержанному Михаилу и полез следом. Эффект “зоны ужасов” кончался где-то в полусотне метров от подножия стены.

— Ффу! — сказал на вершине вала Гаспарян и вытер лоб. — Легче с рогаткой на тигра идти!

На изуродованном ямами и буграми гребне вспученной чудовищной силой земли было жарко, воздух дрожал знойным маревом, источая ароматы паровозной топки и котельной. Стена Башни была рядом, голубая, пористая, как губка, вернее, как вспененный бетон, но

[4] * Манера выражаться (франц.).

Ивашура знал, что материал стены бетоном никогда не был — то же кремнийорганическое соединение, входившее и в состав псевдопаутины. Здесь влияние “зоны ужасов” почти не сказывалось, что являлось одной из нерешенных загадок. Ученые предполагали, что ощущение ужаса возникает у людей в зоне под воздействием какого-то излучения, но какого — было трудно разобраться, потому что все параметры среды у стены намного отличались от естественных в любом другом уголке Земли. Башня была чудовищной аномалией сама по себе, и вторичные эффекты, рожденные ею, еще не все были отмечены и зарегистрированы, не говоря уже — изучены и истолкованы.

— Расставляйте датчики полей цепочкой, — сказал Ивашура. — Анализаторы поставим прямо под стеной, им все равно, где стоять.

Они быстро установили приборы, включили, проверили настройку и собрались у трещины, расколовшей вал почти на всю глубину. Стенки трещины отблескивали металлом. Ивашура проследил направление трещины и увидел цепочку тусклых стальных пятен на поверхности парившего кое-где торфяного слоя.

— Вот это удача! — сказал он. — Здесь недавно произошел “капельный мертвый выброс”! А ну-ка поищем выход.

“Мертвые выбросы” — струи черной субстанции, превращавшей любые вещества и материалы в полиметаллический сплав, обычно извергались струями длиной в сто — двести метров, реже — с километр, и точки извержения в стене Башни тут же затягивались, исчезали. А точки выхода “капельных выбросов”, когда на землю ложилась очередь черных капель, зарастали медленно, в течение нескольких часов, но и встречались они несравненно реже.

Рузаев первым отыскал на стене неровное темно-серое пятно, края которого заметно отливали металлом. Пятно диаметром в пять метров располагалось на высоте человеческого роста почти у истока трещины, и веяло от него жаром, как от сталеразливочного ковша.

Михаил быстро измерил температуру пятна.

— Триста десять градусов!

— Регистраторы РФВ сюда, — приказал Ивашура. — Пару штук. Для граничных передач останутся еще два, этого достаточно. Что еще мы забыли?

— Вроде бы все сделали.

— Образцы, — подсказал Рузаев, устанавливая у стены под пятном регистраторы физических величин.

— Правильно, собираем образцы и мотаем отсюда, у меня предчувствие дурацкое…

Не мешкая, взяли образцы почвы в разных местах, Рузаев с большим трудом отколупнул пробоотборником крошку металлизированной трещины, попытался взять соскоб темно-серого пятна, но инструмент соскальзывал, а стоять долго у пятна было невозможно — начинал тлеть воротник полушубка и рукавицы.

— Назад! — приказал Ивашура, засняв всю панораму на пленку. — Бегом! Попрошу только не ломать ни рук, ни ног, ни головы.

— Ну, меня подгонять не надо, — пробормотал Гаспарян. — Я и так побью все рекорды по бегу.

Они спустились с вала вывернутого пласта болотной почвы и припустили к лесу и белой снежной полосе в двух километрах.

Пробежав “зону ужасов”, остановились отдышаться, запаренные, хватая чистый и холодный зимний воздух открытыми ртами, глядя на отодвинувшуюся гору Башни.

— Ничего, — сказал Гаспарян. — Зря напугал.

— Не зря, — возразил Рузаев, доставая бинокль. — По-моему, начинается “флаттер”.

Ивашура вскинул к глазам свой бинокль и увидел, как поверхность стены начинает рябить, по ней побежали волны, сначала редко и слабо, затем все чаще и сильнее. Потом и невооруженным глазом стала заметна вибрация стены: словно голубое мертвое озеро, потрясаемое крупной зыбью, поднялось вертикально. Донесся низкий стонущий гул, задрожала земля.

Они стояли с полчаса, смотрели на непонятное, противоречащее здравому смыслу явление и молчали. Ивашура закончил киносъемку Башни и опустил бинокль.

— Пошли, Миша, дай отбой границе, чтобы не, беспокоились. Кстати, мои часы остановились, сколько на твоих электронных?

Рузаев поднес руку к глазам и хмыкнул.

— Невероятно, но факт! Не видно цифр!

— Сдохли батарейки, — прокомментировал Гаспарян и лизнул с ладони снег.

— Да ведь я только полтора месяца назад их поменял!

Ивашура спохватился и махнул рукой:

— Дома разберемся.

И они побрели по снегу назад, к лесу, где располагался координационный центр экспедиции, или, как говорили все, штаб.

2

Ивашура не любил частых и длинных совещаний, на которых выступающие долго и нудно переливали из пустого в порожнее, поэтому старался как можно реже их созывать, зная, что время выявления истины путем мозгового штурма еще не пришло, до объяснения феномена Башни было неблизко. Но Старостин настоял собрать “пятиминутку”, как он выразился, чтобы ученые обменялись мнениями, высказали свои гипотезы и отношение к происходящему.

— Я многое увидел и узнал, — сказал он в качестве пролога к совещанию, — но почти ничего не понял, поэтому прошу всех изъясняться предельно просто, чтобы я потом мог повторить ваши доводы правительству. Думаю, главной проблемой в ближайшие дни станет проблема — как остановить рост Башни, потому что через десять-двенадцать расширений, пульсаций, как вы называете, Башня вторгнется на окраины райцентра Жуковка с населением в сорок тысяч человек! Кроме того, будет сметено с лица земли несколько поселков и деревень, леспромхоз и много более мелких объектов и предприятий. Вы задумывались над этим?

— Задумывались, — сказал Богаев. — И уже обращались к властям района и области с докладом о сложившейся ситуации. Пока что самое реальное на сегодняшний день — эвакуация населения близлежащих деревень, в том числе и райцентра.

— Легче сказать, чем сделать, — подал голос представитель Жуковского райисполкома. — Район и так уже потерпел миллионные убытки.

— А вы можете предложить иной выход?

— Конечно, могу. Разбомбить эту Башню ко всем чертям! Дешево и сердито! И нам спокойней, и людям не придется покидать обжитые места, и ученым останется, что изучать.

Поднялся шум. Комната “штаба” с трудом вместила всех начальников исследовательских групп и лабораторий, большинство присутствующих располагалось стоя, сидело всего десять-двенадцать человек.

— Тише, товарищи! — председательствующий, сухопарый Гришин, постучал по столу карандашом. — Прошу высказываться по очереди.

— К чему лукавить, — наклонился к уху Ивашуры Одинцов, кивая на председателя райисполкома. — В его предложении не только желание жить спокойно, но и доля истины. Уничтожение Башни — самый простой и дешевый способ избавления всех нас, да и десятков тысяч других людей, от тревог и забот. К сожалению, этот способ не гарантирует успеха.

— И другое, — добавил Ивашура, — тут вступают в силу принципы морали и этики, обойти или нарушить которые мы не вправе. Но я согласен с вами: вопрос уничтожения или разрушения Башни еще встанет перед нами в полный рост, если только она не остановит расширение.

— Предлагаю не обсуждать сегодня организационные вопросы, — сказал Богаев, — что делать руководству района, что нам, и как остановить рост Башни. Об этом пусть думают

соответствующие органы. Наше дело — изучение феномена, взаимодействие отрядов и их снабжение необходимым оборудованием и техникой. Дискутировать некогда, пусть начальники отрядов доложат свои мнения о тех объектах, исследованием которых они занимаются.

Он сел. Все посмотрели на Старостина, но тот молчал. Ивашура дал кому-то знак, встал бородатый, крупноголовый, похожий на писателя Юлиана Семенова, начальник группы физиков-ядерщиков из ОИЯИ.

— Наша группа изучает все электрофизические феномены, в частности — "мертвые выбросы", — начал он густым "протодьяконовым" басом. — Внешне это выглядит довольно безобидно: черная струя, похожая на струю дыма, длиной от двухсот метров до одного километра. Но все предметы, попадающие в эту струю, сохраняя форму, "вырождаются" в полиметаллические болванки! Цепочка ядерных превращений происходит почти мгновенно и абсолютно бесшумно, без видимых вторичных эффектов! Значение этого открытия трудно переоценить. Ведь перед нами технология будущего, причем очень далекого будущего: синтез любых тяжелых элементов из любых простых — водорода, кислорода, углерода, кремния!

— Пока что "мертвые выбросы"- стихийное бедствие похлеще утечки радиоактивных веществ типа чернобыльской, — подал реплику кто-то из стоящих у двери.

— Утечка радиоактивных веществ из реактора — не стихийное бедствие, — возразил чернобородый физик. — А "мертвые выбросы" в действительности гораздо менее опасны, чем утечки. Пользуясь случаем, прошу выделить дополнительные средства нашей группе, а именно…

Аудитория зашумела, послышался смех, восклицания, одобрительные и негодующие реплики, ворчливые замечания ученых старшего поколения.

— Но вы не объяснили, что такое эти ваши "выбросы", — сказал Старостин, переждав шум.

— А я не знаю, — ответил физик под дружный смех собравшихся. — Может быть, это праматерия, легендарный апейрон древних греков, первооснова всего сущего, а может, облако кварковой субстанции с дефицитом глюонов… — физик осекся. — Извините, проще объяснить гипотезу, пожалуй, не смогу.

Одинцов снова придвинулся к Ивашуре.

— Кто этот бородатый? Личность вроде знакома…

— Доктор физико-математических наук Меньшов. Ваше ведомство должно опекать таких крупных специалистов.

— Наше — нет, за других не ответчик. Просто почитываем научно-популярную литературу для общего развития. По-моему, я читал статьи этого Меньшова в физических журналах и в журнале "Природа", там даются портреты авторов.

Сквозь толпу пробрался к Ивашуре лейтенант Куща, нагнулся к уху:

— У Башни полчаса назад потерпел аварию вертолет авиаконтроля.

— Пострадавшие?

— Неизвестно. Экипаж вертолета — четыре человека: пилот и трое исследователей. На вызовы не отвечают.

— Где это?

— Северо-восток, со стороны деревни Спасово, примерно в километре от Башни. Их локаторщики вели, я узнавал, они же и сообщили.

Ивашура оглянулся на Богаева, сделал знак продолжать и выбрался из комнаты. Одинцов последовал за ним.

— Что будем делать? — он слышал разговор.

— Тревогу, во всяком случае, поднимать рано. Вот что, Толя, — обратился Ивашура к лейтенанту. — Дай предупреждение по линии, и пошли в точку падения ближайший наряд, и предупреди скорую. А мы подскочим по воздуху.

Лейтенант козырнул и скрылся в домике военного поста связи.

Возле штаба стояли два вездехода и вертолет, приданный штабу в оперативное пользование. Ивашура направился к нему, на ходу вытягивая антенну из плоской коробки рации.

— Диспетчера мне, — бросил он в решетчатое окошечко микрофона.

— Максимов слушает, — отозвался тенорком динамик “Тюльпана”.

— Коля, разыщи Гаспаряна и Рузаева, срочно, и пришли их к штабу.

— Михаил только что направился к вам, а Сурен пошел в вычислительный. Если нужно, и туда позвоню.

— Не надо, долго ждать. Отбой.

Ивашура щелкнул выключателем, задержал шаг.

— Вы пока садитесь в кабину, я сейчас.

Он забежал в один из домиков экспедиции, на дверце которого был намалеван красный крест в белом круге, и вернулся с миловидной девушкой, врачом отряда, накидывающей на ходу пальто на белый халат. Ивашура держал в руке медицинский саквояж.

Из-за деревьев показался Рузаев, заметив подзывающую руку Ивашуры, рысцой направился к ним.

— Заводи, — кивнул Ивашура пилоту и пропустил врача вперед.

Рузаев, не задавая вопросов, поднялся следом. Одинцов подвинулся, пропуская их в тесную, сдавленную вверху, кабину.

Пилот запустил двигатель, и через несколько минут они взлетели. Ушла вниз поляна с домиками экспедиции, машинами и радиостанцией. Горизонт раздвинулся, распахнулась палево-серая даль зимнего леса, у отодвинувшейся Башни стала заметна окружавшая ее черно-бурая полоса растаявшего грунта.

Ивашура снова включил “Тюльпан”, перещелкнул диапазоны.

— Связь-два, лейтенант у вас?

— Я здесь, Игорь Васильевич.

— Молчат?

— Наряд только что пошел, пока никаких сведений.

— Я имею в виду вертолет.

— Молчат.

Ивашура наклонился к пилоту.

— Давай вокруг Башни, на румбе северо-востока снизишься, будем искать.

Пилот шевельнул каменными скулами:

— Найдем, — и снова застыл, положив сильные руки на полукольцо штурвала.

В километре от Башни, закрывшей половину небосвода колоссальной, геометрически правильной горой, вертолет стало болтать в воздухе.

— Восходящие потоки, — пояснил пилот бесстрастно.

Ивашура не ответил, водя окулярами бинокля по курсу вертолета. Остальные тоже взялись за бинокли, даже врач. Смотреть было неудобно, сильно мешала болтанка, но терпели, вглядываясь до слез в бурое месиво внизу. С четверть часа длилось молчание, лишь Ивашура дважды запрашивал по рации лейтенанта. Наряд солдат застрял где-то у непроходимой топи и сообщить ничего нового не мог.

— Топь, — пробормотал Одинцов. — Вертолет не мог затонуть в трясине?

Ивашура тоже подумал о том же, но промолчал, продолжая осматривать местность под вертолетом. За него ответил Рузаев:

— Болото оттаяло только сверху максимум на полметра-метр, так что провалиться глубже они не могли.

— Вижу! — воскликнула вдруг врач и вытянула руку вперед. — Смотрите, вот он!

Пилот тоже увидел упавший вертолет и направил машину к Башне, потому что вертолет авиаконтроля лежал на полкилометра ближе, чем говорил лейтенант.

— Оранжевый? — удивился Одинцов.

— Чтоб виден был издалека, — пояснил Рузаев.

Башня приблизилась, угрюмая, голубовато-серая, в узорах черных пятен и ниш. Казалось, она кренится в их сторону и сейчас упадет, чудовищное творение неизвестных сил, нечто небывалое по земным масштабам и человеческим меркам, и поэтому противоестественное и таинственно-зловещее.

Одинцов покачал головой:

— И не боитесь же вы здесь летать! А если появится… этот, “глаз дьявола” или “мертвый выброс”? Как у вас соблюдается режим безопасности?

— Соблюдается, — отрывисто бросил Ивашура, готовясь открыть дворцу кабины и выпрыгнуть наружу. — Во-первых, сейчас “межсезонье”- середина периода между пульсациями, подвижками Башни, и активность ее низкая. То есть “мертвые выбросы”, “глаза дьявола” и прочие эксцессы учащаются по мере приближения пульсации, и за день до нее мы прекращаем выходы к Башне. А во-вторых, нас предупреждают пауки.

Одинцов изумленно посмотрел на начальника экспедиции:

— Пауки?! Пауки предупреждают вас о появлении “глаз дьявола”?

— Мы это сами поняли недавно, — проговорил Рузаев. — Но еще ни разу пауки не ошиблись. Как только раздается крик — где-то что-то обязательно вылезет.

В это время вертолет коснулся колесами грунта, слегка накренился. Ивашура открыл дверцу, спрыгнул на желто-бурую плешь сухой травы и, пригибаясь, отбежал в сторону. Рузаев спрыгнул за ним, и Одинцову пришлось помогать врачу сойти на землю, вздрагивающую под ногами, как живая.

Вертолет авиаконтроля лежал на боку с поломанными винтами, наполовину погрузившись в черную жижу, выступившую из-под прорванного верхнего слоя торфа, перегноя и корневой системы трав. Возле него никого не было видно.

Ивашура первым подбежал к вертолету, рванул дверцу на его пузатом, оранжевом, забрызганном грязью боку, заглянул в кабину.

— Что там? — подбежал Рузаев.

— Похоже, они ушли, никого нет.

Ивашура влез в кабину, пошарил там и высунул голову.

— Аппаратура вдребезги, а на пульте, по-моему, кровь…

И в это время совсем близко, у подножия Башни, до которой было рукой подать, закричал паук.

Одинцов уже слышал крик паука, но издали, с большого расстояния, поэтому он вздрогнул и схватился за диктофон, который он всегда носил с собой. Женщина-врач переступила с ноги на ногу, зажав уши.

— Пять секунд, — сказал Рузаев, когда леденящий душу крик стих.

— Шесть, я засек сразу, — быстро проговорил Ивашура — О черт, только этого нам не хватало! “Глаз” или “выброс”, одно из двух. Надо же напороться!

— Это я сглазил своими разговорами, — сказал Одинцов — Что же мы стоим? Бегом в вертолет и…

— Больше шансов отправиться в рай без билета. Нет, придется остаться. Никакая защита не спасет, если нас зацепит гамма-луч или язык “мертвого выброса”. Будем уповать только на авось.

Одинцов хотел еще раз напомнить свои недавние высказывания о режиме безопасности, но посмотрел на врача и передумал. К тому же он понимал, что они были вынуждены рисковать, идя на помощь пострадавшим.

— Странно, что мы их не заметили, — сказал Ивашура, вспомнил о рации и вдавил пуговку включения. — Связь-два, что нового? Мы, кажется, влипли: только что паук пропел серенаду предупреждения.

— Мы слышали, Игорь Васильевич. Поднимаю в воздух тревожную группу.

— Ни в коем случае! Осталось минуты две, они не успеют. Вертолет мы нашли, но в нем никого нет. Очевидно, экипаж почти не пострадал и скоро выйдет к оцеплению сам. Пошли навстречу на всякий случай второго врача.

— Понял. Но, Игорь, позволь хотя бы…

— Все! — Ивашура выключил рацию и посмотрел на врача. Девушка казалась внешне спокойной, хотя и мяла в руке снятую перчатку. — Попали мы в переплет, Ирина. Будет о чем рассказать детям, а?

Врач благодарно улыбнулась, краска вернулась на ее щеки.

— Это когда еще будут дети…

Рузаев сбегал к своему вертолету, пилот которого остался абсолютно равнодушным ко всему происходящему, и принес кинокамеру на ремне.

— Началось, — сказал он. — Нам повезло, редко кто наблюдал мини-извержение Башни в такой близи.

Одинцов присмотрелся и увидел, что на голубой с черным стене проступили светлые полосы, засеребрились, засияли и на землю хлынул водопад искр. Сильно зашипело, к людям принесло волну свежести, мех на шапках встал дыбом, при каждом движении одежда стала потрескивать.

— И вовсе это не “глаз”, — пробормотал Рузаев, вскидывая кинокамеру.

— Электрический “дождь”, — кивнул головой Ивашура, напряженно вглядываясь в Башню. — Чувствуете, какая электризация воздуха?

Со стены Башни с высоты метров сто пятьдесят сорвалась синяя молния и вонзилась в вал у подножия. Резкий щелчок, словно удар колоссального кнута. Еще и еще раз. Снопы электрических искр стали гуще, шипение усилилось, словно из серпентария выползло полчище рассерженных гадюк, сияние постепенно охватывало весь исполинский ствол Башни, поднимаясь снизу вверх.

Кожу на лице стало пощипывать, начали подергиваться лицевые мускулы и мышцы на руках, ногах и спине.

— Первый раз наблюдаю “дождь” такой силы! — сказал Ивашура и скомандовал: — Быстро в вертолет! — Зубы его замерцали призрачным зеленоватым светом. — Металлический корпус послужит экраном.

Они побежали к вертолету, при каждом прыжке ощущая болезненные покалывания в нервных узлах. В кабине буйство электричества прекратилось, перестали светиться зубы, нос, пальцы. Пилот только головой покачал, глядя на вакханалию света за стеклом кабины. Видимо, напряженность электрического поля продолжала нарастать, потому что начали светиться трава, почва, камни, упавший вертолет. Красивые изменчивые голубые и зеленые волны сияния накрыли болото метровым пушистым ковром.

— А где Михаил? — спросил вдруг Ивашура, бросив возиться в углу с какими-то приборами.

— Снимает, — сказал пилот.

Рузаев стоял на упавшем вертолете, окруженный электрическими сполохами, не отрываясь от видоискателя кинокамеры.

Ивашура ударил ногой в дверцу, высунулся по пояс и закричал:

— Михаил, в кабину! Живо!

Рузаев оглянулся, опустил кинокамеру, и в ту же секунду словно судорога передернула Башню: она искривилась, заколебалась, как мираж, готовый растаять, исказился горизонт. “Судорога” пробежала от Башни по земле, перечеркнув оранжевый бок вертолета с человеком на нем, какие-то странные светящиеся фигуры встали над болотом, полетели световые стрелы и копья…

Вертолет с людьми качнулся. Ивашура едва не вывалился наружу, но пилот успел удержать его за полушубок. Один из светящихся лоскутов воткнулся в лобовое стекло кабины. Жгучий свет залил все вокруг, ослепленные люди попадали на пол, закричала Ирина, и вслед за световым ударом в кабину ворвалась тьма…

Ивашура пришел в сознание первым. Ломило в висках, все тело казалось водянистым и рыхлым, отказывалось повиноваться. Пилот полулежал на своем командирском сидении с равнодушным видом, продолжая сжимать в окаменевших руках штурвал. Зашевелился

Одинцов, молча сел, ощупывая лицо ладонью. Ивашура нагнулся к врачу, легонько похлопал ее по щеке. Девушка вздохнула и открыла глаза.

— Будто из мясорубки вынули, — пробормотал Одинцов, с трудом встал, его повело в сторону, и он вцепился в спинку пилотского сидения.

Ивашура открыл дверцу и выглянул из кабины.

Почва, вывороченные пласты торфа, кочки, трава были покрыты странным серебристым налетом, словно инеем. В воздухе витали запахи металла и жженого волоса, отчего у всех запершило в горле.

Башня стояла на том же месте, такая же мрачная, темная и ощутимо массивная, вершиной уходящая в пелену облаков.

Ивашура тяжело спрыгнул на землю и дико оглянулся вокруг.

— Ничего не понимаю! Куда он делся? Михаил!

Потерпевший аварию оранжевый вертолет исчез, и вместе с ним исчез Рузаев.

— Не может быть! Где они подевались? Миха-ил!..

Издалека послышался нарастающий рокот, и над лесом показались вертолеты. Лейтенант-таки вызвал подмогу.

— Что это было с нами? — тихо спросил Одинцов.

— Мы попали в зону “призраков”, — отозвался пришедший в себя пилот, словно одним словом мог объяснить все происходящее.

3

В поисках таинственным образом исчезнувшего Рузаева участвовало пять военных вертолетов и отделение солдат под командованием лейтенанта Кущи, но найти эксперта не удалось. Не удалось отыскать и разбитый вертолет авиаконтроля, и это обстоятельство заставляло искать нетривиальные объяснения их исчезновения.

В домике штаба попискивал пульт селектора, доносились переговоры исследовательских групп — рации всех групп работали на одной частоте. У пульта селектора сидел хмурый Ивашура и слушал Богаева. У перегородки возле рации спецсвязи устроился радист с наушниками на голове, второй что-то тихо ему втолковывал, иногда оглядываясь на Ивашуру.

Одинцов стоял у окна, сложив руки на груди. Старостин ходил от перегородки до ряда стульев, иногда шумно вздыхая.

— Надо прекратить походы к Башне, — сказал он наконец, останавливаясь у окна. — Иначе будут новые жертвы.

— До сегодняшнего дня жертв не было, — проворчал Богаев. — А исчезновение Рузаева, возможно, вполне объяснимо…

— Конечно, объяснимо: распался на атомы! Подходит такое объяснение?

— Нет, здесь все не так просто, — возразил Ивашура. — Эксперты сделали анализ образцов грунта в том месте, и оказалось, что состав верхнего слоя почвы в зоне появления “призраков” не соответствует составу окружающих зону почв.

— Ну и что?

Ивашура помолчал.

— Есть идея, но высказывать ее преждевременно. Извините.

В домик вошел Гаспарян, стряхнул снег с шапки, разделся и прошел во вторую комнату, причесываясь на ходу.

— Снимай поиск, — сказал он Ивашуре. — Местность открытая, искать больше негде. Провалиться в болото вертолет с Мишей не мог, мы проверили — там выход глины, толщина верхнего слоя с торфом всего около двух метров.

Ивашура посмотрел на Одинцова, одетого в свою полковничью форму, тот еле заметно кивнул.

— Хорошо, ты прав, Виктор, передай поисковикам отбой.

Радист встрепенулся и потянулся к панели рации.

Гаспарян сел, аккуратно поддернул брюки; все молча смотрели на него, будто на вестника беды. Старостин снова зашагал из угла в угол, радист передал в эфир приказ Ивашуры, и в домик вернулась прежняя тишина.

— А что с экипажем упавшего вертолета? — поинтересовался Одинцов. — Причину аварии установили?

— Причина довольно необычна. — Гаспарян хмыкнул. — Они летели на высоте около трехсот метров и работали с регистраторами полей и частиц, настраивали лазерный спектроскоп. А потом вдруг, по словам пилота, вертолет "дернуло" к Башне с такой силой, что двигатель заглох. Ну, и грохнулись, естественно.

— Что значит "дернуло"?

— То, что вертолет попал в какой-то "притягивающий конус". Толчок был так силен, что они пролетели по направлению к Башне больше четырехсот метров! Побились, конечно, здорово. У пилота сломаны два ребра и разбита голова, у остальных то поломана рука, то выбиты зубы, вывихи, ушибы, содрана кожа…

— Хорошо, хоть живы остались! Неужели открыли новое явление? Никто из исследователей не сообщал раньше ни о чем подобном.

— Вот поэтому я и говорю — следует прекратить вылазки и полеты к Башне, — сказал Старостин. — Мартын Сергеевич, надо пересмотреть режим безопасности исследований, и немедленно. Игорь Васильевич, — заместитель председателя Верховного Совета повернулся к Ивашуре, — вы же понимаете, что первым делом с нас спросят за людей, за соблюдение норм безопасности, а уж потом за ход исследований. Подходить к Башне опасно, и если до сих пор обходилось без жертв, так это чисто случайно, а не из-за применения мер предосторожности. То, что вас "предупреждают" пауки, — не довод.

Старостин вытер платком лоб, сел, снова встал. Он был взволнован, раздражен и не скрывал этого.

— Что мне докладывать в Москву? Что такое Башня — вы не знаете, чего от нее ожидать дальше — тоже не знаете. А знать необходимо, иначе проглядим катастрофу.

— Доложите, что есть, — пожал плечами Богаев. — К сожалению, рост Башни вывел ее за пределы чисто научных проблем, добавил социального и политического звучания, отмахиваться от этого нельзя. Вопрос эвакуации населения района из опасной зоны — вопрос социальный, бытовой, психологический, экономический, финансовый и так далее. Его надо решать в первую очередь, время не ждет.

На панели рации загорелся глазок индикатора, радист поправил наушники, выслушал и сказал подошедшему Ивашуре:

— Посты наблюдают "глаз дьявола", аппаратура сейсмологов регистрирует подземные шорохи.

Ивашура кивнул, повернулся к остальным.

— Извините, товарищи, я вас покину. Владлен Денисович, ты тут без меня…

Богаев исподлобья посмотрел на Старостина:

— Хорошо, Игорь Васильевич.

Ивашура кивнул Гаспаряну, они оделись и вышли.

— Похоже, приближается очередная "пульсация", — сказал Ивашура уже в кабине вертолета. — Башня активизируется. Больше ничего не нашли?

Гаспарян вопросительно посмотрел на товарища:

— Ты имеешь в виду Мишины вещи? Ничего, — он помолчал; пилот поднял легкую машину в воздух. — Правда, ближе к стене ребята нашли останки двух пауков. Такое впечатление, будто ими выстрелили из пушки. А в стене напротив того места, где упал вертолет контроля, на высоте трехсот метров обнаружился глубокий провал, словно часть стены рухнула внутрь.

— Вот как? На высоте трехсот, говоришь? И вертолетчики шли на той же высоте… Совпадение?

— Не знаю; но меня это насторожило. Надо бы дать задание экспертам специально понаблюдать за стеной и попытаться обнаружить провал в момент образования.

Внизу проплыла дорога с идущей по ней грузовой автомашиной. Лес кончился, началось заснеженное поле колхоза “Жуковский”. Башня угрюмо нависала слева, придавая пейзажу гротескную нереальность декораций.

У опушки леса стояли военные палатки, а чуть поодаль, на холме, неторопливо махала и вращала антеннами радиолокационная станция.

Вскоре вертолет пошел на снижение и опустился у кромки леса на другой стороне поля возле штабелей бревен и куч хвороста. В поле уходила цепочка бревенчатых вышек разнокалиберной высоты — от восьми до двенадцати метров. Из окон вышек, обращенных к Башне, торчали стволы стереотруб, кино- и фотоаппаратуры, рога и решетки звуковых антенн, окуляры лазерных дальномеров и спектроскопов.

Ивашура зашел в один из двух передвижных домиков и вскоре вернулся с бородатым физиком по фамилии Меньшов, которого звали Виталием Борисовичем. Физик подал руку Гаспаряну, и они направились к ближайшей вышке.

Верхняя площадка вышки была огорожена и походила издали на скворечник. К ней вели десять пролетов крутой лестницы с заледеневшими ступеньками. Чем выше поднимались люди, тем сильнее становился ветер. У самой площадки он, в сочетании с морозом, пронизывал одежду насквозь.

На площадке было чуть теплее. В сторону Башни смотрела подзорная труба на треноге, кинокамера и крупнокалиберный пулемет, у которого возились двое парней в танковых шлемах. Третьим оказался профессор Гришин, поглядывающий в окуляр трубы и записывающий что-то в блокнот.

— Константин Семенович? — хмуро удивился Ивашура. — Вы-то как здесь оказались?

— У них аппаратура лучше, — сказал Гришин серьезно. — Вот и забрел.

Бородатый Меньшов блеснул крупными зубами:

— Аппаратура у нас действительно неплохая, но Константин Семенович явился к нам по другому поводу Предлагает провести один совместный эксперимент.

Ивашура хмыкнул:

— Интересно. Что же это за эксперимент, который может заинтересовать физика и эколога одновременно?

— Ничего противозаконного, — усмехнулся тонкими губами Гришин, пряча блокнот. — Моя специальность — экология человека. Позволю напомнить, что это направление экологии изучает общие закономерности взаимоотношений природы и общества. Подчеркиваю: природы и человека, а не сообществ растительного и животного мира.

Ивашура прильнул глазом к окуляру трубы.

— Вы хотите сказать, что объектом экологии может быть не только популяция или экосистема, но и техносфера?

— Совершенно верно Техносфера как часть экосферы Земли.

— А в качестве конкретного локального объекта вы избрали Башню, предполагая ее искусственное происхождение…

— С вами страшно разговаривать, вы все знаете наперед!

— Положим, не все, но, по имеющимся данным, человек эту Башню на Земле не строил, выдвигались гипотезы, что она сделана пришельцами, иными разумными существами.

— Вполне допускаю, однако это мало что меняет Башня — искусственное сооружение, значит — часть техносферы, пусть и не земной.

Ивашура вдруг насторожился, поднял руку, призывая к молчанию. От Башни докатился крик паука, ослабленный расстоянием.

— “Глаз дьявола”, — сообщил один из наблюдателей.

На стене Башни почти под самыми облаками разгорелся мигающий желтый зрачок,

продержался с полминуты и погас. Зазвонил телефон. Меньшов снял трубку, выслушал, буркнул: “Хорошо”, — и положил трубку.

— Две тысячи рентген в импульсе, дальность затухания около пятнадцати километров. Это уже пятый “глаз” за сегодняшний вечер. Активность Башни растет не по дням, а по часам.

— Завтра вечером или ночью будет пульсация, — кивнул Ивашура. — Готовьтесь. — Повернулся к Гришину. — Итак, Константин Семенович, что за эксперимент вы предлагаете провести?

— Не один, а целых два. Первый — попробовать опустить зонд с телеаппаратурой на Башню сверху, на ее размытую вершину. А еще меня интересует “зона ужасов”. Никакого излучения — ни частиц, ни полей — аппаратура, установленная в самой зоне, не регистрирует, тем не менее какое-то поле, вызывающее у людей ощущение страха и другие негативные эмоции, должно существовать. У биологов есть датчики, которые могут замерить биотоки, “электрические наводки” в нервных окончаниях и узлах Надо просто нацепить эти датчики и побродить по зоне.

— Ну, вы и садист, Константин Семенович! — пробормотал Гаспарян

Физики засмеялись Гришин тоже улыбнулся

— Я предлагаю в качестве “кролика” себя.

— Суть ясна, — произнес Ивашура. — Но в последнем случае не вижу связи с физиками. Скорее, это должно интересовать биологов и медиков. Ах нет, простите, понял. Излучение?

Бородач кивнул.

— Нас тоже интересует излучение. До сих пор человечество знало только три вида излучений: электромагнитное — от сверхдлинных радиоволн до жестких гамма-лучей, гравитационное и излучение частиц от адронов — протонов, нейтронов, мезонов, до лептонов и разного рода пси, кси и других странных частиц. Если мы не обнаружим в “зоне ужасов” какой-нибудь из перечисленных видов излучения, значит, либо наши теории неверны, либо существует излучение, о котором мы ничего не знаем.

— Может быть, инфразвук или ультразвук?

— Звукорегистраторы молчат, по сообщениям соседей.

Соседями физиков-ядерщиков были физики лаборатории звука.

— Ну, у них еще есть неиспользованные возможности, — заметил Гришин. — Я был у них, они готовят к запуску в “зону ужасов” какой-то сверхчувствительный звукозаписывающий аппарат.

Ивашура задумался, нахохлившись, спрятав руки в карманы полушубка. Заверещал телефон. Меньшов снова снял трубку, выслушал, буркнул: “Здесь”, — и передал трубку начальнику экспедиции.

Звонил Богаев.

— Старостин говорил с Москвой, — сказал он с сопением. — Приедет кто-то из ЦК.

Ивашура молчал.

— Ты слушаешь?

— Да.

— Пульсация скоро?

— Вероятно, ночью. Слушай, Владлен Денисович, что ты за душу тянешь? Выкладывай, что там произошло.

Богаев помолчал, прочистил нос и сказал:

— Звонили из метеоцентра. Башня изменила метеообстановку в районе. Мы-то в спокойной зоне, аналогичной “глазу тайфуна”, а в округе в радиусе ста километров начались ураганные ветры, метели, снегопады с градом.

— Разберемся, — Ивашура положил трубку, постоял с минуту, кивнул на пулемет. — А это чудо у вас откуда? И зачем?

— Хотим пострелять по Башне, — Меньшов подождал реакции гостей, но оба умели

сдерживаться. — С этой стороны “мертвые выбросы” появляются чаще, вот мы и решили в момент фонтанирования черной струи выпустить в нее очередь пуль из разного материала. А потом проверим, в какое вещество превратились пули.

Ивашура поманил пальцем Гаспаряна, шагнул к лестнице.

— Так что, Василич, — сказал ему в спину Меньшов, — насчет “зоны ужасов” договорились?

— Я подумаю, — не оборачиваясь, ответил Ивашура.

У подножия вышки он остановился, посмотрел на свинцовое небо, подождал Сурена.

— Давай-ка еще раз поищем Михаила. Не верю я, что он погиб.

— Да и я тоже, — оживился Гаспарян. — Миша не такой человек, чтобы пропасть не за здорово живешь… — Он осекся, вспомнив странное исчезновение Ивана Кострова.

Ивашура косо посмотрел на него, понял и вздохнул.

— Вот-вот, с пропажей Ивана тоже не все ясно. Есть шанс на возвращение. Не идет у меня из головы тот случай с ним, помнишь? “Сон”, когда он пропал куда-то в “мезозой”…

— Как не помнить. Галлюцинации от воздействия инфразвука…

— А если нет?

Гаспарян в замешательстве поскреб подбородок.

— Черт его знает! Ты всерьез думаешь, что он “путешествовал” во времени?

— С одной стороны, вроде бы чистейшей воды фантастика. Ну, а с другой… чем не фантастика — Башня? Да и вспомни наши странные находки вокруг Башни: часть скелета диметродона, череп зауропода, кости диатримы… Откуда они в брянском лесу?

Гаспарян глубже нахлобучил шапку и поправил рукой шарф.

— Не задумывался, честно говоря. Пошли, а то дуба врежу от холода. Все же человек я южный, теплолюбивый.

Они облетели Башню кругом, побывали в лагерях Института физики Земли, лаборатории радиофизики и радиолокации, отделения физикохимии, у биологов, геофизиков и медиков, в вычислительном центре. До того, как стемнело, успели еще раз обыскать место, где пропали Рузаев и разбитый вертолет авиаконтроля, но ничего и никого не нашли. К Башне подходить близко не рискнули: стена ее с этой стороны все еще светилась пятнами, хотя и слабо. К тому же близилась очередная пульсация, и частота появлений всякого рода сюрпризов увеличивалась с каждой минутой.

Шел десятый час вечера, когда Ивашура закончил перекличку постов вокруг Башни, оставил в штабе вместо себя Богаева и вышел из теплушки в морозную темь. За ним увязался Одинцов, накидывая на ходу ватник.

Лес вокруг шумел, темный, мрачный, враждебный, замерзший. Призрачное сияние Башни не могло рассеять мрак ночи, и Башня вырастала из тьмы чудовищной стеклянной колонной, заполненной жидким светом, чуждой всему лесу, простору, земле. Облака вились вокруг нее живыми змеями, зажигались фосфорно и дымно, исчезали в мутной пелене остальных облаков. Иногда в стенах Башни рождались злые зеленые звезды, вспухали сияющими облачками, расплывались и осыпались вниз золотым дождем. Ветер приносил гулкие громовые раскаты и пронзительный клокочущий свист.

— Светопреставление! — пробормотал Одинцов.

Ивашура оглянулся, но не ответил. Он думал о Рузаеве, Кострове и девушке-журналистке, пропавших без вести. Думал, что мощь и масштабы небывалого явления превосходят все известное в истории человечества, что пауки не зря отпугивали людей от паутинного шатра, что Башня, скорее всего, свидетельство какой-то аварии в “паучьем измерении”, а не инструмент для контакта иного разума, но доказать это будет не очень просто, если не совсем невозможно. Как говорил Экзюпери: “Истина — это вовсе не то, что можно убедительно доказать”. А главное, судя по всему, скоро наступит такой момент, когда сугубо моральные категории добра и зла обретут свинцовый вес решения и вопрос контакта обернется вопросом небывалого конфликта…

Золотое сияние Башни заколебалось волнами. Впечатление было такое, будто Башня

занавешена развевающимися под ветром ажурными занавесками. “Куски” сияния отрывались от общего “полотна” и медленно плыли к земле, постепенно истаивая снопами искр. Слева на боку Башни загорелся громадный синий проем “телеэкрана”, но из-за сияния невозможно было разглядеть, что он показывает.

И вот началось.

Сначала где-то далеко зародился низкий, едва слышный звук, постепенно ушедший в область ощущений, поставляемых не ухом, а прямо нервными узлами тела. Ивашуре показалось, что воздух загустел, завибрировал, и эта дрожь вошла в кончики пальцев, в спинной хребет, череп и еще глубже — в мозг. Появилось ощущение постороннего взгляда, готовящегося нападения, некоей приближающейся беды…

От Башни донеслись знакомые крики пауков, ослабленные расстоянием.

— Инфразвук? — коротко спросил Одинцов, склонив голову набок.

— Похоже. Предупреждение и отпугивание одновременно. Держитесь, сейчас начнется пульсация.

Одинцов послушно расставил ноги шире, и в ту же секунду земля дернулась под ногами, раз, другой, третий… Ивашура устоял, но для полковника серия толчков оказалась неожиданной. Лежа на боку, он увидел, как Башня вспыхнула алым сиянием сверху донизу, скачком увеличила диаметр. Земные недра отозвались грохочущим гулом, заглушившим все звуки. Гул оборвался каменным стоном, лавиной тресков и ударов, и все стихло. Земля перестала дергаться и дрожать. В лес вернулись свист ветра, шорохи и скрипы деревьев.

Башня еще некоторое время багрово светилась, потом свечение потускнело, ушло в черноту инфракрасного диапазона. Исчезло и электрическое сияние стен. Башня перестала быть видимой, превратившись в мертвую каменную, а может быть, и металлическую гору. Лишь в тучах вокруг ее ствола иногда вспыхивали зарницы, словно напоминая людям, что она не исчезла.

Хлопнула дверь.

— Игорь? — раздался голос Гаспаряна, для которого темнота с яркого света помещения была абсолютной.

— Здесь я, — отозвался Ивашура.

— Диаметр Башни увеличился на полтора километра.

— В прошлую пульсацию на два. Что говорят сейсмологи?

— Пять баллов. В Жуковке около четырех. Как обычно. Радиофон тот же, разве что затухание атмос-фериков на ультракоротких увеличилось.

— Готовь вертолет.

Гаспарян, спотыкаясь в темноте, удалился к дежурке.

— Зачем вертолет? — спросил Одинцов. Ивашура долго молчал.

— Посмотрим, не обнаружился ли Михаил.

Одинцов хмыкнул, потер уши — мороз стоял нешуточный, градусов двадцать, и ушел в теплушку штаба. Через минуту вернулся уже в шапке.

— Я с вами, если не возражаете.

Ивашура молча повернулся и зашагал к стоянке машин в сотне метров от домиков экспедиции.

Облет Башни ничего не дал.

Вал дымящейся земли у ее подножия вырос еще на несколько десятков метров в высоту и метров на пятьдесят в ширину. Примерно на полкилометра от него шла полоса изломанного, исполосованного трещинами, рытвинами и буграми верхнего почвенного слоя замерзшего болота и земли полей. Кое-где со стороны западных стен Башни, где располагались топи, проступила сквозь слой торфа вода и разлилась коричневыми лужами, заметными издалека по струям пара.

Зона разрушений и изменений рельефа заканчивалась в трех — четырех километрах от стен Башни, и это обстоятельство озадачило Одинцова.

— Я ожидал большего, — сказал он, не отрываясь от окуляров бинокля. — Во всяком

случае, землетрясение силой в пять баллов в эпицентре создает гораздо больше разрушений рельефа. Видел собственными глазами.

— И нас это удивляет, — ответил Гаспарян, также не отрываясь от бинокля; в кабине их было четверо — пилот, Ивашура, Одинцов и Сурен.

Вертолет летел на высоте полутораста метров над заснеженной целиной болота — там, где оно не было затронуто расширением Башни. Эллипсы прожекторного света то вспыхивали и искрились на снегу, то темнели на островках травы, черных ледяных зеркалах и пластах торфа.

Сделали один круг, потом второй. На третьем Ивашура опустил бинокль и буркнул в спину пилоту:

— Поворачивай домой, Витя.

И они полетели к лагерю, не глядя друг на друга, думая каждый о своем.

После ужина Ивашура, почти не притронувшийся к еде, пожелал всем спокойной ночи и ушел в свой вагончик. Когда он разделся и лег на топчан, в вагончик без стука вошел Михаил Рузаев…

4

Весть о том, что вернулся пропавший без вести при странных обстоятельствах эксперт Рузаев, облетела лагерь за минуту, и в вагончик, где спали эксперты Центра, набилось около двух десятков людей. Ивашура, терпевший нашествие до поры до времени, наконец почувствовал холод — дверь почти не закрывалась, перекричал шум, и как был — в трусах, вытолкал всех за порог. В комнате остались Богаев, Одинцов, Гаспарян, эксперт Валера, так и не проснувшийся в общем гаме, и Рузаев.

Выглядел виновник торжества, как после драки с дикими котами: одежда располосована на ленты и клочья, на лбу и под глазом синяки, на щеке глубокие царапины, такие же царапины на шее и руках. Невозмутимый, как и всегда, он напился из чайника, отдышался и начал переодеваться, словно не замечая взглядов товарищей и затянувшегося молчания.

Ивашура поймал взгляд Богаева и натянул брюки. Гаспарян, бурча, что, мол, выхолодили весь дом, подкинул в печурку сосновых поленьев. На лицо его лег желтый отсвет огня.

Наконец, Рузаев переоделся, умылся, залепил царапины пластырем, еще раз глотнул воды и сел у длинного деревянного стола во весь вагончик.

— Дайте закурить, — попросил он в пространство.

— Ты же бросил! — удивился Гаспарян.

Рузаев протянул руку, взял из рук Одинцова сигарету и закурил.

— К сожалению, кинокамеру я потерял, — сказал он. — А рассказывать не умею.

— Где ты был? — хрипло спросил обретший голос Ивашура.

— Не знаю. Когда появились “призраки”, я снимал “телеэкран”.

— Мы же кричали! Не мог снимать из вертолета?

— Дело в том, что мне показалось, будто “телеэкран” показывает лицо человека… точнее, лицо Вани Кострова.

В комнате наступила тишина. Потом Ивашура, пряча плескавшуюся в душе радость, сел на свою разверстую полку-кровать, посмотрел на Одинцова.

— Только лицо? Какое?

Рузаев поднял недоумевающий взгляд.

— Ну, имею в виду, живое или… с закрытыми глазами?

— Вроде бы живое. Один глаз у него был прищурен, словно он целился. Потом меня что-то ударило по затылку. — Рузаев пощупал затылок, в глазах его снова отразилось недоумение. — Ничего нет, не болит. Вот лоб болит…

— Ты, наверное, перепутал, куда тебя шарахнуло, — вставил Гаспарян. — А то

получается — били в затылок, а шишка вскочила на лбу. Кстати, кто бил-то?

— А пес его знает! Говорю же — сзади ударило. Очнулся — кругом светящийся туман да земля под ногами, и ничего больше не видно. Где Башня, где вы, где вертолет — не понять. Ну, я встал и пошел. Жарко, душно, сыро… Горизонт — вот он, под носом, а дойти невозможно. Шел я, наверное, часа два. Земля твердая, в трещинах, идти легко, тишина — аж в ушах звенит! Ну, потом стал замечать, вроде тени движутся, то впереди, то сзади, а разобрать опять-таки не могу. Побежал за одной и… вот. — Рузаев кивнул на кучу своего рваного обмундирования. — Так и не понял, что за нечистая сила меня крутила. Зацепила, попинала, исцарапала и бросила, причем бесшумно, отчего мне самому взвыть захотелось.

Рузаев передохнул, прополоскал рот глотком воды. Все молча смотрели, как он это делает.

— Ну вот. Потом увидел — вроде как просветление впереди обозначается. Поднялся, побежал и… вывалился прямо на снег! Рядом Башня, все гудит, рычит, грохочет! Понял — пульсация. Ну, и бегом в лес, пока не нашел лагерь.

— Скажи пожалуйста! — Богаев помолчал, откашлялся. — М-да! Только нечистой силы нам и не хватало. Может быть, Михаил, тебе все это померещилось?

Рузаев пожал плечами.

— Не хотите верить на слово — проверьте. Как говорил философ: “Существует только один заменитель воображения — опыт”[5].

Гаспарян иронически приподнял бровь, хотел вставить какое-то едкое замечание в адрес Рузаева и его эрудиции, но посмотрел на Ивашуру и передумал.

— Ладно, утро вечера мудренее, — сказал Ивашура. — Предлагаю отложить анализ рассказа Михаила на утро. Главное, что он… — Игорь хотел добавить: главное, что Михаил жив, — но сдержался.

Одинцов пожелал всем хорошо отдохнуть и ушел. Гаспарян разделся, нырнул в свой спальник с головой: он спал под Ивашурой. Богаев посидел еще несколько минут, растерянно поглядывая на Рузаева. Ему хотелось поговорить, но он боялся показаться смешным.

— Поешь, — спохватился Ивашура. — У нас есть банка сгущенки и хлеб. Сурен, куда ты дел сгущенку?

— В шкафу с обувью, — ответил Сурен из спальника.

Рузаев подумал и согласился.

— Можно и подкрепиться, оголодал маленько.

— Звонили из райкома, — проговорил Богаев, не глядя на Ивашуру. — Толчки пульсаций разрушают здания города, жертв пока нет, но…

Ивашура молча залез в спальный мешок.

Богаев посмотрел на него с некоторой рассеянностью, покашлял в кулак.

— У них тут в десяти километрах газопровод, боятся, что трубы не выдержат…

Молчание.

— Надо что-то делать, Игорь.

— Надо, — отозвался наконец Ивашура. — В первую очередь надо создать правительственную комиссию, которая только и правомочна решать все организационные вопросы.

Богаев оживился.

— Я тоже так думаю. Зачем нам одним брать на себя ответственность такого масштаба? Нужна компетентная… — Он замолчал, заметив взгляд Ивашуры, заторопился. — Ну, я тоже пойду. Желаю приятных снов.

Он ушел.

Рузаев ел сгущенное молоко и прихлебывал из чайника.

---

[5] * Джилет Берджес.

— Не думал, что старик так боится ответственности, — глухо проговорил Гаспарян из спального мешка. — Дома, в Центре, он казался мне более решительным. Возраст, что ли, подошел?.. Да минует нас чаша сия!

— Тебе это не грозит, — буркнул Ивашура. — Ты помрешь раньше, причем из-за длинного языка. Нигде от вас покоя нет. Михаил, сможешь показать место, где выбрался из “тумана”?

Рузаев подумал, не переставая жевать.

— Вообще-то не уверен, но попробую.

Ивашура больше ничего не спросил. Рузаев погасил свет в вагончике и лег сам. В наступившей тишине отчетливо похрапывал эксперт Валера, умевший ночью отключаться до состояния абсолютной нечувствительности к внешним раздражителям, потрескивали горящие поленья в печурке, да сквозь тонкие стенки просачивался в теплушку равномерный шум леса.

Наутро после завтрака Старостин собрался уезжать и перед отъездом собрал в штабе руководителей экспедиции и командиров приданных ей войсковых частей.

— Я убедился, что явление Башни не только уникально с научной точки зрения, — сказал он, — но и представляет огромную опасность для людей и несет колоссальные убытки хозяйству района. Поэтому следует принимать какие-то решительные меры. Первое и самое важное — остановить рост Башни, второе — установить контакт с пауками, потому что именно они, с моей точки зрения, главные действующие лица во всей этой кутерьме. Мнения ученых о том, что такое Башня, я выслушал и понял, что оригиналов среди вас много, а истину вы видите только во сне, да и то не каждый. Примите это не как упрек вашей компетентности, задуматься и даже просто восхищаться есть чем. Я сейчас уезжаю, а дня через три ждите правительственную комиссию. Она и будет решать, что делать дальше. А пока выслушайте… ну, если и не приказ, то указание: к Башне ближе, чем на три километра, не подходить! Все намечающиеся эксперименты согласовывать прежде с начальником экспедиции Ивашурой. Риск свести к минимуму! Ясно? Но с другой стороны… — Старостин пожевал губами. — Ускорьте исследования, сведите накопление сведения в единую систему. Необходимо знать точно, что такое Башня, прежде чем принимать кардинальные меры. Вопросы ко мне есть?

Ученые и командиры молчали.

Старостин уехал. Одинцов улетел еще ночью, никого не предупредив. Ивашура передал бразды правления деятельностью штаба Гришину — Богаев уехал в райцентр, забрал Рузаева с Гаспаряном и отправился искать точку выхода Михаила из “тумана”.

Вертолетная стоянка по совету Старостина была перенесена на триста метров южнее, на лед замерзшего озерца, окруженного редким сосняком: отсюда было удобнее загружать машины аппаратурой, топливом, держать связь со всеми подразделениями экспедиции и с городом, благо дорога в город пролегала рядом. Сосны здесь росли какие-то жалкие, искривленные, будто пораженные болезнью. Дорога в райцентр пролегала, огибая озерцо, и исчезала в стене мрачного бора, за которым, как знал Ивашура, до самого города шло поле озимой пшеницы.

Вертолет поднялся выше сосен, и Башня выросла над лесом геометрически правильной голубовато-серой горой, неправдоподобная и неестественная этой своей геометричностью, расцветкой и размерами, не труба, не башня, не колонна — конец “земной оси”!

Ивашура включил рацию.

— Пятый, ответьте первому.

— Я пятый, вас слушаю, — отозвался командир роты оцепления.

— Отодвиньте посты на четыре километра от Башни. Ближе никого не пускать до особого распоряжения.

— Принял, выполняю.

— Связь-два, ответьте первому.

— Слушаю, Игорь Васильевич. — Характерный говорок Гришина.

— Переключите сеть оповещения на мой канал. Как только наблюдатели заметят что-нибудь подозрительное, пусть дадут знать.

— Хорошо, сейчас предупрежу.

Вертолет приблизился к Башне и пошел вокруг нее на высоте ста метров. Внизу медленно проплывала снежная целина, рощицы хилых осин, желтые и коричневые пятна высохшей болотной растительности, распаханное поле.

— Нет, надо подойти ближе, — сказал Рузаев. — Помню, что бежал по взломанным пластам земли.

Пилот искоса посмотрел на Ивашуру, и вертолет повернул к Башне. Под ним показалась перепаханная катаклизмом земля: валы, ложбины, трещины, холмы и провалы с зеркалами черной воды, курившимися белесыми дымками. Дальше, до подножия Башни, снега уже не было совсем, разрушения ландшафта все больше увеличивались, а потом шел дымящийся до сих пор почти двухсотметровый вал почвы, смятой давлением стен Башни.

— Похоже, здесь, — неуверенно проговорил Рузаев.

Пилот остановил машину в воздухе.

Рузаев несколько минут разглядывал местность под вертолетом, никто ему не мешал. Наконец, он указал рукой чуть в сторону:

— Кажется, у этой глыбы.

Ивашура кивнул, пилот повел вертолет на посадку. Рузаев первым выбрался из кабины, прошелся возле вздыбленной каменной плиты до трещины в земле, постоял задумавшись. Гаспарян подошел к нему, заглянул в трещину, хмыкнул, потом отошел к каменной глыбе.

— Гранит, — сказал он, всматриваясь в зернистую поверхность глыбы. — Откуда он здесь, в болоте? Кругом не то что гор — холмов порядочных нет.

Ивашура, оглядываясь по сторонам, приблизился к нему.

— Дропстон. След ледника. В здешних местах таких камней много. Ну что, Михаил? Здесь?

Рузаев, очнувшись, почесал за ухом.

— Не уверен, шибко темно было… Да и что нам даст место моего “воскрешения”? Объяснить, где я пробыл более двенадцати часов, оно не поможет.

— Как знать. Дело в том, что исчез ты тоже в этом месте. Упавший вертолет лежал чуть подальше, вернее, ближе к Башне. А эта глыба была еле видна, одна макушка торчала.

Рузаев снова начал разглядывать местность. Потом кивнул.

— Ты прав. Вертолет лежал левее и ближе к… — Он вдруг замолчал. — Посмотри-ка на тот бугор. Ничего не замечаешь?

— Где? — быстро спросил Ивашура.

Рузаев вместо ответа бегом направился к незамерзшей полынье в слое буро-коричневой жижи, из которой выглядывал коричневый гладкий пузырь. Гаспарян с Ивашурой побежали следом. Из жижи рядом с округлым бугром торчал кончик лопасти винта.

— Вертолет! — сказал Гаспарян. — Вот это называется везением! С воздуха черта с два заметили бы! Нарекаю это место Болотом нечистой силы… имени Рузаева!

Ивашура попробовал дотянуться ногой до бока вертолета, но едва не сорвался в яму с жижей.

— Сурен, — сказал он. — Принеси-ка щуп из кабины. — Потом вызвал по рации штаб. — Константин Семенович, мы нашли пропавший вертолет, вызови моих экспертов с аппаратурой, срочно.

— Слушаюсь, — бодро отрапортовал Гришин. — Где вас искать?

— Юго-запад от Башни, увидят. Пусть берут вертолет авиаконтроля, я позвоню в полк.

Ивашура созвонился с авиаполком и попросил доставить группу ученых на вертолете к Башне.

— Подождем, — сказал он, закончив переговоры.

Через полчаса прибыли эксперты с приборами и оборудованием. Найденный вертолет в болотном окне зацепили тросами, и военная машина вытащила его на сухое и ровное место.

Ивашура сначала помогал экспертам, потом оставил с ними Гаспаряна, а сам с военными летчиками обыскал сверху всю прилегавшую местность. Им удалось найти часть опоры электролинии с гроздью изоляторов и половину туши странного зверя, закованного в пластинчатую броню. И то и другое погрузили в вертолет и отправили в лагеря соответствующих лабораторий: биологической и физического анализа.

До вечера возились с разбитым вертолетом, потом и его перетащили в безопасное место, подальше от Башни.

Поздно вечером усталый Ивашура провел обычную перекличку, оставил дежурного по штабу и поплелся в свой вагончик, мечтая о горячем чае и горизонтальном положении.

В вагончике его ждала целая компания: комментатор радио и телевидения Гибелев, ведущая программы “Время” Вероника Ткаченко и журналисты из Москвы, корреспонденты ТАСС и АПН — две девушки и худенький парень в очках, одетый в костюм из коричневого вельвета.

— Здравствуйте, — поклонился Ивашура, раздеваясь и мысленно прощаясь с чаем и отдыхом. — Чем обязан?

— Мы по поводу вчерашних событий, — поднялся навстречу Гибелев, худой, с короткой стрижкой, в мешковатом пуловере; видимо, он был главным визитером. — Несколько организационных и технических вопросов. Разрешите? Днем поймать вас практически невозможно.

— Что с вами поделаешь, — Ивашура усмехнулся и прошел к столу. — Задавайте свои вопросы.

— Первый: разрешат ли нам завтра вести прямую телепередачу с близкого расстояния? Если да, то мы хотели бы, чтобы вы в ней участвовали.

— Не ближе двух километров. Но предупреждаю: помощи от нас не ждите.

— О, конечно, мы сами справимся, не беспокойтесь. Вести передачу будет Вероника, она у нас главный специалист по интервью с учеными.

Ткаченко, красивая брюнетка, одетая ярко и броско, оценивающе посмотрела на Ивашуру, улыбнулась крупными, умело подкрашенными губами и проговорила, как говорят все москвички, растягивая слова:

— Вячеслав, как всегда, преувеличивает. Просто мне везет на технических специалистов и ученых.

Голос у нее был хрипловатый, мягкий, выразительный.

— Простите, я не представился. — Ивашура встретил взгляд женщины и подумал, что она умеет держаться, что у нее красивый голос и красивые глаза. — Игорь Васильевич, начальник экспедиции. В неофициозе просто Игорь. Итак, следующий вопрос.

— Что случилось с экспертом вашего Центра Рузаевым, — спросил “вельветовый” корреспондент Агентства печати “Новости”. — Он пропал и снова появился…

— На этот вопрос я вам не отвечу, — спокойно сказал Ивашура. — Рузаев действительно исчез неизвестно куда во время выхода из Башни “призраков”, а потом так же неожиданно объявился на том же месте четырнадцать часов спустя. Где он был, в каком “измерении”, сказать не могу. Он, кстати, тоже.

— Объясните, пожалуйста, что такое “призраки”, — попросила соседка парня, пухлая блондинка в желтом свитере и джинсах.

— А заодно расскажите и об остальных ваших чудесах, — добавил парень, державшийся с подчеркнутой серьезностью.

Ивашура, прищурясь, оглядел компанию.

— Неужели вам еще никто ничего не рассказывал? Ну, хорошо. А ваш вопрос? — обратился он к последнему члену компании, женщине среднего возраста с лицом строгим, почти мужским, обладающей тяжелым властным взглядом.

— Курить можно? — спросила та.

Все засмеялись. Улыбнулся и Ивашура, хотя женщина ему не понравилась.

— Конечно, можно. Что ж, отвечаю на вопрос о “чудесах”.

Он сжато рассказал обо всех эффектах, связанных с Башней, показал несколько фотографий, которые оказались под рукой, и в это время пришел Рузаев, Гаспарян и эксперт Валера, возбужденные спором с молодыми представителями Госкомгидромета.

В вагончике сразу стало шумно, журналисты насели на экспертов, разговор стал общим, Ивашура, махнув рукой на отдых, приказал готовить стол.

Поставили чай, достали консервы, Валера сбегал на кухню за стаканами и хлебом, у Гибелева “случайно” оказалась бутылка “Киндзмараули”, “вез товарищу в качестве сувенира”, — как он объяснил, и первоначальный официальный тон разговора уступил место легкому застольному, дружескому, с шутками и анекдотами, которыми отличался Гаспарян.

Ивашура больше молчал, говорил скупо, все время чувствуя оценивающий взгляд Вероники. Ведущая программ Центрального телевидения тоже говорила мало, но за ее словами незримо присутствовала тактичная сдержанность умной женщины, Ивашура оценил это очень скоро.

Гибелев сначала разговаривал с Рузаевым, потом снова обратился к начальнику экспедиции:

— Ну, а ваше мнение, что здесь происходит? Что такое Башня? Вот мы все говорим, говорим, а никто прямо не скажет. Мы встречались с учеными разных направлений науки, у каждого есть своя точка зрения, и только эксперты вашего Центра уходят от прямого ответа.

— Наверное, потому, что мы привыкли опираться на здравый смысл и логику. — Ивашура иронически прищурился. — Мы скованы цепью фактов, не соединенных ни с якорем заблуждений, ни с кораблем надежд. Но и у нас есть кое-какие предположения. Я знаю, в стане ученых преобладает мнение, что с нами начинает контакт иная цивилизация, и многие факты как будто подтверждают это мнение. Вы их тоже знаете: пауки, не похожие на пауков и живых существ вообще, “мертвые выбросы”, “призраки”, сама Башня, наконец! Башня в этой гипотезе представляется космическим кораблем-автоматом, опустившимся на Землю и пробуждающимся от долговременного “анабиоза”. Есть и другое мнение, что Башня — лифт, вернее, станция передачи информации из “соседнего измерения” или из антимира, “вложенного” в наш материальный континуум.

Журналисты заговорили все разом, но Гибелев погрозил им пальцем, и они умолкли.

Ивашура задумался на несколько секунд, решая, выносить ли на суд гостей то, в чем он сам сомневался, потом махнул в душе рукой.

— Я не отношусь к числу оригиналов, отстаивающих заведомо обреченные на успех мысли. По-моему, Башня не связана с пришельцами из космоса или иных измерений, несмотря на нечеловеческие масштабы и всякого рода чудеса. Но вот со временем она каким то образом связана. Начать с того, что мы уже не раз обнаруживали вокруг Башни скелеты и даже свежие останки доисторических животных, двое из наших специалистов “видели” пейзажи палеозоя, трижды отмечены случаи с несовпадением отсчета времени механическими и электронными часами вблизи Башни, физики зафиксировали на микроуровне нарушения причинно-следственных связей, и главное — случай с Михаилом. Он, по его часам, пробыл в “тумане” около двух часов, а на самом деле отсутствовал четырнадцать часов с минутами и вышел в том же месте, где исчез.

— Что же, по-вашему, Башня — машина времени? — спросила блондинка, не сводящая круглых глаз с начальника экспедиции.

— Определять не рискую, — покачал головой Ивашура. — Машина не машина, однако время вблизи нее течет не так плавно, как в других районах Земли. Наш молодой коллега Валера назвал Башню “преобразователем времени”. Якобы Земля вмещает огромное количество цивилизаций, неощутимых друг для друга потому, что каждая из них существует во времени, “повернутом” относительно другого времени на какой-то “угол”. Вот с нами и хочет познакомиться одна из соседних цивилизаций, создавшая нечто вроде хрономоста из своего “угла времени” в наш.

Журналисты снова попытались задавать вопросы, но Гибелев решительно встал и поднял руку:

— Коллеги, пора и честь знать. Уже второй час ночи. Все вопросы завтра, хозяева устали за день больше, чем мы.

— Да я, вообще-то, готов хоть сейчас… — пробормотал Валера, косивший на Веронику голубые бесхитростные глаза.

Все засмеялись, даже мужеподобная журналистка, курившая одну сигарету за другой. Журналисты и телекомментаторы стали прощаться. Ивашура подал Веронике ее белую шубку, накинул на плечи свой видавший виды кожаный полушубок и вышел следом.

Шел второй час ночи, и небо вызвездило. Башня на этом искристом фоне выглядела колонной тьмы, перечеркнувшей звездный узор, нематериальная, полная той неестественной черноты, которая бывает только глубоко в подземелье.

Что-то вспыхнуло там, в вышине, у вершины черной полосы, посыпались долго не гаснущие искры, словно окалина с проводов от токосъемов троллейбуса. Издалека сквозь тишину — ветер тоже утих, впервые за много дней, — докатился тонкий понижающийся вой. В вагончике зазвонил телефон. Гаспарян, провожавший гостей, нырнул в дверь и через минуту появился снова.

— “Глаз дьявола”, первый после пульсаций.

— Да, это грандиозное явление! — тихо проговорила Вероника, спрятав руки в рукавах шубки. — В нем есть нечто инфернальное, внушающее слепой ужас. Помните, у Пушкина:

А там в безмолвии огромные чертоги
На своды опершись, несутся к облакам…

— Не здесь ли мирны дни вели земные боги? Не се ль Минервы росской храм? — так же тихо докончил Ивашура.

Вероника оглянулась, глаза ее отразили иглы звезд.

— Вы не откажетесь завтра повторить свою гипотезу для телезрителей? Или и вы смелы только в маленькой компании дилетантов?

Ивашура засмеялся:

— Не откажусь, хотя предчувствую, что меня будут бить коллеги. Заходите к нам в свободное время, тема Башни неисчерпаема. Кроме того, есть и другие темы.

Вероника молча подала руку и пошла по скрипящему снегу к “гостинице” — вагончику для гостей. Остальные, переговариваясь, гурьбой повалили следом. Гибелев пообещал навестить экспертов в ближайшем будущем и догнал журналистов. Они скрылись в “гостинице”, и только тут Ивашура почувствовал, что вышел без шапки.

— Морозит, — сказал он, потер уши, бросил взгляд на Башню и поспешил в вагончик, где Рузаев успокаивал Валеру, взволнованного тем, что его будут показывать в телепередаче.

Наутро приехал Богаев, а вместе с ним и Глазунов, представители Жуковского райкома и исполкома. Ивашура сводил их к Башне, ответил на вопросы, а потом сбежал под предлогом важного эксперимента, оставив новых гостей на попечение директора Центра.

Ивашура и в самом деле решил провести эксперимент, подсказанный академиком Гришиным, тем более что подготовка к эксперименту требовалась минимальная: медицинский контроль, установка биодатчиков на теле, проверка их работы и — вперед, к Башне, гулять по “зоне ужасов”.

Своим заместителем Ивашура ничего сообщать не стал, им было не до того. Богаев возился с районным начальством, а Гришин координировал работу всех исследовательских групп, снабжая их перекрестной информацией и материальными ресурсами. Рузаев тоже предложил свои услуги, но Ивашура рисковать не стал.

— Достаточно с тебя одного исчезновения, — сказал он. — Теперь моя очередь. Будешь меня подстраховывать.

Гаспаряна начальник экспедиции отрядил в подчинение к руководителю группы радиофизиков для обеспечения трехсторонней связи Ивашуры, медиков и физиков. Перед выходом к Башне Ивашура вызвал по рации Меньшова:

— Привет, Виталий. Нового ничего?

— Башня потихоньку начинает раскачиваться для очередной пульсации: усиливается радиосвечение, появляются “призраки”, “глаза” “дожди”. Все, как обычно. Правда…

— Ну-ну, договаривай.

— Наблюдатели засекли новый провал стены. Впечатление такое, будто кусок стены “всасывается” внутрь Башни, причем скачок давления получается такой, что в радиусе километра мелкие камни и щепки тоже всасывает в провал.

— Интересно! Вертолетчики упали имени по этой причине: их чуть не засосало в провал стены. Как вы это объясните?

— Никак. Статистики нет никакой.

Ивашура помолчал.

— Ну, бывай.

— Выходит, гулять у Башни теперь зело опасно, — проговорил бесстрастный Рузаев, щуря глаза на показавшееся солнце. — Кстати, ветер переменился. Вчера он дул от Башни, а теперь дует к ней.

— Не хитри, дипломат, — буркнул Ивашура. — Все равно я пойду один. А в дальнейшем действительно прекратим все походы к Башне перед пульсациями.

Они стояли на вышке, торчавшей над березовой рощицей, которая не сбросила почему-то своего ржавого осеннего наряда. Рядом с вышкой располагались вагончики радиофизиков, а чуть поодаль бригада монтажников устанавливала сложную конструкцию из зеркальных многогранников и ажурных полос.

— Антенна СВЧ, — пояснил руководитель группы радиофизиков, заметив взгляд Ивашуры. — Вчера получили разрешение на монтаж. Когда начнем?

— Через полчаса, — сказал Ивашура. — Сергей Иваныч, как далеко распространяется электромагнитное поле Башни?

— Километров на сто двадцать. Это по данным недельной давности. В последнее время распределением плотности полей занимались студенты-дипломники, составили карты изолиний. Зайдите, поинтересуйтесь в вычислительном.

— Спасибо, зайду. Меня настораживает, что погода начинает портиться в районах, удаленных от Башни именно на сто — сто двадцать километров. Используйте для записи вертолеты авиаконтроля.

5

К определенной Ивашурой точке выхода к Башне его доставили на вертолете военные летчики. Один из пилотов с уважением посмотрел на Ивашуру, обвешанного металлическими коробками и обкрученного ремнями и спиралями антенн, сказал:

— А правда, что Башня — машина времени?

— Кто вам сказал? — осведомился Ивашура, выпрыгивая из кабины на мерзлую почву.

— Да все говорят.

— Когда говорят все, трудно выделить истину из словесного сора. Вы знаете определение чуда?

Пилот смешался, оглянулся на товарища.

— Чуда?.. Вы знаете, как-то не…

— Так вот, чудо — событие, описанное людьми, услышавшими о нем от тех, кто его не видел[6].

— Ага, понял, — кивнул пилот. — Испорченный телеграф?

— Не телеграф, а телефон. Башня может быть связана со временем, но так ли это — неизвестно.

---

[6] * Элберт Хаббард.

— Ясно. Простите, еще вопрос: говорят, что Башню построили пришельцы…

Ивашура фыркнул. Пилот, молодой парень, покраснел:

— Но так говорят…

— Не верьте, — серьезно сказал Ивашура. — Такие Башни строят только пауки.

Он помахал пилотам рукой и направился к Башне, лавируя между кочками и редкими деревцами.

Идти сначала было легко, но через несколько сот метров пошел бурелом, потом появились трещины, промоины, снег исчез, почва раскисла. Проверив по рации готовность лабораторий к приему информации, Ивашура отдохнул и упрямо полез дальше, через потревоженную недавней пульсацией Башни землю.

“Зона ужасов” дала о себе знать почти у самой стены Башни, примерно в полукилометре.

Сначала появилось ощущение, будто сзади кто-то вылез из-под земли, угрюмый, скользкий и недобрый. Ивашура знал, что кругом никого нет, но тем не менее оглянулся. Ветер дул в спину, к Башне, равномерный и сильный, и это было удивительно, потому что по данным измерений он дул к Башне со всех сторон! Выходило, что Башня засасывает воздух всей поверхностью стены, а иногда захватывает песок и более крупные предметы: камешки, ветки, машины, вертолеты…

Ивашура сказал в микрофон рации, что вышел к “зоне”, и зашагал дальше, постепенно углубляясь в невидимую “зону ужасов” и приближаясь к валу смятой стенами Башни земли.

Здесь, в непосредственной близости от стен, было тепло, верхний торфяной слой болота вздрагивал и пружинил под ногами, сквозь него во многих местах проступила черная, дымящаяся вода, вызывая в памяти жуткие ассоциации бездонной топи.

К. ощущению постороннего взгляда стала примешиваться головная боль, болезненные ощущения в кончиках пальцев, заныли зубы. Ивашуре стало страшно, но страх был не его, не внутренний, а навеянный извне и потому особенно неприятный, не поддающийся воле.

Потом появились “фантомы” — зрительные галлюцинации, избавиться от которых было невозможно, даже закрыв глаза. Вокруг человека поползли извивающиеся тени, некоторые из них напоминали диковинных зверей, другие — странные машины, третьи засветились бледным дрожащим светом, превращаясь в удивительные светильники с абажурами в форме человеческих черепов.

Ивашура выбрался на широкую и твердую металлическую полосу — след “мертвого выброса”. Страх перерос в беспричинный ужас, стали мерещиться прожорливые зубастые пасти акул и неведомых зверей. Башня превратилась в чудовищного чешуйчатого дракона, готового упасть сверху и проглотить человека целиком… Ивашура не выдержал и побежал к “дракону”, стараясь не подвернуть ногу и не упасть.

Металлическая дорожка вывела его к земляной складке, помогла вскарабкаться на крутой горб вспученной земли, и почти сразу же страх исчез, галлюцинации рассеялись, боль в голове притупилась, отступила в глубь головы. Ивашура постоял с минуту на дрожащих ногах, упиваясь блаженным состоянием покоя и уходящего страха, присел на комель сосны, торчавший из земляной массы. Стена Башни излучала ощутимое тепло, пришлось снять шапку и расстегнуть полушубок.

Пискнула рация, вызывал Гришин.

— Игорь Васильевич, не пора ли заканчивать этот рискованный опыт? Не хватало, чтобы руководители экспедиции подавали пример недисциплинированности. Кто вам санкционировал проведение этого опасного для жизни эксперимента?

— Не шуми, Константин Семенович, — примирительно сказал Ивашура. — Приду, тогда и поговорим. Кстати, сам же меня и подбил, вспомни разговор у Меньшова.

— Я себя уже исказнил за тот разговор, старый дурак… Возвращайся, Игорь, христом-богом прошу…

— Все нормально, минут через десять пойду обратно. Жалко, что не взял с собой аппаратуру, сижу у самой стены. Жарко, спасу нет, и воняет, как в кратере вулкана. Знаешь,

только тут, у Башни, можно оценить ее грандиозность и величие в полной мере. Не хочешь испытать?

— Благодарю. — Гришин помолчал, видимо, искал достойный ответ. — Выбирайся быстрей. Может, послать за тобой вертолет?

— Э-э, нет, рисковать все же надо умеючи, вертолетчики подождут меня на прежнем месте. Кстати, непонятно, почему нет ветра. Внизу он был, а на валу нет. Прекратился или просто дует по касательной, а я в застойной зоне?

Гришин не ответил.

Ивашура переключил диапазон.

— Сурен?

— Слушаю, — отозвался Гаспарян.

— Что физики?

— Ругаются, но не по-русски, ничего понять нельзя, кроме слова “биополе”.

Ивашура невольно засмеялся:

— Пусть ругаются, значит, что-то записали, не зря я тут бегаю по буеракам. Ничего не надо включать-переключать в моем снаряжении? Спроси-ка у старшего…

Молчание, через минуту:

— Все в порядке, твое снаряжение работает нормально.

— Чувствую себя, как конь в упряжке, если не хуже: все тело чешется. Ладно, ждите.

Щелчок смены канала.

— Михаил, как вы там?

— Нормально, — отозвался Рузаев. — Я тут заснял на пленку, как ты бежал — зигзагами, словно под обстрелом. Впечатляющие кадры!

— Точно зигзагами? — удивился Ивашура. — А мне казалось, что бегу прямо.

— Абсолютно. Я видел, как бегает верблюд по пустыне — очень похоже.

— На тебя бы навесить двадцать килограммов железа, посмотрел бы я, как… Ну, хорошо, продолжай съемку, иду обратно.

Он встал, отломал металлическую веточку металлической сосны, сунул в карман. К стене Башни приблизиться вплотную было почти невозможно из-за плотного потока теплового излучения, но Ивашура все же сумел подобраться, завязав лицо шарфом по самые глаза и надвинув шапку. Материал стены был крупнозернистым, очень твердым и отливал перламутром, взять пробу даже с помощью пробоотборника не удалось. Отверстие, извергнувшее недавно удивительную субстанцию “мертвого выброса”, было затянуто синеватой пленкой и располагалось на высоте трех метров. Чувствуя, как жар проникает под одежду, обливаясь потом, Ивашура подпрыгнул и ткнул щупом в синее пятно. И не успел опуститься, как совсем близко, неожиданно, жутко, тоскливо закричал паук.

Ивашура оступился, больно ударился коленом о металлический выступ, с трудом поднялся и бросился, не оглядываясь, по крутому спуску вниз. Лишь бы не “глаз дьявола”! — взмолился он на ходу. И не “мертвый выброс”! Впрочем, выбросы не повторяются в одном и том же месте… Что же это? О чем предупредил паук?

Ивашура упал, оглянулся назад. Участок стены длиной около сотни метров накалился до золотистого свечения, волны этого свечения отделились от стены и медленно поплыли к земле, шипя и потрескивая, вспыхивая искрами.

Заговорила рация, сквозь хрипы и шум едва можно было расслышать голос Гришина:

— Игорь, я дал тревогу, в твоем районе начался электрический “дождь”. Слышишь меня, Игорь?

— Слышу, — повысил голос Ивашура. — Не паникуйте, если связь прекратится, — сильные помехи. “Дождь” наблюдаю, нахожусь в безопасности.

В безопасности он не находился, но не хотел волновать заместителя и радистов штаба.

Электрический “дождь” продолжался. Со стены срывались целые полотнища электрического сияния, плыли наискосок к земле и распадались на десятки ручьев холодного бело-голубого пламени. Сильно запахло озоном, над камнями, ветками кустарника, кочками,

изломами пластов торфа и земли засияли светлые ореолы. Мех на воротнике полушубка встал дыбом. Отовсюду доносилось ядовитое шипение и треск, мышцы рук и ног стали непроизвольно подергиваться, по нервам прошла волна странного щекочущего покалывания.

Ивашура снова полез вниз, оскальзываясь на глыбах глины, падая, проезжая на животе или на спине сразу десятки метров. А уже у подножия вала его настиг один из “тихих” электрических разрядов: удар, всплеск боли в голове, цветное пятно в глазах, сменившееся серой мутью…

Очнулся он от холода. Вокруг было темно, лишь кое-где в этой темноте вспыхивали ненадолго зеленые и желтые звездочки, гасли и тут же появлялись в другом месте. Ивашура вслепую пошарил руками вокруг себя, привстал. Он лежал на чем-то очень холодном и упругом, ассоциирующемся с телом мертвого кита. “Звезды” продолжали вспыхивать и гаснуть, но понять — далеко они или близко, было невозможно…

Ивашура сел на своем упругом ложе, чувствуя легкое головокружение. В затылке застряла тонкая заноза пульсирующей боли, тело плохо слушалось, хотелось снова лечь и поспать.

— Подвал, что ли, — вслух сказал он, пытаясь взбодриться с помощью аутотренинга. Стиснул зубы, встал, огляделся. Куда идти? Везде темно, как в пещере. Куда он попал? Может, провалился в трещину? Не похоже…

Ивашура вытянул руки вперед и стал продвигаться на ощупь, чтобы не встретиться ненароком с каким-нибудь препятствием. Темнота, тишина, бесшумные звезды в бесконечной дали, а может, перед глазами — не разберешь; странные запахи, оставляющие горьковатый привкус во рту, пружинящее под ногами невидимое покрытие, холод…

Где-то близко, а может быть, далеко, раздалось вдруг отчетливое хрипловатое рычание.

Ивашура остановился, прислушиваясь, нашарил на поясе нож. Что-то мешало ему, стесняло движения… Ну, конечно, датчики, упряжь антенн, фиксаторы, ремни и прочие побрякушки. К черту!

Стараясь не шуметь, он содрал с себя электронную технику радиофизиков и медиков, с удовольствием расчесал места установок датчиков и плотнее запахнул полушубок. Интересно, кто рычал? Похоже на льва, но откуда львы в брянском лесу?

Ивашура снова двинулся в темноту, вслушиваясь в шорохи, забыв об ушибах и ссадинах, готовый к борьбе с любой опасностью. Прошла минута, десять, полчаса — все та же упругая плоскость пола, мрак и звезды. Что за чертовщина?! Куда он попал?! Нет таких подземелий — со звездами и ровным полом, не существует! Неужели — “область Рузаева”? Но Михаил ходил по светящемуся туману, а тут темь, хоть глаза выколи!..

Он клацнул тумблером рации, вызвал Гришина, в ответ — слабое шуршание фона. На других диапазонах то же самое: радиоволны “застревали” во мраке, ни его не слышали, ни он никого не слышал. Хотя вполне могло быть, что его слышали, а он нет, проверить обратное Игорь не мог.

Сколько он так шел — не прикидывал, но шел долго. Потом почувствовал — словно продавил телом какую-то прозрачную и упругую пленку, и вокруг все внезапно изменилось. Из тьмы проступили окружающие его предметы: редкие кусты ольхи, кочки, пласты перепаханной почвы, зубчатый профиль леса в сотне метров, стена Башни в противоположной стороне, перекрывшая половину видимого мира, но все это — интенсивного фиолетового цвета, окруженное удивительным алым ореолом. В сером небе плавало странное тусклое багровое солнце.

Ивашура висел в полуметре над землей, ни на что видимое не опираясь, и в то же время чувствовал под ногами все то же упругое нечто, по которому отшагал не один километр. Осмотревшись, он решил продолжить путь к лесу. Попробовал снова связаться со штабом, но рация лишь глухо шипела и потрескивала. Отмерив несколько десятков шагов, Ивашура вдруг заметил, что на самом деле продвинулся всего метра на полтора — по отношению к поверхности земли. Остановился, снова пошел, потом побежал. Впечатление было такое, будто невидимая дорожка под ногами бежала навстречу с тем большей скоростью, чем

быстрее двигался он сам. Пробежав метров сто — по внутреннему счету шагов, он измерил на глаз расстояние, на которое переместился на самом деле, — метров пять — шесть! Заколдованное место! Эдак и до леса не доберешься.

Ивашура упрямо продолжал путь, но продвигался к лесу все медленней и медленней, пока и вовсе перестал приближаться, и это несмотря на то, что он шел с прежней скоростью, каждым шагом отмеряя почти метр! Через полчаса он сдался, вытер вспотевший лоб и сел на упругий слой отдохнуть. Его не хотели выпускать из странного пространственного мешка с удивительными свойствами. Что ж, отдохнем и попробуем двинуться в обратном направлении. Чем еще нас удивят хозяева Башни? Кстати, кто они? Неужели пауки? Как говорил Валера: “Башня — мост между Землей нашего времени и Землей, где время течет “под углом”, а пауки — строители этого моста”. Все же мыслит Валера оригинально, этого у него не отнять, как и его рассеянности. Интересно, квантуется ли “угол времени”? Должен квантоваться, иначе получится дурная бесконечность Земель и цивилизаций на ней. Но чему равен этот “квант угла поворота”? Градусу? Половине градуса? Минуте? Часу? Надо привлечь математиков, пусть попробуют построить непротиворечивую модель…

Ивашура глянул на часы: шел третий час дня, а он вылетел в десять утра, значит, его прогулка у Башни длится уже больше четырех часов. В штабе, пожалуй, всполошатся, если уже не всполошились, бросятся искать… Правда, вертолетов пока не слышно, может, обойдется “легким испугом”?

Он встал и побрел к Башне, создающей из-за колоссальных размеров впечатление наклонившейся и вот-вот готовой рухнуть стены. В эту сторону шаги получались нормальными, соответствующими тем усилиям, которые он прилагал. Он шел и смотрел на Башню, и чем ближе подходил, тем светлее она становилась: от фиолетовой, почти черной, до синей и голубой, и, наконец, в двухстах шагах от ее стен она стала… голубовато-прозрачной, как глыба стекла! В этой глыбе тенями обозначились лестницы, стены, коридоры, какие-то машины, светящиеся фигуры… Ивашура сделал шаг еще и оказался в темноте с мигающими звездами. Пахнуло ледяным холодом, как из морозильника. Невидимые сети упали сверху, сжали руки, ноги, сдавили бока. Ивашура рванулся и… вывалился на холм желтой глины на вершине земляной складки у стены Башни. Рация зашумела, захрипела, чей-то голос пробился сквозь этот шум:

— …молчите?.. передают, что датчики… где?

— Не поднимайте паники! — буркнул Ивашура, приблизив губы к микрофону рации. — Все нормально, возвращаюсь. Который час?

— Без пяти одиннадцать, — ответил далекий Рузаев. — Что там у тебя стряслось с датчиками? Гаспарян звонил мне, мол, ты не отвечаешь.

Ивашура некоторое время соображал.

— И сколько я молчал?

— Минуты три. Физики передают, что их приборы перестали регистрировать сигналы датчиков.

— Успокой их, датчики я снял, потом все объясню, ждите.

— Три минуты… — пробормотал он про себя. — А по моему хронометру прошло почти четыре часа! Нет, хватит шутить с господином Случаем! Хорошо, что путешествие закончилось благополучно. А ну как остался бы внутри этого “мыльного пузыря” с чужим временем?!

Ивашура посмотрел вверх: электрический “дождь” постепенно терял силу, затухал, — и стал спускаться с вала. А у подножия земляной складки наткнулся на труп животного, не то тигра, не то льва, вернее — на переднюю половину трупа, задняя часть туловища отсутствовала…

6

— Через “зону ужасов” я промчался, не успев даже понять, что это “зона”. — Ивашура

хмуро усмехнулся и замолчал, вертя в пальцах блестящий камешек.

В штабе, наполненном пульсирующим гулом, зуммерами и свистами радиотелеграфной станции, сидели руководители экспедиции, начальники лабораторий радиофизики и биологии, Меньшов, Гаспарян и лейтенант Куща. По лицу Богаева ходили тени озабоченности и досады. Гришин о чем-то думал, взявшись пальцами за подбородок, радиофизик вздыхал, поглядывая на биолога.

— Наша физика мало применима для объяснения феномена Башни, — проговорил Меньшов, оглаживая бороду. — Взять тот же “мыльный пузырь” с иным ходом времени: до сих пор наука не сталкивалась ни с чем подобным, нет даже серьезных теоретических работ на эту тему, только дикая гипотеза нашего уважаемого коллеги Валеры о квантовых эффектах и дискретности углового поворота времени. Кстати, я готов принять и ее после того, что услышал от Игоря и Миши Рузаева.

Богаев поморщился:

— Товарищи, не о том говорим. Игорь Васильевич сегодня преподнес нам сюрприз, какого от него не ожидали. Можно ли так рисковать начальнику экспедиции? Мне кажется, нельзя.

— Владлен Денисович, давайте поговорим об этом отдельно, — сказал Ивашура. — Каюсь, виноват, больше не повторится. С этого часа вступает в силу приказ — не приближаться к Башне ближе, чем на три километра, касается всех! Этого достаточно.

Богаев что-то пробормотал, отворачиваясь.

— Меня интересует, — продолжал Ивашура, — что дал науке мой “бег по пересеченной местности”. Что вы записали и расшифровали.

Радиофизик посмотрел на биолога, тот пожал плечами.

— Результаты обрабатываются, ничего конкретного сказать не могу. Аппаратура записала поступающие с датчиков сигналы, но чем они вызваны — пока загадка.

— То же самое могу сказать и я, — признался радиофизик. — Приборы отметили повышенную ионизацию воздуха, особенно в тот момент, когда начался “электродождь”, но это как раз нормальное явление. Остальные записи — темный лес! Похоже, мы открыли в “зоне ужасов” тип излучений, действующих непосредственно на нервную систему.

Сквозь шумы эфира в комнату пробился чей-то голос.

— Где-где? — переспросил радист.

Голос пробормотал что-то неразборчивое, но радист понял.

— Хорошо, сообщу.

— Что там еще? — повернулся к нему Богаев.

— На южном участке стены замечены “телеэкраны”, сразу пять штук на разных высотах.

— Ну и что?

— В одном из них был виден человек. Ребята засняли все на кинопленку.

— Что за человек? — быстро спросил Ивашура. — Не напоминал ли он кого-нибудь из знакомых?

— Сейчас спрошу. — Радист потянулся к панели РТС.

— Не надо, проявят пленку, посмотрим сами.

— А кого ты имел в виду? — наклонился к Ивашуре Гаспарян. — На кого должен быть похож человек в “телеэкране”?

— Помнишь рассказ Михаила? Ему показалось, что он видел Ивана Кострова.

— Думаешь, Иван в Башне?!

— Хочу верить, что он жив.

— А если “телеэкран” — средство наглядной передачи информации, применяемое хозяевами Башни? Для контакта со своей стороны?

— Что вы там шепчетесь? — недовольно спросил Богаев. — Есть что сказать, так говорите всем.

— Чтобы вы потом обвинили нас в ненаучном подходе? — сказал Ивашура со

вздохом. — Сурен предлагает создать специальную комиссию по контактам с пауками или с теми, кто воздвиг Башню.

— Кто, я? — удивился Гаспарян, потом небрежно кивнул. — А-а… Да, было.

Богаев отнесся к этой идее с неожиданной серьезностью.

— А что, надо подумать. Может быть, привлечь специалистов Крымской лаборатории связи с иными цивилизациями? У них составлены какие-то программы…

— Обязательно, — кивнул Ивашура твердо. — Сурен и начнет переговоры. Завтра.

На этом "малый штабной совет" и закончился.

Богаев с лейтенантом взялись за устройство лагеря для прибывающих иностранцев; директор Центра, сняв с себя ответственность в вопросе общего руководства экспедицией, компенсировал это кипучей бытовой деятельностью, где нужна была только голова администратора-хозяйственника. Гришин поехал с представителями райкома по ближайшим к Башне поселкам и деревням проверить, как идет эвакуация. Ивашура занялся организацией телепередачи "с места события". Телевизионщики долго искали место съемки, зато разворачивали и проверяли телекамеры и аппаратуру связи всего четверть часа. Ивашура дважды разговаривал с Вероникой, ведущая телепрограммы "Время" интересовала его все больше прямотой, сдержанностью, живым умом, да и красотой природа ее не обделила. К тому же он чувствовал, что интерес его взаимен.

Наконец, в четвертом часу дня интервью с "начальником комплексной научной экспедиции Игорем Васильевичем Ивашурой" было записано на видеомагнитофон, и Гибелев отбыл на вертолете в Брянск, чтобы в шесть передать запись в эфир через областной телецентр. Пока он отсутствовал, в эфир пошла прямая телепередача с комментариями Ивашуры, Гаспаряна, Меньшова и других участников экспедиции.

После телесъемки Ивашура побывал в фотолаборатории и просмотрел кадры киноленты с "телеэкраном", но человек, отраженный "экраном", не был похож на Ивана Кострова Кроме незнакомца, голубой квадрат показал еще паука и жуткую черную фигуру, напоминающую кентавра, а также вереницы светящихся клякс.

— Ну, и что ты об этом думаешь? — спросил Ивашура Рузаева, который сам проявлял свою кинопленку в лаборатории. — Что такое "телеэкран"? Попытки хозяев Башни вступить в контакт с нами со своей стороны?

— Не думаю, — помолчав, по обыкновению, ответил Михаил. Промыв пленку, он развесил мокрые ленты на проволоке для просушки, и они вышли из домика лаборатории.

— Мы привыкли, что экраны всегда каким-то образом связаны с передачей информации, — продолжал Рузаев, пока они шли к жилому кварталу экспедиции. — Но давай порассуждаем. Если бы хозяева Башни в самом деле хотели установить контакт с нами, то действовали бы с гораздо большей последовательностью и целенаправленностью. В действительности же все явления, связанные так или иначе с Башней, больше напоминают аварийные утечки опасных веществ, о чем нас и пытаются предупредить пауки. А "телеэкраны" возникают не на одном месте, — что диктуется логикой налаживания информационного обмена, — а в разных местах и на разных высотах, многие из них мы вообще не успеваем заснять на пленку. Где же тут установление контакта?

— Логично, — согласился Ивашура.

Они, не сговариваясь, остановились на дороге, утоптанной вездеходами. Вечерело, и Башня все больше выступала из мглы багрово-коричневой колонной, в глубине которой иногда загорались острые лучики света или шарфы белых искр.

— Светится со вчерашнего дня, — пробормотал Рузаев. — Скоро очередная пульсация.

Помолчали и снова зашагали к вагончикам, от окон которых протянулись по снегу полосы желтого света. Где-то за деревьями тарахтел движок, дающий электричество лагерю экспедиции.

— Аварийные утечки… — задумчиво повторил Ивашура. — Интересная мысль. Михаил, а что, если нам попытаться осуществить идею Вани Кострова?

— Какую именно? — поинтересовался Рузаев. — У него было много идей.

— О контакте с пауками.

Рузаев искоса взглянул на товарища.

— Очевидно, у тебя уже есть соображения, как это сделать практически? Если ты помнишь, мы не смогли поймать ни одного экземпляра. И вообще, не представляю, какой контакт можно установить с пауками, если уже понятно, что это обыкновенные киберы.

— Именно потому, что они автоматы с определенной программой, и не просто киберы, а биокиберы — судя по их повадкам, и можно сделать попытку контакта.

— Био не био, но попробовать, однако, можно. Буду соображать.

— Посоображай, пожалуйста, я тоже поразмышляю, но времени у нас мало… Ты в самом деле видел в “телеэкране” Ивана? — внезапно спросил Ивашура, останавливаясь на пороге штабного вагончика.

Рузаев полизал царапину на пальце, помолчал, потом пожал плечами:

— Не берусь утверждать, однако, по-моему, это был он. Не знаю только, как он мог оказаться внутри Башни.

— И я не знаю. Может быть, их втянуло с вертолетом, может, в момент появления Башни она была открыта сверху, а может быть, их захватили хозяева Башни после падения… Первый вопрос, который я хочу задать паукам: живы ли Иван с Таей.

Ивашура толкнул дверь, и они вошли в освещенное тремя “люксами” помещение штаба.

У стола Богаев разговаривал с Вероникой, одетой в брючный костюм серебристого цвета. Помещение, как всегда, было заполнено голосами переговаривающихся начальников лабораторий, групп, исследовательских отрядов, перекличкой водителей вездеходов и спецмашин, патрулей оцепления и постов воинских подразделений.

Два радиста с наушниками работали на пультах РТС: на них, кроме приема и передачи оперативной информации, лежала забота связи с руководством района и области, с органами МВД и Комитета государственной безопасности, со всеми научными центрами и организациями Москвы и других городов страны.

Ивашура улыбнулся в ответ на вопросительный взгляд Вероники, прошел к радистам в аппаратную, выслушал несколько сообщений личного характера и вернулся к столу посередине комнаты.

— Через сорок минут перекличка, — сказал он. — Проведу сам. Что у вас нового, Владлен Денисович?

— А что у меня может быть нового? — пробурчал Богаев, вытирая лысину и лоб платком; в комнате было жарко, но директор Центра не раздевался, только распахнул свою знаменитую шубу из шкуры неизвестного науке зверя. — Я теперь не ученый, а простой администратор, так сказать, завхоз экспедиции. Отправил Глазунова и всю его компанию домой, в Жуковку, успокоил, как мог. — Богаев через силу усмехнулся. — Не знал до этого за собой таких способностей. Константин Семенович вернется завтра, звонил откуда-то из Фокино. Иностранцы разместились в полукилометре от штаба, но они полностью находятся на попечении какого-то деятеля из Москвы, так что нам забот поменьше. С продуктами Глазунов обещал помочь, рацион-то у нас не больно разнообразен. Что еще? Телевидение вот интересуется работой Центра и некоторыми его специалистами. — Богаев хитро покосился на Веронику, но та не смутилась, прямо посмотрела на Ивашуру, как бы давая понять, что ничего особенного в ее “интересе” к “отдельным специалистам” нет.

— Вы становитесь ворчуном, — сказал Ивашура. — Сами предложили мою кандидатуру в начальники экспедиции, а теперь каетесь? С удовольствием уступлю кресло, тем паче, что оно и мне не дает возможности заниматься наукой.

— Ну, конечно. А кто ходил к Башне, рискуя… — Богаев посмотрел на Веронику и понял, что сказал лишнее.

— Вот-вот, — оживилась та. — Расскажите, Игорь, пожалуйста.

Ивашура посмотрел на часы.

— Это вам расскажет и Миша Рузаев, а я сейчас буду проводить перекличку, сверять

план работ на завтра. Подождете?

— Непременно.

— Михаил, — позвал Ивашура. — Подойди на минуту.

— А я пошел спать. — Богаев вздохнул, сунул платок в карман. — Старик я еще молодой, но разве за вами угонишься? — Кивок в сторону отошедшего Ивашуры. — Вырос парень, далеко пойдет, вот помянете мое слово.

Через час Ивашура закончил ежевечернюю перекличку с руководителями научных отрядов и оставил Рузаева в штабе дежурить вместе со сменой радистов. Сам же оделся, помог одеться Веронике, и они вышли из комнаты в ночь.

Лес со стороны дороги глухо шумел под усилившимся ветром. Звезд не было видно, небо оказалось закрытым облаками. Башня почти не выделялась в темноте, но, приглядевшись, можно было разглядеть странную темно-вишневую стену, нереальную своими размерами, однотонностью и цветом. Аналогий этой стене подобрать было невозможно, ничто на Земле не соответствовало ее назначению, не походило на нее даже отдаленно. До Башни было около двенадцати километров, и все же она загораживала треть небосклона, исчезая в низких, быстро несущихся облаках.

Мороз был нешуточный, с ветром, Ивашура заботливо поправил воротник шубки спутницы, и они медленно побрели по скрипящему утоптанному снегу к жилому кварталу экспедиции. Сквозь шум леса доносился равномерный стук дизеля, дающего свет и жизнь всему лагерю. Взревывал вездеход, по дороге прошел трактор с волокушей.

На стене Башни под самыми облаками вспыхнул круглый желтый зрачок, помигал, светлея, и погас.

— Красиво, — сказала Вероника, не сводя глаз с темно-вишневой полосы. — Что это было? “Глаз дьявола”?

— Вы уже неплохо ориентируетесь в нашей терминологии.

— Просто все настолько неординарно, что запоминается сразу. Кстати, вас, наверное, снова ждут журналисты, им не все ясно.

— Вот как? Старые знакомые?

— И старые, и новые. Приехали корреспонденты центральных газет и журналов. Многих я знаю по работе.

Ивашура замедлил шаг, задумался на несколько секунд.

— Знаете что, давайте посмотрим на Башню сверху. Вы ведь, наверное, еще не видели ее под таким ракурсом?

Вероника посмотрела на него сбоку, в глазах отразился свет окон ближайшего домика. — А можно?

— Разве я не начальник экспедиции? Вероника засмеялась.

— Богаев назвал вас “волюнтаристом с докторским дипломом”, и, по-моему, он прав.

— Конечно, прав, я волюнтарист, даже анархист, если хотите, но, к счастью, обладаю обостренным чувством риска: знаю, когда можно рисковать, а когда нет. Как видите, пока я не ошибался.

— Поэтому и в “зону ужасов” пошли, что предполагали благополучный исход “разведки боем”?

— Не предполагал — знал. Не верите? Ей-богу, не вру! Со мной ничего не может случиться, пока я держу свое бытие в прогнозируемом русле.

— А не хвастаетесь часом, “волюнтарист”?

Ивашура улыбнулся.

— Есть немного, из желания понравиться. Итак, летим?

— Летим! — без колебаний ответила девушка. — Только сообщите все же о своем решении Богаеву, я его почему-то побаиваюсь. И вообще как-то странно: директор Центра и вдруг — заместитель своего подчиненного… Вы не находите?

— Нет, все закономерно. Богаев стар, через год уходит на пенсию, да и сердце у него слабое, а тут забот невпроворот.

— А как вы с ним в Центре уживаетесь?

— Нормально. Я его уважаю, он меня, надеюсь, тоже.

— Я слышала обратное…

— Чепуха! — Ивашура начал сердиться. — Просто был случай, когда я оказался прав, а он нет. Но я сказал правду: мы уважаем друг друга. Еще раз спрашиваю…

— Да лечу, лечу, не сердитесь, Игорь. — Вероника взяла Ивашуру под руку. — Не хотелось бы пилотов беспокоить.

— Пилотом пойду я. Постойте минуту, я предупрежу Михаила. — Ивашура бегом направился назад к штабному вагончику и вскоре вернулся. — Все, идемте.

Они пошли к стоянке вертолетов, перебрасываясь на ходу ничего не значащими фразами.

Ивашура первым залез в кабину, включил свет, прогревание и помог подняться девушке.

Двигатель, застывший на морозе, долго не хотел просыпаться, фыркал, бурчал, тряс кабину, но все же завелся. Медленно закружились лопасти винтов, побежали веселей, и вертолет взлетел.

— Я гляжу, все, что мне о вас говорили, сбывается, — сказала Вероника.

— А что говорили? — Ивашура натянул на голову дугу с наушниками, поправил на горле ларингофон и выключил в кабине свет.

— Ну, например, что вы все умеете и все знаете.

— Снова преувеличение. Почему вы избрали профессию телекомментатора? Вам надо работать журналистом.

— А я и так журналист, во всяком случае, три года назад закончила факультет журналистики МГУ.

— Я так и знал, — с сарказмом сказал Ивашура. — Чего еще от вас можно было ожидать!

Вероника рассмеялась.

— С вами интересно, Игорь. Позвольте вопрос…

— Женат ли я? Нет, пока не женат.

— Ну вот. — Девушка с сожалением покачала головой. — Я думала, у вас есть чувство меры.

— Простите, — быстро сказал Ивашура и коснулся руки соседки, — Это со мной бывает очень редко. Простили?

— Я подумаю.

Вертолет облетел Башню кругом, порывы ветра то и дело заставляли его крениться с боку на бок, и приходилось не столько смотреть вперед, сколько прилагать усилия удержаться на сидении.

— Держитесь за меня, — предложил Ивашура, казавшийся вросшим в пилотское кресло. Вероника подумала и приняла его предложение.

Вертолет вошел в облака, кабину затрясло.

— Сейчас выйдем вверх и перестанет трясти, — сквозь зубы пообещал Ивашура.

— Игорь, что будет… — Вероника помолчала. — Что, если Башня не остановит свой рост?

Ивашура, казалось, весь увлекся управлением машиной и не слышал вопроса. Вертолет наконец пронзил облачный слой и оказался под темно-фиолетовым куполом с великолепным звездным узором. В пяти километрах от него парила угрюмая, светившаяся багровым накалом округлая гора Башни.

— Не знаю, — ответил Ивашура вдруг, словно вспомнив вопрос. — Этим делом займется специальная комиссия.

— Ну, а ваше мнение?

— Мое? — Начальник экспедиции снова замолчал.

— Ну да, твое, — Вероника не заметила, что перешла на “ты”. — Не поверю, чтобы у

знаменитого доктора наук Ивашуры не было своего мнения по любому вопросу.

— Мое мнение — придется пригрозить тем, кто в Башне. Как — пока не знаю, — предупредил он следующий вопрос Вероники. — Что-что, а способ пригрозить у нас найдется.

Вертолет поднялся еще выше, и стало заметно, что колонна Башни с высотой как бы теряет плотность, становится зыбкой, прозрачной и постепенно исчезает, теряется в небе, и от этого не только сама Башня, но и мир вокруг становится нереальным, наделенным неведомыми свойствами, пугающим и неземным…

— Хочется закрыть глаза и проснуться… — прошептала Вероника.

Ивашура вместо ответа повел вертолет еще выше и повернул к Башне. Над Башней на высоте пяти километров он остановил движение, вертолет завис.

Только здесь становилось отчетливо видно, что Башня круглая. А в ее глубине, как в стакане рубинового стекла, плескалась и мерцала перламутровая жидкость-сияние, завораживающая взор.

Они смотрели минут десять, потом на крошечной панели управления вертолетом мигнул зеленый огонек и в наушниках проскрипел голос Рузаева:

— Игорь, как дела?

— Все отлично, — ответил Ивашура, поглядел на спутницу. — Возвращаюсь.

И они полетели обратно.

Перед тем, как лечь спать, Ивашура побродил вокруг лагеря один по утоптанным тропинкам, сожалея, что проводил Веронику, подавил желание вызвать ее снова и направился к вагончику ВЦ, вспомнив разговор с Меньшовым.

Экспедиции была придана экспериментальная ЭВМ среднего класса ЕС-2289, способная работать в режиме разделения времени и транспортируемая в закрытом фургоне. Вычислительным центром вагончик с ЕС-2289 назвать было трудно, однако функции он выполнял аналогичные любому кустовому ВЦ. Работало на ЭВМ двадцать специалистов, нередко в три смены. В этот вечер в фургоне дежурила смена Кобцева, укомплектованная молодыми программистами и математиками, вчерашними выпускниками вузов страны.

— Привет служителям культа интеллектроники! — поздоровался Ивашура с начальником смены, с лица которого никогда не исчезала скептическая усмешка, будто он сомневался в способностях машины решать сложные задачи.

— Привет начальству, — прохрипел Кобцев, не отрываясь от клавиатуры дисплея. — По делу или без?

Ивашура укоризненно покачал головой.

— Ты, Борис, никогда не станешь дипломатом.

— Это почему же?

— Ты прямой, как полет стрелы. Я на секунду. Тут у тебя работали физики, стажеры Меньшова, где результаты их работы?

Кобцев, не оглядываясь, позвал:

— Константин, выведи ему на контрольный дисплей данные по изолиниям.

Молодой программист, розовощекий, с детски открытым лицом, подозвал Ивашуру к себе, пощелкал клавишами задатчика программ, и дисплей послушно высветил на экране результаты работы физиков.

По данным, поступающим с датчиков и зондов вокруг Башни, ученые рассчитали линии, соединяющие точки с равными потенциалами: изотермы — с одинаковой температурой, изодинамы — с одинаковой напряженностью магнитного поля, изограды — с одинаковой силой тяжести, изопикны, изоклины, изохроны и так далее и тому подобное. Картина вырисовывалась интересная, хотя и ожидаемая: вокруг Башни природа “сошла с ума”, реализуя чудеса, которые нигде на Земле не повторялись с такой частотой и силой. И средоточием этих чудес была сама Башня, порождение жутких по мощи и психологической значимости, таинственных и непонятных сил.

— Вот их последние расчеты, — Константин прошелся пальцами по клавиатуре

терминала ввода-вывода. — Сейсмопрофилограммы от подвижек стен Башни.

Ивашура кивком поблагодарил и долго разглядывал зубчатые профили сейсмогейстов. Башня стала центром сейсмической активности в той местности, где никогда не бывало землетрясений.

— Ясно, — очнулся наконец Ивашура. — Голова кругом… А чем вы сейчас занимаетесь?

Кобцев не ответил, а Константин с виноватой полуулыбкой, извиняясь за начальника, проговорил:

— Работы много, не хватает времени, захлебываемся. Сейчас машина считает конфигурацию электромагнитных полей и строит график в реальном времени — для прогноза активности Башни. Потом надо будет сделать расчеты закономерности появления “глаз дьявола” и “мертвых выбросов”, рассчитать безопасные подходы к Башне, точки воздействия, вероятные разрушения… — Константин пожал плечами. — Ну, и все такое прочее.

Ивашура кивнул, постоял еще минуту и вышел. Дверь отрезала шум работы ВЦ: писки, шорохи, стрекот печатающих устройств, гудение кондиционеров.

Из-за туч выглянул краешек луны, и на пушистое заснеженное поле упал призрачный зеленоватый отсвет…

Утром Башня вздрогнула, этот непредвиденный толчок вызвал сдвиги и разрывы почвы в радиусе десяти километров от Башни, и в результате лопнул газопровод на трассе Брянск — Смоленск и оказалась поврежденной железная дорога Жуковка — Брянск.

Ивашура все утро занимался ликвидацией аварий. Железнодорожный путь починили быстро, а справиться с газопроводом оказалось трудней: газ вспыхнул и образовался огненный факел высотой несколько десятков метров. Вызванные аварийные бригады района не смогли утихомирить огненную стихию, пришлось вызвать спецкоманды газового хозяйства области. Лишь к полудню факел потушили и газовые трубы в местах разрыва заключили в надежные бандажи, не допускающие утечки.

Ивашура вернулся в штаб и узнал, что вечером прибывает обещанная Старостиным правительственная комиссия. Богаев, вздыхая, рассказал, какие разрушения вызвал в городе толчок, и передал просьбу Глазунова предупреждать население о толчках заранее.

— Этот толчок никто предвидеть не мог, — огрызнулся Ивашура. — С пульсацией он не связан. Передайте Глазунову: все, что можем, — сделаем.

Пока Ивашура знакомился с поступающей информацией от начальников групп, в штаб позвонили геофизики и сообщили, что у них двойное ЧП: один вездеход втянуло в Башню, а второй попал под струю “мертвого выброса”.

Ивашура немедленно вылетел к геофизикам, моля в душе, чтобы несчастные случаи оказались без жертв, но мольбы не помогли, на этот раз ЧП было серьезным.

Начальник группы геофизиков на свой страх и риск снарядил два вездехода для того, чтобы в непосредственной близости от Башни произвести наклонное бурение и взять образцы грунта до глубин в триста метров. Буровики — молодые сильные ребята, бывшие в составе группы, согласились на рискованную работу, требующую сноровки, быстроты и ювелирной точности, и взялись пробурить наклонную скважину к подземному цоколю Башни за двое суток до начала очередной пульсации.

Они успели установить универсальную буровую вышку и смонтировать оборудование в километре от стены Башни, на границе “зоны ужасов”, как вдруг заорал паук, потом другой. Начальник группы имел достаточный опыт работы вблизи Башни, поэтому дал команду покинуть вездеход, отойти от вышки и лечь на землю. Ослушаться его не посмели, и это предотвратило трагедию. Участок стены Башни беззвучно провалился внутрь на площади не менее чем в пять тысяч квадратных метров, раздался свистящий, режущий слух всхлип, и все, что стояло и лежало на полосе от этого места на протяжении километра, в том числе и вышка и вездеход, оказалось втянутым в Башню.

Не успели люди прийти в себя, как снова закричали пауки. На этот раз тревогу вызвал

“мертвый выброс”: черная струя накрыла оставшийся вездеход и коснулась начальника группы, чудом миновав остальных.

Начальник умер, не приходя в сознание, по дороге в лагерь. Ноги у него до колен стали металлическими, сохранив форму, данную им природой…

У тела начальника группы суетились растерянные врачи и биологи, два из них были академиками с мировыми именами. Ивашура постоял, посмотрел, стиснув зубы, послушал реплики врачей и вышел из вагончика на свежий воздух, в толпу молчавших людей, среди которых были и иностранные корреспонденты. Слова были лишними в этой ситуации, начальник группы знал, на что шел, но это не снимало ответственности за его жизнь с начальника экспедиции.

— Покажите, где это произошло, — попросил Ивашура в толпу.

Переглянувшись, вперед вышли двое парней в стеганках.

— Мы покажем.

— Садитесь в вертолет, пойдем сверху.

Через четверть часа вертолет завис над местом неудачно закончившегося эксперимента. С высоты в двести метров была хорошо видна серая, гладкая, отблескивающая металлом полоса, уходящая к Башне, — там, где легла на землю трасса “мертвого выброса”. Гусеничный вездеход располагался у края этой полосы и казался неповрежденным, но, когда вертолет приземлился, все поняли, что он целиком металлический. Все, даже стекла кабины и прожекторов, пластмассовые гусеницы, резиновые когда-то клапана карманов с инструментами, брезентовый верх, — все превратилось в металл!

Ивашура взял пробы металла, предварительно включив дозиметр: радиационный фон был выше, чем обычно, но в пределах допустимых норм.

Потом они покружили над местом установки буровой, но ничего не нашли. Полоса земли до самой Башни была абсолютно голой — ни камня, ни кочки, ни деревца, ни кустика…

Ивашура понаблюдал в бинокль за черной брешью в стене Башни и дал команду возвращаться. Он понимал, что полоса спокойного, если так можно было выразиться, бытия, изучения Башни закончилась и началась другая полоса — постановки важных проблем, нервного напряжения, спешки и в финале — схватка с Башней, сила на силу, если не хватит ума на интеллектуальный контакт. Но здесь не все решали люди…

7

Ивашура сам отвел правительственную комиссию — одиннадцать человек, в том числе полковника Одинцова и Старостина, к ограждению, которое солдаты отнесли на четыре километра от Башни. Вопросов в его адрес было мало, все знали о Башне, видели ее на фотографиях, в киноотчетах, да и по телевидению. Все одиннадцать человек были сдержанными, немногословными, даже суровыми на первый взгляд людьми, не походили на “кабинетных теоретиков”, и было видно, что приехали они в лагерь надолго.

Многих Ивашура знал раньше, с остальными знакомился впервые, тем не менее он понял, что все это люди опытные, целеустремленные, знающие жизнь, короче — профессионалы в самом лучшем смысле слова. Что ж, чем шире кругозор ученого, специалиста, кем бы он ни был, тем весомее его точка зрения, тем объективнее подход к любой проблеме.

Биноклей не хватало, их передавали из рук в руки. Пока члены комиссии, ежась под ветром, разглядывали Башню, Ивашура расспросил солдат поста, видели они пауков или нет.

— А как же, видели, — ответил старший наряда, белобрысый флегматичный прапорщик. — Утром двух и перед вашим приходом целую вереницу.

Ивашура оживился:

— Что же они делали?

— Первые два выходили к ограждению, побегали вдоль него и умчались к Башне, а

потом прибежала целая цепочка, след в след, штук десять.

— Девять, — поправил один из солдат наряда. — Я считал.

— Ну, девять. Так эти тоже ткнулись в проволоку, остановились и тут же, не поворачиваясь, побежали такой же цепочкой обратно. Будто и не задом наперед бежали.

— Весьма интересно! А вас они не заметили?

— Так мы с вышки смотрели, до них метров двести было.

— Триста, — снова поправил любивший точность ефрейтор.

— Покажите место, где они уткнулись в заграждение.

Прапорщик оглянулся на солдата, сосчитавшего пауков:

— Казанцев, покажи.

Тот махнул рукой:

— Тут недалече.

Ивашура сказал: “Сейчас”, подошел к Старостину предупредить, что на минуту отлучится, пошагал за солдатом,

Ограждение было сделано из мелкоячеистой стальной сетки, крепившейся к вбитым в землю деревянным столбикам, а кое-где и прямо к стволам деревьев. Поле в этом месте вдавалось клином в лес метров на четыреста, и ограждение было видно издалека. Возле невысокой сосны в нескольких метрах от проволоки стояла вышка, на которой дежурили солдаты поста.

— Часто меняетесь? — спросил Ивашура, кивнув на вышку.

— Через три часа. Двое на вышке, трое ходят вдоль ограждения. Смена — через двенадцать часов.

— Участок большой?

— Три километра, дальше в лесу уже другой пост… Вот мы и пришли, здесь они стояли… — Солдат недоуменно нагнулся. — А это откуда?

В сетке ограждения на уровне человеческого бедра светилось аккуратное квадратное отверстие размером в полметра. Края отверстия едва заметно серебрились.

— Что за черт?! Неужели пауки вырезали? Тогда куда делся вырезанный кусок?

Ефрейтор поискал квадрат сетки, не нашел и пожал плечами.

— Чудеса, да и только. Пойду доложу.

Ивашура постоял еще немного, потрогал край вырезанного отверстия и задумчиво направился к ожидавшим его Старостину и Одинцову.

Полковник был одет в кожаное пальто на меху, шапку, меховые сапоги. Старостин в своей драконо-видной шубе и такой же косматой шапке походил издали на гризли.

— На первый раз достаточно, — сказал Одинцов глуховатым голосом, пряча подбородок под шарфом. — Тем более, что Башня по заказам чудеса свои не показывает… — он не договорил. Издалека прилетел долгий звенящий тоскливый крик и замолк на высокой ноте.

Ивашура усмехнулся.

— Видимо, специально для вас спектакль будет все-таки показан. Не удивляйтесь. Башня активизировалась перед очередной пульсацией, “чудеса” случаются все чаще.

— Это опасно? Паук кричал…

— На таком расстоянии не опасно.

— Не беспокойтесь, товарищи, — махнул рукой оглядывающимся на них членам комиссии Старостин. — Здесь безопасно. — Повернулся к Ивашуре. — Похоже, крики пауков и в самом деле предупреждение.

— Сомнений нет, накоплен большой статистический материал. Пауки кричат перед каждым извержением Башни за минуту — две.

Ивашура поднял к глазам свой бинокль, посмотрел и передал полковнику.

— “Флаттер” — так мы это называем. Стена Башни начинает вибрировать. Иногда следом начинается электрический “дождь”.

Рация, с которой Ивашура не расставался, прочирикала вызов.

— Что случилось? — спросил далекий Гришин.

— “Флаттер”, — коротко отозвался Ивашура. — Не волнуйтесь, Константин Семенович, мы далеко от стены.

— Ну, слава богу! Вертолет за вами посылать?

— В один все не влезем, не надо, доберемся на вездеходе.

В бинокль было видно, как громадный участок стены Башни длиной с километр стал вздрагивать, гнуться, пошел волнами и превратился в гофрированную “стиральную доску”. Длилось это около пяти минут. Потом амплитуда волн стала уменьшаться, вибрация стены пошла на убыль и исчезла. Башня стояла все такая же угрюмая, придавившая ландшафт миллиарднотонной тяжестью, голубая и чистая, без обычных пятен в том месте, где только что разыгрался “флаттер”.

Ивашура задумчиво опустил бинокль, потом снова поднес к глазам.

— Кажется, я сделал маленькое открытие, — пробормотал он. — Вы не помните, как выглядел участок стены до “флаттера”?

Одинцов задумался.

— По-моему, там были черные окна…

— А сейчас вся стена чистая! Понимаете?

— Вы хотите сказать, что “флаттер” очистил стену?

— Не просто очистил. Черные “окна” в стене — это дыры, проломы, разрушенные места, “флаттер” починил стену! Я вспомнил, так было и раньше, только почему-то никто не анализировал состояние стены до и после явления.

— Все это хорошо, — проворчал Старостин. — Но я и мои коллеги замерзли. Не пора ли возвращаться?

— Извините, — заторопился Ивашура. — Вездеход недалеко, за деревьями, на дороге.

Привезя гостей в штаб, он оставил их на попечение Богаева и Гришина — знакомиться с обстановкой, имеющейся информацией и документами, а сам нашел Рузаева и слетал в лагерь физиков, к Меньшову, передать образцы металла и почвы — следы “мертвого выброса” для масс-анализа, и заодно узнать, какими идеями богаты бравые ядерщики. По пути спросил Рузаева:

— Ты уже подумал? Времени как будто было достаточно.

— Подумал, — невозмутимо ответил Михаил. — Идем на контакт. Сурена возьмем в компанию?

— Если он изъявит желание. С чего начнем? Теории не помогут, нужны свежие идеи, тем более что сами пауки на контакт идти не хотят. Удивляюсь, как они пошли на роль сигнальщиков опасности.

— А я не удивляюсь. По-моему, пауки — биомашины и только, киберы, автоматы с целевой программой, в которой нет места переговорам с людьми. В контакт мы если и вступим, то не с ними, а через них.

Ивашура в сомнении пошевелил бровями.

— Может, ты и прав. Но тогда вопрос: чьи они биокиберы? От этого, кстати, зависит и тактика предполагаемого контакта. Не понял?

— Почему не понял? Одно из двух: или пауки — пришельцы, и тогда контакт может не получиться, или они киберы землян, людей.

— Не обязательно людей. Гипотеза у Валеры сумасшедшая — насчет множества цивилизаций на Земле, живущих каждая в своем “угловом” времени, но опровергнуть ее никто не в силах, даже физики-теоретики, вплоть до академиков, законодателей философских построений. Понимаешь, то, что пауки начали нас сначала отпугивать от Башни, а потом предупреждать об опасности, навело меня на довольно жуткую мысль. Что, если Башня — следствие какой-то колоссальной аварии? Либо в будущем, либо в прошлом, а может, и в “угловом” времени. Что она связана со временем, можно считать доказанным, взять только наши с тобой путешествия внутри “мыльных пузырей” иного пространства-времени, где время течет не так, как в обычном мире.

Рузаев неопределенно хмыкнул:

— Хочешь стать автором еще одной “безумной” гипотезы?

Ивашура без улыбки качнул головой.

— Нет, с коллегами из Академии наук я делиться этой гипотезой не буду, она — детище моих эмоций, а не знаний, а гипотез и без нее хватает. Надо думать, как сообщить хозяевам Башни, что они у нас и так уже порядком натворили дел, и чем дальше, тем положение хуже.

Вертолет сел у палаток лагеря физиков, подняв снежную пыль.

Ивашура оставил Рузаева у машины и вскоре вернулся с Меньшовым, борода и усы у которого заиндевели и покрылись сосульками.

— Сидел на вышке, — прогудел Меньшов, дыша на красные распухшие руки. — Горячая пора, скоро пульсация.

— Хоть отогрейся сходи, — посоветовал Ивашура. — Что нового?

— Колдуем над разгадкой “мертвых выбросов”, голова кругом идет, столько возможностей заложено в этом явлении!

— Не вздумай подходить к Башне и устраивать незапланированные эксперименты! Знаешь, чем это кончается.

Меньшов помрачнел.

— Слышал и видел. Хороший был мужик Серега, я с ним еще в Москве встречался, приезжали они к нам на консультацию… Не волнуйся, ничего противозаконного не делаем. Постреливаем изредка по “мертвым выбросам”. Запустили два беспилотных планера с приборами к стене Башни, собираемся поднять серию воздушных шаров с аппаратурой и осуществить идею Гришина — спустить в Башню сверху зонд с кучей датчиков и телекамер. Ветер сейчас удобный, дует все время к Башне. Нового ничего, записали два выброса, “флаттер” и “телеэкран”. — Меньшов несколько оживился. — Любопытно, что “телеэкран” показал нам сегодня сначала паука, а потом шар, предполагаем — планету пауков.

Эксперты переглянулись.

— Действительно любопытно, — протянул Ивашура. — Ты считаешь пауков пришельцами?

— А вы разве нет?

— Эксперт отличается от нормального специалиста тем, что делает вывод лишь при наличии системы фактов, — ровным голосом сказал Рузаев.

— Так я вам и поверил, — ухмыльнулся в усы Меньшов. — Как будто вы не живые люди. Каждый из нас при отсутствии информации начинает пользоваться эмоциями, интуицией и фантазией. Спасибо хоть за “нормального” специалиста. Это все, что вы хотели узнать, джентльмены?

Ивашура отрицательно покачал головой.

— У тебя не найдется переносной лазер, хотя бы типа ЛКТ-100?

— Поищем. Сами не пользовались, но на всякий случай запросили в отделе снабжения. Зачем он вам?

— А СВЧ-передатчики? — продолжал Ивашура, не отвечая на вопрос.

— Это вы спросите у радиофизиков, у них должен быть.

— Еще нам нужны электромагнитные искатели, пара цериевых батарей, ультразвуковые свистки и щупы.

Меньшов присвистнул.

— Понятно, задумали проникнуть в Башню, психи! Нет? Тогда не понимаю. А что же ваша контора? Неужели Центр настолько обеднел, что даже щупов не выделяет своим работникам?

— Не гадай, Виталий, у тебя плохо получается, на цыгана ты похож только в профиль.

Рузаев неожиданно хихикнул:

— Игорь вышел из доверия директора Центра товарища Богаева.

Ивашура нехотя улыбнулся:

— Это точно. Дернула меня нелегкая провести тот эксперимент.

— Тебе не позавидуешь. — Меньшов снял шапку и почесал затылок. — Ты начальник экспедиции и ты же — сотрудник Центра, начальник которого Богаев. На твоем месте я бы…

— Дашь ты нам, что просили, или не дашь? — перебил его Ивашура, потеряв терпение.

— Что с вами поделаешь, дам. Только, чур, меня потом не впутывать, буду говорить — сами взяли. Разрешите идти, господин генерал?

— Идите, поручик. Стойте! Когда наметили полет к Башне сверху?

— Сегодня в шесть вечера, приходите.

— Свободны!

Меньшов неуклюже козырнул, еще более неуклюже повернулся кругом, широкий в своем черном зипуне, пахнущем костром и бензином, и потопал к одной из вышек, возле которой собрались его подчиненные и коллеги.

— Поехали. — Ивашура полез в кабину. — Сейчас к радиофизикам, потом в воинскую часть, хочу попросить у них пневмопистолет для метания сетки-ловушки, а потом к медикам.

Рузаев сделал вид, что ему все равно.

Первую вылазку к Башне отложили на поздний вечер, чтобы не возбуждать излишнего любопытства у прибывшей комиссии вкупе с журналистами, операторами телезаписи и другими неофициальными лицами, переполнившими лагерь экспедиции.

Ивашура свободно владел английским, сносно французским, и в разговоре с приехавшими иностранными учеными и журналистами переводчиков не требовалось. “Пресс-конференции” как таковой не было. Ивашура довел до сведения иностранцев порядок работы экспедиции, распорядок дня, рассказал об основных направлениях исследования Башни и с помощью Богаева, который тоже говорил по-английски, распределил приехавших по лабораториям и отрядам экспедиции. Журналистам же, вновь прибывшим, пообещал рассказать все подробности на следующий день, дав им сутки на акклиматизацию и предоставив возможность самостоятельной добычи информации у остальных членов лагеря, прибывших ранее.

Освободившись на полчаса, Ивашура поговорил с Вероникой, определив объем очередной телепередачи, и был неприятно поражен тем, что девушка вдруг попросилась пойти с ним к “паукам на встречу”.

— Кто вам сказал, что мы собираемся к паукам? — спросил он, хмуря брови и внимательно разглядывая лицо диктора телевидения.

— Никто, — пожала плечами Вероника. — Интуиция, если хотите. Я же вижу, что вы озабочены, а в вашем вагончике я заходила — Миша Рузаев готовит какие-то приборы и снасти. Я не права?

Ивашура задумчиво посмотрел на носки своих сапог.

— Да, мы идем в пробную вылазку для установления контакта с пауками. Это опасно, и поэтому в другой раз я бы не задумываясь ответил вам “нет”, но я вдруг подумал, что профессиональное умение формулировать вопросы и ответы может нам пригодиться. Я согласен, но ни одна душа…

— Не продолжай, — улыбнулась Вероника, глаза ее просияли. — А ты, однако, смел, Игорь Васильевич.

— Одним словом, анархист, — без улыбки пробурчал Ивашура. — Будь готова к походу часам к десяти вечера. — Он тоже перешел на “ты”, не заметив этого. — И оденься соответственно.

— Слушаю и повинуюсь!

Вероника легонько сжала пальцы начальника экспедиции и убежала, унося в глазах свет признательности, радости и удивления и чего-то еще, поднявшего в душе ответную волну радости и желания снова и снова встречаться с этой девушкой.

Он так глубоко задумался, что не заметил подошедшего вплотную Одинцова. Полковник был, как и всегда, подтянут, деловит, сдержан и сосредоточен.

— Простите, — сказал он, привычно касаясь пальцами клапана своей шапки. — Не

помешал?

— Нисколько, — вздохнул Ивашура, закрывая “дверь в мир своих чувств и желаний”. — Слушаю вас, Мартын Сергеевич.

Разговор с Вероникой происходил возле столовой, вагончик которой ничем не отличался от остальных домиков экспедиции, но располагался отдельно и был пристыкован к крытой кухне. У столовой всегда стояли одна или две машины, привозящие продукты из города, сновали люди. Откуда-то тянуло дымом и чем-то сладким, как из кондитерской.

Ивашура посмотрел на часы и увлек Одинцова к штабу. Смеркалось, а он не сделал еще и половины того, что намеревался успеть до десяти вечера.

— Я тут расспросил… — заговорил на ходу Одинцов. — Мнения расходятся. Как вы считаете, Игорь Васильевич, чем может закончиться экспансия Башни? Не может же она расти вечно, должен быть какой-то предел.

— Должен, — согласился Ивашура. — Но мы его не знаем. Как сказал мой знакомый физик: “Наша физика мало применима к Башне”. По известным законам физики ни один из земных материалов не способен выдержать таких нагрузок, которые должно выдерживать сооружение выше одного километра и массой больше одного миллиона тонн. Оно просто рухнет под собственной тяжестью, если только не представляет собой колонну, целиком вылитую из этого материала. А Башня если и не полая внутри, то хотя бы имеет пустоты, могу привести расчеты специалистов и наблюдателей. При массе в девяносто миллиардов тонн и высоте в два с половиной километра материал Башни имеет плотность бериллия, и тем не менее Башня не разрушается! Может, стены Башни и не стены вовсе, а одна видимость? Скажем, голографический мираж или в крайнем случае неизвестное силовое поле. В одном я уверен почти на сто процентов: Башня каким-то образом изменяет ход времени.

— Почему почти?

— Потому что наши с Михаилом путешествия в “пузырях времени” вполне могут казаться галлюцинациями, шутками собственного мозга, отреагировавшего на всплеск какого-то излучения. Обратного, к сожалению, никто не доказал.

— Но вы-то сами уверены в путешествии, не так ли? Хотел бы я побывать на вашем месте, честное слово! Испытать на себе хотя бы “зону ужасов”.

Ивашура весело посмотрел на собеседника:

— Ай да полковник! Я думал, что из всех начальников экспедиции только я один не в ладах с дисциплиной.

В глазах Одинцова зажглись иронические огоньки.

— Не обольщайтесь, Игорь Васильевич. Мне это нужно по долгу службы. Впрочем, вас я тоже понимаю. Рисковать вы умеете, надо признаться.

— Стараемся, — в тон полковнику сказал Ивашура. — В “зону” я вас свожу, пожалуй, но позже, после пульсации. Не возражаете?

Они остановились у домика штаба, дверь которого то и дело впускала и выпускала людей.

— Еще вопрос, — спокойно проговорил Одинцов. — Как вы думаете контактировать с пауками?

Ивашура внимательно посмотрел в проницательные глаза гостя.

— Однако, информация у вас поставлена!

— Стараемся, — прищурился Одинцов.

— Боюсь, я вас не обрадую Я не знаю каким способом следует устанавливать контакт с пауками. Сегодня я намерен совершить первую попытку, а в дальнейшем хочу образовать инициативную группу контакта. По-моему, нет смысла доказывать его необходимость?

— Мне — нет, — невозмутимо ответил Одинцов. — Если вам что-нибудь понадобится из спецснаряжения, обращайтесь ко мне, наша “фирма” поможет.

Полковник кивнул и удалился к домику связистов. Ивашура молча смотрел ему вслед, пока кто-то не тронул его за рукав. Гаспарян.

— А если он узнает? — спросил эксперт, кивнув на удалившегося Одинцова. Видимо, его мучили те же мысли, что и Ивашуру.

— Он знает, — сказал начальник экспедиции.

Ровно в восемнадцать ноль-ноль Ивашура занял место в кабине вертолета вместе с Меньшовым, Гришиным и двумя физиками, бережно обхаживающими два зонда с аппаратурой контроля среды и телекамерами. Было решено зависнуть над Башней на безопасной высоте и опустить на ее размытую вершину зонды на тросах. Запись передачи с телекамер должна была вести по кабелю переносная видеомагнитофонная система в кабине вертолета.

— Чуть что — рви когти! — инструктировал Меньшов пилота. — Не жди, пока свалимся в пикирование. Увидишь, что вертолет ведет себя необычно, — сразу дай знать.

Пилот, спокойный молодой человек со шрамом на щеке, молча кивал головой.

Взлетели по расписанию, ответив службе авиаконтроля. Через десять минут вертолет завис над Башней в сотне метров от ее дрожащей вершины, постепенно теряющей плотность до полной прозрачности.

— Если бы самому туда слазить, — вздохнул молчавший всю дорогу Гришин.

Меньшов, занятый настройкой приборной части второго зонда, фыркнул в бороду:

— Что это с вами, Константин Семенович? С каждым днем ваши желания все рискованнее и оригинальнее.

— Легче подавить первое желание, чем утолить все, что следует за ним[7], — улыбнулся Ивашура.

— Знаю, — снова вздохнул Гришин. — Но уж очень хочется сбросить покров тайны с апокалипсиса Башни.

— Трос не достанет, — сказал один из физиков, — надо опуститься ниже.

— Вываливайте зонд. — Меньшов открыл люк в дне кабины. — Саша, берись за лебедку. Опустим и посмотрим, сколько останется до мерцающего слоя.

Зонд, представляющий собой металлический цилиндр с решеткой антенны и глазками приборов по корпусу и в дне, пошел вниз. Трос кончился на шесть-десять шестом метре.

— Все, дальше придется маневрировать вертолетом.

— Что показывают приборы?

— Небольшое повышение радиационного фона, — сказал Гришин, склонившийся над панелью переносного пульта управления. — Ничего особенного.

— Хорошо, что ни “глаза дьявола”, ни “мертвые выбросы” не разряжаются вверх, — пробасил Меньшов. — Ну что, Василич, пошли помалу вниз?

Ивашура, поколебавшись, кивнул пилоту:

— Легонько, не торопясь.

Вертолет плавно пошел вниз. Зонд приблизился к границе переходной зоны, где воздух струился маревом, будто нагретый до высоких температур, и вдруг превратился в тонкий стержень, ушедший глубоко в недра Башни. Громыхнуло. Из глубин размытого конца Башни всплыл рой пронзительно-голубых искр, вертолет вздрогнул.

— Назад! — отреагировал Ивашура, но пилот уже сам сделал надлежащие выводы: вертолет с натугой рванулся вверх.

Зонд выскочил из зоны завихрений, странно белый, как будто вымазанный в сметане, из тонкой бесконечной иглы превратился в прежний цилиндр.

— Ничего не понимаю, — проговорил озадаченно Гришин. — У меня все зашкалило! Что там случилось с зондом?

— Подтяни-ка, — приказал Меньшов.

Физик у лебедки послушно заработал рукоятью барабана. Заиндевевший трос пополз мохнатой длинной гусеницей. Зонд приблизился. Ивашура тихонько присвистнул.

---

[7] * Бенджамин Франклин.

— Ну и ну!

Зонд изменил форму и цвет, превратившись в гроздь белых “ежей” размером с полметра каждый.

— Что это?! — изумленно воскликнул молодой физик.

Ответом ему было молчание. Более опытные и сдержанные ученые не спешили давать объяснения новому феномену.

— Надо было снимать спуск со стороны, — сказал Гришин. — Не догадались.

К сожалению, — кивнул Ивашура. — Проверьте радиацию, может, эти “ежи” излучают.

Меньшов высунул из люка дозиметр, покачал головой.

— Почти норма. Но ты прав, эта штука опасна, неизвестно, что от нее ждать. Предлагаю отнести ее в поле, подальше от лагеря. Потом вернемся с оборудованием и посмотрим, чем оброс зонд.

Ивашура хотел сказать, что зонд вовсе не оброс, а изменил форму, превратился в гроздь колючих ядер, но промолчал.

Они опустили сверкающую белую конструкцию на снег недалеко от дороги, чтобы можно было подъехать сюда на вездеходе, оставили вместе с ней трос, и вертолет понесся к лагерю, словно с облегчением освободившись от непрогнозируемого опасного груза.

— Выясните, в чем дело, позовите, — отрывисто сказал Ивашура. — И готовьтесь ко второму походу, на двух вертолетах и с киносъемкой.

— Сделаем, — прогудел в бороду Меньшов и признался. — Знаете, братцы, а я струсил! Думал, как рванет — костей не соберем! А еще хуже — провалимся в Башню!

Ивашура молча похлопал его по плечу.

В десять вечера начальник экспедиции позвонил Меньшову, и физик сообщил ему о результатах исследования изменившего структуру зонда.

Зонд перестал быть таковым, он теперь вообще ни на что знакомое не походил. Он жил, если можно было так выразиться, то есть работал: что-то в нем стучало, позванивало, шелестело, изредка иголки “ежей” начинали светиться призрачным зеленым светом. Материал его корпуса установить не удалось, как и разобрать или проникнуть внутрь.

— Понимаешь, он растопил снег вокруг, — орал в трубку Меньшов, — но сам холодный! А самое интересное — иногда шары становятся прозрачными и оттуда кто-то на нас смотрит! Не видно, кто, но чувствуется. Потрясающий эффект! Кстати, уже прибегали пауки, посмотрели, побегали вокруг и умчались.

— Осторожнее там, — проворчал Ивашура, не зная, что сказать. — Старайтесь изучать его дистанционно, близко не подходите.

— Почему не подходить, он безопасен, как огурец! Ну и выловили! — Меньшов хохотнул. — Бросили наживку и вытащили чудо-юдо! Не знаем, что и делать. Зато интересно.

— Поумерь восторги, — сказал Ивашура, невольно заражаясь оптимизмом физика. — Я к вам загляну утром.

Переварив сообщение, он провел обычное селекторное совещание, пожелал спокойной ночи Богаеву, утомленному организационно-хозяйственной деятельностью, и покинул штаб, почти полностью опустевший к вечеру.

В вагончике экспертов его уже ждали готовые к походу Рузаев, Гаспарян и Вероника. Эксперт Валера находился на дежурстве у связистов и помешать поэтому не мог.

Вероника была одета в альпинистскую тройку: штормовка, непромокаемые брюки, горные ботинки. Гаспарян косился на нее с некоторой завистью и удивлением, разбавленным изрядной долей заинтересованности: девушка ему нравилась. Рузаев посматривал на Веронику с неодобрением, но молчал, зная, что Ивашура решений своих не меняет.

Разобрали снаряжение.

Ивашура взял фонарь, рацию, лазер — длинный прямоугольный брусок в дырчатом кожухе с рукоятью и “консервной банкой” аккумулятора на торце, и метатель сетки-

ловушки, похожий на сверхсовременный арбалет.

Гаспарян перекинул через одно плечо ремень СВЧ-передатчика, через другое — ремень ружья и взял в руки электромагнитный искатель: квадратную рамку на длинной ручке. Рузаеву достался второй искатель, дозиметр, ультразвуковой свисток и второй фонарь. Веронике доверили нести приборы ночного видения, добытые Ивашурой у вертолетчиков, портативный магнитофон и аптечку.

— Кажется, все, — проговорил Ивашура, осмотрев группу. — Начнем первый этап "разведки боем". Вторым этапом будет проникновение в Башню. Выходить по одному.

Они вышли из вагончика во тьму ночного леса, рассеиваемую лишь фонарем у штаба. Ивашура не стал брать вертолет или вездеход, не желая втягивать в свой рискованный поход других лиц, и пять километров до ограждения им предстояло пройти пешком.

Небосвод был скрыт тучами, ветер нес их к багрово светящейся Башне. До пульсации оставалось несколько часов, и крики пауков доносились почти каждые пятнадцать-двадцать минут, активность Башни росла. Но именно поэтому Ивашура и решил пойти в разведку, шансы встретиться с пауками увеличивались.

Двигались молча. Ивашура шел впереди, прокладывая дорогу, проваливаясь в снег. Гаспарян шагал следом, помогая Веронике, Рузаев замыкал цепочку.

Через полчаса вышли из леса на поле, по спрессованному ветром насту идти стало легче. Башня показалась вся. Вокруг ее вершины крутилась спираль вспыхивающих зеленоватым светом облаков.

— Такой Башня никогда не была, — заметил Гаспарян. — Да, Миша? То ли пульсация будет более мощной, то ли готовится что-то новенькое.

— Увидим, — пробурчал Рузаев.

К ограждению вышли в двенадцатом часу ночи. Ивашура оставил их на короткое время — предупредить патруль — и вернулся.

— Сделаем так, — сказал он, посмотрев на часы. — Растянемся в цепочку и подойдем к Башне километра на два — полтора. Фонари зажигать не стоит, надевать инфраоптику тоже — на фоне Башни и так все видно. Кто увидит паука первым подает сигнал. При малейшей опасности тоже подавать сигнал, мало ли что встретится. Уяснили?

Где-то в темном небе послышался нарастающий рокот, показались белые и красные огни — вертолет авиаконтроля. Он прошел чуть в стороне, над лесом, звук постепенно затерялся в шуме ветра. Эксперты проводили его взглядами.

— Может, Веронику оставим здесь? — предложил Рузаев.

— Нет-нет, — поспешно откликнулась девушка. — Я пойду с вами.

Ивашура встретил ее умоляющий взгляд и повернулся к Гаспаряну.

— Подстрахуешь ее, Сурен. Почему вы не спрашиваете, что мы будем делать дальше?

— А что тут спрашивать? — рассудительно произнес Рузаев. — Будем ловить паука, а потом спросим, разговаривает ли он по-русски и по-английски.

Вероника засмеялась.

— А что — нет? — оставаясь бесстрастным, спросил Рузаев. — Зачем бы мы тогда брали сетку-ловушку и СВЧ-передатчик?

— В логике тебе не откажешь, — сказал Гаспарян ядовито.

— Ну, ни пуха ни пера, эксперты? — сказал Ивашура.

— К черту! — дружным шепотом ответили все.

8

Чем ближе они подходили к Башне, тем больше убеждались, что активность ее превысила обычную перед пульсацией. Блуждающие источники радиации — "глаза дьявола"- вспыхивали почти каждые пять минут, правда, все на значительной высоте. Дважды начинались электрические "дожди", прижимаемые ветром к стенам Башни. Багровое свечение ее стен пульсировало — то отступало вглубь, то усиливалось, и от этого казалось,

что Башня то съеживается, то растет в объеме.

Идти стало трудней. Снежный наст утратил твердость, стал рыхлым, пропитанным влагой, тепловое дыхание Башни уже достигало этих мест. Вскоре в снежном покрове появились прогалины раскисшего чернозема, в которых легко можно было завязнуть по пояс и глубже.

В какой-то момент Ивашура вдруг остановился, жестом приказал всем замереть и прислушался.

— Кажется, начались сюрпризы, чувствуете?

— Зона, — сказал Гаспарян. — Мы дошли до зоны, вот и все.

— Какая зона? — спросила Вероника, тщетно стараясь уловить хотя бы один посторонний звук, кроме завывания ветра. Ей показалось, что над ними нависла странная призрачная и одновременно тяжелая тень, но это прошло. Осталось ощущение какого-то давления на голову да чувство неловкости во всем теле.

— “Зона ужасов”, — пояснил Рузаев терпеливо. — Но это не она. Зона обычно начинается в километре от стены, а мы стоим по крайней мере в двух.

— Подождите здесь. — Ивашура прошел вперед с десяток шагов, постоял и вернулся. — Это не зона — инфразвук.

— Знакомые штучки.

— Да, это уже серьезно, дальше мы, наверное, не пойдем.

— Что это значит — инфразвук? Извините, что вмешиваюсь…

— Пауки поставили инфразвуковую завесу, — внес ясность вежливый Гаспарян. — Инфразвук, то есть звук низкой частоты, очень нехорошо влияет на организм, поэтому ближе к стене Башни идти рискованно.

— А зачем они поставили завесу, пауки?

— Не хотят, чтобы кто-нибудь мог приблизиться к Башне. Существует гипотеза, что пауки предупреждают людей об опасности: криками — когда источник опасности локален, инфразвуком — когда опасность… э-э…

— Неизвестно где, — подсказал Рузаев. — Инфразвуком пауки отпугивали нас лишь однажды, когда на месте Башни был еще построенный ими из паутины конус.

Почва внезапно вздрогнула под разведчиками, по полям прокатился низкий подземный гул.

Эксперты переглянулись.

— Отложим? — с полувопросительной интонацией сказал Гаспарян.

Ивашура на минуту задумался, взглянул на часы и тронул кнопку рации.

— Связь-два, что там у вас?

— Был толчок, — донесся сквозь хрипы и треск эфира тонкий голос диспетчера. — Силой три балла. Причины неизвестны. Кто говорит?

— Ивашура.

— Игорь Васильевич, вас искали радиофизики, велели специально передать: плотность полей вокруг Башни растет по экспоненте. Как поняли?

— Спасибо, понял.

Ивашура выключил рацию, щелкнул крышкой дозиметра.

— Хорошо, хоть радиационный фон остался прежним, — пробормотал Гаспарян. — Предлагаю вернуться за вездеходом.

— Потеряем время, — сказал Ивашура. — Попробуем подползти еще на пару сотен метров, на сколько хватит сил терпеть инфразвук. Вероника, тебе придется остаться.

Девушка хотела было запротестовать, но уловила холодный блик в глазах Ивашуры и сдержала готовый вырваться протест.

— Хорошо. Что я должна делать?

— Ждать нас. Вот тебе вторая рация, настроена на общую волну. В случае нашей… впрочем, мы вернемся, жди. — Он повернулся к экспертам. — Надевайте инфраоптику, попробуем пойти с ней.

Они надели приборы ночного видения, похожие на очки-консервы с резиновыми окулярами и гибкими дугами.

— Ух, здорово! — не выдержал Гаспарян и прищелкнул языком.

— А мне можно? — робко спросила Вероника.

Ивашура без слов помог ей надеть очки. Взору девушки открылась волшебная картина, расцвеченная всеми оттенками коричневого, алого и вишневого цвета.

Башня сияла белым накалом, так что на нее было больно смотреть. Почва и лес вдалеке были черными или темно-коричневыми, и в этой черноте проглядывали багровые дорожки, прожилки, ручейки, нити, бесформенные пятна…

Ивашура первым разобрался в цветах: пятнами были нагретые участки почвы, дорожками и ручьями — насыпи и гребни пластов вспаханного поля, а вот прожилки и нити… Он шагнул к ближайшей нити, нагнулся, сорвал инфраочки и хмыкнул.

— Паутина!

Гаспарян проследил за нитью паутины и пробормотал что-то по-армянски.

— Пошли, — спохватился Ивашура, снова натягивая очки. — Потом разберемся, что начали строить… — он не договорил.

По полю плавно мчался багровый шарик, а за ним оставалась тонкая красная нить.

— Паук! — ахнула Вероника. Ивашура сжал ей пальцы, призывая к молчанию, передал Гаспаряну лазер. Потом, не отрывая взгляда от бегущего пятна, достал на ощупь метатель сетки-ловушки, прикинул, куда выкатится шар, и побежал наперерез.

Вероника хотела было крикнуть: Игорь! — но вовремя зажала рот ладонью. Гаспарян зачем-то снял с плеча двустволку и взвел курки. Рузаев быстро достал из-под полы кинокамеру на ремне и припал к видоискателю. Гаспарян одобрительно похлопал его по плечу.

Чтобы приблизиться к пауку, не сбавляющему скорости, надо было углубиться в зону, где мощность инфразвука возрастала, но Ивашура не замечал влияния инфразвукового излучения. Когда до паука оставалось около десяти метров, он в два приема вскинул метатель и нажал на спуск. Со щелчком пружина метателя выбросила сетку, и та в падении, разворачиваясь в плоскость, накрыла круглое светящееся в инфракрасном диапазоне тело паука. И… ничего не произошло! Паук резко затормозил и замер.

Ивашура тоже остановился, ожидая чуть ли не “разряда бластера”, потом сорвал инфраочки. Он не сразу привык к темноте, но понял, что действительно поймал паука. На гладком черном теле с сейчас невидимыми ногами выделялись белесые, громадные, без зрачков глаза, внимательно и с недоумением, как показалось Ивашуре, разглядывающие человека.

Эксперт колебался всего мгновение, он относился к тем людям, действия которых тем эффективнее, чем труднее ситуация, умея из хаоса мыслей выуживать оптимальную, мгновенно собираться и принимать решения, основываясь иногда только на “показаниях” интуиции; в данный момент он вдруг отчетливо понял, что паук не опасен.

Ивашура медленно сделал шаг к пауку, второй, остановился в трех шагах. Теперь он видел его полностью. Паук упирался в пашню длинными суставчатыми ногами, перебирая приподнятыми передними лапами-педипальцами. Ивашура обнаружил, что сетка, сплетенная из капроновых канатиков толщиной в полсантиметра, разрезана на две части, но это его не остановило: паук ждал его дальнейших действий.

— Выслушайте нас, — сказал он негромко, но твердо. — Запишите и передайте своим хозяевам. Мы хотим знать, что такое Башня, это первое. Второе: как долго и до каких пределов она будет расти? Ее рост — реальная угроза нашему миру, и, если Башня не остановится, нам придется применить силу. И третье: известно ли вам что-нибудь о судьбе наших товарищей Ивана Кострова и Таисии Калашниковой? Пока все. Когда ждать ответа?

Паук продолжал все так же задумчиво перебирать лапами.

— Не слышу.

Молчание, потом какой-то тихий прерывистый писк. Ивашура от неожиданности

вздрогнул: паук ответил!

— Повторите, — громче сказал он.

Снова тихий писк. Голос паука!

Эксперт махнул рукой напряженно ожидающим его друзьям. Все трое сорвались с места, но Ивашура остановил их жестом.

— Вероника — магнитофон!

Девушка подбежала через минуту — паук на это не реагировал — и передала магнитофон. Ивашура включил запись и осторожно приблизил магнитофон к пауку.

— Прошу вас, повторите еще раз.

Паук пискнул, еще и еще раз, присвистнул и вдруг помчался задом наперед по той же дороге, что и бежал сюда, не сводя своих круглых глаз с людей. Исчез, растворился во мраке.

— Уфф! — выдохнул Ивашура и смахнул со лба пот. И тут только почувствовал неприятное раздражающее тепло в голове, беспокойство, духоту, желание оглянуться, подкатывающую к горлу тошноту: инф-развуковая завеса пауков продолжала действовать.

— Уходим, — коротко бросил Ивашура. Выключил магнитофон, оглянулся на Башню и рысцой затрусил за Вероникой. Он понимал, что поведение паука еще ни о чем не говорит, но верил, что начало положено. Машина это или существо — не суть важно, в любом случае паук должен был записать или запомнить его речь и передать по назначению, и если писк — не ответ, то, возможно, хозяева Башни все же ответят на вопросы людей рано или поздно. Главное достоинство метода, который избрал Ивашура для контакта, заключалось в его простоте. Никто еще до сих пор не пытался просто задавать вопросы паукам. Он их задал…

До двух часов ночи они пытались поймать хотя бы еще одного стража Башни, но тщетно: видеть — видели, пауков объявилось необычайно много, но ни один из них не подбирался ближе, чем на сто-двести метров, и ни один не отреагировал на облучение лазерным лучом. Пауки лихорадочно плели паутину.

Наконец, когда рация заговорила голосом Одинцова, Ивашура повел свою уставшую и продрогшую “комиссию по контактам” домой.

У заграждения их ждал высланный полковником вездеход, и уже через двадцать минут они оказались дома. В вагончике было тепло, уютно потрескивали поленья в печурке, ароматно пахло кофе. У стола сидел сосредоточенный, как всегда, Одинцов и читал газету. Когда эксперты ввалились в комнату, он только поднял от газеты голову.

— Ничего, — отвечая на его немой вопрос, сказал Ивашура. — Вернее, почти ничего. Один из пауков выслушал меня, но я не уверен, что он понял и ответил. Пропищал что-то, но что… — Ивашура развел руками и передал магнитофон Гаспаряну. — Завтра утром на анализ, пусть звуковики повозятся вместе с лингвистами.

— Я бы удивился, если бы с первого раза удалось установить контакт, — негромко проговорил Одинцов. — Следующую экспедицию надо подготовить более серьезно и тщательно.

— Вы правы, надо привлечь все научные силы и технику, выигрыш превышает любые материальные затраты.

Они сели за стол, разлили по кружкам кофе и с наслаждением напились, посматривая друг на друга. Во время кофепития пол вагончика заметно вздрогнул, издалека прилетел короткий глухой гул, задрожали стекла в окнах.

— Спать не придется, — сказал Ивашура, глянув на часы. — Пульсацию следует ждать часа через полтора — два. Чем больше думаю, тем больше убеждаюсь, что нам повезло с “контактом”. Пауки плетут вокруг Башни паутину, значит, ожидается что-то более серьезное, чем было до сих пор. Именно поэтому пауков так много.

Он принялся убирать со стола, но вспомнил о Веронике, жестом указал Рузаеву на стаканы и кружки и оделся.

— Я буду в штабе.

— Я с вами, — поднялся и Одинцов.

— А я с вашего позволения вздремну часок, — сказал задумчиво Гаспарян. — Мой

организм не выдерживает более двадцати часов бодрствования, да еще в стрессовой обстановке.

— Вот вам фазовый портрет личности по имени Сурен Гаспарян, — проворчал Рузаев, звеня стаканами.

Закрывшаяся дверь отрезала ответ Гаспаряна.

— Друзья? — спросил Одинцов, кивая на дверь.

Ивашура сошел по ступенькам, оглянулся.

— Вы психолог.

— А нам нельзя иначе, — улыбнулся Одинцов.

Дальше шли молча.

Над миром довлел горный гребет Башни, заставляя людей держаться в постоянном напряжении, смешанном с восхищением и недоумением. Никто не мог остаться равнодушным, глядя на эту чудовищную геометрически правильную глыбу непонятного назначения и происхождения, попирающую известные законы бытия…

Пульсацию Башни — очередной скачок ее роста в диаметре — наблюдали все двести с лишним человек экспедиции: ученые, журналисты, инженеры связи, техники, работники телевидения, обслуживающий персонал лагерей и солдаты воинских подразделений, поднятых по тревоге по совету Ивашуры. Сам начальник экспедиции ожидал пульсацию в кабине вертолета авиаконтроля, кружившего вокруг Башни на высоте километра. Вместе с Ивашурой в кабине находились Рузаев и Вероника, упросившая взять ее с собой.

Непосредственно перед пульсацией ветер, дувший к Башне, стих, облака сразу опустились ниже, придавили землю, словно потяжелели. Даже в километре от Башни в них вспыхивали электрические разряды, в основном горизонтальные, в виде причудливых широких лент и полос. Башня продолжала светиться угрюмым багровым накалом, по ней, как по угасающей звезде, ползли темные пятна, вспыхивали и тут же гасли злые зеленые звезды и ветвящиеся росчерки молний. Иногда откуда-то из таинственных ее недр выметало наружу целые поля долго не тускнеющих искр, среди которых формировались диковинные электрические “призраки”. Из-под земли то и дело доносились бухающие удары, гул и стоны: казалось, Башня раздирает тело Земли, раздвигает его, мнет, сверлит исполинским буром, уходя все ниже и ниже, к мантии, к ядру…

Вероника, округлив глаза и замерев, в каком-то суеверном восторге глядела на красочную феерию, окружившую Башню. На вопросы Ивашуры отвечала односложно и невпопад, и тот, оценив ее состояние, перестал ей мешать.

Рузаев работал с бортовыми кинокамерами вертолета, быстро найдя общий язык с наблюдателями — неразговорчивыми офицерами одной из воинских частей. Кроме того, у него была наготове своя кинокамера, с которой он не расставался. Дважды засняв Башню и плывущие над лесом “призраки”, Михаил вдруг потянул Ивашуру за рукав:

— Посмотри-ка, пауки? Слева по курсу, рядом с насыпью у стены…

Ивашура поднял бинокль.

Черный в призрачном свете вал сдвинутой земли у стены Башни вдруг зашевелился, стал расползаться! В бинокль стало видно, что это несется от стены лавина пауков, спасаясь от неведомой опасности. Даже сквозь рокот двигателя донесся долгий заунывный крик, от которого тревожно сжалось сердце.

— Проклятие! — сквозь зубы проговорил Ивашура, бледнея. — Уж если бегут пауки!..

Башня вдруг засияла сверху донизу ярким желтым светом, на миг превратилась в нечеткий смазанный силуэт и тут же снова превратилась в плотную и твердую на вид колонну чуть толще прежней. Тугой удар, словно от сверхзвукового самолета, хлестнул по воздуху, вертолет шатнулся, так что всех прижало к стеклам кабины, но Ивашура успел заметить, как вал земли у выпуклой стены Башни взметнулся гребнем ввысь, сдирая шкуру почвы со щеткой леса, и рухнул на лес, породив новую насыпь…

— Ужас! — беззвучно проговорила Вероника, сжав подбородок пальцами обеих рук.

Вслед за ударом последовал грохот и грозный, вибрирующий гул, от которого

задрожали стенки кабины вертолета. Машина заскрипела, закачалась с боку на бок. Пилоты озадаченно наклонились над панелью управления.

Вертолет продолжал вздрагивать и качаться.

— Что случилось? — прокричал Ивашура.

— Боюсь, как бы винты не пошли вразнос, — ответил старший пилот. — Идем на базу.

И вертолет, вздрагивая при каждом взмахе винтов, как хромой на ногу, отвалил в сторону и оставил за собой тускневшую колонну Башни, пелену дыма вокруг нее и круговорот переставших светиться облаков.

Ивашура встал поздно, в одиннадцатом часу. Недоверчиво повертев часы перед глазами, он откинул полу спального мешка, сел на кровати. В вагончике никого не было, сквозь оконца просачивался свет хмурого зимнего дня. На столе стояла банка тушенки, в пакете аккуратно были завернуты хлеб, сыр и пачка масла, рядом — накрытый полотенцем чайник.

Гаспарян, мелькнула мысль, аккуратист… Странно, что меня не разбудили. И я хорош, разлегся барином! Как в отпуске. Устал, начальник? Не великовата ли нагрузка?

Он осуждающе посмотрел на свое отражение в зеркальце на стене, потрогал щетину на щеках.

Хорош! Таким Вероника тебя еще не видела, и хорошо, что не видела. Вон Сурен постоянно держит себя в форме, любо-дорого посмотреть! Когда он бреется? Вроде никогда его не видели с бритвой в руках…

Ивашура сделал зарядку, умылся, поел, продолжая недоумевать по поводу своего позднего пробуждения, и помчался в штаб. Там стало известно, что будить его запретил Одинцов.

В штабе было шумно, как и всегда: исследователи продолжали работу; переговариваясь между собой, у двух столов стояли и сидели люди, кто-то входил и выходил, хлопали двери, звонили телефоны.

Дежурил Богаев. Он поздоровался с Ивашурой и снова поднес к губам микрофон, вызывая какого-то “двенадцатого”. Рядом разговаривали Старостин и Одинцов, развернув на столе карту Жуковского района.

— Проспал, — виновато сказал Ивашура. — Со мной раньше такого не случалось.

— Это я не велел вас будить, — сказал Одинцов. — По моим данным, вы недосыпаете уже третий месяц.

— Не жалуюсь, — махнул рукой Ивашура. — Но, видимо, вы правы, отдых необходим.

— Я слышал, вы контактировали с пауками, — проговорил Старостин. — Есть результаты?

Ивашура поискал глазами Гаспаряна и Рузаева, но в штабе их не было.

— Я отдал магнитофонную кассету в лабораторию, на анализ, но ответа пока нет. Но если даже пленка пуста, считаю, что эксперимент проведен не зря, паук выслушал меня. Причем у меня сложилось впечатление, что он не случайно остановился, разрезав сетку, он меня ждал. Когда я подошел, сетка была разрезана на две части, и он в любую секунду мог убежать.

— Я не одобряю этого “контакта”. — Старостин мельком посмотрел на Ивашуру. — Как и Владлен Денисович Богаев. В основном из-за риска. Только что, сутки назад, у Башни погиб человек, и вы снова идете туда, без надежды на удачу, без надлежащей защиты.

— Мы уже говорили с Игорем Васильевичем на эту тему, — вмешался Одинцов. — Просто такие экспедиции нужно готовить тщательнее.

— К сожалению, времени у нас не остается, в том числе и на “контактерские” экспедиции. Башня начинает реально угрожать городу, последняя пульсация добавила к ее толщине почти два километра. До Жуковки осталось семь, до ближайшей деревни — два, до железной дороги — восемь километров. До газопровода — пять. Понимаете?

— Понимаю, — тихо сказал Ивашура. — Что вы предлагаете?

— Пока ничего. Решать надо, к сожалению, в такой момент, когда мы совершенно не

имеем свободы выбора. Я понимаю, к чему вы клоните. Да, в сложившейся ситуации мы ничем не можем ответить Башне, кроме ракетного удара по ней. Предлагайте свои способы ее укрощения, причем как можно быстрей.

— А если оттуда ответят?

— Вы можете предложить другой способ? Мирный? Я проголосую за него двумя руками!

— Мирный — это контакт, попытку которого я сделал сегодня ночью. Но угроза городу действительно велика…

— Газопровод снова разорван, — вставил Одинцов. — В городах области имеются разрушения, а в Жуковке — жертвы среди неэвакуированного населения. По-моему, Игоря Васильевича не надо убеждать. Конечно, до нанесения удара еще далеко, и не исключено, что мы успеем к тому времени установить настоящий контакт с хозяевами Башни. По моим сведениям, некоторые ученые разработали — пока в теории — способы остановки роста Башни. Почему бы не применить их на практике?

— Я знаком с этими теориями, — поморщился Ивашура. — Но любое воздействие на Башню непредсказуемо, неизвестно, чем она ответит, особенно на… ракетный удар.

— Но ведь что-то делать надо! — рассердился Старостин. — Простите.

— А где остальные члены комиссии? — спросил Ивашура.

— Работают, — поднял спокойные глаза Одинцов. — Знакомятся с обстановкой в лабораториях, с имеющимися данными, с людьми. Завтра, наверное, соберем научный совет экспедиции, с тем чтобы выслушать предложения ученых. А пока что комиссия в шоке, если можно так выразиться. Более грандиозного явления никто из ее членов не видел, даже атомный взрыв не сравнится с Башней по масштабам и мощи, я не говорю уже — таинственности.

— Игорь, — позвал Богаев.

Ивашура извинился, подошел к переговорной панели.

— Михаил передает, что пауки снова начали ткать свою паутину, уже заткали всю насыпь у стены Башни. А ведь до пульсации еще далеко. — Богаев снял наушники и посмотрел на Ивашуру. Глаза у него были красные, под глазами набрякли мешки, лицо осунулось, пошло складками.

Здорово сдал Владлен, подумал Ивашура с состраданием. Ему под шестьдесят, давление, сердце — сколько можно держаться? А скажешь об этом прямо — обидится…

Вслух же он сказал:

— Очевидно, пауки начинают строить защитный барьер, другого смысла в их строительстве нет.

— На, поговори с ним. — Богаев передал наушники Ивашуре, уступил место у панели. — Я пока разомнусь.

Ивашура сел и вдруг почувствовал, как стул вздрагивает под ним, как живой. Разговоры в комнате утихли, все повернулись к радистам.

— Что там, Миша? — спросил Ивашура, прижав к уху дугу с наушниками. — У нас пол трясется…

Через несколько секунд донесся голос Рузаева:

— Такого я еще не видел, Игорь! Башня пульсирует! А пауки… — Голос потонул в волне помех.

— Что пауки?

— Они… взрываются! — донеслось сквозь гул и шипение. — Пауки взрываются, Игорь!

Ивашура вскочил, бросил наушники на стол и устремился к двери. Одинцов догнал его уже на тропинке, ведущей к Башне.

Даже сквозь снежное одеяло, укутавшее землю, чувствовались вибрация и толчки, проникающие в тело. Башня высилась над лесом слепой выпуклой стеной, и даже отсюда, с расстояния в семь километров, было видно, как эту стену волнами бьет дрожь, всю стену —

снизу доверху!

Выбежали на край поля, простиравшегося до самой Башни пятнистым покрывалом, и не сразу сообразили, что громадные черные предметы, вытянувшиеся цепочкой по полю, которых они приняли за причудливые скалы, на самом деле… чудовищные существа или механизмы! Больше всего они напоминали уродливых безголовых — только чешуйчатые торсы — кентавров, на спинах которых сидели такие же уродливые черные всадники.

— Господи! — сдавленно ахнул кто-то сзади. — Кто это?!

Ивашура оглянулся: Вероника.

— Может быть, хозяева Башни. А может, автоматы, как и пауки.

— Они какие-то чужие… не земные… — Вероника зябко передернула плечами и прижалась к спине Ивашуры, взгляд ее был прикован к черным "всадникам".

— Видимо, там, в будущем, откуда к нам "провалилась" Башня, дела обстоят таким образом, что настала необходимость вмешаться иным разумным существам… Тише!

Отряд "всадников" попятился, под ударами "копыт кентавров" задрожала земля. Башня в это время превратилась в глыбу раскаленного стекла, из которой во все стороны ударили пучки света всех цветов радуги. Зрелище было феерическое, волшебное и страшное одновременно.

Гул, грохот, взрывы и крики пауков вдруг прекратились, наступила глубокая, пульсирующая тишина. Оцепеневшие люди смотрели то на Башню, то на "кентавров", понимая, что сейчас произойдет что-то ужасное и непоправимое и что бежать уже поздно.

Один из всадников оглянулся, сверкнул единственным рубиново светящимся щелевидным глазом, и тотчас же цепь "кентавров" тяжелой рысью устремилась к Башне, словно в атаку или, скорей, на штурм крепости, оставляя в снегу огромные круглые черные следы. Взвихрившаяся снежная пыль на мгновение скрыла Башню, дробный топот удалился, и снова наступила хрустящая, жуткая тишина…

Часть 2. ВЕТЕР ЧУЖОГО МИРА

Артур КЛАРК
КОНЕЦ ДЕТСТВА

Гипотезы, положенные в основу этой книги, принадлежат не автору.

I. ЗЕМЛЯ И СВЕРХПРАВИТЕЛИ

1

Вулкан, вознесший из глубин Тихого океана остров Таратуа, спал уже полмиллиона лет. Но очень скоро, подумал Рейнгольд, остров будет омыт пламенем куда более яростным, чем то, которое помогло ему родиться. Рейнгольд посмотрел в сторону стартовой площадки, запрокинул голову — иначе не оглядеть до самого верха пирамиду лесов, все еще окружающих "Колумб". Нос корабля возвышался на двести футов над землей, и на нем играли прощальные лучи закатного солнца. Настает одна из последних ночей, какие суждено видеть кораблю, скоро он уже выплывет в непреходящий солнечный свет космоса.

Здесь, под пальмами, высоко на скалистом хребте острова, тишина. Лишь изредка от строительства донесется вой компрессора или чуть слышный издали возглас рабочего. Рейнгольд успел полюбить эту пальмовую рощицу; почти каждый вечер он приходил сюда и

сверху оглядывал свое маленькое царство. Но когда “Колумб” в бушующем пламени ринется к звездам, от рощи не останется даже пепла, и это грустно.

В миле за рифом на палубе “Джеймса Форрестола” вспыхнули прожекторы и пошли кружить, обшаривая темный океан. Солнце уже скрылось, с востока стремительно надвигалась тропическая ночь. Рейнгольд усмехнулся — неужели на авианосце всерьез думают обнаружить у самого берега русские подводные лодки?!

Мысль о России, как всегда, вернула его к Конраду и к памятному утру переломной весны 1945-го. Больше тридцати лет прошло, но не тускнело воспоминание о тех последних днях, когда Третья империя рушилась под грозным прибоем наступления с Востока и с Запада. Будто и сейчас перед ним усталые голубые глаза Конрада и рыжеватая щетина на подбородке — минута, когда они пожимали друг другу руки и расставались в той разрушенной прусской деревушке, а мимо нескончаемым потоком брели беженцы. Их прощанье — символ всего, что с тех пор случилось с миром, символ раскола между Востоком и Западом. Потому что Конрад выбрал путь, ведущий в Москву. Тогда Рейнгольд счел его выбор глупостью, но теперь он в этом не столь уверен.

Тридцать лет он думал, что Конрада уже нет в живых. И только неделю назад полковник Технической разведки Сэндмайер сообщил ему новость. Не нравится ему Сэндмайер, и уж наверно это взаимно. Но ни тот ни другой не допускают, чтобы взаимная неприязнь мешала делу.

— Мистер Хофман, — начал полковник самым официальным своим тоном, — я только что получил весьма тревожное сообщение из Вашингтона. Разумеется, это совершенно секретно, однако мы решили поставить технический персонал в известность, люди должны понять, что необходимо ускорить работу.

Он многозначительно помолчал, но на Рейнгольда это не произвело особого впечатления. Он уже знал, что сейчас услышит.

— Русские почти догнали нас. Они разработали какую-то систему атомной тяги, которая, возможно, даже превосходит нашу, и строят на берегу озера Байкал космический корабль. Мы не знаем, насколько они продвинулись, но Разведка полагает, что запуск может состояться уже в этом году. Сами понимаете, что это значит.

Да, подумал Рейнгольд, понимаю. Идет гонка, и, возможно, ее выиграем не мы.

— А вы не знаете, кто там руководит работой? — спросил он, не слишком надеясь на ответ.

К его удивлению, полковник Сэндмайер подвинул ему через стол лист бумаги — первым в списке, отпечатанном на машинке, стояло имя: Конрад Шнайдер.

— Вы ведь знали многих ученых в Пеенемюнде, так? — сказал полковник. — Может быть, это даст нам какое-то представление об их методах. Я хотел бы услышать от вас характеристики всех, кого вы помните, — их специальность, блестящие идеи и прочее. Конечно, прошло много времени, а все-таки прошу вас припомнить.

— Важен один Конрад Шнайдер, остальные не в счет, — ответил Рейнгольд. — Это был настоящий талант, остальные просто дельные инженеры. Бог весть чего он достиг за тридцать лет. Притом ему, вероятно, известны все результаты нашей работы, а мы о его работе ничего не знаем. Так что у него серьезное преимущество.

Он сказал это вовсе не в укор Разведке, однако полковник Сэндмайер, видно, готов был оскорбиться. Но только пожал плечами.

— Это, как вы сами говорили, палка о двух концах. Мы щедрее на информацию, потому продвигаемся быстрее, хотя и выдаем кое-какие секреты. В ведомстве русских, наверно, они сами не всегда знают, как у них идут исследования. Мы им докажем, что Демократия первой достигнет Луны.

“Демократия… экая чушь!” — подумал Рейнгольд, но не так он был глуп, чтобы сказать это вслух. Одному Конраду Шнайдеру цена больше, чем миллиону ваших избирателей. А чего достиг за это время Конрад, когда за ним стоит вся производственная мощь Советского Союза? Быть может, в эту самую минуту его корабль уже взлетел с

Земли…

***

Солнце, что покинуло остров Таратуа, было еще высоко над Байкалом, когда Конрад Шнайдер и помощник комиссара по ядерным исследованиям медленно пошли прочь от испытательного стенда. В ушах еще отдавался оглушительный рев мотора, хотя громовые отголоски его за озером смолкли десять минут назад.

— Отчего такое уныние на лице? — спросил вдруг Григоревич. — Вам бы радоваться. Через месяц мы полетим, и янки лопнут от злости.

— Вы, как всегда, оптимист, — сказал Шнайдер. — Двигатель, конечно, работает, но не так все просто. Правда, теперь я не вижу серьезных препятствий, но меня беспокоят известия с Таратуа. Я вам уже говорил, Хофман — умница, и за ним стоят миллиарды долларов. Фотоснимки его корабля не очень отчетливы, но, похоже, он почти закончен. А двигатель, как нам известно, он испытал еще пять недель назад.

— Не беспокойтесь, — засмеялся Григоревич, — сюрприз поднесем мы им, а не они нам. Не забывайте, они о нас ничего не знают.

Шнайдер совсем не был в этом уверен, но предпочел умолчать о своих сомнениях. Не то, пожалуй, мысль Григоревича пойдет разными сложными путями, а, если какие-нибудь секретные сведения просочились наружу, нелегко будет доказать, что ты ни при чем.

Он вернулся в здание администрации, часовой при входе отдал ему честь. Военных тут не меньше, чем техников, хмуро подумал Шнайдер. Но жаловаться нечего, так у русских принято, зато работать они ему не мешают — это главное. В целом, за немногими досадными исключениями, надежды его сбылись и все идет хорошо. И только будущее покажет, кто выбрал лучше — он или Рейнгольд.

Он уже составлял свой окончательный доклад, как вдруг послышались крики. Минуту-другую он еще сидел за столом, недоумевая, что могло нарушить строгую дисциплину космического центра. Потом подошел к окну — и впервые в жизни изведал настоящее отчаяние.

***

Рейнгольд спустился с холма, небо вокруг было уже усыпано звездами. Авианосец по-прежнему шарил по глади океана пальцами прожекторов, а подальше на берегу строительные леса вокруг “Колумба” засверкали огнями, будто рождественская елка. Лишь высоко вознесенный нос ракеты темнел, заслоняя звезды.

В жилом доме гремела по радио танцевальная музыка, и Рейнгольд невольно зашагал быстрее, в лад ей. Он почти уже дошел до узкой дорожки, проложенной вдоль пляжа, и вдруг то ли странное предчувствие, то ли едва уловимое краем глаза движение заставило его замереть на месте. Озадаченный, он обвел взглядом берег, море, снова берег; не сразу он догадался посмотреть на небо.

И тогда Рейнгольд Хофман понял, как понял в тот же самый миг и Конрад Шнайдер, что гонку он проиграл. Понял, что отстал не на недели и не на месяцы, как боялся, а на тысячелетия. Громадные тени неслышно скользили среди звезд, в такой вышине, что он не смел даже представить, сколько до них миль, и его маленький “Колумб” был перед ними все равно что перед самим “Колумбом” долбленые лодки времен палеолита. Нескончаемо долгую минуту Рейнгольд смотрел, и смотрели все люди на Земле, как величественно и грозно спускаются исполинские корабли, и наконец слуха достиг свист, с каким они рассекали разреженный воздух стратосферы.

Нет, он не пожалел о том, что труд всей его жизни пошел прахом. Он работал ради того, чтобы поднять людей к звездам, и в час, когда добился успеха, звезды — чуждые, равнодушные звезды — сами пришли к нему. В этот час история затаила дыхание и

настоящее отломилось от прошлого, как отламывается айсберг от родных ледяных гор и одиноко, гордо выплывает в океан. Все, чего достигли минувшие века, отныне не в счет, лишь одна мысль опять и опять отдавалась в мозгу Рейнгольда: “Человечество больше не одиноко”.

2

Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций, застыв у широкого, во всю стену окна, смотрел вниз, на медлительный поток машин, заполняющих 43-ю улицу. Порой он спрашивал себя, хорошо ли человеку работать на такой высоте над собратьями. Конечно, отстраненность помогает быть беспристрастным, но она легко может перейти в равнодушие. Или он просто пытается как-то объяснить свою нелюбовь к небоскребам, которую так и не одолел за двадцать лет жизни в Нью-Йорке?

Позади отворилась дверь, он услышал шаги Питера Ван Риберга, но не обернулся. Как всегда, короткое молчание, конечно же, Питер неодобрительно посмотрел на термостат, ведь это ходячая острота — генеральному секретарю нравится жить в холодильнике. Стормгрен подождал, пока его заместитель подойдет к окну, и тогда только отвел взгляд от такой знакомой и все же завораживающей картины, что открывалась с высоты.

— Они опаздывают, — сказал он. — Уэйнрайт должен был явиться пять минут назад.

— Мне только что сообщили из полиции, он ведет за собой изрядную толпу, из-за этого шествия на улицах пробки. Он явится с минуты на минуту. — Ван Риберг чуть помолчал, потом спросил почти резко: — Вы все еще полагаете, что это разумно — встретиться с ним?

— Боюсь, отменять встречу поздновато. Как-никак, я на нее согласился, хотя, вы же знаете, это не моя затея.

Стормгрен уже отошел к письменному столу и вертел в руках свое знаменитое урановое пресс-папье. Не то чтобы он волновался, но был в нерешительности. Хорошо, что Уэйнрайт запаздывает, от этого в начале переговоров чувствуешь некоторое превосходство. Такие вот мелочи значат в наших делах куда больше, чем хотелось бы тем, кто слишком полагается на логику и рассудок.

— Вот они! — Ван Риберг чуть не ткнулся носом в стекло. — Подходят… пожалуй, добрых три тысячи.

Стормгрен, прихватив записную книжку, подошел к заместителю.

Примерно в полумиле от здания Секретариата ООН видна была небольшая, но решительная процессия, она медленно приближалась. Над головами развевались полотнища, надписи издали нельзя было прочесть, но Стормгрен и так знал, чего они требуют. А вскоре, перекрывая шум уличного движения, до него донеслись и размеренные выкрики зловещего многоголосого хора. Стормгрена захлестнуло внезапное отвращение. Право, человечество могло бы уже и отказаться от марширующих толп и яростных лозунгов!

Шествие поравнялось со зданием Секретариата; наверно, участники понимали, что он стоит у окна: там и сям поднимались кулаки — впрочем, не очень уверенно — Вызов относился не к Стормгрену, хотя, конечно, кулак показывали ему. Словно угроза пигмеев великану, гневные взмахи кулака обращались к небу, где на высоте полусотни километров сияло серебристое облако — флагманский корабль флота Сверхправителей.

И вполне возможно, что Кареллен смотрит на все это и безмерно забавляется, подумал Стормгрен, ведь этой встрече вовек не бывать бы, если б не наущение Попечителя.

Сегодня впервые Стормгрен встречается с главой Лиги освобождения. Он перестал спрашивать себя, разумный ли это шаг, — планы Кареллена зачастую чересчур сложны, человеку их не понять. Во всяком случае, серьезного вреда от этого не будет. А откажись он принять Уэйнрайта, Лига использовала бы отказ как оружие против него, Стормгрена.

Александр Уэйнрайт оказался рослым красивым мужчиной лет под пятьдесят. Стормгрен знал, что это человек безусловно честный, а потому вдвойне опасный. Но он явно искренен, вот почему трудно отнестись к нему неприязненно, как бы ни оценивать его

убеждения, — а кстати, и некоторых его последователей.

Ван Риберг коротко, довольно натянуто представил их друг другу, и Стормгрен, не теряя времени, приступил к делу.

— Я полагаю, — начал он, — главная цель вашего визита — заявить официальный протест против плана создания Всемирной федерации. Я не ошибаюсь?

Уэйнрайт серьезно кивнул.

— Это — главное, господин секретарь. Как вам известно, в последние пять лет мы пытались открыть человечеству глаза на стоящую перед ним опасность. Задача наша оказалась нелегкой, потому что в большинстве своем люди, похоже, охотно предоставляют Сверхправителям вертеть нашим миром, как тем заблагорассудится. И все же в разных странах нашу петицию подписало свыше пяти миллионов патриотов.

— Не так-то много — пять миллионов из двух с половиной миллиардов.

— Пять миллионов со счета не сбросишь. Притом за каждым, кто подписался, стоит немало таких, которые отнюдь не уверены, будто замысел создать федерацию разумен, а тем более — будто он справедлив. Даже Попечитель Кареллен, при всем своем могуществе, не может одним росчерком пера отменить тысячелетнюю историю человечества.

— Что мы знаем о могуществе Кареллена? — возразил Стормгрен. — Когда я был мальчишкой, Объединенная Европа была всего лишь мечтой, а когда я стал взрослым, мечта сбылась. И ведь это произошло еще до Сверхправителей. Кареллен только завершает работу, которую начали мы сами.

— Европа была и в культурном и в географическом смысле едина. А весь наш мир не един — разница существенная.

— В глазах Сверхправителей, надо полагать, вся Земля несравненно меньше, чем нашим родителям казалась Европа, и я не могу не признать их взгляды более зрелыми, чем наши.

— Я не отвергаю наотрез федерацию как конечную цель, хотя многие мои сторонники, пожалуй, с этим не согласятся… Но объединение должно возникнуть внутри человечества, его не должны нам навязать извне. Мы должны сами строить свою судьбу. Никто не должен больше вмешиваться в дела людей.

Стормгрен вздохнул. Все это он слышал уже тысячи раз… и может дать лишь все тот же ответ, с которым Лига освобождения не желает мириться. Он верит Кареллену, а Лига не верит. Тут они в корне расходятся, и ничего с этим не поделаешь. По счастью, Лига тоже не в силах что-либо сделать.

— Позвольте задать вам несколько вопросов, — сказал он. — Станете ли вы отрицать, что Сверхправители принесли человечеству безопасность, мир и процветание?

— Не спорю. Но они отняли у нас свободу. Человек жив…

— …не хлебом единым. Знаю, знаю. Но сейчас впервые настало время, когда каждый человек уверен хотя бы в хлебе насущном. Да и какая свобода, утраченная нами, сравнится с тем, что впервые за всю историю человечества дали нам Сверхправители?

— Свобода распоряжаться нашей собственной жизнью, как велит нам господь бог.

Наконец-то мы добрались до сути, подумал Стормгрен. Корень разногласий — в религии, как бы это ни прикрывали. Нет, Уэйнрайт не даст забыть, что он священник. Хоть он теперь одет как мирянин, все равно кажется, будто на нем облачение пастыря.

— Месяц тому назад сто епископов, кардиналов и раввинов в совместной декларации заявили, что они поддерживают политику Попечителя. Верующие в нашем мире не с вами.

Уэйнрайт гневно затряс головой — конечно, не согласен.

— Многие духовные власти слепы, Сверхправители их совратили. Когда они осознают опасность, будет слишком поздно. Человечество утратит волю к действию и впадет в рабство.

Короткое молчание. Потом Стормгрен сказал:

— Через три дня я опять буду у Попечителя. Я разъясню ему ваши возражения, поскольку мой долг — представлять все взгляды человечества. Но, поверьте, это ничего не

изменит.

— Еще одно, — медленно сказал Уэйнрайт. — Для нас многое неприемлемо в Сверхправителях, но всего отвратительней их скрытность. Вы единственный человек, который хотя бы говорил с Карелленом, но даже и вы ни разу его не видели! Так разве удивительно, что мы ему не доверяем?

— Несмотря на все, что он сделал для человечества?

— Да, несмотря на это. Даже не знаю, что оскорбительнее — всемогущество Кареллена или его секреты. Если ему нечего скрывать, почему он нам не покажется? В следующий раз, когда будете говорить с Попечителем, господин Стормгрен, спросите его об этом!

Стормгрен промолчал. На это ему нечего было ответить — во всяком случае, ничего такого, что убедило бы собеседника. Порой он сомневался в том, что убедил самого себя.

***

Для Сверхправителей, конечно, то была пустячная операция, для Земли же — величайшее событие за всю ее историю. Исполинские корабли вынырнули из непостижимых глубин Вселенной безо всякого предупреждения. В фантастике это описывали тысячи раз, но ни одна душа не верила, что такой день и вправду настанет. И вот свершилось: безмолвные громадины, которые поблескивают в небесах над всеми странами, — символ знания, какого человеку не достичь и через века. Шесть дней они недвижно парили над городами людей, никак не показывая, что им известно о самом существовании человека. Но никаких знаков и не требовалось, ясно же, что не случайно могучие корабли с такой точностью повисли как раз над Нью-Йорком, Лондоном и Парижем, над Москвой, Римом, Кейптауном, Токио и Канберрой…

Еще прежде, чем истекли те леденящие душу шесть дней, некоторые люди угадали истину. Эти пришельцы явились не впервые, они уже когда-то пытались свести знакомство с человеком. И теперь в безмолвных, неподвижных кораблях ученые-психологи присматриваются — как поведут себя люди. Когда напряжение достигнет предела, пришельцы начнут действовать.

И на шестой день Кареллен, Попечитель Земли, объявил о себе человечеству, перекрыв все передачи на любых радиоволнах. Он безупречно говорил по-английски, уже одно это вызвало распрю, которая бушевала над Атлантическим океаном, пока не сменилось целое поколение. Но суть его речи потрясла слушателей куда сильнее, чем форма. По любым меркам такое мог породить только высочайший гений, сумевший глубоко и всесторонне разобраться во всех человеческих делах. Несомненно, мудрость и гибкость, колдовские мгновения, по которым догадываешься о еще неведомых областях знания, — все это, искусно сплетенное воедино, должно было внушить человечеству, что перед ним разум неизмеримо более высокий. Когда Кареллен кончил, народы Земли поняли, что дни их зыбкой независимости миновали. В пределах государственных границ каждое правительство еще сохраняет свою власть, но в делах международных решающее слово отныне принадлежит не людям. Спорить, протестовать, доказывать — бесполезно.

Трудно было бы ожидать, что все государства мира безропотно подчинятся такому ограничению своей власти. Но как сопротивляться? Задача головоломная, ведь, если даже удастся уничтожить корабли Сверхправителей, нависшие над крупнейшими городами, заодно погибнут и сами города. И все же одна мощная держава совершила такую попытку. Быть может, так кое-кто надеялся одним атомным ударом убить сразу двух зайцев, ибо метили в корабль, что парил над соседней и притом недружественной державой.

Должно быть, в минуту, когда на телеэкране тайного контрольного поста возникло изображение исполинского корабля, кучку военных и специалистов раздирали самые противоречивые чувства. Если попытка увенчается успехом, чем ответят остальные корабли? Быть может, и их удастся уничтожить, и человечество вновь пойдет своей дорогой? Или Кареллен отплатит нападающим какой-нибудь страшной карой?

Ракета взорвалась, и экран померк, но тотчас же изображение корабля появилось снова: заработала камера, запущенная в воздух за многие мили отсюда. Пронеслась лишь доля секунды, однако уже пора бы вспыхнуть огненному шару и заполнить небеса пламенем, подобным солнцу.

Но ничего не произошло. Громадный корабль остался невредим и парил в недосягаемой вышине, в ослепительных солнечных лучах. Атомная бомба его не коснулась, и никто даже не понял, что с ней сталось. Более того, Кареллен никак не покарал виновников, ничем не показал хотя бы, что знает о нападении. Он презрительно промолчал, предоставил им в страхе ждать мести, которой так и не последовало. И это подействовало куда сильнее, вызвало больший разброд и упадок духа, чем любое наказание. В считанные недели, после яростных взаимных обвинений, незадачливое правительство пало.

Случались и попытки пассивного сопротивления политике Сверхправителей. Обычно Кареллен просто давал несогласным поступать, как хотят, покуда они сами не убеждались, что, действуя по-своему, только вредят себе же. И лишь однажды он дал некоему упорствующему правительству почувствовать свое недовольство.

Больше ста лет Южно-Африканскую Республику раздирали внутренние распри. В обоих лагерях люди доброй воли пытались перекинуть мост через пропасть, но тщетно — страх и предрассудки укоренились слишком глубоко и отрезали путь к соглашению. Опять и опять сменялись правительства, но отличались они друг от друга только степенью нетерпимости; вся страна отравлена была ненавистью и последствиями гражданской войны.

Когда стало ясно, что тут даже не попытаются покончить с дискриминацией, Кареллен предостерег неугомонных. Всего лишь назвал день и час. В стране возникли смутные опасения, но не страх и уж, конечно, не паника — никто не верил, что Сверхправители допустят насилие или разрушения, от которых одинаково пострадали бы и виновные и невинные.

Так оно и вышло. Просто, достигнув меридиана Кейптауна, погасло солнце. Остался лишь еле различимый глазом бледный лиловатый призрак, не дающий ни тепла, ни света. Неведомо как, высоко в космосе, скрестились два силовых поля и преградили путь солнечным лучам. Безукоризненно круглая тень покрыла пространство диаметром в пятьсот километров.

Наглядный урок длился полчаса. Этого хватило: назавтра южноафриканские власти объявили, что белое меньшинство полностью восстановлено в гражданских правах.

Если не считать вот таких отдельных случаев, человечество приняло Сверхправителей как неотъемлемую часть естественного порядка вещей. Удивительно быстро следы первого потрясения сгладились, и жизнь пошла своим чередом. Проснись внезапно новый Рип Ван Винкль, самой большой переменой, какую бы он заметил, оказалось бы затаенное ожидание, словно люди мысленно оглядывались, подстерегая миг, когда наконец Сверхправители выйдут из своих сверкающих кораблей и покажутся жителям Земли.

Пять лет спустя они все еще ждали. В этом и кроется причина всякой смуты, думал Стормгрен.

***

Когда подъехала машина Стормгрена, стартовую площадку уже, по обыкновению, окружали зеваки с фото- и киноаппаратами наготове. Генеральный секретарь обменялся напоследок несколькими словами со своим заместителем и прошел через кольцо любопытных.

Кареллен никогда не заставлял его долго ждать. Внезапно толпа ахнула — в вышине сверкнул и стремительно вырос серебряный шар. Стормгрена обдало порывом ветра, и кораблик замер в полусотне шагов от него, осторожно держась в нескольких сантиметрах над площадкой, будто боялся осквернить себя прикосновением к Земле. Стормгрен медленно пошел к нему, и прямо на глазах сплошной, без единого шва металлический корпус знакомо

зарябил, открывая вход, — все специалисты мира тщетно пытались понять, как это происходит. Стормгрен шагнул внутрь, в единственную, заполненную мягким светом кабину. Входное отверстие замкнулось бесследно, звуки и краски внешнего мира исчезли.

Пять минут спустя отверстие появилось вновь. Стормгрен не ощутил движения, но знал, что его подняло на пятьдесят километров над Землей и теперь он уже в недрах Карелленова корабля. Он в мире Сверхправителей, повсюду вокруг они заняты своими таинственными делами. Он к ним ближе, чем кто-либо, и, однако, знает об их природе и облике не больше, чем миллионы людей там, внизу.

В небольшом кабинете, куда вел короткий переход, вся обстановка — единственный стул да стол перед экраном телевизора. По ней никак не представить облик тех, кто все это устроил, — так оно и задумано. Экран телевизора, как всегда, пуст. Порой Стормгрен мечтал: вдруг экран вспыхнет, оживет и раскроет, наконец, секрет, не дающий человечеству покоя. Но мечта не сбывалась, за темным прямоугольником по-прежнему таилось Неведомое. И еще за ним таились мощь и мудрость, глубочайшее, снисходительное понимание рода людского и, что всего удивительней, какая-то насмешливая нежность к букашкам, что кишат на планете далеко внизу.

Из решетки, должно быть, скрывающей динамик, зазвучал спокойный, неизменно неторопливый, хорошо знакомый голос, — все люди, кроме Стормгрена, доныне слышали его лишь однажды. Глубина и звучность его — единственный ключ, позволяющий как-то представить себе Кареллена: за ними ощущаешь что-то громадное. Кареллен очень большой, наверно, много больше человека. Правда, кое-кто из ученых, исследовав запись той памятной речи, предположил, что говорило не живое существо, а какая-то машина. Но Стормгрену в это не верилось.

— Да, Рикки, я слышал вашу беседу. Итак, что вы думаете о мистере Уэйнрайте?

— Он честный человек, хотя о многих его последователях этого не скажешь. Как с ним поступить? Сама по себе Лига не опасна… но там есть экстремисты, они открыто призывают к насилию. Я даже подумывал, не поставить ли у моего дома охрану. Надеюсь, в этом все же нет нужды.

Кареллен словно и не слышал и, к досаде Стор-мгрена, — так случалось не впервые — заговорил о другом:

— Подробный план создания Всемирной федерации объявлен уже месяц назад. Много ли прибавилось к семи процентам несогласных со мною и к двенадцати процентам не имеющих определенного мнения?

— Пока немного. Но это неважно, меня беспокоит другое: даже ваши сторонники убеждены, что пора уже покончить с таинственностью.

Вздох Кареллена прозвучал совсем как настоящий, только вот искренности в нем не чувствовалось.

— И вы тоже так полагаете, а?

Вопрос чисто риторический, отвечать не стоит. И Стормгрен продолжал горячо:

— Неужели вы не понимаете, до чего нынешнее положение вещей мешает мне исполнять мои обязанности?

— Мне оно тоже не помогает, — пожалуй, даже с чувством отозвался Кареллен. — Хотел бы я, чтобы люди перестали считать меня диктатором и помнили: я всего лишь администратор и пытаюсь проводить что-то вроде колониальной политики, а разработана она без моего участия.

Весьма приятное определение, подумал Стормгрен. Любопытно, насколько оно правдиво.

— Но может быть, вы по крайней мере хоть как-то объясните эту скрытность? Нам непонятно, в чем ее причина, отсюда и недовольство, и всевозможные слухи.

Кареллен рассмеялся — как всегда громко, раскатисто, слишком гулко, чтобы смех этот звучал совсем как человеческий.

— Ну, а за кого меня сейчас принимают? Все еще преобладает теория робота?

Пожалуй, мне приятнее выглядеть системой электронных ламп, чем какой-нибудь сороконожкой, — да-да, я видел карикатуру во вчерашнем номере “Чикаго тайме”! Мне даже захотелось попросить подлинник.

Стормгрен чопорно поджал губы. Право, иногда Кареллен относится к своим обязанностям слишком легкомысленно.

— Это вопрос серьезный, — сказал он с укоризной.

— Дорогой мой Рикки, — возразил Кареллен, — я не принимаю человечество всерьез, только это и позволяет мне сохранить остатки в прошлом незаурядных умственных способностей!

Стормгрен невольно улыбнулся.

— Но мне, согласитесь, от этого не легче. Я должен вернуться на Землю и убедить моих собратьев, что, хоть вы и не показываетесь им на глаза, скрывать вам нечего. Задача не простая. Любопытство — одно из основных свойств человеческой природы. Не можете вы до бесконечности им пренебрегать.

— Да, это самое сложное препятствие, с которым мы столкнулись на Земле, — признался Кареллен. — Но ведь вы поверили, что в остальном мы действуем разумно, так могли бы уж поверить и в этом!

— Я-то вам верю, — сказал Стормгрен. — Но Уэйнрайт и его соратники не верят. И можно ли их осуждать, если ваше нежелание показаться людям они толкуют в дурную сторону?

Короткое молчание. Потом до Стормгрена донесся слабый звук (может быть, скрип?), словно бы Кареллен шевельнулся на стуле.

— Вы ведь понимаете, почему Уэйнрайт и ему подобные меня боятся, так? — спросил он. Голос его звучал теперь мрачно, будто раскатились под сводами собора звуки исполинского органа. — Такие люди есть в вашем мире среди поборников любой религии. Они понимают, что мы — носители разума и знания, и как они там ни преданы своим верованиям, а все-таки боятся, что мы свергнем их богов. Не обязательно с умыслом, нет, способом более тонким. Знание может погубить религию и не опровергая ее догматы, а попросту оставляя их без внимания. Насколько нам известно, никто никогда не доказывал, что Зевс или Тор не существуют, однако им теперь почти никто и не поклоняется. Вот и разные уэйнрайты боятся, что мы знаем правду о происхождении их веры. Они спрашивают себя, давно ли мы наблюдаем человечество? Видели ли мы, как Магомет бежал из Мекки в Медину и как Моисей провозгласил иудеям их законы? Быть может, мы знаем, сколько лжи в их священных историях?

— А вы и в самом деле это знаете? — чуть слышно, скорее себя, чем Кареллена, спросил Стормгрен.

— Вот чего они страшатся, Рикки, хоть ни за что в этом не признаются. Право же, нам не доставляет удовольствия разрушать верования людей, но ведь не могут быть истинными все религии, все до единой, — уэйнрайты это понимают. Рано или поздно люди неминуемо узнают правду, но время еще не пришло. А что мы не показываемся вам на глаза — да, согласен, это сильно осложняет нашу работу, но раскрыть секрет мы не вправе. Не меньше вашего я жалею о необходимости что-то скрывать, но для этого есть веские причины. Все же я попытаюсь обратиться к… к тем, кто стоит выше меня, пожалуй, их ответ удовлетворит вас, а может быть, и успокоит Лигу. А теперь давайте вернемся к нашим текущим делам и возобновим запись.

***

— Ну как? — жадно спросил Ван Риберг. — Удалось вам чего-нибудь добиться?

— Сам не знаю, — устало сказал Стормгрен, швырнул на стол пачку бумаг и почти упал в кресло. — Теперь Кареллен совещается со своим начальством… уж не знаю, кому и чему он там подчиняется. Мне он ничего не обещал.

— Послушайте, — вдруг сказал Ван Риберг. — Я сейчас подумал… почему, собственно, мы должны верить, что над Карелленом кто-то стоит? Может, этих Сверхправителей, как мы их называем, больше нигде и нет, кроме тех, что тут, над Землей, в кораблях? Может, им больше некуда деться, а они это от нас скрывают.

— Остроумно, — усмехнулся Стормгрен. — Только ваша теория отнюдь не согласуется с тем немногим, что я знаю — как будто все-таки знаю — о Кареллене.

— А что же вы о нем знаете?

— Ну, он не раз упоминал, что его обязанности здесь временные и мешают вернуться к его главной работе, она, по-моему, как-то связана с математикой. Однажды я привел ему слова историка Актона о том, что власть развращает, а власть безграничная и развращает безгранично. Хотел посмотреть, как он к этому отнесется. Он засмеялся — смех у него оглушительный — и сказал, ему эта опасность не грозит. Во-первых, мол, чем раньше я закончу тут работу, тем скорее смогу вернуться домой, это за много световых лет отсюда. А во-вторых, моя власть отнюдь не безгранична. Я всего лишь… попечитель. Разумеется, — докончил Стормгрен, — он мог и нарочно сбивать меня с толку. Не знаю, можно ли ему верить.

— Он ведь, кажется, бессмертен?

— Да, по нашим меркам, хотя, похоже, что-то в будущем его пугает… не представляю, чего он может опасаться. А больше я, в сущности, ничего не знаю.

— Все это не слишком убедительно. Я так думаю, их небольшая эскадра заблудилась в космосе и подыскивает себе пристанище. Кареллен скрывает от нас, как мала его команда. Может быть, остальные корабли — автоматы и на них нет ни души. Просто нам пускают пыль в глаза.

— Вы начитались научной фантастики, — сказал Стормгрен.

Ван Риберг не без смущения улыбнулся.

— Вторжение из космоса обернулось не совсем так, как мы ждали, правда? Но моя теория прекрасно объясняет, почему Кареллен не показывается нам на глаза. Просто он скрывает, что никаких других Сверхправителей нет.

Стормгрен покачал головой — забавно, но все не то.

— Ваше толкование, как всегда, чересчур хитроумно, а потому неверно. За Попечителем, несомненно, стоит какая-то могучая цивилизация, хотя мы можем о ней только догадываться, и, несомненно, она давно знает о нас, людях. Сам Кареллен наверняка изучал человечество на протяжении столетий. Посмотрите, к примеру, как он владеет нашим языком, пословицами, поговорками. Не я его, а он меня учит образной речи!

— А замечали вы, что он хоть чего-нибудь не знает?

— Да, и нередко, но это всегда мелочи, пустяки. Думаю, у него необычайная, безотказная память, но он не все считает нужным узнавать. Вот, скажем, английский — единственный язык, которым он владеет в совершенстве, но за последние два года недурно изучил финский, просто чтобы меня подразнить. А финский труден, ему наскоро не выучишься! Кареллен читает наизусть большие отрывки из “Калевалы”, а я, стыдно сказать, помню всего несколько строк. И потом, он знает наперечет биографии всех нынешних государственных деятелей, а я далеко не всегда могу определить, на кого именно он ссылается. В истории и науке его познания всеобъемлющи — сами знаете, мы очень многому у него научились. И, однако, если взять каждую область в отдельности, мне кажется, он не превосходит того, чего может достигнуть человеческий ум. Но ни одному человеку не под силу объять все, что знает Кареллен.

— Я и сам пришел примерно к тем же выводам, — согласился Ван Риберг. — Мы можем рассуждать о Кареллене хоть до скончания века, но неизменно возвращаемся к тому же — какого дьявола он нам не показывается? Покуда он прячется, я не перестану гадать да сочинять теории, а Лига освобождения не перестанет бушевать. — Ван Риберг сердито покосился на потолок. — Надеюсь, господин Попечитель, в одну прекрасную темную ночь какой-нибудь репортер возьмет ракету и с черного хода проберется с фотокамерой в ваш

корабль. Вот будет шуму в газетах!

Если Кареллен и слышал этот дерзкий вызов, то никак на него не отозвался. Впрочем, он никогда ни на что не отзывался.

***

За первый год появление Сверхправителей внесло в жизнь человечества меньше перемен, чем можно было ожидать. Тень их ложилась на все, но то была совсем ненавязчивая тень. Почти во всех крупнейших городах Земли, задрав голову, можно было увидеть сверкающие в вышине серебряные корабли, но они скоро стали такими же привычными, как солнце, луна и облака. Наверно, в большинстве люди лишь смутно сознавали, что уровень их жизни неуклонно возрастает благодаря Сверхправителям. А если об этом изредка и задумывались, — что ж, безмолвные корабли впервые в истории принесли всему человечеству мир, и за это им, конечно, спасибо.

Нет нищеты, нет войн, но это блага, состоящие именно в отсутствии чего-то, не бьющие на эффект, — их приняли как должное и вскоре о них забыли. А пришельцы по-прежнему держались отчужденно и не показывались людям. Покуда Кареллен вел такую политику, он мог ждать уважения и восхищения, но никак не более теплых чувств. Трудно не досадовать на небожителей, которые изволят разговаривать с человеком только по телетайпу в штаб-квартире ООН. О чем беседуют Кареллен со Стормгреном, знали только они двое, и Стормгрен порой недоумевал, для чего Попечителю эти встречи. Возможно, ему все-таки нужно непосредственно общаться хотя бы с одним землянином? Или он понимает, что Стормгрен нуждается в прямой поддержке? Если так, генеральный секретарь за это очень признателен — и пожалуйста, пусть Лига освобождения и дальше презрительно именует его “мальчиком на побегушках у Кареллена”.

В переговоры с отдельными государствами и правительствами Сверхправители не вступали: они приняли Организацию Объединенных Наций в том виде, как ее застали, объяснили, как установить необходимую радиосвязь, и все распоряжения передавали через генерального секретаря. Советский делегат не раз пространно и совершенно справедливо доказывал, что такой порядок идет вразрез с Уставом ООН. Кареллена это, видно, ничуть не заботило.

Можно только изумляться тому, какое множество зол, безумий и несчастий уничтожили эти послания с неба. При Сверхправителях народы поняли, что им больше незачем опасаться друг друга, и еще до неудачной попытки догадались, что все их созданное доныне оружие бессильно против тех, кто умеет странствовать среди звезд. Так рушилась главная преграда, которая мешала человечеству быть счастливым.

Сверхправителей, видно, мало трогало, какой где существует государственный строй, лишь бы не было угнетения и продажности. На Земле по-прежнему были демократические страны и монархии, безобидные диктатуры, коммунизм и капитализм. Этому не переставали изумляться многие простаки, твердо убежденные, что их образ жизни — единственно возможный. Другие полагали, что Кареллен только выжидает час, чтобы ввести свою систему, которая разом уничтожит все нынешние формы общественного устройства, потому и не занимается пока мелкими политическими преобразованиями. Но это, как и прочие рассуждения о Сверхправителях, было попросту гаданием на кофейной гуще. Никто не знал их замыслов и целей, никто не знал, какое грядущее уготовали они человечеству.

3

В последние ночи Стормгрену не спалось, а почему — непонятно, ведь скоро он навсегда освободится от груза своих обязанностей. Уже сорок лет он служит человечеству, из них пять — его Правителям, и редкий человек, оглядываясь назад, мог бы похвастать, что столь многого добился на своем веку. А может быть, в этом вся беда: когда он уйдет на

покой, на короткие ли, на долгие ли годы у него не останется цели, жизнь потеряет вкус. С тех пор, как умерла Марта, а дети выросли и сами обзавелись семьями, мало что привязывает его к миру. Быть может, в мыслях он почти уже не отделяет себя от Сверхправителей, а потому как-то отстранился от людей.

Вот и опять беспокойная ночь, и мысль колесит все по тому же кругу, будто механизм, у которого отказало управление. Стормгрен понимал: сколько себя ни уговаривай, не уснешь, — и нехотя поднялся с постели. Накинул халат и вышел на крышу своего скромного жилища, где разбит был садик. Любой из его подчиненных жил куда роскошнее, но Стормгрену и этого хватало. Он достиг положения, когда ни имущество, ни почести уже не прибавляют человеку веса.

Ночь была теплая, почти душная, но небо ясное, низко на юго-западе сияла полная луна. В десяти километрах от Стормгрена стояло на горизонте зарево — отраженные огни Нью-Йорка, словно там начался было рассвет и замер, не разгораясь.

Стормгрен поднял глаза — выше спящего города, еще выше, к тем высям, где не раз бывал он, единственный из людей. Там, далеко-далеко, поблескивал в лунном свете корабль Кареллена. Любопытно, чем занят сейчас Попечитель, ведь Сверхправители, наверно, никогда не спят…

В вышине огненным копьем пронзил купол неба метеорит. Мгновенье за ним еще виднелся слабо светящий след — и померк, и опять в небе остались одни только звезды. Жестокое напоминание: через сотню лет Кареллен по-прежнему будет вести человечество к цели, известной только ему, но уже через четыре месяца генеральным секретарем ООН будет другой человек. Само по себе это Стормгрена ничуть не огорчает, — но, значит, если он надеется все-таки узнать, что же скрыто за тем непроницаемым экраном, у него осталось совсем мало времени.

Только в самые последние дни он посмел себе признаться, что жаждет проникнуть в тайну Сверхправителей. До сих пор сомнения его не мучили, он верил Кареллену, а вот теперь (ехидная мысль!), видно, и сам заразился мятежным духом Лиги освобождения. Правда, все эти разговоры, будто человечество порабощено, — пустая болтовня. Мало кто всерьез в это верит и хотел бы повернуть историю вспять. К ненавязчивому правлению Кареллена привыкли, но людям не терпится узнать наконец, кто ими правит. Можно ли осуждать их за это?

Лига освобождения — самая крупная, но не единственная организация, восстающая против Кареллена, а значит, и против людей, которые помогают Сверхправителям. Причины недовольства и образ действий тут самые разные: одни группы руководствуются религиозными соображениями, в других просто говорит чувство неполноценности. Они чувствуют себя — и вполне обоснованно — примерно как образованный индиец в девятнадцатом веке при владычестве Британии. Пришельцы из космоса принесли Земле мир и процветание, но кто знает, какой ценой придется за это расплачиваться? История человечества не обнадеживает; даже самые мирные контакты между народами, стоящими на слишком разных уровнях развития, нередко несли гибель более отсталому обществу. Целая страна, как и отдельный человек, может пасть духом перед лицом неизмеримого превосходства, ибо не в силах ответить на вызов. А превосходство цивилизации Сверхправителей, хоть и окутанных тайной, — величайший вызов человечеству с начала времен.

За стеной слабо щелкнул телетайп, выбросил очередную ежечасную сводку Центрального агентства печати. Стормгрен побрел в комнату, равнодушно перелистал пачку листов. В другом полушарии Лига освобождения подсказала агентству не слишком оригинальный заголовок. “ЧЕЛОВЕКОМ ПРАВЯТ ЧУДОВИЩА?”- вопрошала газета и затем цитировала: “Сегодня на митинге в Мадрасе доктор С.В.Кришнан, президент Восточного Отдела Лиги освобождения, сказал: “Поведение Сверхправителей объясняется очень просто — их облик настолько чужд и отвратителен людям, что они не смеют нам показаться. Предлагаю Попечителю доказать, что это не так””.

Стормгрен брезгливо отшвырнул листок. Даже если обвинение и справедливо, что за важность? Мысль эта, далеко не новая, никогда его не тревожила. В каком бы причудливом обличье ни явилась жизнь, едва ли он, Стормгрен, не мог бы постепенно с ним примириться, а пожалуй, даже найти в странном существе красоту. Важно не тело, важен разум. Если б только убедить в этом Кареллена, Сверхправители, возможно, перестали бы скрываться. Уж конечно, они и вполовину не так безобразны, как измышления карикатуристов, которыми почти сразу после их прибытия стали пестреть газеты!

И однако Стормгрен знал — не только ради своего преемника он жаждет покончить с нынешним положением. Надо честно себе признаться, в конечном счете его мучит самое обыкновенное любопытство. Он давно уже знает Кареллена как личность — и не успокоится, пока не откроет также, что это за существо.

***

Когда на другое утро Стормгрена в обычный час не оказалось на месте, Питер Ван Риберг удивился и даже подосадовал. Генеральный секретарь нередко, прежде чем появиться у себя в кабинете, заезжал куда-нибудь по делам, но неизменно об этом предупреждал. Да еще, на беду, в это утро его ждало несколько спешных и важных сообщений. Ван Риберг обзвонил полдюжины учреждений, пытаясь разыскать его, — и со злостью махнул рукой.

К полудню он встревожился всерьез и послал машину к Стормгрену домой. А через десять минут подскочил, испуганный воем сирены: по проспекту Рузвельта на бешеной скорости подкатил полицейский патруль. Должно быть, в патруле у газетчиков нашлись приятели — не успела еще машина остановиться, как радио возвестило Ван Рибергу и всему миру, что он более не заместитель, а облеченный всеми полномочиями генеральный секретарь Организации Объединенных Наций.

***

Свались на Ван Риберга меньше забот, ему любопытно было бы изучить отклики печати на исчезновение Стормгрена. За прошедший месяц газеты мира разделились на два лагеря. Западная пресса в целом одобряла план Кареллена сделать всех людей на свете гражданами единого всемирного государства. А в странах Востока вспыхивали бурные, хотя зачастую искусственно подогретые, приступы национализма. Некоторые государства там обрели независимость лишь поколением раньше и теперь чувствовали, что у них обманом отнимают завоеванные права. Посыпались яростные нападки на Сверхправителей: сперва газеты были крайне осторожны, но быстро убедились, что самые резкие выпады против Кареллена проходят безнаказанно. И пресса изощрялась как никогда.

Почти все газетные атаки, весьма громогласные, отнюдь не выражали мнения подавляющего большинства. На страже государственных границ, которые вскоре сотрутся навсегда, охрану удвоили, но солдаты хотя еще и помалкивали, глядели друг на друга вполне дружелюбно. Политики и генералы могут рвать и метать сколько угодно, а безмолвные миллионы чувствуют: долгая кровавая глава в истории человечества кончается — и давно пора.

И тут-то неведомо куда исчез Стормгрен. Страсти разом утихли: мир понял, что потерян единственный человек, через которого Сверхправители по каким-то своим непостижимым соображениям говорили с Землей. Газеты и радиокомментаторы словно лишились дара речи, в тишине раздавался только голос Лиги: она горячо заверяла, что ни в чем не повинна.

***

Стормгрен проснулся в непроглядной тьме. Спросонок он даже не сразу этому

удивился. А потом мысли прояснились, он порывисто сел и протянул руку к выключателю возле кровати.

В темноте рука наткнулась на голую, холодную каменную стену. И Стормгрен замер, душа и тело оцепенели, ошеломленные неизвестностью. Потом, почти не веря своим ощущениям, он стал на колени на постели и начал осторожно, кончиками пальцев ощупывать до ужаса незнакомую стену.

Не прошло и минуты за этим занятием, как вдруг что-то щелкнуло и темнота в одном месте раздвинулась. В слабо освещенном прямоугольнике мелькнул чей-то силуэт, и тотчас дверь затворилась, опять стало темно. Все случилось мгновенно, и Стормгрен не успел разглядеть, где же он находится.

Еще миг — и его ослепил яркий луч электрического фонаря. Чуть помедлил на его лице, потом скользнул ниже, на постель, и Стормгрен увидел, что это просто матрас, брошенный на неструганые доски.

В темноте негромко сказали с акцентом, который Стормгрену сперва не удалось определить:

— Рад видеть, что вы проснулись, господин генеральный секретарь. Надеюсь, вы чувствуете себя вполне хорошо.

Что-то в последних словах насторожило Стормгрена, гневные вопросы замерли у него на губах. Он вгляделся в темноту, сказал спокойно:

— Сколько же времени я был без сознания?

Собеседник усмехнулся:

— Несколько дней. Нам обещали, что вредных последствий не будет. Рад видеть, что это правда.

Чтобы выиграть время, а заодно проверить собственные ощущения, Стормгрен спустил ноги на пол. Он по-прежнему в пижаме, но она измята и, похоже, изрядно запачкалась. От порывистого движения закружилась голова — не слишком сильно, но достаточно, чтобы понять: тут и впрямь не обошлось без наркотика.

Стормгрен повернулся к свету. Спросил резко:

— Где я? Это все с ведома Уэйнрайта?

— Да вы не волнуйтесь, — ответил человек, неразличимый в темноте. — Не будем пока об этом говорить. Думаю, вы порядком проголодались. Одевайтесь-ка и пойдем обедать.

Кружок света от фонаря пробежал по комнате и впервые дал Стормгрену понятие о ее размерах. В сущности, это даже не комната, голые стены — кое-как обтесанный камень. Очевидно, просто пещера и, наверно, очень глубоко под землей. И если он пробыл без памяти несколько дней, его тем временем могли переправить в любую часть света.

Луч фонаря выхватил пачку одежды на чемодане.

— Придется вам обойтись этим, — сказал голос из темноты. — Со стиркой тут довольно сложно, так что мы прихватили два ваших костюма и полдюжины рубашек.

— Очень любезно с вашей стороны, — вполне серьезно сказал Стормгрен.

— Мебели и электричества нет, уж не взыщите. В некоторых отношениях здесь очень удобно, но комфорта маловато.

— А для чего удобно? — спросил Стормгрен, натягивая рубашку, прикосновение привычной ткани странно успокаивало.

— Ну… просто удобно, — был ответ. — Кстати, мы, наверно, довольно долго будем вместе, так уж зовите меня Джо.

— Несмотря на ваше происхождение? Вы ведь поляк, правда? — заметил Стормгрен. — Думаю, я сумел бы называть вас и настоящим именем. Едва ли его трудней выговорить, чем многие финские имена.

Короткое молчание, фонарь мигнул.

— Что ж, этого надо было ожидать, — покорно сказал Джо. — Наверно, у вас солидный опыт по этой части.

— При моей должности очень полезно для развлечения изучать языки. Мне кажется, воспитывались вы в Соединенных Штатах, но из Польши уехали не раньше…

— Ладно, хватит, — прервал Джо. — Вы, видно, кончили одеваться, так что прошу.

Дверь отворилась, и Стормгрен вышел, в душе очень довольный своей маленькой победой. Страж посторонился, пропуская его. “Любопытно, вооружен ли он, — подумал Стормгрен. — Наверно, вооружен, и уж конечно, его друзья недалеко”.

Коридор тускло освещали развешенные там и сям керосиновые лампы, и Стормгрену впервые удалось разглядеть Джо. Это был человек лет пятидесяти и весил он, должно быть, фунтов двести с изрядным хвостиком. Все в нем и на нем было огромно, начиная с покрытой пятнами военной формы бог весть какой именно армии и кончая неслыханных размеров перстнем на левой руке. Детине такого роста и сложения оружие, надо думать, без надобности. Зато и разыскать его будет нетрудно, лишь бы отсюда выйти, подумал Стормгрен. Но ведь и сам Джо, конечно, прекрасно это понимает — мысль не слишком утешительная.

Стены по сторонам — просто камень, лишь кое-где укреплены бетоном. Должно быть, это какая-то заброшенная шахта — пожалуй, более надежной тюрьмы не придумаешь. До сих пор сознание, что его похитили, не очень волновало Стормгрена. Ему казалось, что бы ни произошло, уж наверно Сверхправители, при своем безмерном могуществе, сумеют разыскать его и вызволить. Теперь уверенности поубавилось. Ведь он здесь уже несколько дней, и никто его не выручает. Должно быть, даже всемогуществу Кареллена есть предел: если пленника и впрямь держат в недрах какого-нибудь далекого материка, быть может, Сверхправители при всех своих познаниях бессильны найти его след.

В пустом полутемном помещении за столом сидели двое. Когда Стормгрен вошел, они вскинули головы и посмотрели на него с любопытством и явным почтением. Один подвинул через стол горку сандвичей, и Стормгрен тотчас за них принялся. Хоть он и голоден как волк, не худо бы получить обед поаппетитнее, но, вероятно, и его стражи едят не лучше.

Он ел, а сам поглядывал на этих троих. Несомненно, из них самая примечательная личность — Джо, и выделяется он не только ростом и сложением. Другие двое явно его помощники, с виду вполне заурядные, а откуда они родом, можно будет определить, когда они заговорят.

В стакане сомнительной чистоты появилось немного вина, и Стормгрен запил последний кусок хлеба. Теперь он чувствовал себя уверенней.

— Итак, — ровным голосом произнес он, обращаясь к великану-поляку, — может быть, вы объясните мне, что все это значит и чего, собственно, вы надеетесь таким образом достичь.

Джо откашлялся:

— Одно хочу вам растолковать. Уэйнрайт тут ни при чем. Он тоже ничего такого не ждал.

Стормгрен был почти готов к такому ответу, хотя и удивился, чего ради Джо с легкостью подтвердил его догадку. Он давно уже подозревал, что внутри Лиги или рядом с нею существует некое крайнее течение.

— А каким образом вы меня похитили? Спрашиваю из чистого любопытства.

Он не рассчитывал на ответ, но, к его изумлению, ответили охотно, будто только того и ждали.

— А мы это разыграли прямо как в голливудском детективе, — весело сказал Джо. — Мы ж не знали, вдруг Кареллен с вас глаз не спускает, ну и приняли кой-какие меры. Пустили усыпляющий газ в кондиционер — не велика хитрость. Потом перенесли вас в машину — и того проще. И все это, прямо скажу, проделали не наши люди. Для такой работенки мы наняли… э-э… специалистов. Кареллен, наверно, их изловит, да только ничего он от них не узнает. Машина ушла от вашего дома и скоро нырнула в длинный туннель, есть такой меньше чем за тысячу километров от Нью-Йорка. А через положенное время вынырнула с другого конца, и в ней был без памяти человек — вылитый генеральный

секретарь ООН. А вскоре из другого конца выехал большущий грузовик с металлическими ящиками, покатил к одному аэропорту, и там ящики перегрузили в самолет, рейс был самый что ни на есть законный. Уж не сомневайтесь, владельцы померли бы со страху, знай они, для чего нам пригодились эти ящики… Ну, а та, настоящая, машина пошла кружить да петлять до самой канадской границы. Может, Кареллен ее уже и захватил, не знаю, тоже не велика важность. Как видите — надеюсь, вы оцените мою откровенность, — весь наш план построен на одном расчете. Мы уверены, Кареллен может видеть и слышать все, что делается на Земле, но уж никак не под землей, разве что ему служит не только наука, но и колдовство. А стало быть, он не узнает о подмене в туннеле либо узнает слишком поздно. Понятно, мы рискуем, но приняты и еще кой-какие меры предосторожности, в это я сейчас вдаваться не стану. О них покуда умолчим — может, еще понадобятся.

Джо явно упивался своим рассказом, и Стормгрен с трудом сдерживал улыбку. Однако он по-настоящему встревожился. Похитители весьма изобретательны, очень возможно, что Кареллена удалось провести. И ведь никак нельзя ручаться, что Попечитель хоть сколько-нибудь печется о безопасности генерального секретаря. Джо тоже явно в этом не уверен. Может быть, потому он и разоткровенничался — проверяет, как Стормгрен ко всему этому отнесется. Что ж, как ему ни тревожно, а надо прикинуться невозмутимым. И Стормгрен сказал презрительно:

— Вы все, видно, сущие остолопы. Неужели, по-вашему, Сверхправителей так легко обмануть? Да и чего вы надеетесь этим добиться?

Джо предложил ему сигарету, Стормгрен отказался, тогда он сам закурил и уселся было на край стола. Послышался зловещий треск, и великан поспешно спрыгнул на пол.

— Очень понятно, почему мы так действуем, — начал он. — Мы увидели, что уговаривать да убеждать толку нет, вот и пришлось действовать по-другому. Подпольщики бывали на свете и до нас, и пускай у Кареллена сила большая, а все равно не так-то легко ему с нами справиться. Мы начинаем борьбу за независимость. Поймите меня правильно. Никакого насилия не будет — во всяком случае, поначалу, — но Сверхправителям, хочешь не хочешь, нужны помощники из людей, а этим помощникам мы можем доставить кучу неприятностей.

И начинаете с меня, подумал Стормгрен. Пожалуй, Джо рассказал далеко не все. Неужели подпольщики всерьез надеются повлиять на Кареллена гангстерскими приемами. Да, но ведь хорошо организованное движение сопротивления и вправду может сильно осложнить жизнь. Этот Джо нащупал единственное уязвимое место во власти Сверхправителей. В конечном счете все их распоряжения исполняются помощниками-людьми. Если этих людей запугать так, что они перестанут повиноваться, вся система рухнет. Впрочем, едва ли… нет, Кареллен наверняка быстро найдет какой-нибудь выход.

— Как же вы намерены со мной поступить? — спросил наконец Стормгрен. — Я что, заложник?

— Не беспокойтесь, мы о вас позаботимся. На днях ждем кой-кого в гости, а покуда постараемся, чтоб вы не скучали.

Он прибавил несколько слов на своем языке, и один из его сотоварищей выложил на стол нераспечатанную колоду карт.

— Нарочно для вас достали, — пояснил Джо. — Я на днях читал в “Таймс”, что вы здорово играете в покер. — Он вдруг заговорил очень серьезно, даже озабоченно: — Надеюсь, у вас полон бумажник наличными. Мы не сообразили поглядеть. Чеки нам, знаете ли, брать неудобно.

Ошарашенный Стормгрен круглыми глазами уставился на своих тюремщиков. И наконец до него дошло — да это же все презабавно, и теперь он избавлен от своих обязанностей, хлопот и тревог. Отныне все это — забота Ван Риберга. Что бы ни случилось, он, Стормгрен, ровно ничего не может поделать — и вот, не угодно ли, эти невообразимые похитители жаждут поиграть с ним в покер!

Стормгрен откинулся на стуле и захохотал — так он не смеялся уже многие годы.

***

Без сомнения, Уэйнрайт не лжет, угрюмо размышлял Ван Риберг. Возможно, он и подозревает, что за люди похитили Стормгрена, но точно ему это не известно. И выходку их он не одобряет. Похоже, что в последнее время экстремисты из Лиги всячески давили на Уэйнрайта, чтобы действовал решительней. А теперь вот начали действовать сами.

Спору нет, похищение организовано на славу. Стормгрена могли упрятать в любом уголке земного шара, и едва ли удастся напасть на его след. Однако же надо что-то предпринять, да поскорее, решил Ван Риберг. Хоть он нередко отпускал шуточки по адресу Кареллена, но в душе перед ним трепетал. Страшно даже подумать, что надо прямо обратиться к Попечителю, но иного выхода нет.

Отдел связи занимал весь верхний этаж огромного здания. Вдоль зала тянулись ряды телетайпов — одни молчали, другие деловито пощелкивали. Через них нескончаемым потоком поступали статистические данные — объем производства, численность населения, исчерпывающие сведения обо всей мировой экономике. Должно быть, где-то на корабле Кареллена есть нечто подобное этому залу, и Ван Риберга мороз подирал по коже, когда он гадал, какие неведомые чудища бродят там от аппарата к аппарату, собирая отчеты, которые посылает Сверхправителям Земля.

Но сегодня его не интересовали ни эти аппараты, ни обыденные дела, которыми они были заняты.

Он прошел в кабинетик, куда полагалось входить одному только Стормгрену. По его распоряжению замок уже взломали и в кабинете ждал начальник связи.

— Вот это обычный телетайп, — сказал он Ван Рибергу, — клавиатура, как у стандартной пишущей машинки. И есть фотопередатчик, на случай, если надо послать какие-нибудь изображения или таблицы, но вы говорили, вам это сейчас не нужно.

Ван Риберг рассеянно кивнул.

— Да, спасибо. Вы свободны. Наверно, я не очень задержусь. Тогда опять запрете комнату и все ключи отдадите мне.

Он подождал, пока тот вышел, и подсел к аппарату. Он знал, этим видом связи пользовались крайне редко, почти все вопросы Кареллен и Стормгрен обсуждали каждую неделю при встрече. Но этот аппарат явно предназначен для экстренных случаев, и можно надеяться, что ответят немедля.

Мгновенье Ван Риберг поколебался, потом начал неумело нажимать клавиши. Машина тихонько заурчала, на потемневшем экране коротко вспыхивало слово за словом. Он выпрямился в ожидании ответа.

Не прошло и минуты, как аппарат снова замурлыкал. Ван Риберг не впервые подумал — может быть, Кареллен никогда не спит?

Ответ был весьма краток и столь же неутешителен:

НИКАКИХ УКАЗАНИЙ. ДЕЙСТВУЙТЕ ПО СВОЕМУ УСМОТРЕНИЮ. К.

С горечью, без малейшего удовольствия Ван Риберг понял всю огромность взваленной на него ответственности.

***

За три дня Стормгрен успел основательно изучить своих стражей. Что-то значит один Джо, другие двое не в счет — ничтожества, сброд, какой неизбежно прилипает к любому нелегальному движению. Идеалы Лиги освобождения для них пустой звук, у них одна забота — добыть кусок хлеба насущного без особых трудов.

Джо — тот куда сложнее, хотя порою кажется великовозрастным младенцем.

Нескончаемые партии в покер то и дело прерывались бурными политическими спорами, и скоро Стормгрену стало ясно, что великан никогда всерьез не задумывался — за что же он сражается. Им владели чувства и крайний консерватизм, где уж тут рассуждать трезво. Родина Джо слишком долго добивалась независимости, и это наложило на него печать: он все еще жил прошлым. Своего рода живописное ископаемое, один из тех, кто вовсе не нуждается в каком-либо упорядоченном образе жизни. Когда люди такого склада исчезнут, если только это когда-либо случится, наш мир станет безопаснее, но и скучнее.

Стормгрен теперь почти не сомневался, что Кареллену не удалось напасть на его след. Он еще пытался убедить троих стражей в противном, но безуспешно. Ясное дело, его держали в плену, выжидая, вмешается ли Кареллен, а раз ничего не произошло, они могут действовать дальше.

И Стормгрен ничуть не удивился, когда на четвертый день после похищения Джо его предупредил, чтобы ждал гостей. Пленник еще до того заметил, как час от часу стражи становятся беспокойнее, и догадался: руководители движения убедились, что путь свободен, и наконец-то явятся за ним.

Они уже ждали за шатким дощатым столом, когда Джо привел Стормгрена и учтиво посторонился, давая пройти. Стормгрена позабавило, что на боку у тюремщика впервые красовался, ко всеобщему сведению, большущий пистолет. Его подручные не показывались, да и сам Джо держался куда скромнее обычного. Стормгрен сразу понял, что очутился перед людьми гораздо более значительными. Те, что сидели сейчас перед ним, очень напоминали виденную когда-то фотографию — Ленин и его сподвижники в первые дни русской революции. В этих — их было шестеро — чувствовалась та же сила ума, железная воля и непреклонность. Джо и ему подобные не опасны, а вот здесь — те, чья мысль управляет подпольем.

Стормгрен коротко кивнул, прошел к единственному свободному стулу и сел, стараясь держаться хладнокровно и непринужденно. За каждым его движением следил немолодой коренастый человек, сидевший в дальнем конце стола; он подался навстречу Стор-мгрену и впился в него колючими серыми глазами. Под этим пронизывающим взглядом Стормгрену стало не по себе, и он, сам того не желая, заговорил первым.

— Полагаю, вы пришли обсудить условия. Какой за меня назначен выкуп?

Тут он заметил, что поодаль кто-то стенографирует его слова. Обстановка самая деловая.

Отозвался главный, он говорил певуче, как уроженец Уэльса.

— Можете назвать это и так, господин генеральный секретарь. Но нам нужны не деньги, а сведения.

Вот оно что, подумалось Стормгрену. Его допрашивают как военнопленного.

— Вы ведь знаете, чего мы добиваемся, — певуче продолжал уэльсец. — Если угодно, зовите нас движением сопротивления. Мы убеждены, что рано или поздно Земле не миновать борьбы за независимость, и мы понимаем — открытая война невозможна, остаются неповиновение, саботаж и тому подобное. Вас мы похитили отчасти затем, чтобы показать Кареллену, что мы хорошо организованы и действовать будем решительно, но главное, вы — единственный, от кого можно хоть что-то узнать о Сверхправителях. Вы разумный человек, мистер Стормгрен. Помогите нам, и мы вернем вам свободу.

— А что, собственно, вы хотите узнать? — осторожно спросил Стормгрен.

Казалось, удивительные глаза собеседника проникают в самые потаенные глубины сознания, никогда в жизни не встречал он такого взгляда. Не вдруг певучий голос ответил:

— Знаете ли вы, кто — или что такое — на самом деле эти Сверхправители?

Стормгрен едва удержался от улыбки.

— Поверьте, — сказал он, — я не меньше вашего желал бы раскрыть эту тайну.

— Значит, вы согласны отвечать на наши вопросы?

— Обещать не обещаю. Но может быть, и отвечу.

Он услышал, как с облегчением вздохнул Джо, и все в комнате шелохнулись и замерли

в ожидании.

— Мы примерно представляем себе, при каких обстоятельствах вы встречаетесь с Карелленом. Но, может быть, вы опишете это подробно, не упуская ничего сколько-нибудь существенного?

Что ж, просьба довольно безобидная. Стормгрен десятки раз отвечал на подобные вопросы, и выглядеть это будет как готовность помочь. Перед ним люди умные, проницательные, может быть, им тут что-то и откроется. Если они способны извлечь из его рассказа что-то новое, тем лучше, лишь бы и с ним поделились. Уж конечно, Кареллену это никак не повредит.

Стормгрен пошарил по карманам, достал карандаш и старый конверт. Наскоро набрасывая чертеж, стал объяснять:

— Вы, конечно, знаете, за мной раз в неделю прилетает такой аппаратик, ни мотора, ни какого-либо иного движителя у него не видно, и он переносит меня к кораблю Кареллена. И проникает внутрь — вы, конечно, видели, как это происходит, телескопических фильмов снято немало. Дверь, если это можно назвать дверью, опять открывается, и я вхожу в небольшую комнату, там только и есть что стол, стул и телеэкран. Расстановка примерно такая.

Он подвинул конверт к старому уэльсцу, но тот не взглянул на чертеж. Странные глаза все так же неотрывно смотрят на Стормгрена, и чудится — что-то переменилось в их глубине. Настала мертвая тишина, и Стормгрен услышал — позади него у Джо вдруг перехватило дыхание.

Озадаченный, раздосадованный, Стормгрен отвечал взглядом в упор — и наконец-то понял. Смутился, смял конверт в тугой комок и швырнул на пол.

Так вот отчего ему было так не по себе под взглядом этих серых глаз. Человек, что сидит напротив, слеп.

***

Ван Риберг больше не пробовал связаться с Карелленом. Во многом работа его ведомства шла и дальше по накатанной колее: отсылались статистические данные, выжимки из мировой прессы и прочее. В Париже юристы все еще препирались из-за каждого пункта будущей Всемирной Конституции, но это пока его не касалось. Попечителю окончательный проект надо представить только через две недели; если к тому времени текст не будет готов, Кареллен, несомненно, поступит, как сочтет нужным.

А о Стормгрене по-прежнему никаких известий.

Ван Риберг говорил в диктофон, как вдруг зазвонил телефон срочной связи. Он схватил трубку и слушал, все больше недоумевая, потом швырнул ее на рычаг, бросился к окну, распахнул. Далеко внизу на улицах нарастает вопль изумления, замирают на месте машины.

Да, правда: небо пусто, корабль Кареллена, неизменный символ власти пришельцев, исчез. Ван Риберг шарил взглядом в вышине, сколько хватал глаз, — никакого следа. И вдруг будто средь бела дня надвинулась ночь. С севера низко, над самыми крышами нью-йоркских небоскребов, налетел исполинский корабль, в полумраке он чернел снизу, точно грозовая туча. Ван Риберг невольно отшатнулся. Он всегда знал, что корабли Сверхправителей громадны, но когда громадина недвижно парит в недосягаемой вышине — это одно, и совсем другое — когда такое чудовище проносится у тебя над головой, словно туча, гонимая самим дьяволом.

В сумерках, будто при солнечном затмении, Ван Риберг следил за кораблем, пока тот вместе со своей чудовищной тенью не скрылся на юге. Ни звука, ни хотя бы шелеста в воздухе, значит, только показалось, что корабль так низко, высота была не меньше километра. А потом все здание содрогнулось от удара воздушной волны и где-то со звоном посыпались на пол выбитые стекла.

За спиной разом заголосили все телефоны, но Ван Риберг не шевельнулся. Так и стоял,

опершись на подоконник, и все смотрел туда, на юг, ошеломленный этой безмерной мощью.

***

Стормгрен говорил, а мысль работала на двух уровнях сразу. Он пленник этих людей и старается дать им отпор, но брезжит надежда — вдруг они помогут раскрыть секрет Кареллена? Опасная игра, но, как ни странно, она доставляет истинное наслаждение.

Больше всего вопросов задавал слепой. Просто поразительно, с какой быстротой это живой ум перебирает все возможности, исследует и отбрасывает все теории, от которых Стормгрен давно уже отказался. И вот уэльсец со вздохом откинулся на спинку стула.

— Это все впустую, — покорно сказал он. — Нам нужно больше узнать, значит, нужно не рассуждать, а действовать.

Казалось, незрячие глаза в раздумье смотрят прямо на Стормгрена. Слепой беспокойно забарабанил пальцами по столу — признак нерешительности, это Стормгрен подметил у него впервые. Потом продолжал:

— Мне немного странно, господин генеральный секретарь, что вы никогда не пробовали разузнать о Сверхправителях побольше.

— А что я, по-вашему, мог сделать? — холодно спросил Стормгрен, стараясь казаться равнодушным. — Я же вам сказал, из комнаты, где я разговариваю с Карелленом, есть только один выход, и оттуда я прямиком попадаю на Землю.

— Вот если изобрести какие-то приборы, может, они нам что-нибудь да откроют, — вслух раздумывал тот. — Сам я не ученый, но, пожалуй, мы над этим поразмыслим. Если мы вас освободим, согласны вы помочь нам в этом деле?

— Поймите меня раз и навсегда, — вспылил Стормгрен, — Кареллен стремится объединить человечество, и я палец о палец не ударю, чтобы помогать его врагам. Конечных его целей я не знаю, но верю, что ничего плохого не будет.

— Какие у вас доказательства?

— Да все его действия с тех самых пор, как впервые появились корабли. Назовите мне хоть что-нибудь, что, если вдуматься поглубже, не пошло бы нам на благо? — Стормгрен помолчал, перебирая в памяти минувшие годы. Улыбнулся. — Если вам нужно ясное доказательство присущей Сверхправителям — как бы это назвать? — доброжелательности, вспомните ту историю, когда они запретили жестокое обращение с животными, еще месяца не прошло с их прилета. Если сначала я сомневался насчет Кареллена, тот запрет разогнал все сомнения, хоть и доставил мне больше хлопот, чем все другие его приказы.

Пожалуй, я не преувеличиваю, подумал Стормгрен. Случай был из ряда вон: впервые обнаружилось, что пришельцы не терпят жестокости. Эта их нетерпимость и еще страсть к справедливости и порядку — вот, кажется, преобладающие у них чувства, насколько можно судить по их действиям.

То был единственный случай, когда Кареллен дал знать, что разгневан; по крайней мере это походило на гнев. “Можете, если угодно, убивать друг друга, — заявил он, — это дело ваше и ваших законов. Но если, кроме как ради пищи или самозащиты, вы станете убивать животных, которые вместе с вами населяют ваш мир, вы мне за это ответите”.

Сперва никто толком не понял, насколько широко надо понимать этот запрет и каким образом Кареллен заставит ему подчиняться. Долго ждать не пришлось.

Трибуны стадиона Плаза де Торос были набиты битком, начинался парад матадоров и их помощников. Казалось, все идет как всегда, под ярким солнцем ослепительно сверкают освященные обычаем костюмы, толпа зрителей приветствует своих любимцев, так бывало прежде тысячи раз. Но многие зрители тревожно поглядывали на небо, на равнодушное чудище, серебрящееся в пятидесяти километрах над Мадридом.

Потом пикадоры разъехались по местам, и на арену с громким фырканьем вырвался бык. Высвеченные ярким солнцем тощие лошади, храпя от ужаса, завертелись под седоками, а те пришпоривали их, гнали навстречу врагу. Мелькнуло первое копье… впилось в цель… и

тут раздался звук, какого не слышали доныне на Земле.

Вопль боли вырвался у десяти тысяч раненых — но когда эти десять тысяч человек опомнились от потрясения, они не нашли на себе ни царапинки. Однако с боем быков было покончено — и не только в тот раз, но навсегда, ибо весть о случившемся распространилась быстро. Стоит упомянуть и о том, сколь потрясены были aficionados[8] — едва ли один из десяти потребовал деньги обратно; и еще лондонская "Дэйли мир-рор" подсыпала соли на раны — предложила испанцам взамен исконного национального спорта заняться крикетом.

— Может быть, вы и правы, — сказал старый уэльсец. — Допустим, побуждения у Сверхправителей наилучшие… по их меркам, и эти мерки могут иногда совпадать с нашими. И все-таки они самовольно вмешались в нашу жизнь, мы их не звали и не просили перевернуть в нашем мире все вверх дном и порушить наши идеалы… да, идеалы, и государства, за чью независимость боролись и отстаивали ее многие поколения.

— Я родом из маленькой страны, которой тоже пришлось бороться за свою свободу, и, однако, я стою за Кареллена, — возразил Стормгрен. — Вы можете досадить ему, возможно даже, из-за вас он не так быстро достигнет своей цели, но в конечном счете ничего вы этим не измените. Не сомневаюсь, вы искренни в своих убеждениях; вы боитесь, что в будущем Всемирном государстве не сохранятся традиции и культура малых стран, — я и это могу понять. Но в одном вы неправы — бесполезно цепляться за прошлое. Суверенное государство у нас на Земле отмирало еще до того, как явились Сверхправители. Они только ускорили его гибель; никому уже не спасти эту суверенность, да и пытаться не следует.

Ответа не было, человек напротив Стормгрена не шелохнулся, не вымолвил ни слова. Сидит недвижимо, губы приоткрыты, глаза теперь не просто незрячие, но безжизненные. И все остальные тоже застыли, окоченели в напряженных, неестественных позах. Стормгрен задохнулся от ужаса, встал, попятился к двери. И тут в тишину ворвался голос.

— Очень мило сказано, Рикки, благодарю. Теперь, пожалуй, мы можем уйти.

Стормгрен круто обернулся, уставился в полутьму коридора. Здесь вровень с его лицом плавал в воздухе маленький, гладкий, без единой отметинки шар — несомненно, источник пущенной в ход Сверхправителями таинственной силы. И Стормгрен услышал — или просто почудилось? — тихое гуденье, точно от улья в полный ленивой истомы летний день.

— Кареллен! Слава богу! Но что вы с ними сделали?

— Успокойтесь, они живы и здоровы. Можете назвать это своего рода параличом, только его действие много тоньше. Просто их жизнь сейчас течет в тысячи раз медленней обычного. Когда мы уйдем, они так и не поймут, что же случилось.

— Вы их так оставите до прихода полиции?

— Нет. У меня план получше. Я их отпущу. Стормгрен даже изумился, так полегчало на душе.

Обвел прощальным взглядом подземную комнатку и всех, кто в ней застыл. Джо стоит на одной ноге, смотрит бессмысленно куда-то в пространство. Стормгрен вдруг рассмеялся, пошарил у себя в карманах.

— Спасибо за гостеприимство, Джо, — сказал он. — Пожалуй, я оставлю тебе кое-что на память.

Он порылся в клочках бумаги и, наконец, подсчитал свои проигрыши. И на сравнительно чистом листке аккуратно написал:

В МАНХЭТТЕНСКИЙ БАНК.
Прошу выплатить Джо сто тридцать пять долларов и пятьдесят центов (135.50)
Р.Стормгрен.

---

[8] * Любители, болельщики (исп.).

***

Он положил записку возле поляка и услышал голос Кареллена:

— Что вы, собственно, делаете?

— В роду Стормгренов всегда платят долги. Те двое плутовали, но Джо играл честно. По крайней мере, я ни разу не заметил, чтобы он смошенничал.

И Стормгрен пошел к двери, веселый, беззаботный, помолодевший на добрых сорок лет. Металлический шарик отплыл в сторону, пропуская его. Должно быть, это какой-то робот, теперь понятно, как удалось Ка-реллену добраться до пленника, скрытого под пластами камня бог весть какой толщины.

— Сто метров пройдете прямо, — сказал шар голосом Кареллена. — Потом повернете налево, тогда я дам дальнейшие указания.

Стормгрен в нетерпении зашагал прямо, хотя и понимал, что торопиться нет нужды. Шар остался висеть позади, в коридоре, — надо думать, прикрывал отступление. Через минуту Стормгрен подошел к другому такому же шару, тот ждал его на развилке коридора. — Надо пройти еще полкилометра, — сказал шар. — Держите влево, пока не встретимся опять.

Шесть раз на пути к выходу Стормгрен встречался с шарами. Сперва он недоумевал — может быть, робот как-то ухитряется его обгонять; потом догадался — наверно, эти приборы расположились цепочкой и через нее-то шла связь до самого дна шахты. У выхода застыли неправдоподобной скульптурной группой несколько часовых под надзором еще одного из вездесущих шаров. А чуть поодаль на косогоре лежал тот летательный аппаратик, что всегда доставлял генерального секретаря ООН к Кареллену.

Стормгрен постоял немного, щурясь от солнца. Потом увидал вокруг ржавые, изломанные шахтные механизмы, за ними тянулась вниз по откосу заброшенная железнодорожная ветка. В нескольких километрах отсюда к подножию горы подступал густой лес, а совсем уже в дальней дали поблескивало большое озеро. И почему-то показалось — он очутился где-то в Южной Америке.

Забираясь в летательный аппарат, Стормгрен окинул последним беглым взглядом зев шахты и застывших возле нее людей. И вот отверстие в серебристой стене затянулось за ним, и со вздохом облегчения он откинулся на знакомом сиденье.

Не сразу он отдышался настолько, что из глубины души вырвалось короткое:

— Итак?

— Сожалею, что не мог вызволить вас раньше. Но вы ведь понимаете, важно было дождаться, чтобы здесь собрались все руководители.

— Так вы… — захлебнулся Стормгрен. — Вы что же, все время знали, где я? Если бы я думал…

— Не спешите, — сказал Кареллен, — дайте мне хотя бы договорить.

— Прекрасно, я слушаю, — мрачно процедил Стормгрен.

Он начал подозревать, что послужил всего-навсего приманкой в хитроумной западне.

— Некоторое время назад я пустил за вами… пожалуй, можно назвать это устройство “следопытом”, — стал объяснять Кареллен. — Ваши недавние друзья справедливо полагали, что я не мог следовать за вами под землей, однако я сумел идти по следу до самой шахты. Подмена в туннеле — остроумная проделка, но когда первая машина перестала отвечать на сигналы, подлог обнаружился, и я вскоре опять вас отыскал. А потом просто надо было выждать. Я знал, как только они решат, что я потерял вас из виду, они явятся сюда, и я изловлю всех сразу.

— Но вы же их отпускаете!

— До сих пор я не мог выяснить, кто именно из двух с половиной миллиардов людей на вашей планете — подлинные главари подполья. Теперь они известны, я могу проследить каждый их шаг на Земле и, если понадобится, наблюдать за всеми их действиями до мелочей. Это куда лучше, чем посадить их под замок. Что бы они ни предприняли, они тем самым

выдадут остальных. Они связаны по рукам и ногам и сами это понимают. Ваше исчезновение останется для них непостижимым, точно у них на глазах вы растаяли в воздухе.

И по крохотной кабине раскатился звучный смех.

— В каком-то смысле презабавная вышла история, но цель ее очень серьезна. Меня заботят не просто несколько десятков человек этой организации, мне надо еще думать о том, как все это скажется на настроении других подпольных групп, в других местах.

Стормгрен помолчал. Услышанное не слишком утешает, но мысль Кареллена понятна, и гнев недавнего пленника поостыл.

— Печально, что надо на это пойти, когда мне остаются считанные недели до отставки, — сказал он не вдруг, — но теперь я вынужден буду завести у моего дома охрану. В следующий раз могут похитить Питера. Кстати, как он без меня справлялся?

— В последнюю неделю я внимательно следил за ним и нарочно ничем не помогал. В общем, он держался очень недурно, но такой человек не может вас заменить.

— Его счастье, — заметил Стормгрен все еще не без обиды. — А кстати, вы не получили хоть какого-то ответа? Вам все еще не разрешают нам показаться? Теперь я убежден, это — сильнейшее оружие ваших врагов. Мне опять и опять твердят: мы не станем доверять Сверхправителям, пока не увидим их.

Кареллен вздохнул.

— Нет. Я пока не получал никаких известий. Но знаю, что мне ответят.

И Стормгрен оставил этот разговор. Прежде он продолжал бы настаивать, но теперь в мыслях у него забрезжил некий план. Вспомнились слова человека, который его допрашивал. Пожалуй, и правда можно изобрести какие-то приборы…

То, что он отказался выполнить под чьим-либо нажимом, он, возможно, попытается сделать по собственной воле.

4

Еще несколько дней назад Стормгрен просто не поверил бы, что способен всерьез обдумывать такое. Вероятно, мысли его приняли новый оборот главным образом из-за нелепой мелодрамы с похищением, — теперь оно казалось чуть ли не плохоньким телевизионным спектаклем. Впервые за всю свою жизнь Стормгрен подвергся прямому насилию, это было слишком непохоже на словесные битвы в залах заседаний. Должно быть, жажда действия, точно вирус, проникла в кровь… или он попросту слишком быстро впадает в детство?

Им двигало еще и жгучее любопытство, да и за шутку, что с ним разыграли, он не прочь был отплатить. Ведь теперь уже совершенно ясно: Кареллен воспользовался им как приманкой, пускай с наилучшими намерениями, — все равно Стормгрен не склонен был так легко это простить.

Пьер Дюваль ничуть не удивился, когда Стормгрен, не предупредив заранее, явился к нему в кабинет. Они старые друзья, и генеральный секретарь ООН нередко навещает главу Бюро научных исследований. Уж конечно, Кареллену и этот визит не покажется странным, если ему или кому-то из его подчиненных случится как раз сюда обратить недремлющее око своих приборов.

Сначала потолковали о делах и обменялись политическими сплетнями; потом, не слишком уверенно, Стормгрен заговорил о том, ради чего пришел. Старый француз слушал, откинувшись в кресле, и с каждой минутой брови его всползали все выше, так что под конец чуть не смешались с прядью волос, падающей на лоб. Раза два он, казалось, хотел было что-то сказать, но сдержался.

Когда Стормгрен умолк, ученый тревожно огляделся.

— А вы не думаете, что он нас слушает?

— Едва ли это возможно. У него есть, как он выражается, следопыт для моей охраны. Но это устройство под землей не действует, потому я и пришел сюда, в ваше подземелье.

Предполагается, что это — убежище от всех видов радиации, так? Кареллен не кудесник. Он знает, где я сейчас, но не более того.

— Надеюсь, вы правы. И еще одно — если он узнает, что вы хотите проделать, разве это не опасно? А он наверняка узнает.

— Я рискну. Притом мы с ним неплохо понимаем дру друга.

Несколько минут физик, поигрывая карандашом, молча смотрел в одну точку.

— Задачка не из легких, мне это по душе, — сказал он просто. Потом из какого-то ящика извлек огромный блокнот. Стормгрен таких громадин и не видывал. — Вот так, — он принялся стремительно, одержимо чиркать по бумаге, покрывая ее какими-то стенографическими значками, видимо, собственного изобретения. — Мне надо знать все в точности. Расскажите все, что знаете, про комнату, где вы с ним разговариваете. Не упускайте ни единой мелочи, даже если это, по-вашему, пустяк.

— Тут почти нечего описывать. Стены металлические, комната около восьми квадратных метров, высота метра четыре. Телеэкран размером примерно метр на метр, как раз под ним стол — дайте-ка, я вам нарисую.

Стормгрен набросал чертеж хорошо знакомой комнаты, подвинул через стол Дювалю. И чуть вздрогнул, вспомнив, как совсем недавно проделал то же самое. Что-то сталось со слепым уэльсцем и его союзниками? Как отнеслись они к его внезапному исчезновению?

Француз, наморщив лоб, изучал чертеж.

— И это все, что вы можете мне сказать?

— Да.

Дюваль сердито фыркнул.

— А освещение? Вы что же, сидите в полной темноте? А какая там вентиляция, отопление…

Стормгрен улыбнулся: Дюваль верен себе, чуть что — и вспылит.

— Весь потолок светящийся, а воздух, насколько я понимаю, идет из той же решетки, что и звук. Куда он уходит, не знаю, может быть, временами направление тяги меняется, но я этого не замечал. Батарей нет, никаких признаков отопления, но в комнате всегда нормальная температура.

— Иными словами, очевидно, замерзают только водяные пары, но не углекислый газ.

Стормгрен счел долгом улыбнуться старой общеизвестной шуточке.

— По-моему, я вам все сказал. Что до машинки, которая переносит меня на корабль Кареллена, она не примечательней кабины лифта. Только и разницы, что есть диван и стол.

Несколько минут оба молчали, физик старательно разрисовывал свой блокнот крохотными закорючками. Стормгрен следил за его карандашом и спрашивал себя, почему этот человек — блестящий ум, до которого ему, Стормгрену, очень и очень далеко, — так и не стал подлинно выдающейся величиной в научном мире. Вспомнились злые и едва ли справедливые слова одного приятеля из американского Государственного департамента: “Французы поставляют лучших в мире работников второго сорта”. Дюваль — один из примеров того, что в словах этих есть доля правды.

Физик удовлетворенно покивал сам себе, наклонился к Стормгрену, нацелился в него карандашом.

— Рикки, а почему вы думаете, что этот Карелле-нов телевизор, как вы его называете, и вправду телевизор, а не одна видимость?

— Никогда в этом не сомневался, экран выглядит точно так же. А что еще это может быть?

— Вы говорите, выглядит? То есть это он с виду такой же, как у наших телевизоров?

— Ну конечно.

— Вот это мне и подозрительно. Уж наверно Сверхправители не пользуются такой грубой техникой, у них, скорей всего, картинка образуется прямо в воздухе. Да и чего ради Кареллену прибегать к помощи телевизора? Наилучшее решение всегда просто. Разве не правдоподобнее, что этот ваш телеэкран — всего-навсего поляризованное стекло?

Стормгрен так озлился на себя, что минуту — другую не отвечал и только рылся в памяти. С самого начала он ни разу не усомнился в словах Кареллена — но, если вспомнить, разве Попечитель когда-либо говорил, будто пользуется телевизором? Стормгрен сам так решил, его с легкостью провели, сыграли на естественном ходе человеческой мысли. Да, так, если, разумеется, догадка Дюваля верна. Однако опять он спешит с выводами, ведь никто пока ничего не доказал.

— Если вы правы, — сказал он, — просто надо разбить стекло…

Дюваль вздохнул.

— Уж эти мне профаны. Вы что же, воображаете, что это стекло можно расколотить без взрывчатки? И даже если бы это удалось, по-вашему, Кареллен непременно дышит таким же воздухом, как мы? А если он благоденствует в хлорной атмосфере? То-то славно обернется дело для вас обоих.

Стормгрен почувствовал себя дураком. Мог бы и сам сообразить.

— Хорошо, ну а вы что предлагаете? — спросил он с досадой.

— Надо подумать. Прежде всего надо выяснить, верна ли моя теория и нельзя ли как-то определить, что там за стекло. Поручу кое-кому из моих этим заняться. Кстати, вы, когда навещаете Сверхправителя, наверно, берете с собой портфель? Не тот, что при вас сейчас?

— Он самый.

— Пожалуй, он достаточно большой. Незачем менять, будет заметно, раз к этому Кареллен привык.

— А что я должен делать? Пронести потайной рентгеновский аппарат?

Физик усмехнулся.

— Пока не знаю, но что-нибудь да придумаем. Недели через две дам вам знать.

Он коротко засмеялся.

— Знаете, о чем мне все это напоминает?

— Еще бы, — мигом отозвался Стормгрен. — Времена нацистской оккупации, когда вы мастерили радиоприемники для подполья.

Дюваль не сумел скрыть разочарования.

— Правда, мне уже случалось об этом упоминать. Но вот что…

— Да?

— Если вы попадетесь, я знать не знал, зачем вам понадобилась такая машинка.

— Да ну! Не вы ли когда-то подняли такой шум насчет того, что ученый в ответе перед обществом за свои изобретения? Право слово, Пьер, мне за вас стыдно!

***

Стормгрен положил на стол пухлую папку с отстуканными на машинке листами и облегченно вздохнул.

— Наконец-то все улажено. Странно думать, что в этих нескольких сотнях страниц заключено будущее человечества. Всемирное государство! Не надеялся я дожить и увидеть это воочию!

Он сунул бумаги в портфель, — портфель стоял в каких-нибудь десяти сантиметрах от темного экрана, обращенный к нему тыльной стороной. Порою Стормгрен, сам того не замечая, беспокойно проводил пальцами по застежкам портфеля, но потайную кнопку он нажмет только в последнюю секунду, когда разговор закончится. Дюваль головой ручался, что Карел-лен ничего не заметит, но мало ли, вдруг что-нибудь выйдет не так…

— Вы ведь сказали, что у вас есть для меня новости, — продолжал он, с трудом скрывая нетерпение. — Это не насчет…?

— Да, — сказал Кареллен. — Несколько часов назад мне сообщили решение.

Что бы это значило, подивился Стормгрен. Не может же Попечитель переговариваться с далекой своей планетой, когда их разделяет бог весть сколько световых лет. Разве что, по теории Ван Риберга, он просто советуется с какой-то гигантской ЭВМ, способной

предсказать, к чему приведет любой политический шаг.

— Лига освобождения и иже с нею будут, пожалуй, не совсем довольны, — продолжал Кареллен, — но обстановка несколько разрядится. Это, кстати, записывать не надо.

Вы часто говорили мне, Рикки, что, как бы мы ни выглядели, человечество быстро привыкнет к любому нашему облику. Это лишь доказывает, как мало у вас воображения. Вы-то сами, вероятно, и правда быстро бы освоились, но не забывайте, в большинстве люди еще недостаточно образованны, чтобы искоренить их суеверия и предрассудки, могут понадобиться десятилетия.

Не сомневайтесь, нам кое-что известно о человеческой психологии. Мы отлично знаем, что будет, если мы покажемся вашему миру на нынешнем уровне его развития. Не стану вдаваться в подробности даже с вами, так что уж поверьте мне на слово. Однако вот что мы твердо обещаем, и пусть вас это хоть в малой мере удовлетворит: через пятьдесят лет, когда у вас сменятся два поколения, мы выйдем из кораблей и люди наконец увидят нас такими, какие мы есть.

Стормгрен немного помолчал, надо было освоиться с услышанным. Слова Попечителя не принесли удовлетворения, какое он ощутил бы раньше. Правда, частичный успех застал его врасплох и на миг пошатнул недавнюю решимость. Со временем истина выйдет наружу, исполнять задуманное нет нужды и вряд ли благоразумно. Разве только из чистого эгоизма, ведь ему-то, Стормгрену, еще полвека не прожить.

Должно быть, заметив его растерянность, Кареллен прибавил:

— Жалею, если я вас разочаровал, но по крайней мере за политику ближайшего будущего вам уже не придется отвечать. Может быть, вам кажется, будто наши страхи напрасны, но, поверьте, мы давно убедились, что всякий иной путь опасен.

Стормгрен весь подался вперед:

— Так значит, люди вас когда-то уже видели!

— Этого я не говорил, — мгновенно возразил Кареллен. — Ваша планета не единственная, за которую мы отвечаем.

Но от Стормгрена не так просто было отмахнуться.

— У нас есть немало преданий о том, что некогда на Землю спускались пришельцы с небес.

— Знаю, читал отчет Научно-исследовательского института древней истории. Судя по этому отчету, ваша Земля — перекресток всех дорог Вселенной.

— А может быть, о каких-то пришельцах вы не знаете, — упорствовал Стормгрен. — Могло же так быть, даже если вы следите за нами уже тысячи лет, а это, по-моему, маловероятно.

— По-моему, тоже, — уронил Кареллен.

Небрежный этот ответ ровно ничего не значил, и тут Стормгрен решился.

— Кареллен, — сказал он резковато, — я набросаю текст сообщения и передам вам, чтобы вы одобрили. Но оставляю за собой право и дальше к вам приставать, а если найду какую-то возможность, всеми силами постараюсь выведать ваш секрет.

— В этом я не сомневаюсь, — в ответе послышалась усмешка.

— И вы не против?

— Ничуть — до известного предела: не стоит прибегать к ядерному оружию, отравляющим газам и прочему, что может подпортить наши дружеские отношения.

Догадался ли Кареллен, спросил себя Стормгрен, и много ли угадал? Он поддразнивает, но за шуткой слышится понимание, а быть может, — как знать? — даже поощрение.

— Рад это слышать, — сказал он, очень стараясь, чтобы не дрогнул голос. Поднялся и, поднимаясь, закрыл портфель. Пальцем легко провел по замку.

— Сейчас же составлю сообщение, — повторил он, — и еще сегодня передам вам по телетайпу.

Говоря это, он нажал потайную кнопку — и понял, что боялся напрасно. Восприятие

Кареллена не тоньше, чем у человека. Нет, конечно, Попечитель ничего не заметил, ведь когда он попрощался и произнес шифр — слова, которыми открывалась дверь, голос его прозвучал в точности как всегда.

И однако Стормгрен почувствовал себя воришкой, выходящим из магазина под зорким взглядом детектива, и, когда стена сомкнулась за ним, не оставив никакого следа двери, у него вырвался вздох облегчения.

***

— Иные мои теории были не слишком удачны, согласен, — сказал Ван Риберг. — А все-таки, что вы скажете теперь?

— Вам непременно надо знать? — вздохнул Стормгрен.

Питер словно не заметил вздоха.

— В сущности, это не моя мысль, — сказал он скромно. — Я наткнулся на нее в одном рассказе Честертона. Допустим, Сверхправители скрывают, что им вовсе нечего скрывать?

— Что-то очень сложно, не понял, — сказал Стор-мгрен, но в нем шевельнулось любопытство.

— Я вот что имею в виду, — с жаром продолжал Ван Риберг. — По-моему, физически они такие же, как мы. Они понимают, что мы еще терпим, если нами правят какие-то воображаемые существа… ну, то есть совсем иные, намного превосходящие нас разумом. Но человечество, такое как оно есть, не станет подчиняться себе подобным.

— Весьма изобретательно, как все ваши теории, — сказал Стормгрен. — Хорошо бы вам нумеровать ваши опусы, как композитору, мне было бы легче уследить. На сей раз возразить можно…

Тут доложили о посетителе и вошел Александр Уэйнрайт.

Стормгрен спросил себя, что у того на уме. И еще — связан ли как-нибудь Уэйнрайт с теми похитителями. Нет, вряд ли: думается, Уэйнрайт совершенно искренне отвергает насилие. Крайнее крыло Лиги освобождения безнадежно опозорилось и не скоро посмеет вновь заявить о себе.

Главе Лиги прочитали текст сообщения, он внимательно выслушал. Стормгрен надеялся, что Уэйнрайт оценит такой знак внимания; мысль эту подсказал Ка-реллен. Только через двенадцать часов все остальные люди на Земле узнают, какое обещание дано их внукам.

— Пятьдесят лет, — задумчиво произнес Уэйнрайт. — Долго ждать…

— Для людей это, пожалуй, долгий срок, но не для Кареллена, — возразил Стормгрен. Только сейчас он начал понимать, как тонко рассчитали Сверхправители. Нынешнее решение даст им передышку, необходимую, по их мнению, отсрочку, и притом выбивает почву из-под Лиги освобождения. Конечно же, Лига не сложит оружие, но отныне ее позиция несравнимо слабее. Разумеется, это понял и Уэйнрайт.

— За пятьдесят лет все будет загублено, — сказал он с горечью. — Никого из тех, кто еще помнит нашу независимость, не останется в живых. Человечество утратит наследие предков.

Слова, пустые слова, подумал Стормгрен. Слова, за которые прежде люди дрались и умирали, но никогда больше не станут за них умирать и драться. И от этого мир станет лучше.

Сколько хлопот еще доставит Лига в ближайшие десятилетия, спросил он себя, глядя вслед уходящему Уэйнрайту. И порадовался мысли, что это уже забота его преемника.

Иные недуги может излечить только время. Злодеев можно уничтожить, но ничего не поделаешь с хорошими людьми, упорными в своих убеждениях.

***

— Вот он, ваш портфель, как новенький, — сказал Дюваль.

— Спасибо, — Стормгрен все же придирчиво осмотрел портфель. — Теперь, может быть, вы мне объясните, что тут к чему и как поступать дальше.

Физик, видно, больше занят был своими мыслями.

— Одного не пойму, — сказал он, — почему нам так легко это сошло с рук. Будь я на месте Карел…

— Но вы не на его месте. Не отвлекайтесь, друг мой. Что мы все-таки открыли?

— Ох, уж эти мне пылкие, нетерпеливые северяне! — вздохнул Дюваль. — Мы смастерили нечто вроде радара малой мощности. Помимо радиоволн очень высокой частоты, он работает еще и на крайних инфракрасных, и на всех волнах, которые наверняка не увидит ни одно живое существо, как бы причудливо ни были устроены его глаза.

— А почему вы это знаете наверняка? — Стормгрен и сам не ждал, что ему станет любопытна эта чисто техническая задача.

— Н-ну, не совсем уж наверняка, — нехотя признался Дюваль. — Но ведь Кареллен видит вас при обычном освещении, так? Значит, его глаза схожи с нашими и воспринимают световые волны примерно в тех же пределах. Так или иначе, аппарат сработал. Мы убедились, что за этим вашим телеэкраном и впрямь есть большая комната. Толщина экрана около трех сантиметров, а помещение за ним не меньше десяти метров в глубину. Нам не удалось различить эхо от дальней стены, но этого и трудно было ждать при такой малой мощности, а на большую мы не решились. И, однако, вот что мы все же получили.

Он перебросил Стормгрену листок фотобумаги, по которому проходила единственная, волнистая линия. В одном месте она подскочила зубцом, будто оставило отметину небольшое землетрясение.

— Видите этот зубчик?

— Вижу, а что это?

— Всего лишь Кареллен.

— Боже правый! Вы уверены?

— Нетрудно догадаться. Он сидит, или стоит, или кто его знает, как он там располагается примерно в двух метрах за экраном. Будь разрешающая способность аппарата чуть лучше, мы бы даже высчитали его рост.

В смятении разглядывал Стормгрен слабый изгиб следа, прочерченного на бумаге. До сих пор еще ничто не доказывало, что Кареллен существо материальное. Доказательство и сейчас лишь косвенное, но Стормгрен ни на миг не усомнился.

— Нам надо было еще и рассчитать, насколько этот экран пропускает обычный свет. Думаю, мы поняли это довольно точно, а если и ошиблись на десятую долю, неважно. Вы, конечно, понимаете, что нет такого поляризованного стекла, которое в одном направлении совсем не пропускало бы лучей. Вся суть в том, как размещены источники света. Кареллен сидит в затемненной комнате, а вы освещены, только и всего. — Дюваль усмехнулся. — Что ж, мы это переменим.

С видом фокусника, извлекающего невесть откуда целый выводок белых кроликов, он сунул руку в ящик стола и вынул что-то вроде электрического фонарика-переростка. На конце эта штука резко раздавалась вширь, будто большой револьвер или короткоствольная с широким раструбом.

— Не так страшно, как кажется, — ухмыльнулся физик. — Надо только прижать дуло к экрану и нажать спусковой крючок. Ровно на десять секунд вспыхнет сильный прожектор, вы успеете обвести им ту комнату и хорошо ее разглядите. Весь пучок лучей пройдет сквозь экран и высветит вашего приятеля как миленького.

— А Кареллену это не повредит?

— Нет, если вы поведете луч снизу вверх. Тогда глаза его успеют освоиться — думаю, рефлексы у него сходны с нашими, и нам вовсе не нужно, чтобы он ослеп.

Стормгрен нерешительно оглядел оружие, взвесил на ладони. В последние недели его мучила совесть. Безусловно, несмотря на обидную подчас прямоту, К. а-реллен всегда

обращался с ним по-дружески, и теперь, когда их встречам приходит конец, совсем не хочется чем-либо испортить эти добрые отношения. Но он ведь честно предупредил Попечителя, и уж, наверно, будь сам Кареллен волен в выборе, он давно показался бы людям. Теперь решение принято за него: когда закончится их последняя беседа, Стормгрен посмотрит Кареллену в лицо.

Если только у Кареллена есть лицо.

***

Сперва Стормгрену было тревожно, но он быстро успокоился. Говорил почти все время Кареллен, сплетая свою речь, точно кружево, из мудреных и цветистых выражений, так с ним порой бывало. Когда-то Стормгрену это казалось самым поразительным и уж конечно самым неожиданным дарованием Кареллена. Теперь такое красноречие уже не казалось чудом, он знал — как почти все способности Попечителя, это не какой-то редкостный талант, а лишь плод могучего ума.

Когда Кареллен замедлял ход своей мысли под стать человеческой речи, у него хватало времени на любые стилистические изыски.

— Ни вам, ни вашему преемнику нет нужды чрезмерно волноваться из-за Лиги освобождения, даже когда она опомнится от объявшего ее сейчас уныния. Уже месяц, как она тише воды, ниже травы, и, хотя еще воспрянет духом, в ближайшие годы не будет представлять опасности. Право же, поскольку всегда следует ценить сведения о том, что делает противник, Лига — весьма полезная организация. Если у нее когда-нибудь возникнут финансовые затруднения, пожалуй, надо будет ссудить ее деньгами.

Зачастую нелегко понять, говорит Кареллен всерьез или шутит. И Стормгрен старательно сохранял вид самый невозмутимый.

— Очень скоро Лига утратит еще один повод для нападок. До сих пор раздавалось много протестов, довольно ребяческих, против особой роли, какую вы играли в последние годы. В раннюю пору моего попечительства такое положение представляло для меня большую ценность, но теперь, когда ваш мир идет по пути, который я наметил, можно от посредничества отказаться. Впредь я не стану поддерживать столь прямую связь с Землей, и обязанности генерального секретаря ООН в известной мере вновь обретут первоначальную форму.

В ближайшие пятьдесят лет разразится еще немало кризисов, но и это пройдет. Черты вашего будущего достаточно ясны, и настанет день, когда все нынешние сложности забудутся — даже при том, какая у земного человечества долгая память.

Последние слова прозвучали так странно, так значительно, что Стормгрен похолодел. Ведь Кареллен не допустит оплошности, оговорки, каждое, даже, казалось бы, неосторожное слово его всегда взвешено и рассчитано с микроскопической точностью. Но задавать вопросы, которые наверняка останутся без ответа, было некогда: Попечитель еще раз переменил тему.

— Вы часто спрашивали меня о наших дальнейших планах. Разумеется, создание Всемирного государства — лишь первый шаг. Вы еще увидите, как оно возникнет, но перемена совершится плавно, неуловимо, и мало кто ее заметит. Потом будет пора постепенного упрочения, а тем временем человечество станет готово нас принять. И тогда придет день и мы исполним то, что обещали. Мне жаль, что вас при этом уже не будет.

Стормгрен смотрел не мигая, взгляд его устремился далеко за темную преграду экрана. Он загляделся в будущее, которого ему уже не увидеть, в долгожданный день, когда громадные корабли Сверхправителей опустятся наконец на Землю и распахнутся перед взором человечества.

— В этот день, — продолжал Кареллен, — люди испытают то, что иначе как шоком не назовешь. Но они быстро оправятся от потрясения: их психика будет устойчивее, чем у их дедов. Мы станем привычной, неотъемлемой частью их существования, и, когда они нас

встретят, мы не покажемся им такими… странными… как показались бы вам.

Никогда еще Кареллен не предавался вот таким раздумьям вслух, но Стормгрен не удивился. Он всегда был уверен, что ему знакомы лишь немногие грани личности Попечителя, подлинный Кареллен неведом, а быть может, и недоступен человеческому пониманию. И уже не впервые показалось — по-настоящему Ка-реллена занимает что-то совсем другое, а управлению Землей он отдает лишь малую долю своих мыслей… с такой легкостью шахматист, чемпион игры в трех измерениях, играл бы в шашки.

— А что будет дальше? — тихо спросил Стормгрен.

— Тогда для нас начнется настоящая работа.

— Я часто гадал, в чем же она состоит. Навести в нашем мире порядок, сделать людей культурнее и воспитаннее — только средство, а у вас, конечно, есть некая цель. Может быть, когда-нибудь мы выйдем в космос и даже сумеем помогать вам в ваших трудах?

— В каком-то смысле, пожалуй, да, — сказал Кареллен, и так явственно прозвучала в этом ответе необъяснимая печаль, что у Стормгрена странно сжалось сердце.

— Ну, а если ваш опыт с человечеством не удастся? Такое случалось у нас в отношениях с отсталыми народами. Наверно, и вам не все удается?

— Да, — сказал Кареллен совсем тихо, Стормгрен едва расслышал. — Не все удается и нам.

— Как же вы тогда поступаете?

— Ждем… а потом пробуем еще раз.

Короткое молчание, какие-нибудь пять секунд. И когда Кареллен вновь заговорил, слова его застигли Стормгрена врасплох:

— Прощайте, Рикки!

Кареллен его провел… быть может, уже поздно! Стормгрен оцепенел, но лишь на миг. И тотчас быстро, ловко — недаром тренировался — выхватил заветный фонарь и прижал к экрану.

***

Сосны подходили почти к самой воде, вдоль озера оставалась лишь узенькая, в несколько метров, полоска берега, поросшая травой. В теплую погоду Стормгрен, несмотря на свои девяносто лет, каждый вечер совершал прогулку по берегу, до пристани, смотрел, как угасает на воде отражение заката, и возвращался домой прежде, чем дохнет из лесу холодный ночной ветер. Этот нехитрый обряд доставлял ему истинное удовольствие — пока есть силы, он от этого не откажется.

Издалека, с запада, что-то летело быстро и низко, над самым озером. Самолеты в этих краях появляются не часто, кроме рейсовых пассажирских на линиях, пересекающих полюс, — эти, должно быть, проходят на большой высоте каждый час, и днем и ночью. Но их не замечаешь, разве что изредка протянется след в синеве стратосферы — белая полоска пара. А тут откуда-то взялся маленький вертолет и явно направляется сюда, к нему. Стормгрен окинул взглядом полоску берега — не сбежать, не спрятаться. Он пожал плечами и опустился на деревянную скамью в конце причала.

Репортер был необыкновенно почтителен, Стормгрен даже удивился. Он почти забыл, что он не только старейший из государственных мужей, но, вне пределов своей родины, личность почти легендарная.

— Мистер Стормгрен, — начал непрошеный гость, — мне очень неловко вас беспокоить, но не согласитесь ли вы прокомментировать одно только что полученное сообщение о Сверхправителях?

Стормгрен чуть сдвинул брови. После стольких лет он все еще разделял нелюбовь Кареллена к этому слову.

— Вряд ли я могу много прибавить к тому, что было уже написано прежде.

Репортер впился в него до странности испытующим взглядом.

— А мне казалось, можете. Сейчас всплыла престранная история. Вроде бы почти тридцать лет назад один работник Бюро научных исследований смастерил для вас какой-то замечательный прибор. Надеюсь, вы нам что-нибудь об этом расскажете.

Стормгрен помолчал, унесся мыслями в прошлое. Его не удивило, что тайну раскрыли. Напротив, удивительно, что так долго она оставалась тайной.

Он поднялся и пошел по пристани к берегу, репортер, приотстав на несколько шагов, — за ним.

— В этом слухе есть доля истины, — сказал Стормгрен. — Когда я в последний раз поднялся на корабль Кареллена, я прихватил с собою некий аппаратик, надеялся, что сумею увидеть Попечителя. Не очень-то умный поступок, но… что ж, мне тогда было только шестьдесят. — Он чуть усмехнулся. — Не стоило вам ради этой пустячной истории лететь в такую даль. Фокус, знаете ли, не удался.

— Вы ничего не увидели?

— Ровным счетом ничего. Боюсь, вам придется ждать… но, в конце концов, осталось только двадцать лет!

Двадцать лет. Да, Кареллен прав. Тогда мир будет готов принять новость, как отнюдь не был готов тридцать лет назад, когда он, Стормгрен, вот так же солгал Дювалю.

Кареллен верил ему, и Стормгрен не обманул доверия. Несомненно, Попечитель с самого начала знал, что он замышляет, предвидел и рассчитал все до последней секунды. Иначе почему громадное кресло было уже пусто, когда на нем вспыхнул круг света! В страхе, что опоздал, Стормгрен вмиг повел лучом. Когда он заметил металлическую дверь, вдвое выше человеческого роста, она уже затворялась — быстро, очень быстро, и все же недостаточно быстро.

Да, Кареллен доверял ему, не хотел, чтобы на склоне лет он еще долго терзался неразрешимой загадкой. Кареллен не посмел открыто нарушить запрет неведомых сил, которые стоят над ним (принадлежат ли и они к тому же племени?), но он сделал все, что мог. Им не доказать, что то было прямое неповиновение. А Кареллен доказал, что и вправду привязан к нему, Стормгрену. Пускай лишь как привязан человек к преданной и умной собаке, но чувство это искреннее, и за долгую жизнь Стормгрену не часто случалось испытать большее удовлетворение.

“Не все удается и нам”.

Да, Кареллен, это верно — и уж не ты ли сам потерпел неудачу на заре истории рода людского? И какая жестокая была неудача, думал Стормгрен, если громовое эхо ее прокатилось через века и страхом перед ним одержимы были все народы Земли, пока не вышли из детства. В силах ли вы даже за полстолетия одолеть власть всех мифов и преданий нашего мира?

И однако, второй неудачи не будет. Когда Сверхправители снова встретятся с людьми, они уже завоюют доверие и дружбу человечества, и этого не разрушит даже потрясение от встречи со знакомым обликом. Дальше они пойдут бок о бок, и неведомая трагедия, которая, должно быть, омрачила прошлое, навсегда затеряется в сумраке доисторических времен.

И отрадно надеяться, что, когда Кареллен волен будет снова ступить на Землю, он побывает когда-нибудь здесь, в северных лесах, и постоит у могилы первого из людей, кто стал ему другом.

II. ЗОЛОТОЙ ВЕК

5

“Час настал!” — нашептывало радио на сотне языков. “Час настал!” — твердили тысячи газетных заголовков. “Час настал!” — опять и опять проверяя свои камеры, думали кинооператоры, они кольцом окружили просторное поле, где скоро опустится корабль

Кареллена.

В небе оставался лишь один корабль, над Нью-Йорком. Только теперь мир узнал, что над другими городами никаких кораблей и не было. Накануне могучий флот Сверхправителей обратился в ничто, растаял, как туман, когда выпадает утренняя роса.

Рейсовые корабли, которые снуют взад и вперед, доставляя к Земле грузы из космических далей, самые настоящие; а вот серебряные облака, что долгий срок — целую человеческую жизнь — недвижно парили почти над всеми столицами, оказались обманом зрения. Непонятно, как это делалось, но, похоже, все они были только отражением корабля Кареллена. Однако не просто миражем, игрой света, ведь и радары тоже обманывались, и еще живы свидетели, которые клялись, что сами слышали, с каким шумом и свистом прорвал небеса этот воздушный флот.

Все это неважно, важно одно: Кареллен больше не считает нужным выставлять напоказ свою силу. Он отбросил психологическое оружие.

— Корабль двинулся! — весть мгновенно облетела планету. — Он идет на запад!

Медленно, не быстрее тысячи километров в час, опускался корабль из опустелой стратосферы на просторную равнину для второй встречи с историей Земли. И послушно замер перед нетерпеливыми кинокамерами и тысячами зрителей. В тесной толпе лишь немногим видно было все, что разглядели многие миллионы дома, у телевизора.

Казалось, земля содрогнется, треснет под неимоверной тяжестью, но корабль все еще удерживали неведомые силы, что направляли его полет среди звезд. И он опустился наземь легко, невесомо, как снежинка.

Выпуклая стена в двадцати метрах над полем замерцала, блестящая ровная поверхность пошла зыбью, точно гладь озера, и открылся большой проём. В нем ничего не различить даже пытливому глазу кинокамеры. Внутри тень, тьма, словно в пещере.

Из отверстия высунулся широкий блестящий трап и уверенно пошел вниз. Похоже, это цельная металлическая лента с перилами по бокам. Никаких ступенек, крутой, гладкий спуск, будто горка для спортивных саней, и, кажется, обычным способом по ней невозможно ни спуститься, ни подняться.

Весь мир не сводил глаз с темного портала, в котором все еще не замечалось ни малейшего движения. А потом из какого-то скрытого источника негромко зазвучал хоть и редко слышанный, но незабываемый голос Кареллена. И слова были самые неожиданные:

— Внизу, у трапа, есть дети. Я хотел бы, чтобы двое из них поднялись сюда и познакомились со мной.

Мгновенье тишины. Потом из толпы выбежали мальчик и девочка и, ничуть не смущаясь, направились к трапу, готовые войти в корабль — ив историю. Следом выбежали было другие, но остановились, когда Кареллен сказал со смешком:

— Довольно двоих.

Жадно предвкушая удивительное приключение, те двое — лет шести, не старше, — прыгнули на металлический скат. И тут случилось первое чудо.

Весело махая руками толпе и встревоженным родителям, которые, пожалуй, поздновато вспомнили легенду о Крысолове, дети быстро поднимались по крутому склону. Но они не сделали ни шагу, и скоро стало видно, что они стоят не вертикально, а под прямым углом к странному трапу. Он обладал собственной силой тяготения, независимой от притяжения Земли. Радуясь чуду и не понимая, что же это их поднимает, дети скрылись в глубине корабля.

На двадцать секунд весь мир затих, замер, — после никому не верилось, что тишина была столь недолгой. А потом огромное отверстие словно бы приблизилось, и на солнечный свет выступил Кареллен. На левой руке у него сидел мальчик, на правой — девчурка. Оба поглощены были игрой, их так занимали крылья Кареллена, что они и не поглядели вниз, на толпу.

Да, Сверхправители — тонкие психологи — за долгие годы умело подготовили человечество к этому дню, и только очень немногие лишились чувств. Однако в мире еще

меньше, наверно, было таких, у кого в душе на страшный миг не всколыхнулся извечный ужас, прежде чем разум изгнал его навсегда.

Все так, в точности. Кожистые крылья, короткие рожки, хвост с острым концом, будто наконечник стрелы, — все на месте. Ожило, вышло из неведомого прошлого самое страшное предание. Но вот оно улыбается, полное величия, и в солнечных лучах сверкает огромное тело, будто выточенное из черного дерева, и к плечам его доверчиво прильнули два человеческих детеныша.

6

Пятьдесят лет срок немалый, можно изменить планету и ее жителей до неузнаваемости. Тут только и нужны знание законов общества, ясность цели — и могущество.

Всем этим обладали Сверхправители. Конечная цель их оставалась тайной, но очевидны были знания — и могущество.

Могущество это принимало различные формы, и лишь немногие явственны были для людей, чьими судьбами ныне распоряжались Сверхправители. Каждый видел, какая мощь сокрыта в исполинских кораблях. Но за этой, явной для всех, дремлющей силой таилось иное, гораздо более утонченное оружие.

— Нет неразрешимых задач, — сказал когда-то Кареллен Стормгрену, — надо только правильно применить власть.

— Звучит довольно цинично, — усомнился Стормгрен. — Слишком напоминает известное изречение “Кто силен, тот и прав”. У нас в прошлом те, кто пускал в ход силу, ровно ничего не сумели решить.

— Суть в том, чтобы применить ее правильно. У вас тут никогда не было ни настоящей силы, ни знаний, необходимых, чтобы ею пользоваться. Притом за любую задачу можно взяться с толком, а можно без толку. Допустим, к примеру, одно из ваших государств, во главе с каким-нибудь фанатиком, попробует восстать против меня. Весьма бестолково было бы ответить на подобную угрозу несколькими миллиардами лошадиных сил в виде атомной бомбы. Пусти я в ход достаточно бомб — и задача решена раз и навсегда. Но, как я уже сказал, решена без толку, не будь даже у этого решения других недостатков.

— А как решить ее с толком?

— Силы для этого понадобится примерно как для небольшого радиопередатчика, и примерно такое же уменье, чтобы ею управлять. Ибо важно не сколько силы пустить в ход, важно — как ее применить. Долго ли, по-вашему, Гитлер оставался бы диктатором в Германии, если бы его на каждом шагу преследовал неумолчно что-то шепчущий голос? Или день и ночь звучала бы в ушах одна и та же нота, заглушала все другие звуки и не давала уснуть? Согласитесь, способ отнюдь не жестокий. И однако, в конечном счете, столь же неодолимый, как тритиевая бомба.

— Понимаю, — сказал тогда Стормгрен. — И негде было бы укрыться?

— Нет такого места, куда я не мог бы, если очень захочу, послать мои… э-э… аппараты. Потому-то мне и незачем принимать крутые меры, чтобы поддерживать порядок.

Итак, исполинские корабли Сверхправителей оказались только символами, и теперь весь мир узнал, что лишь один из них был не призрак. Но самим своим присутствием призраки эти изменили историю Земли. А теперь задача их выполнена, и память о том, что они совершили, останется в веках.

Кареллен рассчитал точно. Внезапный ужас и отвращение забылись быстро, хотя многие, кто с гордостью считали себя людьми ничуть не суеверными, так никогда и не решились встретиться с кем-нибудь из Сверхправителей лицом к лицу. Что-то здесь было странное, чего не объяснишь разумом и логикой. В эпоху средневековья люди верили в дьявола и страшились его. Но теперь уже двадцать первый век — так неужели все же существует какая-то наследственная, родовая память?

Разумеется, все так и понимали, что между Сверхправителями или родственными им

существами и человечеством некогда, в глубокой древности, разыгралась жестокая битва. Должно быть, столкнулись они в бесконечно далеком прошлом, ведь исторические источники не сохранили никаких следов той встречи. Вот еще одна загадка, и Кареллен не дает к ней ключа.

Хотя Сверхправители и показались людям, они редко покидали корабль. Возможно, на Земле им было неудобно. Должно быть, там, откуда родом эти крылатые великаны, сила тяжести гораздо меньше. И всегда на них какие-то пояса, снабженные сложными механизмами; предполагается, что с их помощью Сверхправители управляют своим весом и общаются между собой. Яркое солнце они переносят с трудом, на свету остаются считанные секунды. А когда нужно побыть под открытым небом подольше, надевают темные очки и выглядят в них престранно. Очевидно, они могут дышать земным воздухом, но иногда носят с собою, что-то вроде фляжки и порой освежаются глотком какого-то газа.

Возможно, их необщительность объясняется чисто физическими причинами. Мало кому доводилось встретить Сверхправителя во плоти, и можно только гадать, сколько их на борту у Кареллена. Никогда люди не видели сразу больше пятерых, но в исполинском корабле их, возможно, сотни и даже тысячи.

Во многих отношениях с выходом Сверхправителей на люди возникло больше новых загадок, чем разрешилось прежних. Все еще неизвестно, откуда они, счету нет теориям о том, что они собой представляют как биологический вид. На многие вопросы они отвечают охотно, а в иных случаях до крайности скрытны. Но все это заботит только ученых. А рядовой землянин, если и не жаждет общаться со Сверхправителями, благодарен им за все, что они сделали для людей.

По меркам прошлого, на Земле воцарилась Утопия. Не стало невежества, болезней, нищеты, страха. Память о войне растворилась в прошлом, как рассеивается на заре страшный сон: скоро среди живых не останется ни одного, кто испытал все это на себе.

Вся человеческая энергия обратилась на творчество — и облик Земли преобразился. Теперь это поистине новый мир. Большие города, которыми довольствовались прежние поколения, стали бесполезны, их либо перестроили, либо покинули и превратили в музеи. Многие города уже давно заброшены, потому что вся система промышленности и торговли переменилась. Производство стало почти полностью автоматическим, заводы-роботы нескончаемым потоком дают все нужное для повседневной жизни — и все это дается даром. Люди работают, только если им хочется каких-то предметов роскоши, или не работают совсем.

И мир стал един. Былые названия старых стран сохранялись лишь для удобства почты. Не осталось на свете человека, который не говорил бы по-английски, не умел читать, не мог в любую минуту воспользоваться телевизионной связью или не больше чем за сутки перенестись в другое полушарие.

Исчезла преступность. Преступление стало и ненужным и невозможным. Когда никто ни в чем не нуждается, незачем воровать. Притом все, кто способен был бы на преступление, знают — им не ускользнуть от бдительного ока Сверхправителей. Поначалу те весьма убедительно вмешивались в земные дела, поддерживая закон и порядок, и урок усвоен прочно.

Еще совершаются преступления в порыве страсти, но и они большая редкость. Очень многие противоречия, прежде мучительно неразрешимые, теперь устранены, а потому человечество стало душевно здоровее и не столь безрассудно. И то, что в былые времена именовалось пороком, теперь сочтут всего лишь чудачеством, в худшем случае — невоспитанностью.

И еще одна разительная перемена: не стало сумасшедшей спешки, которой отличался двадцатый век. Жизнь течет медлительней, появился досуг, какого не знали несколько поколений людей. И потому немногие находят ее довольно пресной, зато большинству живется куда спокойнее. На Западе люди заново узнали то, о чем никогда не забывали все остальные, — что в досуге нет греха, лишь бы он не выродился в праздность и лень.

Быть может, будущее и принесет новые заботы, но пока избыток свободного времени людям не в тягость. Они дольше учатся, и познания их основательней, глубже. Мало кто кончает колледж раньше двадцати, и это лишь первая ступень образования: обычно человек по крайней мере года на три возвращается к ученью в двадцать пять, когда путешествия и жизненный опыт уже расширили его кругозор. И даже после, пока жив, время от времени освежает свои познания в наиболее интересных для него областях.

Оттого что ученичество продлилось далеко за рубеж, когда юнец становится взрослым, многое изменилось в жизни общества. Иные перемены стали необходимы еще несколько поколений назад, но в былые времена их не осмеливались ввести либо притворялись, что и нужды в них нет. Так, изменились — изменились в корне — отношения между полами, если считать, что в этой области mores[9] когда-либо строились по единому образцу. Все устои рассыпались в прах под ударами двух изобретений чисто человеческих — Сверхправители тут были ни при чем.

Первое изобретение — совершенно надежное противозачаточное средство, довольно проглотить таблетку; второе — столь же верный, как отпечатки пальцев, способ определить, кто отец ребенка, по очень подробному анализу крови. Действие этих двух новинок иначе как разрушительным не назовешь — последние остатки пуританской ограниченности сметены были с лица Земли.

И еще одна громадная перемена в образе жизни — необычайная подвижность. Воздушный транспорт достиг совершенства, и всякий в любую минуту волен лететь куда вздумается. Небеса много просторнее, чем какие-либо дороги прошлого, и двадцать первый век с гораздо более широким размахом повторил знаменитое достижение Америки, когда целый народ оказался на колесах. Теперь все человечество получило крылья.

Впрочем, не буквально. У обычного флаера, или аэромобиля, каким располагает каждый, нет ни крыльев, ни видимых глазу приборов. Исчезли и неуклюжие винты старинных вертолетов. Но человек не открыл способа преодолеть земное притяжение — этим величайшим секретом владеют только Сверхправители. В аэромобилях на людей действуют силы попроще, их могли бы понять и братья Райт. Реактивный двигатель, работающий и непосредственно, и в более сложном режиме, с ограничением высоты, ведет флаер вперед и поддерживает в воздухе, и эти вездесущие реактивные воздухолетики стерли последние границы между различными человеческими племенами так быстро и так безвозвратно, как не стерли бы Сверхправители никакими законами и приказами.

Совершались и перемены более глубокие. Настал век безбожия. Из всех видов веры, какие существовали до прилета Сверхправителей, выжил лишь своего рода облагороженный буддизм — пожалуй, самая суровая из религий. Верования, основанные на чудесах и откровениях, рухнули раз и навсегда. Они и прежде развеивались по мере того, как люди становились образованнее, но поначалу Сверхправители в эти вопросы не вмешивались. Кареллена нередко спрашивали, как он относится к религии, но он только и отвечал, что вера — личное дело каждого человека, лишь бы никто не посягал на свободу других.

Быть может, древние верования еще продержались бы у нескольких поколений, если б не вечное человеческое любопытство. Все знали, что Сверхправителям доступно прошлое, и не раз историки просили Кареллена разрешить какой-нибудь давний спор. Возможно, ему это надоело, а скорее, он прекрасно понимал, к чему приведет его великодушие…

Он передал Институту всемирной истории аппарат — просто приемник, телевизор с обширной клавиатурой настройки на время и пространство. Должно быть, аппарат как-то связан с несравнимо более сложной машиной на борту Карелленова корабля, а уж как она действует, никто и вообразить не может. На Земле ученый только нажимает нужные клавиши — и распахивается окно в прошлое. Взгляду мгновенно открывается едва ли не любое событие в истории человечества за последние пять тысяч лет. Глубже в прошлое

[9] * Нравы (лат.).

аппарат не погружается, настроенный на более ранние века экран зияет непонятной пустотой. Возможно, на то есть какая-то естественная причина, а возможно, Сверхправители умышленно не позволяют узнать больше.

Конечно, всякому мыслящему человеку и прежде ясно было, что все вероучения не могут быть истинными, но удар оказался роковым. Вот оно, разоблачение, в котором не усомнишься, с которым не поспоришь. Неведомое волшебство науки Сверхправителей открыло взорам людей, как на самом деле возникли в мире все великие религии. Почти все они начинались благородно и вдохновенно, но не более того. В несколько дней несчетные мессии рода людского перестали быть богами. Верования, которые долгих два тысячелетия служили опорой миллионам людей, растаяли, точно утренняя роса, в жестоком, бесстрастном свете истины. Все доброе и все злое, что они создали, разом отошло в прошлое и уже не могло тронуть ничью душу.

Человечество лишилось древних богов и уже настолько повзрослело, что не нуждается в новых.

Пока мало кто понимает, что наряду с крушением веры приходит в упадок наука. Процветают техника и технология, но наперечет необычные умы, которые пытаются раздвинуть границы человеческого знания. Осталось любопытство и хватает досуга, чтобы его утолить, но пыл серьезного научного исследования угас. Что толку всю жизнь доискиваться тайн, наверняка открытых другими много веков назад.

Этот упадок не столь заметен, оттого что пышно расцвели науки описательные — зоология, ботаника, астрономические наблюдения. Никогда не бывало на свете стольких любителей, собирающих научные данные для собственного удовольствия, но почти не осталось теоретиков, которые свели бы эти данные в единую систему.

А притом, что исчезли борьба, раздоры и противоречия, пришел конец и творчеству, подлинному искусству. Исполнителей тьма — и любителей и профессионалов, но за целое поколение не создано ничего нового, по-настоящему талантливого ни в литературе, ни в музыке, ни в живописи и скульптуре. Мир все еще живет былой славой, блистательными свершениями невозвратного прошлого.

И никого это не тревожит, если не считать немногих философов. Человечество слишком упивается новообретенной свободой, радуется сиюминутными радостями и дальше не заглядывает. Наконец-то вот она, Утопия, Золотой век; его новизну еще не омрачил злейший враг всякой утопии — скука.

Быть может, у Сверхправителей есть в запасе решение и этой задачи, решили же они столько других. Со дня их прилета минул долгий срок, целая человеческая жизнь, — но и сейчас никто не знает, зачем они явились. Люди привыкли им верить и уже не задумываются, что за сверхчеловеческая самоотверженность так долго удерживает Кареллена и его спутников вдали от родины.

Если это и впрямь самоотверженность. Все-таки еще находятся и такие, кто спрашивает себя, вправду ли конечная цель Сверхправителей — благоденствие человечества.

7

Если подсчитать, какое расстояние предстояло одолеть всем, вместе взятым, кого пригласил в тот день Руперт Бойс, цифра получилась бы внушительная. Только в первой дюжине гостей были Фостеры из Аделаиды, Шёнбергеры с Гаити, Фарраны из Сталинграда, чета Моравия из Цинциннати, чета Иванко из Парижа, и еще Салливены, живущие в общем-то по соседству с островом Пасхи, но на дне океана, на глубине четырех километров. К чести Руперта, хотя разослал он тридцать приглашений, гостей прибыло больше сорока — примерно так он и рассчитывал. Подвели только Краусы: эти просто забыли, с какого меридиана идет международный отсчет времени, и опоздали ровно на сутки.

К полудню в парке собралась изрядная коллекция флаеров, и тем, кто явится последними, когда они найдут наконец, где приземлиться, придется еще немало пройти

пешком. Во всяком случае, под безоблачным небом, при ста десяти по Фаренгейту путь покажется долгим. Вокруг замерли аэромобили всевозможных марок, от одноместных “букашек” до семейных “кадиллаков”, похожих уже не просто на средство передвижения по воздуху, а на летучие дворцы. Впрочем, теперь по марке машины никак нельзя судить о положении ее владельца в обществе.

— До чего уродливый дом, — сказала Джин Моррел, когда “метеор” по спирали начал снижаться. — Точно коробка, на которую кто-то наступил.

Джорджу Грегсону была присуща старомодная неприязнь к автоматической посадке, и, прежде чем ответить, он подрегулировал скорость спуска.

— Под таким углом зрения нельзя судить о доме, — справедливо заметил он. — С земли он, наверно, выглядит совсем иначе. О господи!

— Что случилось?

— Фостеры тоже тут. Это сочетание цветов я где угодно узнаю.

— Ну так не разговаривай с ними, если не хочется. Вот чем хороши сборища у Руперта — всегда можно скрыться в толпе.

Джордж высмотрел свободное местечко и уверенно повел флаер вниз. Они плавно опустились между другим “метеором” и какой-то машиной совсем неизвестной обоим марки. На вид штука очень быстроходная и очень неудобная, подумала Джин. Наверно, кто-нибудь из Рупертовых приятелей, помешанных на технике, сам ее смастерил. А ведь это, как будто, по закону не полагается.

Они вышли из “метеора”, и жара опалила их, точно пламя электросварки. Словно разом из тела испарилась вся влага, и Джорджу почудилось, что у него уже трескается пересохшая кожа. Конечно, отчасти сами виноваты. Три часа назад вылетели с Аляски — и не сообразили поменять температуру в кабине, чтоб переход был не такой резкий.

— Да разве можно тут жить! — Джин еле перевела дух. — Я думала, здешним климатом как-то управляют.

— Конечно, управляют, — сказал Джордж. — Когда-то здесь была пустыня, а теперь — сама видишь. Ну, идем, в доме все будет как надо.

Тут их окликнул Руперт — весело, но как-то непривычно гулко. Хозяин дома стоял возле их “метеора”, протягивал гостям по бокалу и с озорной улыбкой смотрел на них сверху вниз. Свысока он смотрел по той простой причине, что был примерно трех с половиной метров ростом; и еще он оказался почти прозрачным. Сквозь него нетрудно было смотреть.

— Ну и шуточки ты шутишь со своими гостями! — Джордж только-только сумел дотянуться до бокалов и попробовал ухватить их. Рука, разумеется, прошла насквозь. — Надеюсь, когда мы доберемся до твоего дома, для нас найдется что-нибудь более осязаемое.

— Не беспокойся! — засмеялся Руперт. — Давай заказывай, когда придете, все будет готово.

— Две солидных порции пива, охлажденного в жидком воздухе, — мигом распорядился Джордж. — Мы сейчас же явимся.

Руперт кивнул, поставил один бокал на невидимый стол, нажал невидимую кнопку и исчез.

— Ну и ну! — сказала Джин. — Первый раз вижу, как действует такая машинка. Откуда Руперт ее раздобыл? Я думала, они есть только у Сверхправителей.

— А ты знаешь хоть один случай, когда Руперт не раздобыл бы, что захотел? — возразил Джордж. — Игрушка для него самая подходящая. Сиди себе уютно в кабинете и при этом обойдешь пол-Африки. Ни жары, ни кусачих насекомых, ни усталости, и холодильник с пивом под рукой. Любопытно, что бы подумали Стенли и Ливингстон?

Под палящим солнцем больше говорить не хотелось. Когда они подошли к парадной двери, почти неразличимой в сплошном стекле фасада, она автоматически распахнулась под пенье фанфар. Наверно, к вечеру меня уже начнет тошнить от фанфар, подумала Джин, и не ошиблась.

В чудесной прохладе прихожей их приветливо встретила очередная миссис Бойс. По

правде сказать, из-за нее-то и нахлынуло столько гостей. Половина явилась бы все равно поглядеть на новое жилище Руперта; тех, кто сперва колебался, привлекли рассказы о его новой жене.

Потрясающая женщина. Поистине, другого слова не подобрать. Даже теперь, в мире, где красотой никого не удивишь, мужчины оборачивались, едва она входила в комнату. Должно быть, у нее одна бабка или дед были негры, догадался Джордж; безукоризненно правильны античные черты, длинные волосы отливают вороненой сталью, и только смуглая кожа сочного оттенка, определяемого одним лишь затрепанным словом “шоколадный”, выдает смешанное происхождение.

— Вы — Джин и Джордж, правда? — она протянула руку. — Очень рада с вами познакомиться. Руперт там мудрит с коктейлями. Идемте, познакомьтесь со всеми.

От ее глубокого контральто по спине Джорджа пробежала дрожь, словно кто-то перебирал по ней пальцами, как на флейте. Он беспокойно покосился на Джин — та натянуто, через силу улыбнулась — и не сразу сумел ответить.

— Очень… очень приятно, — пролепетал он. — Мы так предвкушали нынешний прием.

— Руперт *всегда* устраивает очень милые приемы, — вставила Джин.

“Всегда” прозвучало весьма недвусмысленно, это значило — каждый раз, когда он женится. Джордж немного покраснел, бросил на Джин укоризненный взгляд, но хозяйка словно и не заметила шпильки. Воплощенное дружелюбие, она ввела их в главную гостиную, где уже собралось пестрое общество многочисленных друзей-приятелей Руперта. Сам хозяин сидел у аппарата, похожего на телевизор инженерного контроля, — через этот аппарат он и посылает свое изображение встречать гостей, понял Джордж. Руперт как раз старался поразить этим еще двоих, чья машина только что совершила посадку, но на секунду отвлекся, поздоровался с Джин и Джорджем и попросил прощенья: приготовленные для них коктейли он уже кому-то отдал.

— Вон там всякого питья полно, — договорил он и махнул рукой куда-то назад, не переставая другой нажимать клавиши аппарата. — Будьте как дома. Вы тут почти всех знаете, Майя вас познакомит с остальными. Спасибо, что приехали.

— Спасибо, что вы нас пригласили, — сказала Джин не очень уверенно.

Джордж уже шагал к стойке, Джин пошла следом, на ходу здоровалась, замечая знакомое лицо. На три четверти, как всегда у Руперта, тут собрались люди, которые никогда прежде друг друга не встречали.

— Давай пойдем на разведку, — сказала она Джорджу, когда они промочили горло и хотя бы помахали рукой всем знакомым. — Я хочу осмотреть дом.

Джордж, почти не скрываясь, оглянулся на Майю Бойс и пошел за Джин. Взгляд у него стал отрешенный, и это ей совсем не понравилось. Беда, что мужчины по природе своей многоженцы. Впрочем, будь по-другому… Нет, пожалуй, так оно лучше.

Они принялись исследовать полную чудес новую обитель Руперта, и Джордж быстро опять стал самим собой. Дом словно бы чересчур велик для двоих, но иначе нельзя, ведь тут часто, как сегодня, будет полно народу. Он двухэтажный, верхний этаж много больше, выступает над нижним и дает ему тень. На каждом шагу автоматы, и кухня — не кухня, а рубка воздушного лайнера.

— Бедняжка Руби, ей бы здесь понравилось, — сказала Джин.

— Насколько я слышал, она вполне счастлива со своим дружком в Австралии, — возразил Джордж; он вовсе не питал нежных чувств к предыдущей миссис Бойс.

Спорить не приходилось — про Руби и австралийца было известно всем, — и Джин переменила тему:

— Она ужасно хороша, правда?

У Джорджа хватило ума не попасться на удочку.

— Да, пожалуй, — равнодушно сказал он. — Конечно, если кому нравятся брюнетки.

— Тебе, как я понимаю, они не нравятся, — премило заметила Джин.

— Не надо ревновать, дорогая, — усмехнулся Джордж и погладил ее по очень светлым золотистым волосам. — Пойдем посмотрим библиотеку. По-твоему, где она может быть?

— Наверно, тут, наверху: внизу больше нет места. И вообще, похоже, так задумано — жить, есть, спать и прочее на первом этаже. А второй для игр и развлечений… хотя, по-моему, нелепая затея — устроить плавательный бассейн на втором этаже.

— Ну, какая-нибудь причина да есть. — Джордж наугад отворил еще одну дверь. — У Руперта наверняка были опытные советчики. Сам он не додумался бы до такой планировки.

— Вот это верно. Он бы построил дом с комнатами без дверей, а лестницы вели бы в пустоту. Да мне просто страшно было бы войти в дом, построенный по плану Руперта.

— Ну, вот и пришли, — объявил Джордж, гордый, как штурман после образцовой посадки. — Прославленная коллекция Бойса на новом месте. Хотел бы я знать, много ли он тут прочел.

Библиотека тянулась во всю ширину дома, но длиннейшие ряды полок рассекли ее поперек на полдюжины комнат. Тут было, насколько помнил Джордж, около пятнадцати тысяч томов — едва ли не все существенное, что когда-либо печаталось по туманным вопросам магии, психологических исследований, ясновидения, телепатии и прочих неуловимых явлений, которых не объясняет обыкновенная физика. Престранное увлечение в век здравого смысла. Должно быть, для Руперта это просто особый способ бегства от действительности.

Еще с порога Джордж ощутил странный запах. Не сильный, но острый, не то чтобы неприятный, но какой-то ни на что не похожий. Джин тоже его заметила, пыталась разобраться, на лбу обозначилась морщинка. Вроде уксусной кислоты, подумал Джордж. Но примешивается что-то еще…

В дальнем конце библиотеки оказалось свободное от полок место, его только и хватало для стола, двух стульев и нескольких подушек. Вероятно, в этом-то уголке Руперт обычно и проводил время за книгой. И сейчас при странно тусклом свете тут тоже кто-то читал.

Джин тихонько ахнула и уцепилась за руку Джорджа. Пожалуй, ей простительно. Видеть изображение на экране телевизора — это одно, повстречаться в жизни — совсем другое. Джордж — тот опомнился мигом, его мало что могло застигнуть врасплох.

— Надеюсь, мы вас не обеспокоили, сэр, — вежливо сказал он. — Мы понятия не имели, что тут кто-то есть. Руперт нам не говорил…

Сверхправитель опустил книгу, внимательно оглядел обоих и снова принялся за чтение. Нельзя счесть неучтивым, если так ведет себя тот, кто способен одновременно читать, разговаривать и, наверно, заниматься еще несколькими делами сразу. Однако с человеческой точки зрения это выглядело дико и страшновато.

— Меня зовут Рашаверак, — любезно сказал Сверхправитель. — Боюсь, я не слишком общителен, но из библиотеки Руперта трудно выбраться незамеченным.

Джин насилу сдержала нервический смешок. Неожиданный собеседник читает с невероятной быстротой, по странице за две секунды. И уж конечно, впитывает каждое слово и, пожалуй, сумел бы читать одним глазом одну книгу, а другим другую. И еще он, наверно, может пользоваться азбукой Брайля — читать пальцами книги для слепых… Ей вообразилась до того забавная картинка, что стало не по себе, и Джин поспешила спокойствия ради вступить в разговор. В конце концов, не каждый день выпадает случай поговорить с одним из повелителей Земли.

Джордж познакомил их и предоставил ей болтать, в надежде, что у нее не вырвется какая-нибудь бестактность. Как и Джин, он тоже никогда еще не видел Сверхправителя во плоти. С государственными деятелями, с учеными, с людьми самыми разными Сверхправители постоянно встречались на деловой почве, но чтобы хоть один появился вот так, просто-напросто гостем на обыкновенной вечеринке? Нет, пожалуй, в этом доме и в сегодняшнем сборище все не так просто. Недаром же у Руперта оказался аппарат Сверхправителей, и Джорджа теперь уже не на шутку озадачило — да что же, в сущности, происходит? Надо поймать Руперта один на один и все из него выудить.

Стулья для Рашаверака малы, он сидит прямо на полу — видно, ему и так удобно, подушки валяются рядом. И голова его всего в двух метрах над полом, редкостный случай для Джорджа изучить внеземную биологию. На беду, он и в земной-то биологии слабо разбирался, а потому не много узнал нового. Внове только этот особенный, по-своему даже приятный острый запах. Еще вопрос, как, по мнению Сверхправителей, пахнут люди, подумалось Джорджу, будем надеяться на лучшее.

С виду в Рашавераке нет ничего человеческого. Можно понять, что издали невежественным перепуганным дикарям Сверхправители казались крылатыми людьми, отсюда и привычный портрет дьявола. Однако вблизи сходства куда меньше. Рожки (любопытно, для чего они) в точности как на картинках, но в теле ничего общего с человеком или с любым земным существом. Порождение совсем иной эволюции, Сверхправители не принадлежат ни к млекопитающим, ни к насекомым, ни к рептилиям. Неясно даже, относятся ли они к позвоночным: возможно, этот жесткий панцирь и есть их костяк, единственная опора туловища.

Крылья Рашаверака сложены, их толком не разглядеть, но хвост, точь-в-точь бронированный пожарный шланг, аккуратно свернут под ним. Знаменитое острие на конце напоминает не столько наконечник стрелы, сколько большой плоский алмаз. Сейчас никто уже не сомневается, что его назначение, подобно хвостовым перьям птицы, поддерживать равновесие в полете. Опираясь на немногие точные данные и на такие вот догадки, ученые решили, что родина Сверхправителей — планета с малой силой тяжести и очень плотной атмосферой.

Внезапно из скрытого где-то динамика загремел голос Руперта:

— Джин! Джордж! Куда вы пропали, черт возьми? Идите вниз и присоединяйтесь к компании. Люди уже сплетничают.

— Пожалуй, пойду и я, — сказал Рашаверак и положил книгу на полку.

Он легко проделал это, не вставая с пола, и Джордж впервые заметил, что на руке у него два больших пальца и еще пять пальцев между ними. И от души порадовался, что не вынужден пользоваться арифметикой, основанной на числе четырнадцать.

Рашаверак поднялся на ноги — внушительное зрелище! Чтобы не удариться о потолок, ему пришлось сутулиться; ясно, даже если бы Сверхправители жаждали побольше общаться с людьми, это было бы не так-то легко.

За последние полчаса прилетело еще немало народу, и теперь гостиная была полна. С приходом Рашаверака стало совсем тесно: из смежных комнат все поспешили сюда посмотреть на него. Руперт явно наслаждался общим изумлением. Джин и Джорджу было не так уж приятно, что их никто не заметил. По правде сказать, за спиной великана их почти никто и не увидел.

— Идите сюда, Раши, я вас кое с кем познакомлю, — крикнул Руперт. — Садитесь на диван, тогда вам не придется царапать потолок.

Рашаверак, перекинув хвост через плечо, перешел комнату, словно ледокол, прокладывающий путь во льдах. Когда он сел возле Руперта, комната словно опять стала просторнее, и Джордж вздохнул с облегчением.

— Пока он стоял, меня мучила клаустрофобия. Любопытно, каким образом Руперт его заполучил. Похоже, вечерок будет занятный.

— Надо же, как Руперт с ним разговаривает, да еще на людях! А ему, видно, все равно. Очень все это странно.

— Спорим, ему совсем не все равно! Беда, что Руперт такой хвастун и такта ни на грош. Кстати, ты тоже милые вопросы задавала!

— То есть?

— Ну, к примеру, — а вы давно здесь? А как вы ладите с Попечителем Карелленом? А вам нравится на Земле? Знаешь ли, детка, со Сверхправителями так не разговаривают!

— А почему бы и нет? Пора уж кому-нибудь начать.

Поссориться они не успели — подошли Шенбергеры, и почти сразу пары распались.

Женщины отошли в сторону и принялись обсуждать миссис Бойс; мужчины направились в противоположную сторону и стали разбирать тот же предмет, но под иным углом зрения. Оказалось, Бенни Шенбергер, старинный друг Джорджа, может многое сообщить по этому поводу.

— Ради бога, никому не проболтайся, — сказал он. — Рут об этом не подозревает, но это я познакомил Руперта с Майей…

— По-моему, Руперт ее не стоит, — с завистью сказал Джордж. — Но это, конечно, ненадолго. Он ей очень быстро надоест. (Эта мысль его заметно подбодрила).

— И не надейся! Она не только красавица, она чудесный человек. Давно пора кому-нибудь позаботиться о Руперте, и она для этого самая подходящая женщина.

Руперт и Майя теперь сидели подле Рашаверака и торжественно вели прием. На сборищах у Руперта гости обычно распадались на полдюжины кружков, поглощенных самыми разными интересами. Но сегодня всех как магнитом тянуло к одной точке. Джорджу стало жаль Майю. Ведь это должен был быть ее праздник, а Рашаверак ее почти затмил.

— Слушай, — спросил Джордж, понемножку грызя сандвич, — как это Руперт ухитрился заполучить к себе Сверхправителя? Я никогда еще о таком не слыхал, а он держится как ни в чем не бывало. Ни словечком про это не упомянул, когда нас приглашал.

Бенни усмехнулся.

— Ну, это же его страсть — чем-нибудь да удивить. Ты его сам спроси. Но, в конце концов, это не первый случай. Бывал же Кареллен на приемах в Белом доме и в Букингемском дворце, и…

— Но это совсем другое, черт подери! Руперт самый обыкновенный человек: ни чинов, ни постов.

— А может быть, Рашаверак — мелкота среди Сверхправителей. Ты лучше их сам спроси.

— И спрошу, — сказал Джордж. — Дай только поймаю Руперта без свидетелей.

— Ну, тебе придется долго ждать.

Бенни был прав, но прием становился все оживленнее и потерпеть было ничуть не скучно. Появление Ра-шаверака сперва сковало собравшихся, но они быстро опомнились. Немногие еще держались около Сверхправителя, остальные по обыкновению разбились на кружки, и все вели себя вполне естественно. Так, Салливен описывал увлеченным слушателям свой последний исследовательский поход на подводной лодке.

— Мы еще не знаем точно, каких размеров они достигают, — говорил он. — Неподалеку от нашей базы есть каньон, там гнездится один — настоящий гигант. Я раз мельком его видел, так вот, размах щупалец у него добрых тридцать метров. На той неделе за ним поохочусь. Кто желает завести в доме по-настоящему редкого ручного зверя?

Какая-то женщина даже взвизгнула от ужаса.

— Брр! От одной мысли мороз по коже! Вы, наверно, ужасно храбрый.

На лице Салливена отразилось искреннее удивление.

— Никогда об этом не думал, — сказал он. — Конечно, я действую осторожно, но серьезная опасность мне ни разу не грозила. Спруты понимают, что им меня не съесть, и не обращают на меня внимания, только не надо подходить к ним слишком близко. В большинстве морские твари вас не тронут, если вы их не заденете.

— Но рано или поздно вы уж наверняка столкнетесь с кем-нибудь, кто сочтет, что вы съедобны.

— Ну, изредка случается и такое, — беспечно отозвался Салливен. — Я стараюсь не повредить им, ведь больше всего мне хочется завязать с ними дружбу. Ну, а если что, включаю двигатели на полную мощность и через минуту уже свободен. Если есть другие дела и мне играть недосуг, можно пощекотать спрута разрядом вольт на двести. Этого достаточно, больше уж он к вам не пристанет.

Да, занятных людей встречаешь у Руперта, подымал Джордж, переходя к другой компании. Литературные вкусы Руперта широтой не отличаются, зато друзья у него весьма

разнообразные. Незачем даже озираться по сторонам — в поле зрения одновременно оказываются знаменитый кинорежиссер, второстепенный поэт, математик, два актера, инженер-атомщик, смотритель заповедника, издатель еженедельника, статистик из Всемирного банка, скрипач-виртуоз, профессор археологии и астрофизик. Коллег Джорджа — сценаристов телевидения — не видно ни одного, и слава богу, ему вовсе не хочется разговаривать на профессиональные темы. Работу свою он любит, — так ведь сейчас, впервые в истории человечества, никто не занимается нелюбимым делом. Но после рабочего дня он предпочитает и в мыслях захлопнуть за собой двери телестудии.

Наконец ему удалось поймать Руперта на кухне, где тот что-то колдовал с напитками. И такой у него был при этом отрешенный взор — просто жаль возвращать человека на грешную землю… но Джордж, если надо, умел быть безжалостным.

— Послушай, Руперт, — начал он, усаживаясь на край ближайшего стола. — По-моему, ты обязан нам всем кое-что объяснить.

— М-м, — Руперт задумчиво просмаковал глоток. — Боюсь, чуточку перелил шотландского.

— Не увиливай и не прикидывайся пьяненьким, я же вижу, что ты трезвый как стеклышко. С каких пор ты завел дружбу со Сверхправителем и чем он у тебя занимается?

— А разве я тебе не говорил? Мне казалось, я уже всем объяснил. Наверно, тебя при этом не было — ну да, вы же сбежали в библиотеку. — Он довольно обидно усмехнулся. — Понимаешь, Рашаверак у меня именно из-за библиотеки.

— Вот так раз!

— Что тебя удивляет?

Джордж спохватился: надо поделикатнее, Руперт безмерно горд своим необыкновенным собранием книг.

— Н-ну… Сверхправители ведь знатоки всех наук, с чего бы им интересоваться парапсихологией и всяким таким вздором.

— Вздор это или не вздор, но их интересует человеческая психология, и они многое могут почерпнуть из моих книг. Как раз перед моим переездом сюда со мной связался то ли помощник младшего Сверхправителя, то ли Сверхпомощник младшего Правителя и попросил одолжить ему с полсотни самых редкостных экземпляров. Похоже, его направил ко мне кто-то из библиотекарей Британского музея. Ну, ты догадываешься, что я на это сказал.

— Понятия не имею.

— Так вот, я очень вежливо разъяснил, что собирал свою библиотеку двадцать лет. Если им угодно изучать мои книги, милости просим, но, черт возьми, пускай читают здесь, на месте. И тогда явился Раши и заглатывает по двадцать томов в день. Хотел бы я знать, что он из них извлекает.

Джордж подумал немного, презрительно пожал плечами.

— По правде сказать, я был о Сверхправителях лучшего мнения. По-моему, они могли бы тратить время на что-нибудь более путное.

— Так ведь ты неисправимый материалист, верно? Вряд ли Джин с тобой согласится. Но даже если рассуждать по-твоему, сверхпрактическая ты личность, этот их интерес не лишен смысла. Ведь когда имеешь дело с дикарями, надо знать их суеверия.

— Да, пожалуй, — не слишком уверенно согласился Джордж.

Сидеть на жестком столе надоело, и он встал. Руперт наконец смешал коктейль по своему вкусу и направился в гостиную. Слышно было, что там уже возмущаются — куда пропал хозяин?

— Эй, погоди! — запротестовал Джордж. — Пока ты не сбежал, еще один вопрос. Как ты заполучил этот телевизор с передатчиком, которым хотел нас напугать?

— Маленькая сделка. Я объяснил, как полезна такая штука при моей работе, а Раши передал намек по начальству.

— Извини мою тупость, но что она такое, твоя новая работа? Очевидно, это как-то

связано со зверьем?

— Правильно. Я сверхветеринар. В моем ведении примерно десять тысяч квадратных километров джунглей, мои пациенты сами ко мне не придут, вот и надо их выискивать.

— Наверно, вздохнуть некогда?

— Ну, о мелюзге хлопотать незачем. Моя забота — львы, слоны, носороги и прочее. Каждое утро настраиваю эту машинку на высоту сто метров, сажусь перед экраном и обозреваю окрестности. Когда увижу зверя в беде, влезаю в свой флаер и надеюсь, что больной оценит мой врачебный такт. Бывают довольно заковыристые задачки. Со львом или тигром управиться несложно, а вот попробуй проткни носорогу шкуру с воздуха анестезирующей иглой — намучаешься!

— Ру-перт! — заорал кто-то за дверью.

— Что ты наделал! Я из-за тебя забыл про гостей. На вот, бери поднос. Эти — с вермутом, смотри, не перепутай.

***

Перед самым заходом солнца Джордж поднялся на крышу. По многим веским причинам у него побаливала голова и захотелось улизнуть от шума и толчеи. Джин, танцующая гораздо лучше, еще наслаждалась всем этим и не пожелала уйти с ним наверх. А в Джордже спиртное подогрело нежные чувства — и, разочарованный ее отказом, он пошел втихомолку лелеять свою обиду под звездным небом.

Чтобы попасть на крышу, надо было подняться сперва эскалатором на второй этаж, потом по винтовой лесенке, огибающей трубу кондиционера. Лесенка выводила через люк на просторную плоскую крышу. В одном ее конце стоял флаер Руперта, посередине разбит был сад, уже заметно запущенный, а с другого конца, с открытой площадки, где стояли шезлонги, видно было далеко окрест. Джордж плюхнулся в шезлонг и величественно осмотрелся. Он чувствовал себя поистине владыкой всего окружающего.

Да, что и говорить, зрелище великолепное. Дом Руперта построен на краю громадной котловины, пологий склон спускается на восток, где, за пять километров отсюда, лежат болота и озера. А на западе все ровно, плоско, и джунгли подступают чуть ли не вплотную к заднему крыльцу. Но за джунглями, пожалуй, не меньше чем в полусотне километров, на север и на юг, сколько хватает глаз, стеной высится горная цепь. Кое-где на вершинах сверкает снег, над вершинами пламенеют облака, через считанные минуты солнце закончит свой дневной путь. При виде этих далеких грозных бастионов Джордж разом протрезвел.

Звезды, что высыпали с какой-то прямо неприличной поспешностью едва зашло солнце, оказались совсем незнакомыми. Джордж поискал глазами Южный Крест, но не нашел. Он мало смыслил в астрономии, умел узнать лишь немногие созвездия, но без старых друзей стало неуютно и не по себе. Тревожно и от звуков, доносящихся из джунглей, уж чересчур они близко. Хватит с меня свежего воздуха, подумал Джордж. Пойду-ка в гостиную, покуда вампир или еще какая-нибудь дрянь не прилетела отведать моей кровушки.

Он шагнул назад, к лестнице, и тут из люка появился еще один гость. Уже слишком темно, не разглядеть, кто это.

— А, привет! Тоже захотели отдохнуть от кутерьмы? — окликнул Джордж.

Тот, неразличимый в темноте, засмеялся:

— Руперт показывает свои фильмы. Я их все уже видел.

— Возьмите сигарету, — предложил Джордж.

— Спасибо.

Джордж, большой любитель старинных игрушек, щелкнул зажигалкой и при свете ее огонька узнал пришедшего — этого поразительно красивого негра ему назвали, но он тут же забыл имя, вместе с именами еще двух десятков гостей, которых сегодня увидел у Руперта впервые. Но в этом лице есть что-то знакомое… и вдруг Джорджа осенило:

— Мы как будто не знакомы… вы ведь новый шурин Руперта?

— Правильно. Меня зовут Ян Родрикс. Все говорят, что мы с Майей очень похожи.

С благоприобретенным родичем Яна не поздравишь, можно скорее посочувствовать, подумал Джордж, но смолчал. Бедняга и сам разберется; а впрочем, мало ли — вдруг Руперт наконец остепенится.

— А я Джордж Грегсон. Вы еще не бывали на знаменитых Рупертовых сборищах?

— Нет, сегодня первый раз. Масса новых лиц.

— И не только человеческих, — заметил Джордж. — Я никогда еще не встречался вот так на вечеринке со Сверхправителями.

Собеседник чуть помедлил, и Джордж подумал — уж не задел ли ненароком какое-то больное место. Но в ответе Яна ничего такого не просквозило.

— Я тоже их не видал — кроме как по телевизору, конечно.

Разговор иссяк, немного погодя Джордж сообразил: Яну хочется побыть одному. Да и прохладно уже. Он простился и пошел вниз, к остальным.

В джунглях все стихло; Ян прислонился к округлой стенке воздуховода, теперь он только и слышал приглушенное дыхание дома, неустанную работу его механических легких. Одиночество, полное одиночество — этого Яну и хотелось. Но и горечь разочарования — а вот этого он совсем не жаждал.

8

Нет такого царства Утопии, где довольны и счастливы были бы все и всегда. Чем благополучнее условия жизни, тем выше становятся духовные запросы, и тебе уже мало всего, чем обладаешь и что можешь, хотя прежде о таком не смел бы и мечтать. Пусть окружающий мир дал все, что только мог, — не находят покоя пытливая мысль и тоскующее сердце.

Ян Родрикс — хотя он вовсе не считал, что ему повезло, — был бы еще меньше доволен жизнью, родись он веком раньше. Сто лет назад цвет его кожи стал бы для него тяжкой, пожалуй, просто безнадежной помехой. Теперь это не имело значения. Неизбежная реакция, которая в начале XXI века породила у негров некоторое чувство собственного превосходства, миновала. Обиходное словечко “черный” уже не было под запретом в приличном обществе, но никого не смущало. В нем заключалось теперь не больше обидного, чем в ярлычках вроде “республиканец” или “методист”, “консерватор” или “либерал”.

Отец Яна, обаятельный, но беспечный шотландец, приобрел известность как профессиональный фокусник. Его раннюю смерть — в возрасте всего сорока пяти лет — приблизило злоупотребление напитком, которым больше других своих плодов прославилась его родина. Правда, Ян никогда не видел отца пьяным, но едва ли хоть раз видел его вполне трезвым.

Миссис Родрикс еще жила и здравствовала вовсю и даже читала в Эдинбургском университете лекции по усовершенствованию теории вероятности. Вполне в духе двадцать первого века, столь чуждого оседлости, миссис Родрикс, чья кожа была черна как уголь, родилась в Шотландии, а ее светловолосый белокожий супруг рано покинул родину и почти всю жизнь провел на Гаити. У Майи и Яна никогда не было постоянного крова, они вечно сновали между семействами отца и матери, точно два маленьких челнока. Занятный образ жизни, но он отнюдь не помогал излечить неуравновешенность, которую оба унаследовали от папаши.

Яну минуло двадцать семь, и предстояло еще несколько лет ученья, прежде чем надо будет всерьез подумать о выборе профессии. Он без труда получил степень бакалавра, пройдя программу, которая столетием раньше показалась бы престранной. Занимался он в основном математикой и физикой, а дополнительно философией и музыкой. Даже по высоким меркам своего времени он стал первоклассным пианистом-любителем.

Через три года он защитит диссертацию и станет доктором физических наук, вторая его

специальность — астрономия. Поработать придется изрядно, но работа его не пугает. К тому же он — студент Кейптаунского университета, что приютился у подножья Столовой горы; больше нигде во всем мире не получишь высшее образование в уголке такой красоты.

Нет у него и забот материальных, и, однако, он недоволен жизнью и не находит покоя. И ко всему, хоть он ничуть не завидует сестре, от счастья Майи еще ясней стало, в чем беда его, Яна,

Ибо его все еще мучит романтическая иллюзия, что породила столько страданий и столько поэзии, — будто каждому человеку дается в жизни только одна истинная любовь. В необычно позднем возрасте он впервые влюбился без памяти в особу, куда больше известную красотой, нежели постоянством. Розита Цзен гордилась — и не без оснований, — что в жилах ее течет кровь маньчжурских императоров. У нее и сейчас немало подданных, в том числе профессора и преподаватели Кейптаунского университета чуть ли не в полном составе. Утонченная красота этого нежного цветка давно пленила Яна, отношения зашли достаточно далеко, — тем острей боль от того, что все оборвалось. А почему оборвалось — не понять…

Ну, конечно, он это одолеет. Переживали же другие такой вот крах — и раны затягивались, и потом человек даже способен был сказать: “Право, не мог же я любить эту женщину по-настоящему!” Но до такой отрешенности еще очень и очень далеко, а сейчас Ян в жестоком разладе с жизнью.

Другая его обида еще глубже и неизлечимей, ибо Сверхправители разрушили его честолюбивые мечты. Ян — романтик не только сердцем, но и умом. Подобно многим молодым ученым, с тех пор, как покорен был воздух, он мечтами и воображением носился по неизведанному океану космоса.

Столетие назад человек поднялся на первую ступеньку лестницы, ведущей к звездам. И в тот же миг — неужели просто совпадение? — дверь, открывающую выход к иным мирам, захлопнули у него перед носом. Сверхправители почти не налагали запретов на какие-либо виды человеческой деятельности (пожалуй, важнейшее исключение — война), но исследованиям в области межпланетных полетов пришел конец. Слишком огромно оказалось научное превосходство Сверхправителей. У человечества — по крайней мере на время — опустились руки, и оно занялось другими делами. Что толку строить ракеты, когда у Сверхправителей есть двигатели бесконечно более совершенные, а в чем тут секрет, они не обмолвились ни словом.

Несколько сот человек побывали на Луне и построили там обсерваторию, переправлялись они пассажирами на кораблике Сверхправителей, и кораблик был ракетный. Никаких сомнений — сколько ни изучай такое примитивное суденышко, мало что узнаешь, хотя Сверхправители и предоставили его в полное распоряжение любознательных земных ученых.

Итак, человек все еще пленник своей планеты. И планета его теперь гораздо лучше, но и гораздо меньше, чем была сто лет назад. Уничтожив на ней войну, голод, болезни, Сверхправители заодно уничтожили отвагу и приключения.

Всходила луна, небо на востоке понемногу наливалось слабым молочно-белым сиянием. Ян знал — главная база Сверхправителей находится в бастионе кратера Плутон. Должно быть, грузовые корабли садились на Луне и взлетали с нее уже лет семьдесят с лишком, но только на памяти Яна Сверхправители перестали это скрывать, и теперь старт хорошо виден с Земли. В двухсотдюймовый телескоп нетрудно различить тени исполинских кораблей, под лучами восходящего или заходящего солнца они на мили протягиваются по лунным равнинам. Каждый шаг Сверхправителей вызывает у людей огромный интерес, а потому за прибытием и отправлением их кораблей тщательно наблюдают, и постепенно проясняется какой-то порядок, хотя, чем он обусловлен, остается непонятно. Одна из этих исполинских теней исчезла несколько часов назад. Ян знает, это значит, что сейчас где-то по ту сторону Луны корабль Сверхправителей привычным, но загадочным для людей образом готовится в путь к своей далекой, неведомой родине.

Ян еще ни разу не видал, как уходит к звездам такой корабль. При ясном небе это видно на полмира, но Яну всегда не везло. Ведь не предугадаешь в точности, когда взлет, а Сверхправители об этом не сообщают. Ян решил подождать еще десять минут, потом он вернется в гостиную.

А это что? Всего лишь метеор скользнул по созвездию Эридана. Ян перевел дух, заметил, что сигарета погасла, закурил другую.

Он наполовину выкурил ее, и тогда-то в полумиллионе километров от него взлетел межзвездный корабль. Среди ширящегося бледного зарева восходящей Луны вспыхнула крохотная искорка и стала подниматься в зенит. Сперва медленно, еле заметно, но с каждым мигом быстрей. Чем выше она поднималась, тем ярче сверкала — и вдруг померкла, скрылась из глаз. А через мгновенье возникла вновь — еще ярче, еще стремительней. Так, то вспыхивая, то угасая в причудливом ритме, все ускоряя бег, она вздымалась в небо и оставляла среди звезд светящийся прерывистый след. Даже если не знать, как она далеко, дух захватит от такой скорости, но когда знаешь, что уносящийся прочь корабль — где-то там, за Луной, голова идет кругом при мысли об этой невообразимой мощи и энергии.

Ян знал: сейчас он видит всего лишь незначительный побочный продукт этой мощи. Сам корабль невидим, он далеко опередил устремленную ввысь световую черту. Корабль Сверхправителей оставляет за собой этот светящийся след, как остается в стратосфере струя пара позади реактивного самолета. Общепринятая теория — судя по всему, справедливая — утверждает, что громадные ускорения звездолетов местами искажают пространство. И Ян знал: то, что он сейчас видит — ни много ни мало свет далеких звезд, собранный в пучок там, где проносящийся корабль создал для этого благоприятные условия. Вот оно, наглядное доказательство теории относительности — изгиб светового луча вблизи мощного поля тяготения.

Теперь кончик этой огромной, заостренной точно карандаш линзы словно бы движется медленней, но лишь потому, что изменилась перспектива. На самом деле корабль все еще набирает скорость; просто его след, устремленный вовне Солнечной системы, к звездам, укорочен углом зрения. Ян знал, сейчас на эту светящуюся черту направлено множество телескопов — ученые Земли силятся раскрыть тайну межзвездных полетов. Тайне этой уже посвящены десятки научных трудов; несомненно, Сверхправители читают их с величайшим интересом.

Призрачный свет понемногу бледнеет. Теперь это всего лишь тонкая ниточка, она тянется к сердцу созвездия Карина, — это Ян предвидел. Всем известно, что родная планета Сверхправителей где-то в той стороне, — но которая, возле какого из тысячи светил, что находятся в этом секторе Пространства? И невозможно определить, как далека она от Солнечной системы.

Кончено. Хотя путь корабля еще только начат, человеческий глаз больше ничего не улавливает. Но в мыслях и в памяти Яна еще горит его след, — и этот маяк не погаснет, пока сам он способен к чему-то стремиться и чего-то желать.

***

Прием закончился. Почти все гости уже уносились по воздуху на все четыре стороны света. Но кое-кто остался.

Не улетел поэт Норман Додсворт, давно уже до безобразия пьяный, — у него хватило ума свалиться без памяти прежде, чем пришлось бы применить к нему силу. Его не слишком бережно вытащили на лужайку в надежде, что какая-нибудь гиена без церемоний его разбудит. Итак, он не в счет.

Остались Джордж и Джин. Отнюдь не по воле Джорджа — он-то хотел вернуться домой. Он не одобрял дружбу Джин и Руперта, и не просто из обыкновенной ревности. Джордж гордился тем, что он человек здравомыслящий, уравновешенный, и общее увлечение Джин и Руперта теперь, в век науки, на его взгляд, было не просто ребячеством,

но какой-то болезненной манией. Непостижимо, как кто-то еще может хоть на волос верить в сверхъестественное, и уважение Джорджа к Сверхправителям изрядно пошатнулось оттого, что остался и Рашаверак.

Теперь ясно: Руперт хочет поразить оставшихся какой-то новой затеей, возможно — в заговоре с Джин. Джордж угрюмо покорился — ладно, он стерпит какие угодно их дурацкие выходки.

— Чего я только не перепробовал, пока остановился вот на этом, — гордо заявил Руперт. — Самое главное — свести на нет трение, движению ничто не должно мешать. Старомодный полированный стол и вертящееся блюдце тоже недурны, но ими пользовались много веков, при современном уровне науки можно придумать кое-что получше. Ну и вот, сейчас увидите. Придвигайте стулья, подсаживайтесь… Раши, вы и правда не хотите присоединиться?

Долю секунды Сверхправитель, казалось, колебался. Потом покачал головой (“Уж не на Земле ли они этому выучились?” — подумал Джордж).

— Нет, спасибо, — сказал он. — Предпочитаю смотреть со стороны. Как-нибудь в другой раз.

— Ну что ж… если передумаете, времени у нас вдоволь.

“Ой ли?” — усомнился про себя Джордж, мрачно глянув на часы.

Руперт подвел друзей к маленькому, но массивному круглому столу. Снял гладкую пластмассовую крышку. Под ней оказалось блестящее озерцо тесно уложенных металлических шариков, скатиться им не давал невысокий бортик; Джордж понять не мог, для чего они. Свет отражался в них сотнями слепящих точек; этот яркий узор притягивал, завораживал, у Джорджа слегка закружилась голова.

Все уселись вокруг стола; откуда-то снизу Руперт вынул диск сантиметров десяти в поперечнике, положил на блестящие шарики.

— Ну вот, — сказал он. — Довольно тронуть диск пальцем, и он движется без малейшего трения.

Джордж подозрительно оглядел всю эту механику. По окружности стола на равных расстояниях одна от другой, но не по порядку, нанесены буквы алфавита. Между ними, уж совсем безо всякого порядка, разбросаны цифры от единицы до девяти, и с двух сторон, точно друг против друга, — две карточки со словами “да” и “нет”.

— По-моему, все это просто шаманство, — пробормотал Джордж. — Только диву даешься, как в наше время кто-то может принимать такое всерьез.

Этим не слишком бурным протестом он метил в Джин не меньше, чем в Руперта, и немного отвел душу. Впрочем, Руперт не скрывает, что все сверхъестественное занимает его лишь отвлеченно, с научной точки зрения. Он человек непредубежденный, но не легковерный. А вот Джин… она порой Джорджа беспокоит. Похоже, она и впрямь воображает, будто в ясновидении, телепатии и прочей чепухе что-то кроется.

Только уже съязвив насчет шаманства, Джордж спохватился, что его слова относятся и к Рашавераку. Он опасливо оглянулся, но Сверхправитель ничем не показал, что уязвлен. Понятно, это ровно ничего не доказывало.

Итак, они расселись вокруг стола. За Рупертом по часовой стрелке — Майя, Ян, Джин, Джордж и Бенни Шенбергер. Вне этого круга, с блокнотом в руках, села Рут Шенбергер. Она, видно, почему-то сочла для себя непозволительным участвовать в этой затее, и муж туманно сострил, что иные люди все еще свято чтут Талмуд. Однако она охотно вызвалась вести запись.

— Значит, так, — начал Руперт. — Ради скептиков вроде Джорджа вношу ясность. Есть ли тут что-то сверхъестественное, нет ли, но эта штука действует. Думаю, причины чисто механические. Мы касаемся диска — и пусть даже искренне не хотим как-либо повлиять на его движения, но в игру вступает наше подсознание. Я продумал множество таких сеансов и ни разу не обнаружил ответов, которые кто-то из участников мог знать или угадать, хотя сами они иногда об этом не подозревали. Однако сегодня мне хочется провести опыт при

несколько… э-э… особых обстоятельствах.

Особое Обстоятельство сидело и смотрело на всех молча, но, без сомнения, не равнодушно. Что-то Ра-шаверак думает об этих фокусах, спросил себя Джордж. Может быть, он сейчас — вроде антрополога, который наблюдает религиозные обряды дикарей? Право, все это выглядит просто невероятно, никогда в жизни он, Джордж, не чувствовал себя таким дураком.

Если и другие чувствуют себя так же глупо, по ним этого не видно. Одна Джин раскраснелась и явно взвинчена, но, может быть, это от выпитых коктейлей.

— Можно начинать? — спросил Руперт. — Отлично. — Он внушительно помедлил и, ни к кому не обращаясь, окликнул: — Есть тут кто-нибудь?

Плоский кружок под пальцами Джорджа дрогнул. Не удивительно, ведь на него давят руки шестерых за столом. Кружок скользнул в сторону маленькой цифры восемь и опять вернулся на середину.

— Есть тут кто-нибудь? — повторил Руперт. И прибавил более обычным тоном: — Часто до начала проходит минут десять — пятнадцать, но иногда…

— Тс-с! — выдохнула Джин.

Диск задвигался. Он описывал широкую дугу между карточками “да” и “нет”. Джордж с трудом подавил смешок Допустим, ответ будет “нет”- ну и что? Вспомнился старый анекдот про негра, залезшего в курятник: “Тут никого нету, хозяин, одни мы, куры…”

Но ответ оказался “да”. И тотчас диск вернулся на середину стола. Теперь он будто ожил и ждет нового вопроса. Джордж невольно стал внимательнее.

— Кто вы? — спросил Руперт.

На сей раз ответ последовал без запинки.

Диск носился по столу от буквы к букве, как разумное существо, да так быстро, что порой едва не ускользал из-под пальцев. И Джордж готов был поклясться, что никак не помогает этим движениям. Он быстро оглядел друзей — ни в одном лице ничего подозрительного. Похоже, все так же напряженно, жадно чего-то ждут, как и он сам.

— ЯЭТОВСЕ, — вывел диск и опять успокоился посреди стола.

— Я — это все, — повторил Руперт. — Характерный ответ. Уклончиво, но поощряет к дальнейшему. Вероятно, это значит, что здесь присутствует только совокупность наших сознаний.

Он помолчал, видимо, обдумывая следующий вопрос. Потом снова обратился в пространство:

— Вы должны передать весть кому-то из нас?

— Нет, — сейчас же ответил диск.

Руперт обвел взглядом сидящих вокруг стола.

— Дело за нами; иногда он сам что-нибудь сообщает, но сейчас нам надо задавать какие-то прямые вопросы. Кто хочет начать?

— Будет завтра дождь? — с усмешкой спросил Джордж.

Диск забегал взад-вперед между “да” и “нет”.

— Глупый вопрос, — упрекнул Руперт. — Понятно же, что где-то пройдут дожди, а где-то будет ясно. Не задавайте вопросов, которые требуют двусмысленных ответов.

Джордж сник: попало — и поделом. Пускай попробует кто-нибудь другой.

— Какой мой любимый цвет? — спросила Майя.

— Голубой, — был мгновенный ответ.

— Правильно.

— Это ничего не доказывает, — заметил Джордж. — По крайней мере троим из нас это известно.

— Какой любимый цвет Рут? — спросил Бенни.

— Красный.

— Правильно, Рут?

Добровольная секретарша подняла голову от блокнота.

— Да. Но это знает Бенни, а он с вами за столом.

— Ничего я не знал, — возразил Бенни.

— Еще как должен знать, я тебе сто раз говорила.

— Подсознательная память, — пробормотал Руперт. — Так бывает часто. Задайте кто-нибудь вопрос поумнее, а? Началось так хорошо, не хотел бы я, чтобы вечер прошел впустую.

Странно, как раз оттого, что все это ничуть не походило на серьезный научный опыт, Джордж призадумался. Конечно же, ничего тут нет сверхъестественного; как сказал Руперт, диск просто отзывается на бессознательные движения мышц. Но уже и это удивительно и впечатляет: никогда бы не поверил, что можно получить такие мгновенные и точные ответы! И он попробовал сам повлиять на диск — пусть напишет его имя. Он добился заглавного “Д”, но и только, дальше пошла бессмыслица. Нет, один человек явно не может управлять диском, остальные это сразу поймут.

За полчаса Рут записала больше дюжины ответов, иные оказались довольно длинными. Попадались грамматические ошибки и причудливые обороты, но очень редко. Чем бы все это ни объяснялось, Джордж убедился: сознательно он в ответах диска никак не участвует. Несколько раз, увидав начало слова, он, казалось, угадывал следующую букву и тем самым смысл ответа. И всякий раз диск переносился в совершенно неожиданном направлении и писал что-то совсем другое. Порой весь ответ сперва выглядел невнятицей, ведь слова не разделялись промежутками, конец одного сливался с началом другого, и только когда Рут перечитывала все заново, прояснялся смысл.

От всего этого Джорджу стало жутковато, словно он столкнулся с неким чужим, властным разумом. И все же, где решающее, окончательное доказательство за или против? Ответы и обыденны, и двусмысленны. К примеру, как прикажете понимать такое:

ВЕРЬТЕВЧЕЛОВЕКАПРИРОДАСВАМИ.

Но порой угадывалась глубокая, даже пугающая правда:

ПОМНИТЕЧЕЛОВЕКНЕОДИНРЯДОМСНИМОБ ИТАЮТДРУГИЕ.

Впрочем, это же всем известно… хотя, почем знать, может быть, подразумеваются не только Сверхправители?

Джорджа стало клонить ко сну. Давно пора по домам, сонно подумал он. Все это очень любопытно, но ничего определенного не достигли, и вообще, хорошенького понемножку. Он быстро оглядел всех за столом. Бенни, видно, тоже сыт по горло и хочет спать, Майя и Руперт сидят как в тумане, а вот Джин… да, Джин с самого начала отнеслась к этой истории чересчур серьезно. Даже не по себе становится, такое у нее лицо: будто ей и покончить с этим страшно, и страшно, что будет дальше.

Остается Ян. Любопытно, как-то он относится к причудам шурина, подумалось Джорджу. Молодой инженер еще не задал ни одного вопроса, ничем не показал, что удивлен хоть одним ответом. Похоже, он изучает движения диска так, словно наблюдает заурядный научный опыт.

Руперт очнулся от оцепенения.

— Давайте еще один вопрос и на этом кончим, — сказал он. — Ну-ка, Ян? Ты еще ничего не спрашивал.

Странно, Ян ни секунды не колебался. Казалось, он давно уже обдумал вопрос и только ждал удобного случая. Мельком глянул на бесстрастного великана Рашаверака и спросил звонко, отчетливо:

— Возле какой звезды находится планета Сверхправителей?

Руперт чуть не свистнул от изумления. Бенни и Майя безучастны. У Джин глаза закрыты, похоже, уснула. Рашаверак наклонился поверх Рупертова плеча, заглядывает в круг.

И диск тронулся.

Когда он опять замер, настало недолгое молчание. Потом Рут спросила озадаченно:

— НГС 549 672 — что же это значит?

Ей не ответили, помешал тревожный возглас Джорджа:

— Помогите мне кто-нибудь, Джин, кажется, в обмороке.

9

— Расскажи подробнее про этого Бойса, — сказал Кареллен.

Понятно, он изъяснялся не этими словами, и мысли, им высказанные, были гораздо тоньше. Человеческое ухо уловило бы лишь взрыв вибрирующих звуков, что-то вроде стремительной морзянки. У людей накопилось немало записей такой речи, но расшифровать язык Сверхправителей никто еще не сумел, он был безмерно сложен, да вдобавок эта невероятная быстрота, при которой ни один переводчик, даже овладей он основами языка, не в силах был бы уследить за обычным разговором Сверхправителей.

Попечитель Земли стоял спиной к Рашавераку и пристально смотрел на многоцветную пропасть Большого каньона. В десяти километрах отсюда, но почти не затуманенные далью, уступчатые склоны сейчас так и горели в солнечных лучах. Далеко-далеко внизу, под тем местом, где над краем затененного откоса стоял Кареллен, тащился по извилистой дороге караван мулов. Странно, думал Кареллен, очень многие люди при каждом удобном случае все еще ведут себя как дикари. Стоило только пожелать, и они могли бы спуститься на дно ущелья несравненно быстрей и с куда большим удобством. Но нет, они предпочитают трястись по ухабистой дороге, наверняка ненадежной не только с виду.

Неуловимое движение руки, и великолепная картина померкла, только еще мгновенье взгляду Кареллена чудилась бесконечная глубь. И снова его теснит действительность, привычный кабинет, обязанности Попечителя.

— Руперт Бойс личность своеобразная, — отвечал Рашаверак. — Он смотритель значительной части Африканского заповедника, заботится о здоровье зверей. Дело свое знает и любит. Поскольку ему надо держать под наблюдением несколько тысяч квадратных километров, он получил один из тех пятнадцати панорамных обзорников, что мы пока передали людям, — разумеется, как всегда, с ограничителями. Его экземпляр, кстати, единственный с передатчиком объемного изображения. Он вполне убедительно доказал, что ему это необходимо, и мы согласились.

— Какие у него доводы?

— Он сказал, что хочет показываться диким зверям, чтобы привыкли к его виду и не набросились, когда он сам к ним явится. Эта теория вполне оправдалась — со зверями, у которых важнее не нюх, а зрение… хотя в конце концов его, вероятно, растерзают. Ну и, понятно, мы предоставили ему аппарат еще по одной причине.

— Он стал сговорчивей?

— Вот именно. Сперва я обратился к нему потому, что у него едва ли не лучшее в мире собрание книг по парапсихологии и смежным вопросам. Он вежливо, но решительно отказался выпускать их из рук, пришлось читать у него дома. Я уже перечитал примерно половину его библиотеки. Довольно тяжкое испытание.

— Могу себе представить, — сухо сказал Кареллен. — Нашлось среди этого хлама что-нибудь стоящее?

— Да. Одиннадцать бесспорных случаев частичного прорыва и двадцать семь вполне вероятных. Но материал отобран односторонне, так что выводов на нем не построишь. И все свидетельства безнадежно запутаны мистикой — вот, пожалуй, главная болезнь человеческого разума.

— А как сам Бойс ко всему этому относится?

— Выдает себя за человека непредубежденного и настроенного скептически, но ясно, что он не тратил бы на это столько времени и сил, если бы подсознательно в это не верил. Я так ему и сказал, и он признался, что я, пожалуй, прав. Ему хотелось бы найти какое-то веское доказательство. Потому он и ставит без конца свои опыты, хотя притворяется, будто это просто забава.

— Ты уверен, он не подозревает, что ты интересуешься всем этим не из чистого любопытства?

— Вполне уверен. В некоторых отношениях Бойс на редкость туп и ограничен. Так что его попытки исследовать именно эту область довольно жалки. К нему незачем применять какие-то особые меры.

— Понимаю. А девушка, которая упала в обморок?

— Вот это самое интересное. Почти наверняка сообщение пришло именно через Джин Моррел. Но ей двадцать шесть лет, судя по всему нашему прежнему опыту, слишком много, она никак не может сама стать первым звеном. Значит, тут есть кто-то, с нею тесно связанный. Вывод ясен. Нам осталось ждать всего несколько лет. Надо внести ее в Пурпурный разряд: возможно, она сейчас — самый значительный человек на Земле.

— Так и сделаю. А тот молодой человек, который задал вопрос? Наобум спросил, просто из любопытства, или у него была какая-то задняя мысль?

— Он попал туда случайно, его сестра только что вышла замуж за Руперта Бойса. Ни с кем из других гостей он прежде не встречался. Я уверен, вопрос не обдуман заранее, а вызван необычной обстановкой да еще моим присутствием. При этих условиях неудивительно, что он задал такой вопрос. Его больше всего привлекает астронавтика. Он секретарь научной группы в Кейптаунском университете и явно намерен посвятить свою жизнь теории космических полетов.

— Любопытно, чего он достигнет. По-твоему, как он сейчас станет поступать и надо ли нам принять какие-то меры?

— Несомненно, при первой возможности он постарается хоть что-то проверить. Но у него нет способа доказать, что его сведения точны, и получены они столь необычным путем, что едва ли он предаст их гласности. А если они и станут известны, разве это хоть чему-то помешает?

— Надо будет взвесить обе возможности. Правда, нам не разрешено обнаруживать нашу базу, но люди никак не могут использовать эти сведения против нас.

— Согласен. Получится, что у Родрикса есть какие-то сведения, не слишком достоверные и практически бесполезные.

— Похоже на то, — сказал Кареллен. — Но полной уверенности нет. Люди на удивленье изобретательны и зачастую крайне упорны. Недооценивать их опасно, и за мистером Родриксом стоит последить. Я это еще обдумаю.

***

Руперт Бойс так и не понял, что же в конце концов произошло. Когда гости разъехались — менее шумно и оживленно, чем всегда, — он задумчиво откатил столик на место, в угол. Винные пары мешали серьезно вникнуть в случившееся, да и сами события уже немного расплылись в памяти. Смутно представлялось, будто произошло что-то важное, хотя и непонятное, — может быть, потолковать с Рашавераком? Нет, пожалуй, это будет бестактно. В конце концов, неловкость вышла из-за новоявленного зятя… Руперта даже взяла досада на Яна. Но разве так получилось по вине этого юнца? Или еще по чьей-то вине? Руперт виновато подумал, что ведь опыт затеял он сам. Он тут же решил забыть эту историю — и вполне в этом преуспел.

Пожалуй, он бы попробовал что-то выяснить, найдись последний листок блокнота Рут, но в суматохе листок пропал. Ян делал вид, что он ни при чем, ну а Рашаверака в пропаже не упрекнешь… И никто не помнил точно, что же там было записано, только и помнили — какая-то бессмыслица…

***

Больше всех случай этот повлиял на судьбу Джорджа Грегсона. Навсегда запомнил он

ужас, испытанный в минуту, когда Джин рухнула ему на руки. От внезапной беспомощности она вдруг преобразилась — это уже не просто забавная спутница. Его мгновенно захлестнули любовь и нежность. Женщины падали в обморок с незапамятных времен (и не всегда нечаянно), и мужчины неизменно отзывались на это как надо. Джин лишилась чувств отнюдь не умышленно, но при самом тонком расчете нельзя было бы подгадать удачнее. После Джордж понял, что именно в эти минуту решился едва ли не на самый важный шаг в своей жизни. Пускай у Джин странные причуды, а приятели и того чуднее, ему нужна только она. Не обязательно совсем отказываться от Наоми, от Джой, Эльзы или — как бишь ее? — от Дениз, но пора завести отношения более прочные. Джин наверняка согласится, она своих чувств никогда не скрывала.

Он сам не подозревал, что его заставила решиться еще одна причина. После нынешнего опыта странное увлечение чудачки Джин уже не вызывает такого насмешливого презрения. Джордж в этом никогда не признается, но так уж оно вышло — и это разбило последнюю разделявшую их преграду.

Он смотрел на Джин — бледная, но спокойная, она откинулась на низко опущенную спинку кресла. Под флаером тьма, над головой звезды. Джордж понятия не имел, где они сейчас, определился бы разве что с точностью до тысячи километров, но не все ли равно. Это уж дело автопилота, он доставит их домой и совершит посадку — об этом сообщили приборы — ровно через пятьдесят семь минут.

Джин улыбнулась ему в ответ и мягко высвободила руку, которую он сжимал в своих.

— Совсем онемели, — пожаловалась она и стала растирать пальцы. — Я уже вполне хорошо себя чувствую, можешь мне поверить.

— А все-таки, по-твоему, что же случилось? Неужели ты совсем ничего не помнишь?

— Ничего… какой-то провал. Я слышала, Ян задал вопрос, и сразу вы все вокруг меня суетитесь. Наверно, впала в какой-то транс. В конце концов…

Она запнулась, не стоит говорить Джорджу, что с ней и раньше так бывало. Он ничего такого не любит, пожалуй, расстроишь его еще сильней, а то и вовсе отпугнешь.

— Что “в конце концов”? — спросил Джордж.

— Да так, ничего. Интересно, что об этом сеансе подумал Сверхправитель. Наверно, он и не ждал, что столько всего услышит.

Джин вздрогнула, оживленный взгляд затуманился.

— Боюсь я Сверхправителей, Джордж. Не оттого, что они несут зло, никаких таких глупостей я не воображаю. Конечно же, у них добрые намерения, и они всё делают, как считают, лучше для нас. А только, в сущности, чего они добиваются?

Джордж неуверенно повел плечами.

— Люди об этом гадают с первого дня, — сказал он. — Когда мы будем готовы знать, Сверхправители нам сами скажут. По совести говоря, меня любопытство не разбирает. И, знаешь ли, у меня сейчас другое на уме. — Он наклонился к Джин, стиснул ее руки. — Слушай, слетаем-ка завтра в Архив и заключим брачный договор… ну, скажем, на пять лет, а?

Джин посмотрела на него в упор — да, то, что написано у него на лице, очень приятно.

— Давай на десять, — сказала она.

***

Ян не торопился. Спешки никакой нет, надо основательно подумать. Он чуть ли не побаивался начать проверку — а вдруг возникшая у него фантастическая надежда сразу рухнет. Пока ничего определенного нет, можно хотя бы мечтать.

Да и нельзя ничего предпринять, пока не повидал библиотекаря Обсерватории. Эта женщина хорошо его знает, знает, что он изучает и чем увлекается, и наверняка сочтет его просьбу странной. Может, это и не страшно, но лучше не рисковать. Выждем неделю, тогда представится более удобный случай. Да, он уж очень осторожничает, но от этого вся затея

захватывает еще сильней, прямо как мальчишку. Притом самое страшное — оказаться смешным, страшней, чем любые помехи и кары Сверхправителей. Нет, если его затея дурацкая, про нее никто никогда не узнает.

Для поездки в Лондон у него вполне уважительная причина, об этом договорено с месяц назад. Правда, для делегата он еще слишком молод и неопытен, но он — один из трех студентов, которым удалось пристроиться к делегации на съезд Международного астрономического общества. Могли поехать трое — не упускать же такой случай, да и в Лондоне он не был с детства. Ян знал: на этом съезде очень немногие из десятков докладов будут ему сколько-нибудь интересны, даже если он и сумеет их понять. Как всякий делегат любого ученого конгресса, он станет слушать только то, что может ему пригодиться, а остальное время потолкует с собратьями по увлечению или просто побродит по городу.

За последние пятьдесят лет Лондон изменился до неузнаваемости. Теперь в нем не наберется и двух миллионов жителей — ив сто раз больше машин. Он перестал быть важным портом — теперь каждая страна производит почти все необходимое, и сама система международной торговли стала иной. В некоторых странах еще делают какие-то вещи лучше, чем в других, но переправляют их по воздуху. Торговые пути, которые некогда вели от одной громадной гавани к другой, а позже от аэропорта к аэропорту, под конец превратились в хитроумную тонкую сеть, она охватила весь мир, но нет в ней каких-то особо важных узлов.

Однако переменилось не все. Лондон по-прежнему административный центр, средоточие искусства и науки. В этих областях с ним не может соперничать ни одна столица континента, даже Париж, как он ни силится доказать обратное. Лондонский житель, попади он сюда из прошлого века, и сейчас бы не заблудился, по крайней мере в центре. Через Темзу перекинуты несколько новых мостов — но на прежних местах. Не видно громадных прокопченных вокзалов железной дороги — их выдворили за город. Но здание парламента такое же, как было; Нельсон все так же свысока взирает единственным глазом на Уайтхолл, и купол собора св. Павла все еще высится на Лидгейтском холме, хотя с ним теперь могут потягаться и здания повыше.

И, как прежде, маршируют гвардейцы перед Букингемским дворцом.

Все это подождет, думал Ян. Была пора каникул, и он с двумя своими товарищами-студентами остановился в одном из университетских общежитий. Район Блумсбери за последнее столетие тоже не переменился: здесь и теперь полно гостиниц и меблированных комнат, хотя они уже не стоят впритык друг к другу и не тянутся, как прежде, нескончаемыми однообразными вереницами покрытых копотью кирпичных стен.

Только на второй день съезда Яну выпал желанный случай. Основные доклады читались в огромном зале заседаний Научного центра, неподалеку от Концертного зала, который больше всего помог Лондону стать музыкальной столицей мира. Ян хотел послушать первый из сегодняшних докладов — говорили, что докладчик камня на камне не оставит от общепринятой теории образования планет.

Быть может, он в этом и преуспел, но когда Ян после доклада ушел, познаний у него не прибавилось. Он поспешил в справочную узнать, как найти нужные ему комнаты.

Какой-то остроумец-администратор отвел Британскому астрономическому обществу верхний этаж громадного здания — члены ученого совета вполне это оценили: сверху перед ними открывался великолепный вид на Темзу и на всю северную часть города. Ян сжимал в руке членский билет Астрономического общества, точно пропуск, на случай, если его остановят, но, хоть не встретил ни души, без труда нашел библиотеку.

Почти час он потратил, пока отыскал то, что требовалось, и разобрался, как пользоваться толстенными звездными каталогами, среди миллионов данных. Под конец его бросило в дрожь — хорошо, что поблизости никого нет, некому заметить его волнение.

Он поставил каталог на место, к остальным, и долго сидел не шевелясь, невидящим взглядом смотрел на сплошную стену книг. Потом медленно пошел прочь, по безлюдным коридорам, мимо кабинета секретаря (теперь там были люди, деловито развязывали пачки

книг) и дальше, вниз по лестнице. Лифтом спускаться не стал — хотелось избежать встреч и тесноты. Прежде он собирался послушать еще один доклад, но теперь это уже не важно.

Он подошел к парапету набережной и машинально следил, как неспешно течет к морю Темза, а в мыслях по-прежнему неразбериха. Непросто примириться с таким вот внезапным открытием, если ты воспитан на общепризнанных научных истинах. Никогда не узнать наверняка, правда ли то, что открылось, но уж слишком это убедительно. Ян медленно шел по набережной и перебирал по порядку все, что ему известно.

Факт первый: никто из гостей Руперта не мог знать, что он, Ян, задаст такой вопрос. Он и сам этого не знал, слова сорвались с языка, оттого что уж очень необычны были обстоятельства. А значит, никто не мог подготовить ответ, не мог заранее об этом думать.

Факт второй: НГС 549 672 — это уж наверно ничего не говорит непосвященным и смысл имеет только для астронома. Хотя Полный Всеобщий систематический атлас был составлен столетие назад, о нем знают лишь несколько тысяч специалистов. И если наобум назвать какой-то номер, никто не сумеет сказать точно, где находится эта звезда.

Однако — и этот третий факт стал ясен только сейчас — маленькая, незаметная звезда, обозначенная как НГС 549 672, находится как раз там, где надо. В самом сердце созвездия Карина, в конце светящегося следа, который возник перед Яном всего несколько вечеров назад и ушел от Солнечной системы в бездну космоса.

Простое совпадение невозможно. Конечно же, НГС 549 672 и есть родная планета Сверхправителей. Но если так, рушатся все милые сердцу Яна понятия о научных методах исследования. Ну и пускай рушатся. Надо примириться с фактом: так или иначе, нелепый Рупертов опыт оказался ключом к неведомому доныне источнику знания.

Рашаверак? Пожалуй, вот оно, самое правдоподобное объяснение. Сверхправитель не сидел со всеми за столом, но это неважно. Да и не любопытна Яну механика сверхфизических явлений, важно одно — как воспользоваться их плодами.

Насчет звезды НГС 549 672 известно очень мало, она ничем не выделяется среди миллионов других. Но в каталоге указаны ее размеры, координаты и тип спектра. Надо будет еще кое до чего доискаться, произвести кое-какие несложные расчеты — и тогда он хотя бы примерно узнает, насколько далека планета Сверхправителей от Земли.

Ян повернулся и пошел прочь от Темзы, назад, к сверкающему белому зданию Научного центра; понемногу лицо его осветилось улыбкой. Знание — сила, а он, единственный человек на Земле, знает, откуда явились Сверхправители. Сейчас не угадаешь, как воспользоваться этим знанием. Оно будет надежно храниться в памяти и ждать своего часа.

10

Человечество все еще нежилось, согретое летним безоблачным полднем мира и процветания. Неужели когда-нибудь снова придет зима? Немыслимо. Вот когда подлинно наступил век разума, который слишком рано, два с половиной столетия назад, приветствовали вожди Французской революции. На сей раз так оно и есть.

Конечно, и процветание не обходится без изъянов, но с ними охотно примирились. Только глубокие старики понимают, что телегазеты, которые каждый принимает у себя дома, в сущности, изрядно скучны. Не стало потрясений, о каких когда-то возвещали кричащие заголовки. Нет больше таинственных убийств, что ставят в тупик полицию и вызывают в миллионах сердец бурю благородного негодования, под которым зачастую прячется зависть. Если уж и случится убийство, тайны не будет: довольно повернуть некий диск — и перед глазами заново разыграется все преступление с начала до конца. Поначалу существование столь прозорливых инструментов изрядно перепугало вполне законопослушных граждан. Сверхправители успели изучить очень многие, но не все завихрения человеческой психологии, и этого испуга они не предвидели. Пришлось разъяснить людям, что никто из них не сможет подглядывать и подслушивать секреты соседа, а над считанными аппаратами,

переданными в человеческие руки, установлен строгий контроль. К примеру, телепередатчик Руперта Бойса работает только в пределах заповедника, и действие его касается только Руперта и Майи.

Серьезные преступления изредка бывают, но газеты мало ими занимаются. В конце концов, воспитанному человеку вовсе не хочется читать про чужие грехи.

Люди работают теперь в среднем всего часов двадцать в неделю, но уж в полную силу. Труда однообразного, чисто механического больше почти не существует. Слишком ценен человеческий разум, нелепо тратить его на то, что могут выполнить две-три тысячи транзисторов, несколько фотоэлементов да печатные схемы общим объемом в кубический метр. Иные заводы неделями работают самостоятельно, и ни одна живая душа туда не заглядывает. Дело людей — обнаружить неисправность, принять решение и составить план новых предприятий. Все остальное выполняют роботы.

Появись столько досуга в прошлом веке, перед человечеством встали бы головоломные задачи. Теперь почти все их решило образование, ведь богатому и разностороннему уму не грозит скука. Нынешний уровень культуры когда-то показался бы невероятным. Не то чтобы человек как таковой стал разумнее, но впервые каждый может развить все способности, какие дала ему природа.

Почти у каждого есть не один дом, а два, в разных концах света. Обжиты прежде недоступные приполярные области, и немало народу каждые полгода кочует из Арктики в Антарктиду и обратно, всему предпочитая долгий день полярного лета. Другие переселились в пустыни, в горы и даже на дно морское. На всей Земле нет такого места, где наука и технология не могли бы создать самое удобное жилище тому, кого уж очень туда потянет.

Иные особенно экзотические уголки дают пищу немногим волнующим сообщениям в газетах. Даже в самом упорядоченном обществе не миновать изредка несчастных случаев. Быть может, это добрый знак, что иные смельчаки готовы рискнуть, а то и погибнуть, лишь бы устроить себе уютную виллу под самой макушкой Эвереста или полюбоваться видом сквозь струи водопада Виктория. А потому каждый раз кого-нибудь откуда-нибудь вызволяют. Это стало своего рода игрой, чуть ли не спортом для всей планеты.

Всякий может потакать своим прихотям, ведь на уго хватает и времени и денег. Когда упразднены были армии, человечество разом стало почти вдвое богаче, а возросшая производительность довершила дело. И просто смешно сравнивать жизненный уровень человека двадцать первого века с тем, как жилось кому-либо из его предков. Все необходимое стоит ничтожно мало и дается людям даром, как прежде государство предоставляло им бесплатно дороги, воду, уличное освещение и канализацию. Можно поехать куда вздумается, лакомиться самыми изысканными яствами и не платить за это ни гроша. Право на это ты заслужил, потому что и сам работаешь для общего блага.

Находятся, конечно, и трутни, но людей, у которых хватало бы силы воли на жизнь совершенно праздную, куда меньше, чем думают. А обществу несравненно легче прокормить таких паразитов, чем содержать армию контролеров на транспорте, продавцов, кассиров и всех прочих, кто, если рассуждать с точки зрения мирового хозяйства, только тем бы и занимался, что переписывал бы всякую всячину из одного гроссбуха в другой.

Подсчитано, что почти четверть своих сил человечество отдает разным видам спорта — от такого сидячего, как шахматы, до смертельно опасного, вроде планирующих перелетов на лыжах через горные долины. Это привело к разным непредвиденным последствиям. Так, исчез профессиональный спорт: слишком много оказалось блистательных спортсменов-любителей, и при новых экономических условиях прежняя система безнадежно устарела.

После спорта важнейшей областью приложения сил стали всевозможные виды развлечений. В прошлом больше ста лет очень многие верили, что главное место на Земле — Голливуд. Теперь они могли бы утверждать это с гораздо большим основанием, но, безусловно, львиную долю фильмов 2050 года в 1950-м сочли бы чересчур мудреными и попросту не поняли. Как-никак прогресс: не всем теперь командует касса.

Но среди несчетных забав и развлечений на планете, которая, похоже, готова

превратиться в одну огромную площадку для игр, иные люди все еще находят время опять и опять задаваться извечным вопросом, на который нет ответа:

ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ?

11

Ян прислонился к зверю, уперся ладонями в шершавую, точно древесная кора, кожу. Оглядел громадные бивни, круто изогнутый хобот — искусный таксидермист увековечил слона в позе то ли воинственной, то ли радостной. Любопытно, какие не менее странные существа с каких неведомых планет станут однажды разглядывать этого выходца с Земли?

— Много еще зверья ты послал Сверхправителям? — спросил он Руперта.

— По крайней мере пятьдесят штук, но этот, конечно, самый крупный. Великолепен, правда? То была в основном мелкота — бабочки, змеи, мартышки и прочее в том же роде. Хотя нет, в прошлом году я им отправил бегемота.

Ян невесело усмехнулся.

— Страшноватая мысль, но я подозреваю, что в их коллекции уже имеется живописная компания чучел. Интересно, кто удостоился сей чести?

— Наверно, ты прав, — преспокойно отозвался Руперт. — Это было бы несложно устроить через больницы.

— А вдруг бы нашелся желающий на роль живого экспоната? — задумчиво продолжал Ян. — Разумеется, при условии, что потом его вернут домой.

Руперт засмеялся, но не без сочувствия.

— Ты что же, вызываешься добровольцем? Передать Рашавераку?

Минуту — другую Ян обдумывал это почти всерьез. Потом покачал головой.

— М-м… Нет, не надо. Я просто думал вслух. Они наверняка мне откажут. Кстати, ты часто видишь Рашаверака?

— Он у меня был месяца полтора назад. Ему как раз попалась книга, за которой я давно охотился. Очень мило с его стороны.

Ян медленно обошел кругом чучело великана, поражаясь мастерству, с каким навсегда остановлен этот миг могучего порыва.

— Понял ты наконец, чего он ищет? — спросил Ян. — Право же, это плохо сочетается — в науке Сверхправители достигли таких высот, а интересуются сверхъестественным.

Руперт подозрительно покосился на зятя — уж не насмехается ли тот над его увлечением?

— По-моему, Рашаверак это объясняет вполне правдоподобно. Его как антрополога занимают любые стороны нашей культуры. Не забудь, им спешить незачем. Они могут вникать в любую мелочь; нашим ученым целой жизни не хватит на такие исследования. Вот Рашаверак перечитал всю мою библиотеку, и едва ли ему это стоило особого труда.

Может быть, это и есть объяснение, но Яна оно не убедило. Порой он подумывал доверить Руперту свою тайну, но мешала прирожденная осторожность. При новой встрече с другом Рашавераком Руперт, пожалуй, проболтается — чересчур велик будет соблазн.

— Между прочим, ты сильно ошибаешься, если думаешь, что это такой уж большой экспонат, — неожиданно сказал Руперт. — Посмотрел бы, над чем работает Салливен. Он взялся изготовить двух самых больших тварей — спермацетового кита и гигантского спрута. И притом в схватке не на жизнь, а на смерть. Вот это будет картинка!

Ян молчал. В мозгу вспыхнула дикая, невероятная мысль; нельзя же думать о таком серьезно. И однако… как раз потому, что это так дерзко, вдруг да получится…

— Что с тобой? — встревожился Руперт. — Стало дурно от жары?

Ян опомнился.

— Нет, ничего, — сказал он. — Я только хотел понять, как же Сверхправители подберут такую игрушку.

— Ну, просто какой-нибудь их грузовой корабль спустится, откроет люк и втянет эту

махину внутрь.

— Так я и думал, — сказал Ян.

***

Это было похоже на рубку космического корабля. По стенам сплошь измерительные приборы и какие-то инструменты; и ни одного окна, только большой экран перед креслом пилота. Судно могло взять шестерых пассажиров, но сейчас Ян был единственным.

Он неотрывно смотрел на экран, ловил каждую подробность проходящего перед глазами удивительного, неведомого мира. Да, столь же неведомого, как все, что он, быть может, повстречает за россыпью звезд, если удастся его сумасшедшая затея. Сейчас он вступает во владения чудовищ, что пожирают друг друга во мраке, не потревоженном с начала времен. Тысячи лет люди плавают над этим царством тьмы; оно лежит не глубже чем в километре под килем корабля, а меж тем до нынешнего столетия человек знал о нем меньше, чем о видимой стороне Луны.

С поверхности океана пилот опускался к еще неизведанным глубинам Южной впадины Тихого океана. Ян знал: он ориентируется по незримым координатам, прочерченным звуковыми волнами расставленных на дне океана маяков. Но пока дно еще так далеко от них, как земные равнины от плывуших в небе облаков…

Видно было очень мало; локаторы подводной лодки понапрасну шарили вокруг. Наверно, волнение, поднятое двигателями, распугало рыбу помельче; из любопытства подойдет близко разве что какая-нибудь громадина, вовсе не ведающая страха.

Маленькая кабина содрогалась от скрытой в ней мощи — от мощи, способной выдержать безмерную тяжесть водной толщи над головой Яна, создать и хранить пузырек света и воздуха, в котором могут существовать люди. Если эта мощь откажет, подумал Ян, они станут пленниками металлического гроба, зарытого глубоко в ил на дне океана.

— Пора определиться, — сказал пилот.

Он пробежал пальцами по переключателям — двигатели умолкли, подводная лодка мягко замедлила ход и наконец замерла. Она парила в равновесии, словно воздушный шар в небе.

Гидролокатор мигом установил, где они находятся.

— Сейчас опять включим моторы, только сперва послушаем, нет ли чего интересного, — заметил пилот, оглядев все свои приборы.

Из динамика в тишину маленькой кабины хлынул низкий ровный гул. Ян не мог различить отдельных звуков. Они сливались в сплошной однообразный шум. Ян знал: это разом подают голос мириады морских тварей. Будто он оказался в сердце лесной чащи, где кишмя кишит жизнь, — только в лесном хоре он распознал бы хоть чьи-то голоса. А здесь в сложной звуковой ткани не ухватишь ни единой ниточки. Все чуждо, незнакомо, никогда ничего похожего не слышал… прямо волосы дыбом становятся. А ведь это все тут же, на его, Яна, родной планете…

Дикий вопль прорезал зыблющуюся толщу шума, как молния — грозовую тучу. Быстро перешел в надрывающее душу рыдание, в отчаянный, понемногу затихающий вой и замер, а через минуту где-то дальше отозвался еще один. И следом пронзительная визгливая разноголосица, будто сорвался с цепи сам ад… пилот поспешил приглушить звук.

— Господи, это еще что? — выдохнул Ян.

— Жуть, а? Это киты, идут косяком километрах в десяти от нас. Я знал, что они где-то недалеко, подумал, может, захочешь послушать.

Яна пробрала дрожь.

— А я — то думал, в море тишина! Отчего они так орут?

— Наверно, беседуют друг с дружкой. Салливен тебе все объяснит. Мне плохо верится, но, говорят, у него есть вроде как знакомые киты, он их узнает по голосу. Э, да у нас гость!

На экране появилась какая-то рыбина с громадной, немыслимой пастью, видно, и сама

большущая. Впрочем, Ян уже знает: о размерах по изображению судить трудно. Откуда-то из-под жабер у рыбины свисает длинный ус, на конце его — непонятное расширение, подобие колокола.

— Сейчас мы видим в инфракрасном свете, — сказал пилот. — Попробуем обычную картинку.

Рыбина исчезла бесследно. Осталась одна лишь яркая, фосфорически светящаяся висюлька. Затем вдоль туловища вспыхнули огненные точки, и странное создание мелькнуло перед глазами все целиком.

— Это морской черт, а светится у него приманка — завлекает всякую рыбешку. Фантастика, верно? Одного не пойму — отчего на эту удочку не идет большая рыба и сама его не слопает? Только не до вечера же нам ждать. Смотри, сейчас я включу двигатели, и он удерет.

Кабина опять задрожала, лодка скользнула вперед. Большая светящаяся рыбина разом вспыхнула всеми огнями, неистовым сигналом тревоги, и, точно метеор, умчалась в непроглядную бездну.

Еще двадцать минут медленного погружения — и невидимые пальцы локатора нащупали первые приметы океанского дна. Далеко внизу под лодкой проходила гряда невысоких, на удивленье мягко очерченных округлых холмов. Если когда-то были у них выступы и неровности, их давно сгладил непрестанный дождь, падающий с водных высей. Даже здесь, посреди Тихого океана, вдали от огромных устьев рек, что постепенно смывают почву материков, никогда не прекращается этот дождь. Его рождают иссеченные бурями склоны Анд, и тела миллиардов погибших существ, и пыль метеоритов, что веками скитались в космосе и здесь наконец обрели покой. Здесь, во мраке вечной ночи, слой за слоем закладывается основа будущих материков.

Холмы остались позади. По карте Ян видел: это — пограничная стража просторной равнины, которая раскинулась на такой глубине, что ее не достигал луч локатора.

Лодка продолжала плавно спускаться. На экране понемногу вырисовывалась новая картина; глядя под непривычным углом зрения, Ян не сразу разобрал, что это такое. Потом понял: они приближаются к подводной горе, выступающей со скрытой далеко внизу равнины.

Изображение стало отчетливей: на близком расстоянии локаторы работали лучше, и стало видно ясно, почти как при обычном свете. Ян различал мелкие подробности, видел, как среди скал преследуют друг друга странные рыбы. Вот из почти незаметной расщелины медленно выплыла зловещего вида тварь с разинутой пастью. Молниеносно, неуловимо для глаза метнулось длинное щупальце и увлекло отчаянна бьющуюся рыбу навстречу гибели.

— Почти пришли, — сказал пилот. — Через минуту увидишь лабораторию.

Лодка медленно шла над скалистым отрогом, выступающим у подножия горы. Взгляду уже открывалась равнина; до океанского дна осталось каких-нибудь несколько сот метров, прикинул Ян. И увидел примерно в километре впереди скопище шаров, поставленных на треножники и соединенных между собой трубчатыми переходами. Все это с виду очень напоминало резервуары химического завода и в самом деле построено было по тому же принципу. Разница лишь та, что здесь надо было выдержать давление не изнутри, но извне.

— А это что? — ахнул Ян.

Дрожащим пальцем он показал на ближайший шар. Причудливые разводы, покрывающие шар, оказались сплетением гигантских щупалец. Лодка подошла ближе, и стало видно, что щупальца ведут к большому мясистому мешку, с которого смотрят в упор громадные глаза.

— Это, наверно, Люцифер, — невозмутимо сказал нилот. — Опять его кто-то подкармливает.

Он щелкнул переключателем и склонился над приборной доской.

— Эс-два вызывает лабораторию. Я подхожу. Может, отгоните своего любимчика?

Ему тотчас ответили:

— Лаборатория — к Эс-два. Ладно, пришвартовывайтесь. Люци сам уступит дорогу.

На экране ширилась округлая металлическая стена. Перед Яном в последний раз мелькнуло громадное, усеянное присосками щупальце и дернулось прочь от лодки. Раздался глухой удар металла о металл, потом негромкий скрежет, царапанье — это рычаги захвата нащупывали контакты на гладком яйцеобразном корпусе лодки. Через несколько минут ее притянуло вплотную к стене станции, металлические руки сомкнулись, прошли вдоль корпуса лодки и повернули огромный полый винт. Вспыхнул сигнал “давление уравнено”, люки отворились — доступ в Глубоководную лабораторию номер один наконец открыт.

Профессора Салливена Ян застал в тесном, не ведающем порядка помещении: оно, видимо, было сразу и кабинетом, и мастерской, и лабораторией. Салливен заглядывал через микроскоп внутрь чего-то вроде маленькой бомбы. Вероятно, в этой капсуле, под привычным для себя давлением во многие тонны на квадратный сантиметр, беззаботно плавал какой-нибудь житель океанских глубин.

— Ну-с, — промолвил Салливен, с трудом отрываясь от микроскопа, — как поживает Руперт? И чем мы можем вам служить?

— Руперт процветает, — ответил Ян. — Шлет вам привет и наилучшие пожелания и передает, что рад бы вас навестить, да только у него клаустрофобия.

— Ну тогда, конечно, ему тут было бы неуютно, ведь над нами пять километров воды. Кстати, а вас это не беспокоит?

Ян пожал плечами.

— Это же все равно, как лететь на стратолайнере. Если что-то пойдет наперекос, конец и там и тут один.

— Здравая мысль, но странно, только очень немногие так рассуждают.

Салливен подкрутил что-то в микроскопе, потом испытующе глянул на Яна.

— Рад буду показать вам лабораторию, — сказал он, — но, признаться, я удивился, когда Руперт передал вашу просьбу. Человек, думаю, в мечтах витает среди звезд, откуда у него вдруг интерес к нашим делам? Может, вы ошиблись дверью? — Он необидно усмехнулся. — Признаться, никогда не понимал, чего ради всех вас тянет в небеса. Пройдут столетия, пока мы разберемся тут, в океанах, все нанесем на карты и разложим по полочкам.

Ян перевел дух. Хорошо, что Салливен начал первый, это облегчает задачу. Хоть ихтиолог и сострил насчет не той двери, между ними много общего. Не так уж трудно будет перекинуть мостик, заручиться сочувствием и помощью Салливена. Это человек с воображением, иначе он не дерзнул бы вторгнуться в подводное царство. Однако Ян знал: надо быть осторожнее, ведь просьба его прозвучит по меньшей мере необычно. Одно придавало ему уверенности: даже если Салливен откажется помочь, он, безусловно, не выдаст тайну Яна. А здесь, в мирном кабинетике на дне Тихого океана, едва ли есть опасность, что Сверхправители, сколь ни велики их неведомые силы и возможности, сумеют подслушать этот разговор.

— Профессор Салливен, — начал Ян, — вот вы стремитесь изучить океан, и, допустим, Сверхправители не дают вам даже подходить к нему, — что бы вы почувствовали?

— Уж конечно, был бы зол, как черт.

— Не сомневаюсь. Но предположим, в один прекрасный день вам подвернулась возможность без их ведома добиться своего — как вы поступите? Воспользуетесь случаем?

— Конечно! — без запинки ответил Салливен. — А рассуждать буду потом.

“Клюет!” — подумал Ян. Теперь ему обратного хода нет, разве что побоится Сверхправителей. Только вряд ли этот Салливен чего-нибудь боится. Ян наклонился к нему над заваленным всякой всячиной столом и приготовился изложить свою просьбу.

Профессор Салливен был отнюдь не дурак. Ян еще и рот не успел раскрыть, а на губах Салливена заиграла насмешливая улыбка.

— Так вот что вы затеяли? — медленно произнес он. — Очень, очень любопытно! Ну-с, теперь объясните, с чего вы взяли, что я вам помогу…

12

В былые времена профессор Салливен считался бы слишком дорогой роскошью. Его исследования обходились не дешевле небольшой войны; в сущности, он был словно генерал, ведущий нескончаемую войну с не ведающим усталости врагом. Враг профессора — океан — воевал оружием холода, мрака, а главное — давления. Профессор отвечал противнику силой разума и искусством инженера. Он одержал немало побед, но океан терпелив, он может ждать своего часа. Салливен знал: рано или поздно он допустит ошибку. Что ж, есть хотя бы одно утешение: тонуть не придется. Конец будет мгновенный.

Выслушав просьбу Яна, он не сказал сразу ни да, ни нет, но прекрасно знал, как в конце концов ответит. Вот случай провести интереснейший опыт. Жаль, он так и не узнает результата; но так нередко бывает в науке: он и сам начал кое-какие исследования, которые завершены будут лишь через десятки лет.

Профессор Салливен был человек мужественный и умный, но, оглядываясь на пройденный путь, понимал, что не достиг той славы, какая делает имя ученого бессмертным. И вот — совершенно неожиданный и оттого вдвойне соблазнительный случай — по-настоящему войти в историю. В этой честолюбивой мечте он бы никому не признался и, надо отдать ему справедливость, все равно помог бы Яну, даже если б его участие в дерзком замысле навсегда осталось тайной.

А Ян все обдумывал и передумывал заново. До сих пор его словно подхватило и несло на гребне того первого открытия. Он узнавал, проверял, но ничего не делал для того, чтобы мечта его сбылась. Однако еще несколько дней — и надо будет выбирать. Если профессор Салливен согласится, отступить невозможно. Надо идти навстречу будущему, которое сам выбрал, и всему, чем оно чревато.

Окончательно решиться его заставила мысль, что, если упустить этот единственный, сказочный случай, он потом себе вовек не простит. А до самой смерти терзаться напрасными сожалениями — что может быть хуже?

Ответ Салливена он получил через несколько часов и понял, что жребий брошен. Не торопясь, — времени в запасе достаточно, — он начал приводить свои дела в порядок.

***

“Милая Майя, это письмо тебя, как бы сказать помягче, несколько удивит. Когда ты его получишь, меня уже не будет на Земле. Это не значит, что я, как многие, отправлюсь на Луну. Нет, я буду на пути к планете Сверхправителей. Первым из людей я покину нашу Солнечную систему.

Письмо я отдаю другу, который мне помогает; он не вручит его тебе, пока не убедится, что план мой — по крайней мере поначалу — удался и Сверхправителям уже поздно мне помешать. Я в это время буду лететь уже так далеко и с такой скоростью, что вряд ли эта весть меня догонит. А если и догонит, маловероятно, чтобы корабль из-за меня повернул обратно к Земле. И вообще, на их взгляд, едва ли я того стою.

Первым делом дай объясню, откуда все пошло. Ты знаешь, меня всегда интересовали космические перелеты и всегда обидно было, что нам нельзя ни побывать на других планетах, ни узнать хоть что-то о цивилизации Сверхправителей. Не заявись они к нам, теперь мы бы уже, пожалуй, достигли Марса и Венеры. Правда, столь же возможно, что мы бы уже сами себя истребили кобальтовыми бомбами и прочими смертоносными изобретениями двадцатого века. А все-таки порой я жалею, что нам не дали самим попытать счастья.

Наверно, у Сверхправителей есть причины быть при нас няньками, и, наверно, очень веские причины. Но даже знай я их, едва ли я чувствовал бы — и поступал — иначе.

Все началось с того вечера у Руперта. (Кстати, он этого не знает, хотя он-то и навел меня на след.) Помнишь, он тогда устроил дурацкий спиритический сеанс и под конец та

девушка, забыл как ее звали, упала в обморок? Я спросил, от какой звезды явились Сверхправители, и ответ был "НГС 549 672". Никакого ответа я не ждал и до той минуты считал, что все это пустая забава. А тут понял, что это номер из звездного каталога, и решил в него заглянуть. И оказалось, это звезда в созвездии Карина, а как ни мало мы знаем о Сверхправителях, известно, что прилетели они именно с той стороны.

Не стану притворяться, будто понимаю, каким образом до нас дошло это сообщение и откуда оно взялось. Может, кто-нибудь прочел мысли Рашаверака? Если бы и так, едва ли он знает, как обозначено их солнце в нашем земном каталоге. Все это загадочно и непонятно; пускай секрет раскроют люди вроде Руперта — если сумеют! С меня хватит и того, что я получил такие сведения и действую.

Мы наблюдали, как уходят в полет корабли Сверхправителей, и уже многое знаем об их скорости. Они покидают Солнечную систему с громадным ускорением и меньше чем через час достигают почти скорости света. А значит, их движители воздействуют равномерно на любой атом в корабле, иначе все живое на борту мигом расплющилось бы в лепешку. Любопытно, для чего им такие чудовищные ускорения, ведь в космосе они как рыба в воде и времени у них вдоволь, могли бы набирать скорость безо всякой спешки. У меня есть на этот счет своя теория: думаю, они каким-то способом черпают энергию из полей, окружающих звезды, а потому должны стартовать и останавливаться очень близко от какого-нибудь солнца. Но это так, между прочим.

Важно то, что теперь я знаю, какое им надо пройти расстояние, а значит — сколько на это нужно времени. От Земли до звезды НГС 549 672 сорок световых лет. Корабли Сверхправителей летят со скоростью больше девяноста девяти процентов световой, значит, перелет должен длиться сорок наших лет. Сорок наших земных лет, вот в чем вся соль.

Может быть, ты слышала — когда приближаешься к скорости света, начинаются разные странности. Само время течет по-иному, оно замедляет ход, и если на Земле пройдет месяц, то на корабле Сверхправителей только день. Отсюда важнейшее следствие, оно открыто великим Эйнштейном больше ста лет тому назад.

Пользуясь твердо установленными выводами теории относительности, я проделал кое-какие расчеты, основанные на том, что нам известно о звездных перелетах. Для пассажиров корабля Сверхправителей полет до их звезды длится не больше двух месяцев, хотя на Земле за это время пройдет сорок лет. # знаю, в такое трудно поверить, разве только утешаться мыслью, что с тех пор, как Эйнштейн объявил об этом парадоксе, над его загадкой бьются лучшие умы человечества.

Вот пример, на котором, думаю, ты легче поймешь, что из этого получается, и ясней себе это представишь. Если Сверхправители тотчас же отошлют меня обратно, я вернусь, став старше только на четыре месяца. А на Земле пройдет уже восемьдесят лет. Так что, Майя, как бы дальше все ни сложилось, я с тобой прощаюсь навсегда…

Ты ведь знаешь: меня мало что привязывает к Земле, и я ее оставляю с чистой совестью. Маме я ничего не говорил, она бы закатила истерику, перед этим я, признаться, струсил. Так будет лучше. Хотя, с тех пор, как умер отец, я пытался многое оправдать… Ох, что толку опять ворошить прошлое!

Я покончил с ученьем и сказал университетскому начальству, что по семейным обстоятельствам уезжаю в Европу. Все мои дела улажены, тебе совсем ни о чем не придется беспокоиться.

Ты, пожалуй, уже вообразила, что я рехнулся, ведь, казалось бы, никому вовек не забраться в корабль Сверхправителей. Но я нашел способ. Такое не часто случается, и другого случая не будет: уж наверно, если Кареллен в кои веки ошибется, так не повторит ошибку. Помнишь легенду о деревянном коне, который провез греческих воинов в Трою? В Ветхом завете есть одна история, там сходства еще больше…"

***

— Вам будет гораздо удобнее, чем Ионе, — сказал Салливен. — Нигде не сказано, что к его услугам были электрическое освещение, водопровод и канализация. Но вам понадобится много еды и, я вижу, вы запаслись кислородом. Можете вы взять столько, чтобы хватило на два месяца в таком тесном помещении?

И он ткнул пальцем в аккуратные чертежи, разложенные Яном на столе. С одного конца бумагу вместо пресс-папье придавил микроскоп, с другого — череп какой-то невероятной рыбины.

— Надеюсь, большой запас кислорода не так уж необходим, — сказал Ян. — Мы знаем, они способны дышать нашим воздухом, хотя, похоже, он им не очень приятен, а их атмосфера для меня, может быть, и совсем не годится. Но задача насчет запасов решается при помощи наркосамина. Средство верное и совершенно безопасное. Сразу после старта делаю себе укол и проваливаюсь в сон на полтора месяца плюс-минус несколько дней. К тому времени мы почти уже на месте. Право, меня больше тревожит не еда и не кислород, а скука.

Профессор Салливен задумчиво кивнул.

— Да, наркосамин надежен и можно точно рассчитать дозу. Но смотрите, у вас под рукой должно быть вдоволь еды — вы проснетесь голодный, как черт, и слабый, как новорожденный котенок. Вдруг вы помрете с голоду, оттого что у вас не хватит силенок открыть консервы?

— Это я обдумал, — немного обиделся Ян. — Налягу на сахар и шоколад, так всегда делается.

— Отлично. Рад видеть, что вы все предусмотрели и не воображаете, будто, если игра окажется вам не по вкусу, можно будет бросить ее посередине. Вы ставите на карту не чью-нибудь, а свою жизнь, но не хотел бы я думать, что помогаю вам покончить жизнь самоубийством.

Он взял со стола рыбий череп, рассеянно взвесил в ладонях. Ян схватился за край плана, не давая бумаге свернуться в трубку.

— По счастью, — продолжал Салливен, — все детали нужного вам снаряжения стандартные, собрать и оборудовать, что надо, в нашей мастерской можно за считанные недели. А если вы передумаете…

— Не передумаю, — сказал Ян.

***

“…Я тщательно рассчитал, какие могу встретить опасности, и, пожалуй, в плане моем нет изъянов. Через полтора месяца я объявлюсь как обыкновенный безбилетник — пускай наказывают за то, что ехал зайцем. Тогда — по корабельному времени, не забудь, — путешествие почти уже закончится. Останется сесть на планете Сверхправителей.

Конечно, что будет дальше, зависит от них. Вероятно, следующим же рейсом меня отошлют домой… но, надо полагать, я хоть что-нибудь да увижу! Беру с собой четырехмиллиметровую камеру и тысячи метров пленки; если уж я ее не использую, так не по своей вине. Ну а в самом худшем случае все-таки докажу, что нельзя вечно держать людей взаперти. Подам пример, который вынудит Кареллена что-то предпринять.

Вот и все, что я хотел сказать, милая Майя. Знаю, ты не станешь слишком обо мне скучать: будем честны и откровенны, нас никогда не соединяли прочные узы, а теперь ты замужем за Рупертом и вполне счастлива будешь в своем отдельном мире. По крайней мере, я на это надеюсь.

Итак, прощай, всего наилучшего. Предвкушаю встречу с твоими внуками; пожалуйста, позаботься, чтобы они обо мне знали, ладно?

Твой любящий брат

Ян”.

13

Сперва у Яна просто не укладывалось в сознании, что здесь собирают не фюзеляж небольшого воздушного лайнера: перед ним был металлический скелет двадцати метров в длину, идеально обтекаемой формы, окруженный легкими фермами лесов, по которым карабкались рабочие с инструментами.

— Да, — сказал Салливен на вопрос Яна, — мы пользуемся стандартной авиационной техникой, и люди эти в большинстве самолетостроители. Такая громадина — и вдруг живая, трудно поверить, правда? И даже способна выскочить из воды, я не раз видел такие прыжки.

Все это прелестно, но Яна занимает другое. Он внимательно оглядывает громадный скелет, отыскивая подходящее укрытие для своей кельи, — Салливен ее окрестил “гроб с кондиционированным воздухом”. Сразу же ясно: об одном можно не беспокоиться, места хватит. Тут разместилась бы добрая дюжина “зайцев”.

— Похоже, что каркас почти закончен, — сказал Ян. — А когда вы будете обтягивать его шкурой? Кита уже, наверно, изловили, раз вам известны размеры скелета?

Салливена это замечание явно позабавило.

— Мы вовсе не собирались ловить кита. Да у них и нет шкуры в обычном смысле слова. Едва ли удалось бы обернуть этот каркас пленкой вроде рыбьего пузыря, но толщиной в двадцать сантиметров. Нет, мы эту штуку заменим пластмассой и аккуратненько раскрасим. Когда закончим, никто не сможет распознать подделку.

В таком случае, подумал Ян, куда разумней было бы Сверхправителям сделать фотоснимки, а экспонаты в натуральную величину мастерить самим на своей планете. Но, может быть, их грузовые корабли возвращаются домой порожняком и пустячок вроде двадцатиметрового спермацетового кита для них все равно что ничего. Когда располагаешь такими силами и возможностями, стоит ли экономить по мелочам…

***

Профессор Салливен стоял подле одной из огромных статуй, которые оставались головоломной загадкой для археологов с тех самых пор, как открыли остров Пасхи. Каменный король, бог или кто он там был, словно следил незрячими глазами за взглядом Салливена, когда тот осматривал свое творение. Салливен по праву гордился плодом своего труда; какая жалость, что его детище вскоре станет навсегда недоступно человеческому взору.

Могло показаться, будто некий безумный скульптор воплотил видение, которое примерещилось ему в пьяном бреду. И однако, это было точное отражение жизни, а скульптор — сама природа. Пока не появились усовершенствованные подводные телевизоры, редким людям случалось видеть подобное, да и то лишь в краткие миги, когда великаны в пылу схватки вырывались на поверхность. Борьба разыгрывалась в нескончаемой ночи океанских глубин, где спермацетовые киты охотились за кормом. А корм решительно не желал быть съеденным заживо…

Громадная пасть кита с нижней челюстью, зубастой, как пила, широко распахнулась, готовая сомкнуться на теле жертвы. Голову почти не различить под сетью белых, мясистых, извивающихся щупалец — исполинский спрут отчаянно борется за свою жизнь. Там, где щупальца попадали на шкуру, ее пятнают мертвенно-бледные следы присосков двадцати сантиметров в поперечнике, если не больше. От одного щупальца уже остался только обрубок — и нетрудно предвидеть исход боя. В битве между двумя самыми большими тварями на Земле победитель всегда кит. Сколь ни мощен лес щупалец, у спрута одна надежда — спастись бегством, прежде чем неутомимо работающая челюсть распилит его на куски. Огромные, полуметром в поперечнике, ничего не выражающие глаза спрута в упор

уставились на палача, хотя, скорее всего, во тьме океанской пучины противники и не могут видеть друг друга.

Композицию эту, длиной больше тридцати метров, окружает клетка из легких алюминиевых ферм, оплетенная канатами; остается лишь подхватить ее подъемным краном. Все готово, все к услугам Сверхправителей. Салливен надеялся, что они не замешкаются; ожидание становилось томительным.

Кто-то вышел из кабинета под яркое солнце, видно, ищет его. Салливен издали узнал своего старшего помощника и пошел ему навстречу.

— Я здесь, Билл. Что случилось?

Тот, явно довольный, протянул листок радиограммы.

— Приятная новость, профессор. Нам оказывают высокую честь! Прибывает Попечитель, хочет самолично осмотреть наш экспонат перед отправкой. Представляете, какая о нас пойдет слава! Это нам очень пригодится, когда будем просить о новых ассигнованиях. Признаюсь, я давно надеялся на что-нибудь в этом духе.

Профессор Салливен проглотил застрявший в горле ком. Он всегда был не против славы, но на сей раз она может оказаться излишней.

***

Кареллен остановился у головы кита, посмотрел вверх, на громадное тупое рыло, на усеянную желтоватыми зубами челюсть. Что-то он сейчас думает, стараясь казаться спокойным, спрашивал себя Салливен. Держится естественно, ни признака подозрительности, и приезд его можно объяснить очень просто. Но хоть бы он поскорей убрался восвояси!

— На нашей планете нет таких больших животных, — сказал Кареллен. — Это одна из причин, почему мы просили вас сделать такую большую композицию. Моим… э-э… соотечественникам она очень понравится.

— Я полагал, при том, что сила тяжести у вас невелика, там могут водиться очень большие звери. Ведь сами вы гораздо больше нас!

— Да, но у нас нет океанов. А когда речь идет о размерах, суше с морем не сравниться.

Совершенно верно, подумал Салливен. И, по-моему, это новость: никто не знал, что на их планете нет морей. Яну, черт его дери, будет очень интересно.

А Ян в эти минуты сидел в хижине за километр отсюда и в бинокль с тревогой следил за инспекторским обходом. И твердил себе, что бояться нечего. Даже при самом тщательном осмотре кит свой секрет не выдаст. Но вдруг Кареллен все-таки что-то заподозрил и теперь играет с ними, как кошка с мышкой?

И Салливена одолевало то же подозрение, потому что Кареллен как раз заглянул в разинутую пасть.

— В вашей Библии, — сказал он, — есть замечательный рассказ об иудейском пророке, некоем Ионе: его сбросили с корабля, но в море его проглотил кит и целым и невредимым вынес на берег. Как по-вашему, не могло быть источником этой легенды подлинное происшествие?

— Я полагаю, — осторожно отвечал Салливен, — это единственный письменно удостоверенный случай, когда китолов был проглочен и вновь извергнут без дурных для него последствий. Разумеется, если бы он пробыл внутри кита больше нескольких секунд, он бы задохнулся. И ему необычайно повезло, что он не угодил под зубы. История почти невероятная, но не скажу, что уж совсем невозможная.

— Очень любопытно, — заметил Кареллен.

Еще минуту он смотрел на громадную челюсть, потом пошел дальше и начал разглядывать спрута. Салливен невольно вздохнул с облегчением — оставалось надеяться, что Кареллен не услышал.

***

— Знай я, какое это будет испытание, — сказал профессор Салливен, — я вышвырнул бы вас за дверь, как только вы попробовали заразить меня своим помешательством.

— Прошу извинить, — отозвался Ян. — Но все обошлось.

— Надеюсь. Что ж, счастливо. Если захотите на попятный, у вас есть еще по крайней мере шесть часов на размышление.

— Мне они ни к чему. Теперь один Кареллен может меня остановить. Большое вам спасибо за все. Если я когда-нибудь вернусь и напишу книгу о Сверхправителях, я посвящу ее вам.

— Много мне от этого будет радости, — пробурчал Салливен. — Я давно уже стану покойником.

Он был удивлен и даже немного испуган: никогда не отличался чувствительностью, а тут оказалось — ему это прощанье отнюдь не безразлично. За те недели, пока они вдвоем готовили заговор, он привязался к Яну. А теперь страшно — быть может, он стал пособником изощренного самоубийства.

Он придерживал лестницу; Ян взобрался по ней и, осторожно минуя ряды зубов, перелез на громадную челюсть. При свете электрического фонарика видно было — он обернулся, помахал рукой и скрылся в пасти, как в глубокой пещере. Щелчок, потом другой: открылся и снова закрылся воздушный шлюз, — и наступила тишина.

Под луной, чей свет обратил навек застывшую битву в обрывок страшного сна, профессор Салливен медленно побрел к себе. Что же я сделал, думал он, и к чему это приведет? Ему-то, разумеется, этого не узнать. Быть может, Ян опять пройдет здесь, потратив на дорогу к планете Сверхправителей и возвращение на Землю всего лишь несколько месяцев жизни. Но, если он и вернется, их разделит неодолимая преграда — Время, ибо это будет через восемьдесят лет.

Как только Ян закрыл внутреннюю дверь воздушного шлюза, в маленьком металлическом цилиндре вспыхнул свет. Не мешкая ни секунды, чтобы не напали сомнения, Ян тотчас принялся за обычную, продуманную заранее проверку. Еда и прочие припасы погружены еще несколько дней назад, но проверить лишний раз полезно для душевного равновесия, убеждаешься: все как надо, ничего не упущено.

Час спустя он в этом удостоверился. Откинулся на поролоновом матрасе и заново перебрал в памяти свой план. Слышалось только слабое жужжанье электронных часов-календаря — они предупредят его, когда путешествие подойдет к концу.

Он знал, в этой келье он ничего не ощутит — какими чудовищными силами ни движим корабль Сверхправителей, они наверняка безукоризненно уравновешиваются. Салливен это проверил, указав, что изготовленный им экспонат рухнет, если сила тяжести превысит два — три g , и “заказчики” заверили его, что на этот счет опасаться нечего.

Однако предстоит значительный перепад атмосферного давления.

Это неважно, ведь полые чучела могут “дышать” несколькими отверстиями. Перед выходом из кабины Яну придется выравнять давление, и, скорее всего, дышать атмосферой внутри корабля он не сможет. Не беда, достаточно обычного противогаза да баллона с кислородом, ничего более сложного не потребуется. А если воздух окажется пригодным для дыхания, тем лучше.

Медлить больше незачем, только лишняя трепка нервов. Ян достал небольшой шприц, уже наполненный тщательно приготовленным раствором. Наркосамин открыли когда-то, изучая зимнюю спячку животных; оказалось неверным, как думали прежде, что в эту пору жизнедеятельность приостанавливается. Просто все процессы в организме неизмеримо замедлены, но обмен веществ, крайне ослабленный, все равно продолжается. Как будто костер жизни спрятан в глубокой яме, укрыт валежником, и жар только тлеет, запасенный впрок. А через какие-то недели или месяцы действие лекарства кончается, огонь вспыхивает сызнова, и спящий оживает. Наркосамин вполне надежен. Природа им пользовалась

миллионы лет, оберегая многих своих детей от голодной зимы.

И Ян уснул. Он не почувствовал, как натянулись канаты и огромную металлическую клетку подняли в трюм грузовика Сверхправителей. Не слыхал, как закрылись люки, чтобы открыться вновь только через триста триллионов километров. Не услыхал, как вдалеке, приглушенный толщею мощных стен, раздался протестующий вопль земной атмосферы, когда корабль прорывался сквозь нее, возвращаясь в родную стихию.

И не почувствовал межзвездного полета.

14

На еженедельных пресс-конференциях зал всегда бывал полон, но сегодня народу набилось битком; в такой тесноте репортеры насилу ухитрялись записывать. В сотый раз они ворчали и жаловались друг другу на Кареллена — у него отсталые вкусы и никакого уважения к прессе! В любое другое место на свете они явились бы с телекамерами, магнитофонами и прочими орудиями своего отлично механизированного ремесла. А тут изволь полагаться на такую древность, как бумага, карандаш и, еще того невероятней, стенографию!

Конечно, раньше кое-кто пытался контрабандой протащить в зал магнитофон. Этим немногим смельчакам удалось вынести запретное орудие обратно, но, заглянув в дымящееся нутро аппарата, они тотчас поняли: попытки тщетны. И всем тогда стало ясно, почему им всегда предлагали в их же собственных интересах оставлять часы и прочие металлические предметы за пределами зала…

И, что еще несправедливей и обиднее, сам-то Кареллен записывал пресс-конференцию с начала до конца. Журналистов, виновных в небрежности или в прямом извращении сказанного (такое, правда, случалось очень редко), вызывали для краткой, малоприятной встречи с подчиненными Кареллена и предлагали им внимательно прослушать запись того, что на самом деле сказал Попечитель. Урок был не из тех, какие приходится повторять.

Поразительно, как быстро разносятся слухи. Заранее ничего не объявляется, но каждый раз, когда Кареллен хочет сообщить что-то важное, — а это бывает раза два-три в год, — в зале яблоку упасть некуда.

Высокие двери распахнулись, и приглушенный ропот мгновенно утих: на эстраду вышел Кареллен. Освещение здесь тусклое — несомненно, так слабо светит неведомое далекое солнце Сверхправителей, — и Попечитель Земли вышел к репортерам без темных очков, в которых обычно появлялся под открытым небом.

Он отозвался на нестройный хор приветствий официальным “Доброе утро всем” и повернулся к высокой, почтенного вида особе, стоявшей впереди. Мистер Голд, старейшина газетного цеха, своим видом вполне мог бы вдохновить знаменитого дворецкого, героя знаменитых старинных романов, доложить хозяину: “Три газетчика, милорд, и джентльмен из “Таймса””. Одеждой и всеми повадками он напоминал дипломата старой школы: всякий без колебаний доверялся ему — и никому потом не приходилось об этом жалеть.

— Сегодня полно народу, мистер Голд. Должно быть, вам не хватает материала.

Джентльмен из “Таймса” улыбнулся, откашлялся:

— Надеюсь, вы восполните этот пробел, господин Попечитель.

И замер, не сводя глаз с Кареллена, пока тот обдумывал ответ. До чего обидно, что лица Сверхправителей — застывшие маски и не выдают никаких чувств. Большие, широко раскрытые глаза (зрачки даже при этом слабом свете сузились и едва заметны) непроницаемым взглядом в упор встречают откровенно любопытный взгляд человека. Из дыхательной щели с еле слышным свистом выходит воздух: это предполагаемые легкие Кареллена трудно работают в непривычно разреженной земной атмосфере. Голд разглядел бахрому белых волосков; они колеблются то внутрь, то наружу в перемежающемся ритме двухтактного быстрого Карелленова дыхания. Возможно, они, как фильтры, предохраняют от пыли, на этой шаткой основе строятся сложные теории об атмосфере загадочной планеты

Сверхправителей.

— Да, у меня есть для вас новости. Как вам, без сомнения, известно, один из моих грузовых кораблей недавно отправился отсюда на базу. Сейчас мы обнаружили, что на борту имеется “заяц”.

Сотня карандашей замерла в воздухе, сто пар глаз вперились в Кареллена.

— Вы сказали “заяц”, господин Попечитель? — переспросил Голд. — Нельзя ли узнать, кто он такой? И как попал на корабль?

— Его зовут Ян Родрикс, он учился в Кейптаунском университете, студент механико-математического факультета. Прочие подробности вы, несомненно, узнаете сами из ваших надежных источников.

Кареллен улыбнулся. Странная это была улыбка. Она выражалась больше в глазах, жесткий безгубый рот почти не дрогнул. “Может быть, Попечитель с неизменным своим искусством и этот обычай перенял у людей?” — подумалось Голду. Ибо впечатление такое, что Кареллен и вправду улыбается, и воспринимаешь это именно как улыбку.

— Ну, а каким образом он улетел с Земли, не столь важно, — продолжал Попечитель. — Могу заверить вас и любого охотника до космических полетов, что повторить это никому не удастся.

— Но что будет с этим молодым человеком? — настаивал Голд. — Вернут ли его на Землю?

— Это зависит не от меня, но, думаю, он вернется со следующим рейсом. Там, куда он отправился, ему будет неуютно, слишком… э-э… чуждая обстановка. И с этим связано главное, из-за чего я сегодня устроил нашу встречу.

Кареллен чуть помолчал, и в зале затаили дыхание.

— Кое-кто из более молодых и романтически настроенных жителей вашей планеты иногда высказывал недовольство тем, что вам не разрешено выходить в космос. У нас были на то причины, мы ничего не запрещаем ради собственного удовольствия. Но задумались ли вы хоть раз — извините за не совсем лестное сравнение, — как бы почувствовал себя человек из вашего каменного века, если бы вдруг очутился в современном большом городе?

— Но это ведь совершенно разные вещи! — запротестовал корреспондент “Геральд трибюн”. — Мы привыкли к Науке, Науке с большой буквы. Без сомнения, в вашем мире нам многого не понять, но мы не вообразим, будто это колдовство.

— Вы уверены? — очень тихо, чуть слышно спросил Кареллен. — Только столетие лежит между веком пара и веком электричества, но что понял бы инженер викторианской эпохи в телевизоре или в электронной вычислительной машине? Долго бы он прожил, если бы попробовал разобраться в этой механике? Пропасть, разделяющая два вида технологии, может стать чересчур огромной… и смертельной.

(— Эге, — шепнул корреспондент агентства Рейтер представителю Би-Би-Си, — нам повезло. Сейчас он сделает важное политическое заявление. Узнаю приметы.)

— Есть и еще причины, по которым мы удерживаем человечество на Земле. Смотрите.

Свет медленно померк. И посреди зала возникло бледное сияние. И сгустилось в звездный водоворот — спиральную туманность, видимую откуда-то со стороны, словно наблюдатель находился очень далеко от самого крайнего из составляющих ее солнц.

— Ни один человек никогда еще этого не видел, — раздался в темноте голос Кареллена. — Вы смотрите на свою Вселенную, галактический островок, куда входит и ваше Солнце, с расстояния в полмиллиона световых лет.

Долгое молчание. Опять заговорил Кареллен, и теперь в голосе его звучало нечто новое — не то чтобы настоящая жалость и не совсем презрение.

— Ваше племя проявило редкую неспособность справляться с задачами, возникающими на собственной небольшой планете. Когда мы прибыли сюда, вы готовы были истребить сами себя при помощи сил, которые опрометчиво вручила вам наука. Не вмешайся мы, сегодня Земля была бы радиоактивной пустыней.

Теперь у вас тут мир и человечество едино. Вскоре вы достигнете такого уровня

развития, что сумеете управлять своей планетой без нашей помощи. Быть может, в конце концов станете даже справляться со всей Солнечной системой — примерно на пяти — десяти лунах и планетах. Но неужели вы воображаете, что вам будет когда-нибудь под силу вот это?

Звездная туманность ширилась Звезды неслись мимо, вспыхивали и пропадали из глаз мгновенно, точно искры в кузнице. И каждая мимолетная искра была солнцем, вокруг которого обращалось бог весть сколько миров…

— В одной только нашей галактике восемьдесят тысяч миллионов звезд, — негромко продолжал Кареллен. — И эта цифра дает лишь слабое понятие о необъятности космоса. Выйдя в космос, вы были бы как муравьи, которые пытаются перебрать и обозначить ярлыком каждую песчинку во всех пустынях вашей планеты.

Вы, человечество, на нынешнем уровне вашего развития просто не выдержите такого столкновения. Одной из моих обязанностей с самого начала было оберегать вас от могучих сил, властвующих среди звезд, — от сил, недоступных самому пылкому вашему воображению.

Взвихренные огневые туманы галактики померкли; в просторном зале снова зажегся свет, настала гробовая тишина.

Кареллен повернулся, готовый уйти, — пресс-конференция кончилась. У дверей он помедлил, оглянулся на безмолвную толпу журналистов.

— Это горькая мысль, но вы должны с ней примириться. Планетами вашей Солнечной системы вы, возможно, когда-нибудь овладеете. Но звезды — не для человека.

***

“ЗВЕЗДЫ НЕ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА”. Да, конечно же, им обидно, что небесные врата захлопнулись у них перед носом. Но пусть научатся смотреть правде в глаза — хотя бы той доле правды, которую, щадя их, можно им открыть.

Из пустынных высей стратосферы Кареллен смотрел на планету и ее жителей, вверенных его попечению, — обязанность не радостная. Он думал о том, что еще предстоит, о том, чем станет этот мир всего лишь через двенадцать лет.

Никогда они не узнают, как им повезло. Немалый срок, отпущенный людям от колыбели до могилы, человечество было счастливей, чем любое другое разумное племя. То был Золотой век. Но ведь золото еще и цвет заката, цвет осени… и слух одного лишь Кареллена улавливал первые стенания надвигающихся зимних вьюг.

И один лишь Кареллен знал, с какой страшной быстротой Золотой век близится к неотвратимому концу.

III. ПОСЛЕДНЕЕ ПОКОЛЕНИЕ

15

— Нет, ты только посмотри! — взорвался Джордж Грегсон и швырнул газету через стол. Джин не успела ее перехватить, и газетный лист распластался на завтраке. Джин терпеливо счистила с бумаги варенье и прочитала столь возмутительный абзац, силясь изобразить на лице неодобрение. Ей это плохо удавалось, слишком часто она бывала согласна с критиками. Обычно она умалчивала о своих еретических взглядах — и не только ради мира и спокойствия в доме. Джордж охотно принимает от нее (и от кого угодно) похвалы, но осмельсь она хоть в чем-то упрекнуть его работу, и придется выслушать убийственный разнос: она полнейшая невежда и ничего не смыслит в искусстве!

Джин дважды перечитала рецензию и сдалась. Рецензент как будто вполне доброжелателен, так она и сказала Джорджу:

— Видно, спектакль ему понравился. Чем ты, собственно, недоволен?

— Вот чем, — огрызнулся Джордж и ткнул пальцем в середину столбца. — Перечитайка еще раз.

— “Особенно радовали глаз нежно-зеленые пастельные тона задника в балетной сцене”. Ну и что?

— Никакой он не зеленый! Я сколько времени потратил, пока добился такого голубого оттенка! А что получилось? То ли какой-то болван-осветитель перепутал цветовую настройку, то ли у этого осла-рецензента телевизор-дальтоник. Слушай, а у нас на экране какого цвета был фон?

— Э-э… не помню, — призналась Джин. — Тогда как раз запищала Пупса и мне пришлось пойти посмотреть, что с ней.

— А, — только и уронил Джордж. Ясно было: втихомолку он все еще кипит, того и гляди опять взорвется. Так оно и случилось, но взрыв оказался довольно безобидным. — Я нашел новое определение для телевизора, — пробормотал Джордж. — Это аппарат, который мешает взаимопониманию художника и зрителя.

— Ну, и что же ты будешь делать? — спросила Джин. — Вернешься к обычному театру?

— А почему бы и нет? Именно об этом я и думаю. Помнишь, какое письмо я получил из Новых Афин? Так вот, они опять мне написали. И на этот раз я хочу ответить.

— Вот как? — Джин немножко встревожилась. — По-моему, они там все чокнутые.

— Ну, выяснить это можно только одним способом. В ближайшие две недели съезжу и посмотрю, что там за народ. Имей в виду, то, что они печатают в стихах и в прозе, никаким помешательством не пахнет. И там есть несколько человек по-настоящему талантливых.

— Если ты воображаешь, что я стану стряпать на костре и одеваться в звериные шкуры…

— Не говори глупостей! Все это басни. В Колонии есть все необходимое, чтобы жить по-человечески Просто они отказались от излишней роскоши. И потом, я уже года два не бывал на Тихом океане. Чем плохо съездить туда вдвоем?

— Это пожалуйста, — сказала Джин. — Но я не согласна, чтобы наш сын и Пупса росли дикими полинезийцами.

— Дикими они не вырастут, — сказал Джордж. — Это я тебе обещаю.

И он был прав, хотя и не в том смысле, как думал.

***

— Как вы видели при подлете, наша Колония расположена на двух островах, их соединяет дамба, — сказал малорослый человечек с другого конца веранды. — Этот — Афины, а второй остров мы окрестили Спартой. Он довольно дикий, скалистый, отличное место для спорта и тренировки. — Он мельком глянул на брюшко гостя, и Джордж смущенно поежился в плетеном кресле. — Кстати, Спарта — это потухший вулкан. По крайней мере, геологи уверяют, что он потух, ха-ха!

Но вернемся к Афинам. Как вы догадываетесь, Колония была задумана, чтобы создать независимый прочный очаг культуры, сохраняющей традиции искусства. Надо сказать, прежде чем взяться за это дело, мы провели серьезнейшие исследования. По сути, у нас тут образчик построения общества, основанного на весьма сложных математических расчетах; не стану притворяться, будто я в них разбираюсь. Знаю только, что математики-социологи в точности вычислили, как велико должно быть население Колонии, сколько в ней должно быть людей разного склада, а главное, на каких законах она должна строиться, чтобы оставаться долговременной и устойчивой.

Нами управляет Совет из восьми директоров, они представляют Производство, Энергетику, Общественное устройство, Искусство, Экономику, Науку, Спорт и Философию. Постоянного президента или председателя у нас нет. Эти обязанности несет по очереди

каждый из директоров в течение года.

Сейчас в Колонии чуть больше пятидесяти тысяч человек, совсем немного недостает до идеальной численности. Вот почему мы присматриваем новых добровольцев. И, понятно, есть кое-какие пробелы: нам не хватает некоторых талантливых специалистов.

Здесь, на острове, мы пытаемся сохранить независимость человечества хотя бы в искусстве. Мы не питаем вражды к Сверхправителям, мы просто хотим, чтобы нас предоставили самим себе. Когда Сверхправители отменили старые государства и тот образ жизни, к которому люди привыкли за всю свою историю, вместе с плохим уничтожено было и немало хорошего. Наша жизнь стала безмятежной, но притом безликой, пресной, наша культура мертва: за все время при Сверхправителях не создано ничего нового. И очень ясно, почему. Не к чему больше стремиться, нечего добиваться, и слишком много стало всяческих развлечений. Ведь каждый день радио и телевидение по разным каналам выдают программы общей сложностью на пятьсот часов — вы об этом задумывались? Если даже не спать и ничем другим не заниматься, уследишь едва ли за двадцатой долей всего, чем можно развлечься, стоит только щелкнуть переключателем! Вот человек и становится какой-то губкой: все поглощает, но ничего не создает. Известно ли вам, что сейчас каждый просиживает перед экраном в среднем по три часа в день? Скоро люди вовсе перестанут жить своей жизнью. Будут тратить полный рабочий день, лишь бы не прозевать многосерийную историю какого-нибудь выдуманного семейства!

Здесь, в Афинах, на развлечения тратится не больше времени, чем следует. И это не записи и не пленки, выступают живые артисты. В общине таких размеров спектакли и концерты всегда проходят при почти полном зале, а это так важно для исполнителей и художников. Кстати, у нас превосходный симфонический оркестр, вероятно, один из шести лучших во всем мире.

Но я совсем не хочу, чтобы вы верили мне на слово. Обычно те, кто хочет вступить в Колонию, сначала гостят у нас несколько дней, присматриваются. И если почувствуют, что хотели бы к нам присоединиться, мы им предлагаем ряд психологических тестов; это, в сущности, главная линия нашей обороны. Примерно треть желающих мы отвергаем, обычно по причинам, которые не бросают на них ни малейшей тени и не имеют никакого значения вне Колонии. Те же, кто выдержал испытание, уезжают домой, чтобы уладить все свои дела, а потом возвращаются к нам. Бывает, и не возвращаются, передумывают, но это большая редкость, и почти всегда их удерживают какие-нибудь личные обстоятельства, от них не зависящие. Наши тесты сейчас безошибочны: их неизменно выдерживают люди, которые по-настоящему хотят быть с нами.

— А если кто-нибудь у вас поселится, а потом вдруг передумает? — с тревогой спросила Джин.

— Тогда можно уехать. Никто не помешает. Так бывало раза два.

Наступило долгое молчание. Джин посмотрела на Джорджа: он задумчиво поглаживал бакенбарды — новейшая мода среди людей искусства. Что ж, отступление не отрезано, значит, незачем чересчур беспокоиться. Похоже, эта Колония — занятное место и совсем не такая сумасбродная затея, как она опасалась. А детям тут наверняка понравится. В конце концов, только это и важно.

***

Через полтора месяца они переехали в Колонию. Одноэтажный дом невелик, но для семьи из четырех человек, где пятого заводить не собираются, места вполне достаточно. А вот и все приборы, облегчающие стряпню, уборку и прочее, — по крайней мере, как признала Джин, возврат к средневековому рабству домашней хозяйки ей не грозит. Хотя… тревожило, что тут есть кухня. Обычно в местах, где живет столько народу, работает Линия доставки — набираешь номер Центральной и через пять минут получаешь какое угодно блюдо. Независимость — это прекрасно, со страхом подумала Джин, но тут, кажется,

хватили через край. Уж не предстоит ли ей самой не только стряпать, но и одевать всю семью? Но нет, между автоматической мойкой и радарной плитой прялки все же не оказалось…

Всюду, кроме кухни, в доме, понятно, очень голо и пусто. Они здесь поселились первыми, и не сразу эта аптечной чистоты новизна обратится в теплое человеческое жилье. Дети наверняка, словно закваска, ускорят это превращение. Уже сейчас (чего Джин пока не подозревает) в ванне гибнет злосчастная жертва Джеффри, ибо сей молодой человек не ведает коренной разницы между пресной водой и соленой.

Джин подошла к еще не завешенному окну. Что и говорить, красивые места. Дом стоит на западном склоне невысокого холма — единственного, что поднимается над островом Афины. За два километра к северу видна узкая дамба, она, точно лезвие ножа, рассекает воды океана, по ней можно перейти на Спарту. Этот скалистый остров, увенчанный хмурым конусом вулкана, минутами пугает Джин: слишком он непохож на мирные Афины. Разве могут ученые знать наверняка, что вулкан никогда больше не проснется и не погубит все вокруг?

Но вот вдали замаячил явно неумелый велосипедист: устало поднимается в гору, едет не по дороге, как положено, а в тени пальм. Это Джордж возвращается с первого своего совещания. Хватит предаваться мечтам, в доме работы по горло.

Металлический звон и лязг возвестили о прибытии мужнина велосипеда. Скоро ли они оба научатся ездить как следует, подумала Джин. Вот еще неожиданная особенность островной жизни. Колонистам не разрешено обзаводиться автомобилями, да, строго говоря, и незачем — самый длинный путь по прямой здесь меньше пятнадцати километров. Есть разный общественный транспорт — грузовики, санитарные и пожарные машины, их скорость, кроме случаев крайней необходимости, ограничена: не больше пятидесяти километров в час. А потому жители Новых Афин не страдают от сидячего образа жизни, от заторов на улицах и от аварий и смерти под колесами. Джордж наскоро чмокнул жену в щеку и со вздохом облегчения рухнул в ближайшее кресло.

— Уф! — выдохнул он, утирая пот со лба. — На подъеме меня все обгоняли, так что, видно, привыкнуть все-таки можно. Пожалуй, я уже похудел килограммов на десять.

— А день был удачный? — спросила Джин, как подобает внимательной жене. Она надеялась, что Джордж не слишком вымотался и поможет распаковать вещи.

— Все идет отлично. Познакомился с кучей народу, конечно, и половины не запомнил, но, похоже, все очень славные. И театр хорош, лучше нечего и желать. На той неделе начинаем работать над пьесой Шоу “Назад к Мафусаилу”. На мне декорации и все оформление. Буду сам себе хозяин, не то что прежде, когда десять человек командуют — не делай того, не делай этого. Да, я думаю, нам тут будет хорошо.

— Несмотря на велосипеды?

У Джорджа хватило сил улыбнуться.

— Да, — сказал он, — недели через две мне этот холмик будет нипочем.

Он не совсем в это верил, но оказался прав. Однако прошел еще целый месяц, прежде чем Джин перестала горевать о машине и ей открылось, какие чудеса можно творить у себя на кухне.

***

Новые Афины возникли и развивались не так естественно, сами собой, как античный город, чье имя они переняли. Устройство Колонии, продуманное и рассчитанное до мелочей, стало плодом многолетних исследований; тут поработали в содружестве поистине замечательные люди. Поначалу это был прямой заговор против Сверхправителей, в котором крылся вызов если не их могуществу, то их политике. И на первых порах зачинатели Колонии почти не сомневались, что Кареллен сокрушит их планы, однако Попечитель пальцем не шевельнул, будто ничего и не заметил. Но это и не так уж успокаивало, как

можно бы предполагать. Кареллену спешить некуда, быть может, он только еще готовит ответный удар. А может быть, он убежден, что их затея все равно обречена на провал и ему незачем вмешиваться.

Что Колонию ждет провал, предсказывали почти все. Но ведь и в далеком прошлом, когда люди еще понятия не имели о закономерностях общественного развития, немало зарождалось общин, вдохновляемых религиозными или философскими целями. Правда, в большинстве они оказывались недолговечными, но были и жизнеспособные. А Новые Афины опираются на самые прочные устои, какие только способна выработать современная наука.

На острове Колонию основали по многим причинам. Немаловажны были соображения чисто психологические. Конечно, в век общедоступных воздушных сообщений перемахнуть через океан ничего не стоит, а все же чувствуешь себя отгороженным. Притом, поскольку размеры острова ограничены, Колония не станет чересчур многолюдной. Население не должно превышать ста тысяч человек, иначе утрачены будут преимущества небольшой сплоченной общины. Среди прочего, основатели ее стремились к тому, чтобы в Новых Афинах каждый мог познакомиться со всеми, кто разделяет его склонности и интересы, и еще с двумя-тремя процентами остальных колонистов.

Начало Колонии положил некий новый Моисей. И, подобно Моисею, он не дожил до вступления в землю обетованную — Колония основана была через три года после его смерти.

Он родился в стране, которая одной из последних обрела самостоятельность, а потому и век этого государства оказался самым коротким. Быть может, потому-то конец национальной независимости здесь переживали тяжелей, чем где-либо еще: горько утратить мечту, едва она сбылась, когда стремились к ней столетиями.

Бен Саломон не был фанатиком, но, должно быть, воспоминания детства в значительной мере определили философию, которую ему суждено было претворить в действие. Он еще помнил, каков был мир до прибытия Сверхправителей, и вовсе не желал вернуть его. Как многие разумные люди доброй воли, он вполне способен был оценить все, что сделал Кареллен для человечества, однако с тревогой гадал, какова же в конечном счете цель Попечителя. Быть может, думалось ему порой, при всем своем всеобъемлющем уме, при всех познаниях Сверхправители, по сути, не понимают людей и из лучших побуждений совершают жестокую ошибку? А вдруг, самоотверженно преданные порядку и справедливости, решив преобразить наш мир, они не поняли, что при этом разрушают человеческую душу?

Упадок едва наметился, однако нетрудно было уловить первые признаки вырождения. Саломон, сам не художник, но тонкий знаток и ценитель искусства, понимал, что его современники ни в одной области не могут тягаться с великими мастерами прошлого. Быть может, в дальнейшем, когда забудется потрясение от встречи с цивилизацией Сверхправителей, все уладится само собой. А может быть, и нет — и человеку предусмотрительному на всякий случай следует застраховаться.

Такой страховкой и стали Новые Афины. На их создание потребовались двадцать лет и несколько миллиардов фунтов — не так уж много при том, как богат стал мир. За первые пятнадцать лет ничего не изменилось; за последние пять произошло очень многое.

Саломон ровным счетом ничего не достиг бы, не сумей он убедить горсточку всемирно знаменитых людей искусства, что замысел его разумен и осуществим. Они откликнулись не потому, что задуманное важно для всего человечества, откликнулось, скорее, некоторое честолюбие, творческое “я” каждого. Но, когда они прониклись этой мыслью, к ним прислушался весь мир и поддержал их сочувствием и деньгами. Так возведен был блистательный фасад таланта и страсти, а за ним осуществляли свой план подлинные строители Колонии.

Всякое общество состоит из отдельных людей, и поведение каждого в отдельности непредсказуемо. Но, если взять достаточное число человек из основных категорий, начинают

проявляться какие-то общие законы — это давным-давно открыли общества по страхованию жизни. Нет никакой возможности предсказать, кто именно умрет за такой-то срок, но общее количество смертей можно предвидеть довольно точно.

Есть и другие, менее очевидные закономерности; впервые их уловили в начале двадцатого века математики — Винер, Рашавески. Они утверждали, что такие явления, как экономические кризисы, последствия гонки вооружений, устойчивость общественных групп, результаты парламентских выборов и прочее поддаются чисто математическому анализу. Серьезную трудность тут представляет огромное количество переменных величин, причем многие из них весьма сложно выразить в числовых понятиях. Нельзя просто начертить серию кривых и заявить безоговорочно: “Когда будет достигнута эта линия, начнется война”. И нельзя начисто сбрасывать со счетов полнейшие неожиданности, к примеру убийство важнейшего политического деятеля, или следствия какого-нибудь научного открытия, а тем более — стихийных бедствий вроде землетрясений или наводнений, а между тем такие события могут решающим образом повлиять на большие массы людей и целые пласты общества.

И все же знания, терпеливо собранные за последнее столетие, позволяют достичь многого. Задача была бы невыполнимой, если бы не помощь громадных вычислительных машин, способных за несколько секунд сделать расчеты, на которые иначе пришлось бы затратить труд тысяч людей. Их-то помощью всемерно и пользовались те, кто создавал план Колонии.

Но и при этом основатели Новых Афин только подготовили почву и климат для растения, которое они жаждали взлелеять, — быть может, оно расцветет, а может быть, и нет. Как сказал однажды сам Сало-мон, “мы можем быть уверены в таланте, но о гении остается только молиться”. Были, однако, все основания надеяться, что в столь насыщенном растворе начнутся любопытные химические реакции. Мало кто из художников процветает в одиночестве, зато какие живые искры высекает столкновение умов, объединенных сходными интересами.

Такие столкновения уже породили кое-что достойное внимания в области скульптуры, музыки, литературной критики и кино. Еще рано было судить, оправдают ли историки надежды своих вдохновителей, которые откровенно стремились вновь пробудить в человечестве гордость за былые свои свершения. Живопись пока что прозябала, подтверждая этим взгляды теоретиков, которые полагали, что у статичных, плоскостных форм искусства нет будущего.

Стали замечать, хотя убедительного объяснения пока не находилось, что в самых выдающихся произведениях искусства, созданных колонистами, важнейшую роль играет время. Даже скульптура редко оставалась неподвижной. Загадочные изгибы и извивы творений Эндрю Карсона медленно изменялись на глазах зрителя, согласно сложному замыслу, быть может, не совсем понятному и все же увлекающему. А сам Карсон утверждал, и в этом есть доля истины, что довел до логического завершения абстрактные композиции прошлого века и тем самым сочетал скульптуру с балетом.

В музыкальной жизни Колонии велись тщательные исследования того, что можно назвать “протяженностью времени”. Каков самый краткий звук, доступный нашему восприятию, и каков самый долгий, который не успевает наскучить? Можно ли менять эти величины, варьируя силу звука или преобразуя оркестровку? Подобные вопросы обсуждались бесконечно, и доводы тут были не просто теоретические. Из этих споров родилось несколько на редкость интересных произведений.

Но всего удачней оказались опыты Новых Афин по части мультфильма с его поистине неограниченными возможностями. Сто лет минуло со времен Диснея, а чудеса этого самого гибкого и выразительного из искусств все еще не исчерпаны. Оно может оставаться и чисто реалистическим, и тогда плоды его неотличимы от обыкновенной фотографии, к величайшему презрению поборников абстрактной мультипликации.

Больше всего привлекала, но и пугала группа художников и ученых, которая пока что

создала меньше всего. Эти люди добивались “полного слияния”. Ключ к их работе дала история кино. Сначала звук, затем цвет, затем стереоскопия и, наконец, синерама шаг за шагом приближали старинные “движущиеся картинки” к подлинной жизни. Чем же это кончится? Без сомнения, можно достичь большего: зрители забудут, что они только зрители, и сами станут участниками фильма. Для этого пришлось бы воздействовать рещительно на все чувства, а пожалуй, подключить и гипноз, но многие считали, что это вполне осуществимо. Если цель эта будет достигнута, невообразимо богаче станет жизненный опыт человека. Каждый сможет стать хотя бы на — время кем угодно другим и пережить все мыслимые и немыслимые события и приключения, подлинные или воображаемые. Можно даже превратиться в растение или животное, лишь бы удалось уловить и записать чувственные восприятия не только человека, но любого живого существа. И когда “программа” кончится, у зрителя останется воспоминание столь же яркое, как о любом событии, пережитом на самом деле, — попросту неотличимое от действительности.

Ослепительное будущее. Многих оно страшило, и они надеялись, что затея не удастся. Но в глубине души и они понимали: раз наука считает что-то осуществимым, в конце концов это неизбежно сбудется…

Таковы были Новые Афины и таковы иные их мечты. Они надеялись стать тем, чем были бы Афины античных времен, обладай они вместо рабов машинами и вместо суеверий наукой. Но еще слишком рано было судить, увенчается ли опыт успехом.

16

Джеффри Грегсон был единственным островитянином, кого пока ничуть не интересовали ни эстетика, ни наука — два главных предмета, которые поглощали его родителей. Но по сугубо личным причинам он всей душой одобрял Колонию. Его околдовало море; до моря, в какую сторону ни пойдешь, всего-то считанные километры. Почти всю свою короткую жизнь Джеффри провел далеко от любых берегов и еще не освоился с новым, удивительным ощущением, когда вокруг вода. Он хорошо плавал и нередко, захватив ласты и маску, с приятелями пускался на велосипеде исследовать ближнюю мелководную лагуну. Сперва Джин беспокоилась, а потом несколько раз ныряла и сама, после чего перестала бояться моря и его странных обитателей и позволила сыну развлекаться как угодно при одном условии: никогда не плавать в одиночку.

Весьма одобрял новое место жительства другой домочадец Грегсонов — золотистая красавица собака породы ретривер по кличке Фэй; хозяином ее считался Джордж, но ее редко удавалось отозвать от Джеффри. Эти двое не разлучались целыми днями, не разлучались бы и ночью, но тут Джин была непреклонна. Лишь когда Джеффри уезжал из дому на велосипеде, Фэй оставалась дома — лежала у порога, ко всему равнодушная, уронив морду на передние лапы, и неотрывно смотрела на дорогу влажными скорбными глазами. Джордж бывал этим несколько уязвлен: Фэй и ее родословная обошлись ему в кругленькую сумму. Видно, надо дождаться следующего поколения — оно ожидается через три месяца, — и лишь тогда у него появится своя собственная собака. У Джин на этот счет были другие взгляды. Фэй очень мила, но, право же, в доме можно обойтись без второй собаки.

Одна только Дженнифер Энн пока не решила, нравится ли ей в Колонии. И неудивительно: до сих пор она во всем мире только и видела пластиковые стенки своей кроватки и еще не подозревала, что за этими стенками существует какая-то Колония.

***

Джордж Грегсон не часто задумывался о прошлом, он слишком поглощен был планами на будущее, слишком занят своей работой и детьми. Очень редко возвращался он мыслями к тому вечеру в Африке, много лет назад, и никогда не говорил о нем с Джин. Они словно сговорились обходить тот случай молчанием и ни разу больше не навещали Бойсов, которые

опять и опять их приглашали. По нескольку раз в год они звонили Руперту и под разными предлогами уклонялись от визитов, и в конце концов он оставил их в покое. Брак его с Майей, ко всеобщему немалому удивлению, все еще оставался прочным и счастливым.

У Джин после того вечера пропала всякая охота соваться в загадки, таящиеся за пределами науки. От простодушного, доверчивого удивления, что влекло ее к Руперту и его опытам, не осталось и следа. Быть может, тот случай убедил ее, и она больше не нуждалась в доказательствах, — об этом Джордж предпочитал не спрашивать. Столь же вероятно, что забота о детях вытеснила из ее мыслей прежние увлечения.

Джордж понимал, нет никакого толку биться над загадкой, которую все равно не решить, но иногда в ночной тишине просыпался и снова спрашивал себя о том же. Вспоминал встречу с Яном Родриксом на крыше Рупертова дома и немногие слова, которыми обменялся он с единственным человеком, кому удалось преступить запрет Сверхправителей. В царстве сверхъестественного, думалось Джорджу, не сыщешь ничего настолько до жути поразительного, как вот эта простая, научно установленная истина: почти десять лет прошло после того разговора с Яном, а меж тем этот невообразимо далекий ныне странник стал старше всего на несколько дней.

Вселенная необъятна, но это не так страшит, как ее таинственность. Джордж не из тех, кто глубоко задумывается над подобными вопросами, а все же ему порой кажется, что люди Земли — всего лишь дети, резвящиеся на какой-то площадке для игр, надежно отгороженной от грозного внешнего мира. Ян Родрикс взбунтовался против этой защищенности и ускользнул — бежал в неведомое. Но в этих делах он, Джордж, на стороне Сверхправителей. У него нет ни малейшего желания столкнуться с тем, что скрывается там, во тьме неизведанного, вне тесного кружка света, отброшенного светильником Науки.

***

— Что ж такое, — пожаловался Джордж. — Когда уж я попадаю домой, Джеф непременно где-то гоняет. Куда он сегодня девался?

Джин подняла глаза от вязанья — это старинное занятие недавно возродилось с большим успехом. Подобные моды сменялись на острове довольно быстро. Благодаря упомянутому новому увлечению всех мужчин одарили многоцветными свитерами — в дневную жару надевать их было невозможно, а после захода солнца в самый раз.

— Джеф укатил с приятелями на Спарту, — ответила Джин мужу. — Обещал вернуться к обеду.

— Вообще-то я пришел домой поработать, — в раздумье сказал Джордж, — но уж очень славный денек, пожалуй, пойду и сам искупаюсь. Какую рыбу тебе принести?

Джордж еще ни разу не вернулся домой с уловом, да и не ловилась рыба в лагуне: чересчур была хитра. Джин уже хотела ему об этом напомнить, но внезапно послеполуденную тишину потряс звук, который даже в нынешние мирные времена леденил кровь и сжимал сердце тисками недоброго предчувствия. То взвыла сирена — нарастая, замирая и вновь нарастая, кругами разлеталась все шире над морем весть об опасности.

***

Почти столетие медленно накапливалось давление в раскаленной тьме глубоко под дном океана. С тех пор, как здесь образовался подводный каньон, минули геологические эпохи, но истерзанные скалы так и не примирились с новым своим положением. Множество раз несчетные глубинные пласты трескались и колебались под невообразимой тяжестью вод, нарушающей их непрочное равновесие. И сейчас они вновь готовы сместиться.

Джеф обследовал каменистые ложбинки вдоль узкого берега Спарты — что может быть увлекательней? Никогда не угадать заранее, какие чудо-существа укрылись тут от могучих валов, которые неустанно накатывают с Тихого океана и разбиваются о рифы. Это

волшебная страна для каждого мальчишки, и сейчас Джеф владеет ею один: друзья ушли в горы.

День тихий, спокойный. Ни ветерка, и даже вечный ропот волн за рифами сегодня как-то задумчиво приглушен. Палящее солнце еще только на полпути к закату, но Джефу, высмугленному загаром до цвета красного дерева, уже не страшны самые жгучие лучи.

Берег здесь — узкая песчаная полоска; он круто спускается к лагуне. Вода прозрачна как стекло, в ней ясно видны камни, знакомые Джефу не хуже любого валуна и пригорка на суше. На глубине метров десяти покрытый водорослями остов старой-престарой шхуны выгнулся навстречу миру, откуда он канул на дно добрых двести лет назад. Джеф с друзьями не раз обследовал эти древние останки, но неведомых сокровищ так и не нашлось. Только и добыли сплошь обросший ракушками компас.

И вдруг нечто взялось за берег уверенной хваткой и встряхнуло — один только раз. Дрожь мигом прошла, и Джеф подумал, может, ему это почудилось. Пожалуй, просто на миг закружилась голова, ведь нигде ничего не изменилось. Воды лагуны по-прежнему как зеркало, в небесах ни облачка, ничего угрожающего… А потом начало твориться что-то очень странное.

Вода отступала от берега, да так быстро, как никогда еще не бывало при отливе. Очень удивленный, но ничуть не испуганный, Джеф смотрел, как обнажается и сверкает на солнце мокрый песок. И пошел вслед за откатывающимся океаном: нельзя ничего упустить, мало ли какие чудеса подводного мира сейчас откроются. А лагуна совсем обмелела, мачта затонувшей шхуны уже торчит над водой и поднимается все выше, и водоросли на ней, лишенные привычной опоры, бессильно поникли. Джеф заторопился — скорей, скорей, впереди ждут неведомые открытия.

И тут до его сознания дошел странный звук, доносящийся от рифа. Джеф никогда еще такого не слышал и приостановился, пытаясь понять, что это; босые ноги медленно погружались во влажный песок. За несколько шагов от него билась в предсмертных судорогах большая рыбина, но Джеф лишь мельком глянул на нее. Он застыл, настороженно прислушиваясь, а шум, идущий от рифа, все нарастал.

То были странные звуки, и журчащие, и сосущие, словно река устремилась в узкое ущелье. То был гксз ный голос океана, что нехотя отступал, теряя, пупъ ненадолго, пространства, которыми владел по пр^-зу. Сквозь прихотливо изогнутые ветви кораллов, сквозь потаенные подводные пещеры ускользали из лагувы в необъятность Тихого океана миллионы тонн води

Очень скоро и очень быстро они возвратятся.

***

Несколько часов спустя одна из спасательных партий нашла Джефа на громадной глыбе коралла, заброшенной на высоту двадцати метров над обычным уровнем воды. Казалось, он не так уж испуган, только огорчен тем, что пропал его велосипед. Да еще порядком проголодался, ведь часть дамбы рухнула и он оказался отрезан от дома. Когда его нашли, он уже подумывал добраться до Афин вплавь, и доплыл бы, наверно, без особого труда, разве что обычные течения круто повернули бы прочь от берега.

С первой минуты, когда удар цунами обрушился на остров, и до самого конца все происходило на глазах у Джин и Джорджа. Часть Афин, расположенная невысоко над уровнем моря, сильно пострадала, но никто не погиб. Сейсмографы предупредили об опасности всего за четверть часа до катастрофы, но за эти считанные минуты люди успели уйти на высоту, где волна уже не грозила. Теперь Колония зализывала раны и собирала воедино легенды, которые год от году станут внушать все больший трепет.

Когда спасатели вернули Джефа матери, Джин расплакалась: она успела уверить себя, что его унесло волной. Ведь она сама, застыв от ужаса, видела, как с грохотом надвигалась из дальней дали черная, увенчанная белым гребнем водяная стена и, рухнув, всей

брызжущей вспененной громадой придавила подножье Спарты. Невозможно было представить, как успел бы Джеф достигнуть безопасного места.

Не диво, что он не умел толком объяснить, как же это вышло. Когда он поел и улегся в постель, Джин с Джорджем сели подле него.

— Спи, милый, и забудь, что было, — сказала Джин. — Все страшное позади.

— А я не так уж испугался, — запротестовал Джеф. — Было очень занятно.

— Вот и хорошо, — сказал Джордж. — Ты храбрый паренек, и молодец, что сообразил вовремя убежать. Мне уже случалось слышать про цунами. Когда вода отступала, многие шли за ней по открытому дну поглядеть, что такое творится, и их захлестывало.

— Я тоже пошел, — признался Джеф. — Интересно, кто это меня выручил.

— Как выручил? Ты же там был один. Другие ребята ушли в гору.

На лице у Джефа выразилось недоумение.

— Так ведь кто-то мне велел бежать. Джин и Джордж озабоченно переглянулись.

— То есть… тебе что-то послышалось?

— Ах, оставь его сейчас в покое, — с тревогой и, пожалуй, чересчур поспешно перебила Джин.

Но Джордж упорствовал:

— Я хочу разобраться. Объясни по порядку, Джеф, как было дело.

— Ну, я дошел по песку до той разбитой шхуны и вдруг услышал голос.

— Что же он сказал?

— Я не очень помню, что-то вроде: “Джеффри, беги в гору. Здесь оставаться нельзя, ты утонешь”. Но он меня назвал Джеффри, а не Джеф, это точно. Значит, кто-то незнакомый.

— А говорил мужчина? И откуда слышался голос?

— У меня за спиной, совсем близко. И вроде говорил мужчина…

Джеф запнулся, но отец требовал ответа:

— Ну же, продолжай. Представь, что ты опять там, на берегу, и расскажи нам подробно все как было.

— Да вот, какой-то не такой был голос, я раньше такого не слыхал. Наверно, этот человек очень большой.

— А что еще он говорил?

— Ничего… пока я не полез в гору. А тогда опять получилось чудно. Знаешь, там на скале такая тропинка наверх?

— Знаю.

— Я побежал по ней, это самый быстрый путь. Тогда я уже понял, что делается, уже увидал — идет та высокая волна. И она ужасно шумела. И вдруг поперек дороги лежит большущий камень. Раньше его там не было, и смотрю, мне его никак не обойти.

— Наверно, он обрушился при землетрясении, — сказал Джордж.

— Тс-с! Рассказывай дальше, Джеф.

— Я не знал, как быть, и слышу — уже волна близко. И тут голос говорит: “Закрой глаза, Джеффри, и заслони лицо рукой”. Как-то было чудно, но я зажмурился и ладонью закрылся. И вдруг что-то вспыхнуло, чувствую — жарко, открываю глаза — а тот камень пропал.

— Пропал?

— Ну да… просто его уже не было. И я опять побежал, и чуть не сжег себе подошвы: тропинка была ужасно горячая. Вода, когда плеснула на нее, даже зашипела, но меня не достала, я уже высоко поднялся. Вот и все. Потом волны ушли, и я опять спустился. Смотрю: моего велика нету, и дорога домой обвалилась.

— Не огорчайся из-за велосипеда, милый, — Джин благодарно сжала сына в объятиях. — Мы тебе подарим другой. Главное, ты остался цел. Не будем гадать, как да что.

Это, конечно, была неправда: совещание началось, едва родители вышли из детской. Ни до чего они не додумались, однако предприняты были два шага. Назавтра же, ничего не сказав мужу, Джин повела сынишку к детскому психологу. Врач внимательно слушал

Джефа, и тот, нимало не смущенный незнакомой обстановкой, снова рассказал о своем приключении. Затем, пока ничего не подозревающий пациент перебирал и отвергал одну за другой игрушки в соседней комнате, врач успокаивал Джин.

— Нет ни малейших признаков психической ненормальности. Однако не забывайте, он испытал жестокую встряску и перенес ее на редкость безболезненно.

У мальчика богатое воображение, и он, конечно, сам верит в то, что рассказал. Примите эту сказку и не волнуйтесь. Ну, а если уж появятся какие-либо новые симптомы, сразу дайте мне знать.

Вечером Джин передала заключение психолога Джорджу. Он что-то не воспрянул духом, как она надеялась, и Джин решила, что он озабочен ущербом, который потерпело сейчас его любимое детище — театр.

Джордж только пробурчал “Вот и хорошо” и углубился в очередной номер журнала “Сцена и студия”. Казалось, он утратил всякий интерес к происшествию с Джефом, и Джин ощутила даже смутную досаду.

Но три недели спустя, едва починили дамбу, Джордж взял велосипед и помчался на Спарту. Берег все еще засыпан был обломками коралла, а в одном месте, похоже, в самом рифе образовалась пробоина. Любопытно, сколько времени понадобится мириадам терпеливых полипов, чтобы заделать щель, подумалось Джорджу.

По склону утеса, обращенному к морю, вела лишь одна тропка; Джордж немного отдышался и начал взбираться по ней. Между камнями застряли высохшие обрывки водорослей, словно отметка уровня, до которого поднималась вода.

Долго стоял Джордж Грегсон на этой пустынной тропе и не сводил глаз с пролысины оплавленного камня под ногами. Попробовал внушить себе, что это случайный каприз давно заглохшего вулкана, — и отказался от жалкой попытки себя обмануть. Мысль метнулась в прошлое, к тому вечеру, много лет назад, когда они с Джин участвовали в дурацком опыте у Руперта Бойса. Никто так и не понял, что же тогда произошло, но Джордж знал: каким-то непостижимым образом эти два странных случая связаны между собой. Сначала Джин, а вот теперь ее сынишка. Джордж не знал, радоваться или бояться, и в глубине души взмолился:

“Спасибо, Кареллен, за то, что твои собратья помогли Джефу. Только хотел бы я знать, почему они ему помогли”.

Он медленно спустился на берег, а большие белые чайки обиженно вились вокруг него, ведь он не принес им никакого лакомства, ни крошки не бросил, пока они кружили над ним.

17

Хотя подобной просьбы можно было ждать от Кареллена в любую минуту со дня основания Колонии, она произвела впечатление разорвавшейся бомбы. Совершенно ясно: наступает какой-то поворот в судьбе Афин, но как знать, к добру это или к худу?

До сих пор Колония жила по-своему и Сверхправители никак не вмешивались в ее дела. Ее просто оставляли без внимания, как, впрочем, почти всякую деятельность людей, лишь бы она не подрывала порядок и не оскорбляла нравственные понятия Сверхправителей. Можно ли сказать, что Колония стремится подорвать существующий порядок? Колонисты — не политики, но они олицетворяют стремление разума и искусства к независимости. А кто знает, к чему приведет такая независимость? Сверхправители вполне способны предвидеть будущее Афин яснее, чем сами основатели Колонии, и, возможно, это будущее им не по вкусу.

Разумеется, если Кареллен хочет прислать наблюдателя, инспектора, как бы там его ни назвать, ничего не поделаешь. Двадцать лет назад Сверхправители объявили, что перестают пользоваться следящими устройствами и человечеству больше незачем опасаться какого-либо подсматриванья. Но ведь такие устройства существуют — и уж если Сверхправители пожелают за чем-то проследить, от них ничто и не укроется.

Кое-кто на острове радовался предстоящему посещению: вот случай разрешить одну из

загадок психологии Сверхправителей, хоть и второстепенную: как они относятся к Искусству? Не считают ли его ребячеством, заблуждением человечества? Есть ли у них самих какие-либо формы искусства? И если есть, вызван ли этот визит чисто эстетическим интересом или на уме у Кареллена что-то не столь безобидное?

Все это обсуждали без конца, покуда готовились к встрече. О Сверхправителе, который будет гостем Колонии, ничего не знали, но предполагалось, что его способность воспринимать явления культуры безгранична. По крайней мере, можно поставить опыт, и каждую ответную реакцию подопытного кролика будет с интересом наблюдать целый отряд весьма проницательных умов.

Очередным президентом Совета Колонии был в это время Чарлз Ян Сен, философ, человек, от природы склонный к иронии, но отнюдь не к унынию, притом в расцвете лет — ему еще не перевалило за шестьдесят. Платон одобрил бы в нем образцовое сочетание философа и государственного мужа. Сен же не во всем одобрял Платона, ибо подозревал, что тот совершенно неправильно истолковал Сократа. Сен принадлежал к числу островитян, намеренных извлечь как можно больше пользы из предстоящего визита, хотя бы для того, чтобы показать Сверхправителям, что в людях еще жива жажда деятельности и их не удалось, как он выражался, “окончательно приручить”.

Для любого дела в Афинах создавался какой-нибудь комитет, ведь это отличительный признак демократии. Кто-то даже когда-то определил саму Колонию как систему взаимосвязанных комитетов. Но система эта работала успешно, недаром подлинные основатели Афин терпеливо изучали законы общественной психологии. И поскольку общину создали не слишком большую, каждый так или иначе участвовал в управлении, а значит, был гражданином в самом истинном значении этого слова.

Джордж, один из театральных руководителей, почти неминуемо вошел бы в комитет по приему гостя. Но для большей надежности он еще и нажал кое-какие пружины. Сверхправители хотят изучать Колонию, ну а Джордж в той же мере хочет изучать их, Сверхправителей. Жену это его желание совсем не радовало. После памятного вечера у Бойсов она всегда ощущала смутную враждебность к Сверхправителям, хотя никак не умела это объяснить. Ей только хотелось возможно меньше с ними сталкиваться, и жизнь на острове, пожалуй, больше всего тем и привлекала ее, что здесь была желанная независимость. И теперь она боялась, что независимость эта под угрозой.

Гость прибыл безо всякой пышности, на самом обыкновенном флаере человеческого производства, к разочарованию тех, кто ожидал какого-нибудь необычайного зрелища. Возможно, это был Кареллен собственной персоной, — люди так и не научились сколько-нибудь уверенно отличать одного Сверхправителя от другого. Казалось, все они — точная копия одного и того же образца. Быть может, вследствие неведомого биологического процесса так оно и было.

После первого дня колонисты уже почти не замечали негромко рокочущую парадную машину, в которой разъезжал гость, осматривая остров. Имя гостя — Тхантхалтереско — выговорить было нелегко, и его так и окрестили Инспектором. Имя самое подходящее: он был крайне любопытен и ненасытно жаден до статистических данных.

Чарлз Ян Сен совсем изнемог, когда далеко за полночь проводил Инспектора к флаеру — его временному жилищу на острове. Несомненно, здесь Инспектор будет работать и ночью, пока хозяева предаются человеческой слабости — сну.

Миссис Сен насилу дождалась возвращения мужа. Они были любящей парой, хотя, когда в доме собирались друзья, Чарлз шутливо именовал супругу Ксантиппой. Она давно уже пригрозила в отместку поднести ему, как полагается, чашу отвара цикуты, но, по счастью, сей напиток в Новых Афинах был не столь распространен, как в Афинах древности.

— Сошло удачно? — спросила она, когда муж уселся наконец за поздний ужин.

— Кажется, да… хотя невозможно разобрать, что творится в этих мудрых головах. Он, безусловно, многим заинтересовался, даже хвалил. Кстати, я извинился, что не приглашаю его к нам. Он сказал, что это вполне понятно и что у него нет охоты стукаться головой о

наши потолки.

— Что ты ему сегодня показывал?

— Откуда в Колонии хлеб насущный. И ему, похоже, это показалось не такой скучной материей, как мне. Он без конца расспрашивал о производстве, о том, как мы поддерживаем наш бюджет в равновесии, какие у нас минеральные ресурсы, какая рождаемость, откуда берутся продукты питания и прочее. Спасибо, со мной был секретарь Харрисон, уж он-то подготовился, изучил ежегодные отчеты за все время, что существует Колония. Слышала бы ты, как они перебрасывались цифрами. Инспектор выпросил у Харрисона всю эту статистику — и голову даю на отсечение, завтра он сможет сам наизусть назвать нам любую цифру. Такие чудо-способности меня просто угнетают.

Он зевнул и нехотя принялся за еду.

— Завтра будет поинтереснее. Мы побываем в школах и в Академии. Тут уж для разнообразия я сам намерен кое о чем поспрашивать. Хотел бы я знать, как Сверхправители воспитывают своих детей… если у них вообще есть дети.

На этот вопрос Чарлзу Сену так и не довелось получить ответ, но в других отношениях Инспектор оказался на диво словоохотлив. Любо-дорого было смотреть, как искусно уклоняется он от нескромных попыток что-то выведать, а затем, когда и не ждешь, переходит на самый доверительный тон.

Первый подлинно задушевный разговор завязался, когда президент с Инспектором ехали из школы — ею очень гордились в Колонии.

— Готовить юные умы к будущему — огромная ответственность, — заметил доктор Сен. — По счастью, человек существо на редкость выносливое: непоправимый вред может нанести разве что уж совсем скверное воспитание. Даже если мы ошибаемся в выборе цели, маловероятно, чтобы малыши стали жертвами наших ошибок, скорее всего, они их преодолеют. А сейчас, как вы видели, они выглядят вполне счастливыми.

Сен чуть помолчал, лукаво глянул снизу вверх на своего огромного пассажира. Инспектора с головы до пят окутывала ткань с серебристым отливом, защищая все тело от жгучих солнечных лучей. Но доктор Сен знал: большие глаза, скрытые темными очками, следят за ним бесстрастным взглядом… а может быть, этот взгляд и выражает какие-то чувства, но их все равно не разглядеть.

— Мне кажется, задача, которую мы решаем, воспитывая наших детей, очень сходна с той, которая встала перед вами при встрече с человечеством. Вы не согласны?

— В некоторых отношениях согласен, — серьезно сказал Сверхправитель. — А в других, пожалуй, больше сходства с историей ваших колониальных держав. Именно поэтому нас всегда интересовали Римская и Британская империи. Особенно поучителен случай с Индией. Главное различие между нами и англичанами в том, что у них не было серьезных оснований идти в Индию, то есть не было осознанных целей, кроме таких мелких и преходящих, как торговля или вражда с другими европейскими государствами. Они оказались владельцами империи, еще не понимая, что с ней делать, и тяготились ею, пока снова от нее не избавились.

Доктор Сен не устоял перед искушением — слишком удобный представился случай.

— А вы тоже избавитесь от своей империи, когда настанет срок? — спросил он.

— Без малейшего промедления, — ответил Инспектор.

Доктор Сен больше не расспрашивал. Ответ был недвусмысленный и не очень-то лестный; притом они как раз подъехали к Академии, где уже собрались педагоги и готовились испытать все силы ума на живом, настоящем Сверхправителе.

***

— Как уже говорил вам наш уважаемый коллега, — сказал декан Ново-Афинского университета профессор Чанс, — превыше всего мы стараемся поддержать в колонистах живость ума и помочь им развить и применить все их способности. Боюсь, что за пределами

этого острова (взмахом руки он обвел и отстранил всю остальную планету) человечество утратило волю к действию. У людей есть мир, есть изобилие… но некуда стремиться.

— Тогда как здесь, разумеется?.. — учтиво вставил Сверхправитель.

Профессору Чансу не хватало чувства юмора, он и сам это смутно сознавал — и подозрительно глянул на гостя.

— Здесь мы не страдаем от древнего предрассудка, будто праздность — порок. Но мы думаем, что быть просто созерцателями, потребителями развлечений — этого мало. Здесь, на острове, каждый стремится к одной цели, определить ее очень просто. Каждый хочет делать хоть что-то, пусть самую малость, лучше всех. Конечно, это идеал, которого не всем нам удается достичь. Но по нынешним временам главное, чтобы идеал у человека был. Удастся ли его достичь — не столь важно.

Инспектор, видимо, не собирался высказываться по этому поводу. Он сбросил защитный плащ, но темные очки не снял, хотя свет в профессорской пригасили. И декан спрашивал себя, нужны ли очки из-за особенностей зрения гостя или это просто маскировка. Из-за них, конечно, уж вовсе невозможно прочесть мысли Сверхправителя — задача и без того нелегкая. Однако гость как будто не против, что его забрасывают замечаниями, в которых звучит вызов и чувствуется — оратору совсем не нравится политика Сверхправителей по отношению к Земле.

Декан готов был продолжать атаку, но тут в борьбу вмешался директор Управления по делам науки профессор Сперлинг.

— Как вам, без сомнения, известно, сэр, одним из сложнейших противоречий нашей культуры была разобщенность искусства и науки. Я очень хотел бы узнать ваше мнение по этому вопросу. Согласны ли вы, что все люди искусства не вполне нормальны? Что их творчество — или во всяком случае сила, побуждающая их творить, — проистекает из какой-то глубоко скрытой психологической неудовлетворенности?

Профессор Чанс многозначительно откашлялся, но Инспектор его опередил:

— Мне когда-то говорили, что все люди в какой-то мере художники, и каждый человек способен **что-то** создать, хотя бы и на примитивном уровне. Вот, например, вчера я заметил, что в ваших школах особое внимание уделяют тому, как ребенок выражает себя в рисунке, в красках, в лепке. Видимо, стремление к творчеству присуще всем без исключения, даже тем, кто наверняка посвятит себя науке. Стало быть, если все художники не вполне нормальны, а все люди — художники, мы получаем любопытный логический вывод…

Все ждали завершения. Но Сверхправители, когда им это кстати, умеют быть безукоризненно тактичными.

***

Симфонический концерт Инспектор выдержал с достоинством, чего нельзя сказать о многих слушателях-людях. Единственной уступкой привычным вкусам была “Симфония псалмов” Стравинского, остальная программа — воинствующее сверхноваторство. Но как бы ни оценивать программу, исполнялась она блистательно, ведь Новые Афины гордились тем, что в числе колонистов есть несколько лучших музыкантов мира, и это была не пустая похвальба. Между композиторами-соперниками разгорелся ожесточенный спор за честь участвовать в программе, хотя иные циники сомневались, честь ли это. Возможно, Сверхправители начисто лишены музыкального слуха; еще никто ни разу не убеждался в обратном.

Однако после концерта Тхантхалтереско отыскал среди присутствующих трех композиторов и похвалил, как он выразился, их “великую изобретательность”. Услыхав такой комплимент, они удалились, судя по их лицам, польщенные, но и несколько растерянные.

Джорджу Грегсону удалось встретиться с Инспектором только на третий день. В театре посетителя решили угостить не единственным блюдом, но “винегретом”: две одноактных

пьесы, выступление всемирно известного мастера мгновенного перевоплощения, балетная сюита. Все это опять-таки исполнено было с блеском. И пророчество некоего критика “Теперь мы по крайней мере узнаем, умеют ли Сверхправители зевать” не оправдалось. Инспектор даже несколько раз засмеялся — и именно там, где надо.

И все же… почем знать? Вдруг он и сам превосходный актер и следил только за логикой представления, а неведомых его чувств оно никак не затронуло, ведь и антрополог, оставаясь равнодушным, мог бы участвовать в каком-нибудь обряде варварского племени. Да, он издавал подходящие звуки и откликался на все, как от него ждали, но это ровным счетом ничего не доказывает.

Джордж заранее твердо решил поговорить с Инспектором — и потерпел неудачу. После спектакля они только и успели познакомиться, как гостя сразу увлекли прочь. Невозможно было хоть на минуту отделаться от его entourage[10], и Джордж ушел домой жестоко разочарованный. Он сам толком не знал, что скажет Сверхправителю, если и сумеет остаться с ним наедине, но был уверен, что уж как-нибудь да ухитрится завести речь о Джефе. И вот случай упущен.

Два дня Джордж хандрил и злился. Инспекторский флаер отбыл среди несчетных заверений во взаимном уважении; следствие визита обнаружилось позже. Никому и в голову не пришло спрашивать о чем-то Дже-фа, и мальчик, должно быть, долго все обдумывал, прежде чем обратиться к отцу. Вечером, уже перед сном, он спросил:

— Пап, а ты знаешь Сверхправителя, который к нам сюда приезжал?

— Знаю, — хмуро ответил Джордж.

— Ну вот, он приходил к нам в школу, и я слышал, он разговаривал с учителями. Я не понял по-настоящему, что он сказал, а только, мне кажется, голос знакомый. Это он мне велел бежать от той большой волны.

— Ты уверен?

Джеф чуть замялся.

— Ну, не совсем… только если это был не он, значит, другой Сверхправитель. Я подумал, может, надо сказать ему спасибо. Но ведь он уже уехал, да?

— Да, — сказал Джордж. — Боюсь, уже поздно. Но, может быть, мы сумеем его поблагодарить в другой раз. А теперь больше не беспокойся об этом, будь умницей и ложись спать.

Наконец Джефа благополучно отправили в детскую, Джин уложила дочку, вернулась и села на ковер возле мужнина кресла, прислонилась к ногам Джорджа. Эта ее привычка ему казалась нелепо сентиментальной. Но не поднимать же шум из-за пустяка. Он только старался, чтобы коленки его торчали как можно угловатей и неуютней.

— Ну, что ты теперь скажешь? — глухо, устало спросила Джин. — По-твоему, так было на самом деле?

— Было, — сказал Джордж, — но, пожалуй, зря мы беспокоимся. В конце концов, любые родители были бы только благодарны… ну и я, понятно, благодарен. Наверно, все объясняется проще простого. Мы знаем, что Сверхправители заинтересовались Колонией, так уж конечно они наблюдают за ней, хоть и обещали больше не пользоваться своими приборами. Допустим, кто-то из них как раз шарил по острову своим глазастым аппаратиком и увидел, что идет цунами. Вполне естественно предупредить всякого, кому грозит опасность.

— Не забывай, он знал, как зовут Джефа. Нет, за нами следят. Чем-то мы выделяемся, почему-то мы им интересны. Я это давно чувствую, с той самой вечеринки у Руперта. Странно, как она все переменила и в твоей жизни, и в моей.

Джордж посмотрел на нее сверху вниз сочувственно, но не более того. Удивительно, как человек меняется за такой короткий срок. Он очень к ней привязан, она — мать его детей

---

[10] * Окружение, здесь — свита (франц.).

и прочно вошла в его жизнь. Но много ли сохранилось от той любви, какую некто полузабытый, кого звали Джордж Грегсон, питал к выцветающей мечте по имени Джин Моррел? Теперь он делит свою любовь между Джефом и Дженнифер, с одной стороны, и Кэрол — с другой. Навряд ли Джин знает про Кэрол, и непременно надо ей сказать, пока не сказали посторонние. Но почему-то все не удается об этом заговорить.

— Ну, ладно… за Джефом следят… в сущности, его охраняют. А может, нам бы надо этим гордиться? Может быть, Сверхправители готовят ему большое будущее. Хотел бы я знать, какое?

Он понимал, что старается всего лишь успокоить Джин. Сам он не слишком встревожен, просто сбит с толку да любопытство задето. И вдруг новая мысль поразила его, об этом следовало подумать раньше. Джордж невольно посмотрел в сторону детской.

— А может быть, им нужен не только Джеф? — сказал он.

***

Как положено, Инспектор представил отчет о поездке на остров. Дорого бы дали колонисты, чтобы узнать, что там, в отчете. Все цифры и сведения поглотила ненасытная память мощных вычислительных машин, представляющих собою часть — но только часть — незримых сил, которыми распоряжался Ка-реллен. Но еще прежде, чем сделали какие-то выводы бесстрастные электронные умы, Инспектор высказал свои соображения. В переводе на человеческую мысль и речь это прозвучало бы примерно так:

— В отношении Колонии нам незачем принимать какие-либо меры. Эксперимент любопытный, но он никак не может повлиять на будущее. Увлечение искусством нас не касается, а никаких научных исследований в опасных направлениях там, видимо, не ведут.

В соответствии с нашим планом я узнал, как учится и ведет себя Номер Один, не привлекая чьего-либо внимания. Соответствующие данные приложены, и по ним можно убедиться, что пока нет никаких признаков чего-то необычного. Но, как нам известно, Прорыв редко дает о себе знать заранее.

Я встретился также с отцом Номера Первого, и у меня создалось впечатление, что он хочет со мной поговорить. К счастью, мне удалось этого избежать. Несомненно, он что-то подозревает, хотя, разумеется, не может ни угадать истину, ни как-либо повлиять на исход дела.

Чем дальше, тем больше я жалею этих людей.

***

Джордж Грегсон согласился бы с выводом Инспектора, что в Джефе нет ничего необычного. Был только тот непонятный случай, пугающий, как единственный удар грома среди долгого ясного дня. И потом — тишина.

Как всякий семилетний мальчишка, Джеф — сгусток энергии и пытливости. Он умен — когда дает себе труд быть умным, — но ему не грозит опасность обернуться гением. Иногда кажется, чуть устало думала Джин, будто ее сын в точности сделан по классическому рецепту: “Что такое мальчик? Шум и крик в оболочке из грязи”. Впрочем, насчет грязи не сразу скажешь с уверенностью, немало ее должно накопиться, пока она станет заметна на дочерна загорелой коже.

Джеф то ласков, то угрюм, то замкнут, то весь нараспашку. Незаметно, чтобы он больше любил мать, чем отца, или наоборот, и появление младшей сестренки не вызвало у него ни малейшей ревности. Он безупречно здоров: за всю жизнь ни дня не болел. Но по нынешним временам и при здешнем климате удивляться тут нечему.

В отличие от некоторых мальчишек, Джеф не скучает в обществе отца и не спешит удрать от него к сверстникам. Он явно унаследовал художнический дар Джорджа и чуть ли не сразу, как научился ходить без спутников, стал завсегдатаем кулис в театре Колонии. А

театр его признал словно бы живым талисманом, приносящим счастье; и он уже наловчился подносить букеты заезжим звездам сцены и экрана.

Да, Джеф самый обыкновенный мальчишка. В этом опять и опять уверял себя Джордж, когда они вдвоем бродили или катались на велосипедах по не слишком просторному, в общем-то, острову. Они разговаривали, как спокон веку разговаривают сыновья и отцы, только время иное, и теперь куда больше есть о чем поговорить. Хотя Джеф никогда не уезжал с острова, вездесущее око — экран телевизора — помогает ему всласть наглядеться на окружающий мир. Как и все в Колонии, он немножко презирает остальное человечество. Колонисты — избранники, передовой отряд прогресса. Они приведут род людской к высотам, которых достигли Сверхправители, а быть может, и выше. Конечно, еще не завтра, но настанет день…

Они и не подозревали, что день этот настанет слишком быстро.

18

Спустя полтора месяца начались сны.

Во тьме субтропической ночи Джордж Грегсон медленно всплыл из глубины сна. Не понял, что его разбудило, и минуту — другую лежал в тупом недоумении. Потом сообразил: он один. Джин встала, неслышно ушла в детскую. И тихо разговаривает с Джефом, слишком тихо, слов не разобрать.

Джордж тяжело поднялся и пошел следом за женой. Из-за Пупсы такие ночные путешествия не редкость, но она-то поднимает такой шум и рев, поневоле проснешься. А тут ничего похожего, и непонятно, что разбудило Джин.

В детской полумрак, только слабо лучатся светящиеся узоры на стенах. И при этом приглушенном свете Джордж увидел — Джин сидит подле кровати Джефа. Обернулась, шепнула:

— Смотри, не разбуди Пупсу.

— Что случилось?

— Я поняла, что нужна Джефу, и проснулась.

Сказано так просто, будто все само собой разумеется… у Джорджа засосало под ложечкой от недоброго предчувствия. “Поняла, что нужна Джефу”. А как ты это поняла, спрашивается? Но вслух он спросил только:

— Разве прежде у него бывали кошмары?

— Не думаю, — сказала Джин. — Сейчас как будто все прошло.

Но сперва я увидела, он испугался.

— И совсем я не испугался, мамочка, — с досадой перебил тихий голосок. — Просто там было очень странно.

— Где это “там”? — спросил Джордж. — Расскажи-ка толком.

— Стояли горы, — словно сквозь сон сказал Джеф. — Высокие-высокие, снега на них нет, а раньше сколько я видел гор, на них всегда снег. И некоторые горели.

— Значит, это были вулканы?

— Не настоящие вулканы. Они все горели, сверху донизу, такие на них чудные синие огоньки. Я смотрел, и тут взошло солнце…

— А дальше что? Почему ты замолчал?

Джеф растерянно посмотрел на отца.

— Вот это тоже непонятное, папа. Солнце поднялось быстро-быстро, и оно было слишком большое. И… и какого-то не такого цвета. Голубое, очень красивое.

Настало долгое, леденящее душу молчание. Потом Джордж спросил негромко:

— Это все?

— Да. Как-то мне стало тоскливо, и тогда пришла мама и меня разбудила.

Джордж взъерошил растрепанные волосы сына, другой рукой плотнее запахнул халат. Вдруг пробрало холодом, и он почувствовал себя маленьким и слабым. Но когда он опять

заговорил с Джефом, голос его ничего такого не выдал.

— Просто тебе приснился глупый сон, надо поменьше есть за ужином. Выкинь все это из головы и спи, будь умницей.

— Хорошо, папа, — отозвался Джеф. Минуту помолчал и прибавил задумчиво: — Надо бы еще разок там побывать.

***

— Голубое солнце? — всего лишь несколько часов спустя переспросил Кареллен. — Тогда совсем несложно определить, где это.

— Да, — сказал Рашаверак. — Несомненно, Альфанидон-два. И Серные горы это подтверждают. Любопытно отметить, как исказились масштабы времени. Планета вращается довольно медленно, так что он, видимо, за считанные минуты наблюдал многие часы.

— Больше ты ничего не мог узнать?

— Нет, если не расспрашивать ребенка в открытую.

— Этого мы не смеем. Все должно идти своим чередом, нам нельзя вмешиваться. Вот когда к нам обратятся родители… тогда, пожалуй, можно будет его расспросить.

— Может быть, они к нам и не придут. Или придут слишком поздно.

— Боюсь, тут ничего не поделаешь. Надо всегда помнить, при этих событиях наше любопытство не имеет значения. Оно значит не больше, чем счастье человечества. — Кареллен протянул руку, готовясь отключить связь. — Разумеется, продолжай наблюдать и обо всем докладывай мне. Но никакого вмешательства.

***

Между тем, когда Джеф не спал, он как будто оставался прежним мальчишкой. И на том спасибо, думал Джордж. Но в душе его нарастал страх.

Для Джефа то была просто игра, он пока ничуть не боялся. Сон это сон, только и всего, какой бы он ни был странный. Джефу больше не становилось тоскливо в мирах, которые открывались ему во сне. Лишь в ту первую ночь он мысленно позвал Джин через неведомые разделившие их бездны. А теперь один бесстрашно странствовал во Вселенной, которая перед ним раскрывалась.

По утрам родители расспрашивали его, и он рассказывал, сколько мог припомнить. И порой сбивался, не хватало слов описать увиденное — такое, чего не только сам не встречал наяву, но что бессильно себе представить человеческое воображение. Отец и мать подсказывали ему новые слова, показывали картинки и краски, пытаясь подхлестнуть его память, и, как могли, составляли из его ответов связные образы. Зачастую получалось нечто совершенно непонятное, хотя, видно, самому Джефу миры его снов представлялись ярко и отчетливо. Просто он не мог передать эти образы родителям. Впрочем, иные оказывались довольно ясными…

***

Пустота — никакой планеты, ни гор, ни равнин вокруг, никакой почвы под ногами. Только звезды в бархатной тьме, и среди них громадное красное солнце, оно пульсирует, бьется, точно сердце. Вот оно, огромное, но бледное, а потом понемногу съеживается и в то же время разгорается ярче, словно внутреннему его пламени подбавилось горючего. И окраска меняется: вот оно уже не красное, а оранжевое, потом почти желтое, медлит на грани желтизны — и всё поворачивает вспять, звезда расширяется, остывает, сызнова становится косматым кроваво-красным облаком…

(— Классический образчик пульсирующей переменной, — обрадовался Рашаверак. — И к тому же увиденный при неимоверном ускорении времени. Не могу определить точно, но,

судя по описанию, ближайшая такая звезда — Рамсандрон-девять. А может быть, это Фаранидон-двенадцать.

— Та ли, эта ли звезда, но он уходит все дальше, — заметил Кареллен.

— Много дальше, — сказал Рашаверак…)

***

Тут было совсем как на Земле. Ярко-белое солнце повисло на синем небе в крапинках несущихся по ветру облаков. У подножия некрутой горы пенится исхлестанный бешеным ветром океан. Ветер, но ничто не шелохнется, все застыло — недвижимо, будто мелькнуло при вспышке молнии. А далеко-далеко на горизонте такое, чего на Земле не увидишь: вереница туманных, чуть сужающихся кверху колонн, они вырастают из воды и тонут вершинами в облаках. Они идут на равном расстоянии друг от друга по краю всей планеты, такие громадные, что никто не мог бы их построить, и все же такие одинаковые, что не могли появиться сами собой.

(— Сиденеус-четыре и Рассветные столпы, — голос Рашаверака дрогнул. — Он достиг центра Вселенной.

— А ведь его путешествие только начинается, — сказал Кареллен.)

***

Планета была совсем плоская. Непомерное тяготение давным-давно сплющило и сровняло с поверхностью горы былой ее огненной юности — горы, чьи самые могучие вершины и тогда не превышали нескольких метров. И однако здесь была жизнь: все покрывали мириады словно бы с помощью линейки и циркуля вычерченных узоров, они двигались, переползали с места на место, меняли окраску. Это был мир двух измерений, и населяли его существа толщиной в малую долю сантиметра.

А в небе этого мира пылало солнце, какое не привиделось бы и курильщику опиума в самых безумных грезах. Раскаленный даже не добела, а еще того больше, жгучий, почти уже ультрафиолетовый, призрак этот опалял свои планеты смертоносным излучением, которое вмиг уничтожило бы на Земле все живое. На миллионы километров вокруг простирались завесы газа и пыли и, прорезаемые вспышками ультрафиолета, лучились неисчислимыми переливами красок. Рядом с этой звездой бледное светило Земли показалось бы слабеньким, точно светлячок в полдень.

(— Гексанеракс-два, такого больше нет нигде в изученной Вселенной, — сказал Рашаверак. — Очень немногие наши корабли там бывали, и никто не решился на высадку, ведь никому и в голову не приходило, что на таких планетах возможна жизнь.

— По-видимому, вы, ученые, оказались не такими дотошными исследователями, какими себя считали, — заметил Кареллен. — Если эти… эти узоры… разумны, любопытно было бы установить с ними контакт. Хотел бы я знать, известно ли им что-нибудь о третьем измерении?)

***

Этот мир не ведал, что значат день и ночь, годы и времена года. Его небо делили между собою шесть разноцветных солнц, и темноты здесь не бывало, лишь менялось освещение. Спорили друг с другом, сталкивались или тянули каждое к себе различные поля тяготения, и планета странствовала по изгибам и петлям невообразимо сложной орбиты, никогда не возвращаясь на однажды пройденный путь. Каждый миг — единственный и неповторимый: рисунок, который образуют сейчас в небе шесть солнц, уже не возобновится до конца времен.

Но даже и здесь существует жизнь. Быть может, в какую-то эпоху планета

обугливалась от близости к своим светилам, а в другую леденела, удаляясь от них едва ли не за пределы досягаемости, и, однако, наперекор всему, на ней обитает разум. Громадные многогранные кристаллы стоят группами, образуя сложные геометрические узоры; в эру холода они недвижны, а когда планета снова прогревается, медленно растут вдоль минеральных жил, что их породили. Пусть на то, чтобы додумать мысль, они потратят тысячелетие, что за важность. Вселенная еще молода, и впереди у них — Время, а ему нет конца…

(— Я пересмотрел все отчеты, — сказал Рашаверак. — Нам не известны ни такая планета, ни такое сочетание солнц. В пределах нашей Вселенной астрономы обнаружили бы такую систему, будь даже она недосягаема для наших кораблей.

— Значит, он уже вышел за пределы Галактики.

— Да. Конечно, теперь ждать уже недолго.

— Кто знает? Он только видит сны. А когда просыпается, он все еще такой, как был. Это лишь первая фаза. Когда начнется перемена, мы очень быстро об этом узнаем.)

***

— Мы уже знакомы, мистер Грегсон, — серьезно сказал Сверхправитель. — Меня зовут Рашаверак. Несомненно, вы помните нашу встречу.

— Да, — сказал Джордж. — На вечере у Руперта Бойса. Вряд ли я мог бы забыть. И я подумал, что надо бы увидеться еще раз.

— Скажите, а почему вы просили, чтобы я с вами встретился?

— Я думаю, вы уже сами знаете.

— Возможно. И все-таки нам обоим будет легче разобраться, если вы сами мне скажете. Пожалуй, вас это сильно удивит, но я тоже стараюсь понять, что происходит, и в некоторых отношениях знаю так же мало, как и вы.

Изумленный, Джордж во все глаза смотрел на Сверхправителя. Этого он никак не ждал. В подсознании его жила уверенность: Сверхправители всеведущи и всемогущи, им совершенно ясно, что творится с Джефом, и, скорее всего, они сами же в этом повинны.

— Как я понимаю, — сказал он, — вы видели записи, которые я передал психологу Колонии, а стало быть, знаете, какие нашему сыну снятся сны.

— Да, о снах мы знаем.

— Я никогда не верил, что это просто детские фантазии. Они до того неправдоподобны, что… конечно, звучит нелепо, но у них наверняка есть какая-то реальная основа, иначе им неоткуда взяться.

Он впился взглядом в Рашаверака, сам не зная, ждет ли подтверждения или отрицания. Сверхправитель промолчал, большие глаза его спокойно смотрели на Джорджа. Собеседники сидели почти лицом к лицу: в комнате, явно предназначенной для таких вот свиданий, пол на двух разных уровнях, и массивный стул Сверхправителя стоит на добрый метр ниже, чем стул Джорджа. Этот знак дружелюбного внимания подбадривает, ведь у людей, которые просят о подобной встрече, чаще всего не слишком легко на душе.

— Мы беспокоились, но сначала всерьез не испугались. Когда Джеф просыпался, в нем ничего необычного не было заметно, и эти сны как будто его не тревожили. А потом раз ночью… — Джордж запнулся, поглядел на Сверхправителя, словно бы оправдываясь. — Я никогда не верил в сверхъестественные силы. Я не ученый, но, думаю, для всего на свете есть какое-то разумное объяснение.

— Правильно, — сказал Рашаверак. — Я знаю, что вы тогда видели, я наблюдал.

— Так я и думал. А ведь Кареллен обещал, что ваши аппараты больше не будут за нами шпионить. Почему вы нарушили обещание?

— Я его не нарушал. Попечитель сказал, что за людьми мы больше следить не станем. Мы сдержали слово. Я наблюдал не за вами, а за вашими детьми.

Не сразу до Джорджа дошел смысл услышанного. Потом он медленно побледнел, в

лице не осталось ни кровинки.

— То есть… — он задохнулся. Голос изменил ему, пришлось начать сызнова: — Тогда кто же они, мои дети?

— Вот это мы и стараемся узнать, — очень серьезно сказал Рашаверак.

***

Дженнифер Энн Грегсон, до последнего времени известная под именем Пупсы, лежала на спине, крепко зажмурясь. Она давно уже не открывала глаз и никогда больше не откроет: зрение для нее теперь так же излишне, как для наделенных многими иными чувствами созданий, населяющих непроглядную пучину океана. Она и так разбирается в окружающем мире и еще во многом сверх того.

По непонятной прихоти развития у нее с мимолетной поры младенчества сохранилась лишь одна привычка. Погремушка, что приводила ее когда-то в восторг, теперь не умолкает, отбивая сложный, поминутно меняющийся ритм. Эти странные синкопы разбудили Джин среди ночи, и она кинулась в детскую. Но не только необычные звуки заставили ее отчаянным криком звать Джорджа, а еще и то, что она увидела.

Самая обыкновенная ярко раскрашенная погремушка висела в воздухе, в полуметре от какой-либо опоры, и знай отстукивала свое, а Дженнифер Энн лежала в кроватке, туго сплетя пухлые пальчики, и мирно, счастливо улыбалась.

Она начала позже, но продвигалась быстро. Скоро она опередит брата, ведь ей гораздо меньше надо разучиваться.

***

— Вы очень разумно поступили, что не тронули игрушку, — сказал Рашаверак. — Вряд ли вы бы сумели ее сдвинуть. Но если бы вам это удалось, девочка, пожалуй, была бы недовольна. И право, не знаю, что бы тогда случилось.

— Так значит, вы ничего не можете сделать? — тупо спросил Джордж.

— Не хочу вас обманывать. Мы только изучаем и наблюдаем. Но вмешаться мы не можем, потому что не можем понять.

— Да как же нам быть? И почему такое стряслось именно с нами?

— С кем-то это должно было случиться. Вас ничто не отличает от других, как ничто не отличает первый нейтрон, с которого начинается цепная реакция в атомной бомбе. Просто он оказался первым. Ту же роль сыграл бы любой другой нейтрон… вот и на месте Джеффри мог оказаться кто угодно другой. Мы называем это Всеобъемлющим Прорывом. Больше ничего не надо скрывать, и меня это только радует. Мы ждали Прорыва с тех самых пор, как пришли к Земле. Невозможно было предсказать, когда и где он начнется… но потом, по чистой случайности, мы с вами встретились на вечере у Руперта Бойса. Вот тогда я понял, что почти наверняка первыми станут дети вашей жены.

— Но… но мы тогда еще не поженились. Мы даже не…

— Да, знаю. Но мысль мисс Моррел оказалась каналом, по которому, пусть на один миг, проникло знание, никому на Земле в ту пору не доступное. Оно могло прийти только через другой ум, теснейшим образом с нею связанный. Что ум этот еще не родился, не имело значения, ибо Время — нечто гораздо более странное, чем вы думаете.

— Начинаю понимать. Джеф знает такое, чего не знает никто… он видит другие миры и может сказать, откуда вы. И Джин как-то уловила его мысли, хотя он еще даже не родился.

— Все много сложнее… но сильно сомневаюсь, чтобы вы сумели когда-нибудь ближе подойти к истине. История человечества во все времена знала людей, которым необъяснимые силы словно бы помогали преодолевать пространство и время. Что это за силы, никто не понимал, попытки их объяснить, за редчайшими исключениями, сущий вздор. Я-то знаю, я их вдоволь перечитал!

Но есть одно сравнение… оно как бы что-то подсказывает и помогает понять. Оно не раз возникало в вашей литературе. Представьте себе ум каждого человека островком среди океана. Кажется, будто островки разобщены, а на самом деле их связывает одна и та же основа — дно, с которого они поднимаются. Исчезни океан, не станет и островов. Все они составят единый континент, но перестанут существовать каждый в отдельности.

Примерно так и с тем, что у вас называется телепатией. При подходящих условиях отдельные умы сливаются, то, что знает один, становится достоянием другого, а потом, разъединяясь вновь, каждый сохраняет память об испытанном. Способность эту в высшем ее проявлении не стесняют обычные рамки места и времени. Вот почему Джин почерпнула кое-что из познаний своего еще не рожденного сына.

Наступило долгое молчание, Джордж силился совладать с этими ошеломляющими открытиями. В мыслях стали прорисовываться черты происходящего. Невероятно, поразительно, но тут есть внутренняя логика. И это объясняет (если такое слово применимо к чему-то совершенно непонятному) все, что случилось после вечера в доме Руперта. И еще теперь ясно, почему Джин так увлекалась всем таинственным, сверхъестественным.

— А с чего все началось? — спросил Джордж. — И к чему это приведет?

— Вот на этот вопрос у нас ответа нет. Но во Вселенной много видов разумных существ, и некоторые открыли эти силы и способности задолго до того, как появилось ваше племя, да и мое тоже. Они давно ждали часа, когда вы к ним присоединитесь, и теперь час настал.

— А как же в этом участвуете вы?

— Вероятно, как большинство людей, вы всегда считали, что мы над вами хозяева. Это неверно. Мы всегда были только опекунами, исполняли долг, порученный нам… чем-то, что выше нас. Трудно определить, в чем он, наш долг; пожалуй, самое правильное сказать, что мы — акушеры при трудных родах. Мы помогаем появиться на свет чему-то новому, поразительному.

Рашаверак запнулся: казалось, он не находит нужных слов.

— Да, мы акушеры. *Но сами мы бесплодны.*

В этот миг Джордж понял — перед ним трагедия еще тяжелее той, что постигла его самого. Казалось бы, невероятно, и все же это так. Да, Сверхправители поражают могуществом, блистают умом, и, однако, эволюция загнала их в капкан, в какой-то cul-desac[11]. Этот великий, благородный народ едва ли не во всех отношениях выше земного человечества — но будущего у них нет, и они это знают. Рядом с такой судьбой заботы Джорджа ему и самому вдруг показались мелкими.

— Теперь я понимаю, почему вы все время следите за Джеффри, — сказал он. — Мой мальчик для вас подопытный кролик.

— Вот именно… только над опытом мы не властны. Не мы его начали… мы только пытались наблюдать. И вмешивались только когда нельзя было не вмешаться.

Да, подумал Джордж, как тогда с цунами… не дать же погибнуть ценному экземпляру. И тотчас устыдился этой неуместной, недостойной горечи.

— Еще только один вопрос, — сказал он. — Как нам быть дальше с нашими детьми?

— Радуйтесь им, пока можете, — мягко ответил Рашаверак. — Они недолго останутся вашими.

Такой совет можно было дать любым родителям в любую эпоху, но никогда еще он не таил в себе столь страшной угрозы.

19

Пришло время, когда мир снов Джефа стал мало отличаться от его существования

---

11 * Тупик (франц.).

наяву. В школу он больше не ходил, и привычный порядок жизни Джорджа и Джин разрушился, как вскоре должен был разрушиться во всем мире.

Они стали избегать друзей, будто сознавая, что вскоре ни у кого не хватит сил им сочувствовать. Изредка по ночам, когда остров затихал и почти все уже спали, они подолгу бродили где-нибудь вдвоем. Никогда еще не были они так близки, кроме разве первых дней супружества, — теперь их соединяла еще неведомая, но готовая вот-вот разразиться трагедия.

Поначалу обоим совестно было оставлять спящих детей в доме одних, но теперь они понимали, что Джеф и Дженни непостижимыми для родителей способами умеют и сами о себе позаботиться. Да и Сверхправители, конечно, за ними присмотрят. Эта мысль успокаивала: не вовсе уж они одиноки перед мучительной загадкой, заодно с ними настороже зоркий и сочувственный взгляд.

Дженнифер спала; никаким другим словом не определишь ее нынешнее состояние. По всей видимости, она оставалась младенцем, но чувствовалось — от нее исходит устрашающая тайная сила, и Дж^н уже не могла заставить себя войти в детскую.

Да и незачем было входить. То, что называлось прежде Дженнифер Энн Грегсон, еще не вполне созрело, в куколке только еще зарождались крылья, но и у этой спящей куколки довольно было власти над окружающим, чтобы ни в чем не нуждаться. Джин лишь однажды попробовала накормить то, что было раньше ее дочкой, но безуспешно. Оно предпочитало кормиться когда пожелает и как пожелает.

Ибо всякая еда неспешным, но неутомимым ручейком ускользала из холодильника, а меж тем Дженнифер Энн ни разу не вылезла из кроватки.

Погремушка давно утихла и валялась в детской на полу, никто не смел ее коснуться: вдруг она опять понадобится хозяйке. Иногда Дженнифер Энн заставляла мебель прихотливо передвигаться по комнате, и Джорджу казалось, что светящиеся краски на стене горят ярче, чем когда-либо раньше.

Она не доставляла никаких хлопот; она была недосягаема ни для их помощи, ни для их любви. Конечно же, развязка близка, и в недолгое время, что им еще осталось, Джин и Джордж в отчаянии льнули к сыну.

Джеф тоже менялся, но еще признавал родителей. Раньше они следили, как он вырастал из туманного младенчества и становился мальчиком, личностью, а теперь час от часу черты его стираются, будто истаивают у них на глазах. Изредка он все же заговаривает с ними как прежде, говорит об игрушках, о друзьях, словно не сознавая, что ждет впереди. Но гораздо чаще он просто не видит их, будто и не замечает, что они тут, рядом. И никогда больше не спит, а они вынуждены тратить время на сон, как ни жаль упускать хоть малую долю последних еще оставшихся им часов.

В отличие от сестры, Джеф как будто не обладает сверхъестественной властью над неодушевленными предметами — возможно, потому, что уже не так мал и меньше в них нуждается. Странной и чуждой стала лишь его духовная жизнь, и сны теперь занимают в ней совсем немного места. Часами он застывает неподвижно, крепко зажмурясь, будто прислушивается к звукам, которых никому больше не услышать. Ум его вбирает поток знаний, льющийся из неведомых далей или времен, и уже скоро поток этот окончательно затопит и разрушит лишь наполовину сложившееся создание, что было прежде Джеффри Энгусом Грегсоном.

А Фэй сидит и смотрит на него снизу вверх печально, озадаченно и недоумевает — куда девался ее хозяин и когда он к ней вернется.

***

Джеф и Дженни оказались первыми во всем мире, но недолго они оставались в одиночестве. Словно эпидемия стремительно перекидывалась с материка на материк, превращением поражен был весь род людской. Никого старше десяти лет оно не коснулось,

ни один ребенок, не достигший десяти лет, его не избежал.

Это означало конец цивилизации, конец всему, к чему стремились люди испокон веков. В несколько дней человечество лишилось будущего, ибо сердце всякого народа разбито и воля к жизни погибла безвозвратно, если у народа отняли детей.

Столетием раньше разразилась бы паника, теперь этого не случилось. Мир оцепенел, большие города застыли в безмолвии. Продолжали работать только предприятия, без чьей продукции вовсе невозможно существовать. Было так, словно сама планета в трауре оплакивала все, чему уже не суждено сбыться.

И вот тут, как когда-то в давние, позабытые времена, Кареллен снова, в последний раз, заговорил с человечеством.

20

— Моя работа почти закончена, — раздался голос Кареллена в миллионах радиоприемников. — Наконец, после целого столетия, я могу сказать вам, в чем она заключалась.

Мы вынуждены были многое скрывать от вас, как скрывались сами половину времени, которое пробыли на Земле. Я знаю, некоторые из вас считали эту скрытность излишней. Вы привыкли к нашему присутствию, вы уже и вообразить не можете, как отнеслись бы к нам ваши предки. Но теперь вы наконец поймете, чем вызывалась наша скрытность, и узнаете, что мы поступали так не без причины.

Главное, что мы хранили в тайне, — это цель нашего прибытия, вот о чем вы без конца строили догадки. До сих пор мы ничего не могли вам объяснить, ибо тайна эта не наша и раскрыть ее мы были не вправе.

Сто лет назад мы пришли к вашей планете и помешали вам самим себя уничтожить. Это, думаю, никто отрицать не станет, но вы и не догадываетесь, что за самоубийство вам грозило.

Поскольку мы запретили ядерное оружие и все другие смертоносные игрушки, которые вы копили в ваших арсеналах, опасность физического уничтожения отпала. В этом вы видели единственную опасность. Нам и нужно было, чтобы вы в это верили, но правда заключалась в другом. Вас ждала опасность более грозная, совсем иная по природе своей — и она касалась не вас одних.

Многие миры, чьи пути сходились на открытии ядерной мощи, сумели избежать катастрофы, шли дальше, создавали мирную, счастливую культуру — и затем разрушены были силами, о которых не имели ни малейшего понятия. В двадцатом веке вы впервые по-настоящему принялись играть этими силами. Вот почему пришлось вмешаться.

На протяжении всего двадцатого века человечество постепенно приближалось к пропасти, о которой и не подозревало. Лишь один-единственный мост перекинут через эту пропасть. Обитатели очень немногих планет находили его без посторонней помощи. Иные повернули вспять, пока было еще не поздно, и тем самым избегли опасности, но и не достигли вершины. Миры эти стали райскими островками легко обретенного довольства и уже не играют никакой роли в истории Вселенной. Но вам не суждена была такая участь — или такое счастье. Для этого ваше племя слишком деятельно. Оно ринулось бы навстречу гибели и увлекло за собой других, ибо вам никогда бы не найти моста через пропасть.

Боюсь, почти все, что я должен вам сказать, нужно передавать такими вот сравнениями. У вас нет ни слов, ни понятий для многого, что я хочу вам объяснить, да и ваши познания в этой области, увы, еще очень скудны.

Чтобы понять меня, вам надо вернуться к прошлому и вспомнить то, что вашим предкам показалось бы хорошо знакомым, но о чем вы забыли — и мы намеренно помогали вам забыть. Ибо весь смысл нашего пребывания здесь был в величайшем обмане, в том, чтобы скрыть от вас правду, к которой вы были не готовы.

В столетия, что предшествовали нашему появлению, ваши ученые раскрыли тайны

физического мира и привели вас от энергии пара к энергии атома. Вы оставили суеверия прошлому, истинной религией человечества сделалась Наука. Она была даром западного меньшинства остальным народам и разрушила все другие верования. Те, которые мы еще застали у вас, уже отмирали. Чувствовалось, что наука может объяснить все на свете: нет таких сил, которыми она не овладеет, нет явлений, которых она в конце концов не постигнет. Секрет возникновения Вселенной, быть может, так и останется нераскрытым, но все, что происходило позднее, подчинялось законам физики.

Однако ваши мистики, хоть и путались в заблуждениях, разглядели долю истины. Существуют силы разума, и существуют силы выше разума, силы, которые ваша наука не могла бы втиснуть в свои рамки, не сокрушив их. От всех веков сохранились бесчисленные рассказы о непонятных явлениях: о призраках, о передаче мыслей, о предсказании будущего, — вы давали всему этому названия, но объяснить не умели На первых порах Наука не замечала этих явлений, потом, наперекор свидетельствам, накопленным за пять тысячелетий, стала начисто их отрицать. Но они существуют, и любая теория Вселенной останется неполной, если не будет с ними считаться.

В первой половине двадцатого века некоторые ваши ученые начали исследовать эти явления. Сами того не ведая, они легкомысленно пытались открыть ящик Пандоры. Они едва не выпустили на свободу силы, несравнимо более разрушительные, чем вся мощь атома. Физики погубили бы только Землю, хаос же, развязанный парафизиками, захлестнул бы и звезды.

Этого нельзя было допустить. Я не могу объяснить до конца природу воплощенной в вас опасности. Она грозила не нам и потому нам непонятна. Скажем так: вы могли обратиться в некий телепатический рак, в злокачественную опухоль мысли, и она неизбежным разложением отравила бы другие, превосходящие вас величием виды разума.

И тогда мы пришли — мы посланы были — к Земле. Мы прервали ваше развитие во всех областях, но тщательней всего следили за любыми сколько-нибудь серьезными опытами в области сверхчувственного. Я прекрасно понимаю, что само сравнение наших цивилизаций, слишком разных по уровню, помешало развиваться и другим видам творчества. Но это просто побочный эффект и никакого значения не имеет.

А теперь я должен сказать вам то, что вас поразит и даже покажется невероятным. Самим нам все эти скрытые внутренние силы и возможности не даны, более того, непонятны. Разум наш гораздо могущественней, но вашему уму присуще нечто такое, чего мы не можем уловить. С тех пор, как мы пришли к Земле, мы непрестанно вас изучали; мы очень многое узнали и еще узнаем, но навряд ли нам когда-либо удастся постичь все до конца.

Между нашими племенами немало общего, потому-то нам и поручена эта работа. Но в других отношениях мы завершаем две разные ветви эволюции. Наш разум достиг предела своего развития. Ваш, в теперешнем его виде, тоже. Однако вы можете рывком достичь новой ступени, этим вы и отличаетесь от нас. Наши внутренние возможности исчерпаны, ваши еще и не тронуты. Каким-то образом, для нас непонятным, они связаны с теми силами, о которых я упоминал, — силы эти сейчас пробуждаются на вашей планете.

Мы задержали ход времени, мы заставили вас топтаться на месте, пока не созреют эти силы и не хлынут по каналам, которые для них готовятся. Да, мы сделали вашу планету лучше, подняли благосостояние, принесли вам справедливость и мир, — все это мы бы сделали при любых условиях, раз уж нам пришлось вмешаться в вашу жизнь. Но столь внушительные перемены заслоняли от вас правду и тем самым помогли нам выполнить нашу задачу.

Мы — ваши опекуны, не больше. Должно быть, вы нередко спрашивали себя, насколько высокое место занимает мой народ во Вселенной. Так же, как мы стоим выше вас, нечто иное стоит выше нас и пользуется нами в своих целях. Мы и до сих пор не открыли, что это такое, хотя уже многие века служим ему орудием и не смеем его ослушаться. Опять и опять мы получали приказ, отправлялись в какой-нибудь далекий мир, чья культура только

еще расцветала, и вели его по пути, по которому сами пойти не можем, — по пути, на который вступили вы.

Опять и опять мы изучали ход развития, которое посланы были оберегать, надеялись узнать, как нам и самим вырваться из тесных пределов. Но лишь мельком уловили смутные очертания истины. Вы назвали нас Сверхправителями, не ведая, какой насмешкой это звучит. Скажем так: над нами стоит Сверхразум, и он пользуется нами, как пользуется гончарным кругом гончар.

А вы, человечество, — глина, которая формуется на этом круге.

Мы думаем (это всего лишь теория), что Разум старается расти, расширять свою мощь и свои познания о Вселенной. Теперь он, должно быть, соединил в себе великое множество племен и давно освободился от тиранической власти материи. Где бы ни появилась разумная жизнь, он это ощущает. И когда он узнал, что вы почти уже готовы к этому, он послал нас сюда, чтобы подготовить вас к преображению, которое теперь совсем близко.

Все перемены, какие раньше пережило человечество, совершались веками. Однако сейчас преображается не тело, но дух. По меркам эволюции перемена будет мгновенной, как взрыв. Она уже началась. Придется вам понять и примириться с этим: вы — последнее поколение Homo sapiens.

Мы почти ничего не можем сказать о том, какова природа наступающей перемены. Мы не знаем, как она возникает, каким образом Сверхразум вызывает ее, решив, что для нее настало время… Мы только выяснили: это начинается в какой-то одной личности, всегда в ребенке, — и сразу охватывает всё вокруг, подобно тому, как вокруг первого ядра образуются кристаллы в насыщенном растворе. Взрослых перемена не затрагивает, их ум уже утратил гибкость и прочно закрепился в определенной форме.

Через несколько лет все закончится, человечество разделится надвое. Возврата нет, и у того мира, который вам знаком, нет будущего. Со всеми надеждами и мечтами людей Земли покончено. Вы породили своих преемников, и трагедия ваша в том, что вам их не понять, их разум навсегда закрыт для вас. Да они и не обладают разумом в вашем понимании. Все они сольются в единое целое, как любой из вас — сумма мириадов клеток, составляющих единый организм. Вы не станете считать их людьми — и не ошибетесь.

Я сказал вам все это, чтобы вы знали, что вам предстоит. Считанные часы остались до крутого перелома. Моя задача и мой долг — защитить тех, кого я прислан оберегать. Как ни велики пробуждающиеся в них силы, вокруг — людские толпы, способные их раздавить… Пожалуй, их захотят уничтожить даже отцы и матери, когда осознают истину. Я должен забрать детей, отделить от родителей — ради их безопасности и ради вашей тоже. Завтра за ними придут мои корабли. Не стану осуждать вас, если вы попробуете воспротивиться разлуке, но это будет бесполезно. Пробуждаются силы, намного превосходящие мою; я — всего лишь одно из их орудий.

А потом… что делать мне с вами, кто еще жив, хотя роль свою вы уже сыграли?

Всего проще, а пожалуй, и всего милосердней было бы уничтожить вас, как вы бы уничтожили любимого ручного зверька, если он смертельно ранен. Но этого я сделать не могу. Вы сами выберете, как провести остающиеся вам годы. Я только надеюсь, что человечество кончит свой век мирно, в сознании, что жизнь его не была напрасной.

Ибо вы принесли в мир нечто, пусть вам совершенно чуждое, пусть оно не разделяет ни ваших желаний, ни ваших надежд, пусть величайшие ваши свершения в его глазах лишь детские игрушки, но само оно — великое чудо, и это вы его создали.

Настанет срок, и наше племя забудется, а частица вашего будет жить. Так не осуждайте же нас за то, как мы вынуждены были поступать. И помните — мы всегда будем вам завидовать.

21

Джин плакала раньше, теперь она уже не плачет. Жестокое, равнодушное солнце

позолотило Новые Афины, а над близнецами-вершинами Спарты уже виден снижающийся корабль. На том скалистом острове не так давно ее сын избежал смерти — избежал чудом, которое теперь ей слишком понятно. Порой она думала — пожалуй, было бы лучше, если бы Сверхправители не вмешались и оставили его на произвол судьбы. Со смертью она примирилась бы, как мирилась и прежде, смерть естественна, она в природе вещей. А то, что сейчас, непостижимей смерти — и непоправимей. Доныне хоть люди и умирали, но человечество продолжало жить.

Среди детей ни звука, ни движения. Они стоят по несколько человек там и сям на песчаном берегу и, видно, не замечают друг друга, не помнят о доме, который покидают навсегда. Многие держат на руках малышей — таких, что еще и не ходят, а может быть, не хотят проявить способности, при которых ходить незачем. Ведь они умеют передвигать неодушевленные предметы, думал Джордж, так уж наверно могли бы двигаться и сами. И зачем, в сущности, корабли Сверхправителей их забирают?

Все это неважно. Они уходят — и решили уйти так, а не иначе. Будто какая-то заноза в памяти не давала покоя Джорджу, и наконец он понял. Где-то когда-то он видел столетней давности фильм о таком вот великом исходе. Наверно, фильм относился к началу первой мировой войны… а может быть, и второй. Длинные поезда, переполненные детьми, медленно тянулись прочь от городов, которым угрожал враг, а родители оставались позади, и многим детям не суждено было снова их увидеть. Лишь редкие дети плакали; иные смотрели растерянно, боязливо сжимали в руках свои узелки или чемоданчики, а большинство, похоже, нетерпеливо предвкушало какие-то увлекательные приключения.

Но нет… сравнение неверно. История не повторяется. Те, что уходят теперь, кто бы они ни были, уже не дети. И на этот раз ни одна семья не соединится вновь.

Корабль опустился у самой воды, днищем глубоко погрузился в мягкий песок. Словно по взмаху дирижерской палочки, разом скользнули вверх громадные выгнутые пластины, и на берег металлическими языками протянулись трапы. Рассеянные по берегу невообразимо одинокие фигурки стали сближаться, сошлись в толпу, она двигалась совсем так же, как движутся людские толпы.

Одинокие? Откуда взялась эта мысль, спросил себя Джордж. Что-что, а одинокими они уже никогда не будут. Одинока может быть только отдельная личность… только человек. Когда преграды между людьми наконец рушатся, исчезает индивидуальность, а с нею — и одиночество. Несчетные капли дождя ргс-творятся в океане.

И тут Джин судорожно, крепче прежнего сжала его руку.

— Смотри, — прошептала она, — вон там Джеф. У второй двери.

Очень далеко, трудно сказать наверняка, да еще глаза будто застлало туманом. И все же — конечно, это Джеф… теперь Джордж узнает сына, тот уже ступил на металлический трап.

И Джеф оглянулся, посмотрел в их сторону. Лица не различить, просто бледное пятно; из такой дали не разобрать, есть ли в этом лице хоть намек на то, что он узнал их, хоть тень воспоминания обо всем, что он покидает. И уже не узнать Джорджу, обернулся ли Джеф случайно — или знал в те последние секунды, пока был еще их сыном, что они стоят и смотрят, как он переходит в неведомую страну, куда им нет доступа.

Громадные люки начали закрываться. И тогда Фэй вскинула мохнатую мордочку и негромко, протяжно завыла. Потом подняла чудесные влажные глаза на Джорджа, и он понял — она потеряла хозяина. У него больше нет соперника.

***

Перед теми, кто остался, лежало много дорог, но в конце все придут к одному и тому же. Кое-кто говорил: мир все еще прекрасен; когда-нибудь придется его покинуть, но с какой стати торопиться?

Но другие, те, кто больше дорожил будущим, чем прошлым, и утратил все, ради чего стоило жить, не захотели ждать. Они уходили — иные поодиночке, иные вместе с друзьями,

смотря кто к чему склонен от природы.

Так было и в Афинах. Некогда остров этот родился в пламени — и в пламени решил умереть. Кто пожелал уехать, уехали, но большинство осталось и готовилось встретить конец среди обломков всего, о чем прежде мечтало.

***

Предполагалось, что часа никто заранее знать не будет. Но глубокой ночью Джин проснулась и минуту лежала, глядя в потолок, где мерцали призрачные отсветы. Потом дотянулась, схватила Джорджа за руку. Всегда он спал как убитый, а тут сразу проснулся. Они не заговорили, не было на свете нужных слов.

Ей больше не страшно, даже не грустно. Она прошла через все это к некоей тихой заводи, и уже ничто ее не волнует. Только одно еще остается сделать, и Джин знает — времени в обрез.

Все так же молча Джордж пошел за нею по безмолвному дому. Они пересекли полосу лунного света, вливающегося через стеклянную крышу студии, прошли неслышно, как отброшенные луною тени, и вот они в опустелой детской.

Тут ничто не изменилось. По-прежнему лучатся на стенах светящиеся узоры, которые так усердно рисовал когда-то Джордж. И погремушка, давняя дочкина забава, еще лежит там, где уронила ее Дженнифер Энн, когда разумом унеслась в непостижимую даль, что стала ей домом.

Она бросила свои игрушки, подумал Джордж, а наши уйдут отсюда вместе с нами. Вспомнились царственные дети фараонов — пять тысячелетий тому назад их бусы и куклы похоронены были вместе с хозяевами. Так будет снова. Никому больше не полюбятся наши сокровища, думал Джордж, мы возьмем их с собой, мы с ними не расстанемся.

Джин медленно обернулась к нему, припала головой к его плечу. Он обнял ее, и давняя любовь вернулась, будто слабое, но явственное эхо, отраженное грядой далеких гор. Теперь поздно говорить все, что он должен бы сказать ей, и жалеет он не столько об изменах, сколько о прежнем своем равнодушии.

А потом Джин тихо сказала: “Прощай, милый”, — и крепче обхватила его руками. Джордж не успел ответить, но даже в этот последний краткий миг изумился — откуда она знает, что пора?

В каменных недрах острова ринулись друг к другу пластины урана, стремясь к недостижимому для них единению.

И остров вознесся навстречу рассвету…

22

Корабль Сверхправителей скользил по светящемуся, точно от метеорита, следу из самого сердца созвездия Карина. Еще у внешних планет он начал неистово гасить скорость, но даже возле Марса она составляла значительную часть световой. Исполинские поля, окружающие земное Солнце, медленно поглощали его инерцию, а позади, на миллионы километров, проводила в небесах огненную черту избыточная энергия звездолета.

Став старше на полгода, Ян Родрикс возвращался домой, в мир, покинутый им восемьдесят лет назад.

Теперь он уже не прятался зайцем в тайнике. Он стоял позади трех пилотов, недоумевая про себя, зачем нужны сразу трое, и смотрел, как вспыхивают и гаснут знаки на громадном экране, что главенствовал в рубке. На экране сменялись краски и очертания, ему непонятные, — надо думать, они означали данные, какие на корабле, построенном людьми, передавались бы циферблатами и стрелками. Но порой экран показывал расположение окрестных звезд, и, надо надеяться, уже скоро на нем появится Земля.

Хорошо вернуться домой, хоть он и потратил немало усилий на бегство. За минувшие

месяцы он стал взрослее. Так много он видел, в такой дали побывал — и стосковался по родному, привычному миру. Теперь он понимает, почему Сверхправители отгородили Землю от звезд. Немалый путь должно еще пройти человечество, прежде чем оно сумеет стать хотя бы малой частью цивилизации, которую он мимолетно увидел.

Быть может, хотя все в Яне восстает против этой мысли, человечество навсегда останется лишь какой-то низшей породой в подобии зоологического сада на далекой окраине, под надзором Сверхправителей. Не это ли крылось в двусмысленном предостережении Виндартена перед самым отлетом? “За то время, которое прошло на вашей планете, многое могло случиться, — сказал Сверхправитель. — Возможно, когда ты опять увидишь свой мир, ты его не узнаешь”.

Может, и не узнаю, думал Ян: восемьдесят лет — большой срок, и хоть он молод и способен освоиться в новых условиях, пожалуй, нелегко будет понять все перемены. Но в одном сомнений нет: люди наверняка захотят выслушать его и узнать, что успел он заметить в мире Сверхправителей.

Как Ян и ожидал, с ним обошлись снисходительно. О полете от Земли он ничего не знал: когда действие снотворного кончилось и он очнулся, корабль уже входил в солнечную систему Сверхправителей. Он выбрался из своего фантастического тайника и с облегчением убедился, что кислородная маска не нужна. Душновато, воздух тяжелый, но дышать можно. Он оказался в тусклом красном сумраке громадного трюма, вокруг — многое множество ящиков с грузом и еще всякой всячины, какую естественно встретить на океанском или воздушном лайнере. Почти час он плутал в этом лабиринте, прежде чем добрался до рубки и предстал перед командой.

К его недоумению, они ничуть не удивились; Ян знал, что Сверхправители редко обнаруживают какие-либо чувства, но ждал хоть чего-то, хоть искорки. А они просто продолжали делать свое дело: следили за экраном, перебирали несчетные клавиши пультов управления. Тут он понял, что корабль идет на посадку: на экране опять и опять, с каждым разом вырастая, вспыхивало изображение планеты. Но совсем не ощущалось ни движения, ни ускорения, и ничуть не колебалась сила тяжести, как определил Ян, примерно впятеро меньше земной. Очевидно, могучие силы, движущие кораблем, уравновешивались с поразительной точностью.

А потом пилоты встали со своих мест, все трое как один, и стало ясно — путешествие окончено. Они еще не заговорили ни с пассажиром, ни друг с другом, и когда один знаком поманил землянина за собой, Ян понял то, о чем следовало подумать раньше. Вполне возможно, что здесь, на другом конце бесконечно длинного пути, по которому доставляются Кареллену грузы, никто не поймет ни единого человеческого слова.

Трое серьезно следили за ним, когда перед его нетерпеливым взглядом распахнулись громадные створы люка. Вот она, великая минута его жизни, он — первый из людей, кому дано увидеть мир, освещенный иным солнцем. В корабль хлынул свет звезды НГС 549 672, и Яну открылась планета Сверхправителей.

Чего он ждал? Он и сам толком не знает. Громадные здания, города с башнями, чьи вершины теряются в облаках, невообразимые машины — все это его бы не удивило. Но увидел он безликую плоскую равнину, уходящую к неестественно близкому горизонту, однообразие только и нарушали еще три корабля Сверхправителей, высящиеся в нескольких километрах отсюда.

На минуту в Яне поднялось горькое разочарование. Потом он пожал плечами — все очень просто: где же и находиться космическому порту, если не в таком вот пустынном, необжитом месте.

Было холодно, но не слишком. Большое красное солнце висело низко над горизонтом, света его вполне хватало человеческому глазу, но Ян подумал, что, пожалуй, быстро затоскует по зеленым и голубым краскам. А потом увидел: в небе выгнулся огромный тонкий полумесяц, как будто возле солнца натянули гигантский лук. Ян долго разглядывал его, потом сообразил, что путешествие не совсем еще закончилось. Этот полумесяц и есть

планета Сверхправителей. А здесь, должно быть, ее спутник, всего лишь база, откуда уходят в плаванье звездолеты.

Его повели к другому кораблю, небольшому, не крупней земного пассажирского самолета. Чувствуя себя каким-то пигмеем, он вскарабкался на одно из высоких сидений, пытался в иллюминатор хоть что-то разглядеть на приближающейся планете.

Перелет был стремительный, не удалось различить отдельные черты ширящегося внизу небесного тела. Похоже, даже здесь, так близко от дома, Сверхправителям служила разновидность того же межзвездного двигателя: уже через несколько минут корабль погрузился в плотную, пестрящую облаками атмосферу. Двери открылись, и все вышли в подобие ангара, своды его, должно быть, тотчас сомкнулись — над головой Ян не заметил никаких следов входного отверстия.

Из этого здания он вышел только через два дня. Никто не ждал такого груза и его некуда было пристроить. Да еще, на беду, ни один Сверхправитель не понимал его языка. Объясняться было невозможно, и Ян с горечью осознал, что войти в контакт с инопланетянами совсем не так просто, как это зачастую изображали в романах. Язык жестов оказался совершенно бесполезен, он основан главным образом на выразительности движений, позы, лица, а тут у людей нет ничего общего со Сверхправителями.

Неужели язык людей знают лишь те Сверхправители, которые остались на Земле, думал Ян, тогда все напрасно! Можно только ждать и надеяться. Уж наверно какой-нибудь здешний ученый, специалист по чужим обитаемым мирам, придет и займется им! Или он такое ничтожество, что никого не станут из-за него беспокоить?

Сам выбраться из здания он не мог, у огромных дверей не видно было ни ручек, ни кнопок. Когда к ним подходил Сверхправитель, они открывались сами собой. Ян тоже пытался на них подействовать, махал чем попало над головой, рассчитывая прервать какой-нибудь следящий луч, перепробовал все способы, до каких мог додуматься, — но безуспешно. Наверно, вот таким беспомощным оказался бы пещерный житель доисторических времен, заброшенный в здание современного города. Ян как-то попытался выйти вместе с одним из Сверхправителей, но его мягко отогнали. И он отступился, он вовсе не желал рассердить хозяев.

Виндартен явился прежде, чем Ян успел прийти в отчаяние. Этот Сверхправитель говорил по-английски прескверно и притом чересчур быстро, но, что поразительно, чуть не с каждой минутой все лучше. Через несколько дней они уже довольно легко беседовали на любую тему, лишь бы она не требовала специальной терминологии.

Как только Ян очутился под опекой Виндартена, ему не о чем стало тревожиться. Но он отнюдь не волен был заняться, чем хочется, — почти все его время уходило на встречи с учеными: Сверхправители жаждали исследовать его непонятными способами, при помощи сложных инструментов. Яна эти машины порядком пугали, а после опыта с каким-то гипнотическим устройством у него несколько часов кряду от боли раскалывалась голова. Он готов был всячески помогать исследователям, но сомневался, ясны ли им пределы его душевных и физических сил. Очень нескоро удалось убедить Сверхправителей, что через определенные промежутки времени ему необходим сон.

В короткие передышки между исследованиями Ян мельком видел город и понял, как трудно — да и как опасно — было бы по нему передвигаться. В сущности, улиц вовсе нет, не видно и какого-либо транспорта. Ведь обитатели этого мира умеют летать, и им не страшна сила тяжести. А потому вдруг оказываешься на краю пропасти глубиной в сотни метров, и от одного взгляда кружится голова, либо выясняется, что единственный вход в комнату — отверстие высоко в стене. Самыми разными способами Ян поминутно убеждался, что психология крылатого племени не может не отличаться коренным образом от психологии тех, кто прикован к поверхности своей планеты.

Странно было видеть Сверхправителей, пролетающих среди городских башен, точно огромные птицы; поражали мощью неспешные взмахи крыльев. Тут таилась какая-то загадка для науки. Планета велика, больше Земли. Однако сила тяжести здесь ничтожная, и

непонятно, откуда взялась такая плотная атмосфера. Ян стал расспрашивать Виндартена, и выяснилось, как он отчасти и ожидал, что это не родная планета Сверхправителей. Племя их возникло на другой, гораздо меньшей планете, а этот мир они освоили, изменив не только его атмосферу, но и тяготение.

Архитектура у них унылая, роль ее чисто подсобная. Ян не видал никаких украшений, каждая мелочь для чего-нибудь да предназначена, хотя ее назначение чаще всего непонятно. Если бы этот город в неярком красном свете и его крылатых обитателей увидал человек средневековья, он наверняка решил бы, что очутился в аду. Даже Ян, при всей своей пытливости и присущем ученому бесстрастии, порой ощущал: вот-вот нахлынет ужас, неподвластный рассудку. Самый ясный и трезвый ум может утратить равновесие, когда нет кругом ни единой знакомой приметы и не на что опереться.

А здесь было очень много непонятного, такого, чего Виндартен даже не пытался ему объяснить, — то ли не мог, то ли не хотел. Что за мгновенные вспышки и переменчивые тени мелькают в воздухе, стремительные, неуловимые, можно даже подумать, будто они лишь мерещатся? Быть может, это что-то грозное, величественное, — а может быть, просто бьющая в глаза чепуха вроде неоновых реклам в старину на Бродвее.

И еще Ян чувствовал, что мир Сверхправителей полон звуков, его слуху недоступных. Порой какие-то сложные летучие ритмы уносятся выше, выше или, напротив, все ниже — и исчезают за пределами восприятия. Виндартен словно не понимает, что имеет в виду Ян, заговаривая о музыке, а потому никак нельзя разобраться в этой загадке.

Город не так уже велик, безусловно, гораздо меньше, чем были в пору своего расцвета Лондон или Нью-Йорк. По планете, объяснил Виндартен, разбросано несколько тысяч таких городов, и у каждого свое особое назначение. Это скорее всего можно сравнить с каким-нибудь университетским городом на Земле, только специализация здесь зашла много дальше. Ян быстро понял, что весь этот город занят изучением инопланетных цивилизаций.

Во время одного из первых выходов Яна за пределы четырех голых стен, где его поселили, Виндартен повел его в музей чужой культуры. Это дало Яну позарез необходимый заряд бодрости — наконец-то он попал в такое место, смысл и назначение которого вполне понятны! Если не думать о масштабах, этот музей можно бы принять за земной. Путь туда был долог: они размеренно опускались на громадной платформе, которая двигалась, точно поршень, в вертикальном цилиндре неведомо какой длины. Не видно никаких кнопок, рукояток или клавиш, но в начале и в конце спуска ясно чувствуется ускорение. Должно быть, у себя дома Сверхправители не тратят энергию поля, уравновешивающего тяготение. Ян спрашивал себя: не изрыта ли вся планета внутренними помещениями и переходами? И почему, ограничив размеры города, Сверхправители уводят его вглубь, а не растят в вышину? Еще одна загадка, он так ее и не решил.

Целой жизни не хватило бы на осмотр громадных залов музея. Здесь была собрана добыча, вывезенная со множества планет, достижения невесть скольких цивилизаций. Но Яну мало что удалось увидеть. Виндартен осторожно поставил его на полосу, которую Ян принял сперва за часть узора на полу. Потом вспомнил, что в городе нет никаких украшений, — и тотчас какая-то неведомая сила мягко охватила его и помчала вперед. Его несло мимо громадных витрин, мимо видений невообразимых миров со скоростью двадцати или, может быть, тридцати километров в час.

Посетитель музея всегда устает, а вот Сверхправители избавили его от усталости. У них тут незачем ходить пешком.

Потом провожатый опять подхватил Яна и взмахом могучих крыльев поднял над неведомой силой, которая пронесла их, наверно, несколько километров. Впереди открылся огромный, наполовину пустой зал, залитый знакомым светом; такого Ян не видел с тех пор, как покинул Землю. Смягченный, чтобы не пострадали чувствительные глаза Сверхправителей, то, несомненно, был свет земного солнца. Никогда бы Ян не подумал, что от чего-то столь простого, столь обычного сердце его стиснет такая тоска.

Итак, здесь выставка экспонатов с Земли. Прошли несколько шагов, миновали

прекрасную модель Парижа, потом нелепую смесь произведений искусства, представляющих добрый десяток разных столетий, потом новейшие вычислительные машины в соседстве с топорами каменного века, телевизоры — и рядом паровую турбину Герона Александрийского. Перед ними отворилась высоченная дверь, и они вошли в кабинет главы Отдела Земли.

“Может быть, он видит человека впервые?”- подумал Ян. Побывал он хоть раз на Земле, или для него она — лишь одна из многих планет, которыми он ведает, даже не зная толком, где они находятся? На земном языке он во всяком случае не говорил и не понимал ни слова; пришлось Виндартену стать переводчиком.

Ян пробыл здесь несколько часов; хозяева показывали ему разные земные предметы, а он старался объяснить записывающему аппарату их назначение. Со стыдом он убедился, что многие вещи ему совершенно незнакомы. Каким же он оказался невеждой в делах и достижениях собственного племени! И сколь ни велики разум и способности Сверхправителей, сумеют ли они разобраться во всех сложностях человеческой культуры?

Из музея Виндартен повел его другой дорогой. Опять они без малейшего усилия плыли по огромным сводчатым коридорам, но теперь уже не мимо искусственных плодов разумной мысли, а мимо того, что создано природой. Салливен жизни не пожалел бы, лишь бы попасть сюда и увидеть, какие чудеса сотворила эволюция в сотне разных миров, подумалось Яну Но ведь Салливен, скорее всего, уже умер…

Неожиданно они очутились на галерее, высоко над круглым помещением, наверно, около ста метров в поперечнике. По обыкновению, никаких перил; Ян чуть замешкался, прежде чем подойти к краю. Но Виндартен, стоя на самом обрезе галереи, спокойно смотрел вниз, и Ян осторожно придвинулся.

Дно этого вместилища оказалось всего лишь в двадцати метрах под ним… так близко, слишком близко! Позже, поразмыслив, Ян понял, что Виндартен вовсе не хотел его поразить, напротив, сам был ошеломлен. Потому что Ян с отчаянным воплем отскочил назад, безотчетно пытаясь укрыться от того, что лежало там, внизу. Лишь когда в плотном воздухе замерло приглушенное эхо его крика, он собрался с духом и опять подошел к краю.

Конечно, *он* был безжизненный, а не уставился на посетителя осмысленным взглядом, как сперва вообразил перепуганный Ян. Он занимал почти весь этот круглый бассейн, и в прозрачной глубине его мерцали, вздрагивали рубиновые отсветы.

Это был единственный исполинский глаз.

— Почему ты так шумел? — спросил Виндартен.

— Мне стало страшно, — смущенно признался Ян.

— Почему? Не думал же ты, что тут может быть какая-то опасность?

Можно ли объяснить ему, что такое рефлекс? Ян решил не пытаться.

— Всякая неожиданность пугает. Пока не разберешься в том, что совсем ново и незнакомо, безопаснее предположить худшее.

Ян опять посмотрел вниз, на чудовищный глаз, сердце его все еще неистово колотилось. Впрочем, возможно, это лишь непомерно увеличенная модель, наподобие микробов и насекомых в земных музеях. Но, задавая этот вопрос, Ян уже холодел от уверенности, что глаз самый настоящий, в натуральную величину.

Виндартен мало что мог объяснить: он занимается другой областью науки, а в остальном не слишком любопытен. Из его слов в воображении Яна вырисовалась огромная одноглазая тварь, обитающая среди мелких астероидов подле какого-то далекого солнца; не стесненный силами тяготения, циклоп вырастает до неимоверных размеров, а его пропитание и самая жизнь зависят от того, как далеко и ясно видит его единственное око.

Похоже, для Природы, когда ей это понадобится, невозможного нет. И Ян бездумно обрадовался открытию, что и Сверхправителям не все на свете доступно. Они привезли с Земли целого кита, но за *такой* экспонат не взялись и они.

***

А в другой раз он поднимался все выше, выше, и стенки лифта стали матовыми, а потом прозрачными, как хрусталь. Ян стоял, словно бы ни на что не опираясь, среди высочайших вершин города, и ничто не отгораживало его от бездны. Но голова не кружилась, как не кружится в самолете, потому что вовсе не ощущалась поверхность планеты далеко внизу.

Ян стоял над облаками; наравне с ним в небе только и виднелись несколько металлических или каменных шпилей. Ниже лениво плескалось алое море сплошных облаков Невдалеке от тусклого солнца чуть светились две крохотные луны. Почти посередине этого расплывчатого красного диска темнел маленький аккуратный кружок. Быть может, солнечное пятно, а может, проходила мимо еще одна луна.

Ян медленно обводил взглядом горизонт. Облачный покров тянулся до самого края огромной планеты, но в одном месте, невесть в какой дали, проступали какие-то пятнышки, возможно, башни еще одного города. Ян долго всматривался, потом перевел испытующий взгляд дальше.

Описав глазами полукруг, он увидел гору. Она поднималась не на горизонте, но позади него — одинокая зубчатая вершина вздымается над краем планеты, склоны уходят куда-то вниз, основания не разглядеть — так скрыта под водой почти вся громада айсберга. Тщетно Ян пытался угадать размеры этой громадины. Просто не верилось, что даже на планете, где сила тяжести совсем мала, могут существовать такие горы. Любопытно, может быть, Сверхправители поднимаются на эти откосы и парят, подобно орлам, среди исполинских зубцов этой крепости?

А потом, у него на глазах, гора стала медленно менять облик. Когда Ян впервые заметил ее, она была темно-багровая, почти зловещего оттенка, с немногими неясными отметинами у самой вершины. Он все старался рассмотреть их и вдруг понял, что они движутся…

Сперва Ян не поверил своим глазам. Потом старательно напомнил себе, что все привычные понятия здесь бесполезны, — нельзя позволить рассудку отбросить хотя бы малость из того, что воспринимают чувства и передают в тайники мозга. Нельзя и пытаться понять, надо только наблюдать. Понимание придет после — или не придет совсем.

Гора — Ян все еще считал, что это гора, никакое другое слово тут не подходило, — казалась живой. Ему вспомнился чудовищный глаз там, в склепе, в недрах планеты… но нет, немыслимо. Сейчас перед ним не органическая жизнь, быть может, даже и не материя в знакомом, привычном понимании.

Тусклый багрянец разгорался, гневно пламенел. Его рассекли яркие желтые полосы, и Ян подумал было, что это вулкан извергает на равнину потоки лавы. Но приметил движение каких-то пятен и крапинок и понял — потоки эти устремляются вверх! И вот что-то новое поднимается из алых облаков, опоясывающих основание горы. Громадное кольцо, безупречно ровное по горизонтали, безупречно круглое — и того цвета, что Ян оставил далеко позади: так ясно голубеет только небо над Землею. Еще ни разу не видал он в мире Сверхправителей такой лазурной синевы, и ему перехватило горло тоской и одиночеством.

А голубое кольцо поднималось, ширилось. Вот оно уже взмыло над вершиной горы, а ближний край его мчится сюда, к Яну. Конечно же, это какой-то вихрь, кольцо газа или дыма, разросшееся уже до нескольких километров в поперечнике. Однако никакого вращения не заметно и, разрастаясь вширь, кольцо как будто не становится менее плотным.

Тень его пронеслась мимо задолго до того, как само кольцо, поднимаясь все выше, величаво проплыло над головой. Ян следил за ним, пока оно не обратилось в тонкую голубую ниточку, которую он едва различал в багряном небе. Когда оно совсем скрылось из виду, ширина его, должно быть, измерялась уже тысячами километров. И оно продолжало расти.

Ян опять посмотрел на гору. Теперь она была вся золотая, без единого пятнышка. Может быть, Яну только почудилось — теперь он готов был поверить чему угодно, — но она

словно бы сузилась, стала выше и вращалась вокруг своей оси, точно смерч. Только теперь, оцепенелый, ошеломленный чуть не до потери сознания, вспомнил Ян о своем фотоаппарате. Поднес его к глазам и начал наводить на эту невозможную, уму непостижимую загадку.

Виндартен поспешно шагнул к нему и все заслонил. Решительно, неумолимо огромные ладони закрыли объектив и пригнули аппарат книзу. Ян и не пробовал воспротивиться; конечно, это и не удалось бы, но он вдруг ощутил смертельный ужас перед тем, неведомым, на краю чужого мира… нет, с него довольно.

До этого, где он ни побывал, ему никто не мешал фотографировать, и сейчас Виндартен никак не объяснил запрета. Зато долго и подробно, до мелочей расспрашивал Яна, как и что он видел.

Тогда-то Ян понял, что глазам Виндартена представилось нечто совсем другое, и тогда же впервые догадался, что Сверхправители тоже кому-то подчиняются.

***

И вот он возвращается домой, все чудеса, все страхи и тайны позади. Корабль, наверно, тот же самый, но команда наверняка другая. Как ни долог век Сверхправителей, трудно поверить, чтобы они охотно отрывались от дома на десятилетия, которые отнимает межзвездный перелет.

Разумеется, относительность времени при околосветовой скорости — медаль о двух сторонах. Сверхправители в полете до Земли станут старше всего лишь на четыре месяца, но к их возвращению друзья их постареют на восемьдесят лет.

Если бы Ян захотел, он, несомненно, мог бы остаться на их планете до конца жизни. Но Виндартен предупредил его, что следующий корабль отправится на Землю только через несколько лет, и посоветовал не упускать случая. Возможно, Сверхправители поняли, что рассудок человека, пожалуй, не выдержит наплыва впечатлений. А может быть, просто он стал помехой и уже недосуг было им заниматься.

Теперь все это неважно, впереди Земля. Сто раз Ян видел ее вот так, с высоты, но всегда — холодным искусственным глазом телекамеры. А теперь наконец он и сам смотрит из космоса, разыгрывается заключительный акт его осуществленной мечты, и Земля кружит под ним по вечной своей орбите.

Огромный иссиня-зеленый серп виден в первой четверти, остальной диск еще скрывает ночная тьма. Облаков почти нет, лишь кое-где протянулись полосы вдоль направления пассатов. Сверкает ледяная шапка полюса, но еще ярче, ослепительней отражение солнечных лучей в водах Тихого океана.

В этом полушарии так мало суши. Можно подумать, будто вся планета покрыта водой. Из материков виднеется только Австралия; здесь чуть гуще дымка атмосферы, обволакивающая планету.

Корабль входил в огромный темный конус — тень Земли; блестящий серп сузился в тонкую огненную полоску, в пылающий изогнутый лук, прощально мигнул и исчез. Внизу темнота и ночь. Мир, погруженный в сон.

И тогда Ян понял, что же тут неладно. Под ним суша, но где мерцающие ожерелья огней, блистательный фейерверк — примета возведенных людьми городов? Все полушарие во мраке, ни единая искорка не разгоняет ночную тьму. Ни следа миллионов киловатт, чей свет когда-то щедро изливался в небеса. Казалось, перед глазами Земля, какою она была до человека.

Не таким представлял себе Ян возвращение домой. Оставалось только ждать, а в душе нарастал страх перед неведомым. Что-то случилось… что-то непостижимое. А меж тем корабль, уверенно снижаясь, описал широкую дугу и опять вышел на освещенную солнцем сторону планеты.

Ян не видел посадки — изображение Земли на экране внезапно сменилось непонятными узорами линий и огней. А когда экран опять прояснился, путешествие

кончилось. Теперь вдали виднелись высокие здания, вокруг двигались какие-то машины, за ними следили несколько Сверхправителей.

Где-то глухо загудела воздушная струя — давление воздуха в корабле уравнивалось с наружным, потом Ян услыхал, как отворяются огромные двери. Он больше не мог ждать; молчаливые великаны то ли снисходительно, то ли равнодушно смотрели, как он бегом кинулся вон из рубки.

Он дома, опять он видит сияние знакомого солнца, вдыхает тот же воздух, который впервые омыл его легкие, едва он родился на свет. Трап уже спустили, но Яну пришлось чуть помедлить, освоиться со слепящим сиянием дня.

Кареллен стоял поодаль от остальных, возле огромной платформы, груженной ящиками. Ян и не задумался, каким образом он узнал Попечителя, не удивился, что тот совсем такой же, как был. Кажется, лишь к этому он был готов — что не встретит в Кареллене перемены.

— Я тебя ждал, — сказал Кареллен.

23

— Поначалу нам не опасно было появляться среди них, — говорил Кареллен. — Но они в нас больше не нуждались: наша работа была закончена, когда мы собрали их всех вместе и поселили на отдельном материке. Смотри.

Стена перед Яном исчезла. Теперь с высоты в несколько сот метров он смотрел на приветливую лесистую местность. Казалось, между ним и землей нет никакой преграды; и на миг у Яна закружилась голова.

— Так было пять лет спустя, когда началась вторая фаза.

Внизу двигались какие-то фигуры, и кинокамера стремглав спускалась на них, словно хищная птица.

— Тебе горько будет на них смотреть, — сказал Кареллен. — Но помни, прежние мерки тут неприменимы. Эти дети — не люди.

Однако Ян в них увидел детей, и никакая логика не могла рассеять это впечатление. Казалось, исполняют какой-то сложный обрядовый танец дикари. Голые, грязные, за всклокоченными волосами не видно глаз. Насколько мог разобрать Ян, они были разного возраста, от пяти до пятнадцати, однако все двигались одинаково быстро, уверенно, не обращая ни малейшего внимания на окружающее.

А потом Ян разглядел их лица. Он насилу проглотил ком в горле, немалого труда стоило ему не отвернуться. Совершенно пустые лица, хуже чем мертвые, потому что и черты мертвеца сохраняют какой-то отпечаток, наложенный Временем, говорящий даже тогда, когда уже немы уста. А в этих лицах волнения, чувства не больше, чем у змеи или у насекомого. Сверхправители — и те с виду человечнее.

— Ты ищешь то, чего здесь больше нет, — сказал Кареллен. — Запомни, в них нет ничего от личности, как не обладает личностью отдельная клетка человеческого тела. Но в единстве они составляют нечто несравнимо более великое, чем человек.

— Почему они все время так двигаются?

— Мы это называем Долгим танцем, — отвечал Кареллен. — Они никогда не спят, и это длится почти уже год. Их триста миллионов, и они образуют строго определенный движущийся рисунок от края до края материка. Мы без конца пытаемся найти в этом рисунке смысл — и не находим, быть может, потому, что нам видна только физическая сторона, только небольшая часть — то, что здесь, на Земле. Вероятно, то, что мы называем Сверхразумом, еще обучает их, лепит из них некое единство, а уже потом вберет его в себя без остатка.

— Но как же они обходятся без еды? И что, если они наткнутся на какое-нибудь препятствие — на дерево, скалу, реку?

— Река не имеет значения, утонуть они не могут. О препятствия иногда ушибаются, но

даже не замечают ушибов. А что до еды, ну, тут вдоволь и плодов, и дичи. Но в еде они больше не нуждаются, как и во многом другом. Ведь пища — это прежде всего источник энергии, а они научились черпать ее из более мощных источников.

Перед глазами что-то дрогнуло, будто на миг все заволокло знойной дымкой. А когда картина прояснилась, внизу уже не было движения.

— Смотри, — сказал Кареллен. — Это три года спустя.

Маленькие фигурки, совсем беспомощные и жалкие, если не знать правды, недвижно застыли в лесу, на прогалине, на равнине. Кинокамера неустанно переходила от одного к другому, и Яну показалось, будто все они теперь на одно лицо. Когда-то ему случилось видеть странные фотографии; их печатали, накладывая один на другой десятки негативов, и получали некие “средние” черты. Те лица были так же пусты, безжизненны, неразличимы.

Казалось, стоящие спят или окоченели. Веки у всех сомкнуты, и похоже, существа эти сознают окружающее не больше, чем деревья, под которыми они застыли. Какие мысли отдаются в сложном переплетении, в котором разум каждого не больше — но и не меньше, — чем нить исполинской ткани, спросил себя Ян. И он понял, что ткань эта окутывает множество миров и множество племен — и продолжает расти.

И вдруг… Ян не поверил глазам, ослепленный, ошарашенный. Секунду назад перед ним был приветливый, плодородный край, картина самая обыкновенная, только и странного, что разбросанные по нему из конца в конец (но не совсем беспорядочно) несчетные маленькие изваяния. И внезапно деревья и травы и все живые твари, которым они служили приютом, исчезли, сгинули без следа. Остались лишь тихие озера, извилистые реки, округлые холмы — бурые, разом утратившие свой зеленый покров, — и молчаливые равнодушные статуи, виновники этого внезапного разрушения.

— Зачем же они все уничтожили? — ахнул Ян.

— Возможно, им мешало присутствие чужого разума, даже самого примитивного — разума животных и растений. Нас не удивит, если в один прекрасный день они сочтут помехой весь материальный мир. И как знать, что тогда произойдет? Теперь ты понимаешь, почему, исполнив свой долг, мы устранились. Мы все еще пробуем изучать их, но никогда больше не спускаемся к ним и не посылаем туда наши приборы. Мы только и решаемся наблюдать за ними сверху.

— Это случилось много лет назад, — сказал Ян. — А что было дальше?

— Почти ничего. За все это время они не шевельнулись, не обращали внимания — день ли в их краю или ночь, лето или зима. Они все еще пробуют свои силы. Некоторые реки изменили русло, а одна теперь течет в гору. Но до сих пор все, что они делают, кажется бесцельным.

— А вас они совсем не замечают?

— Да, но тут нет ничего удивительного. Тому… целому… частью которого они стали, о нас все известно. Наши попытки его изучить ему, видимо, безразличны. Когда оно захочет, чтобы мы отсюда ушли, или пожелает поручить нам работу в другом месте, оно вполне ясно выразит свою волю. А до тех пор мы останемся здесь, пусть наши ученые узнают как можно больше.

Так вот он, конец человечества, подумал Ян с покорностью, превосходящей самую горькую скорбь. Конец, какого не предвидел ни один пророк… тут равно не остается места ни надежде, ни отчаянию.

И однако есть в этом какая-то закономерность, высшая неизбежность, завершенность, словно в великом произведении искусства. Хоть и мельком, но Ян видел Вселенную во всей ее грозной необъятности, и теперь он знал — человеку в ней не место. Теперь-то он понимал, какой напрасной в последнем счете была мечта, которая заманила его к звездам.

Ибо дорога к звездам раздваивается — ив какую сторону ни пойдешь, в конце пути нет ничего, что хоть в малой мере отвечает надеждам или страхам человечества.

В конце одного пути — Сверхправители. Каждый сохранил свою личность, свое независимое “я”; они обладают самосознанием, и местоимение “я” в их языке полно смысла.

Они способны чувствовать, и хотя бы некоторые присущие им чувства — те же, что и у людей. Но теперь ясно: они зашли в тупик, откуда нет и не будет выхода. Их разум в десять, а возможно, и в сто раз могущественней человеческого. Но в последнем счете это неважно. Они так же беспомощны, их так же подавляет невообразимая сложность галактики, соединяющей в себе сто тысяч миллионов солнц, и космоса, в котором сто тысяч миллионов галактик.

А в конце другого пути? Там — Сверхразум, что бы ни означало это понятие, и человек перед ним то же, что амеба перед человеком. По сути своей бесконечный, беспредельный, бессмертный, сколько времени вбирал он в себя одно разумное племя за другим, ширясь и ширясь среди звезд? Есть ли и у него желания, есть ли цели, которые он смутно осознает, но которых, быть может, никогда не достигнет? Теперь он вобрал в себя и все то, чего достигло за срок своего бытия земное человечество. Это не трагедия людей, но свершение. Миллиарды мыслящих искр, из которых состояло человечество, мелькнули светлячками в ночи и угасли навсегда. Но жизнь их была не совсем уж напрасной.

Ян понимал, развязка еще впереди. Возможно, она наступит завтра, а быть может, через столетия. Даже Сверхправители не знают наверняка.

Теперь ясно, чего они добиваются, что сделали для человечества и почему все еще не уходят от Земли. Перед ними чувствуешь себя ничтожеством и нельзя не восхищаться их непоколебимым терпением. Ведь они ждут так долго…

Яну не удалось узнать, каким образом возникли странные узы, соединяющие Сверхразум с его слугами. По словам Рашаверака, Сверхразум присутствовал в истории его народа с самого начала, но распоряжаться Сверхправителями стал, лишь когда они создали высоконаучную цивилизацию и могли странствовать в космосе, исполняя его поручения.

— Но зачем вы ему нужны? — недоумевал Ян. — При такой невообразимой мощи для него уж наверно нет невозможного.

— Есть, — сказал Рашаверак. — Для него тоже есть пределы. Мы знаем, в прошлом он пытался воздействовать непосредственно на сознание других разумных существ и влиять на развитие их культуры. И всякий раз терпел неудачу — возможно, для тех напряжение оказывалось непосильным. Мы — его переводчики… мы опекуны или, если применить одно из ваших сравнений, мы возделываем почву и ждем, пока придет пора жатвы. Сверхразум собирает урожай, а мы переходим на новое поле. Вы — уже пятое разумное племя, у нас на глазах достигшее вершины. И каждый раз к нашим знаниям что-то прибавляется.

— Неужели вас не возмущает, что Сверхразум пользуется вами как орудием?

— Это дает нам и некоторые преимущества; притом только тот, кто неразумен, возмущается неизбежным.

Вот с чем никогда не могло по-настоящему примириться человечество, хмуро подумал Ян. Есть вещи, которые не поддаются логике, и вот их-то Сверхправителям не понять.

— Странно, почему же Сверхразум выбрал именно вас своим орудием, если вы ни в малейшей мере не обладаете сверхчувственными силами, какие скрыты в людях. Как же он с вами общается, как дает вам знать, чего он хочет?

— На это я не могу ответить, и не могу объяснить, почему должен некоторые обстоятельства от тебя скрывать. Возможно, настанет день, когда ты узнаешь долю истины.

Озадаченный, Ян призадумался было, но понял — дальше об этом расспрашивать бесполезно. Придется переменить тему в надежде, что после еще отыщется ключ к загадке.

— Скажите, — этого вы тоже никогда не объясняли, — что стряслось, когда ваше племя явилось на Землю впервые, в далеком прошлом? Почему вы стали для нас воплощением ужаса и зла?

Рашаверак улыбнулся. Это ему не так удавалось, как Кареллену, но все-таки выходило похоже на улыбку.

— Никто не мог догадаться, и теперь ты понимаешь, отчего мы не могли вам объяснить. Только одно событие способно было до такой степени потрясти человечество. Но это случилось не на заре вашей истории, а в самом ее конце.

— То есть как? — не понял Ян.

— Когда наши корабли полтораста лет назад появились на вашем небе, это была первая встреча наших народов, хотя, конечно, на расстоянии мы вас изучали. И все же вы боялись нас и узнали, и мы заранее знали, что так будет. Это, в сущности, не память. Ты сам убедился на опыте, время — нечто гораздо более сложное, чем представлялось вашей науке. То была память не о прошлом, но о будущем, об этих последних годах, когда — человечество знало — для него все кончится. Как мы ни старались, конец оказался нелегким. Но мы были при нем, и поэтому люди увидели в нас воплощение своей гибели. А ведь до конца оставалось еще десять тысячелетий! Это было словно искаженное эхо; отдаваясь в замкнутом кольце времени, оно пронеслось из будущего в прошлое. Скорее, не память, но предчувствие.

Не просто было в этом разобраться, и Ян промолчал, пытаясь осмыслить нежданное открытие. А между тем не так уж это неожиданно — разве не убедился он на опыте, что причина и следствие подчас меняются местами?

Очевидно, существует некая племенная, родовая память, и память эта каким-то образом перестает зависеть от времени. Будущее и прошлое для нее — одно и то же. Вот почему тысячи лет назад затуманенные смертельным ужасом человеческие глаза уже уловили искаженный облик Сверхправителей.

— Теперь я понимаю, — сказал последний человек.

***

Последний человек на Земле! Нелегко это сознавать. Улетая в космос, Ян мирился с мыслью, что, быть может, навсегда отрывается от людей, но еще не чувствовал одиночества. Пожалуй, с годами появится и даже станет мучительным желание увидеть человеческое лицо, но до поры в обществе Сверхправителей ему не совсем уж одиноко.

Всего лишь за десять лет до его возвращения на Земле еще оставались люди, но то были последыши, выродки, и Яну не стоило жалеть, что он их уже не застал. Детей больше не было, — Сверхправители не могли объяснить, почему осиротевшие отцы и матери не пытались восполнить утрату, но Ян подозревал, что причины тут прежде всего психологические. Homo sapiens вымер.

Возможно, где-то в одном из еще не тронутых разрушением городов сохранилась рукопись какого-нибудь запоздалого Гиббона, повествующая о последних днях рода людского. Но если и так, Ян не стремился ее прочесть; с него довольно было рассказа Рашаверака.

Кое-кто покончил с собой, другие в поисках забвения предавались лихорадочной деятельности или какому-нибудь безрассудному, самоубийственному спорту, подчас напоминающему небольшую войну. Численность населения быстро уменьшалась, остающиеся, старея, жались друг к другу — разбитая армия смыкала ряды в последнем своем отступлении.

Должно быть, перед тем как навеки опустился занавес, заключительный акт трагедии озаряли вспышки героизма и преданности, омрачали варварство и себялюбие. Кончилось ли все отчаянием или покорностью, Яну уже не узнать.

Ему и без того было о чем подумать. Примерно в километре от базы Сверхправителей находилась заброшенная вилла, и Ян не один месяц потратил, приводя ее в порядок; перевез туда из ближнего города, километров за тридцать, всякие нужные в обиходе приборы и устройства. В город с ним летал Рашаверак, чья дружба, как подозревал Ян, была не совсем уж бескорыстной. Сверхправитель, специалист-психолог, все еще изучал последнего представителя Homo sapiens.

Видимо, жители покинули этот город раньше, чем настал конец. Дома и даже почти все необходимое, например водопровод, еще оставались в целости и сохранности. Совсем не трудно было бы пустить в ход электростанцию, вернуть блеск широким улицам, видимость жизни. Ян недолго тешился этой мыслью — нет, не стоит, что-то тут есть болезненное. Ясно

одно, предаваться сожалениям о прошлом он не желает.

Под рукой все необходимое, до самого конца он ни в чем не будет нуждаться, но непременно надо разыскать электронный рояль и кое-какие переложения Баха. Ему всегда хотелось больше заниматься музыкой, и вечно не хватало времени, теперь он это наверстает. И вот, если он не играет сам, так включает записи великих симфоний и концертов, музыка в его жилище не умолкает. Музыка — вот его талисман, защита от одиночества, которое рано или поздно неминуемо станет для него непосильным гнетом.

Часто он подолгу бродил по холмам и думал обо всем, что случилось за немногие месяцы с тех пор, как он в последний раз видел Землю. Не думал он, когда прощался с Салливеном восемьдесят земных лет назад, что уже готово родиться последнее поколение людей.

Каким же он был тогда безмозглым щенком! Но вряд ли стоит раскаиваться, ведь, останься он на Земле, пришлось бы воочию видеть те последние годы, скрытые теперь завесой времени. А он миновал их, перескочил в будущее и узнал ответы на вопросы, на которые больше никто из людей ответа не получит. Его любопытство почти утолено, лишь порой он спрашивает себя: чего ждут Сверхправители, почему еще медлят здесь и чем же в конце концов будет вознаграждено их терпение? Но чаще всего со спокойной покорностью, какая обычно приходит к человеку лишь в конце долгой хлопотливой жизни, он проводит время за роялем, упиваясь музыкой Баха. Возможно, он обманывает себя, возможно, такова благотворная прихоть рассудка, но теперь Яну кажется — только об этом он всегда и мечтал. Жажда, что скрывалась в тайниках души, осмелилась наконец выйти на свет сознания.

Ян всегда был неплохим пианистом, а теперь он — лучший в мире.

24

Новость ему сообщил Рашаверак, но он уже догадывался и сам. Среди ночи он очнулся от какого-то страшного сна и уснуть больше не мог. И не удалось вспомнить, что же привиделось, а это очень странно, ведь он издавна убежден: любое сновидение можно вспомнить сразу, едва проснешься, надо лишь как следует постараться. Он только и вспомнил, что во сне опять он — маленький мальчик, стоит на огромной пустой равнине и прислушивается, а неведомый властный голос зовет на незнакомом языке.

Сон все еще тревожил — может быть, это одиночество нанесло первый удар рассудку? Дома не сиделось, и Ян вышел на заброшенную, заросшую лужайку.

Полная луна все залила золотистым ярким светом, отчетливо видна была каждая мелочь. Позади базы Сверхправителей мерцал исполинский цилиндр Карелленова корабля; по сравнению с ним здания базы казались всего лишь делом рук человеческих. Ян смотрел на корабль, пытаясь вспомнить, какие чувства будил в нем когда-то вид этой громадины. Тогда казалось, это — недостижимая цель, символ всего, к чему стремишься понапрасну. А теперь вид его нисколько не волнует.

Все застыло в тишине. Конечно, Сверхправители, как всегда, чем-то заняты, но сейчас их не видно. Словно Ян совсем один на Земле… да, в сущности, так оно и есть. Он посмотрел на Луну, хоть бы глазам и мыслям отдохнуть на чем-то знакомом, привычном.

Вот они, древние, издавна памятные лунные моря. Ян побывал в глубине космоса, на расстоянии сорока световых лет, но ему так и не довелось пройти по этим пыльным безмолвным равнинам, до которых всего лишь две световых секунды. Для развлечения он поискал взглядом кратер Тихо. А когда нашел, удивился: блестящее пятнышко оказалось дальше от середины лунного диска, чем он думал. И вдруг он понял, что темный овал Моря Кризисов куда-то исчез.

Спутник Земли обратил к ней совсем не то лицо, которое смотрело на нее с начала времен. Луна стала вращаться вокруг своей оси.

Это могло означать только одно. В другом полушарии Земли, на материке, с которого они так внезапно смели все живое, *те* очнулись от долгого оцепенения. Как ребенок,

просыпаясь, тянется навстречу свету дня, они, разминая мышцы, играли своими вновь обретенными силами.

***

— Да, ты угадал, — сказал Рашаверак. — Нам небезопасно дольше здесь оставаться. Может быть, пока они еще не обращают на нас внимания, но рисковать нельзя. Мы улетим, как только все погрузим, — часа через два, через три.

Он посмотрел на небо, словно боялся — вот-вот там вспыхнет какое-нибудь новое чудо. Но нет, все спокойно; Луна зашла, лишь редкие облака плывут в вышине, подгоняемые западным ветром.

— Баловство с Луной еще не так опасно, — прибавил Рашаверак. — Ну, а если они вздумают повернуть и Солнце? Разумеется, мы оставим здесь приборы и от них узнаем, что будет дальше.

— Я остаюсь, — вдруг сказал Ян. — На Вселенную я насмотрелся. Теперь мне интересно только одно — судьба моей родной планеты.

Почва под ногами тихонько дрогнула.

— Я этого ждал, — продолжал Ян. — Раз они изменили вращение Луны, где-то должен измениться момент количества движения. И теперь замедляется вращение Земли. Даже не знаю, что меня больше поражает — *как* они это делают или *зачем* .

— Они все еще играют, — сказал Рашаверак — Много ли логики в поступках ребенка? А то целое которое возникло из вашего племени, во многих отношениях еще ребенок. Оно еще не готово соединиться со Сверхразумом. Но очень скоро и это придет, и тогда вся Земля останется в твоем распоряжении.

Он не докончил мысль, Ян договорил за него:

— Если только сама Земля не перестанет существовать.

— Ты понимаешь, что есть и такая опасность и все равно хочешь остаться?

— Да. Я провел дома пять лет… или уже шесть? Будь что будет, я ни о чем не пожалею.

— Мы и надеялись, что ты захочешь остаться — медленно заговорил Рашаверак. — Если останешься ты сможешь кое в чем нам помочь…

***

Огненный след звездолета истончился и угас где-то за орбитой Марса. Из миллиардов людей что жили и умерли на Земле, только он, Ян, проделал однажды этот путь, думал он теперь. И уже никто никогда больше там не пройдет.

Вся Земля принадлежит ему. Ни в чем нет недостатка, доступны все материальные блага каких только можно пожелать. Но его это больше не привлекает. И не страшат ни одиночество на безлюдной планете, ни присутствие того, что еще здесь, близко но очень скоро пустится на поиски своей неведомой доли И уж наверно, уносясь прочь, оставит за собою такой бурный вспененный след, что Яну со своими загадками которые его еще занимают, не уцелеть.

Ну и пусть. Он добился всего, чего хотел и после этого было бы нестерпимо скучно влачить бесцельное существование на опустелой планете. Можно бы улететь вместе со Сверхправителями, но какой смысл? Ведь он, как никто другой, знает: Кареллен сказал когда-то чистую правду — звезды не для человека.

Он оставил за собой ночную тьму и через широкие ворота вошел на базу Сверхправителей. Ее размеры ничуть не подавляют, огромность сама по себе для него давно уже ничего не значит. Тускло горят красноватые светильники — энергии, что их питает, хватило бы еще на века. По обе стороны дороги лежат брошенные Сверхправителями машины; никогда Ян не узнает тайны их устройства и назначения. Он миновал их, неловко

вскарабкался по громадным ступеням и наконец добрался до рубки.

Здесь еще живет дух Сверхправителей, еще работают их машины, выполняя волю теперь уже далеких своих владык. Что же может Ян прибавить к потоку сведений, который извергают они в пространство?

Он забрался на высоченное сиденье, постарался устроиться поудобнее. Его ждет уже включенный микрофон; наверно, за каждым его шагом следит какое-нибудь подобие телекамеры, но обнаружить ее не удалось.

За панелью управления со множеством непонятных инструментов смотрят в звездную ночь широкие окна, видны долина, спящая под немного уже ущербной Луной, и далекий горный хребет. По долине вьется река, там и сям поблескивают в лунном свете то воронка, то плеснувшая волна. Везде такой покой. Быть может, и при рождении человечества было все вот так же, как в его последний час.

Где-то в пространстве, невесть за сколько миллионов километров, конечно, ждет Кареллен. Странно думать, что корабль Сверхправителей мчится от Земли почти с той же скоростью, как сигнал, который Ян пошлет вдогонку. Почти — и все же не так быстро. Долгая будет погоня, но слова его дойдут до Попечителя, и тем самым Ян отдаст ему свой долг.

Любопытно, многое ли из случившегося входило и раньше в планы Кареллена, и сколько — внезапное наитие, гениальная импровизация? Неужели почти сто лет назад Попечитель умышленно дал ему тайком бежать с Земли, чтобы, возвратясь, он мог сыграть нынешнюю свою роль? Нет, это уж слишком невероятно. Ясно одно: Кареллен вынашивает какой-то грандиозный сложный замысел. Он служит Сверхразуму — и в то же время изучает его всеми средствами. Ян заподозрил, что Попечитель движим не одной лишь пытливостью ученого; быть может, Сверхправители мечтают когда-нибудь узнать достаточно о могучих силах, которым служат, и освободиться от этого странного порабощения.

Только трудно поверить, будто Ян сейчас может хоть что-то прибавить к их познаниям. “Говори нам, что ты видишь, — сказал ему Рашаверак. — Картину, которая будет у тебя перед глазами, передадут и наши камеры. Но поймешь и осмыслишь ты ее, вероятно, совсем иначе, и это, возможно, многое нам объяснит”. Что ж, он будет стараться изо всех сил.

— Все еще ничего нового, — начал он. — Несколько минут назад я видел, как исчез в небе след вашего корабля. Луна как раз начинает убывать, и та ее сторона, которой она всегда была обращена к Земле, теперь почти наполовину не видна… впрочем, вы, наверно, это уже знаете.

Ян примолк; чувствовал он себя довольно глупо. Что-то есть в его поведении неуместное, даже немножко нелепое. Завершается история целого мира, а он — будто радиокомментатор на скачках или на состязаниях по боксу. Но тут же он пожал плечами и отмахнулся от этой мысли. В минуты величия поблизости во все времена ухмылялась пошлость… но здесь, кроме него самого, некому ее заметить.

— За последний час было три небольших землетрясения, — продолжал он. — *Они* замечательно управляют вращением Земли, но все-таки не в совершенстве… Право, Кареллен, я все больше убеждаюсь, как трудно сказать вам что-нибудь такое, чего вам уже не сообщили ваши приборы. Наверно, было бы легче, если б вы хоть намекнули, чего мне ждать, и предупредили, долго ли надо ждать. Если ничего не случится, выйду опять на связь через шесть часов, как мы условились…

Нет, слушайте! Наверно, они только и ждали вашего отлета. Что-то начинается. Звезды тускнеют. Похоже, все небо страшно быстро заволакивает огромное облако. Только на самом деле это не облако. В нем есть какая-то система… Трудно различить, но что-то вроде туманной сетки из лент и полос, и они все время перемещаются. Будто звезды запутались в огромной призрачной паутине.

Вся эта сеть засветилась… светится и пульсирует, совсем как живая. Наверно, и правда живая… или это что-то выше, чем жизнь, как все живое выше неорганического мира?

Кажется, свечение сдвигается в один край неба… подождите минуту, я перейду к

другому окну.

Ну да… я мог бы и раньше догадаться. На западе над горизонтом огромный пылающий столб, какое-то огненное дерево. Оно очень далеко, на той стороне Земли. Я знаю, откуда оно растет, это *они* наконец пустились в путь, чтобы соединиться со Сверхразумом. Ученичество закончено, они отбрасывают последние остатки материи.

Огненный столб поднимается выше, а та сетка становится отчетливей, она теперь не такая туманная. Местами как будто совсем плотная… хотя звезды еще немного просвечивают сквозь нее.

А, понял. Кареллен, я видел, над вашей планетой вырастало что-то очень похожее, хотя и не в точности такое же. Может, это была часть Сверхразума? Наверно, вы скрывали от меня правду, чтобы у меня не возникли предвзятые идеи… чтоб я стал непредубежденным наблюдателем. Хотел бы я знать, что вы сейчас видите на ваших экранах, и сравнить с тем, что представляется мне!

Наверно, вот так он с вами и говорит, Кареллен, такими вот очертаниями и красками? Я помню, в рубке вашего корабля по экранам бежали какие-то узоры, это был зримый язык, внятный вашим глазам.

Теперь среди звезд мерцают и пляшут сполохи, точь в точь северное сияние. Ну конечно, наверняка так оно и есть — сильнейшая магнитная буря. Долина, горы — всё осветилось… ярче, чем днем… красные, золотые, зеленые полосы пробегают по небу… никакими словами не опишешь, просто несправедливо, что я один вижу такое… и не думал, что возможны такие цвета…

Буря утихает, но та огромная туманная сеть еще тут. Пожалуй, северное сияние — только побочный продукт какой-то энергии, которая высвобождается там, в стратосфере…

Одну минуту, что-то новое. Какая-то легкость во всем теле. Что это значит? Роняю карандаш — он падает медленно, как перышко. Что-то происходит с силой тяжести… поднимается сильный ветер… на равнине ветви деревьев ходят ходуном.

Понятно… атмосфера улетучивается. Камни и палки несутся вверх, будто сама Земля хочет рвануться за *теми* в небо. Вихрем подняло тучу пыли. Ничего не разглядеть… может, скоро прояснится.

Да… теперь лучше. С поверхности все сметено… пыль рассеялась. Любопытно, долго ли продержится это здание? И становится трудно дышать… попробую говорить медленней.

Вижу опять хорошо. Тот огненный столб еще на месте, но сжимается, суживается… будто смерч, уходящий в облака. И… как это передать? — меня захлестнуло таким волнением! Это не радость и не скорбь… было чувство полноты, свершения. Может, почудилось? Или это нахлынуло извне? Не знаю.

А теперь… нет, это не просто чудится… мир стал пустой. Совсем пустой. Все равно как слушаешь радио, и вдруг все выключилось. И небо опять ясное… туманная сетка пропала. Куда *оно* теперь пойдет, Кареллен? И на той планете вы опять будете ему служить?

Странно, вокруг меня все по-прежнему. Не знаю, почему-то я думал…

Ян умолк. Минуту мучился, не находя слов, закрыл глаза, силясь овладеть собой. Сейчас не до страха, не до паники, надо исполнить свой долг… долг перед Человечеством — и перед Карелленом.

Сперва медленно, будто просыпаясь, он снова заговорил:

— Здания вокруг… долина… горы… все прозрачное, как стекло… я вижу сквозь них! Земля истаивает… я стал почти невесомый. Вы были правы… им больше не нужны игрушки.

Остались секунды. Горы взлетают клоками дыма. Прощайте, Кареллен, Рашаверак… мне вас жаль. Мне этого не понять, а все-таки я видел, чем стало мое племя. Все, чего мы достигли, поднялось к звездам. Может, это и хотели сказать все старые религии. Только они перепутали, они думали, человечество так много значит, а мы лишь одно племя из… знаете ли вы, сколько их? А теперь мы — уже *другое* , вам этого не дано.

Река исчезает. А небо пока прежнее. Трудно дышать. Странно, Луна еще светит. Я рад, что они ее оставили, но ей теперь будет одиноко…

Свет! Подо мной… в недрах Земли… поднимается сквозь скалы, сквозь все… ярче, ярче, слепит…

***

В беззвучном взрыве света ядро Земли выпустило на волю потаенные запасы энергии. Недолгое время гравитационные волны пересекали во всех направлениях Солнечную систему, чуть колебля орбиты планет. И опять оставшиеся дети Солнца двинулись извечными своими путями, как по безмятежному озеру выплывают пробки из чуть заметной ряби от брошенного камня.

От Земли не осталось ничего. *Те* высосали всю ее плоть до последнего атома. Она питала их в час непостижимого, неистового преображения, как плоть пшеничного зерна кормит малый росток, когда он тянется к Солнцу.

***

В шести тысячах километров за орбитой Плутона перед внезапно погасшим экраном сидит Кареллен. Наблюдения закончены, задача выполнена; он возвращается домой, на планету, которую так давно покинул. Его гнетет тяжесть столетий и печаль, которую не разогнать никакими рассуждениями. Не человечество он оплакивает, его скорбь — о собственном народе, чей путь к величию навек пресекли неодолимые силы.

Да, его собратья многого достигли, думает Кареллен, им подвластна осязаемая Вселенная, и все же они — только бродяги, обреченные скитаться по однообразной пыльной равнине. Недостижимо далеки горные выси, где обитают мощь и красота, где по ледникам прокатываются громы, где воздух — сама чистота и свежесть. Там солнце на своем пути еще одаряет сиянием вершины гор, когда все внизу уже окутано тьмой. А они только и могут смотреть в изумлении, но никогда им не подняться на эти высоты.

Да, Кареллен знает: они будут держаться до конца; не поддаваясь отчаянию, станут ждать конца, что бы ни готовила им судьба. Будут служить Сверхразуму, ибо выбора у них нет, но и в этом служении не утратят душу свою.

Громадный контрольный экран на мгновение вспыхнул мрачным алым светом; сосредоточенно, напряженно Кареллен вчитывался в смысл меняющихся узоров. Корабль выходил за пределы Солнечной системы; энергия, питающая межзвездный двигатель, на исходе, но свое дело она уже сделала.

Кареллен поднял руку, и картина перед ним опять изменилась. Посреди экрана пламенела одинокая яркая звезда; на таком расстоянии никто не мог бы сказать, что у этого солнца были когда-либо планеты и что одна из них потеряна безвозвратно. Долго смотрел Кареллен назад, через быстро ширящуюся пропасть, множество воспоминаний проносилось в его могучем, сложном мозгу. И он безмолвно склонил голову перед всеми, кого знал, — и теми, кто мешал ему, и теми, кто помогал выполнить его задачу.

Никто не смел потревожить его, прервать его раздумье; а потом он отвернулся, и Солнце, исчезающе малая точка, осталось позади.

Фредрик БРАУН
НЕМНОГО ЗЕЛЕНИ

Огромное темно-красное солнце пылало на фиолетовом небе. На горизонте, за бурой равниной, усеянной бурыми кустами, виднелись красные джунгли.

Макгэрри направился к ним крупным шагом. Поиски в красных джунглях были делом трудным и опасным, но совершенно необходимым. Макгэрри уже обшарил сотню таких

зарослей; на этот раз ему предстояло осмотреть еще одни.

— Идем, Дороти, — произнес он. — Ты готова?

Маленькое существо с пятью конечностями на плече у Макгэрри ничего не ответило — впрочем, как и всегда… Дороти не умела говорить, но к ней можно было обращаться. Какая-никакая, а все же компания. Дороти была такая легкая, что вызывала у Макгэрри странное ощущение: как будто на плече у него все время лежит чья-то рука.

Дороти была с ним вот уже… сколько лет? Не меньше четырех. Он здесь уже лет пять, а Дороти с ним, наверное, года четыре. Он причислил Дороти к слабому полу только по тому, с какой мягкостью она покоилась у него на плече, — словно женская рука.

— Дороти, — продолжал он, — мы должны быть готовы ко всему. В зарослях могут оказаться львы или тигры.

Он отстегнул висевшую у пояса кобуру и крепко стиснул солнечный пистолет. В сотый раз он возблагодарил свою счастливую звезду за то, что при аварии ему удалось спасти бесценное оружие, практически вечное. Достаточно было подержать пистолет часок — другой под солнцем — под любым ярким солнцем, чтобы он начал поглощать энергию, которая выделится потом при нажатии курка. Без этого оружия Макгэрри наверняка не смог бы протянуть пять лет на планете Крюгер-III.

Не успел он дойти до красных джунглей, как увидел льва. Разумеется, это животное ничем не напоминало земного льва. У него была красная шкура, не очень заметная на фоне бурых кустов, в которых он прятался, восемь мягких лап, гибких и мощных; чешуйчатая морда заканчивалась птичьим клювом.

Макгэрри назвал это чудовище львом. Но с тем же успехом он мог бы назвать его и иначе, потому что у него еще не было имени. А если оно и было, то его “крестный отец” не вернулся на Землю рассказать о флоре и фауне Крюгера-III. Судя по официальной статистике, до Макгэрри здесь опустился только один корабль, но стартовать отсюда ему так и не пришлось. Именно его и разыскивал Макгэрри, искал все эти пять лет.

Если ему удастся его найти, быть может, там окажется электронная аппаратура, которая разбилась у Макгэрри при посадке. И тогда он бы смог вернуться на Землю.

Он остановился шагах в десяти от красных зарослей и прицелился в то место, где притаился зверь. Нажал курок, последовала ослепительно зеленая вспышка — один только миг, но какой прекрасный миг — и кусты, и восьмилапый лев исчезли бесследно.

Макгэрри удовлетворенно хмыкнул.

— Ты видела, Дороти? Она была зеленая, а только этого цвета нет на твоей кроваво-красной планете. Зеленый цвет — самый чудесный цвет во всей Вселенной. Я знаю зеленую планету, и мы с тобой скоро полетим туда. Конечно, полетим. Это моя родина, Дороти, она прекраснее всего на свете. Она тебе наверняка понравится.

Он отвернулся, окинул взглядом бурую равнину, усеянную бурыми кустами, распростершуюся под фиолетовым небом, в котором пылало темно-красное солнце, всегда темно-красное солнце Крюгера. Оно никогда не уходило за горизонт, так как планета была обращена к нему только одной стороной, как Луна к Земле.

Здесь не было ни дня, ни ночи, если ты не пересекал границу между дневной и ночной стороной планеты; а на ночной стороне было так холодно, что никакой жизни там быть не могло. Здесь не было и времен года. Температура постоянная, всегда одинаковая: нет ни ветров, ни гроз.

Снова и снова, в который уже раз, ему пришла в голову мысль, что жить на Крюгере-III было бы совсем неплохо, если бы только тут время от времени встречалась зелень, как на Земле, если б можно было увидеть хоть что-то зеленое, кроме вспышки солнечного пистолета. Тут легко дышится, температура колеблется от 5 °С у терминатора до 30 °С на экваторе, где лучи солнца падают вертикально. Пищи сколько угодно; он давно уже научился отличать съедобные виды животных и растений от несъедобных.

Да, это была превосходная планета. В конце концов Макгэрри примирился с мыслью, что он здесь — единственное разумное существо. Ему в этом очень помогла Дороти: как-

никак, есть кому излить душу, хотя Дороти не могла ему ответить.

Вот только — боже мой, как бы ему хотелось снова увидеть зеленый мир! Земля… Единственная планета во Вселенной, где преобладает зеленый цвет, где хлорофилл — основа всего живого.

На других планетах, даже на планетах Солнечной системы, по соседству с Землей, только изредка встречаются на скалах зеленоватые полоски мха, скорее даже зеленовато-бурые. Можно жить на этих планетах годами и ни разу не увидеть ничего зеленого.

При мысли об этом Макгэрри вздохнул и начал думать вслух, обращаясь к Дороти:

— Да, Дороти, Земля — единственная планета, на которой стоит жить! Зеленые поля, зеленые луга, зеленые леса… Знаешь, Дороти, если мне удастся вернуться на Землю, я больше никогда не покину ее. Построю себе хижину в дремучем лесу. Но нужно будет выбрать полянку, где почти нет деревьев и где бы могла расти 1рава. Зеленая трава! И хижину я тоже покрашу в зеленый цвет.

Он снова вздохнул и посмотрел на красные заросли прямо перед ним.

— Что ты сказала, Дороти? — Дороти ничего не сказала, но Макгэрри часто делал вид, что слышит ее вопросы; эта игра помогала ему сохранить рассудок. — Женюсь ли я по возвращении на Землю? Ты спрашивала меня об этом, да?

Он помедлил с ответом.

— Кто знает? Может быть, да, может, и нет. Помнишь, я говорил тебе о женщине, которую оставил на Земле? Мы должны были вскоре пожениться. Но пять лет — это очень долгий срок. Наверное, объявили, что я пропал, а может, и погиб. Вряд ли она будет ждать меня. Конечно, если она меня дождется, я на ней женюсь… А если не дождется, что тогда? Ты хочешь знать? Понятия не имею. Но зачем волноваться прежде времени? Конечно, если бы я нашел зеленую женщину, или хотя бы зеленоволосую, я бы влюбился в нее до потери рассудка. Но на моей планете почти все зеленое, кроме женщин.

Он усмехнулся в ответ на собственную шутку и с пистолетом наготове вошел в заросли, в красные заросли, где не было ничего зеленого, лишь изредка озаряли все вокруг зеленые вспышки его пистолета.

Может быть, помимо присутствия Дороти, он не помешался еще и из-за этих выстрелов. Несколько раз в день он видел зеленую вспышку… Чуть-чуть зеленого, просто чтобы напомнить ему, как выглядит этот цвет, просто чтобы глаз не отвык его различать, если ему еще хоть когда-нибудь доведется увидеть зеленое…

Он оказался на небольшом островке джунглей (правда, земные мерки вряд ли были применимы к Крюгеру-III). Таких островков здесь, вероятно, были миллионы, так как Крюгер-III больше Юпитера. Чтобы обследовать его поверхность, не хватило бы целой жизни. Макгэрри это знал, но не давал волю таким мыслям. Если бы он позволил себе усомниться в том, что он найдет обломки единственного корабля, опускавшегося на эту планету, или если бы он изверился в том, что найдет там приборы, без которых не может привести в движение собственный космический корабль, ему пришлось бы плохо.

Островок джунглей величиной с квадратную милю порос настолько густыми зарослями, что сквозь них трудно было продираться, и Макгэрри несколько раз останавливался вздремнуть и поесть. Он убил двух львов и одного тигра. Выйдя из чащи, Макгэрри пошел по опушке, делая ножом отметины на самых больших деревьях, чтобы второй раз не искать обломков в одном и том же месте. Стволы были мягкие, лезвие легко, без труда счищало красную кору, обнажая розовую древесину, словно срезало картофельную кожуру.

Макгэрри снова вышел на однообразную бурую равнину.

— На этот раз нет, Дороти, — произнес он. — Может быть, нам больше повезет в других зарослях. Ну хоть бы вон в тех, на горизонте.

Фиолетовое небо, темно-красное солнце, бурая равнина, бурые кусты…

— Зеленые холмы Земли, Дороти! Они тебе наверняка понравятся…

Бурая, бескрайняя равнина…

Неизменное фиолетовое небо…

Но что это доносится оттуда, сверху? Какой-то звук?.. Не может быть; здесь никогда такого не бывало. Он поднял глаза к небу и увидел…

Высоко-высоко в фиолетовом небе он увидел маленькую черную точку. Она двигалась! Космический корабль! Это мог быть только космический корабль. На Крюгере-III не водятся птицы. Да у птиц и не бывает огненных хвостов…

Он знал, что должен делать: он уже тысячи раз прикидывал, как сообщить о своем присутствии, если когда-нибудь появится корабль. Он выхватил пистолет и выстрелил в небо. Вспышка получилась, конечно, небольшая, но она была зеленая. Если пилот смотрел на планету, если он хоть раз взглянул на нее, прежде чем улететь, — он должен был заметить зеленую вспышку на планете, где нет ничего зеленого.

Он снова нажал на спуск.

И пилот увидел. Трижды выбросив струю пламени (это было общепринятым ответом на сигнал тревоги), он начал заходить на посадку.

Макгэрри стоял весь дрожа. Он так долго ждал — и вот, наконец, свершилось! Он положил руку себе на плечо и дотронулся до маленького существа с пятью конечностями, которое покоилось там, будто женская рука.

— Дороти, — прошептал он, — это…

Он больше не мог выговорить ни слова. Корабль садился. Макгэрри бросил взгляд на свою одежду, и внезапно при мысли о том, каким он предстанет перед своим спасителем, его охватило чувство стыда. Вся его одежда состояла из пояса, на котором висели кобура, нож, кое-какие инструменты. Он был грязен. Наверняка от него пахло. Под толстым слоем грязи тело казалось истощенным и даже старым. Конечно, он поголодал, но, попади он на Землю, хорошая земная пища изменила бы его до неузнаваемости…

Земля! Зеленые холмы Земли!

Макгэрри побежал, спотыкаясь от нетерпения, туда, куда опускался корабль; тот был уже очень низко, и Макгэрри смог разглядеть, что он одноместный. В конце концов, это неважно: будет нужда, так в нем поместятся и двое. По крайней мере Макгэрри попадет на ближайшую обитаемую планету, а там другой корабль отвезет его на Землю. На Землю! К зеленым холмам, зеленым полям, зеленым долинам…

Он то молился, то чертыхался на бегу, и по щекам у него струились слезы.

Потом он ждал, пока дверца не открылась и оттуда не появился стройный молодой человек в форме межзвездного инспектора.

— Ты возьмешь меня с собой?

— Конечно, — ответил молодой человек. — Ты здесь давно?

— Пять лет.

Макгэрри знал, что плачет, но ничего не мог поделать.

— Вот это да! — воскликнул пилот. — Я лейтенант Арчер из службы инспекции, — представился он. — Конечно, я тебя возьму. Пусть только немного остынет двигатель, а потом я его снова запущу. Я отвезу тебя в Картадж, на Альдебаран-III, а оттуда ты полетишь, куда захочешь. Не нужно ли тебе чего-нибудь? Поесть? Попить?

Макгэрри молча покачал головой. У него подгибались колени. Есть, пить… да какое это имеет значение?!

Зеленые холмы Земли! Он их еще увидит! Только это важно, и ничего больше… Он ждал их так долго, и вот наконец свершилось! Внезапно фиолетовое небо заплясало у него перед глазами и почернело. Макгэрри рухнул вниз.

Очнувшись, он увидел, что лежит, а лейтенант подносит к его губам фляжку. Он сделал большой глоток, жидкость обожгла горло. Он сел и почувствовал себя лучше. Огляделся, удостоверился, что корабль никуда не улетел, и у него стало удивительно хорошо на душе.

— Подождем, пока ты соберешься с силами, — сказал пилот. — Тронемся в путь через полчаса, а через шесть часов будем в Картадже. Хочешь со мной поговорить, пока ты тут приходишь в себя? Расскажи мне обо всем, что с тобой случилось.

Они сели в тени бурых кустов, и Макгэрри рассказал Арчеру обо всем. О вынужденной посадке, о разбившемся корабле, который он не мог подготовить к запуску. О том, как он пять лет искал другой корабль — он же читал, что на этой планете разбился корабль, на котором могли уцелеть приборы, необходимые Макгэрри для взлета. О долгих поисках. И о Дороти, приютившейся на его плече: теперь у него было с кем разговаривать.

Но когда рассказ Макгэрри уже подходил к концу, лейтенант Арчер изменился в лице. Он стал еще более серьезным и участливым.

— Послушай, старина, — осторожно спросил он, — в каком году ты сюда прилетел?

Макгэрри смекнул, куда тот клонит. Разве мог он точно измерить время на этой планете без времени года, где вечный день, вечное лето?..

— В сорок втором, — ответил он. — Насколько же я ошибся, лейтенант? Сколько мне лет на самом деле? Я-то считал — тридцать.

— Сейчас семьдесят второй год. Значит, ты провел здесь тридцать лет, и теперь тебе пятьдесят пять. Но ты не огорчайся, — поспешил он добавить. — Медицина у нас сделала большие успехи. Ты еще долго будешь жить.

— Пятьдесят пять, — тихо повторил Макгэрри. — Тридцать лет…

Лейтенант Арчер сочувственно взглянул на него:

— Послушай, хочешь, я скажу тебе все сразу? Остальные плохие вести? Правда, я не психолог, но, мне кажется, лучше тебе узнать всю правду сразу, не выжидая. Ведь тебе будет легче, раз уж ты отсюда уезжаешь. Ну так как, будешь меня слушать, Макгэрри?

Ничто не могло быть хуже той вести, которую ему сейчас сообщили. Конечно, он будет слушать, ведь скоро он вернется на Землю, на зеленую Землю. Он снова окинул взглядом фиолетовое небо, темно-красное солнце, бурую равнину и спокойно ответил:

— Давай, лейтенант. Выкладывай.

— Ты молодцом продержался здесь тридцать лет, Макгэрри. Поблагодари судьбу за то, что верил, будто корабль Марлея опустился на Крюгере-III. На самом деле он разбился о поверхность Крюгера-IV. Тебе бы никогда не найти его здесь. Но, как ты правильно заметил, эти поиски помогли тебе сохранить здравый рассудок… почти здравый.

Он помолчал с минуту и затем продолжал еще мягче:

— На плече у тебя никого нет, Макгэрри. Дороти создана твоим воображением. Впрочем, это неважно: призрак помог тебе выстоять.

Медленно, очень медленно Макгэрри протянул руку к левому плечу. Коснулся его. На нем никого не было.

— Пойми, старина, уже одно то, что ты не сошел с ума, — поистине чудо. Тридцать лет одиночества! Но если теперь, когда я тебе все рассказал, ты будешь по-прежнему верить в свою фантазию, психиатры в Картадже или на Марсе помогут тебе избавиться от нее в один момент.

— Все кончено, — мрачно произнес Макгэрри. — Дороти больше нет. Я… теперь я даже не знаю, лейтенант, верил ли я когда-нибудь в существование Дороти. Я ее выдумал, чтобы мне было с кем разговаривать. Вот потому-то я и не сошел с ума. Мне казалось… мне казалось, будто у меня на плече — нежная рука. Я об этом говорил?

— Да, говорил. Хочешь узнать остальное?

— Остальное? — воззрился на него Макгэрри. — Мне пятьдесят пять лет. Тридцать из них я потратил на поиски корабля, найти который я и не мог, потому что он упал на другой планете. Все эти годы я был сам не свой. Но велика важность, раз я могу опять полететь на Землю!

Лейтенант Арчер покачал головой:

— Только не на Землю, старина. Если хочешь, на Марс, к прекрасным желтым холмам Марса. Или, если ты хорошо переносишь зной, на фиолетовую Венеру. Но не на Землю. Там сейчас никто не живет.

— На Земле… Никто?..

— Да… Космическая катастрофа. К счастью, мы сумели вовремя ее предугадать. Мы

переселились на Марс: сейчас там четыре миллиарда землян.

— Земли больше нет, — без всякого выражения произнес Макгэрри.

— Да, старина. Но Марс — совсем неплохая планета. Привыкнешь… Конечно, тебе будет не хватать зелени…

— Земли больше нет, — опять без всякого выражения повторил Макгэрри.

— Я рад, что ты принял это спокойно, старина, — сказал Арчер. — Все-таки удар. Но, кажется, мы уже можем лететь. Пойду проверю приборы.

Он встал и направился к маленькому кораблю.

Макгэрри достал пистолет. Выстрел — и лейтенант Арчер исчез. Потом Макгэрри поднялся на ноги и пошел к ракете. Прицелился, выстрелил — и часть ракеты исчезла. После шести выстрелов с ракетой все было кончено. Атомы, из которых раньше состоял лейтенант Арчер, и атомы, которые еще недавно были ракетой, кружились в воздухе, остались здесь же, но были уже невидимы.

Засунув пистолет в кобуру, Макгэрри двинулся в путь — к красному пятну зарослей там, на горизонте.

Он дотронулся рукой до плеча: на нем снова сидела Дороти, как и все те четыре или пять лет, что он провел на Крюгере-III.

Он опять почувствовал, будто у него на плече лежит мягкая женская рука.

— Не печалься, Дороти, — произнес он. — Мы наверняка ее найдем. Может быть, она упала вон в тех зарослях. А когда мы ее найдем…

Перед ним уже стеной стояли джунгли, красные джунгли. Оттуда выскочил тигр, кинулся на него. Розовато-лиловый, шестилапый, с огромной, как бочка, головой. Макгэрри прицелился, нажал на спуск. Увидел ослепительно зеленую вспышку. Один только миг, но какой прекрасный миг!.. Тигр исчез бесследно.

Макгэрри удовлетворенно хмыкнул:

— Ты видела, Дороти? Она была зеленая, а этого цвета нет ни на одной планете, кроме той, на которую мы полетим. Зеленый цвет — самый чудесный цвет во всей Вселенной! Я знаю зеленую планету, она прекраснее всего на свете. Это моя родина, Дороти. Она тебе наверняка понравится.

— Конечно, Мак, — ответила Дороти.

Низкий, гортанный голос маленького создания был ему очень знаком. Он не удивился, когда она ответила: она всегда ему отвечала. Он знал голос Дороти не хуже своего собственного. Макгэрри дотронулся рукой до маленького существа, сидевшего на голом плече. Словно его касалась мягкая женская рука.

Он оглянулся, окинул взглядом бурую равнину, усеянную бурыми кустами, фиолетовое небо, на котором пылало темно-красное солнце. И засмеялся. Это был не смех сумасшедшего, а мягкий, снисходительный смешок. Так ли уж важно все это? Ведь скоро он найдет корабль, снимет с него приборы, необходимые ему для ремонта, и тогда вернется на Землю.

К зеленым холмам, зеленым полям, зеленым долинам…

Он снова погладил руку, лежавшую у него на плече, и огляделся. С пистолетом в руке он вошел в красные джунгли.

Клиффорд САЙМАК
ВЕТЕР ЧУЖОГО МИРА

Никто и ничто не может остановить группу межпланетной разведки, этот четкий, отлаженный механизм, созданный и снаряженный для одной лишь цели — занять на чужой планете плацдарм, уничтожив вокруг корабля все живое, и основать базу, где было бы достаточно места для выполнения задачи. А если придется, удерживать и защищать плацдарм от кого бы то ни было до самого отлета.

Как только на планете появляется база, приступают к работе ученые. Исследуется все

до мельчайших подробностей. Они делают записи на пленку и в полевые блокноты, снимают и замеряют, картографируют и систематизируют до тех пор, пока не получается стройная система фактов и выводов для галактических архивов.

Если встречается жизнь, что в галактике не редкость, ее исследуют так же тщательно, особенно реакцию на людей. Иногда реакция бывает яростной и враждебной, иногда почти незаметной, но не менее опасной. Однако легионеры и роботы всегда готовы к любой сложной ситуации, и нет для них неразрешимых задач.

Никто и ничто не может остановить группу межпланетной разведки.

Том Деккер сидел в пустой рубке и вертел в руках высокий стакан с кубиками льда, наблюдая, как из трюмов корабля выгружается первая партия роботов. Они вытянули за собой конвейерную ленту, вбили в землю опоры и приладили к ним транспортер.

Дверь за его спиной открылась с легким щелчком, и Деккер обернулся.

— Разрешите войти, сэр? — спросил Дуг Джексон.

— Да, конечно.

Джексон подошел к большому изогнутому иллюминатору.

— Что же нас тут ожидает? — произнес он.

— Еще одно обычное задание, — пожал плечами Деккер. — Шесть недель. Или шесть месяцев. Все зависит от того, что мы обнаружим.

— Похоже, здесь будет посложнее, — сказал Джексон, усаживаясь рядом с ним. — На планетах с джунглями всегда трудно.

— Это работа. Просто еще одна работа. Еще один отчет. Потом сюда пришлют либо эксплуатационную группу, либо переселенцев.

— Или, — возразил Джексон, — поставят отчет на пыльную полку архива и забудут.

— Это уже их дело. Наше дело — его подготовить. Что с ним будет дальше, нас не касается.

За иллюминатором первые шесть роботов сняли крышку с контейнера и распаковали седьмого. Затем, разложив рядом инструменты, собрали его, не тратя ни одного лишнего движения, вставили в металлический череп мозговой блок, включили и захлопнули дверцу на груди. Седьмой встал неуверенно, постоял несколько секунд и, сориентировавшись, бросился к транспортеру помогать выгружать контейнер с восьмым.

Деккер задумчиво отхлебнул из своего стакана. Джексон зажег сигарету.

— Когда-нибудь, — сказал он, затягиваясь, — мы наверняка встретим что-то такое, с чем не сможем справиться.

Деккер фыркнул.

— Может быть, даже здесь, — настаивал Джексон, разглядывая кошмарные джунгли за иллюминатором.

— Ты романтик, — резко ответил Деккер. — Кроме того, ты молод: все еще мечтаешь о неожиданностях. Десяток раз слетаешь, и это у тебя пройдет.

— Но все-таки то, о чем я говорю, может случиться.

Деккер сонно кивнул.

— Может. Никогда не случалось, но, наверное, может. Впрочем, стоять до последнего — не наша задача. Если нас ждет тут что-нибудь такое, что нам не по зубам, мы долго на этой планете не задержимся. Риск не наша специальность.

Корабль покоился на вершине холма посреди маленькой поляны, буйно заросшей травой и кое-где экзотическими цветами. Рядом лениво текла река, неся сонные темно-коричневые воды сквозь опутанный лианами огромный лес. Вдаль, насколько хватало глаз, тянулись джунгли, мрачная сырая чаща, которая даже через стекло иллюминатора, казалось, дышала опасностью. Животных не было видно, но никто не мог знать, какие твари прячутся в темных норах или в кронах деревьев.

Восьмой робот включился в работу. Теперь уже две группы по четыре робота вытаскивали контейнеры и собирали новые механизмы. Скоро их стало двенадцать — три рабочие группы.

— Вот так! — возобновил разговор Деккер, кивнув на иллюминатор. — Никакого риска. Сначала роботы. Они распаковывают и собирают друг друга. Затем все вместе устанавливают и подключают технику. Мы даже не выйдем из корабля, пока вокруг не будет надежной защиты.

Джексон вздохнул.

— Наверное, вы правы. С нами действительно ничего не может случиться. Мы не упускаем ни одной мелочи.

— А как же иначе? — Деккер поднялся с кресла и потянулся. — Пойду займусь делами. Последние проверки и все такое…

— Я вам нужен, сэр? — спросил Джексон. — Я бы хотел посмотреть. Все это для меня ново…

— Нет, не нужен. А это… это пройдет. Еще лет двадцать, и пройдет.

На столе у себя в кабинете Деккер обнаружил стопку предварительных отчетов и неторопливо просмотрел их, запоминая все особенности мира, окружавшего корабль. Затем некоторое время работал, листая отчеты и складывая прочитанные справа от себя лицевой стороной вниз.

Давление атмосферы чуть выше, чем на Земле. Высокое содержание кислорода. Сила тяжести немного больше земной. Климат жаркий. На планетах-джунглях всегда жарко. Снаружи слабый ветерок. Хорошо бы он продержался… Продолжительность дня тридцать шесть часов. Радиация: местных источников нет, но случаются вспышки солнечной активности. Обязательно установить наблюдение… Бактерии, вирусы: как всегда на таких планетах, много. Но, очевидно, никакой опасности. Команда напичкана прививками и гормонами по самые уши. Хотя до конца, конечно, уверенным быть нельзя. Минимальный риск есть, ничего не поделаешь. И если вдруг найдется какой-нибудь настырный микроб, способы защиты придется искать прямо здесь… Растительность и почва наверняка просто кишат микроскопической живностью. Скорее всего, вредной. Но это уже будничная работа. Полная проверка. Почву необходимо проверять, даже если на планете нет жизни. Хотя бы для того, чтобы удостовериться, что ее действительно нет…

В дверь постучали, и вошел капитан Карр, командир подразделения Легиона. Деккер ответил на приветствие, не вставая из-за стола.

— Разрешите доложить, сэр! — четко произнес Карр. — Легион готов к высадке!

— Отлично, капитан. Отлично, — ответил Деккер.

“Какого черта ему надо? Легион всегда готов и всегда будет готов — это естественно. Зачем такие формальности?

Наверное, виной тому характер Карра. Легион с его жесткой дисциплиной, давними традициями и гордостью за них всегда привлекал таких людей, давая им возможность отшлифовать врожденную педантичность.

Оловянные солдатики высшего качества. Тренированные, дисциплинированные, вакцинированные против любой известной и неизвестной болезни, натасканные в чужой психологии земляне с огромным потенциалом выживания, выручающим их в самых опасных ситуациях…”

— Некоторое время мы еще не будем готовы, капитан, — сказал Деккер. — Роботы только начали сборку.

— Жду ваших приказаний, сэр!

— Благодарю вас, капитан. — Деккер дал понять, что хочет остаться один. Но когда Карр подошел к двери, он снова подозвал его.

— Да, сэр!

— Я подумал… — медленно произнес Деккер. — Просто подумал… В состоянии ли вы представить себе ситуацию, с которой Легион не смог бы справиться?

— Боюсь, я не понимаю вашего вопроса, сэр.

Глядеть на Карра в этот момент было сплошное удовольствие. Деккер вздохнул.

— Я и не предполагал, что вы поймете.

К вечеру все роботы и кое-какие механизмы были собраны, установлены и первые автоматические сторожевые посты. Огнеметы выжгли вокруг корабля кольцо около пятисот футов диаметром, а затем в ход пошел генератор жесткого излучения, заливший землю внутри кольца безмолвной смертью. Ужасное зрелище: почва буквально вскипела живностью в последних бесплодных попытках избежать гибели. Роботы собрали огромные батареи ламп, и на вершине холма стало светлее, чем днем. Подготовка к высадке продолжалась, но ни один человек еще не ступил на землю новой планеты.

В тот вечер робот-официант установил столы в галерее, с тем чтобы люди во время еды могли наблюдать за ходом работ снаружи. Вся группа — разумеется, кроме легионеров, которые оставались в своих каютах, — уже собралась к ужину, когда в отсек вошел Деккер.

— Добрый вечер, джентльмены.

Он сел во главе стола, после чего расселись по старшинству и все остальные.

Деккер сложил перед собой руки и склонил голову, собираясь произнести привычные, заученные слова. Он задумался, и, когда заговорил, слова ему самому показались неожиданными.

— Отец наш, мы, слуги твои в неизведанной земле, находимся во власти греховной гордыни. Научи нас милосердию и приведи нас к знанию. Ведь люди, несмотря на дальние их путешествия и великие их дела, все еще дети твои. Благослови хлеб наш, господи. И не оставь без сострадания. Аминь.

Деккер поднял голову и взглянул вдоль стола. Кого-то, он заметил, его слова удивили, кого-то позабавили. Возможно, они думают, что старик не выдерживает, кончается. Может быть, и так. Хотя до полудня он чувствовал себя в полном порядке… Все этот молодой Джексон…

— Прекрасные слова, сэр, — сказал наконец Макдональд, главный инженер группы. — Среди нас есть кое-кто, кому не мешало бы прислушаться и запомнить их. Благодарю вас, сэр.

Вдоль стола начали передавать блюда и тарелки, и постепенно галерея оживилась домашним звоном хрусталя и серебра.

— Похоже, здесь будет интересно, — начал разговор Уолдрон, антрополог по специальности. — Мы с Диксоном стояли на наблюдательной палубе как раз перед заходом солнца, и нам показалось, что мы видели у реки какое-то движение. Что-то живое…

— Было бы странно, если б мы здесь никого не нашли, — ответил Деккер, накладывая себе в тарелку обжаренный картофель. — Когда сегодня облучали площадку, в земле оказалось полно всяких тварей.

— Существа, которых мы с Уолдроном видели, напоминали людей.

Деккер посмотрел на биолога с интересом.

— Вы уверены?

Диксон покачал головой.

— Видно было неважно, но мне показалось, что их было двое или трое. Этакие спичечные человечки.

— Как дети рисуют, — кивнул Уолдрон. — Одна палка — туловище, две — ножки, еще две — ручки, кружок — голова. Угловатые такие, тощие…

— Но двигаются красиво, — добавил Диксон. — Мягко, плавно, как кошки.

— Ладно, скоро узнаем, кто это такие. Через день-два мы их найдем, — ответил Деккер.

Забавно. Почти на каждой планете кто-нибудь сразу “находит” гуманоидов, и почти всякий раз они оказываются игрой воображения. Люди часто выдают желаемое за действительное. Что ж, вполне понятное желание — вдали от своих, на чужой планете найти жизнь, которая хотя бы на первый взгляд напоминала что-то знакомое. Но, как правило, представители гуманоидной расы, если таковая встречалась, оказывались настолько отталкивающими и чужими, что по сравнению с ними даже земной осьминог кажется родным и близким.

— Я все думаю о том горном массиве к западу, — вступил в разговор Фрейни, начальник геологической группы, — который мы видели при подлете. Похоже, горы образовались сравнительно недавно, а это всегда удобней для работы: легче добраться до того, что скрыто внутри.

— Первая разведка будет в том направлении, — неожиданно решил Деккер.

Яркие огни снаружи вселяли в ночь новую жизнь. Собирались огромные механизмы. Четко двигались роботы. Машины поменьше суетились, как напуганные жуки. С южной стороны все полыхало, а небо то и дело озарялось новыми всплесками пламени, вырывающегося из огнеметов.

— Доделывают посадочное поле, — произнес Деккер. — Там осталась полоса джунглей, но она ровная, как пол. Еще немного, и поле тоже будет готово.

Робот принес кофе, бренди и сигары. Расположившись поудобней, Деккер и все остальные продолжали наблюдать за работой снаружи.

— Ненавижу это ожидание, — нарушил молчание Фрейни.

— Часть работы. Ничего не поделаешь, — ответил Деккер и подлил в кофе еще бренди.

К утру все машины были собраны. Одни уже выполняли какие-то задания, другие стояли наготове. Огнеметы закончили свою работу, и по их маршрутам ползали излучатели. На подготовленном поле стояли несколько реактивных самолетов. Примерно половина от общего числа роботов, закончив порученные дела, построилась в аккуратную прямоугольную колонну.

Наконец опустился наклонный трап, и по нему сошли на землю легионеры. В колонну по два, с блеском и грохотом, с безукоризненной точностью, способной посрамить даже роботов. Конечно, без знамен и барабанов, поскольку пользы от них никакой, а Легион, несмотря на пристрастие к блеску и показухе, организация крайне эффективная. Колонна развернулась, вытянулась в линию и разбилась по взводам, которые тут же направились к границам базы. Машины, роботы и легионеры заняли посты. Земля подготовила плацдарм еще на одной планете.

Роботы быстро и деловито собрали открытый павильон из полосатого брезента, разместили в тени столы, кресла, втащили туда холодильник с пивом и льдом.

Теперь и обычные люди могли покинуть безопасные стены корабля.

“Организованность, — с гордостью произнес про себя Деккер, окидывая базу взглядом. — Организованность и эффективность! Ни одной лазейки для случайностей! Любую лазейку заткнуть еще до того, как она станет лазейкой! Подавить любое сопротивление, пока оно не выросло! Абсолютный контроль на плацдарме!”

Конечно, позже может что-то случиться. Всего не предусмотришь. Будут выездные экспедиции, и даже под защитой роботов и легионеров остается какой-то риск. Будет воздушная разведка, картографирование, и все это несет в себе элемент риска. Однако опасность сведена к минимуму.

И всегда будет база. Абсолютно надежная и неприступная база, куда при случае можно отступить, и откуда, если понадобится, можно контратаковать или прислать подкрепление.

Все тщательно продумано! Неожиданностей быть не должно!

И что на него такое вчера нашло?.. Наверное, это из-за молодого Джексона. Способный биохимик, конечно, но не для межпланетной разведки. Видимо, что-то где-то не сработало: отборочная комиссия должна была выявить его эмоциональную неустойчивость. Не то чтобы он мог помешать делу, но на нервы действует…

Деккер выложил на стол в павильоне целую кучу документов, затем нашел среди них карту, развернул ее и разгладил большим пальцем сгибы. На карте были нанесены лишь часть реки и горного хребта. Базу обозначал перечеркнутый крестом квадрат, а все остальное пространство оставалось пустым.

Но это ненадолго. Через несколько дней у них будут полные карты.

С поля рванулся в небо самолет, плавно развернулся и ушел на запад. Деккер выбрался из павильона и посмотрел ему вслед. Должно быть, это Джарвис и Донелли, назначенные в

первый полет в юго-западный сектор между базой и горным хребтом.

Еще один самолет поднялся в воздух, выбрасывая за собой огненный хвост, набрал скорость и скрылся вдали. Фриман и Джонс.

Деккер вернулся к столу, опустился в кресло и, взяв карандаш, принялся рассеянно постукивать по почти пустой карте. За спиной взмыл в небо еще один самолет.

Он снова окинул базу взглядом, и теперь она уже не казалась ему выжженным полем. Что-то теперь чувствовалось здесь земное. Эффективность, здравый смысл, спокойно работающие люди.

Кто-то с кем-то спорил, кто-то готовил приборы, обсуждая с роботами возникшие по ходу дела вопросы. Другие просто осматривались, привыкали.

Деккер удовлетворенно улыбнулся. Способная у него команда. Большинству из них придется подождать возвращения первой разведки, но даже сейчас они не выглядели праздно.

Позже будут взяты пробы почвы. Роботы поймают и доставят животных, которых потом сфотографируют и подвергнут изучению по полной программе. Деревья, травы, цветы — все будет описано и классифицировано. Вода в реке, ее обитатели…

И все это только здесь, в районе базы, пока не поступят новые данные разведки, указывающие, на что еще следует обратить внимание.

Когда придут эти данные, начнется настоящая, большая работа. Геологи и минералоги займутся полезными ископаемыми. Появятся метеорологические станции. Ботаники и биологи возьмутся за сбор сравнительных образцов. Каждый будет выполнять работу, к которой его готовили. Отовсюду пойдут доклады, и со временем из них сложится стройная, точная картина жизни планеты.

Работа. Много работы днем и ночью. И все это время база будет их маленьким кусочком Земли, неприступным для любых сил чужого мира.

Деккер сидел развалясь в кресле. Легкий ветер шевелил полог павильона, шелестел бумагами на столе и ерошил волосы. “Хорошо, — подумалось Деккеру, — но, наверное, это ненадолго”.

Когда-нибудь он найдет себе уютную планету, райский уголок с неизменно прекрасной погодой, где все, что нужно, растет на деревьях, а местные жители умны и общительны. Он просто откажется улетать, когда корабль приготовится к старту, и проживет свои последние дни вдали от проблем этой проклятой галактики, истощенной голодом, свихнувшейся от дикости и такой одинокой, что трудно передать словами…

Деккер очнулся от своих странных мыслей и увидел перед собой Джексона.

— В чем дело, Джексон? — с неожиданной резкостью спросил он. — Почему ты не…

— Местного привели, сэр! — выдохнул Джексон, — Из тех, кого видели Диксон и Уолдрон.

Абориген оказался человекоподобным, но на людей Земли он походил мало. Как сказал Диксон, спичечный человечек. Живой рисунок четырехлетнего ребенка. Весь черный, совершенно без одежды, но в глазах, смотревших на Деккера, светился огонек разума.

Глядя в эти глаза, Деккер чувствовал себя неуютно и скованно, но вокруг молча стояли в ожидании его люди, и он медленно потянулся к одному из шлемов ментографа. Когда пальцы Деккера коснулись гладкой поверхности, на него снова накатило смутное, но сильное нежелание надевать шлем. Контакт или попытка контакта с чужим разумом всегда вызывали у него это тревожное чувство. Что-то каждый раз боязливо сжималось у него внутри, видимо потому, что такой непосредственный, близкий контакт был чужд человеческой природе.

Деккер медленно взял шлем в руки, надел на голову и жестом предложил “гостю” второй. Пауза затягивалась, глаза аборигена внимательно следили за его действиями. “Он нас не боится, — подумал Деккер. — Настоящая первобытная храбрость. Вот так стоять посреди незнакомого, которое расцвело почти за одну ночь на его земле… Стоять, не дрогнув, в кругу существ, которые, должно быть, кажутся ему пришельцами из кошмара…”

Наконец абориген сделал шаг к столу, взял шлем и неуверенно пристроил прибор на

голову, ни на секунду не отрывая взгляда от человека.

Деккер попытался расслабиться, одновременно внушая себе мысли о мире и спокойствии. Надо быть очень внимательным, чтобы не испугать это существо, и сразу продемонстрировать дружелюбие. Малейший оттенок резкости может испортить все дело.

Уловив первое дуновение мысли спичечного человечка, Деккер почувствовал ноющую боль в груди. Что-то снова сжалось у него внутри, но ему вряд ли бы удалось передать свои ощущения словами — слишком все было чужое, предельно чужое.

— Мы друзья, — заставил он себя думать, борясь с подступающей чернотой отвращения. — Мы друзья. Мы друзья. Мы…

— Вам не следовало сюда прилетать, — послышалась ответная мысль.

— Мы не причиним вам зла, — думал Деккер. — Мы друзья. Мы не причиним вам зла. Мы…

— Вы никогда не улетите отсюда.

— Мы предлагаем дружбу, — продолжал Деккер. — У нас есть для вас подарки. Мы вам поможем…

— Вам не следовало прилетать сюда, — настойчиво звучала мысль аборигена. — Но раз вы уже здесь, теперь вам не улететь.

— Ладно, хорошо, — Деккер решил не спорить с ним. — Мы останемся и будем друзьями. Будем учить вас. Дадим вам вещи, которые привезли с собой, и останемся здесь с вами.

— Вы никогда не улетите отсюда, — звучало в ответ, и было в этой мысли что-то холодное, окончательное. Деккеру стало не по себе. Абориген действительно верил в то, что говорил. Не пугал и не преувеличивал. Он даже не сомневался, что им не удастся улететь с планеты…

— Вы умрете здесь!

— Умрем? — переспросил Деккер. — Как это понимать?

В ответ он почувствовал лишь презрение. Спичечный человечек снял шлем, аккуратно положил, повернулся и вышел. Никто не сдвинулся с места, чтобы остановить его. Деккер бросил свой шлем на стол.

— Джексон, сообщите легионерам из охраны, чтобы его выпустили. Не пытайтесь помешать ему уйти.

Он откинулся в кресле и посмотрел на окружавших его людей.

— Что случилось, сэр? — спросил Уолдрон.

— Он приговорил нас к смерти, — ответил Деккер. — Сказал, что мы не улетим с этой планеты, что мы здесь умрем.

— Сильно сказано.

— И без тени сомнения, — произнес Деккер, потом небрежно махнул рукой. — Видимо, он просто не понимает, что им не под силу остановить нас, если мы захотим улететь. Он убежден, что мы здесь умрем.

В самом деле, забавная ситуация. Выходит из лесу голый гуманоид и угрожает всей земной разведывательной группе. Причем так в себе уверен… Но на лицах, обращенных к Деккеру, не было ни одной улыбки.

— Они ничего не могут нам сделать, — сказал Деккер.

— Тем не менее, — предложил Уолдрон, — следует принять меры.

— Мы объявим готовность номер один и усилим посты, — кивнул Деккер. — До тех пор пока не удостоверимся…

Он запнулся и умолк. В чем, собственно, они должны удостовериться? В том, что голые аборигены без всяких признаков материальной культуры не смогут уничтожить группу землян, защищенных стальным периметром, машинами, роботами и солдатами, знающими все, что положено знать для немедленного и безжалостного устранения любого противника?

Чертовщина какая-то!

И все же в этих глазах светился разум. Разум и смелость. Он выстоял, не дрогнув, в

кругу совершенно чужих для него существ. Сказал, что должен был сказать, и ушел с достоинством, которому землянин мог бы позавидовать. Очевидно, он догадался, что перед ним существа с другой планеты, поскольку сам сказал, что им не следовало прилетать…

— О чем ты думаешь? — спросил Деккер Уолдрона.

— Раз мы предупреждены, надо вести себя со всеми возможными предосторожностями. Но пугаться нечего. Мы в состоянии справиться с любой опасностью.

— Это блеф, — вступил в разговор Диксон. — Нас хотят испугать, чтобы мы улетели.

— Не думаю, — покачал головой Деккер. — Он был так же уверен в себе, как и мы.

Работа продолжалась. Никто не атаковал. Самолеты вылетали по графику, и постепенно экспедиционные карты заполнялись многочисленными подробностями. Полевые партии делали осторожные вылазки. Роботы и легионеры сопровождали их по флангам, тяжелые машины прокладывали путь, выжигая дорогу в самых недоступных местах. Автоматические метеостанции, разбросанные по окрестностям, регулярно посылали доклады о состоянии погоды для обработки на базе.

Несколько полевых партий вылетели в дальние районы для более детального изучения местности.

По-прежнему не происходило ничего особенного.

Шли дни. Недели. Роботы и машины несли дежурство. Легионеры всегда были наготове. Люди торопились сделать работу и улететь обратно.

Сначала нашли угольный пласт, затем месторождение железной руды. В горах обнаружились радиоактивные материалы. Ботаники выявили двадцать семь видов съедобных фруктов. База кишела животными, пойманными для изучения и со временем ставшими чьими-то любимцами.

Нашли деревню спичечных людей. Маленькая, грязная деревенька с примитивными хижинами. Жители казались мирными.

Экспедицию к местным жителям возглавил Деккер.

С оружием наготове, медленно, без громких разговоров люди вошли в деревню. Местные сидели около своих домов и молча наблюдали за людьми, пока те не дошли до самого центра поселения. Там роботы установили стол и поместили на него ментограф. Деккер сел за стол и надел шлем ментографа на голову. Остальные стали в стороне. Деккер ждал.

Прошел час. Аборигены сидели не шевелясь.

Наконец Деккер снял шлем и устало произнес:

— Ничего не выйдет. Займитесь фотографированием. Только не тревожьте местных и ничего не трогайте.

Он достал носовой платок и вытер вспотевшее лицо. Подошел Уолдрон.

— И что вы обо всем этом думаете?

Деккер покачал головой.

— Меня постоянно преследует одна мысль. Мне кажется, что они уже сказали нам все, что хотели сказать. И больше разговаривать не желают. Странная мысль… Наверное, ерунда.

— Не знаю, — ответил Уолдрон. — Здесь вообще многое не так. Я заметил, что у них совсем нет металла. Кухонная утварь каменная, инструменты — тоже. И все-таки это развитая культура.

— Они, безусловно, развиты, — сказал Деккер. — Посмотри, как они за нами наблюдают. Совершенно без страха. Просто ждут. Спокойны и уверены в себе. И тот, который приходил на базу, — он знал, что нужно делать со шлемом…

— Уже поздно. Нам лучше вернуться на базу, — помолчав немного, произнес Уолдрон и взглянул на запястье. — Мои часы остановились. Сколько на ваших?

Деккер поднес руку к глазам, и Уолдрон услышал судорожный удивленный вдох. Деккер медленно поднял голову и посмотрел на Уолдрона.

— Мои… тоже, — голос его был едва слышен.

Какое-то мгновение они сидели неподвижно, напуганные явлением, которое в других

обстоятельствах могло бы вызвать лишь неудобство и раздражение. Затем Уолдрон вскочил и повернулся лицом к людям.

— Общий сбор! — закричал он. — Возвращаемся! Немедленно!

Земляне сбежались тут же. Роботы выстроились по краям, и колонна быстрым маршем покинула деревню. Аборигены проводили их взглядами, но никто не тронулся со своего места.

Деккер сидел в своем походном кресле, прислушиваясь к шелесту брезента на ветру. Лампа, висевшая над головой, раскачивалась, тени бегали по павильону, и временами казалось, что это живые существа. Рядом с павильоном неподвижно стоял робот.

Деккер протянул руку и потрогал пальцем маленькую кучку колесиков и пружинок, лежавших на столе.

Все это странно. Странно и зловеще.

На столе лежали детали часов. Не только его и Уолдрона, но и всех остальных участников экспедиции. Ни одни из них не работали.

Наступила ночь, но на базе продолжалась лихорадочная деятельность. Постоянно двигались люди, то исчезая во мраке, то снова появляясь на освещенных участках под ярким светом прожекторов. В суетливых действиях людей чувствовалась какая-то обреченность, хотя все они понимали, что им решительно нечего бояться. Во всяком случае, пока не появится нечто конкретное, на что можно указать пальцем и крикнуть: “Вот — опасность!”

Известен лишь простой факт. Все часы остановились. Простой факт, для которого должно быть простое объяснение.

Но только на чужой планете ни одно явление нельзя считать простым и ожидать простого объяснения. Поскольку здесь причины, следствия и вероятность событий могут быть совершенно иными, нежели на Земле.

Есть всего одно правило — избегать риска. Единственное правило, которому надо повиноваться в любой ситуации. И повинуясь ему, Деккер приказал вернуть все полевые партии и приготовить корабль к взлету. Роботам — быть готовым к немедленной погрузке оборудования. После этого оставалось только ждать. Ждать, когда вернутся из дальних лагерей полевые партии. Ждать, пока не появится объяснение странному поведению часов.

Панике, конечно, поддаваться не из-за чего, но явление нужно признать, оценить, объяснить. Нельзя же, в самом деле, вернуться на Землю и сказать: “Вы понимаете, наши часы остановились, и поэтому…”

Рядом послышались шаги, и Деккер резко обернулся.

— В чем дело, Джексон?

— Дальние лагеря не отвечают, сэр, — произнес Джексон. — Мы пытались связаться с ними по радио, но не получили ответа.

— Они ответят, обязательно ответят через какое-то время, — сказал Деккер, хотя совсем не чувствовал в себе уверенности, которую пытался передать подчиненному. На мгновение он ощутил подкативший к горлу комок страха, но быстро с собой справился.

— Сядь. Я прикажу принести пива, а затем мы вместе сходим в радиоцентр и посмотрим, что там происходит, — сказал он и, повернувшись к стоявшему неподалеку роботу, потребовал:

— Пиво сюда. Два пива.

Робот не отвечал.

Деккер повысил голос, но робот не тронулся с места.

Пытаясь встать, Деккер оперся сжатыми кулаками о стол, но вдруг почувствовал слабость в ногах и упал обратно в кресло.

— Джексон, — выдохнул он. — Пойди постучи его по плечу и скажи, что мы хотим пива.

С побледневшим лицом Джексон подошел к роботу и легонько постучал того по плечу. Потом ударил сильнее, и робот, не сгибаясь, рухнул на землю.

Снова послышались торопливые приближающиеся шаги. Деккер, вжавшись в кресло,

ждал. Оказалось, это Макдональд, главный инженер.

— Корабль, сэр… Наш корабль…

Деккер, глядя в сторону, кивнул.

— Я уже знаю, Макдональд. Корабль не взлетит.

— Крупные механизмы в порядке, сэр. Но вся точная аппаратура… инжекторы… — он внезапно замолчал и пристально посмотрел на Деккера. — Вы знали, сэр? Как? Откуда?

— Я знал, что когда-нибудь это случится. Может быть, не так, как сейчас, но этого следовало ожидать. Рано или поздно мы должны были споткнуться. Я говорил гордые и громкие слова, но все время знал, что настанет день, когда мы чего-то не предусмотрим, какой-то мелочи, и она нас прикончит…

Аборигены… У них совсем не было металла. Каменные инструменты, утварь… Металла здесь хватало, огромные залежи руды в горах на западе. И возможно, много веков назад они пытались делать металлические орудия труда или оружие, но спустя считанные недели все это рассыпалось в прах.

Цивилизация без металла. Культура без металла. Немыслимо. Отбери у человека металл, и он не сможет оторваться от Земли, он вернется в пещеры. У него ничего не останется, кроме его собственных рук…

В павильон тихо вошел Уолдрон.

— Радио не работает. И роботы мрут как мухи. Они валяются бесполезными кучами металла уже по всей базе.

— Сначала портятся точные приборы, — кивнул Деккер. — Часы, радиоаппаратура, роботы. Потом сломаются генераторы, и мы останемся без света и электроэнергии Потом наши машины, оружие легионеров. Потом все остальное.

— Нас предупреждали, — сказал Уолдрон.

— А мы не поняли. Мы думали, что нам угрожают. Нам казалось, мы слишком сильны, чтобы бояться угроз… А нас просто предупреждали

Все замолчали

— Из-за чего это произошло? — спросил наконец Деккер.

— Точно никто не знает, — тихо ответил Уолдрон. — По крайней мере, пока. Позже мы, очевидно, узнаем, но нам это уже не поможет… Какой-то микроорганизм пожирает железо, которое подвергали термообработке или сплавляли с другими металлами. Окисленное железо в руде он не берет Иначе залежи, которые мы обнаружили, исчезли бы давным-давно.

— Если это так, — откликнулся Деккер, — то мы привезли сюда первый чистый металл за долгие-долгие годы. Как этот микроб выжил?

— Не знаю. А может, я ошибаюсь, и это вовсе не микроб. Что-нибудь другое. Воздух, например.

— Мы проверяли атмосферу… — Деккер тут же понял, как глупо это прозвучало. Да, атмосферу анализировали, но как они могли обнаружить что-то та кое, чего никогда раньше не встречали? Опыт человеческий ограничен. Человек бережет себя от опасностей известных или представимых, но нельзя предсказать непредсказуемое.

Деккер поднялся и увидел, что Джексон все еще стоит около неподвижного робота.

— Вот и ответ на твой вопрос, — сказал он. — Помнишь первый день на этой планете? Наш разговор?

— Я помню, сэр, — кивнул Джексон.

Деккер вдруг осознал, как тихо стало на базе.

Лишь налетевший ветер тормошил брезентовые стены павильона.

И только сейчас Деккер впервые почувствовал запах ветра этого чужого мира.

Пер ЛАГЕРКВИСТ
ЛИФТ В ПРЕИСПОДНЮЮ

Директор Йонсон открыл дверь элегантного гостиничного лифта и влюбленно пропустил вперед очаровательное создание, от которого исходил аромат дорогого меха и духов. Они прижались друг к другу на сиденье, и лифт устремился вниз. Дамочка подставила директору полураскрытый ротик, влажный от вина, и губы их слились в поцелуе. Они ужинали на террасе, под открытым небом, и сейчас отправлялись любить друг друга.

— Милый, как божественно было наверху, — шептала дама. — Так поэтично! Мне казалось, что я среди звезд. Только с тобой я поняла, что такое настоящая любовь. Скажи: ты очень меня любишь?

Йонсон ответил долгим поцелуем. Лифт продолжал спускаться вниз.

— Хорошо, что ты все-таки пришла, моя птичка, — добавил директор. — Я умер бы с тоски.

— Что поделаешь, дорогой? Он был невыносим. Как только я стала собираться, он спросил, куда я иду. “По-моему, я могу ходить куда угодно, — ответила я. — Я что — рабыня?” Тогда он присел на краешек стула и, пока я одевалась, не спускал с меня глаз. Я выбрала новое бежевое платье Тебе оно нравится? Какое из платьев мне больше всего к лицу? Правда, это очень симпатичное?

— Тебе все идет, дорогая, — сказал директор. — Но такой ослепительной, как сегодня, я тебя еще не видел.

— Когда я собралась выходить, он с такой силой схватил меня за руку, что она у меня до сих пор болит. Ты не можешь себе представить, каким он сделался грубияном. “Прощай!” — сказала я. Он не понимает слов. Совершенно нетерпим.

— Бедный мой цыпленочек, — прошептал директор.

— Как будто я не имею права повеселиться! Сплошной кошмар! Мне пришлось столько пережить! Не встреть я тебя, я никогда бы не узнала, что такое настоящая любовь.

— Любимая! — прошептал директор, привлекая ее к себе.

Лифт между тем погружался вниз.

— Милый, — продолжала женщина, высвобождаясь из объятий. — Мне так хорошо было сидеть с тобой и наслаждаться звездами. Никогда не забуду сегодняшний вечер. А с Арвидом это невозможно. Он все принимает всерьез. В нем нет ни капли поэзии — он не может ее почувствовать.

— Это непростительно, дорогая.

— Конечно, непростительно. Но зачем портить себе настроение? — улыбнулась дамочка, подставляя губы для поцелуя. — Мы ведь решили веселиться. Ты очень меня любишь?

— Я?! — воскликнул мужчина и изо всех сил наклонил даму назад, так что ей не хватило воздуха.

А лифт погружался вниз.

Директор, прижавшись к любимой, начал ее ласкать. Щеки женщины вспыхнули румянцем.

— В эту ночь мы будем любить друг друга как никогда. Правда? — прошептал он.

Женщина придвинулась к нему поближе и стыдливо закрыла глаза.

Лифт стремительно скользил вниз.

Он проваливался все глубже и глубже.

Йонсон вскочил с пылающим лицом.

— Что происходит с этим лифтом? — воскликнул директор. — Почему он не останавливается? Столько времени сидим и разговариваем! Ты не находишь?

— Да, милый, да! Время летит так быстро!

— Какое, к черту, быстро? Мы сидим здесь уже целый час! Что это означает?

Директор заглянул за решетку. Вокруг была кромешная тьма.

А лифт продолжал погружаться все глубже, с той же равномерной быстротой.

— Боже, что это означает? Мы проваливаемся в бездонную шахту. Мне кажется, что мы здесь вечность!

Они попробовали заглянуть в бездну. Но увидели лишь непроглядный мрак. А лифт все летел вниз.

— Да он спускает нас прямо в ад! — прорычал сквозь зубы директор.

— Ах, милый! — простонала дамочка, прижимаясь к плечу директора. — Мне страшно. Нажми кнопку “стоп”!

Мужчина принялся нажимать подряд все кнопки. Однако это не помогло. Лифт со свистом летел в бесконечность.

— Какой ужас! — заскулила женщина. — Что же нам теперь делать?

— Черт! — выругался директор. — Мне-то откуда знать? С ума можно сойти…

Дамочка расстроилась еще больше. На глазах ее выступили слезы.

— Не надо, милый! Возьми себя в руки! Мы должны мужественно встретить беду. Раз мы не в состоянии ничего сделать, иди-ка лучше ко мне. Видишь, как хорошо сидеть, прижавшись друг к другу? Подождем! Когда-то же этот чертов лифт должен остановиться.

Влюбленные обреченно ждали.

— Мог ты себе представить, — начала женщина, — что нам придется пережить такое? Ведь мы собирались веселиться!

— М-да! Чертовски странная история! — буркнул Йонсон.

— Ты меня очень любишь?

— Котеночек ты мой! — размяк директор и прижал даму к груди.

Лифт продолжал спускаться вниз.

И неожиданно остановился.

Вокруг разливался яркий свет, заставивший влюбленную парочку прищуриться. Они оказались в аду. Дьявол вежливо открыл дверь.

— Добрый вечер! — с глубоким поклоном встретил он их.

Черт был очень элегантен в черном фраке, висевшем на его верхнем волосатом позвонке, как на гвозде.

Йонсон и дама вышли ошарашенные.

— Где мы? — обезумев от ужаса, спросили они при виде призрачного видения.

Дьявол, слегка смущаясь, объяснил.

— Но тут не так опасно, — поспешил он добавить, — как может показаться на первый взгляд. Надеюсь, вы останетесь довольны. Тем более, что вы проведете здесь только ночь.

— Да, да, — поспешил заверить директор. — Мы проведем здесь только ночь. Заседать мы не собираемся.

Дамочка, которую била дрожь, судорожно вцепилась в руку Йонсона.

Ядовито-зеленый свет слепил глаза — у влюбленных было такое ощущение, будто они задыхаются от зловонного дыма. Пообвыкнув, они обнаружили, что находятся на какой-то площади. Вокруг возвышались мрачные дома, из открытых дверей которых струился огненно-красный свет. Сквозь задернутые занавески на окнах тоже пробивались багровые лучи.

— Вы ведь влюбленная пара, правда? — осведомился дьявол.

— Да, мы бесконечно влюблены друг в друга, — кивнула женщина, взглянув на дьявола из-под красивых ресниц.

— Тогда сюда, — распорядился он, любезно попросив их следовать за ним.

Дьявол свернул в темную улочку и остановился перед заплеванным подъездом, освещаемым закопченным фонарем.

— Пожалуйте! — толкнул он дверь и деликатно отступил в сторону.

Влюбленные перешагнули порог. Навстречу, угодливо улыбаясь, вышла тучная дьяволица с тяжело колыхающейся грудью и фиолетовыми струпьями пудры, присохшими к усикам над верхней губой. Слащаво ухмыльнувшись, дьяволица стрельнула в них крохотными заплывшими глазками, похожими на горошины черного перца. С морщинистого лба ее, из-под рогов, спускались кокетливые букли, украшенные синими шелковыми ленточками.

— А, господин Йонсон с милостивой госпожой, — проскрипела она. — Для вас я приготовила восьмой номер.

Дьяволица протянула им ключ. Они направились к полутемной лестнице, натертой воском, и по скользким ступеням поднялись на второй этаж. Отыскав восьмой номер, они вошли. Это была довольно просторная, но жалко меблированная комната. Посередине стоял стол, покрытый грязной скатертью, у стены — застланная простыней кровать. Здесь было сравнительно уютно. Влюбленные, сняв верхнюю одежду, слились в страстном поцелуе.

Они не заметили, как в другую дверь вошел одетый, как слуга, мужчина. Только смокинг на нем был новый, да манишка такая белая, что смутно светилась в темноте. Ступал он бесшумно, все движения у него были механическими, бессознательными. Черты мертвенно-бледного лица выдавали строгость, ввалившиеся глаза были устремлены в пространство. На виске чернело отверстие от пули. Мужчина начал прибирать комнату, стер с ночного шкафчика пыль, поставил в него ночной горшок и принес таз и кувшин с водой.

Влюбленные не обращали на него внимания, но, когда он собрался уходить, Йонсон распорядился:

— Принесите вина. Полбутылки мадеры.

Слуга поклонился, как положено, и вышел.

Директор, сбросив пиджак, остался в одной рубашке. Дамочка колебалась.

— Он может вернуться, — объяснила она.

— Ну, уж здесь-то некого стесняться. Разденься, мое сокровище.

Дама сняла платье и, кокетливо поправив комбинацию, села на колени к директору. Она была очаровательна.

— Какое счастье, — прошептала женщина, — быть в твоих объятиях! Быть с тобой в таком необычайном, поэтичном месте! Как это романтично! Я запомню это на всю жизнь…

— Красавица ты моя! — растрогался мужчина.

Последовал новый продолжительный поцелуй.

Вошел слуга. Он машинально поставил на стол рюмки, налил вино. В это мгновение свет от лампы упал на его лицо. В нем не было ничего особенного, ничего, что привлекло бы внимание, за исключением мертвенной бледности да зияющей черной раны в виске

Внезапно женщина вскочила на ноги.

— Боже! — закричала она. — Он мертв! Застрелился! Какой ужас!

Но слуга и бровью не повел. Глаза его все так же неподвижно смотрели в пространство. На лице не было написано страдание — оно выражало строгость.

— Что ты с собой сделал, Арвид?! Как ты мог?! Милый, если бы я знала, я бы осталась дома. Ты никогда мне ничего не говоришь. Я не знаю, что у тебя на сердце. Как я могла догадаться, если ты словечка не вымолвил. О господи!

Женщина затряслась в рыданиях. Мужчина отчужденно посмотрел на нее, словно видел ее впервые. Взгляд у него был стеклянный, леденящий, казалось, проникал насквозь. Восковое лицо блестело. Кровь из раны не сочилась — только зияла черная дыра.

— Какой ужас! — всхлипнула дамочка. — Я не желаю здесь оставаться! Уйдем поскорее! Я не выдержу!

Схватив платье, шляпу и меховое манто, она выбежала из комнаты. Йонсон кинулся вслед за ней. Они чуть не скатились по скользкой лестнице. Края их одежды выпачкались при этом об окурки, пепел и плевки. В дверях стояла старая дьяволица. Она улыбнулась им из-под усов и слегка кивнула рогами.

На улице влюбленные пришли в себя. Дама натянула платье, попудрилась, привела в порядок прическу. Директор покровительственно обнял ее и поцелуями утер слезинки. Он был так внимателен к ней. Влюбленные отыскали площадь.

К ним бросился старший дьявол.

— Вы уже уходите? — удивился он. — Надеюсь, вы не скучно провели время?

— Чудовищно! — простонала женщина.

— Умоляю вас, не говорите так! Этого не может быть! Если бы милостивая госпожа

знала, что здесь было раньше, она бы не жаловалась. Но сейчас просто грех быть недовольными. Мы делаем все возможное, чтобы гости чувствовали себя у нас уютно.

— М-да! — хмыкнул Йонсон. — Отношения стали все-таки человечней. В этом вы, пожалуй, правы.

— Еще бы! — воскликнул дьявол. — И мы модернизировались. Теперь у нас все по-другому.

— Правильно делаете. Надо идти в ногу со временем.

— Сейчас мы подвергаем лишь душевным пыткам.

— И этого достаточно! — вздохнула госпожа.

Дьявол проводил влюбленных к лифту.

— Спокойной ночи! — поклонился он. — Заходите. Будем очень рады.

Он захлопнул дверцу, и лифт стремительно полетел вверх.

— Все кончилось, слава богу! — облегченно вздохнули влюбленные и тесней прижались друг к другу.

— Без тебя я бы не выдержала! — чирикнула дамочка.

Мужчина влюбленно притянул ее к себе, и они опять поцеловались.

— Нет, надо же! — воскликнула она, высвобождаясь из его объятий. — Как он мог пойти на такую вещь! Вечно ему приходят в голову глупости! Нет, чтобы проще смотреть на жизнь. Как будто у него не было другой цели…

— И правда, глупо, — согласился Йонсон.

— Мог, по крайней мере, мне сказать! Я бы, конечно, осталась дома. Мы бы встретились в другой раз.

— Конечно, — подтвердил директор. — Мы могли бы встретиться в другой раз.

— Но зачем мы расстраиваем себя? Ведь все кончилось благополучно…

— Да, мое сокровище, все кончилось.

Йонсон заключил женщину в объятия.

Лифт стремительно поднимался вверх.

Джеймс БОЛЛАРД
УТОНУВШИЙ ВЕЛИКАН

Утром, после шторма, в пяти милях к северо-западу от города к берегу моря прибило тело утонувшего великана. Первая весть о его появлении была принесена жившим там фермером, впоследствии это подтвердили репортеры местной газеты и полиция. Впрочем, большинство, к которому отношусь и я, отнеслось к сообщению скептически. Однако все больше и больше очевидцев, возвращавшихся с моря, подтверждали громадные размеры утопленника, и это оказалось, в конце концов, слишком для нашего любопытства. Библиотека, где мы заканчивали с коллегами свое исследование, почти обезлюдела, когда после обеда мы отправились на побережье, и до самого вечера люди продолжали оставлять конторы и магазины, так как рассказы о великане распространились по всему городу

Ко времени, когда мы достигли прибрежных дюн, здесь собралась внушительная толпа. Отсюда мы смогли увидеть тело, лежащее на мелководье ярдов за двести от берега. Сначала оценки размеров утопленника показались мне значительно преувеличенными. Стоял отлив, и почти все тело великана было открыто, но он казался немногим больше, чем, скажем, гигантская акула. Лежал он на спине, с руками вдоль боков, в положении отдыхающего, как бы заснув в зеркальной глади влажного песка, где отражение его выбеленной, поблекшей кожи расплывалось, когда вода отступала. В ясном солнечном свете тело утопленника блестело, как белое оперение морской птицы.

Озадаченные этим зрелищем и неудовлетворенные прозаическими толкованиями толпы, вдвоем с другом мы спустились с дюн на берег, покрытый галькой. Никому, видимо, не хотелось приближаться к великану, однако все же через полчаса два рыбака в болотных сапогах вышли на обнаженный отливом песок. Когда они приблизились к лежащему телу,

среди наблюдателей разразился внезапный гвалт. Фигуры двух этих мужчин выглядели совершенными карликами по сравнению с великаном. Хотя пятки утопленника были частично погружены в песок, пальцы ног возвышались по меньшей мере на два роста рыбаков, и мы немедленно осознали, что этот утонувший левиафан никак не меньше по своим размерам и массе, чем самые крупные кашалоты

Три рыбацких суденышка, появившиеся на месте действия, остановились за четверть мили от берега с поднятыми килями. Экипажи, сгрудившись в носовой части судов, наблюдали за зрелищем издали. Их осторожность приостановила наблюдателей на берегу, хотя каждый уже сошел в нетерпении с дюн, желая взглянуть на великана вблизи, и ждал теперь на галечном склоне. Вокруг фигуры утопленника песок был размыт, образовав выемку, как если бы великан свалился с неба. Два рыбака стояли между громадными постаментами его ступней и махали нам, словно туристы среди колонн какого-нибудь окруженного водой храма на Ниле. На секунду я испугался, что великан просто уснул и может внезапно пошевелиться, сдвинуть пятки вместе, но его остекленевшие глаза пристально смотрели в небо — нет, он не подозревал о своих крохотных подобиях, копошащихся у него в ногах.

Рыбаки тем временем начали обходить корпус великана, бредя мимо его длинных белых ног. Остановившись для осмотра пальцев на руке, лежавшей ладонью вверх, они скрылись из виду между рукой и грудной клеткой, затем вышли, чтобы осмотреть голову, и прикрывали глаза, когда глядели на его греческий профиль. Ровный лоб, прямой нос с высокой переносицей и изогнутые губы великана напомнили мне римские копии Праксителя: изящно вырезанный орнамент ноздрей подчеркивал сходство со скульптурой.

Неожиданно в толпе раздался крик и взметнулись, указывая, сотни рук. Вздрогнув, я увидел, что один из рыбаков взобрался на грудь великана и сейчас прохаживался там, подавая сигналы на берег Крики удивления и торжества тотчас же были заглушены стремительной лавиной гальки — каждый ринулся вперед.

Когда мы достигли фигуры, лежащей в луже воды размером со стадион, возбужденная болтовня толпы ослабла, подавленная гигантскими размерами умершего колосса. Он растянулся на песке под небольшим углом, ноги лежали ближе к берегу, и этот ракурс скрывал его действительную длину. Несмотря на пример двух рыбаков, уже стоявших на его животе, толпа образовала широкий круг, из которого только некоторые подходили к рукам и ногам.

Мы обошли с товарищем вокруг обращенного к морю бока великана. Его бедра и грудная клетка возвышались над нами, подобно корпусу корабля, севшего на мель. Жемчужно-серого цвета кожа, раздутая от соленой воды, скрывала контуры чудовищных мускулов и сухожилий. Мы прошли ниже левого колена великана, которое было слегка согнуто. Нити влажных морских водорослей прилипли к его бокам. Через живот свободно свисал, сохраняя тонкую правильность узора, платок из тяжелого материала, обесцвеченного водой до бледной желтизны. Сильный запах морской воды шел от одежды, выделявшей испарения под солнцем, и смешивался со сладким запахом кожи великана.

Мы остановились возле его плеча и поглазели на недвижимый профиль. Губы слегка были раскрыты, открытый глаз — мутен и непрозрачен, будто в него впрыснули голубовато-молочную жидкость. Однако изящные дуги ноздрей и бровей делали лицо изысканно привлекательным, и это противоречило жестокой мощи грудной клетки и плеч.

Ухо висело в воздушном пространстве над нашими головами, подобно скульптурному порталу. Когда я поднял руку, чтобы дотянуться до мочки уха, кто-то с криком высунулся над краем лба и этим остановил меня. Испуганный его появлением, я отступил и увидел, что несколько молодых людей забрались на лицо утопленника и толкают друг друга в провалы глазниц.

Люди карабкались теперь на великана, чьи откинутые руки служили двумя лестницами. Из ладоней люди шли по рукам к локтям и затем ползли через вздувшиеся бугры бицепсов на ровную площадь грудных мышц. Отсюда, с верхней половины гладкой безволосой груди,

они карабкались на лицо, быстро и легко поднимаясь по губам к носу, или мчались на живот, чтобы встретить там других, кто перед этим оседлал щиколотки или прогуливался по колоннам бедер.

Мы с приятелем продолжали свой обход, пробиваясь сквозь толпу, и остановились осмотреть вытянутую правую руку. Небольшая лужа застыла в ладони, словно напоминание о другом мире, и сейчас же вода была разбрызгана теми, кто полез и по этой руке. Я попытался разобрать линии на ладони великана, прочертившие кожу, ища в них отпечаток характера, но ткани уже вздулись, стирая рисунок, нивелируя все черты личности великана и предопределенность его последнего, трагического приключения. Громадные мышцы и запястья рук, казалось, отрицали какую-либо чувствительность в характере их владельца, однако изящный изгиб пальцев и хорошо ухоженные ногти, симметрично обрезанные, длиною около шести дюймов, свидетельствовали об утонченности чувств, и это подтверждалось греческими чертами лица, на котором сейчас горожане сидели, как мухи.

Один юноша даже стоял, размахивая руками, на самом кончике носа, что-то крича своим приятелям, но лицо великана по-прежнему сохраняло свое тяжелое спокойствие.

Вернувшись на берег, мы уселись на гальку, наблюдая за продолжающимся потоком людей, прибывающих из города. Шесть или семь рыбацких лодок собрались неподалеку от берега, а их команды шли вброд по мелкой воде, чтобы взглянуть поближе на этот невиданный улов океана. Позднее появилась группа полицейских. Они сделали нерешительную попытку блокировать берег, но, подойдя к лежащей фигуре, были настолько сбиты с толку, что после этого ушли все вместе, бросая назад ошеломленные взгляды.

Час спустя на берегу находилось до тысячи человек, и по меньшей мере двести из них стояли или сидели на великане, топтались по его рукам и ногам или толкались в непрекращающейся свалке на груди и животе. Большая компания молодежи захватила голову. Опрокидывая друг друга, юноши соскальзывали по ровной поверхности подбородка. Двое или трое оседлали нос, а еще один вполз в ноздрю, из которой лаял, словно взбесившаяся собака.

Вскоре полиция возвратилась и расчистила в толпе дорогу для группы научных экспертов из университета — специалистов по общей анатомии и морской биологии. Компания молодежи и вообще большинство людей слезли с великана, остались только несколько дерзких личностей, взобравшихся на лоб и на кончики пальцев ног. Эксперты ходили вокруг великана, кивая головами, энергично совещались, а сопровождающие их полицейские оттесняли напиравших зрителей. Когда же они достигли вытянутой руки, старший офицер предложил помочь экспертам взобраться на ладонь, однако те поспешно отказались.

Когда эта группа возвратилась на берег, толпа снова взобралась на великана и полностью овладела им. Мы ушли в пять часов. Люди покрывали руки и ноги утопленника, словно густая стая чаек, сидящая на теле большой рыбы.

В следующий раз я посетил побережье тремя днями позже. Мои библиотечные коллеги поручили мне наблюдать за великаном и подготовить отчет. Они заметили мой особый интерес к этому случаю — и это было правдой, я хотел возвратиться на побережье. В сущности, великан был все еще живым для меня, и даже более живым, чем многие из тех людей, которые теперь разглядывали его. Что же так очаровывало меня? В какой-то степени — его огромные размеры, громадный объем пространства, занятый его руками и ногами, которые, казалось, должны были подчеркнуть тождественность им моих собственных миниатюрных конечностей. Но сверх того — явный, безусловный факт его существования. Что бы ни было в нашей жизни открыто для сомнения, великан, мертвый или живой, — существовал. Он существовал, словно проблеск из мира сходных абсолютов, относительно которых мы — всего лишь несовершенные и хилые копии.

Когда я приехал на побережье, толпа была значительно меньше. Около двух или трех сотен людей расположились на гальке, как на пикнике, наблюдая за группами визитеров, ходивших по песку. Череда приливов и отливов вынесла великана ближе к берегу, так

развернув голову и плечи, что он казался теперь вдвое ближе. Величину его огромного тела подчеркивали незначительные размеры рыбацких лодок, вытащенных на берег около утопленника. Неровная горизонталь отмели выгнула позвоночник великана легкой аркой, увеличив грудь. Запрокинутая голова придала ему более выразительную, даже героическую позу. Совместное действие морской воды и разложения тканей сгладило черты лица, отчего оно утратило молодой, почти юный вид. Хотя громадные размеры лица вряд ли делали возможной попытку оценить возраст и характер великана, в предыдущий приезд мне показалось, по его классически оформленным губам и носу, что он был молодым человеком сдержанного и скромного характера. Сейчас, однако, великан выглядел человеком по меньшей мере среднего возраста. Одутловатые щеки, утолстившийся нос и виски, сузившиеся глаза придавали ему раскормленный вид, свойственный зрелому возрасту.

Ускоренное посмертное раскрытие характера великана, как бы частичное проявление его скрытой от нас личности продолжало пленять меня. Эти изменения были началом капитуляции великана той всепоглощающей системе — времени, которой подчиняется и все остальное человечество и в которой, подобно миллиону извивающихся струек расчлененного водоворота, наши скудные жизни являются начинкой. Я занял свою позицию на гальке прямо напротив головы великана, откуда мог видеть новых прибывающих и детей, карабкающихся на ноги и руки.

Среди утренних посетителей было несколько человек в кожаных куртках и парусиновых кепках, которые вглядывались в великана придирчиво и профессионально, измеряя шагами его размеры. Поднимая палки, прибитые к берегу, они делали на песке приблизительные расчеты. Я решил, что они из департамента общественных работ или каких-то других муниципальных отделов, несомненно желающих знать, как избавиться от этого монстра.

На месте действия появились также еще несколько личностей, одетых, пожалуй, более изящно, — вылитые собственники. Они медленно прогуливались вокруг великана, держа руки в карманах длинных пальто и не разговаривая друг с другом. Размеры великана явно были велики даже для их несравненного предприятия. После того, как они ушли, дети продолжали взбегать и сбегать с рук и ног утопленника, а молодежь устроила борьбу на опрокинутом навзничь лице. Мокрый песок, нанесенный ногами, покрывал белую кожу.

На следующий день я намеренно отложил визит на послеобеденное время, и, когда прибыл, сидящих на гальке зевак было не больше чем 50–60 человек. Великан был подтащен морем еще ближе и находился сейчас от берега на расстоянии немногим далее 75 ярдов. Его ступни сокрушали частокол гниющего волнолома. Уклон плотного песка обращал его тело к морю, посиневшее распухшее лицо было отведено почти в сознательном жесте. Я присел на большую металлическую лебедку, прикованную к бетонному кессону над галькой, и поглядел на лежащую фигуру утопленника.

Его выбеленная кожа сейчас уже потеряла жемчужную полупрозрачность и была забрызгана грязным песком. Пучки водорослей, нанесенных ночным приливом, набились между пальцами, целая свалка мусора скопилась под щиколотками и коленями. Несмотря на продолжающееся распухание, великан все еще сохранял гомеровское величие. Огромная ширина плеч, гигантские колонны рук и ног словно переносили эту фигуру в другое измерение, и великан казался одним из утонувших аргонавтов или героев «Одиссеи»; он был более реален, чем его образ в моей памяти.

Я ступил на песок и прошел между лужами к великану. Двое маленьких мальчиков на ухе и одинокий папаша, стоявший на вершине одного из пальцев, посмотрели на меня, когда я приблизился. Но как я и надеялся, оттягивая визит, никто больше не обратил на меня внимания. Люди на берегу ежились под своими пальто.

Опрокинутая ладонь великана была покрыта обломками ракушек и песком, в котором видны были отпечатки ног. Округлая масса бедра возвышалась надо мной, закрывая море. Сладкий острый запах, который я чувствовал и раньше, был здесь сильнее. Сквозь полупрозрачную кожу я видел змеевидные петли свернувшихся кровеносных сосудов. Каким

бы неприятным это ни казалось — эти непрекращающиеся изменения, эта мрачная жизнь в смерти — то, что я был один, одиночество позволило мне поставить ногу на тело.

Воспользовавшись выступающим большим пальцем как ступенькой лестницы, я взобрался на ладонь и начал восхождение. Кожа была тверже, чем я ожидал, и едва поддавалась под моим весом. Я быстро прошел по наклонному предплечью и через вздувшиеся шары бицепсов. Лицо утонувшего великана нависло справа надо мной, своими пещероподобными ноздрями и склонами щек напоминая конус причудливого вулкана.

Осторожно обогнув плечо, я ступил на широкий променад груди, поперек которой, подобно огромным стропилам, выступали гребни реберной клетки. Белая кожа была испещрена бесчисленными синяками — следами ног, делавшими ее темной. Были отчетливо различимы рисунки каблуков. Кто-то построил небольшой песочный замок в центре грудины, и я взобрался на это частично разрушенное сооружение, чтобы получше разглядеть лицо.

Двое детей, влезших на ухо, теперь втаскивали друг друга на правый глаз, слепо глядящий мимо их крохотных тел. Голубой шар глазного яблока весь был заполнен какой-то молочной жидкостью. Лицо, наблюдаемое снизу и под углом, лишено было всякой привлекательности и спокойствия, вытянувшийся искаженный рот и задранный подбородок напоминали разрушенный нос корабля, попавшего в крушение В первый раз я представил себе, как велики были последние физические страдания великана. Я ощутил абсолютное одиночество погибшего, брошенного, как покидают корабль на пустом берегу, оставленного во власти волн, превративших его лицо в маску изнурения и беспомощности.

Как только я шагнул вперед, нога моя погрузилась куда-то в мягкие ткани и сильный порыв зловонного газа ударил из отверстия меж ребер. Отшатнувшись и отступив от гнилого воздуха, который, как облако, повис над головой, я повернулся в сторону моря, чтобы прочистить легкие, и с удивлением увидел, что левая рука великана была ампутирована.

В полном замешательстве я уставился на чернеющий обрубок, в то время как несколько подростков в 30 футах от меня рассматривали меня кровожадными глазами.

Это было только начало разорения. Видимо, я был свидетелем приближающегося конца величественного миража. Два последующих дня я провел в библиотеке, так как были причины, не позволившие мне поехать на побережье. Когда же в следующий раз я пересек дюны и ступил на береговую гальку, великан был немногим далее 20 ярдов. Из-за близости к грубой гальке все черты его утратили магию, присущую прежде этому телу, обмываемому волнами вдали от берега. Теперь, несмотря на его величину, покрывающие тело синяки и грязь приблизили великана к человеческому масштабу. Огромные размеры только увеличивали его уязвимость.

Правая рука и нога утопленника были отделены, оттащены по склону и увезены Расспросив небольшую группу людей, ежившихся на молу, я заключил, что сделали это владельцы фабрики удобрений и кормов для скота. Оставшаяся нога великана возвышалась в воздухе — стальной трос держал ее за большой палец. Все было в явном приготовлении к следующему дню.

Берег вокруг был беспорядочно истоптан рабочими, глубокие борозды отмечали, где тащили руку и ногу. Темная жидкость сочилась из обрубков, окрашивая песок и белые шишки каракатиц. Ступив на гальку, я заметил, что на серой коже было вырезано множество шутливых лозунгов, свастик и других знаков, как будто калеченье этого недвижного колосса высвободило внезапный поток подавленной злобы. Мочка одного уха была проткнута деревянным копьем, в центре груди кто-то развел небольшой костер. Кожа вокруг костра была обуглена, мелкая древесная зола все еще развевалась ветром

Скверный запах окутывал труп — откровенный знак гниения, и это наконец-то отогнало обычные скопления молодежи. Я возвратился на гальку и взобрался на лебедку. Распухшие щеки великана почти закрывали глаза, раздвинули губы в монументальном зевке. Когда-то прямой греческий нос теперь был искривлен и сплющен, лицо, раздувшееся, как шар, истоптано бесчисленными каблуками.

Когда я приехал на следующий день, то обнаружил, почти с облегчением, что голова уже увезена.

Прошло несколько недель, прежде чем мне вновь удалось поехать на побережье. К этому времени сходство великана с человеком исчезло. Если тщательно приглядеться, лежащие на берегу грудная клетка и живот были несомненно подобны человеческим, но так как все конечности были обрублены, вначале по колени и локти, и затем по плечи и бедра, туша напоминала теперь любое обезглавленное морское животное — кита или китовую акулу. С утратой схожести этой фигуры с человеком, с утратой тех индивидуальных черт личности, которые были присущи великану, интерес у зрителя выдохся. Люди покинули побережье, если не считать пожилого дворника и ночного сторожа, сидящих на пороге хибарки, поставленной подрядчиком.

Неряшливые деревянные леса были сооружены вокруг туши, и дюжина лестниц качалась от ветра. Песок вокруг был замусорен, в беспорядке валялись куски веревок, длинные ножи с металлическими ручками и крюки, галька была покрыта жирной масляной кровью, кусками костей и кожи.

Я кивнул сторожу, который строго взглянул на меня поверх жаровни с горящим коксом. Воздух вокруг был пропитан острым запахом ворвани, кипящей в чане за лачугой. Небольшой подъемный кран был накрыт тканью, которая когда-то укрывала чресла великана

Обе берцовые кости были увезены, и открытые углубления зияли, подобно дверям сарая. Предплечья, ключицы также были отправлены. То, что осталось от груди и живота, было размечено по коже дегтярной кистью параллельными полосами. Первые пять или шесть секций уже были срезаны с диафрагмы, открывая огромную емкость грудной клетки.

Когда я уходил, стая чаек скатилась с неба и уселась на берегу, с дикими криками клюя запачканный песок.

Несколько месяцев спустя, когда это событие, в общем, уже было забыто, различные части тела расчлененного великана начали вновь появляться по всему городу. В основном это были кости, которые фабрикантам удобрений оказалось не под силу измельчить. Массивные размеры, громадные сухожилия и диски хрящей, соединенных с суставами, немедленно выдавали происхождение костей. По каким-то причинам эти расчлененные части, казалось, лучше передают величие утонувшего колосса, чем когда-то — распухшие придатки, впоследствии ампутированные.

В магазине китовых торговцев на мясном рынке я увидел и узнал две огромные берцовые кости. Они возвышались над головами грузчиков, словно угрожающие мегалиты какой-нибудь примитивной друидской религии. Внезапно я представил себе великана, встающего на колени на эти голые кости, шагающего по улицам города и собирающего разрозненные части самого себя в своем обратном пути в море.

Несколько дней спустя я увидел левую плечевую кость, лежащую у входа на одну из верфей. На этой же неделе на карнавальном плоту, во время ежегодного маскарада, была выставлена мумифицированная правая рука.

Нижняя челюсть, как полагается, нашла себе место в естественноисторическом музее. Череп исчез. Вероятно, он остается незамеченным на пустынных необработанных участках частных городских садов. Совсем недавно, плывя вниз по реке, я заметил два ребра великана, образующих декоративную арку в саду на береговой полосе. Возможно, их посчитали челюстными костями кита. Большие куски продубленной и татуированной кожи размером с индейское одеяло составили задник в витрине магазина кукол и масок неподалеку от увеселительного парка, и я не сомневаюсь, что где-нибудь в другом месте города, в отеле или гольф-клубе, мумифицированные нос или уши великана повешены на стену над камином. Что до огромного пениса, тот окончил свои дни в музее курьезов разъездного цирка, который гастролирует там и сям по северо-западу. Этот монументальный орган, ошеломляющий своими пропорциями и былой потенцией, занимает целую палатку. Ирония в том, что его ошибочно отождествляют с китовым. Большинство людей, даже те, кто первым видел великана выброшенным на берег после шторма, сейчас вспоминают его, если

вообще вспоминают, как большое морское животное.

Остатки скелета, полностью отскобленные от мяса, все еще покоятся на берегу, и клетка побелевших ребер подобна балкам брошенного корабля.

Лачуга подрядчика, кран и строительные леса уже убраны. Песок похоронил таз и позвоночник. Зимой торчащие ввысь изогнутые кости разбивают волны, но летом они представляют собой прекрасный насест для уставших от моря чаек.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

БОЛЛАРД Джеймс Грэм. *Английский писатель-фантаст. Родился в 1930 г. в Шанхае. В Англию переехал в 1946 г. Посещал курс медицины в Королевском колледже, но не завершил учебу. В литературе дебютировал в 1956 г. рассказами "Бегство" и "Прима Белладонна". Один из лидеров "новой волны" — течения в английской НФ 60-х годов. Автор многих романов, среди которых "Ветер ниоткуда" (1962), "Затонувший мир" (1962), "Горящий мир" (1964), "Кристаллический мир" (1966), "Любовь и напалм: экспорт США" (1970; среди действующих героев этого романа Джон Кеннеди, Мерилин Монро и Рональд Рейган), "Авария" (1971), "Бетонный остров" (1974), "Небоскреб" (1975) и др. Сенсационную известность получил его реалистический роман "Империя Солнца" (1984), экранизированный С.Спилбергом. Книги Болларда производят сильное впечатление, во многих из них развиваются апокалиптические ситуации. Он также автор великолепных, отточенных по стилю новелл, как, например, "Ваятели облаков с коралла Д" (сборник "Красные пески") или "Утонувший великан" (последняя удостоена премии "Небьюла"). На русский язык переведены рассказы "Хрононолис", "Конец", "Из лучших побуждений".*

БРАУН Фредрик. *(1906–1972). Известный американский писатель-фантаст, критик и журналист. Работал также в жанре детектива. Автор более 30 книг, в т. ч. "Марсиане, убирайтесь домой", "Что за безумная Вселенная!", "Ангелы и звездолеты" и др. Последняя книга — "Утраченный парадокс" — увидела свет в 1973 г. уже после смерти автора. В СССР издан сборник Ф.Брауна (совместно с У.Тенном) "Звездная карусель" ("Мир", 1974), а также переведены рассказы "Арена", "Планетат — безумная планета", "Знаменитость", "Волновики", "Машина времени" и др. Ф.Браун по праву считается одним из лидеров американской юмористической и сатирической фантастики. Он лауреат премии им. Эдгара По.*

ГОЛОВАЧЕВ Василий. *Известный русский писатель-фантаст Родился в 1948 г. Первый научно-фантастический рассказ опубликовал в 1969 г. Закончил Рязанский радиотехнический институт, работал инженером-конструктором, начальником конструкторского отдела института "Металлургавтоматика". Первая книга "Непредвиденные встречи" вышла в 1979 г. Затем был опубликован ряд рассказов и повестей во всесоюзных и республиканских сборниках. Он автор романа "Реликт", принесшего ему славу писателя с неистощимой "космической" фантазией, а также повестей и романов "Реквием машине времени", "Особый контроль", "Спящий джинн", "Черный человек" и др. Многие произведения писателя переведены на языки народов СССР и европейские языки. Вторая книга романа "Реликт" издана в ЧСФР.*

КИНГ Маршалл. *Английский писатель-фантаст, автор ряда научно-фантастических произведений. Рассказ "На берегу" был опубликован в антологии "The Best of SF" (Лондон, 1963) Известны несколько его переводов на русский язык.*

КЛАРК Артур Чарлз. *Один из крупнейших писателей-фантастов современной Англии, популяризатор науки. Родился в 1917 г. в Майнхеде, окончил Лондонский*

Королевский колледж (отделение математики и физики). Во время войны служил в ВВС, на радарных станциях. В 1950–1953 гг. — Президент Британского межпланетного общества. Является председателем нескольких ведущих государственных организаций в области астрономии. С 1956 г. живет в Шри Ланке. Литературная деятельность А. Кларка началась с 1947 г., когда он опубликовал первые НФ рассказы. В 1961 г. ему была присуждена международная премия Калинги за популяризацию науки. А.Кларк — лауреат высших премий в жанре НФ, его книги выдержали сотни изданий в десятках стран. На русский язык переведены романы "Лунная пыль", "Пески Марса", "Большая глубина", "Конец детства", "Свидание с Рамой", "Космическая одиссея: 2001" (экранизированный С.Кубриком, сумевшим впечатляюще передать таинственность космоса. Фактически в основу фильма был положен ранний рассказ Кларка "Страж"), "2010: Одиссея-2", множество повестей и рассказов. А.Кларк также автор большого числа научно-художественных книг, считающихся классикой в этом жанре.

КРИСТОФЕР Джон. *(псевдоним Кристофера Йоуда) — английский писатель-фантаст. Родился в 1922 г. Автор НФ книг "Год Кометы", "Смерть травы", "Маятник", "XXII век" и др. Автор многих произведений для детей. В творчестве Дж. Кристофера важное место занимает тема глобальных катастроф, борьбы человеческой цивилизации за выживание. На русский язык переведен рассказ "Пришелец". Космический детектив "Равносильно смерти" привлек внимание нескольких переводчиков.*

ЛАГЕРКВИСТ Пер Фабиан. *Один из крупнейших писателей Швеции, член Шведской академии. Родился в 1891 г. в Векше. Закончил факультет литературы и истории искусств в Упсальском университете. В юности участвовал в социалистическом движении. Дебютировал в 1912 г. стихотворением "Страх" и сборником новелл "Люди". Издал множество драм, повестей, романов, сборников рассказов, эссе, стихов. В 1951 г. получил Нобелевскую премию. Лагерквист один из первых в мире занял отрицательную позицию по отношению к нацизму, который он изобразил со всем его человеконенавистничеством в романах "Палач" (1933) и "Карлик" (1944). Им написан ряд романов на библейские сюжеты: "Бараева" (1950), "Сивилла" (1956), "Смерть Агасфера" (1960) и др.*

ПРОСПЕРИ Пьеро. *Известный итальянский писатель-фантаст. Родился в городе Ареццо в 1945 г. Им написаны более 50 рассказов, опубликованных в журналах "Ольтре иль чьело", "Футуро", "Нуово Футуро". Автор романов "Самокризис" ("Аутокри-зи") и "Похороним короля Джона". За роман "Самокризис" в 1972 г. ему была присуждена премия "Эурокон" — за лучший итальянский научно-фантастический роман года. Рассказ "Последнее желание" был напечатан в сборнике "Интерпланет" (1963).*

САЙМАК Клиффорд Дональд. *(1904–1988). Выдающийся американский писатель-фантаст и журналист. Сын эмигрировавшего в США крестьянина из-под Праги. Родился в штате Висконсин, окончил Висконсинский университет. В НФ дебютировал в 1931 г. рассказом "Мир красного солнца". Подлинная известность пришла к нему после выхода в свет романа "Город" (1944) и его продолжения — романа "Скученное место". Перу К.Саймака принадлежит более 20 романов и свыше 100 рассказов. Наиболее значительны романы "Раз и еще" (1951), "Зачем звать их назад с небес?" (1967), "Выбор богов" (1972), "Наследие звезд" На русский язык переведены романы "Кольцо вокруг Солнца", "Пересадочная станция", "Все живое", "Заповедник гоблинов", "Почти как люди", повести "Прелесть", "Необъятный двор", "Кимон", "Смерть в доме", множество рассказав. К.Саймак — лауреат всех высших премий в жанре НФ. Например, за рассказ "Грот танцующего оленя" в 1981 г. Саймак получил две премии одновременно — "Хьюго" и "Небьюла".*

Содержание

Г. Ануфриев, С. Солодовников. Человек во времени и пространстве

Часть 1. ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ ПРОЩЕ ВРЕМЕНИ

Джон Кристофер. «Равносильно смерти» (п*ер. с англ. В. Сечина)*
Маршалл Кинг. «На берегу» (п*ер. с англ. З. Бобырь)*
Клиффорд Саймак. «Что может быть проще времени» (п*ер. с англ. Гр. Темкина)*
Пьеро Проспери. «Последнее желание» (п*ер. с итал. Л. Вершинина)*
Василий Головачев. «Над миром»

Часть 2. ВЕТЕР ЧУЖОГО МИРА

Артур Кларк. «Конец детства» (п*ер. с англ. Н. Галь)*
Фредрик Браун. «Немного зелени» (п*ер. с англ. З. Бобырь)*
Клиффорд Саймак. «Ветер чужого мира» (п*ер. с англ. А. Корженевского)*
Пер Лагерквист. «Лифт в преисподнюю» (п*ер. со швед. Т. Теховой)*
Джеймс Боллард. «Утонувший великан» (п*ер. с англ. Е. Панаско)*

Коротко об авторах